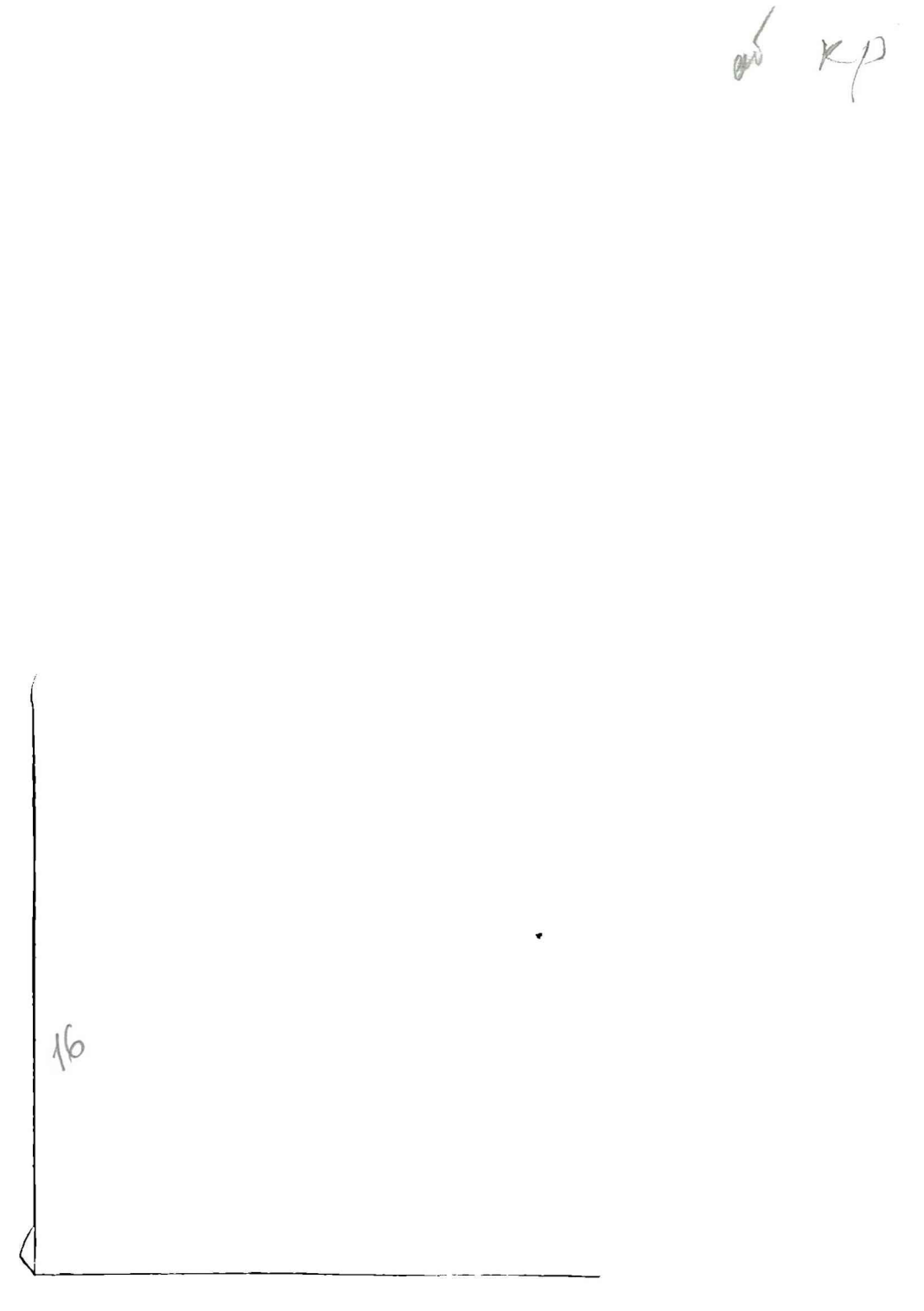
83.3 (2=Рус) 6-8 (Кр)
Е823

ЕСЕНИН В XXI ВЕКЕ

1

Сергей Есенин
и
РУССКАЯ ИСТОРИЯ

СБОРНИК ТРУДОВ
по материалам
Международной научной конференции,
посвящённой 117-летию
со дня рождения С. А. Есенина
и Году российской истории


16

83.3(2=Рус)6-8(КР)
Е823

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А. М. ГОРЬКОГО РАН
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК С. А. ЕСЕНИНА
РЯЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. С. А. ЕСЕНИНА

Серия «ЕСЕНИН В XXI ВЕКЕ»

Сергей Есенин и русская история

СБОРНИК ТРУДОВ
по материалам
Международной научной конференции,
посвящённой 117-летию со дня рождения С. А. Есенина
и Году российской истории

1525657
РЯЗАНСКАЯ ОБЛАСТНАЯ УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА им. ГОРЬКОГО

Москва — Константиново — Рязань
2013

ББК 83.3(2=Рос)7

Конференция прошла при финансовой поддержке
Администрации Рязанской области и Российского гуманитарного научного фонда
(проект 12-04-14152)

Печатается по решению Учёного совета
Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН,
Учёного совета Государственного музея-заповедника С. А. Есенина,
Учёного совета Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина

Редколлегия: **О. Е. Воронова** (отв. редактор),
**К. П. Воронцов, Б. И. Иогансон, Т. К. Савченко, М. В. Скороходов,
С. И. Субботин, Н. И. Шубникова-Гусева** (отв. редактор)

Редакторы: **Т. К. Савченко, М. В. Скороходов, С. И. Субботин**

Составители указателя: **М. В. Скороходов, С. И. Субботин**

Рецензенты: **А. П. Зименков, Е. М. Трубилова**

Сергей Есенин и русская история. Сб. трудов по материалам Международной научной конференции, посвящённой 117-летию со дня рождения С. А. Есенина и Году российской истории. – Москва – Константиново – Рязань. – 2013. – 520 с.

В сборнике научных трудов представлены материалы Международной научной конференции, посвящённой 117-летию со дня рождения С. А. Есенина «Сергей Есенин и русская история» и Году российской истории, которая прошла в 2012 г. в Институте мировой литературы им. А. М. Горького РАН (г. Москва), Государственном музее-заповеднике С. А. Есенина (с. Константиново Рязанской области), Рязанском государственном университете им. С. А. Есенина.

В статьях рассматриваются актуальные вопросы, связанные с исследованием биографии и творческого наследия С. А. Есенина в контексте отечественной истории, а также с подготовкой фундаментальных научных трудов – Летописи жизни и творчества С. А. Есенина и Есенинской энциклопедии. Важными представляются исследования, позволяющие проследить есенинские традиции в творчестве отечественных и зарубежных поэтов – как его современников, так и писателей более позднего времени.

Сборник адресован преподавателям вузов и школ, студентам и аспирантам филологических и исторических факультетов, а также широкому кругу читателей. Он будет полезен и исследователям русской литературы XX века, специалистам, занимающимся анализом творческих связей и традиций в наследии отечественных писателей.

ББК 83.3(2=Рос)7

© ИМЛИ им. А. М. Горького РАН
© Государственный музей-заповедник С. А. Есенина
© Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина
© Авторы статей

ISBN 978-5-9208-0434-1

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 6

I
ИСТОРИЯ И ТВОРЧЕСТВО

Шубникова-Гусева Н. И. (Москва). Сергей Есенин и русская история: проблемы и художественные решения 9

Воронова О. Е. (Рязань). Концепция национальной истории в творчестве С. А. Есенина 30

Никё М. (Кан, Франция). Поэма С. А. Есенина «Марфа Посадница» в контексте «новгородского текста» 48

Сухов В. А. (Пенза). «Это буйствуют россияне!» (изображение пугачёвского бунта в романе М. Ю. Лермонтова «Вадим» и трагедии С. А. Есенина «Пугачёв») 57

Титова У. А. (Константиново). Поэма С. А. Есенина «Пугачёв» в оценке прижизненной критики 67

Михайлов К. (София, Болгария). Рецепция нового мира у Сергея Есенина («Железный Миргород») и Алеко Константинова («До Чикаго и обратно») 81

Шипулина Г. И. (Баку, Азербайджан). Историческая основа стихотворения С. А. Есенина «1 мая» 91

Солобай Н. М. (Москва). Из истории села Константинова (по материалам федеральных архивов) 98

II
ИСТОРИЯ И БИОГРАФИЯ

Скороходов М. В. (Москва). Исторические персонажи в жизни и творчестве С. А. Есенина 113

Субботин С. И. (Москва). Календарные записи С. А. Толстой 1925 г. как источник сведений о жизни и творчестве Есенина 146

Рублёв Д. И. (Москва). Сергей Есенин и анархисты 164

Леонтьев Я. В. (Москва). Сергей Есенин и социалисты-революционеры: размышления о Борисе Донском 179

Зинин С. И. (Ташкент, Узбекистан — Егорьевск). Нарком А. В. Луначарский и поэт С. А. Есенин 196

Савченко Т. К. (Москва). «Чуть не взвыл от горя, от злости»: горьковская концепция гибели поэта 211
Николаев Д. Д. (Москва). «Смерть Есенина отдала его нам» (Русская Прага 1920-х гг. о Сергее Есенине) 222
Серёгина С. А. (Москва). Отклики на смерть Есенина как источник политической пропаганды 231
Казарнова Н. А. (Ростов-на-Дону). С. А. Есенин на Дону: некоторые штрихи к биографии поэта 238

III
ИСТОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ И ПРАВОСЛАВИЕ

Солнцева Н. М. (Москва). Традиции духовных стихов в ранней лирике С. А. Есенина 244
Ничипоров И. Б. (Москва). Сюжет пришествия Бога в мир в поэзии С. А. Есенина 262
Кирьянова Т. Ю. (Константиново). О двух книгах Ветхого Завета, интересовавших С. А. Есенина 273
Юдушкина О. В. (Москва). Символика Священного Писания в революционных «маленьких поэмах» С. А. Есенина 281
Соловьёва М. А. (Егорьевск). Поэма С. А. Есенина «Сельский часослов»: текст и прототекст 293
Михаленко Н. В. (Москва). Творчество С. А. Есенина в контексте философских исканий конца XIX — начала XX века 310
Евдокимова В. Ю. (Константиново). Влияние философско-эстетических взглядов Л. Н. Толстого на раннее творчество С. А. Есенина: к постановке проблемы 320

IV
ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЭКСКУРСЫ

Самоделова Е. А. (Москва). Об одном «тёмном месте» в поэме С. А. Есенина «Чёрный человек» 333
Доманский В. А. (Санкт-Петербург). С. А. Есенин и Т. Г. Шевченко: историко-литературный экскурс 344
Голубева Л. Г. (Москва). С. А. Есенин и Б. А. Глубоковский: история отношений 354
Машенкова И. О. (Воронеж). Сергей Есенин в творчестве Иосифа Левина .. 360
Роговер Е. С. (Санкт-Петербург). Сергей Есенин и Вера Звягинцева 367

Пяткин С. Н. (Арзамас). «Мои воспоминания блёкнут и делаются для меня нелюбопытными...»: Борис Садовской и Сергей Есенин 373

Акимова А. С. (Москва). «Нам про это не петь»: есенинская традиция в поэзии Бориса Корнилова 382

Середа В. П. (Тамбов). Есенины в жизни Александра Чижевского 388

Ерёменко Н. А. (Москва). Американская тема в творчестве новокрестьянских поэтов 397

Исаханлы И. (Баку, Азербайджан). Два народных певца: Сергей Есенин и Джаббар Карягдыоглу 407

Никольский А. А. (Рязань) Семантические диалектизмы в произведениях Есенина 415

V
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Алексеева Л. К. (Москва). Есенинский «текст» в историко-литературном контенте музейных экспозиций XX века 420

Титова В. С. (Константиново). Альбом И. В. Репина в фондовом собрании Государственного музея-заповедника С. А. Есенина 427

Астахова Е. Н. (Кузьминское). К истории строительства Кузьминского гидроузла (1911–1914 гг.) и Кузьминской ГЭС (1944–1948 гг.) 452

Койнова Е. Г. (Тольятти). Есенинские чтения в селе Ширяево Самарской области: история и современность 460

* * *

ПАМЯТИ ЕСЕНИНОВЕДОВ

Светлый человек. Памяти Сергея Ивановича Зинина (5.12.1935 — 4.04.2013). *Елена Койнова* 467

Юрий Александрович Паркаев. *Олег Рябов* 474

Памяти Александра Ильича Старикова (1928–2011). *И. И. Балясова, Е. А. Самоделова* 476

Памяти В. В. Устименко. *Есенинская группа ИМЛИ РАН* 485

Прощальное слово о Владимире Ивановиче Николаеве. *Н. М. Солобай* 487

Сведения об авторах 490

Есенинские сборники: 1994–2012 493

Указатель имён 495

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник «Сергей Есенин и русская история» продолжает выпуск научных изданий, включающих материалы Международных Есенинских научных конференций, которые проводятся в Институте мировой литературы им. А. М. Горького и на родине Есенина с 1990-х гг.

Сборник подготовлен по материалам одноимённой Международной научной конференции, посвящённой 117-летию со дня рождения поэта и Году российской истории. Конференция прошла в сентябре 2012 г. в Институте мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (Москва), Государственном музее-заповеднике С. А. Есенина (Константиново) и Рязанском государственном университете им. С. А. Есенина. В работе конференции приняли участие учёные из многих городов России, ближнего и дальнего зарубежья, представители разных областей знания – литературоведы, историки, лингвисты, искусствоведы. Наряду с исследователями, многие годы занимающимися рассмотрением различных вопросов жизни и творчества С. А. Есенина, в ней участвовали и молодые учёные, аспиранты, студенты.

В статьях, вошедших в сборник научных трудов по итогам прошедшей конференции, ставятся актуальные и малоисследованные вопросы, связанные с биографией и творчеством поэта в свете подготовки фундаментальных научных трудов – Летописи жизни и творчества С. А. Есенина и Есенинской энциклопедии. Благодаря заявленной теме – Сергей Есенин и русская история – появилась возможность наиболее глубоко рассмотреть вопросы, связанные с влиянием событий отечественной истории и исторических деятелей на творчество Есенина, проследить исторические контексты его творчества.

Сборник состоит из пяти разделов.

В первом – «История и творчество» – рассматривается формирование исторического мышления Есенина и концепции национальной истории в его творчестве, ставятся вопросы, связанные с воздействием русской истории и её ключевых персонажей на формирование есенинской поэтической картины мира. Ряд статей посвящён анализу исторического мышления Есенина и выявлению исторических составляющих его центральных произведений – «Пугачёв», «Марфа Посадница», «Железный Миргород» и др. Завершает раздел статья, раскрывающая неизвестные страницы многовековой истории малой родины поэта – села Константинова.

Во второй раздел «История и биография» вошли статьи, основанные на новом документальном материале, впервые введённом в научный оборот. Жизненный путь и творчество Есенина рассматриваются в них как неотъемлемая часть исторического и историко-литературного процесса его эпохи. Значительное внимание уделяется рецепции смерти Есенина в России и русском зарубежье. Взгляды поэта рассматриваются также в контексте идей, сформулированных представителями политических партий, с которыми поэт был знаком.

Статьи третьего раздела «История, философия и православие» посвящены важной теме, которой в последние годы уделяется всё более пристальное внимание отечественных исследователей, — христианским основам мировоззрения и творчества поэта. Поэтическое наследие Есенина рассматривается в сопоставлении с духовными стихами, книгами Ветхого и Нового завета, христианской агиографией. Анализируются также историко-философские аспекты есенинского творчества, влияния на его творчество русских мыслителей.

В четвёртый раздел «Историко-литературные экскурсы» помещены статьи, основанные на рассмотрении есенинского творчества в широком историко-литературном контексте. Эти статьи являются материалом, актуальным для подготовки Есенинской энциклопедии и Летописи жизни и творчества С. А. Есенина.

Заключительный раздел «История и современность» составили статьи, характеризующие историю музейного осмысления жизненного пути и творчества Есенина, вводящие в научный оборот материалы, хранящиеся в музейных фондах и размещённые в музейных экспозициях. Печатается в разделе и статья, посвящённая строительству гидротехнических сооружений в селе Кузьминском — к этому событию юный Есенин проявлял самый живой интерес.

Завершают сборник материалы памяти есениноведов, многое сделавших для изучения и пропаганды наследия русского поэта.

Сборник адресован преподавателям вузов и школ, студентам и аспирантам филологических и исторических факультетов, а также широкому кругу читателей. Он будет полезен и исследователям русской литературы и истории XX века, специалистам, занимающимся анализом творческих связей и традиций в наследии отечественных писателей.

* * *

Сборник «Сергей Есенин и русская история», выходящий в свет в 2013 г., замыкает 20-летие, в течение которого издаются есенинские научные сборники, получившие заслуженное признание и ставшие незаменимыми настольными книгами не только есениноведов, но и многочисленных любителей русской литературы. Первый из пяти сборников-спутников Полного собрания сочинений С. А. Есенина «О, Русь, взмахни крылами...» вышел в серии «Новое о Есенине» в издательстве «Наследие» в 1994 г., пятый «Есенин и Пушкин» — в 2001 г.

После завершения работы над Полным собранием сочинений круг тем Международных Есенинских конференций значительно расширился. На ежегодных конференциях, которые стали проводиться в основных центрах современного есениноведения – Институте мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, Рязанском государственном университете им. С. А. Есенина и Государственном музее-заповеднике С. А. Есенина, – рассматриваются наиболее актуальные проблемы, связанные с созданием фундаментальных научных трудов – Летописи жизни и творчества С. А. Есенина и Есенинской энциклопедии. Среди них: «Наследие Есенина и русская национальная идея: Современный взгляд» (2005), «Есенин и мировая культура» (2008), «Проблемы научной биографии С. А. Есенина» (2010) и др. Издаваемые по итогам ежегодных Есенинских конференций сборники (с 2002 по 2012 гг. вышло 11 книг), посвящённые ключевым вопросам современного есениноведения, практически стали ежегодниками. Всего с 1994 г. издано 16 книг (полный список изданий публикуется в конце книги). В этой связи принято решение открыть сборником «Сергей Есенин и русская история» серийное издание «Есенин в XXI веке», которое планируется продолжить выпуском трудов предстоящих Международных Есенинских конференций.

I. ИСТОРИЯ И ТВОРЧЕСТВО

Н. И. Шубникова-Гусева *(Москва)*

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН И РУССКАЯ ИСТОРИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ РЕШЕНИЯ

«История народа принадлежит поэту»[1], — эта мысль А. С. Пушкина особенно близка С. А. Есенину. Неслучайно самым великим человеком в русской истории Есенин считал Пушкина. В «Анкете <журнала> "Книга о книгах". К Пушкинскому юбилею <Ответы>» Есенин подчеркнул, что даже «ошибки поэта, как, например, характеристика Мазепы» ему «приятны, потому что это есть общее осознание русской истории» [V, 225].

Тема «Сергей Есенин и русская история» становится в наши дни особенно актуальной. Проблемы русской истории привлекают всё большее внимание общественности, учёных и педагогов России. Свидетельством этому является прошедший 2012 г., объявленный Годом российской истории и знаменательно совпавший с 200-летием Бородинской битвы и 775-летием обороны Рязани. Между тем, применительно к жизни и творчеству Есенина исторические аспекты являются недостаточно разработанными и нередко дискуссионными.

При жизни поэта критики зачастую отказывали ему в историзме, утверждая, что он не смотрит на исторические фигуры и события «сквозь очки историка»[2]. «"Пугачёва", того самого, который по ступеням исторических фактов прошёл в пушкинскую "Капитанскую дочку"», в поэме не видели[3]. Эти мнения бытуют и по сей день. Противоположные взгляды подчёркивают не только историзм поэм Есенина, но и его «лирики, которая, оставаясь интимной, возвышается до историчности»[4]. Немало авторов ещё при жизни поэта подчёркивали, что даже имя Есенина стало «одновременно и нарицательным и символическим» не только для русской культуры, но и для русской истории»[5]. Даже облик поэта, а не только его личность — цвет волос, цилиндр — стали «почти что "историей", как прядь Наполеона, его треуголка и серый сюртук»[6].

Помимо проблем, постоянно находящихся в поле зрения историков литературы, таких как «Роль Есенина в истории русской литературы», «Личность и творчество Есенина в общественном сознании XX–XXI вв.», в том числе «Есенинская тема в наследии русской эмиграции», «Поэзия Есенина в годы Великой Отечественной войны» и др., важными представляются проблемы, требующие внимания не только литературоведов, но и историков. Назовём некоторые из

них: «Есенин в исторических судьбах России», «Формирование исторических взглядов Есенина», «Концепция национальной истории в творчестве Есенина», «Исторические события как факты биографии поэта», «Генеалогия Есенина», «Русская история в творчестве Есенина».

В последние годы появились работы, в которых творчество Есенина рассматривается в контексте отечественной истории[7]. Исторические реалии и контексты есенинского творчества получили отражение в комментариях Полного собрания сочинений С. А. Есенина и Летописи жизни и творчества С. А. Есенина. Однако в целом проблема «Есенин и русская история» малоизучена[8].

Настоящая статья носит постановочный характер. Её цель состоит в том, чтобы очертить круг основных проблем, требующих исследования, и показать, почему мы вправе называть Есенина, как и Пушкина, у которого он так усердно учился, **поэтом-историком**. Обратим внимание на несколько вопросов. Чем обусловлен острый интерес Есенина к русской истории? Какова историческая проблематика в творчестве Есенина? Каковы методы работы Есенина над историческим материалом? В чём состоит историзм Есенина? Каковы характерные черты произведений Есенина на исторические темы?

Русская история XIII–XX вв. в произведениях Есенина

Есенин не был профессиональным историком. В есенинском наследии нет научных исторических трудов, подобных трудам Пушкина «История Пугачевского бунта» (1834) и незавершённая «История Петра». Но мы можем называть Есенина поэтом-историком, учитывая его образование и знание истории, разнообразие и широту исторической тематики в его творчестве, методы его работы с историческими источниками, а также характерные черты произведений Есенина на исторические темы.

Интерес и уважение к истории во все времена был велик у русских писателей. И. В. Киреевский, близкий знакомый Пушкина, писал о своём времени: «История в наше время есть центр всех познаний, наука наук, естественное условие всякого развития; направление историческое обнимает всё...»[9]. Неслучайно В. В. Маяковский и Есенин сравнивали поэтическое творчество с полководческим искусством, а Игорь Северянин писал, ведя свою родословную от историка Н. М. Карамзина:

Я верю, доблестный мой дед,
Что я – в поэзии историк,
Как ты – в истории поэт![10]

Острый интерес самого Есенина к русской истории обусловлен прежде всего временем, в которое жил поэт. Начало XX в. ознаменовалось революционными

историческими событиями в России. Жизнь поэта совпала с великой исторической эпохой войн и революций и стала историей. Первая мировая война, Февральская и Октябрьская революция, Гражданская война, нэп — все эти события, которых хватило бы на несколько жизней, пережил и отразил в своём творчестве поэт, который прожил всего 30 лет. В произведениях поэта на исторические темы отражена русская история с древнейших времён до современных дней.

Довольно основательные знания о русской и церковной истории Есенин получил в Спас-Клепиковской второклассной учительской школе. «В течение трёх лет, — пишет О. Л. Аникина, внимательно изучившая программы этих школ, — ученики более сознательно и углублённо по сравнению с начальной школой знакомились с теми событиями, которые происходили в стране, начиная от истоков, т. е. времени восточных славян, и заканчивая воцарением императора Николая II. Молодые горячие сердца сопереживали, когда слышали о принятии христианства на Руси, разорении монгольским ханом Батыем Рязани, реформах Ивана III и Петра I, крестьянских бунтах и присоединении Сибири и Дальнего Востока, сражениях и победах в войнах, особенно в Отечественной 1812 года, знаменательных реформах императора Александра II, православных святынях и достопамятных местах страны»[11].

Отрывки из «Истории Государства Российского» Карамзина, например, «Минин», «Куликовская битва» и др. использовались в практике написания различных сочинений. В качестве образцов «рассуждения и его составных частей» рекомендовались «образцы: из Карамзина — "О пользе истории" или "О любви к отечеству"; из Ломоносова — "О пользе книг церковных"»[12].

Неслучайно Есенин в 1913 г. поступает именно на историко-философский цикл (академического отделения) Московского городского народного университета имени А. Л. Шанявского, где обучался в течение двух лет. В программу обучения тогда входили не только лекции по зарубежной истории (историю Англии и Германии читал С. Ф. Фортунатов, историю Средних веков — Д. Н. Егоров[13]), но и по русской истории XVIII и XIX вв. (А. А. Кизеветтер), по теории исторического процесса (В. М. Хвостов) и истории политических учреждений и учений (Б. П. Вышеславцев). Кроме того, велись практические занятия по всеобщей и русской истории. И хотя в воспоминаниях современников отмечено, что Есенин часто посещал лекции по истории литературы проф. Ю. И. Айхенвальда, всё же занятия по истории, скорее всего, также интересовали поэта как слушателя историко-философского цикла обучения.

Свои знания по истории Есенин постоянно пополнял в течение своей жизни, читая исторические труды, необходимые ему для работы над тем или иным произведением. Особенно внимательно поэт читал книги выдающихся русских историков, которых ценил Пушкин — прежде всего Карамзина, которого внимательно изучал ещё в спас-клепиковской школе. Подтверждения тому имеются в его собственных свидетельствах, перекличках текста и воспоминаниях совре-

менников. И. В. Грузинов вспоминал о несохранившемся отрывке пьесы времён Ивана IV: «Зарисовка фигур Ивана IV и Филиппа близка к характеристике, сделанной Карамзиным в его "Истории государства Российского"»[14]. Изучение круга чтения Есенина и исторических трудов, с которыми мог ознакомиться поэт в Константиновском земском училище, Спас-Клепиковской второклассной учительской школе и университете имени А.Л.Шанявского, является актуальным, эти темы рассматриваются в статьях М. В. Скороходова[15] и О. Е. Вороновой, помещённых в настоящем сборнике.

Исторической проблематике в творчестве Есенина посвящён ряд работ об отдельных произведениях Есенина[16]. Однако нет работы, обозревающей все известные и несохранившиеся произведения поэта. Между тем разнообразие и широта собственно исторической тематики произведений Есенина, охватывающей семь веков русской истории, поражает.

С юных лет поэт проявляет живейший интерес к историческому прошлому своего народа и начинает с «маленьких» исторических, тяготеющих к фольклорной традиции поэм. «Песнь о Евпатии Коловрате» (первоначальное название «Сказание о Евпатии Коловрате, о хане Батые, цвете Троеручице, о чёрном идолище и Спасе нашем Иисусе Христе»), датированная автором 1912 г. (датировка, зафиксированная С. А. Толстой-Есениной, — 1916 г.[17]), посвящена земляку поэта, рязанскому воеводе, герою битвы с татарами (1237 г.).

Поэмой «Марфа Посадница» (сентябрь 1914) Есенин откликнулся на Первую мировую войну и революционные настроения. По словам А. К. Воронского, в поэме «кротость, смирение, примирённость с жизнью <...> уживались одновременно с бунтарством»[18]. Согласно воспоминаниям В. А. Мануйлова, «Марфа Посадница» была задумана поэтом ещё в 16 лет и обращена к событиям XV в. Поэма воспевает новгородскую вольницу (вдова посадника Борецкого выступила против политики Ивана III, что привело к падению Великого Новгорода)[19].

В маленькой поэме «Ус» (1914) Есенин, по словам критика В. Л. Львова-Рогачевского, «повенчал религиозное с революционным»[20]. Прототипом героя поэмы является реальное историческое лицо — донской атаман Василий Родионович Ус, предшественник и сподвижник Степана Разина (1670–1671). Его имя стало известно раньше, чем имя Разина.

В 1917–1918 гг. Есенин создаёт маленькие революционные поэмы, настолько связанные общей идеей преображения и переустройства мира, что в исследовательской литературе их называют циклом или книгой, в которую чаще всего включают 11 поэм: «Товарищ», «Певущий зов», «Отчарь», «Октоих», «Пришествие», «Преображение», «Инония», «Сельский часослов», «Иорданская голубица», «Небесный барабанщик» и «Пантократор»[21].

Для библейских поэм 1917–1918 гг. характерно наслоение пространства и времени, исторического, современного и грядущего. «Значимо, — писал один из исследователей "Инонии" М. В. Скороходов, — что в историческом плане показан

грешный, отринувший Бога мир, дохристианский, в котором одинокого, всеми отвергаемого пророка спасает от гибели и проводит через все преграды только его безграничная вера в Бога, возможность общения с Ним. Вплетены в текст и образы, принадлежащие другим векам. Так, лирический герой соотнесён с Индикоплов — византийским писателем и путешественником VI века, посетившим Египет, Эфиопию и побережье Аравии. Козьма Индикоплов известен как автор богословско-космологического трактата "Христианская Топография" (в славянском переводе "Книгы о Христе, Объемлюща весь миръ"), содержащего множество апокрифических образов и сведения об экзотических странах. Появляется у Есенина образ Олипия (Алимпий, Алипий), первого известного по имени русского иконописца, жившего на рубеже XI–XII веков. В ранних вариантах маленькой поэмы возникал и образ Петра Великого — как преобразователя земли»[22].

Стремление дать в поэзии саму жизнь, а не только её отображение вызвало особый интерес поэта к эпическому жанру, который давал возможность показать исторический путь России. Неслучайно поэт с первых шагов пробовал свои силы в эпосе, а в драме — на протяжении всей жизни. В «больших» поэмах Есенин обращается прежде всего к эпохе Пугачёва («Пугачёв», 1921), Петровских реформ, Гражданской войны и революции («Песнь о великом походе», 1924; «Анна Снегина», 1925), истории Шлиссельбурга («Поэма о 36», 1924).

Есть данные ещё о нескольких несохранившихся поэмах на исторические темы. Неизвестен текст поэмы «Галки» (предположительно датируется сентябрём 1914), сданной в печать, запрещённой военной цензурой и конфискованной в наборе. Г. Д. Деев-Хомяковский в 1926 г. вспоминал: «В августе <1914> социал-демократическая группа выпустила литературное воззвание против войны. Есенин написал небольшую поэму "Галки", в которой ярко отобразил поражение наших войск, бегущих из Пруссии, и плач жён по убитым. Есенин был секретарём журнала "Друг народа" и с жаром готовил первый выпуск. <...>. Сданная в печать его поэма "Галки" была конфискована ещё в наборе»[23].

Есть сведения о том, что в 1916 г. Есенин написал пьесу «Крестьянский пир». М. П. Мурашёв вспоминал: «...задумал написать пьесу. Позднее пьеса, кажется, была написана, хотя я слышал в читке самого поэта только два акта. Напечатать её не пришлось. Есенин уничтожил её в корректуре»[24]. И. Н. Розанов вспоминал, что поэт говорил ему в 1921 г. в связи с завершением работы над «Пугачёвым»: «А знаете ли, это второе моё драматическое произведение. Первое — "Крестьянский пир" — должно было появиться в сборнике "Скифы"; начали уже набирать, но я раздумался, потребовал его в гранках, как бы для просмотра, и — уничтожил. Андрей Белый до сих пор не может мне этого простить: эта пьеса ему очень нравилась, да я и сам иногда теперь жалею»[25].

Не сохранился «драматический отрывок» пьесы об эпохе Ивана IV, который Есенин читал Грузинову в 1920 г.: «Есенин читает драматический отрывок. Действующие лица: Иван IV, митрополит Филипп, монахи и, кажется, опричники.

Диалоги Ивана IV и Филиппа. <...> Иван IV и Филипп, если мне не изменяет память <воспоминания написаны в 1926 г.>, говорят пятистопным ямбом. Два других действующих лица, кажется, монахи, в диалогах описывают тихую лунную ночь. Их речи полны тончайшего лиризма: Есенин из "Радуницы" и "Голубени" изъясняется за них обоих»[26].

Имеются документальные сведения ещё об одной задуманной, но не написанной драме В. Э. Мейерхольда, В. М. Бебутова и Есенина – «Григорий и Димитрий». Она была включена в репертуарный план Театра РСФСР Первого (Москва) в конце 1920 г. В 1936 г. на репетициях «Бориса Годунова» Мейерхольд вспоминал, что он сочинил сценарий, который потом предложил Есенину: «Я сказал ему, что дам ему сценарий и чтобы он на основании этого сценария написал драму в стихах». По замыслу Мейерхольда, в пьесе встречались два мальчика – царевич Димитрий и Григорий Отрепьев[27].

Неизвестен полный текст поэмы «Гуляй-поле», обозначенный в подзаголовке сохранившегося отрывка «Ленин», хотя Есенин, по свидетельству Грузинова читал её летом в кругу друзей как почти законченную вещь[28]. К 1925 г. относится замысел поэмы «Пармен Крямин». Редактор готовящегося в Госиздате есенинского «Собрания стихотворений» И. В. Евдокимов вспоминал: «При распределении стихотворений по томам для издания Есенин обещал доставить поэму "Пармен Крямин", в которой, по его тогдашним предположениям, должно было быть 500 строк. Я о ней и напомнил теперь. – Я её вышлю...»[29]. По словам племянницы поэта Натальи Васильевны Есениной, имя Пармен и фамилия Крямин встречались среди жителей села Константиново. Это типичные крестьянские имя и фамилия. Парменом в честь деда звали сына Марии Парменовны Бальзамовой, которой в юности был увлечён Есенин.

Правда, заглавие, данное по имени единственного вымышленного персонажа из «Пугачёва» – Пармена Крямина, который был инициатором расправы над крестьянским вождём, поэт хотел изменить и говорил Евдокимову перед отъездом в Ленинград незадолго до своей гибели: «Я её вышлю, только дам другое название. Пармен, пожалуй, нехорошо. В Ленинграде я допишу её. Она не готова. Тут мне мешают»[30].

При всём разнообразии исторических персонажей в творчестве Есенина выделяются три фигуры, которые привлекают особое внимание поэта: Пётр I, Пугачёв и батька Махно. Из современных политических деятелей Есенин явно выделяет Льва Троцкого, о котором идёт речь в «Песне о великом походе» и «Железном Миргороде».

Главной среди исторических фигур является фигура Петра I, популярная в литературе 1920-х гг. Петру I посвящены поэмы М. Герасимова «Электрификация» (1920), В. Инбер «Два Петра» (1922); стихотворение П. Антокольского «Пётр Первый» (1922), поэмы В. Брюсова «Вариации на тему "Медного всадника"» (1925), М. Светлова «Медный интеллигент» (1925), С. Кирсанова «Разговор с Пе-

тром Великим» (1930), М. Цветаевой «Пётр и Пушкин» (1931), исторический роман-эпопея А. Н. Толстого «Пётр Первый», начатый в конце 1920-х гг., и др.

Интерес Есенина ко времени петровских реформ и фигуре Петра I проявился ещё в работе над «Инонией» (1918). В черновых вариантах Есенин сравнил лирического героя поэмы с Петром Великим:

Ныне
как Петр Великий,
Вздыбливаю тебя —
Земля.

Ныне же,
как Пётр Великий
я
Рушу под тобою твердь [II, 223].

Образ Петра I появляется в «Стране Негодяев» и «Песни о великом походе». Характеристика Петра I, данная в «Песни о великом походе» («Он в единый дух ведро пива пьёт»), по наблюдению Е. А. Самоделовой, восходит к былинной характеристике Ильи Муромца и его противников – Соловья-разбойника и др.:

Наливал он чарочку зелена вина,
Да не малу он стопу да полтора ведра...
... Принял чарочку от князя он одной ручкой,
Выпил чарочку ту Соловей одным духом... (цит. по: [III, 612]).

Этот былинный источник показывает, что трактовка есенинского образа Петра, как связанного с представлениями славянофилов и вместе с тем «прямо будто бы сошедшего в строки поэта с ветхих листов апокалипсисов, где Пётр изображался в виде Антихриста»[31], данная Д. Д. Благим, выглядит сейчас несколько упрощённой. Есенин далёк от односторонности. Пётр для него великий преобразователь, который прорубил окно в Европу (вспомним, реминисценцию из «Медного всадника» в «Пугачёве» [III, 517]). В народном восприятии, которое отражено в «Песни о великом походе», Пётр одновременно напоминает Илью Муромца и Соловья-разбойника. И это доказывается даже текстологически, потому что совпадение характеристики Петра с этими очень разными былинными героями подчёркивает масштабность и противоречивость его исторической фигуры.

Есенин сближает исторические эпохи. Глаза Петра Великого наблюдают за всем происходящим в новой революционной России: «Бродит тень Петра / Грозно хмурится // На кумачный цвет / В наших улицах» в «Песни о великом

походе» и в «Стране Негодяев» (1922–1923). Неслучайно в «Стране Негодяев» появляется большой во весь рост портрет-дверь Петра Великого и сцена «Глаза Петра Великого» [III, 113]. Вместо очей души бандит Номах смотрит на охранника Чекистова в щёлки глаз огромного портрета Петра Великого. Здесь глаз не просто слово, а слово-символ. Оно оборачивается разными гранями и помогает понять смысл изображаемого.

Итак, даже беглый обзор исторической тематики произведений Есенина, написанных и задуманных им, показывает, что поэт отразил в своём творчестве важнейшие узловые события русской истории. Весь исторический путь своего народа, начиная с защитника рязанской земли Евпатия Коловрата и завершая революционными событиями XX в. Отразил, соблюдая историзм взгляда на события, связь времён и поколений и понимание того, что в истории народа кроется объяснение настоящего и понимание будущего.

Методы работы над текстом

Над произведениями исторической тематики Есенин работал как профессиональный историк. Причём многому в освоении исторических тем поэт учился у Пушкина. Стремясь «по совести исполнить долг историка»[32], поэт старался изучить историографию вопроса, книги о пугачёвском восстании; большое внимание уделял изучению документов и свидетельств современников, совершил поездку по местам, когда-то охваченным восстанием.

Пока достоверно не выяснено, какие исторические труды читал поэт в ходе работы над «Пугачёвым». Суждения современников по этому поводу разноречивы. Мы располагаем воспоминаниями В. И. Вольпина «о четырёх-пяти дешёвых популярных книжках, исчерченных на полях характерным почерком Есенина»[33]. Е. Р. Эйгес, напротив, вспоминала, как Есенин искал материалы по пугачёвскому восстанию в конце 1920 г., «копаясь в книгах, стоящих на нижней полке в принадлежащем ему книжном магазине, держа в руках то один, то другой фолиант»[34].

Воспоминания Эйгес, скорее всего, соответствуют действительности, поскольку Есенин, как совладелец книжной лавки на Никитской, действительно имел возможность в этот период «копаться» в книгах, которые были выставлены на полках для покупателей, и при своём любопытстве и любознательности не мог этим не воспользоваться. М. Д. Ройзман зафиксировал следующий факт: зимой 1920 г. Есенин просил известного библиофила Д. С. Айзенштадта купить для него «старинные книги о Пугачёве», «все, если можно»[35].

Воспоминания современников говорят о бережном и уважительном отношении Есенина к документальным историческим источникам. Так, готовясь к написанию «Пугачёва», Есенин по примеру Пушкина для успокоения своей «исторической совести»[36] стремился изучить документы интересующей его эпохи. Он

знал, что Пушкин открыл научную историографию пугачёвского восстания, поэтому наиболее внимательно Есенин изучал научный исторический труд Пушкина «История Пугачёвского бунта» (1834) и приложения к ней в виде манифестов, указов, рапортов, писем и сказаний современников о пугачёвщине по принадлежащему ему изданию – шестому тому Полного собрания сочинений Пушкина (СПб., 1900). Этот труд был у поэта под рукой во время работы над «Пугачёвым». Возможно, помещённые в нём документы Есенин именовал «материалами». Сейчас этот том находится в фондах Государственного музея-заповедника С. А. Есенина в Константинове[37].

Изучая документы о пугачёвщине, Есенин обратил внимание на то, что Пушкину, как первому историографу пугачёвского восстания, не довелось ознакомиться с запрещёнными в то время к изучению протоколами допросов Пугачёва[38]. Как известно, первым, кто наиболее полно использовал материалы следственного дела Пугачёва, в частности, протоколы показаний Пугачёва и его сподвижников в качестве важнейших документальных источников, был военный историк, академик, генерал Н. Ф. Дубровин. В своё фундаментальное исследование «Пугачёв и его сообщники. Эпизод из истории царствования императрицы Екатерины II. 1773–1774 гг. По неизданным источникам» (СПб, 1884) он впервые включил многие архивные документы о Пугачёве и его сподвижниках. Таким образом, Дубровин восполнил тот пробел, который имелся у Пушкина.

Изучая историографию пугачёвского восстания, Есенин уделил серьёзное внимание изучению трёхтомного труда Дубровина и нашёл в нём те сведения о Хлопуше, которых ему недоставало у Пушкина. Этот факт текстологически доказала Е. А. Самоделова в реальном комментарии к поэме «Пугачёв» в Полном собрании сочинений С. А. Есенина. Действительно, почти исчерпывающие биографические сведения о Хлопуше (А. Т. Соколове) Есенин мог почерпнуть только из этого фолианта. Это свидетельствует о бережном и уважительном отношении Есенина к документальным источникам.

Главное, что стремится понять Есенин, – это личность Пугачёва и его сподвижников, а также исторические, социальные и психологические причины рокового исхода стихийного крестьянского движения и послереволюционных крестьянских восстаний наступившего XX в.

Как показывает изучение есенинского текста, в сюжетном плане (по охвату событий пугачёвщины и её предыстории) автор «Пугачёва» шёл вслед за Пушкиным и Дубровиным[39], но в композиции своего произведения сместил исторические временные рамки и намеренно нарушил последовательность изложения событий, чтобы сделать акцент на причинах возникновения и поражения крестьянской войны. Сцена ареста Пугачёва изображена Есениным в соответствии с версией Пушкина, из приложений к его «Истории...» взяты фигуры Подурова, Оболяева, Торнова, Бурнова, Плотникова, Кочурова, Закладнова и Федулева (у Дубровина последние две фамилии написаны иначе – Закладной и Федульев).

1525657

РЯЗАНСКАЯ ОБЛАСТНАЯ УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА им.ГОРЬКОГО

Однако Есенин не считал исторические труды единственной исторической праосновой собственной поэмы. Поэт прекрасно понимал, что для полного и выразительного освещения событий необходимо обогатить исследование другими источниками, собственными наблюдениями и живыми впечатлениями. Этого требовал органически присущий ему собственный творческий метод, а также опыт его великого предшественника – Пушкина, который совершил путешествие на берега Волги и Урала — в те края, которые были захвачены крестьянской войной 1773–1775 гг., — в сентябре 1833 г., работая над «Историей Пугачева» (из Петербурга поэт выехал 17 августа).

Пушкин хотел осмотреть места былых сражений, города и крепости, взятые Пугачёвым, но главное — встретиться с участниками и очевидцами исторических событий, записать их воспоминания, а также исторические предания и песни, жившие в народе. Спустя два года после выхода в свет «Истории Пугачёвского бунта» Пушкин перечислил все использованные им исторические источники и обратил внимание на свой метод работы: «Я посетил места, где произошли главные события эпохи, мною описанной, поверяя мёртвые документы словами ещё живых, но уже престарелых очевидцев и вновь поверяя их дряхлеющую память историческою критикою»[40].

Между 2 и 23 сентября Пушкин посещает Нижний Новгород, Казань, Симбирск, Оренбург, Уральск. В Оренбурге поэт провёл три дня. Вместе с В. И. Далем, служившим в то время чиновником по особым поручениям в канцелярии военного губернатора Оренбурга, ездил в Бердскую слободу, где в дни оренбургской осады располагалась ставка Пугачёва и находился главный лагерь повстанцев. Ещё три дня Пушкин находится в Уральске, бывшем Яицком городке, вблизи которого зародилось пугачёвское движение. Согласно календарю оренбургской поездки Пушкина, продолжительность поездки, включая пребывание в Болдино, составила три месяца и три дня[41].

Есенин работает по пушкинскому плану. Желание побывать в местах, где 150 лет назад шла крестьянская война под предводительством Пугачёва, возникает у него до начала непосредственной работы над текстом. О своём намерении поехать на Восток Есенин сообщал в письме к А. В. Ширяевцу от 26 июня 1920 г.: «В октябре я с Колобовым буду в Ташкенте, я собирался с ним ехать этим постом, но <он> поехал в Казань, хотел вернуться и обманул меня» [VI, 113]. В конце 1920 г. поэт рассказывал Вольпину, что «собирается поехать в киргизские степи и на Волгу, хочет проехать по тому историческому пути, который проделал Пугачёв, двигаясь на Москву...»[42].

В апреле – июне 1921 г. Есенину всё же удалось совершить поездку по железной дороге из Москвы через Самару до Оренбурга (далее в Туркестан). Есенин выехал из Москвы в Туркестан 16 апреля 1921 г. в служебном салон-вагоне с Г. Р. Колобовым, который в то время занимал ряд ответственных постов – уполномоченного Трамота (Транспортно-материального отдела) ВСНХ

и эвакуационной комиссии Совета обороны (Высшего совета по перевозкам при Совете труда и обороны), старшего инспектора центрального управления Материально-технического отдела НКПС. С 1918 г. Колобов являлся членом «Ассоциации вольнодумцев».

Во время путешествия служебный салон-вагон прицеплялся к проходящим поездам и по желанию пассажиров делал длительные остановки. Самая большая остановка — около десяти дней — была в городе Самаре. Здесь поэт выступал на литературном вечере в клубе железнодорожника. 8 или 9 мая выехал из Самары в Ташкент через Оренбург, Челкар, Казалинск с остановкой на несколько дней в Оренбурге. 12 или 13 мая Есенин приехал в Ташкент и находился там до конца мая — начала июня. 3 июня выехал в Москву, куда вернулся до 10 июня. Таким образом, поездка Есенина в общей сложности длилась почти три месяца, то есть по продолжительности приближалась к оренбургской поездке Пушкина.

Во время своего путешествия Есенин имел возможность познакомиться с населёнными пунктами охваченной пугачёвским восстанием территории, изучить географию, природу и быт тех мест, отразив живые впечатления в тексте произведения, где все встречающиеся топонимы исторически реальны: Москва, Самара, Оренбург, Иргис, Сакмара, Аральск, Оса, Сарапуль, Челябинск, Казань, Пензенская губерния, Дон, Черемшан, Сарепта, Гурьев и др. Основные топонимы Есенин на заключительных этапах работы над текстом вынес в заглавия двух глав: первой — «Появление Пугачёва в Яицком городке» и четвёртой — «Происшествие на Таловом умёте». Крепость Яицкий городок, в которой дважды появлялся Пугачёв до начала боевых действий [III, 501–502], находилась в месте слияния рек Чаган и Яик, которые неоднократно упоминаются в поэме. Таловский (Таловинский) умёт, то есть постоялый двор на реке Таловой, располагался в 60 верстах от Яицкого городка [III, 510–511].

Есенин внимательно наблюдал быт казачества и природу тех мест, что нашло отражение в тексте. Ещё Воронский заметил: «Образ Есенина, уподобляющего калмыцкие кибитки в "Пугачёве" деревянным черепахам, прекрасен, ибо соответствует их медленному ходу, их внешнему колоритному виду...»[43]. Берёза («берёзовые купола») и липа («липовая медь»), упоминаемые в «Пугачёве», наиболее типичны для Оренбургской губернии [III, 519]. В строке «И калмык вам не жёлтый заяц...» проявилось знание природы оренбургских степей, где обитают зайцы русак и толай, или песчаник, очень близкие по желтоватому цвету шерсти [III, 507].

Но главное, что потрясло поэта, были вымирающие и голодающие деревни Поволжья, где царил страшный голод, о котором поэт до этого был знаком лишь по газетным публикациям и слухам. «Там... за Самарой... Я слышал... / Люди едят друг друга...», — напишет Есенин чуть позже в «Стране Негодяев» (слова Замарашкина). В «Пугачёве» также отразились страшные впечатления от «грустящей в закат деревни» [III, 8], особенно в словах Сторожа Яицкого городка:

Всех связали, всех вневолили,
С голоду хоть жри железо.
И течёт заря над полем
С горла неба перерезанного [III, 9].

Поездка в киргизские и оренбургские степи и по Поволжью имела очень важный смысл не только для создания «Пугачёва», но и для всего последующего творчества поэта, особенно для драматической поэмы «Страна Негодяев». Сознавая важность этой поездки, поэт упомянул её в двух автобиографиях в 1923 и 1924 гг. «19–20–21 <г.> ездил по России: Мурман, Соловки, Архангельск, Туркестан, Киргизские степи...» (1923); «...за период 1918–21 гг. <...> я был в Туркестане, <...>, в Оренбургских степях...» (1924).

В салон-вагоне Есенин продолжил работу над «Пугачёвым», начатую ещё до поездки по пугачёвским местам. В конце мая 1921 г. он читал ещё не завершённое произведение в Ташкенте на квартире Вольпина, который вспоминал: «...большой комнаты не хватало для его голоса. Я не знаю, сколько длилось чтение, но знаю, что, сколько бы оно ни продолжалось, мы, все присутствовавшие, не заметили бы времени. Вещь производила огромное впечатление. Когда он, устав, кончил чтение, произнеся заключительные строки трагедии, почувствовалось, что и сам поэт переживает трагедию, может быть, не менее большую по масштабу, чем его герой»[44].

Энциклопедия русской жизни

«Летописцем последних лет жизни предреволюционной деревни», в томике которого «можно найти больше материалов, чем в десятках диссертаций!»[45], называли Есенина его современники. Ещё в 1919 г. И. Г. Эренбург справедливо заметил: «Деревня, захватившая всё и безмерно нищая, с пианино и без портков, взявшая в крепкий кулак свободу и не ведающая, что с ней, собственно, делать, деревня революции — откроется потомкам не по статьям газет, не по хронике летописца, а по лохматым книгам Есенина. Откроется и нечто большее, вне истории или этнографии — экстаз потери, жертвенная нищета, изуверские костры самосожжения — поэзия Сергея Есенина, поэта, пришедшего в этот мир, чтобы "всё познать, ничего не взять"»[46].

Дореволюционная и послереволюционная деревня наиболее ярко отразилась в поэме «Анна Снегина» (1925). Историзм поэмы проявляется не только в изображении конкретных исторических фигур или внимании к достоверной хронологии и топонимике, но, главное, в воспроизведении современной исторической эпохи, в обрисовке целой галереи национальных характеров и в сочетании масштабности эпического повествования с конкретными деталями эпохи, вплоть до деталей быта новой деревни.

Реальное историческое время действия поэмы длится с апреля 1917 г. по весну 1924-го, то есть семь лет. А если учесть воспоминание героя о Первой мировой войне и убийство старшины «в третьёвом годе», о котором рассказывают возница и старуха мельничиха, а также слова Лабути о Русско-японской войне, то историческое ретроспективное время ещё шире.

Ряд конкретных примет послереволюционной деревни, отражённых поэтом, теперь сложно найти даже в дневниках современников, а наименование некоторых денежных знаков отсутствует в самых полных словарях русского языка, включая местные и диалектные. Например, слова из «Анны Снегиной»: «Недаром чумазый сброд / Играл по дворам на роялях / Коровам тамбовский фокстрот» [III, 182–183] – одна из ярких примет, характеризующих революционную деревню «с пианино и без порток».

«Белые медали», которые носил Лабутя «с японской войны на груди», – тоже по-своему любопытная примета. Наряду со смысловым значением «белая медаль» – царская, имеется в виду конкретный зрительный образ: медаль белого цвета – серебряная медаль. Лабутя, судя по содержанию поэмы, мог быть награждён только двумя серебряными медалями Русско-японской войны 1904–1905 гг., которые носились на груди: «За бой "Варяга" и "Корейца". 27 янв. 1904 г. Чемульпо» с изображением морского боя на специальной ленте «Андреевского флага» с белым полем и косым Андреевским крестом синего цвета на нём, а также медалью, которой награждались все лица, участвовавшие в обороне Порт-Артура (на лицевой стороне «всевидящее око», окружённое сиянием; внизу вдоль бортика даты «1904–1905», на оборотной – пятистрочная надпись славянской вязью: «Да – вознесетъ – васъ Господь – въ свое – время»)[47].

Не один сюжет возникает в «Анне Снегиной» о денежных знаках, которыми пользовались после революции. Среди них есть редкие. Так, слова «ходи» (в значении денежного знака) нет даже в 17-томном Словаре русского языка, но оно соотносится со значением слова «ходи» от кит. Huoji – приказчик (продавец) от ходя (устар. простореч. название китайца). Совпадение лексики позволило предположить, что эти мелкие денежные знаки времён Гражданской войны пришли с Дальнего Востока. Этим комментарием заинтересовались лингвисты, которые готовят новый многотомный Словарь русского языка. В результате в новом словаре появится новое слово, любопытная историческая деталь, которую, по имеющимся у составителей Словаря данным, не отметил больше ни один писатель даже на Дальнем Востоке.

Есенин как бы прочертил пунктиром наиболее важные и характерные приметы послереволюционной деревни: с пианино и без порток – соха – кляча – телега – граммофон – велосипед – козья ножка – керенки, катьки, ходи, штучки и др., и, тем самым, лаконично, выпукло и не без иронии обрисовал контрасты нового быта тех суровых и грозных лет.

В реальном комментарии к поэме, представленном в Полном собрании сочинений Есенина, даются толкования и источники тех или иных персонажей и примет времени. Тем не менее, «Анна Снегина» ещё ждёт исследования как энциклопедия русской жизни первой четверти XX в. и литературный памятник эпохи. Это произведение не менее энциклопедичное, чем роман Пушкина «Евгений Онегин», с оглядкой на который написана поэма Есенина. Но мы до сих пор не имеем полного путеводителя по этой поэме, подобного путеводителям Н. Л. Бродского и Ю. М. Лотмана к «Евгению Онегину».

Особого интереса с точки зрения исторического замысла заслуживает самая крупная драматическая поэма Есенина «Страна Негодяев» (1921–1923). Её творческая история показывает, как чутко реагировал поэт на изменение социальной обстановки в России, на новые приметы времени. Так, в процессе работы над этим произведением он трижды изменил сюжет: от изображения революции, Гражданской войны и «хозяйственной разрухи»[48] до проблематики нэпа.

Предпосылкой перестройки сюжета явилось наступление новой экономической политики и впечатления от «ужаснейшего царства мещанства», где «в страшной моде господин доллар» [VI, 139], во время пребывания в Америке, где Есенин работал над «Страной Негодяев». В окончательном тексте бандиты Номаха нападают не на продовольственный поезд, а на экспресс, везущий золото, и появляется новый персонаж – комиссар Никандр Рассветов, прототипом которого явилась знаковая фигура эпохи нэпа – видный финансист 1920-х гг. А. М. Краснощёков[49].

Главные приметы Страны, в которую Есенин поместил политических демагогов с преувеличенными личными амбициями, воспринимаются условно. Железная дорога, по которой идёт экспресс с золотом; Уральская железнодорожная линия, соединяющая Европу и Азию; московская улица Ильинка, куда экспресс № 5 везёт золото, с XVI в. торговый, а в конце XIX – начале XX в. – финансовый центр Москвы, где располагались биржа и банки; Тайный притон «Авдотья, подними подол», место встреч торговцев спиртом и кокаином, и кабачок «Луна», где Номах собирается встретиться с повстанцем Барсуком; Вокзал N, Трибунал, Мировая Биржа и др.

Увидев реальную опасность для России нового пути, Есенин написал поэму, которая явилась историческим предостережением и показала, какой может стать Россия, если забудет о собственных национальных интересах и своём народе и увязнет в американском бизнесе и гражданской вражде.

«Двойное зрение»

А. А. Блок в книге «Катилина. Страница из истории мировой революции» (1919), которая была в личной библиотеке Есенина, писал о приёмах исторического анализа, которыми он пользовался: «...я выбираю ту эпоху, которая наиболее соответствует в историческом процессе моему времени. Сквозь призму мое-

го времени я вижу и понимаю яснее те подробности, которые не могут ускользнуть от исследователя, подходящего к предмету академически»[50].

Несомненно, слова из статьи Блока, оказавшей сильнейшее впечатление на современников, среди которых был Андрей Белый, были близки Есенину. В выборе исторических тем для своих произведений Есенин тоже исходил из их созвучия с современностью и желания понять, «куда несёт нас рок событий» [I, 123].

Главный герой первой «большой» поэмы Есенина – Пугачёв в сознании автора ассоциировался с послереволюционной современностью и с крестьянскими восстаниями 1920-х гг. Поэт стал первым, кто в преддверии крупных юбилейных дат (150 лет начала войны, а затем 150 лет со дня казни Пугачёва) обратился к теме Крестьянской войны 1773–1775 гг. под предводительством Емельяна Пугачёва в связи с массовыми крестьянскими выступлениями. Самым крупным было крестьянское восстание на Тамбовщине 1920–1922 гг. под предводительством А. Антонова.

В своём стремлении передать связь времён и поколений Есенин сделал следующий шаг и посмотрел на русскую историю «двойным зрением». В оценку «Пугачёва» – «это действительно революционная вещь»[51] – Есенин вложил широкий смысл, подразумевающий современное звучание и художественное новаторство драматической поэмы. Именно такое сложное, стереоскопическое зрение вызвало исключительное внимание к «Пугачёву» и разноречивые оценки критиков в нашей стране и за рубежом[52].

Отголоски крестьянских восстаний начала 1920-х гг. действительно слышатся в поэме и слышатся очень явственно. В монологе Бурнова мы встречаемся с луной, которую, «как керосиновую лампу в час вечерний, / Зажигает фонарщик из города Тамбова...» [III, 41]. Да и в других монологах разгромленных повстанцев звучит стон, который прокатился по Тамбовской губернии после того, как интернациональные отряды под командованием лихого командарма М. Н. Тухачевского смели с лица земли несколько сотен деревень с их жителями, наводя «умиротворение» среди восставших крестьян.

Термин «двойное зрение» принадлежит самому поэту, который определил свой поэтический принцип в письме от мая 1921 г. Иванову-Разумнику. Разъясняя суть образов, созданных нашим Великороссом, поэт обосновал «эпоху двойного зрения, оправданную двойным слухом моих отцов» [VI, 126]. С учётом «двойного зрения», которое поэт распространяет не только на язык, поэтику, но и на содержание произведения, можно в полной мере ощутить сочетание различных временных пластов в «Пугачёве».

Историзм, народная стихия слова, установка на зрелищность и особая мифопоэтическая образная система Есенина, идущая от «эпохи двойного зрения», стала важной предпосылкой создания драматической поэмы. Важно, что поэт пришёл к «Пугачёву» не только со сложившейся оригинальной образной системой, но и теоретически осмыслил её национальные истоки, содержание нового поэтического мироощущения и его новую форму.

Изучение истории текста «Пугачёва» показывает, что Есенин не раз намеренно жертвует исторической точностью, чтобы подчеркнуть переклички с современными революционными событиями. Вместо «осенней поры», упоминаемой в черновике в монологе Творогова (седьмая глава), в окончательном тексте появляются «октябрьская пора» и «багряные листья» тополя, хотя октябрь как время действия не соответствует исторической действительности, так как ещё не наступило время ареста Пугачёва:

Слушай, слушай, есть дом у тебя на Суре,
Там в окно твоё тополь стучится багряными листьями,
Словно хочет сказать он хозяину в хмурой октябрьской поре,
Что изранила его осень холодными меткими выстрелами [III, 44].

В словах Крямина из восьмой, завершающей главы, где происходит расправа над Пугачёвым, повторяется намеренная авторская замена слов («сентября» на «октябрь»), которая доказывает, что Есенин прекрасно помнил, что расправа над Пугачёвым произошла в сентябре и, обладая великолепной памятью, вначале непроизвольно написал «сентябрь» и лишь потом поправил на «октябрь», чтобы подчеркнуть связь исторических событий с современным, революционным временем:

I Знать недаром листвою сентябрь заплакал
II Знать, недаром листвою октябрь заплакал... [III, 325, 48].

В поэме «Песнь о великом походе» Есенин откликнулся на потребность народа в осмыслении своей истории и связь с переломной эпохой XVII–XVIII вв. и личностью Петра I, созвучной современности. Характерно, что художественная функция соединения в поэме сказа о современности и истории была оценена критиками полярно. Н. Н. Асеев отметил ряд достоинств «Октябрин» Есенина, но критиковал запоздалое приравнивание коммунизма к петровской дубинке. Ряд критиков, в том числе В. А. Красильников, считали, что петровский сказ имеет к самой «Песни» «очень небольшое отношение»[53]. При многочисленных перепечатках поэмы в основном воспроизводился сказ о современности с заглавием «Из поэмы... посвящённой разгрому Деникина». В конечном счёте такой подход привёл к недооценке и непониманию авторского замысла — установке на объективность авторской позиции с помощью сказа-притчины — и получил определение «дурашливого» и даже «низкопробно-эстрадного»[54].

В отличие от «Пугачёва», где Есенин использовал образы евангельской притчи о предательстве Христа Иудой из Нового и Ветхого завета[55] и тем самым обогатил историческую революционную поэму философским подтекстом, в «Песни о великом походе» налицо органическое «прорастание» притчевого

смысла второго сказа из первого. Есенин обращается к традиции народной жизни – давать мудрые напутствия тем, кто отправляется в далёкий путь, и строит произведение по типу народных притч и загадок.

Ключ к пониманию иносказания «Песни о великом походе» дают рукописные источники текста, в частности, процесс формирования композиции поэмы и авторское указание на иносказательный смысл первого исторического сказа для понимания второго. В черновом автографе текст поэмы разделён на две части, которые названы сначала песнями, а потом сказами. Первый сказ – о Петре, второй – о современности. Каждый сказ имеет одинаковую концовку – 10 строк. Налицо первоначально подчёркнутый в композиции поэмы параллелизм двух сказов, который подсказывает читателю их аналогию, уподобление, скрытое назидание, притчу. В первоначальном черновом варианте после 16-й строки были зачёркнуты слова, которые прямо указывали на притчевый смысл, лежащий в основе этой поэмы:

Первый сказ к тому,
Чтоб был урок уму.
А второй наш сказ [III, 374].

Эти слова Есенин не закончил и зачеркнул, но оставил другие, указывающие на жанр поэмы: «Был мастак слагать / Эти притчины, // Не боясь ничьей / Зуботычины» [III, 116–117]. Изменилась и композиция: в окончательном виде поэма состоит из 27 частей-главок, которыми отмечена смена тем, эпизодов, персонажей, их диалога или обращения к слушателям. Смысл иносказания в поэме, как это обычно бывает у Есенина, не высказан, раскрыт «легкокасательно» и естественно вытекает из сходства и различия двух сказов.

Органическое единство двух сказов создаётся общей темой (в двух сказах о Петре и «кожаных куртках Питерграда» идёт речь о строительстве новой России от времени Петровских реформ до утверждения советской власти), а также структурно-смысловыми факторами: кольцевой композицией с центральным образом Петра I, мотивом мести и мотивом, носящим эсхатологическую окраску, и типологически одинаковыми отступлениями-перебивками тематических линий петровских преобразований и утверждения Советской власти.

Вместе с тем есть существенные различия двух сказов в содержании и поэтике. В отличие от первого сказа, героя которого Есенин называет не только по титулу – император, царь Пётр I, но и по имени – Пётр, Алексеич Пётр, при переходе к современности имён у героев нет, в лучшем случае – фамилии основных исторических фигур Гражданской войны да безымянные герои в «куртках кожаных», а также ротный, мужики, офицеры да «лихие волчата» – колчаковцы.

Серьёзные различия можно заметить и в поэтике двух сказов: сказ о Петре строится на былинах и исторических песнях, которые являются выражением

быта народа и вековечной глубины его жизни, а современный – на частушках, которые выражают злобу дня.

Притчевый трагический смысл поэмы состоит не только в народном возмездии царской династии, но и в напоминании нынешней власти о душевных муках совести и неизбежной расплате за многие тысячи погибших до срока людей, о которых возвещает тень мёртвого Петра. Авторская позиция окончательно проясняется в заключительных строках поэмы: «В берег бьёт вода / Пенной индевью... / Корабли плывут / Будто в Индию», где образ «Индии Духа» как мира личной духовной свободы противопоставлен неотвратимому року исторического бытия.

Историческая эпоха, в которую жил Есенин, в наши дни получает в исторической науке новое освещение, в свете которого можно глубже понять жизнь и творчество поэта, поэтому союз историков и литературоведов может дать интересные результаты. Если же представители двух наук работают раздельно, не учитывая специфики художественного творчества или не владея хорошим знанием истории, возникают досадные казусы, от которых не застрахованы самые авторитетные учёные. Ограничусь лишь одним примером из вышедшей в свет «Оренбургской Пушкинской Энциклопедии». В целом это труд огромный, он включает все имена и названия, связанные с оренбургской поездкой Пушкина 1833 г., труд очень квалифицированный: авторы-составители – доктор исторических наук Р. В. Овчинников и академик Л. Н. Большаков. Но в маленькой главке, посвящённой Есенину, излагается критика поэтом исторической и художественной концепции Пушкина в «Капитанской дочке» и «Истории Пугачёвского бунта» («многое Пушкин изобразил неверно», «у него очень мало имён бунтовщиков, но очень много имён усмирителей или тех, кто погиб от рук пугачёвцев»), данная в изложении И. Н. Розанова. В связи с этим в Пушкинской энциклопедии сделан вывод: «Субъективность есенинских оценок пушкинских произведений, наше несогласие с ним не исключает включения имени Есенина в алфавит Оренбургской Пушкинской Энциклопедии»[56]. Получается, что Есенин не только не развивал традиции Пушкина, но и не понимал его. На самом деле Есенин прочитал Пушкина двойным зрением – с точки зрения человека первой четверти XX в.

В заключение важно подчеркнуть, что изучение Есенина как поэта-историка обосновано особенностями личности, биографии, в том числе полученного им историко-философского образования, и творчества поэта, которые показывают, насколько актуальна и многогранна тема «Сергей Есенин и русская история». Ещё раз подчеркнём, что она может быть всесторонне изучена только в союзе с историками. Несомненно, специалисты по истории России первой четверти XX в. могут полнее и глубже, чем литературоведы, раскрыть взгляды Есенина на историю России и выявить немало важных закономерностей и любопытных исторических штрихов, отражённых Есениным как художником и летописцем истории.

Это направление исследования, несомненно, перспективно и поможет раскрыть новые грани поэтического мастерства и мировоззрения поэта. Используя слова И. А. Ильина о Пушкине, мы с полным правом можем сказать: Есенин, как и Пушкин, «был живым средоточием русского духа, его истории, его путей, его проблем, его здоровых сил и больных узлов»[57].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Пушкин А. С.* Письмо Н. И. Гнедичу от 23 февр. 1825 // *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. М.-Л., 1949. Т. X. С. 126.

[2] Красная новь. М., 1922, № 3 (7), май. С. 257–258.

[3] Новый путь. Рига, 1921, 10 сент. № 182.

[4] Звено. Париж, 1925, 16 февр. № 107.

[5] *Ильин В. Н.* Есенин — русский Лель / Предисл., публ. и подготовка текста Н. Шубниковой-Гусевой // Лепта. 1995. № 27. С. 224.

[6] Звено. Париж.,1925, 16 февр. № 107.

[7] Наиболее яркий пример такой работы: *Корниенко Н. В.* «Нэповская оттепель»: Становление института советской литературной критики. М., 2010.

[8] См. напр.: *Самоделова Е. А.* Историко-фольклорная поэтика С. А. Есенина / Рязанский этнографический вестник. Гл. ред. В. В. Коростылёв. Рязань. 1998; *Шубникова-Гусева Н. И.* Поэмы Есенина: От «Пророка» до «Чёрного человека»: Творческая история, судьба, контекст и интерпретация. М., 2001; *Воронцова Г. Н.* Поэма Есенина «Пугачёв» как произведение исторического жанра // Сергей Есенин: диалог с XXI веком. Межд. симпозиум. Сб. научн. трудов. М. — Константиново — Рязань, 2011. С. 153–158. См. также библиографию в статье: *Скороходов М. В.* Наследие С. А. Есенина в контексте отечественной истории // Современное есениноведение. Рязань. 2012. № 22. С. 6–15 и др.

[9] *Киреевский И. В.* Обозрение словесности 1829 года // *Киреевский И. В.* Избранные статьи. М., 1984. С. 44.

[10] *Северянин Игорь.* Я — гений...: Избранное. Поэзы. Романы в стихах. Проза / Сост., вступ. ст. и коммент. В. Н. Терёхиной и Н. И. Шубниковой-Гусевой. СПб., 2013. С. 103.

[11] См. *Аникина О. Л.* Анализ учебных планов и программ Спас-Клепиковской второклассной учительской школы // Биография и творчество Сергея Есенина в энциклопедическом формате. Сб. научн. трудов по материалам Межд. научн. конференции, посвящённой 116-летию со дня рождения С. А. Есенина. М. — Рязань — Константиново. 2012. С. 300.

[12] Там же. С. 298.

[13] Об этих учёных см.: *Скороходов М. В.* История Германии в учебных планах Московского городского народного университета имени А. Л. Шанявского // Есенинский вестник. 2013. № 3. С. 48–55.

[14] *Грузинов И. В.* Есенин // С. А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2-х т. / Вступ. ст., сост. и коммент. А. А. Козловского. М., 1986. Т. 1. С. 352.

[15] См. также: *Скороходов М. В.* Школьные учебники истории дореволюционного периода как источник есенинских произведений // Современное есениноведение. 2012. № 23. С. 9–16.

[16] Библиографию исследований последнего времени на эту тему см.: *Скороходов М. В.* Наследие С. А. Есенина в контексте отечественной истории С. 6–15.

[17] См. записную книжку, подаренную Есениным С. А. Толстой-Есениной: ГЛМ. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 462.

[18] *Воронский А. К.* Сергей Есенин // Красная новь. 1924. № 1. Январь – февраль. С. 275.

[19] См. статью Мишеля Никё в настоящем сборнике.

[20] *Львов-Рогачевский В. Л.* Поэзия новой России: поэты полей и городских окраин. М., 1919. С. 57.

[21] Подробнее о поэмах 1917–1918 гг. см.: *Марченко А.* Поэтический мир Есенина. М., 1996. С. 90–123; *Скороходов М. В.* Раннее творчество С. А. Есенина в историко-литературном контексте («Радуница» 1916 г. и маленькие поэмы 1917–1918 гг.). Автореферат дис. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук. М., 1995; *Его же*: Маленькие поэмы Есенина 1918 года (О поэтике заглавия) // Российский литературоведческий журнал. № 11 (1997). С. 41–60; *Семёнова С. Г.* Стихии русской души в поэзии Есенина // Столетие Сергея Есенина. Международный симпозиум. Есенинский сб. Вып. III. М., 1997. С. 62–73; *Воронова О. Е.* Духовный путь Есенина: Религиозно-философские и эстетические искания. Рязань, 1997. С. 7–95 и др. Н. М. Кузьмищева в работе «Мифопоэтическая модель мира в "маленьких" поэмах С. А. Есенина 1917–1919 гг.» Автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук. М., 1998 включает в цикл 12 библейских поэм; кроме перечисленных в тексте – «Кобыльи корабли».

[22] *Скороходов М. В.* Маленькие поэмы Есенина (О поэтике заглавия). С. 42.

[23] *Деев-Хомяковский Г. Д.* Правда о Есенине // С. А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 149.

[24] *Мурашёв М.* Сергей Есенин в Петрограде // Сергей Александрович Есенин: Воспоминания / Под ред. И. В. Евдокимова. М.-Л., 1926. С. 51.

[25] *Розанов И. Н.* Воспоминания о Сергее Есенине // С. А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 440.

[26] *Грузинов И. В.* Есенин // Там же. С. 352.

[27] *Мейерхольд В.* Статьи, письма, беседы. М., 1968. С. 383, 573.

[28] См. об этом: *Грузинов И. В.* Есенин // С. А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 356. Подробнее об истории текста см.: *Субботин С. И.* К истории текстов «Иорданской голубицы», «Ленина» и «Песни об Евпатии Коловрате» // Есенин академический. Есенинский сб. Вып. II. М., 1995. С. 43–73.

[29] *Евдокимов И. В.* Сергей Александрович Есенин // С. А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 299.

[30] Там же.

[31] *Благой Д.* От Кантемира до наших дней: В 2 т. Т. 2. М., 1973. С. 256.

[32] *Пушкин А. С.* Об «Истории Пугачёвского бунта» (Разбор статьи, напечатанной в «Сыне Отечества» в январе 1835 года) // *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Т. VIII. С. 389–390.

[33] *Вольпин В. И.* О Сергее Есенине // Сергей Александрович Есенин. С. 110.

[34] *Эйгес Е. Р.* Из воспоминаний // Сергей Есенин в стихах и жизни: Воспоминания современников / Сост. и общая ред. Н. И. Шубниковой-Гусевой. Подг. текста и коммент. С. П. Кошечкина, С. П. Митрофановой-Есениной, С. И. Субботина и Н. И. Шубниковой-Гусевой. М., 1995. С. 285.

[35] *Ройзман М. Д.* Всё, что помню о Есенине. М., 1973. С. 111–112.

[36] Письмо Пушкина А. С. – Бенкендорфу А. Х. от 26 янв. 1935 г. // *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Т. X. С. 523.

[37] См.: *Воронцов К. П.* Из новых поступлений в музей С. А. Есенина // С. А. Есенин: Эволюция творчества. Мастерство. Рязань. 1979. С. 126.

[38] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Т. VIII. С. 389–390.

[39] О том, что Есенин «выстроил сюжет своей драмы» по канве пушкинской «Истории Пугачёва» см.: Полн. собр. соч. С. А. Есенина – [III, 459–539]; *Мусатов В. В.* О смешной, о смешной, о смешной Емельян!.. // Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX в. М., 1998. С. 98; а также: *Кузьмищева Н. М.* Восстание Е. Пугачёва в восприятии А. Пушкина и С. Есенина // Пушкин и Есенин. Есенинский сб. Вып. V. М., 2000. С. 170–181; о труде Дубровина, как источнике есенинского «Пугачёва» см. Е. А. Самоделова – [III, 469, 525–526 и др.].

[40] *Пушкин А. С.* Об «Истории Пугачёвского бунта» // *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Т. VIII. С. 389.

[41] Оренбургская Пушкинская Энциклопедия. Оренбург. 1997. С. 12–16.

[42] *Вольпин В. И.* О Сергее Есенине // С. А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 423.

[43] *Воронский А. К.* Литературные силуэты. Сергей Есенин // Красная новь. 1924, № 1. С. 288.

[44] *Вольпин В. И.* О Сергее Есенине // С. А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 426.

[45] *Бахрах А.* <Рец.> С. Есенин. Собр. стихов и поэм // Дни. Берлин. 1922. 24 дек. № 48.

[46] *Эренбург И.* Сергей Александрович Есенин // *Эренбург И.* Портреты русских поэтов. Берлин, 1922. С. 84–85.

[47] См.: *Кузнецов А., Чепурнов Н.* Наградная медаль. М., 1992. С. 367–372.

[48] *Старцев И. И.* Мои встречи с Есениным // С. А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 413.

[49] Подробнее см. в кн.: *Шубникова-Гусева Н. И.* Поэмы Есенина. С. 189–289.

[50] *Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. М.-Л., Т. 6. С. 86.

[51] *Кириллов В. Т.* Встречи с Есениным // С. А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 270.

[52] См.: *Шубникова-Гусева Н. И.* Поэмы Есенина. С. 139–161; *Её же.* Драматическая поэма Есенина «Пугачёв»: иноязычные версии и концепции (1921–1926) // *Шубникова-Гусева Н. И.* «Объединяет звуком русской песни...»: Есенин и мировая литература. М., 2012. С. 269–296.

[53] Печать и революция. М., 1925. Кн. 7. Октябрь – ноябрь. С. 122.

[54] *Адонц Г.* О поэзии Есенина // Жизнь искусства. М.-Л., 1925. № 35. 1 сент. С. 9–10.

[55] *Шубникова-Гусева Н. И.* Поэмы Есенина. С. 169–181.

[56] Оренбургская Пушкинская Энциклопедия. С. 142.

[57] *Ильин И.* Пророческое призвание Пушкина. Рига. 1937. С. 9.

О. Е. Воронова *(Рязань)*

КОНЦЕПЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ В ТВОРЧЕСТВЕ С. А. ЕСЕНИНА

Проблема «Сергей Есенин и русская история» актуальна и значима по многим причинам.

Во-первых, потому что сам феномен Есенина является фактом не только отечественной культуры, но и отечественной истории. На это совершенно справедливо указал на исходе XX столетия известный литературовед, историк, философ В. В. Кожинов, поставивший Есенина в один ряд с крупнейшими событиями истории русского духа. В работе «Пути русского исторического самосознания» он писал: «Представляя собой порождения истории, творения культуры сами естественно становятся фено́менами истории. Былины об Илье Муромце, рублёвская Троица, архитектурный мир Московского Кремля, "Жизнь за царя" Глинки, толстовская "Война и мир" и, наконец, *лирика Есенина* (курсив наш – *О. В.*) – это, без сомнения, реальные факты, события русской истории, прямо и непосредственно участвующие в ней»[1].

Во-вторых, роль Есенина как великого русского национального поэта может быть в полной мере осмыслена лишь в контексте становления национально-исторического сознания и его отражения в отечественной литературе. При этом исторические горизонты, охватываемые творческим взором поэта, столь широки, что Есенин может быть по праву назван историческим писателем, поэтом-историком.

Вместе со своим народом поэт проходит его многовековой путь по вехам русской истории. Ему близки и образное мироощущение безымянного автора «Слова о полку Игореве» («Не пора ль перед новым Посемьем...», «Отчее слово», «Ярославны плачут»), и кровавая боль Батыева нашествия («Песнь о Евпатии Коловрате»), и славная эпоха вечевой свободы («Марфа Посадница»), и бунтарский размах крестьянских восстаний («Ус», «Пугачёв»), и всечеловеческая трагедия мировой войны («Русь», «Бельгия», «Греция», «Польша»), и драматические повороты новой русской истории, запечатлённые в поэмах «Песнь о великом походе», «Страна Негодяев», «Анна Снегина».

Абсолютный поэтический слух, проявившийся в этих произведениях, умение выразить дух нации, расслышать голос предков сквозь гул столетий свиде-

тельствуют о большом эпическом, эпопейном потенциале его творчества, не сумевшем, к сожалению, раскрыться в полной мере ввиду краткости земного пути поэта.

Следует подчеркнуть, что *концепция национальной истории* формировалась в творчестве Есенина на протяжении всего его творческого пути. Само *качество историзма* его художественного мышления менялось в соответствии с логикой его творческой эволюции.

Для ранних поэм о прошлом России («Ус», «Марфа Посадница», «Песнь о Евпатии Коловрате») характерен *христианско-онтологический тип историзма*, основанный на идее вечного противоборства божественных и сатанинских сил.

В цикле революционных поэм 1917–1919 гг. («Пришествие», «Преображение», «Сельский часослов», «Иорданская голубица» и др.) при всём их богоборческом пафосе утверждается *христианско-эсхатологический тип историзма*, революционные события интерпретируются в контексте Священной истории, а будущее России и человечества мыслится как реализация оптимистической версии Апокалипсиса, начала нового этапа мировой истории духа.

В поэме «Пугачёв» преобладает *романтический тип историзма*, восприятие прошлого приобретает черты *национально-исторического мифа*, а в образе главного героя проступают мессианские черты.

И лишь на вершинном этапе творческой эволюции, в поэме Есенина «Анна Снегина» побеждает *конкретно-объективный тип историзма*, позволяющий говорить об окончательной победе реалистического метода в творчестве поэта.

При этом интерес Есенина к исторической проблематике не исчерпывается вниманием к отдельным историческим фактам, а проявляется в стремлении обнаружить глубинные, *метаисторические, ментально обусловленные тенденции и закономерности исторического процесса* вообще и национальной истории в частности.

Метаисторизм художественного мышления Есенина проявляется в исследовании бытийно-органических начал отечественного исторического процесса, закономерно проявляющихся в самых разных его эпохах. Уже с первых шагов своего литературного пути сумев понять историю Отечества как явление национального духа, поэт увидел за цепью фактов и событий особый провиденциальный смысл, тайно направляющий вектор национальной судьбы.

Эту скрытую логику движения исторического потока поэт обнаруживает в единстве естественных и исторических факторов в судьбах родной страны, в *природосообразности и духосообразности исторического бытия народа*, в извечном противоборстве божественных и сатанинских сил, в духовных безднах и вершинах национального макрокосма, в извечных антиномиях русской души с её бесконечными метаниями между светом и мраком, грехом и покаянием, рабством и буйством, между духовной силой и слабостью, святотатством и святостью.

Это позволяет усматривать во взглядах поэта на историю элементы *целостной историософской системы*, во многом оригинальной и самобытной, но вместе с тем являющейся органическим продуктом вполне определённой национальной историко-философской традиции.

В связи с дальнейшим использованием термина «историософия» важно определить его значение в контексте данной статьи в силу некоторых отличий этого понятия от близкой ему категории «философия истории». И то, и другое направление мысли предполагает истолкование исторического процесса на основе выявления его общих закономерностей, однако, в отличие от философии истории, историософия стремится обнаружить в ходе истории влияние не столько объективных причинно-следственных связей, сколько надбытийных (метаисторических, сверхсобытийных) феноменов: всеединства и Богочеловечества (В. Соловьёв), воли к жизни (Ф. Ницше), всечеловеческого порыва к духовному освобождению (Н. Бердяев), географического детерминизма (К. Риттер), противоборства «органического» и «механического» в новейших судьбах народов (О. Шпенглер), смены культурно-исторических типов (Н. Данилевский) и т. п. Историософские концепции всегда представляют оригинальное ви́дение их авторами логики и смысла тех или иных событий, как правило, с позиций аксиологии, базируются на метафилософских, в том числе метарелигиозных основаниях[2].

Как показывает анализ есенинской трактовки событий прошлого России, мировоззрение поэта формировалось под влиянием, в первую очередь, *национальной историософской традиции* с присущими ей характерными чертами: *провиденциальностью, мессианизмом, эсхатологизмом*. При этом особенно близкой Есенину была художественная историософия Пушкина.

Можно предположить, что первым импульсом к размышлениям будущего поэта о судьбах Родины послужило стихотворение Пушкина «Клеветникам России», входившее в программу по русской словесности, по которой поэт обучался в Спас-Клепиковской второклассной учительской школе[3].

По всей видимости, это произведение, которое с полным правом можно назвать *историософской программой Пушкина*, так поразило юного Есенина, что он попытался создать свою вольную вариацию на ту же тему:

Пускай хулят, бранят Россию,
Пускай смеют наших богов.
Вооружим мы свою силу
Когда-нибудь уж на врагов.
Напомним им былые годы... [VII(2), 37].

На наш взгляд, эти, ещё незрелые строки 15-летнего подростка, сохранившиеся в записной книжке его школьного друга Григория Панфилова за 1911 г. и воспроизведённые ныне в седьмом томе Полного собрания сочинений С. А. Есе-

нина, и есть первый опыт историософского размышления будущего поэта на тему об исторической миссии Отечества.

Анализируя историко-философские взгляды Есенина, важно установить, на какую базу исторических знаний он мог опираться. Так, программа по истории в Константиновской земской школе включала в себя основной блок, который назывался «Картины из русской истории»[4]. Он предполагал изучение различных периодов — от эпохи восточных славян и картин Московской и Петровской Руси до начала XX века.

В Спас-Клепиковской второклассной церковно-учительской школе Есенин изучал предмет, который также назывался «Русская история». Образовательные ведомства того времени уделяли особое внимание отбору качественных школьных учебников. В Отчёте о состоянии церковно-приходских школ за 1897/98 учебный год, например, говорилось: «По русской истории пройден учебник "Русская история для начальных школ" Н. Горбова с добавлением из руководства "Отечественная история в рассказах" С. Рождественского»[5].

В программу второклассных школ в соответствии с «Положением о церковных школах» были включены предметы «Общая церковная история» — 4 урока в неделю, «Отечественная история — церковная и гражданская» (первый год — 2 урока, второй год — 3 урока, третий год — 2 урока в неделю).

Программа по отечественной истории была достаточно объёмной. Самому предмету отводилось в учебном плане почётное место. В комментарии к программе говорилось: «Ученики второклассных школ, готовящиеся стать учителями <...>, должны ясно представлять себе в главных чертах образование и расширение пределов русского государства и усиление его могущества, равно и распространение в Отечестве нашем Церкви Христовой»[6].

Вполне очевидно, что учебные программы, по которым учился Есенин, ставили своей целью не только дать учащимся определённую сумму исторических сведений, но и сформировать у них национально-историческое самосознание, воспитать чувство гордости за своё Отечество.

Обращает на себя внимание установка на изучение не только событийного ряда, но и — в не меньшей степени — исторических персоналий: «В сознании учащихся должен чётко запечатлеться весь ряд тех *знаменательных деятелей* (курсив наш — *О. В.*), которые прославились или в духовных подвигах и служении православной русской Церкви или доблестными трудами на поприще государственном»[7].

Именно такой, «персонифицированный» взгляд на русскую историю как непрерывную цепь героических деяний национальных подвижников проявился в исторических поэмах Есенина, о чём свидетельствуют сами их заглавия: «Марфа Посадница», «Ус», «Песнь о Евпатии Коловрате», «Пугачёв».

Кроме того, историческая тематика изучалась в Спас-Клепиковской школе и в рамках программы по русской словесности (предмет назывался «Русский

язык»). В ней достаточно широко было представлено наследие Н. М. Карамзина. Например, на протяжении третьего года обучения предлагались следующие отрывки из «Истории государства Российского»: «Минин», «Куликовская битва», «Иоанн III».

Изучались и другие образцы исторической прозы Карамзина: «Письма русского путешественника», «О пользе истории», «О любви к Отечеству». Особое внимание уделялось произведениям Пушкина на историческую тему: «Полтава», «Борис Годунов», «Капитанская дочка».

На уроках словесности анализировалось и программное произведение В. А. Жуковского «Певец во стане русских воинов», навеянное событиями Отечественной войны 1812 г.[8]

Именно в соответствии с логикой такого построения исторического курса в ранних поэмах Есенина исторический путь российского государства мыслится в неразрывном единстве с утверждением святынь православной веры, в чём также со всей очевидностью проявляется то ви́дение национального прошлого, которое было усвоено юным поэтом ещё в школьные годы. Неслучайно первыми крупными произведениями Есенина стали поэмы *исторического* содержания, созданные в 1914–1915 гг.

Духовный смысл русской истории открывается их автору в противоборстве божественных и сатанинских сил, православного Христова воинства и демонических стихий ада. Такой взгляд на историю как арену эпического противостояния «своего» и «чужого» миров был глубоко укоренён как в русском фольклоре (в особенности в традициях так называемого «былевого», «старшего» типа народного духовного стиха, преломлявшего события русской истории сквозь призму борьбы за утверждение православной веры[9]), так и в современной Есенину литературе «серебряного века» (например, в историософских романах Д. Мережковского «Христос и Антихрист» и А. Белого «Петербург»).

Историософская концепция Есенина на раннем этапе реализуется сквозь призму *традиций эпического православия*[10], свойственной древнерусской литературе и религиозному фольклору с их идеей Божьего промысла, Божьей помощи, небесного заступничества, Божьего покровительства не только живым, но и погибшим за правое дело. Так, в поэме «Песнь о Евпатии Коловрате» читаем:

Выходила Троеручица
На крылечко с горней стражею:
«Ой ты, Сыне мой возлюбленный,
Помути ты силу вражию,
Соблюди Урусь кондовую» [II, 198].

В этой поэме «белы душеньки» погибших русских воинов переходят под Божественное покровительство, удостаиваются права оказаться в «саде рай-

скоем», а жестокие «злы татаровья» обречены на муки «во смоле, котлах кипучиих».

В то же время Есенин уже в эти годы далеко уходит от уваровского триединства официальной историографии «православие – самодержавие – народность». В триаде *«народ – царь – Бог»* для раннего Есенина едины только народ и Бог, а царская власть выступает протагонистом сатанинских сил. В поэме «Марфа Посадница» это московский царь Иван III, заключающий кровавый договор с Антихристом с целью подавить новгородскую вольницу, а в поэме «Ус» – всё то же Антихристово «лихо», ассоциирующееся с «пятой Москвы», посягающей на права вольного Дона.

Сами же герои малых исторических поэм Есенина – Марфа Посадница и донской атаман Василий Ус – оказываются под духовным покровительством Господа и поэтически канонизируются автором.

Тем самым поэмы «Песнь о Евпатии Коловрате», «Марфа Посадница» и «Ус» можно рассматривать как некое *художественное триединство*, опыт создания *национально-героического христианского эпоса*, цель которого – подчеркнуть, что стихийные народные выступления, вдохновляемые идеями правды и вольности, приравниваются к благородным историческим деяниям и напутствуются Христом. Позднее эта мысль впечатляюще проявится в поэме А. Блока «Двенадцать», но впервые со всей отчётливостью затронул эту тему именно Есенин.

Откровенный антимонархический компонент в историософской концепции Есенина объясняется как мировоззренческими, так и психологическими причинами. Поэту были, несомненно, изначально свойственны элементы *народно-утопического анархизма*[11], субъективно преломлявшиеся в горячую апологетику личной духовной и творческой свободы.

Можно с высокой степенью уверенности утверждать, что на антимонархическую направленность ранних исторических поэм Есенина 1914–1915 гг. повлияла оппозиционная идеология раскола. С историей, бытом, мировоззрением старообрядчества Есенин познакомился ещё в годы учёбы в Спас-Клепиковской школе, где история раскола преподавалась в числе учебных дисциплин, а само село было густо заселено старообрядцами, имевшими здесь свои церкви и молельные дома. Как известно, и Блок, и Мережковский, и Пришвин (а также Ф. Ф. Фидлер, И. Н. Розанов и др.) считали Есенина, с его слов, выходцем из старообрядческой семьи, настолько он был убедителен и достоверен в придуманной им легенде о своих духовных истоках.

Историки старообрядчества отмечают, что одной из специфических особенностей русского раскола было «освящение, то есть религиозное обоснование и оправдание различных форм сопротивления власти официальной церкви и феодально-крепостнического государства. Вожди раскола (Аввакум и его «соузники» по пустозёрской ссылке) в 70-е гг. XVII века подошли даже к оправданию народных восстаний своего времени, утверждая, что в этих «междоусобиях»

проявляется «праведен суд Божий», небесное возмездие царской и официальной церковной власти за их действия»[12].

Именно из старообрядческих источников Есенин мог почерпнуть важную для него мысль об антихристианском перерождении царской монархии, о том, что «самодержавие — от Антихриста». Этой раскольничьей идеей проникнута, в частности, не связанная событийно с эпохой раскола поэма «Марфа Посадница», центральным эпизодом которой является заключение договора, скреплённого кровью, между царём московским и Антихристом:

Вынул он бумаги — облака клок,
Дал ему перо — от молнии стрелу.
Чиркнул царь кинжалищем локоток,
Расчеркнулся и зажал руку в полу [II, 8].

Раскольничьей по духу является и поэма «Ус» (1914 г.), для которой также характерен мотив религиозного освящения права народа на бунт.

Тот факт, что герой поэмы — молодой донской атаман, сподвижник Разина Василий Ус — является раскольником, подтверждается и словами его матери («Захирел наш дол по-над Доном / Под пятой Москвы, под полоном»), и свидетельством известного исследователя истории русского старообрядчества С. Зеньковского, который писал, что раскольничья проповедь имела значительный успех «на Дону, куда уходили свободолюбивые элементы, не уживавшиеся в Московском царстве <...> Низшие слои казачества были настроены свободолюбиво и даже анархически, и среди них было немало сторонников старой веры, или, вернее, противников нового обряда и более тесного контроля Москвы над донскими приходами»[13]. На это указывал и видный историк русского раскола Афанасий Щапов, труды которого, согласно воспоминаниям Мины Свирской, Есенин увлечённо изучал, когда приходил в Общество распространения эсеровской литературы[14].

Гибель донского атамана изображается в поэме «Ус» не как героический исход жизни бойца в ратном сражении, а как мученическая смерть подвижника за веру, ведь в иконном облике Спасителя истомившаяся ожиданием мать узнаёт сыновьи черты: «Это ты, о сын мой, смотришь Иисусом!»

Так в образе Василия Уса впервые в есенинской поэзии происходит соотнесение черт народного избавителя с духовным ореолом Мессии, которое впоследствии проявится и в образе нового библейского пророка революционного цикла поэм, и в поэме «Пугачёв», герой которой также был выходцем из старообрядческой среды.

Говоря о влиянии идей раскола на историософскую концепцию Есенина, следует учитывать и то, что именно русское старовериe стало отправной точкой в формировании *антизападнической тенденции* в новокрестьянской поэзии, и в

творчестве Есенина в том числе. Как подчёркивал видный специалист в области семиотики русской истории и культуры Б. А. Успенский, зло мыслилось раскольниками как занесённое на Русь извне: «За Западом окончательно закрепилось представление как о «вывернутом», «левом» пространстве, т.е. пространстве дьявольском»[15].

Старообрядцы верили, что именно Руси предстоит выдержать решающую схватку с Антихристом как воплощением мирового зла, и именно в этом видели её особое предназначение. Возможно, именно здесь истоки чёткой оппозиции «своего» и «чужого» в их мировоззрении.

У Есенина это противостояние нашло отражение в образах-символах неправославного Запада, исповедующего «другого», чуждого Христа («а́нглийское юдо» в поэме «Пришествие», Америка – «отколотая половина земли» и «страна безверия» в «Инонии»).

С идеологией раскола тесно связаны и исторические поэмы Есенина зрелого периода его творчества.

Так, в поэме «Пугачёв», главный герой которой, согласно точным историческим данным, также имел прямое отношение к раскольничьей среде, происходит присущая старообрядческим апокрифам сакрализация образа народного заступника, избавителя мессианского типа.

Наконец, в поэме «Песнь о великом походе» реформы Петра I показаны сквозь призму не восприимчивого к реформаторским преобразованиям старообрядческого сознания. Устами некоего непутёвого дьяка выносится приговор не только Петру, но и его, как тот полагает, антихристовым деяниям:

Видно, делать ему
Больше нечего:
Принялся он Русь
Онемечивать.
Бреет он князьям
Брады, усие.
Как не плакаться
Тут над Русию? [III, 117]

О топониме «Ру́сия» в этой связи следует сказать особо. Впервые это слово звучит в революционной поэме «Пришествие» в связи с темой русского Христа.

По тебе молюся я
Из мужичьих мест;
Из прозревшей Ру́ссии
Он несёт свой крест [II, 46].

На первый взгляд может показаться, что перед нами авторский неологизм. На самом деле употребление Есениным слова «Ру́сия» («Ру́ссия») вместо обычного для него «Русь», «Россия» свидетельствует о знакомстве поэта с известным старообрядческим памятником XVII века «Книга глаголемая Летописец», рассказывающем о судьбе сокровенного града Китежа, жители которого спаслись от Батыева нашествия на дне озера Светлояр. «Даждь ми грамоту в Ру́сии нашей по градом церкви божия строити и грады», – читаем в этом памятнике[16].

В другом старообрядческом сочинении, принадлежавшем иноку Авраамию из окружения боярыни Морозовой (с этой работой Есенин мог познакомиться по трудам Афанасия Щапова), говорится: «Иного отступления уже не будет, везде бо бысть последнее время Русии. <...> Будет Ру́сия обладаема царями нечестивыми – тии суть розы антихриста»[17].

Есенин глубоко ощущал родственность своего революционного времени «бунташному» XVII веку с его апокалиптическим «стоянием на краю времён». Однако в отличие от пессимистической эсхатологической установки раскольничьего мировоззрения в революционных поэмах Есенина возобладала оптимистическая, хотя и во многом еретическая версия Апокалипсиса – вера в исполнение особой исторической миссии России: принести «ветхому» миру спасение через собственную гибель:

Гибни, Русь моя,
Начертательница
Третьего
Завета. <...>
Гибель твоя
Миру купель предвечная [II, 175, 300].

Пришедшая из европейского Средневековья идея Третьего Завета активно обсуждалась в религиозно-философской публицистике Дм. Мережковского и Н. Бердяева и со всей очевидностью интересовала Есенина в аспекте русского мессианства.

Эсхатологическая устремлённость историософской концепции русской революции в поэмах «скифско-мессианского» цикла 1917–1919 гг. имеет в своей основе народные социально-утопические легенды о «сокровенном граде», «земном рае», «ином царстве».

Названный в мемуарах друга поэта Вл. Чернявского «есенинской библией», этот цикл строится по классической «провиденциальной» модели. Дело в том, что, согласно исследованиям специалистов, исторический процесс в традиционной историософской схематике оказывается вписанным в универсальный процесс миротворения, становления мира и его завершения[18].

Революционный цикл поэм Есенина представляет собой поэтический ответ на три ключевых вопроса всякой историософской системы: о *«начале» истории*; о *«конце» истории*; о *«смысле» истории*. И обращён он, говоря есенинскими словами, к «исходу мира и назначению человека» [V, 152].

Развитие русской историософской мысли начала XX в. во многом связано с идеологией и художественной практикой *«скифства»*, к которому Есенин — наряду с Ивановым-Разумником, Блоком, Белым, Н. Клюевым — имел самое прямое отношение. Характеризуя свойственную всем «скифам» общую устремлённость к «духовной революции» в жизни и в искусстве, С. Семёнова отмечает: «Скифы отличались наступательной духовной активностью и максимализмом: их воззрения сочетали культ народной стихии, романтического мятежа против законов "ветхого" мира с мессианскими чаяниями, в которых мировая революция духа круто взмывала на высоты онтологического преображения, открывающего "новое небо и новую землю"»[19].

Самобытной модификацией «русской идеи» в её новом преломлении стало есенинское «скифство», теоретическим манифестом которого можно считать трактат «Ключи Марии» (1918), а художественным воплощением — революционно-романтический цикл поэм 1917–1919 гг., который исследователи справедливо называют «скифским циклом».

По сравнению с пониманием «скифства» Ивановым-Разумником как революционного славянофильства с неонародническим уклоном есенинский вариант «скифского мифа» представляет собой гораздо более сложное и живое явление. Есенинское «скифство» более почвенно. Оно воплотило в себе и народную анархическую утопию, и идеалы крестьянского демократизма, и жажду духовного преображения мира, и веру в особую миссию России, и творческую энергию «русского космизма». В нём соединились «китежское сознание» и революционный мессианизм, славянофильские и почвеннические начала, христианство и язычество, мистерия и пастораль, утопия и миф, молитва и пророчество.

Цикл есенинских поэм при всём их богоборческом, а точнее говоря — «боготворческом» характере («Я иным тебя, Господи, сделаю, / Чтобы зрел мой словесный луг!» [II, 62]) несёт в своей художественной концепции религиозную идею, восходящую к истокам отечественной историософской мысли — к представлению об особом историческом и духовном призвании России.

Знаменитая формула *«Москва — третий Рим»*, прозвучавшая в XVI веке в послании старца Филофея, нашла подкрепление в народном *«китежском» мифе о Святой Руси* как богохранимом граде Истины, над которым простёр свои невидимые длани в знак духовного покровительства сам Господь. У Есенина эта мысль получила яркое образное выражение:

И ни единый камень
Через пращу и лук

Не подобьёт над нами
Подъятье Божьих рук [II, 42].

Историософские прозрения Есенина пронизаны интеллектуально-творческими импульсами, идущими от философии «русской идеи», в традициях которой он формировался не только как поэт большой «русской темы», но и как оригинальный мыслитель. И этот фактор также нельзя не учитывать. Ведь Есенин был очевидцем и современником расцвета русской религиозно-философской, в том числе историософской мысли начала XX века:

— в 1909 г. в России впервые была опубликована на русском языке статья Вл. Соловьёва «Русская идея», написанная за 20 лет до этого, и статья Вяч. Иванова «О русской идее»;

— в 1915 г. Есенин имел возможность познакомиться с широко обсуждавшимися в петербургских кругах историософскими сочинениями Николая Бердяева «Душа России» и «Судьба России»;

— в том же 1915 г. в составе личной библиотеки Есенина появилась книга В. Розанова «Война 1914 года и русское возрождение», где знаменитый философ констатировал вызванный военными событиями всплеск славянофильско-почвеннических настроений в русском обществе и призывал читателей искать ответы на судьбоносные вопросы времени в наследии выдающихся русских историков Аксакова, Киреевского, Данилевского, Страхова и Леонтьева[20]. Думается, Есенин не остался равнодушным к этим мудрым рекомендациям своего старшего современника, которого он знал и ценил.

Важно отметить также, что в университете имени А. Л. Шанявского, где поэт обучался на *историко-философском цикле академического отделения*, читался курс «Теория исторического процесса», содержавший обзор основных историософских концепций.

В программу курса были включены как разделы о теориях выдающихся учёных-философов различных эпох, в том числе отечественных мыслителей (Т. Н. Грановского, С. М. и В. С. Соловьёвых, М. М. Ковалевского и др.), так и крупные проблемные вопросы: «Метафизические вопросы философии истории», «История и литература», «Духовный характер исторических явлений», «Культурная традиция», «Общий смысл истории», «Параллели и аналогии в истории», «Эстетический элемент в исторической работе». Особо рассматривалась классификация факторов исторического процесса («Человек, общество, внешняя природа») и их соотношение. Изучалось значение масс и великих людей в истории («Учение Лампрехта о гениях. Великие люди в истории. Всякая ли эпоха имеет своего героя?»). Рассматривались «метафизические элементы идеи прогресса», «её этическое значение»[21].

Особый раздел назывался «Историческая психология», в рамках которого рассматривались вопросы «Дух времени. Закон исторических соотношений. За-

кон исторических контрастов». Следует заметить, что само по себе выделение в лекционном курсе таких разделов, как «Историческая психология», «Психология народов», «Этология, или наука о характере»[22] свидетельствует о том, что студентам народного университета предлагалось учесть и тот метод ви́дения прошлого, который впоследствии получил своё развитие в таких новейших научных дисциплинах, как «История ментальностей», «Психология ментальностей», «Историческая антропология». В творчестве Есенина такой ракурс исторического зрения нашёл отражение в его пристальном внимании к феномену национального характера, к проблеме национальных типов, к выявлению ментальных основ национального самосознания[23].

Можно предположить, что в годы учёбы в народном университете, в ходе самообразования Есенин мог познакомиться с историческими взглядами выдающихся отечественных мыслителей XIX – начала XX века, узнать о полемике славянофилов и западников, об учении А. С. Хомякова о соборности, почвеннических взглядах Ф. М. Достоевского, панславистской концепции Ф. И. Тютчева о ведущей роли России в объединении славянского мира, о работах «Россия и Европа» Н. Данилевского, «Византизм и славянство» К. Леонтьева и др.

Согласно учебному плану историко-философского цикла на 1913–1914 и 1914–1915 годы, Есенин должен был прослушать курс «Русская история XIX века» (лектор — известный историк, культуролог А. А. Кизеветтер). Лучшие специалисты читали и курсы истории зарубежных стран. В результате Есенин имел возможность получить системное историческое образование, дополненное обширным кругом чтения и общением с действительно историческими личностями.

Наиболее оригинальным вкладом Есенина в отечественную художественную историософию стала **идея *природосообразности исторического процесса***, природной обусловленности национального исторического бытия, нашедшая особенно яркое воплощение в драматической поэме «Пугачёв».

Исторический и природный процессы приведены в пьесе к единому знаменателю. История, по Есенину, развивается природосообразно, циклично. Художественное время строится на основе не линейной, а космологической модели. И это неслучайно. Циклическое восприятие времени является характерной особенностью архаического сознания. «Время, в котором живёт аграрное общество, — природное время, последовательность годичных циклов. Временные ориентиры, значимые в этой системе сознания, заданы сменой времён года. В крестьянском мире в принципе не бывает ничего нового, всё повторяется, круг жизни от рождения до смерти проходит одну и ту же для всех одинаковую цепь событий»[24].

«Если говорить о восприятии времени, — пишет Б. А. Успенский, — то можно выделить две общие модели, два типа сознания, которые мы условно определили как “историческое” и “космологическое”. Историческое сознание соответ-

ствует представлению о линейном времени, сознание же космологическое отвечает представлению о циклическом времени»[25].

В есенинской поэме мы наблюдаем своеобразный временной контрапункт. Историческое событие словно вычленяется из линейного потока времени и оценивается сквозь призму космологического сознания, для которого характерна нерасчленённость природных и исторических координат временного процесса.

В определённом смысле поэту оказывается близка дионисийская мифологическая модель «смерти — воскресения», распространяемая им не только на природу, но и на историю, в которой для него также есть свои циклы возрождения и умирания, подобно весне и осени в природном мире. Поэтому природные потрясения сродни стихийным мятежам и бунтам и развиваются по тем же законам. Отсюда в поэме такое изобилие образных природно-исторических параллелей:

Уже слышится благовест бунтов,
Рёв крестьян оглашает зенит,
И кустов деревянный табун
Безлиственной ковкой звенит [III, 26].

Вот взвенел, словно сабли о панцири,
Синий сумрак над ширью равнин.
Даже рощи —
И те повстанцами
Подымают хоругви рябин [III, 38].

Художественная логика поэмы выстроена так, что убийство Петра III с самых первых страниц перестаёт быть только фактом истории, а вызывает и возмущение природных стихий, сбой космического ритма, превращается в событие вселенского масштаба: «И течёт заря над полем / С горла неба перерезанного...» [III, 9].

Принцип параллелизма природных и исторических явлений, у которых, по мысли Есенина, также могут быть свой «закат», своя «осень», пронизывает многие страницы поэмы. Присутствует он и в мотиве исчерпанности ожиданий и надежд, связывавших старшее поколение казаков с Пугачёвым. Об этом свидетельствует монолог Творогова накануне антипугачёвского выступления:

Знаю, знаю, весной, когда лает вода,
Тополь снова покроется мягкой зелёной кожей.
Но уж старые листья на нём не взойдут никогда –
Их растащит зверьё и потопчут прохожие. <...>
Слушай, слушай, мы старые листья с тобой! [III, 44]

Однако исторический процесс в есенинском представлении является аналогом не только «растительного» природного цикла. В нём могут действовать и «животные» начала, «бестиальные» стихии. Силы, противодействующие друг другу в истории, ведут себя, по мнению автора поэмы, так же, как хищники и их жертвы в мире дикой природы. Отсюда естественная аллегория: «жизнь — лес»:

А жизнь – это лес большой,
Где заря красным всадником мчится.
Нужно крепкие, крепкие иметь клыки...
(Из монолога Пугачёва [III, 22])

Природа и История предстают в поэме Есенина как нечто неразложимое, цельное, как неотъемлемые и взаимосвязанные стороны органического бытийного процесса.

Возникает вопрос: мог ли поэт откуда-то почерпнуть такую природно обусловленную модель исторического времени или это его собственное интуитивное прозрение? Скорее всего, и то, и другое.

Анализ историософских концепций, с которыми Есенин мог ознакомиться в процессе своего исторического образования и самообразования, показывает, что поэт в своей исторической рефлексии мог опереться не только на собственную художническую интуицию. В учебном плане курса «Теория исторического процесса», который читал в Университете А. Л. Шанявского В. М. Хвостов, в его учебном пособии по этому курсу, в частности, в главе «Гипотетические и метафизические элементы в историческом мировоззрении», рассматривались такие вопросы, как «Теории круговращения, золотого века и прогресса», а в главе о факторах исторического процесса и их соотношении особо освещалась такая проблема, как «Внешняя природа как фактор исторического процесса»[26]. На осознание глубинной взаимосвязи природы и истории нацеливали также ключевые положения теории «культурно-исторических типов» известного историка и философа XIX века Н. Я. Данилевского и концепция «исторического круговорота» К. Н. Леонтьева. Оба мыслителя исходили в своих историософских концепциях из принципов цикличности и повторяемости исторического процесса, из представлений об «историческом круговороте» эпох, проходящих в своём развитии ряд последовательных стадий: зарождение, расцвет, старение, упадок. Книги Данилевского «Россия и Европа», Леонтьева «Византизм и славянство» были, скорее всего, известны Есенину и, безусловно, питали его творческую мысль.

О том, что Есенин был склонен рассматривать проблемы истории и природы в широком цивилизационном контексте, в кругу таких понятий, как «природа», «культура», «цивилизация», свидетельствует и его интерес к историософским работам выдающегося немецкого философа и культуролога Освальда Шпенглера, в которых история предстаёт как последовательность ряда «духовных эпох»,

рассматриваемых как исторические формы, проживающие, подобно живым организмам, периоды зарождения, становления и умирания.

«Пришли, друг, почитать Шпенглера, пришлёшь?», — обращался Есенин к одному из своих друзей, как свидетельствует в своих мемуарах его современник М. Талызин[27].

Встреча с Западом, начавшаяся в Германии в 1922 г., стала для Есенина моментом духовно-творческого осознания им миссии России в современном мире. В письмах из-за рубежа поэт делится своими мыслями, которые парадоксально совпадают с выводами выдающегося философа и культуролога. «Здесь действительно медленный грустный закат, о котором говорил Шпенглер» [VI, 137], — пишет он 21 июня 1922 г. из Германии.

Книга Шпенглера «Закат Европы» (Der Untergang des Abendlandes) появилась в 1918 г., сразу же став мировой сенсацией: с 1918 по 1920 гг. вышло 32 издания I тома этого фундаментального научного труда. Другими вариантами перевода названия книги были «Падение Запада» или «Гибель Европы», что с ещё бóльшей отчётливостью характеризовало пессимистический прогноз дальнейшего развития западной цивилизации, данный Шпенглером.

В России эта книга вызвала повышенный интерес, т. к. подтверждала прогноз многих выдающихся отечественных мыслителей, включая Герцена, Достоевского, Тютчева, славянофилов, почвенников, мыслителей русского духовного ренессанса, историков С. М. Соловьёва и В. О. Ключевского, теоретиков «скифства» и «евразийства» о перспективах развития западной цивилизации.

Хотя на русский язык издание было переведено в 1923 г., Есенин мог познакомиться с основными идеями книги в 1922 г. по сборнику «Освальд Шпенглер и Закат Европы» (М., 1922), в котором были представлены статьи Н. А. Бердяева, С. Л. Франка, Ф. А. Степуна, Я. М. Букшпана[28]. Бердяев и Франк признали эту книгу самым гениальным явлением европейской литературы после Ф. Ницше.

Суть исторической концепции Шпенглера сводилась к тому, что наступление рационалистической модели цивилизации и «планетарной техники» ведёт к деградации высших ценностей культуры, обрекая их на гибель; «вторая природа», созданная руками человека, вытесняет первую; культура вырождается в цивилизацию, которая ведёт к неизбежному упадку духовных ценностей человечества[29].

Этими гранями философская концепция Шпенглера была близка представителям русской духовно-философской мысли. Так, развивая ключевую мысль Шпенглера о различении понятий «культура» и «цивилизация», Бердяев, работы которого были известны Есенину, подчёркивал, что культура «органична», а цивилизация «механистична», что философия и искусство существуют лишь в культуре, а в цивилизации они невозможны и не нужны[30]. «Все русские религиозные мыслители также видели разницу между культурой и цивилизацией. И все они испытывали ужас от сознания близкой гибели культуры и скорого

торжества цивилизации, которую отождествляли с мещанством», — отмечал, комментируя Шпенглера, современный исследователь[31].

Таким образом, обладая достаточно серьёзным багажом исторических знаний, Есенин во всех своих произведениях, посвящённых страницам прошлого России, выступает с достаточно определившейся системой исторических взглядов, согласно которой история России мыслится как воплощение созидающих начал национального духа.

Историософские прозрения Есенина во многом интуитивны, но всегда оригинальны и самобытны, органичны для его художественной картины мира.

В есенинской концепции национальной истории, как было показано выше, с самого начала обращает на себя внимание отчётливо выраженный антимонархический, стихийно-бунтарский, порой анархический элемент, имеющий свои глубокие мировоззренческие и психологические корни. Эта особенность была характерна как для раннего, дореволюционного, так и для зрелого этапа есенинского творчества.

«Мне очень грустно сейчас, что *история* (курсив наш — *О. В.*) переживает тяжёлую эпоху умерщвления личности как живого, — пишет Есенин в одном из писем в 1921 г., — ведь идёт совершенно не тот социализм, о котором я думал... Тесно в нём живому, тесно строящему мост в мир невидимый, ибо рубят и взрывают эти мосты из-под ног грядущих поколений»[VI, 126].

В своих произведениях поэт стремится увязать смысл истории с целью и смыслом существования человека. *Есенинская концепция национальной истории базируется на принципах цикличности, органичности, природосообразности, провиденциальности отечественного исторического процесса.*

Один из ключевых вопросов философии истории — о возможностях обретения общечеловеческого единства — Есенин решает в оптимистическом ключе:

Века всё смелют,
Дни пройдут,
Людская речь
В один язык сольётся.
Историк, сочиняя труд,
Над нашей рознью улыбнётся... [II, 111].

«Литература в её наиболее значимых проявлениях — это не воспроизведение истории, а, если угодно, высший плод истории, притом, конечно, самобытнейший, своеобразнейший её плод. И именно так её надо изучать и понимать», — подчёркивал В. В. Кожинов[32].

Анализ художественной историософии Есенина убедительно показал, что, пожалуй, ни у кого из поэтов-современников, кроме Есенина, мы не найдём та-

кого *органического взаимопроникновения историософских и натурфилософских взглядов*, такого оригинального и художественно самостоятельного воплощения образа *«древа истории»*, идеи единства природных и исторических факторов в судьбах родной страны.

Помноженное на художественный гений поэта, творчески освоенное им историко-философское наследие отечественных мыслителей дало замечательные плоды, позволяющие считать Есенина одним из великих творцов одухотворяющей отечественную историю русской национальной идеи.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Кожинов В. В.* Пути русского исторического самосознания // *Кожинов В. В.* Размышления об искусстве, литературе и истории. М.: Согласие, 2001. С. 195.

[2] См. об этом подробнее: *Семёнов Ю. И.* Философия истории: Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней. М., 2003. 776 с.

[3] *Аникина О. Л.* Анализ учебных планов и программ Спас-Клепиковской второклассной учительской школы // Биография и творчество Сергей Есенина в энциклопедическом формате: Материалы Международной конференции. // Москва – Рязань – Константиново, 2012. С. 299.

[4] Летопись жизни и творчества С.А. Есенина. М.: ИМЛИ РАН, 2003. Т. 1. С. 473.

[5] Там же. С. 492.

[6] Программы учебных предметов для второклассных школ. Печатано по определению Святейшего Правительственного Синода. СПб.: Синодальная типография. 1903. С. 62.

[7] Там же. С. 85.

[8] О содержании учебных планов и программ см.: *Скороходов М. В.* Биография Есенина как раздел энциклопедии // Есенинская энциклопедия. Концепция. Проблемы. Перспективы. М. – Рязань – Константиново, 2007. С. 98–105; *Аникина О. Л.* Анализ учебных планов и программ Спас-Клепиковской второклассной учительской школы // Биография и творчество Сергея Есенина в энциклопедическом формате: Материалы Международной конференции. М. – Рязань – Константиново, 2007. С. 294–305.

[9] См. подробнее о таких духовных стихах исторического содержания, как «Александр Невский», «Михаил и Фёдор Черниговский», «Дмитрий Донской» и др.: *Селиванов Ф. М.* Народно-христианская поэзия // Стихи духовные. М., 1991. С. 7–8.

[10] См. об этом: *Николаев О. Р., Тихомиров Б. Н.* Эпическое православие и русская культура: к постановке вопроса // Христианство и русская литература. СПб., 1994. С. 6.

[11] См. подробнее об этом: *Никё М.* Есенин и анархизм // Наследие Есенина и русская национальная идея: Современный взгляд. Мат-лы межд. науч. конф. Москва – Рязань – Константиново, 2005. С. 160–169.

[12] Русское православие: Вехи истории // Науч. ред. А. И. Клибанов. М., 1989. С. 219.

[13] *Зеньковский С.* Русское старообрядчество: Духовные движения семнадцатого века. М., 1995. С. 397.

[14] *Свирская М.* Знакомство с Есениным // Русское зарубежье о Есенине: В 2 т. / Вступ. ст., сост. и коммент. Н. И. Шубниковой-Гусевой. М., 1993. Т. 1. С. 145. По-видимому, речь идёт о следующем издании: *Щапов А. П.* Сочинения: В 3 т. – СПб., 1906–1908.

[15] *Успенский Б. А.* Избранные труды: Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1996. Т. 1. С. 355.

[16] *Комарович В. Л.* Китежская легенда: Опыт изучения местных легенд. М.; Л., 1936. С. 53.

[17] Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. И. Субботина. М., 1875–1890. Т. 7. С. 213.

[18] *Семёнов Ю. И.* Философия истории: Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней. М., 2003. 776 с. и др.

[19] *Гачева А., Казнина О., Семёнова С.* Философский контекст русской литературы 1920–1930-х годов. М., 2003. С. 51.

[20] См. об этом подробнее: *Герасимова И. Ф.* Тема Первой мировой войны в книжных изданиях круга чтения С. А. Есенина // Современное есениноведение. 2012. № 22. С. 17–24.

[21] *Хвостов В. М.* Теория исторического процесса. Очерки по философии и методологии истории: Курс лекций. М.: Моск. Науч. изд. При Моск. Науч. ин-те, 1919. С. 216–221, 338–350. Благодарим М. В. Скороходова за предоставленный раритетный источник.

[22] Там же.

[23] См. подробнее об этом: *Воронова О. Е.* Сергей Есенин и русская духовная культура. Рязань, 2002; *Бабицына Н. Н.* Поэтика национального характера в творчестве С. А. Есенина. Автореф. канд. дисс. М., 2013.

[24] *Гуревич А. Я.* Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981. С.169.

[25] *Успенский Б. А.* Избранные труды: Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1996. Т. 1. С. 84.

[26] *Хвостов В. М.* Теория исторического процесса. С. 216–221, 338–350.

[27] *Талызин М.* Неповторимый // Русское зарубежье о Сергее Есенине: Воспоминания, эссе, очерки, рецензии, статьи / Сост Н. И. Шубникова-Гусева. М., 2007. С. 264.

[28] Освальд Шпенглер и Закат Европы: Сб. статей Н. А. Бердяева, С. Л. Франка, Ф. А. Степуна, Я. М. Букшпана. М., 1922.

[29] *Шпенглер О.* Закат Европы: В 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 13–14.

[30] *Бердяев Н.* Предсмертные мысли Фауста // Освальд Шпенглер и Закат Европы: Сб. статей. М., 1922.

[31] *Дубнов А.* «Падение Запада» и глобальные проблемы человечества // *Шпенглер О.* Закат Европы. Новосибирск: Наука, 1993. С. 32.

[32] *Кожинов В. В.* Размышления об искусстве, литературе и истории. С. 596.

М. Никё (Кан, Франция)

ПОЭМА С. А. ЕСЕНИНА «МАРФА ПОСАДНИЦА» В КОНТЕКСТЕ «НОВГОРОДСКОГО ТЕКСТА»

Маленькой поэме С. А. Есенина «Марфа Посадница» посвящено несколько опубликованных в последнее время статей. Э. Б. Мекш рассматривал поэму в традиции русской духовной поэзии[1]. О. Б. Хабарова, исследуя древнерусские источники «Марфы Посадницы», заключает, что «трудно установить, каким именно конкретным источником пользовался Есенин»[2]. Исторические аллюзии в поэме Есенина выявляют С. Пяткин и К. Кочеткова[3]. Т. В. Федосеева, сопоставляя повесть Н. М. Карамзина «Марфа Посадница» с поэмой Есенина, усматривает в них общие черты романтической поэтики[4]. Л. А. Киселёва интерпретирует образ Марфы как женскую ипостась национального характера, как воплощение христианского начала, противостоящего сатанинскому самовластию[5]. М. В. Скороходов рассматривает в качестве источника есенинского произведения учебники, по которым начинающий поэт учился в Константиново и Спас-Клепиках[6].

Включение поэмы Есенина в ряд художественных текстов о древнем Новгороде позволит нам выявить оригинальность этого произведения и историческую концепцию Есенина. Отметим, что в черновом варианте поэма Есенина озаглавлена «Новгород», а затем идёт подзаголовок «Марфа Посадница» [II, 205].

Новгороду посвящён в русской литературе ряд текстов, в которых важную роль играют символы и герои, свидетельствующие о его «вольности»: колокол, вече, Вадим Храбрый – полулегендарный герой, восставший против Рюрика и убитый им, Марфа Посадница, отстаивавшая вольность Новгорода, противостоявшая державной политике Иоанна III и тоже побеждённая[7]. Тема «Приведения новгородцев под самодержавство», как именует её Ломоносов в своём списке исторических сюжетов для художников[8], вдохновила множество писателей, начиная с XVIII века[9].

Все эти тексты составляют своего рода «новгородский текст». Понятие текста как «связного знакового комплекса»[10], сверхтекста, составленного из разных произведений или изображений с общими мифологизированными мотивами, было введено в литературоведение М. Бахтиным и В. Топоровым применительно к Петербургу. «Новгородский текст» в зависимости от степени приятия авторами

новгородского политического строя можно разделить на консервативный (державный), республиканский (демократический) и нейтральный. Образ Иоанна III, как и Иоанна IV Грозного отражает идейную позицию писателей не только по отношению к прошлому, но и к современности — их концепцию истории.

В «новгородском тексте», кроме веча и колокола присутствуют свободолюбивые новгородские герои: Вадим, а начиная с повести Н. М. Карамзина — Марфа-посадница.

Вадима впервые ввела в литературное произведение Екатерина II. В её пьесе «Из жизни Рюрика (Подражание Шакеспиру...)» (1786) он является честолюбивым заговорщиком, который раскаивается и которого прощает Рюрик. В трагедии Я. Княжнина «Вадим Новгородский», написанной в 1788–1789 гг., запрещённой в 1793 г., изданной с цензурными изъятиями в 1871 г. и полностью — в 1914 г., Вадим — враг «коварного тирана» Рюрика, тогда как его дочь Рамида влюблена в него[11]. Княжнин сочувствует Вадиму, но стоит на позиции просвещённого абсолютизма. Расиновский конфликт долга и чувства неразрешим; Рамида первой закалывает себя, за ней Вадим, проклиная народ, который был на стороне Рюрика: «О, гнусные рабы, своих оков просящи!» Этот мотив добровольного рабства был разработан другом Монтеня Ла Боэси в середине XVI века. Княжнин является отцом вольнолюбивой новгородской утопии, хотя его отношение к Вадиму остается объективным или нейтральным. После Французской революции вольность, защищаемая Вадимом, будет отождествляться с анархией: в трагедии П. Плавильщикова «Рюрик» (1791, под названием «Всеслав») властолюбивый и корыстный Вадим смиряется; в повести в стихах М. Хераскова «Царь, или спасённый Новгород» (1800) вольность — «химера», «мрачной умственности дочь», навеянная Робеспьером. Вадим — почти что якобинец! А. Радищев же в главе «Новгород» «Путешествия из Петербурга в Москву» ставит новгородский строй в пример.

У А. Пушкина есть набросок пьесы и поэмы о Вадиме[12], у А. Хомякова — тоже. М. Лермонтов воспевает «последнего сына вольности» в одноименной повести в стихах, опубликованной лишь в 1910 г. Его Вадим погибает в поединке с Рюриком. В 1803 г. В. Жуковский опубликовал первый свой повествовательный опыт под названием «Вадим Новгородский», оставшийся незаконченным. В первой трети XIX века Вадим – романтический герой, жертвовавший собой, но не поддержанный народом, как и декабристы, для которых образ Вадима был близок. У М. Муравьева Вадим – республиканец («Оскольд», 1803). У К. Рылеева есть наброски дум о Вадиме и о Марфе Посаднице. Декабрист В. Раевский объединяет Вадима и Марфу в поэме «Певец в темнице» (1822):

Погибли Новгород и Псков! <...>
Богоподобна жена,
Борецкая, Вадим, — вы пали!

С тех пор исчез, как тень, народ,
И глас его не раздавался <...>
Но рано ль, поздно ли, опять
Восстанет он с ударом силы!

Стихотворение было опубликовано в 1887 г., а последние строки лишь в 1935 г.

Декабрист А. Одоевский оплакивает падение Новгорода: «И тебя, столица вольная, / Заметёт развалин прах» («Зосима», 1827–1829). Поэт-романтик Д. Веневитинов пишет стихотворение «Новгород» (1826).

Вадим является идейным предшественником Марфы-посадницы, которая обязана своей популярностью «исторической повести» Н. Карамзина «Марфа Посадница, или Покорение Новагорода», напечатанной в первых трёх выпусках журнала «Вестник Европы» за 1803 г.[13] Карамзин разместил «Вадимово место» на вечевой площади с мраморной статуей тираноборца, тем самым указывая на преемственность Марфы. Повесть предваряет изложение историософской позиции Карамзина (в образе Издателя):

«Вот один из самых важнейших случаев Российской Истории! говорит Издатель сей повести. Мудрый Иоанн должен был для славы и силы отечества присоединить область Новогородскую к своей Державе: хвала ему! Однакож сопротивление Новгородцев не есть бунт каких-нибудь Якобинцев: они сражались за древние свои уставы и права, данные им отчасти самими Великими Князями: например: Ярославом, утвердителем их вольности. Они поступили только безрассудно: им должно было предвидеть, что сопротивление обратится в гибель Новугороду, и благоразумие требовало от них охотной жертвы»[14].

Той же самой точки зрения Карамзин придерживается в своей «Истории государства российского» (кн. VI, гл. 3): «Историк Русский, любя и человеческие и государственные добродетели, может сказать: "Иоанн был достоин сокрушить утлую вольность Новгородскую, ибо хотел твёрдого блага всей России"». Карамзин не отрицает демократического характера Новгорода: «Новгород покорился Иоанну, более шести веков слыв в России и в Европе Державою народною, или Республикою, и действительно имев образ Демократии». (VI, 1). В статье 1803 г. «Известие о Марфе-посаднице, взятое из жития св. Зосимы», Карамзин ставит Марфу в «галерею россиянок, знаменитых в истории»: «Марфа-посадница была чрезвычайная, редкая женщина, умев присвоить себе власть над гражданами в такой республике, где женщин только любили, а не слушались». Но во вступлении к повести он видит в ней «только *страстную*, пылкую, умную, а не великую и не добродетельную женщину» (слова приписаны старинному автору повести). И в «Истории государства российского» Марфа характеризуется как «жена гордая, честолюбивая»: «хитрость, велеречие, знатность, богатство и роскошь доставили ей способ действовать на правительство». (VI, 1)

Оценки придворного историка и писателя-сентименталиста не тождественны, но Карамзин остаётся и в своей повести приверженцем просвещённой монархии. Изречение князя Холмского в конце повести выражает его позицию: «Не вольность, часто гибельная, но благоустройство, правосудие и безопасность суть три столпа гражданского счастья». Это почти буквально взято из «Духа законов» Монтескьё, который определял свободу как право делать всё, что дозволено законами и чувством безопасности.

И в предисловии к повести, и в «Истории государства российского» выражена определённая концепция истории, которую будут называть в середине XIX века историко-юридической школой, или государственной школой истории. Её главными представителями являются Борис Чичерин и Константин Кавелин. Для этой школы государство — движущаяся сила русской истории и поэтому его укрепление посредством собирания земель или завоеваний считается прогрессивным (как скажут советские историки о политике Ивана III и Ивана IV). Свобода личности ограничивается принципом общей пользы или общего блага, реализуемого государством, в котором воплощается, по Гегелю, Разум (у Карамзина противопоставлены безрассудность новгородцев и благоразумие государственной воли). Речи князя Холмского, посла Иоанна («народы дикие любят независимость, народы мудрые любят порядок, а нет порядка без власти самодержавной»), и Марфы, которая взывает к Вадиму («благоденствуем оттого, что свободны») — непримиримы. Такой же конфликт личного, субъективного начала, и общего принципа, или государственной необходимости, лежит в основе «Медного всадника» Пушкина. Он неразрешимый и поэтому по преимуществу трагичен. На политическом уровне спор самодержавия и либерализма проходит через весь XIX и XX век.

Повесть Карамзина стоит у начала целого ряда произведений о противоборстве Марфы и Москвы, вольности и державы.

В драме Павла Ивановича Сумарокова, племянника известного драматурга А. Сумарокова, «Марфа Посадница, иди Покорение Новаграда» (Императорская типография, 1807), образ Марфы противоречив: Марфа «везде оказывает благородные и высокие чувства», но она в заговоре с литовским князем Казимиром, и «такое противоречие в характере заставляет читателя любопытствовать, любовь или ненависть хотели возбудить в нем к Марфе», которая заколола себя в конце драмы[15].

В 1809 г. Фёдор Иванов (1777–1816) напечатал трагедию в стихах с хором «Марфа-посадница, или Покорение Новагорода», которая была запрещена цензурой для постановки на сцене. Она посвящена «Великим женам России». Речь Холмского в пользу самодержавия близка к повести Карамзина:

> Народы дикие, живущие в лесах,
> В законной власти зрят поносна <постылого> рабства страх <...>

Народы мудрые в устройстве благо чтят <...>
Самодержавная власть порядок устроя́ет[16].

Но автор вносит в сюжет новый трагический элемент, поскольку сын Марфы, Мирослав, – подставной, мнимый: его отец никто иной, как Иоанн, который его узнаёт и готов простить (пьесе имя Иоанн рифмуется со словом тиран). Но сын и мать закаливают себя. Иоанн показан человечным: «Злодействами престол не может быти тверд». Он чувствует «корону тяготу».

В эпоху романтизма доминирует положительный образ Марфы. Пушкин в неоконченной повести «Рославлев» ставил Марфу (в речи патриотки Полины) в один ряд с мадам де Сталь, которая была в оппозиции к Наполеону, с Шарлотт Корде, убийцей Робеспьера, и с княгиней Дашковой. В «Обрыве» И. Гончарова Райский сравнивает свою бабушку с великой русской Марфой (V, 7).

В трагедия М. Погодина «Марфа, Посадница Новгородская» (1830), где мотив измены (в обоих лагерях) обостряет драматизм действия, Марфа – властолюбивая женщина[17]. Погодин придерживается той же точки зрения, что и Карамзин. Оба понимают желание новгородцев отстаивать свою вольность, но не оправдывают его и показывают её историческую обречённость. Во второй половине XIX века преобладают идеи государственников.

К. Аксаков приветствует «Великой Руси дело – собиранье сил» в стихотворении «Новгород» (1861). В 1873 г. в Москве, в Малом театре была поставлена драма Н. П. Жандра (1818–1895) «Марфа Посадница», которая провалилась: «Идея московского имперского патриотизма, ассоциировавшаяся в 1870-х гг. с имперскими амбициями Петербурга, обусловила провал пьесы в Москве (московское общество симпатизировало скорее оппозиционному Новгороду), но в то же время обеспечила ей длительный успех в провинции (по словам Жандра, драма шла 20 лет на 50 сценах)»[18]. В 1870 г. была опубликована стихотворная драма Виктора Аскоченского, имевшего репутацию писателя-обскуранта, «Марфа-Посадница, или Падение Новгорода».

В романе Даниила Мордовцева (1882) «Господин Великий Новгород», где описана Шелонская битва, показаны зверства и казни московских воинов, но дана негативная характеристика Марфы: это «продувная посадница», «великая притворщица», с «бесом в ребре», у которой «было меньше сердца, чем воображения».

Трагедию Р. Ступишина «Марфа-Посадница, или Покорение Новгорода» (1869) и драму А. Навроцкого «Посадница Марфа Борецка» (1896) я не читал и поэтому не могу дать им характеристику.

Демократическую, республиканскую трактовку Новгорода поддерживают издания А. Герцена и Н. Огарёва «Колокол», «Общее вече», историк Н. Костомаров в своих работах 1860-х гг. («Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада», 1863; «О значении Великого Новгорода в русской истории», 1863). Вечевой колокол в одноимённом стихотворении Л. Мея, написан-

ном в 1840 г. и напечатанного Герценом в Лондоне в 1857 г., поёт в последний раз перед отправлением в Москву:

Уныло гудит-поет колокол...
Поет тризну свободе печальную.

В начале XX века, т. е. в эпоху неоромантизма, образ Марфы воплощает в деревянной скульптуре «Знатная боярыня» (1910) художник Дмитрий Стеллецкий. В 1914 г. вышло первое полное издание трагедии Я. Княжнина «Вадим Новгородский».

Какое место занимает поэма Есенина в этом «новгородском тексте» и какие исторические взгляды поэта можно выявить на основе её анализа?

Заметим, что ни по стилю, ни по языку, ни по мотивам, за исключением Марфы, Иоанна (который назван не иначе как «царь московский», что является многозначительным анахронизмом) и вечевого колокола, есенинская поэма не имеет аналогий ни в одном из названных выше произведениях, равно как и в летописях (будь то московская повесть о походе Ивана III на Новгород или Новгородская повесть, где Марфа вообще не упоминается). Главный мотив есенинской повести, мотив пакта с сатаной, придуманный, по аналогии, возможно, с отождествлением старообрядцами Никона и Петра I с антихристом, идет вразрез с указанием Карамзина: «Москвитяне называли его [Иоанна] любимцем Неба, Властителем Богоизбранным» («История государства российского », VI,1). В Московской повести о походе Ивана III на Новгород Марфа и ее сторонники изображены как предатели и отступники, «вдохновленные дьяволом». В «Словесах избранных» речь идет о «дьявольскам прельщении» новгородцев под предводительством «окаянной жены» – Марфы Борецкой. Автор сравнивает ее с библейскими «злыми женами»: Иезавелью, Иродиадой[19]. Есенин перевёртывает, переадресует этот дьявольский мотив.

Этим он идет вразрез с исторической концепцией Карамзина, с государственной (и советской) концепцией истории, что и было ему вменено в вину. Е. Наумов пишет : «Борьба новгородского боярства против политики Москвы имела отрицательное значение в русской истории, так как ослабляла российскую государственность. Увлёкшись колоритной фигурой Марфы Борецкой, Есенин не заметил этой стороны вопроса»[20].

Заметил, раз отверг, демонизируя московского царя.

П. Ф. Юшин пишет также: «В ней [поэме] даже нет попытки раскрыть смысл объединительной деятельности Ивана III»[21].

У Есенина нет никакой двойственности, как у Карамзина. Он опирается на демократическую трактовку образа Марфы, усиливая ее значение, придавая ей метафизический смысл. Как Богородица из поэмы 1915 г. «Микола», Марфа у окошка сзывает голубей – слуг Боговых. Как показала Людмила Киселева со-

противляются не только два земных понятия о власти, но дьявольская и небесная власть, ангелы и антихрист. Это метафизическая брань добра со злом, и поэма построена на двухголосии. Государственной концепции истории Есенин противопоставляет «провиденциальную»: Бог вмешивается в историю, и народ, а не цари, играет решающую роль.

Еще одно замечание. Срок, назначен дьяволом для власти царя над Новгородом — четыреста лет — отсылает нас не к первому году мировой войны, а к 70-м годам XIX века, если считать, что пакт был заключен в 1471, в год первой кампании против Новгорода (битва на Шелони), то есть в эпоху народничества, революционного или либерального, но антидеспотического. Это начало конца самодержавия. Срок можно, конечно, считать условным, обусловленным размером стиха, но он вяжется с упоминанием «московоского царя»

Поэма Есенина обычно трактуется как протест против войны. Но, как показал В. А. Вдовин, «ни в одном из стихотворений, созданных Есениным в 1914–1916 гг. нет протеста против войны или отрицательного к ней отношения»[22]. Война рисуется в условных сказочно-былинных образах:

А пойдем, бойцы, ловить кречетов
Отошлем дикомытя с потребою царю:
Чтобы дал нам царь ответ в сечи той,
Чтоб не застил он новоградскую зарю.

Это ключевая строфа: Есенин стоит за войну против «заморского Иуды» («заморского» в смысле «иностранного»), с помощью «стольного Киева», но против самодержавного царя, виновника войны (сечи). Народ (в последней части Есенин говорит от имени множества – ребята, бойцы, мы, наш с веча колокол) борется за свою свободу, за «новоградскую зарю».

Позиция Есенина отличается от т. н. пораженчества большевиков, которые желали поражения России для свержения самодержавия, и от официальной позиции, желающей победы для сохранения государственного строя. Здесь мы имеем дело с народным патриотизмом, за независимость и за свободу родины. Были революционные оборонцы из меньшевиков, эсеров или анархистов. Есенина можно назвать республиканским оборонцем. Он занимает среднюю позицию, свойственную части интеллигенции.

Рассмотрение поэмы «Марфа посадница» в контексте Новгородского текста позволило определить философию истории Есенина, отличной так от государственной как и от либеральной, для которой Бог не играет никакой роли в истории. Противопоставление патриотического народа, в последней части поэмы, и царя, виновного в современной «сечи», дает возможность определить позицию Есенина как антигосударственный патриотизм, логический вытекающий из от-

рицания государственной концепции истории. Известно, что в эпоху революции Есенин будет близок эсерам и анархистам.

Марфу посадницу можно, наконец, сравнить с Пугачевым: тот же свободолюбивый герой, которого чернь любит «за буйство и удаль», брошенный своими соратниками: вместо Иоанна – Екатерина, при которой «всех связали, всех веневолили»; вместо новгородской зари – «течет заря над полем / С горла неба перерезанного»; вместо вечевого колокола – «колокол луны», «благовест лучей [которого] стал глух». Покорение страны уже свершилось. «Москва» шлет свои приказы «каждую неделю». Это анахронизм – столицей была Петербург, но это возможный намек на современное положение дел. Казаки, как и новгородцы, не подчиняются «Москве», то есть центральному правительству. Но после поражения повстанцев Крямин говорит Пугачеву: «Не пора ли тебе, Емельян, сложить / Перед властью мятежную голову?» Пугачев, как Вадим или Марфа побежден. Есенина тянет к обреченным героям. Но их имена станут знамёнами свободолюбивой интеллигенции, к которой принадлежал Есенин как в 1914 г., так и в 1921 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Меки Э. Б.* Поэма Сергее Есенина «Марфа Посадница»: Традиции русской духовной поэзии // Современное есениноведение: Научно-методический журнал. 2006. № 4. С. 64–73.

[2] *Хабарова О. Б.* Древнерусские источники маленькой поэмы С. А. Есенина «Марфа Посадница» // Современное есениноведение, 2006. № 5. С. 152.

[3] *Пяткин С., Кочеткова К.* Исторические аллюзии в поэме С. Есенина «Марфа Посадница» // Современное есениноведение. 2010. № 14. С. 47–50.

[4] *Федосеева Т. В.* Романтизация исторической ситуации в повести Карамзина «Марфа Посадница» и одноимённой поэме Есенина // Есенинская энциклопедия: Концепция. Проблемы. Перспективы. Материалы Международной научной конференции, посвящённой 111-летию со дня рождения С. А. Есенина. М. – Константиново – Рязань, 2007. С. 226–235.

[5] *Киселёва Л. А.* «Марфа Посадница» Есенина: литературный и внелитературный контексты // Поэтика и проблематика творчества С. А. Есенина в контексте Есенинской энциклопедии. Материалы международной научной конференции, посвящённой 113-летию со дня рождения С. А. Есенина. М. – Константиново – Рязань, 2009. С. 64–75.

[6] *Скороходов М. В.* Школьные учебники истории дореволюционного периода как источник есенинских произведений // Современное есениноведение. 2012. № 23. С. 9–16.

[7] Репутация предводительницы антимосковской партии, приписанная Марфе, исходит от анонимного средневекового рассказа «Словеса избранна», историческая достоверность которого подвергнута критике в статье: *Gail Lenhoff and Janet Martin.* Marfa Boretskaia, Posadnitsa of Novgorod: A Reconsideration of Her Legend and Her Life // Slavic Review. 2000. № 59 (2), С. 343–368.

[8] *Ломоносов М. В.* Идеи для живописных картин из российской истории // *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений. Т. 6. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 370.

[9] *Замотин И. И.* Предание о Вадиме Новгородском в русской литературе. Воронеж, 1901; *Жаворонков А. З.* Новгород в русской литературе XVIII–XX вв. Новгород, 1959; *Прийма Ф. Я.* Тема новгородской свободы конца XVIII — начала XIX века // На путях к романтизму. Л.: Наука, 1984. С. 100–138; *Рукавичникова В. В.* История древнего Новгорода в русской литературе XVIII — первой трети XIX века. Диссертация... кандидата филологических наук. Новгород, 2001 (http://www.dissercat.com/content/istoriya-drevnego-novgoroda-v-russkoi-literature-xviii-pervoi-treti-xix-veka).

[10] *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М. 1979. С. 281.

[11] См.: *Гурвич И.* Необычайная трагедия: О «Вадиме Новгородском» Я. Княжнина // Вопросы литературы. 1987. № 4. С. 175–188.

[12] См.: *Кошелев В. А.* Пушкин и легенда о Вадиме Новгородском // Литература и история. Вып. 2, СПб., 1997. С. 93–109.

[13] См.: *Орлов П. А.* Повесть Н. М. Карамзина «Марфа-посадница, или Покорение Новагорода» // Русская литература. № 2. 1968. С. 192–201.

[14] Цит. по: Вестник Европы. 1803. Генварь С. 3–4. Для А. И. Герцена, наоборот, «Москва спасла Россию, задушив всё, что было свободно в русской жизни» (*Герцен А. И.* О развитии революционных идей в России // *Герцен А. И.* Собрание сочинений: В 30 т. Т. 7. М. 1956. С. 161).

[15] Рецензия И. Крылова 1808 г. (ocr.krossw.ru/html/krylov/krylov-marfa-ls_1.htm).

[16] Стихотворная трагедия конца XVIII — начала XIX в. М.-Л., 1964. С. 374.

[17] См.: *Раскольников Ф.* «Марфа-посадница» М. Погодина и исторические взгляды Пушкина // Русская литература. № 1. 2003. С. 3–15.

[18] Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. Т. 2. М. 1992. С. 257.

[19] См.: Повести о присоединении Новгорода // Словарь книжников и книжности Древней Руси.

[20] *Наумов Е.* Сергей Есенин. Жизнь и творчество. Л., 1960. Цит. по: *Мекш Э. Б.* Поэма Сергее Есенина «Марфа Посадница». С. 65. В издании 1969 г. «Марфа-посадница» вообще не упоминается.

[21] *Юшин П. Ф.* Сергей Есенин. Идейно-творческая эволюция. Изд. Московского университета, 1969. С. 124.

[22] *Вдовин В. А.* Об отношении С. Есенина к первой мировой войне [1966] // *Вдовин В. А.* Факты — вещь упрямая. М., 2007. С. 68.

В. А. Сухов (Пенза)

«ЭТО БУЙСТВУЮТ РОССИЯНЕ!» (ИЗОБРАЖЕНИЕ ПУГАЧЁВСКОГО БУНТА В РОМАНЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «ВАДИМ» И ТРАГЕДИИ С. А. ЕСЕНИНА «ПУГАЧЁВ»)

Изображение пугачёвского бунта занимает центральное место в романе М. Ю. Лермонтова «Вадим» и в трагедии С. А. Есенина «Пугачёв». Каждый из авторов раскрывал эту тему по-своему, но есть определённое сходство в её художественном отображении, которое сближает Лермонтова и Есенина. Во многом это связано с традициями русской литературы, гуманистический пафос которой получил своеобразное воплощение в освещении извечной темы «русского бунта». Лермонтова и Есенина отличал интерес к ключевым событиям русской истории, в которых проявился характер народа в его разных ипостасях. Роман «Вадим» и трагедия «Пугачёв» – яркое тому подтверждение. Содержание этих произведений не ограничивается лишь изображением пугачёвского бунта, оно намного глубже. На это обратили внимание многие исследователи. Так, в Лермонтовской энциклопедии подчёркивается, что «черты идеологического, философского романа преобладают в "Вадиме" над приметами исторического повествования. Личная месть героя находит опору в разливе мщения "целого народа"»[1]. Характеризуя особенности есенинской трагедии, Н. И. Шубникова-Гусева отмечает, что «историческим или историко-документальным характером есенинский "Пугачёв" не исчерпывается, напротив, эта поэма созвучна не только событиям, происходящим в послереволюционной России, но имеет универсальное значение»[2].

О. Е. Воронова намечает новые перспективы исследования, предлагая рассмотреть особенности романтического историзма «Пугачёва»[3]. В связи с этим представляет интерес сопоставление «романтического историзма» Есенина и «демонического романтизма» Лермонтова. С. Н. Пяткин предлагает воспринимать трагедию «Пугачёв» «в проекции жизнетворческого мифа Есенина, чем определяется во многом художественное решение исторической темы»[4]. В этом отношении роман «Вадим», в котором есть зерно лермонтовского демонизма, представляет интерес с точки «жизнетворческого мифа» автора. Т. П. Голованова не без основания утверждала: «Романтизация Пугачёва у Есенина гораздо ор-

ганичнее связана с лермонтовской традицией... Аналогия с этическими проблемами и образами "Вадима" несомненна; созвучен лермонтовскому пафосу возмездия и ответ «Пугачёва»...»[5]

Роман «Вадим» Лермонтов написал в 1832–1834 гг. В основу его сюжетной линии легли эпизоды пугачёвского бунта в Пензенской губернии, рассказы о расправах над помещиками и их приказчиками, о гибели родственника бабушки Лермонтова Елизаветы Алексеевны Арсеньевой Данилы Столыпина, о подземной пещере – Чёртовом логовище, которые Лермонтов услышал в Тарханах[6]. Глава V романа «Вадим» начинается так: «Дом Борис Петровича стоял на берегу Суры...»[7] Есенин упоминает в трагедии «Пугачёв» Пензенские края. Казака Бурнова он делает пензяком, который с тоской вспоминает свою малую родину: «...в Пензенской губернии у меня есть свой дом» [III, 42]. Творогов обращается к Бурнову: «Слушай, слушай, есть дом у тебя на Суре »[III, 44].

Стихотворение Лермонтова «Предсказание» (1830) можно воспринимать как своеобразный поэтический эпиграф к роману «Вадим»:

Настанет год, России чёрный год,
Когда царей корона упадёт;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жён
Низвергнутый не защитит закон (IV, 128).

Пророческое предвидение поэта сбылось в октябре 1917 г. Поэтому и исторический роман «Вадим» мы можем воспринимать в духе этого предсказания-предупреждения. Пугачёвский бунт в изображении Лермонтова был отправной точкой той цепи исторических событий, которые в конечном итоге вылились в Октябрьский переворот и Гражданскую войну. Есенин писал об этом в стихотворении «Воспоминание» (1924), используя символику Апокалипсиса. Приведём цитату из Откровения Иоанна Богослова: «И поклонились зверю, говоря: кто подобен зверю сему и кто может сразиться с ним?.. И дано было ему вести войну со святыми и победить их; и дана была ему власть над всяким коленом и народом, и языком и племенем» (Гл. 13. Стих 4 и 5). У Есенина месяц октябрь неслучайно ассоциируется с апокалипсическим образом зверя.

Теперь октябрь не тот,
Не тот октябрь теперь.
В стране, где свищет непогода,
Ревел и выл
Октябрь, как зверь,
Октябрь семнадцатого года [IV, 199].

Изображая пугачёвщину как «звериный бунт», Есенин создаёт в своей трагедии особый библейский подтекст, что сближает его с Лермонтовым. Есенин начал задумываться над пугачёвской темой осенью 1919 г. Свидетельство об этом мы находим в неопубликованной рукописи воспоминаний Б. А. Сорокина. Осенью 1919 г. он был послан в Москву с фронта от штаба I армии и встретился с Есениным: «Сергей Александрович с большим вниманием слушает мои рассказы о фронте, о Чапаеве, о мужестве бойцов, о неоглядных просторах уральских степей...

— А, знаешь, говорит он, — оживляясь, я задумал писать поэму "Пугачёв".

Как она выйдет, трудно сейчас сказать, но я её напишу. А ведь ты был и опять будешь в тех местах, где когда-то был Пугачёв — Уральск... Хорошо бы мне побывать там сейчас. А, возможно, и один из предков Чапаева был в отрядах Пугачёва... Как знать!»[8]

Лермонтовский подтекст есенинского «Пугачёва» помогает понять такой поступок поэта. Даря свою поэму-трагедию Айседоре Дункан, Есенин на титульном листе написал: «За всё, за всё, за всё тебя благодарю я...» [VII,(1), 211]. Это был единственный случай, когда Есенин, делая дарственную надпись, цитировал другого поэта. Можно предположить, что эта строка Лермонтова была выбрана неслучайно, стихотворение Лермонтова «Благодарность» (1840) с его саркастическим обращениями к Богу имеет явно богоборческий характер, свойственный лермонтовскому демонизму: «За всё, за всё тебя благодарю я: / За тайные мучения страстей, / За горечь слёз, отраву поцелуя, / За месть врагов и клевету друзей; / За жар души, растраченный в пустыне, / За всё, чем я обманут в жизни был... / Устрой лишь так, чтобы тебя отныне / Недолго я ещё благодарил» (I, 445).

Если сравнить строки этого стихотворения с рассуждением о благодарности, которое Лермонтов вложил в уста горбуна Вадима, то мы найдём много общего: «Благодарность! — продолжал он с горьким смехом. — Благодарность! Слово, изобретённое для того, чтоб обманывать честных людей!..» (VI, 17). Вадим в своём уродстве обвиняет Бога и надвигающийся пугачёвский бунт для него — это возможность отомстить не только Борису Петровичу Палицыну, который свёл в могилу его отца, но и Всевышнему. В образе Вадима нашли отражение философские размышления Лермонтова, который осознавал диалектическую взаимосвязь зла и добра, дьявольского и Божественного в человеке: «...разве ангел и демон произошли не от одного начала?» (I, 20). Так воплощается в романе принцип контраста, характерный для романтизма. Вспомним сходную есенинскую поэтическую формулу из стихотворения «Мне осталась одна забава...» (1923), которую мы можем отнести и к героям его трагедии «Пугачёв»: «Но коль черти в душе гнездились / Значит, ангелы жили в ней» [I, 186]. Таким образом, конкретный исторический сюжет даёт Лермонтову и Есенину возможность поставить острые нравственные проблемы, имеющие общечеловеческий смысл.

Вадим выделяется в толпе нищих, которые стоят у монастырских ворот. Они видят в нём «демона, но не человека» (IV, 8). Хотя Вадим с презрительной насмешкой смотрит на окружающих, но он способен и на сочувствие. Лермонтов подчёркивает, что Вадим «почувствовал сострадание к нищим и остановился, чтобы дать им что-нибудь» (IV, 49). В образе бродяги, «странника» впервые появляется Пугачёв у Есенина. В отличие от Вадима на бунт его подталкивает не жажда мести, а сострадание простому люду: «Яик, Яик, ты меня звал / Стоном придавленной черни!» [Ш, 7].

Лермонтов и Есенин начинают свой рассказ с предыстории бунта, стараясь объяснить его причины. Лермонтов так передаёт настроение крепостных: «Умы предчувствовали переворот и волновались: каждая старинная и новая жестокость господина была записана рабами в книгу мщения, и только кровь могла смыть эти постыдные летописи» (IV, 14). Автор «Вадима» видит причины пугачёвщины в особенностях русского характера, которые определяются своеобразием национального менталитета: «Русский народ, этот сторукий великан, скорее перенесёт жестокость и надменность своего повелителя, чем слабость его... В 18 столетии дворянство, потеряв уже прежнюю неограниченную власть свою и способы её поддерживать, — не умело переменить поведения: вот одна из тайных причин, породивших пугачёвский год!» (IV, 14–15). У Есенина бедственное положение народа лаконично характеризует в разговоре с Пугачёвым сторож: «Всех связали, всех вневолили, / С голоду хоть жри железо» [III, 9].

У Лермонтова символический смысл обретает то, что бунт начинается в «виду церкви, где ещё блистали свечи и раздавалось молитвенное пение» (IV, 54). Пугачёв сравнивает набатный колокольный звон, который зовёт на бунт, с благовестом: «Уже слышится благовест бунтов, / Рёв крестьян оглашает зенит» [III, 26]. Месть подталкивает народ на восстание против тех, «кто грабил и мучил». Поначалу возмездие пугачёвцев воспринимается как кара Божья, торжество справедливости и обретает ярко выраженный библейский подтекст. Таким образом, по мысли Пугачёва, праведная месть делает бунт священным делом. Идеей мщения одержим и Вадим. Лермонтов подчёркивает, что месть его имеет демонический характер: «...какой-то бешеный демон поселился в меня... он только терзал меня... Я не решился; кому завещать своё мщение?» (IV, 30). Вадим говорит своей сестре Ольге о том, что к мести взывает тень погубленного отца: «Я видел отца твоего перед кончиной», «его проклятие живо» «и каждый год всё более окружает своей тенью семейство злодея» (IV, 17). Тема мести, которая подталкивает к бунту и жестокой расправе над дворянами, сближает роман «Вадим» и поэму-трагедию «Пугачёв». О возмездии говорят многие герои есенинской трагедии, начиная с Пугачёва. Есенин находит выразительную метафору, которая подчёркивает взаимосвязь чувства праведной мести и буйства: «Месть щенками кровавыми щенится. / Кто же скажет, что это свирепствуют / Бродяги и отщепенцы? / Это буйствуют россияне!» [III, 26]. Торнов в VI главе восклица-

ет: «Голос гнева, с бедою схожий, / Нас сзывает на страшную месть» [Ш, 38]. Пугачёв стремится внушить своим сподвижникам мысль о том, что бунт против Екатерины имеет характер справедливого возмездия за убийство Петра III: «Мёртвую тень императора» «жестокий поводырь» «ведёт на российскую ширь» [III, 24]. Образ восставшего из гроба мертвеца имеет апокалипсический смысл. Это призрак — «тень с верёвкой на шее безмясой... Идёт отомстить за себя» [III, 25]. В Откровении Иоанна Богослова об этом сказано так: «и смерть и ад отдали мёртвых, которые были в них; и судим был каждый по делам своим» (Гл. 20. Стих. 13).

Лермонтов подробно показывает акты мести, когда жертвой восставших бунтарей становятся дворяне — старик и его дочь. Вадим сознательно провоцирует пугачёвцев на расправу: «Кто вам мешает их убить. Разве боитесь своих старшин? – сказал Вадим с коварной улыбкой» (IV, 101). Далее следует подробное описание казни. Бунт у стен монастыря завершается так: «множество нищих, обезображенных кровью, вином и грязью, валялось на поляне», «на некоторых деревьях висели трупы... Один из них по всем приметам был некогда женщиной, но, обезображенный, он едва походил на бренные остатки человека» (IV, 58).

В отличие от Лермонтова Есенин не показывает, как жажда мести воплощается на деле. В его трагедии мы не найдём подробного описания жестоких расправ над дворянами. О них лишь упоминается мельком. Есенин изображает не жертвы пугачёвского бунта, а гибель самих участников восстания, потерпевших под Сарептой поражение: «то ли зыбится рожь, то ли жёлтые полчища пляшущих скелетов», «Мёртвые, мёртвые, посмотрите, кругом мертвецы» [III, 39]. Восставшие из могил мертвецы – это образ из Апокалипсиса. У Есенина и Лермонтова мы можем найти достаточно много библейских аналогий. Вот одна из самых выразительных метафор романа «Вадим», в которой заключён «библейский подтекст»: «Вдруг толпа раздалась, расхлынулась, как некогда море, тронутое жезлом Моисея... и человек уродливой наружности, небольшого роста, запылённый, весь в поту, с изорванными одеждами, явился перед казаками...» (IV, 95–96). Вадим сравнивается с библейским пророком, который сорок лет выводил своё племя из рабства.

В художественной структуре произведений Лермонтова и Есенина важную роль играют образы нищих. Неслучайно главным героем своего романа Лермонтов сделал нищего «горбача», который воплощал в себе демоническое начало. Его горб – метафора сложенных крыльев демона, невидимых окружающим. Бывший монах, сменивший чёрную рясу на отрепья нищего, Вадим предвещает гибель дворянам, подбивая на бунт крестьян. В есенинском «Пугачёве» образы нищих также обретают символический смысл. В народной мифологии предназначенную человеку судьбу могут «открывать, изрекать странники, нищие <...>, которые в народном сознании воспринимаются как представители иного, потустороннего мира»[9]. У Есенина Пугачёв произносит исполненную пророческого

смысла фразу: «Это осень, как старый оборванный монах, / Пророчит кому-то о погибели веще» [III, 24].

В VI главе «Пугачёва» в монологе Шибаева возникает странный образ ольхи, которая сравнивается с нищим слепым стариком: «Словно слепец, от ватаги своей отстав, / С гнусавой и хриплой дрожью / В рваную шапку вороньего гнезда / Просит она на пропитанье / У проезжих и у прохожих» [III, 35]. Есенин подчёркивает, что явление дерева в образе нищего воспринимается как «страшное знамение», которое предвещает беду: «Говорят, наступит глад и мор» [III, 35].

В славянской мифологии в образе ольхи воплощается борьба божественного начала с нечистой силой. Сохранились легенды, в которых рассказывается о том, что «дьявол, соперничающий с Богом при сотворении мира, пытался создать волка, однако не смог оживить его; по воле Божьей волк ожил и бросился на дьявола, спрятавшегося от него на ольхе. Тогда кровь из прокушенной волком пятки дьявола и попала на ольху, отчего кора её сделалась красной»[10].

Исход пугачёвского бунта у Лермонтова и Есенина связан с образом нищей старухи, которая предсказывает главным героям их страшную судьбу. Лермонтов сравнивает нищенку с мертвецом, от её ужасного вида у Вадима «волосы встали дыбом». Её проклятия ужасны: «Проклят! Проклят! проклят! — кричала в бешенстве старуха: — чтобы тебе сгнить живому, чтобы черви твой язык подточили, чтобы вороны глаза проклевали... горбатый, урод, холоп... проклят, проклят!..» (IV, 50).

Есенинский Пугачёв видит причину измены своих ближайших сподвижников в том, что их «подкупила» «злая и подлая оборванная старуха. / Это она, она, она, / Разметав свои волосы зарёю зыбкой, / Хочет, чтоб сгибла родная страна / Под её невесёлой холодной улыбкой» [III, 49].

Можно предположить, что старуха у Лермонтова и Есенина символизирует судьбу, из когтистых лап которой трудно вырваться. Если есенинский Пугачёв смиряется со своей судьбой, то Вадим вступает с ней в поединок. Он «так сильно толкнул её <старуху> в грудь, что она упала навзничь на каменное крыльцо» (IV, 50).

С традициями славянской мифологии связан мотив оборотничества, обретающий при изображении пугачёвского бунта новый смысл у Лермонтова и Есенина. Оборотничество — «способность мифологических персонажей и людей, наделённых сверхъестественной силой, принимать чужой облик, превращаться в животных». «В оборотней могли превратиться обычные люди, ставшие жертвами магического воздействия или колдовства»[11]. Лермонтов подробно описывает, как Вадим, заметив «на стене свою безобразную тень», «как бешеный выбежал из дома и пустился в поле; поутру явился он на дворе, таща за собой огромного волка... Блуждая по лесу, он убил этого зверя длинным ножом, который неотлучно хранился у него за пазухой» (IV, 37). Тем самым Лермонтов подчёркивает, что его демонический герой выбирает дорогу хищника, чтобы отом-

стить своему врагу. Душа убитого волка вселяется в Вадима. Он, как зверь, выслеживает свою добычу — помещика Палицына и его сына Юрия. Но по иронии судьбы они находят убежище в Чёртовом логовище, а Вадим, продавший душу чёрту, не может их там найти.

Опираясь на традиции славянской мифологии, связанные с представлениями об оборотничестве, Есенин подчёркивает особый «звериный» характер пугачёвского бунта. Пугачёв говорит о себе: «Долгие, долгие годы тяжкие года / Я учил в себе разуму зверя... / Знаешь? Люди ведь все со звериной душой, / Тот медведь, тот лиса, та волчица» [III, 22]. Из этой жизненной философии, построенной по принципу «человек человеку — зверь», Пугачёв делает вывод: «Нужно крепкие, крепкие иметь клыки» [III, 22]. Здесь Есенин отмечает двойственность характера своего героя. Он пытался избавить от страданий народ, но его бунт привёл лишь к новым страшным жертвам. Творогов неслучайно сравнивает в финале трагедии Пугачёва с волком: «Слава Богу! Конец его зверской резне, / Конец его злобному волчьему вою» [III, 50].

Близок своей жаждой мщения Вадиму каторжник Хлопуша. Он говорит о себе: «Только весь я до самого пупа — / Местью вскормленный бунтовщик» [III, 32]. Хлопуша готов обратиться в волка: «Завтра ж ночью я выбегу волком / Человеческое мясо грызть» [III, 32]. Демоном мести Хлопуша одержим, как лермонтовский Вадим. В подтексте, возможно, Есенин имеет в виду лермонтовского «горбача», когда в своём монологе Хлопуша перефразировал известную пословицу: «Горбатого могила исправит». Он восклицает: «Сумасшедшая, бешеная кровавая муть! / Что ты? Смерть? Иль исцеленье калекам?» [III, 29].

У Лермонтова и Есенина разгул пугачёвщины связан с упоминанием нечистой силы. Вадим говорит пугачёвцам: «Если хотите, я вас наведу на след Палицына: пожива будет, за это отвечаю, — только с условием... и чёрт даром не трудится...» (IV, 95). В славянской мифологии черти «постоянно вмешиваются в жизнь людей, <...> вводят в грех, провоцируют на преступление, пытаются заполучить душу человека»[12]. Пугачёв, образно говоря, продаёт душу дьяволу, назвав себя именем императора Петра. Есенин подчёркивает, что это решение далось Емельяну нелегко: «Больно, больно мне быть Петром, / Когда кровь и душа Емельянова» [III, 28]. Неслучайно свои переживания он называет «жалость телячьих нег» и посылает их «к чёрту всё это, к чёрту» [III, 28]. Так демон власти побеждает в человеке божественное начало и обрекает на гибель его душу.

Главных героев Лермонтова и Есенина сближает любовь к природе и стремление к свободе. Показательно в этом отношении, что Лермонтов включает в роман своё юношеское стихотворение «Воля», созданное в духе народных песен. У Лермонтова казак поёт песню, в которой проявляется его вольнолюбивая душа: «А моя мать — степь широкая. / А мой отец — небо далёкое. / ... Скачу ли я на коне, / Степь отвечает мне» (IV, 47). С этим казаком мы можем сравнить есенинского Пугачёва. Степь для них олицетворяет казацкую волю. В первом мо-

нологе Пугачёв подчёркивает, как ему дороги степные просторы у реки Чаган: «Мне нравится степей твоих медь, / И пропахшая солью почва» [III, 8]. Можно предположить, что Есенин намекает здесь не только на соляные прииски. В славянской мифологии соль выступала в качестве оберега. Но свойство «солёности» могло обрести и иной характер. «Солончаковое место», где разыгрываются ключевые акты пугачёвской трагедии, оказалось роковым для главного героя — «мужицкого Христа» и «казачьего Гамлета».

Есенин вкладывает глубокий символический смысл в реальную деталь. По народным приметам, рассыпанная соль – к ссоре. Есенинскому Пугачёву пришлось «солоно». Его предали самые верные сподвижники, с которыми он делил хлеб-соль. По легенде, «в солонку макал хлеб Иуда на тайной вечере и в этот момент по руке в него вошёл сатана». Поэтому выражение «насолить кому-нибудь» связано по своему происхождению со способами наведения порчи с помощью соли»[13]. Так начало трагедии перекликается с её финальной сценой, когда между Пугачёвым и его сподвижниками вспыхивает роковая ссора, которая завершается предательством. Неслучайно Хлопуша предрекает, что чернь, которая идёт за Пугачёвым, в конце концов его предаст: «Слава ему! Пусть он даже не Пётр / Чернь его любит за буйство и удаль» [III, 29]. В окончании фразы слышится «Иуда», и здесь также заключён библейский подтекст.

Лермонтов в «Вадиме» и Есенин в «Пугачёве» обращаются к историческим аналогиям, вспоминая далёкое прошлое Руси. В главе XVIII Лермонтов подробно описывает пещеру, которой народ дал «прозвание Чёртова логовища». В ней некогда находили «убежище от набегов татар, крымцев и впоследствии от киргизов и башкир, угрожавших мирным деревням» (VI, 68). Во время крестьянского восстания в этой пещере находят убежище помещик Палицын и его сын Юрий со своей возлюбленной Ольгой. Таким образом Лермонтов проводит своеобразную историческую аналогию, сравнивая пугачёвский бунт с набегами кочевников на Русь. У Есенина эта историческая параллель также находит отражение. Крямин в ответ на призыв Пугачёва пополнить поредевшие ряды повстанцев «монгольскими ордами» заявляет: «Как всегда, как всегда эта дикая гнусь / Выбирала для жертвы самых слабых и меньших, / Только б грабить и жечь ей пограничную Русь / Да привязывать к сёдлам добычей женщин. / Ей всегда был приятней набег и разбой» [III, 47].

Причины жестокости пугачёвского бунта Лермонтов объясняет той жестокостью по отношению к крепостным, которая отличала многих помещиков. Борис Петрович Палицын не был исключением. Именно поэтому он со страхом ожидает заслуженного возмездия. Узнав о том, что взбунтовались его крепостные, Палицын в ужасе восклицает: «...все против нас ...Бог и люди... и кто мог отгадать, что этот Пугачёв будет губить кого же? — русское дворянство! — простой казак!» (IV, 60). Никому из своих крепостных он не мог довериться. Одного помещик «прибил до полусмерти», другой, по словам Бориса Петровича, готов

был всадить ему «нож в бок за жену свою». Лермонтов с иронией пишет о том, как «малодушный старик», впавший в отчаяние, ожидал, что его спасёт «хор ангелов» и «унесёт за тридевять земель». Но спасение он нашёл не там, где надеялся. Не ангел, а «бедная солдатка с состраданием подошла к нему и молвила: «я спасу тебя» (IV, 60).

Лермонтов в конце романа противопоставляет демонической жестокости Вадима и пугачёвцев милосердие солдатки. Её подвергают адским пыткам — распинают, как Христа: «К каждой её руке привязали толстую верёвку и, перекинув концы их через брус, поддерживающий полати, стали понемногу их натягивать; пятки её отделились от полу... Тогда палачи... с улыбкой взглянули на её надувшиеся на руках жилы и на покрасневшее от боли лицо» (IV, 107–108). Несмотря на адские мучения «солдатка» не выдала, где скрывались отец и сын Палицыны. Лермонтов объясняет это удивительным свойством русской души, которая готова на самопожертвование из-за чувства милосердия: «В важные эпохи жизни, иногда в самом обыкновенном человеке разгорается искра геройства, неизвестно доселе тлевшая в груди его, и тогда он свершает дела, о коих до сего ему не случалось и грезить, которым даже после он едва верует. Есть простая пословица: ***Москва сгорела от копеечной свечки!»*** (IV, 60). Подвиг милосердия и сострадания, совершённый простой солдаткой, готовой во имя спасения Бориса Петровича Палицына и его сына пожертвовать собой и даже свои сыном, выходит в финале романа на первый план. Идеи христианской любви противостоят дьявольской жестокости, которую Лермонтов связывает с образом Вадима. Так можно трактовать библейский подтекст лермонтовского романа.

Во многом сходную авторскую позицию мы видим и в трагедии Есенина «Пугачёв». Тема милосердия и сострадания выходит на первый план и в её финале. Н. И. Шубникова-Гусева верно отметила: «Библейский подтекст "Пугачёва" также говорит о том, что поэт внутренне не принимает Войну, бунт и насилие, считая, что они противоречат стремлению каждого человека к жизни и счастью»[14]. Крямин говорит Пугачёву, выражая «мнение народное»: «Есть у сердца невзгоды и тайный страх / От кровавых раздоров и стонов. / Мы хотели б, как прежде, в родных хуторах / Слушать шум тополей и клёнов» [III, 48]. Любимые есенинские образы «тополей и клёнов» символизируют человеческие ценности, которые были принесены в жертву мести. Обращение Пугачёва к Богу в финале помогает понять основную идею есенинской трагедии, которая тесным образом связана с христианскими ценностями. Пугачёв восклицает: «Боже мой! / Неужели пришла пора? / Неужель под душой так же падаешь, как под ношей?» [III, 51]. Слова Крямина помогают Пугачёву понять, что дальнейшее продолжение восстания не имеет смысла и ни к чему кроме лишних жертв не приведёт. В связи с этим интересно сравнить финальные сцены «Пугачёва» и «Вадима». У Лермонтова мать, «содрогаясь», подходит к истерзанному сыну, но в «глазах её сияла какая-то высокая, неизъяснимая радость». Эта радость объяс-

няется высоким христианским чувством самопожертвования, которое противопоставляется звериной жестокости пугачёвцев: «он не высказал, не выдал своей тайны душегубцам» (IV, 109). Отметим, что в финале трагедии Пугачёв обращается к Богу, раскаиваясь в совершённых грехах. Он ясно осознаёт, что погубил свою душу. В отличие от него лермонтовский Вадим остаётся нераскаявшимся «душегубцем».

В заключении отметим, что рассмотренные произведения Лермонтова и Есенина сближает библейский подтекст и обращение к традициям славянской мифологии. В романе «Вадим» и трагедии «Пугачёв» при изображении пугачёвского бунта ярко проявились особенности «русского национального самосознания»[15]. Сравнительный анализ лермонтовского и есенинского творчества в этом направлении имеет дальнейшие перспективы.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Лермонтовская энциклопедия. М., 1999. С. 76.

[2] *Шубникова-Гусева Н. И.* Поэмы Есенина: От «Пророка» до «Чёрного человека» Творческая история, судьба, контекст и интерпретация. М., 2001. С. 162.

[3] *Воронова О. Е.* Мировоззрение С. А. Есенина: опыт структурного анализа // Современное есениноведение. 2012. С. 33.

[4] *Пяткин С. Н.* Пушкин в художественном сознании Есенина. Арзамас. 2007. С. 97.

[5] *Голованова Т. П.* Чувство дома // Наследие Лермонтова в советской поэзии. Л., 1978. С. 69–70.

[6] См.: *Андроников И. Л.* Исторические источники «Вадима» // Лермонтов. Исследования и находки. М., 1969. С. 94–116.

[7] *Лермонтов М. Ю.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1981. Т. IV. С. 15. Далее ссылки на это издание приводятся в круглых скобках с указ. тома и страницы.

[8] *Сорокин Б. А.* Страницы минувшего (встречи с Сергеем Есениным). Рукопись хранится в архиве автора статьи.

[9] Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995. С. 370.

[10] Там же. С. 287.

[11] Там же. С.279.

[12] Там же. С.391.

[13] Там же. С.364–365.

[14] *Шубникова-Гусева Н. И.* Поэмы Есенина. С. 187.

[15] См.: *Воронова О. Е.* Сергей Есенин и русская духовная культура. Рязань. 2002; *Горланов Г. Е.* Творчество М. Ю. Лермонтова в контексте русского духовного самосознания. М., 2009.

У. А. Титова (Константиново)

ПОЭМА С. А. ЕСЕНИНА «ПУГАЧЁВ» В ОЦЕНКЕ ПРИЖИЗНЕННОЙ КРИТИКИ

В послереволюционные годы возрос интерес писателей к истории России. Особенно часто обращались литераторы как к источнику вдохновения к переломным историческим периодам. Причём историческая тематика прежде всего воплощалась в жанре поэмы. Например, образ удалого казачьего атамана Стеньки Разина занял ведущее место в поэмах М. Волошина «Стенькин суд» (1917), П. Орешина «Степан Разин» (1917), В. Хлебникова «Разин» (1920) и «Уструг Разина» (1922), стихотворном цикле А. Ширяевца «Стенька Разин» (1917–1924).

Неоднократно использовал в своих произведениях исторические сюжеты и Есенин. Ещё в 1910-е гг. он пишет «Песнь о Евпатии Коловрате», в 1914 г. – поэму «Марфа Посадница».

Тема бунта в контексте русской культуры 1910–1920-х гг. имеет особое звучание. Обращаясь к ней после 1917 г., поэты и прозаики непременно учитывали события тех роковых лет. Известно, что Есенин, как и многие другие деятели литературы и культуры того времени, связывал с приближающейся революцией большие надежды. Однако в действительности всё оказалось совершенно поиному. То, как совершилась революция и к каким результатам привела, не могло быть принято Есениным. Говоря о теме бунта в «Пугачёве», необходимо помнить, что поэт не мог не учитывать при создании этого произведения крушения своих революционных надежд. Неслучайно в поэме восстание порождается чередой смертей и заканчивается смертью вождя.

История создания есенинского «Пугачёва» и анализ критических откликов, которые вызвала поэма, подробно рассмотрены в работах Н. И. Шубниковой-Гусевой[1]. Этому произведению уделяли внимание и некоторые другие исследователи[2].

В настоящее время в литературоведении накоплено огромное количество (более 100) не просто противоречащих друг другу, но и взаимоисключающих оценок поэмы «Пугачёв». Задача настоящей статьи состоит в том, чтобы рассмотреть и выявить основные тенденции изучения этой поэмы в прижизненной критике метрополии, русской эмиграции, восточного и западного зарубежья.

Созданная в 1921 г. драматическая поэма «Пугачёв» вызвала неоднозначное отношение современников. Поэму восторженно приняли соратники поэта по цеху. Н. А. Клюев в письме Есенину 28 января 1922 г. из Вытегры сообщал: «...какая же овца безмозглая будет искать спасения после "Пугачёва"? Не от зависти говорю это, а от простого и ясного осознания Величества Твоего, брат мой и возлюбленный < ...>. "Пугачёв" – свист калмыцкой стрелы без истории, без языка и быта, но нужнее и желаннее "Бориса Годунова", хотя там и золото, и стены Кремля, и сафьянно-упругий сытовый воздух 16–17 века. И последняя Византия»[3]. А. Б. Мариенгоф в рецензии на книгу «Пугачёв» (М., 1922), назвав поэму первым зрелым произведением Есенина, отметил, что «мировоззрение уложилось в стихи, сделанные с настоящим мастерством и хорошим вкусом».[4]

Однако некоторые советские критики и литературоведы характеризовали поэму совершенно иначе. Крайне резко оценил «Пугачёва» В. Львов-Рогачевский: «Поэма Сергея Есенина "Пугачёв" поражает своей бедностью и однообразием. Нагромождение образов, уже много раз повторенных, и ни одного живого лица. Не Есенин написал о "Пугачёве", а "Пугачёв" об Есенине. Поэма "Пугачёв" – это провал имажинизма, провал Сергея Есенина, у которого не хватило сил на большое произведение. Без знаний, без предварительной подготовки с голыми руками подошёл он к огромной теме и захотел отписаться своими кричащими сравнениями»[5].

Уделив особое место разбору художественных средств поэмы, А. В. Луначарский выразил схожее мнение: «В его <Есенина> крайне неудавшемся "Пугачёве" среди всяческих острых словечек и вывертов, частью забавных и милых, частью вымученных и скучных, иногда пробивается недвусмысленная романтическая искренность, часто напоминающая, к сожалению, визг побитого щенка»[6].

Ещё более уничтожающую оценку поэме дал Л. Д. Троцкий. Назвав Есенина поэтом, «от которого всё-таки попахивает средневековьем», он счёл попытку Есенина построить имажинистским методом крупное произведение «несостоятельной». «Диалогический характер "Пугачёва" жестоко подвёл поэта. <...> Емелька Пугачёв, его враги и сподвижники – всё сплошь имажинисты. А сам Пугачёв с ног до головы Сергей Есенин: хочет быть страшным, но не может. Есенинский Пугачёв сантиментальный романтик. Когда Есенин рекомендует себя почти что кровожадным хулиганом, то это забавно; когда же Пугачёв изъясняется, как отягощённый образами романтик, то это хуже. Имажинистский Пугачёв немножко смехотворен... <...> Если имажинизм, почти не бывший, весь вышел, то Есенин ещё впереди»[7].

И всё-таки именно «Пугачёв» принёс Есенину европейскую известность. Ещё на стадии написания проявился интерес к поэме в Берлине – газета «Руль» в конце апреля 1921 г. помещает информацию: «Сергей Есенин работает над сти-

хотворной пьесой "Пугачёв". Это, кажется, первая дань поэта драматургии»[8]. В июне 1921 г. берлинский журнал «Русская книга» замечает: «Сергей Есенин <...> пишет стихотворную пьесу "Пугачёв"»[9].

В среде эмиграции внимание к поэме усилилось во время заграничного турне поэта, когда Есенин часто декламировал «Пугачёва». А. Ветлугин вспоминал о впечатлении, которое произвело на него авторское чтение поэмы в мае 1922 г. в Берлине: «Он <Есенин> тихий, он скромный, он "цветущее болото", конокрадство лишь личина. Но отчего же, когда майским вечером, в комнатке, пропахшей табаком, духами, блёклой берлинской зеленью проревёт он монолог "отчаянного негодяя и жулика" Хлопуши, то заезжий француз (великий политик, рационалист и всё пр. романское) схватится за седую голову и, не поняв ни одного слова, прошепчет: "Oui... maintenant, j'ai compris. C'êst de la folia, mais... enfin... c'est la grande revolution... ?!"

Прав француз: "это и есть великая революция..." Прав безъязыкий француз: Есенин так же тих, как "бескровна" оказалась революция российская...»[10].

Одно из лучших описаний декламации монолога Хлопуши в мае 1922 г. в Берлине оставил М. Горький: «...вскоре я почувствовал, что Есенин читает потрясающе, и слушать его стало тяжело до слёз. Я не могу назвать его чтение артистическим, искусным и так далее, все эти эпитеты ничего не говорят о характере чтения. Голос поэта звучал несколько хрипло, крикливо, надрывно, и это как нельзя более резко подчёркивало каменные слова Хлопуши. <...> Даже не верилось, что этот маленький человек обладает такой огромной силой чувства, такой совершенной выразительностью. Читая, он побледнел до того, что даже уши стали серыми. Он размахивал руками не в ритм стихов, но это так и следовало, ритм их был неуловим, тяжесть каменных слов капризно разновесна. Казалось, что он мечет их, одно – под ноги себе, другое – далеко, третье – в чьё-то ненавистное ему лицо. И вообще всё: хриплый, надорванный голос, неверные жесты, качающийся корпус, тоской горящие глаза – всё было таким, как и следовало быть всему в обстановке, окружавшей поэта в тот час. <...> Взволновал он меня до спазмы в горле, рыдать хотелось»[11].

Критик-эмигрант А. В. Бахрах вспоминал о чтении Есениным другого отрывка из поэмы «Пугачёв», которое состоялось в «Книжном салоне» в Берлине при праздновании выхода в свет поэмы: «... В этот день Есенин почему-то предпочёл прочесть отрывок из самого конца своей поэмы со строками:

Не пора ли тебе, Емельян, сложить
Перед властью мятежную голову?!
.....
Всё равно то, что было, назад не вернешь,
Знать, недаром листвою октябрь заплакал.

Прочёл он эти строки, акцентируя их, почти со слезой в голосе, с нескрываемой горечью, и в камерной обстановке непритязательного кабинета в его чтении чувствовался трагический оттенок.

Может быть, мне это причудилось погодя, но в этих нескольких строчках, обращённых к разбитому Пугачёву, как бы таилось признание того, что он "споткнулся о камень", и предчувствие, что дальнейшее – то есть то, что "это к завтраму всё заживет" – уже несбыточно»[12].

Следует отметить, что поэма Есенина была переведена в 1922 г. на французский язык бельгийским писателем Ф. Элленсом, в 1926 г. на польский – В. Броневским, в последующие годы появились переводы на сербскохорватский (М. Сибинович), немецкий (Ф. Кубка, Е. Ерб), итальянский (И. Де Лука) и другие иностранные языки[13].

Среди проблем, вызвавших полемику вокруг поэмы Есенина «Пугачёв», можно выделить наиболее острые. Во-первых, активные споры развернулись вокруг историзма и революционности поэмы; во-вторых, дискутировался вопрос об имажинистской направленности творчества Есенина в целом и поэмы «Пугачёв» в частности; в-третьих, обсуждался вопрос о жанровом своеобразии поэмы; в-четвёртых, рассматривалась проблема традиций и новаторства «Пугачёва».

«Сквозной» темой в зарубежной критике, критике эмиграции и метрополии о Есенине стал вопрос об историзме «Пугачёва». Чаще всего критики сходились в отрицании историзма сюжета. В одной из наиболее ранних берлинских рецензий – «Пугачёв (Письмо из Москвы)» за подписью «Москвич», опубликованной ещё до выхода произведения из печати, – произведение оценивается как неисторическое. Критик подвергает сомнению способность автора поэмы изобразить исторического героя, Пугачёва, вне сложившихся принципов образотворчества, революционного течения времени и вне традиционного изображения Руси классиками. «Его Пугачёв, – писал рецензент, – не то, что было, а то, что было, есть, будет»[14]. В то же время, отмечая новаторство художественных приёмов Есенина, критик обвиняет поэта в идеологической несовременности. Г. В. Алексеев несмотря на утверждение, что «охватить большой и особенно этой – исторической темы – поэт не смог», усматривает в есенинском Пугачёве героя не исторического, «а сегодняшнего, проснувшегося...»[15].

С этой точкой зрения критиков русского Берлина были согласны и представители иных центров русской эмиграции. Представитель русской колонии в Китае С. Я. Алымов призывает не подходить к оценке поэмы с точки зрения исторической правды[16]. В пражском журнале «Воля России» Н. Мельниковой-Попоушковой за подписью «Н. М. П.» опубликована статья, в которой отмечено, что в есенинском Пугачёве в первую очередь «чувствуется стремление разгадать по прошлому настоящее, построить схему»[17].

Чешский писатель Ф. Кубка назвал поэму «поверхностным» произведением, которого коснулась «кровожадная тенденция московского политизированного

творчества»[18]. Однако позже вернулся к внимательному прочтению этого произведения и перевёл монолог Хлопуши из восьмой заключительной главы[19]. В статье «Русская революционная литература» И. Вейл, чешский писатель, переводчик и пропагандист советской поэзии, охарактеризовав имажинистское направление в русской литературе и отметив, что Есенин более близок к крестьянским поэтам Клюеву и П. Орешину, чем к В. Шершеневичу и А. Мариенгофу, увидел стремление Есенина в «Пугачёве» выразить свою любовь к революции и «воплотить ненависть мужика к угнетателям-помещикам»[20].

В обсуждении историзма поэмы «Пугачёв» активное участие приняла и критика метрополии. Е. И. Шамурин отказывает Есенину не только в историзме и в реалистичности образа главного героя и поэмы в целом, но и в художественности, «во внутренней завершённости, в органической целостности образа»[21]; а Г. А. Шенгели – и в правде психологической с отсутствием «логики положений и убедительности парадокса»[22]. Г. Устинов приходит к выводу, что есенинский Пугачёв – отнюдь не историческая личность, а современная[23], а Я. Браун, отмечая удивительное художественное мастерство Есенина в изображении «дикарского порыва к самосохранению», утверждает, что «Есенинский Пугачёв – первый революционер»[24].

Сам Есенин утверждал, что его поэма носит революционный характер, и одному из критиков ответил: «Ты ничего не понимаешь, это действительно революционная вещь!»[25] Очевидно, что революционность для поэта состояла не столько в историческом материале, сколько в способах его художественного воплощения. Обречённость пугачёвского бунта, по Есенину, состоит в том, что крестьянство инертно, и напрасно главному герою кажется, что крестьян можно сорвать с места вихрем восстания. Хотя написанию поэмы предшествовал период основательного изучения пугачёвского восстания, Есенин не ставил задачи исторически точно воссоздать его картину. Для него важен был, в том числе, вопрос о том, способно ли крестьянство принять революцию. Следовательно, «Пугачёв» не только историческое произведение, но и непосредственный отклик на события, происходившие в современной поэту России.

В. И. Лурье в рецензии на поэму, опубликованной в ноябре 1922 г. в журнале «Сполохи», не только называет «Пугачёва» неисторичным, но и утверждает, что его сцены «сделаны очень неровно, многие сильно растянуты». Кроме того, приём лирического повторения, к которому часто прибегал Есенин при создании поэмы, рассматривается критиком как тавтология: «К повторению одних и тех же слов для усиления впечатления поэт прибегает на протяжении 60 страниц 56 раз»[26].

И. Эренбург, напротив, видит в повторах, используемых Есениным в «Пугачёве», новое слово в драматургии, доказательство богатства арсенала художественных средств, используемых поэтом. «Повторение слов, выявляющее всю взволнованность готового оборваться голоса. Изумительные задыхания»[27]. Схо-

жая точка зрения и у представителей советской критики: Н. А. Павлович, отмечавшей, что «тревога ритмов не случайна <...> они к чему-нибудь обязывают и читателя»[28]; Н. Осинского, обратившего внимание на «яркость изображения, самостоятельность, новизну приёмов описания»[29].

Упомянутый ранее Эренбург увидел в «Пугачёве» новое доказательство есенинских богатств: «...образы сыплются, как на былых булочных витые кренделя из золочёных рогов изобилия. Грустная удаль, нежное хулиганство. <...> Я забываю об истории, о драме, о текстах и об инстанциях. Это действительно *певческий* дар. Но есть в "Пугачёве", в его хаосе, несделанности, темноте нечто не бывшее в книгах Есенина. Это широта дыхания, начало высокого эпоса»[30].

А. П. Вольский называет поэму «символичной, стихийной, романтической в титаническом значении этого слова», «одним из самых многогранных алмазов в творчестве Сергея Есенина». В контексте данного рассуждения критик отмечает красоту и разнообразие поэтического языка автора поэмы: «Здесь слово – не столько выражение понятия и образа, столько сложная криптограмма, удар стального бича по напряжённому вниманию»[31].

О красоте есенинского стиха говорит и Р. Б. Гуль, улавливая в лирике поэта «живописность» и «песенность». Однако поэма «Пугачёв» наряду с «Инонией» видится критику русского Берлина неорганичной для есенинского творчества: «Есенин – могучий русский лирик с исключительным даром чувства. И не надо убегать ему из песенного плена»[32]. Такого же мнения придерживался и А. Ярмолинский в англоязычной рецензии на поэму: «Пугачёв» написан красиво и оригинально. Читается с упоением»[33]. Элленс также обращает особое внимание на язык поэмы: «к тому же у Есенина собственный язык, где сошлись вместе сложное и простое, язык очень лаконичный. Без ненужных прикрас, полный страсти и энергии. Его стих – как будто слепок с натуры, но зачастую он походит на классический и охотно развёртывается вширь подобно александрийскому»[34].

Русский писатель О. Г. Савич подробно проанализировал языковую и ритмическую составляющие «Пугачёва» Есенина и пришёл к выводу, что поэма – литературно-историческое событие в России, ведь до неё, по мнению критика, на протяжении полувека не создавалось более или менее стоящей «большой лирической вещи»[35]. Соратник Есенина по «крестьянской купнице» С. Городецкий расценивал «Пугачёва» как прекрасную поэму, которая войдёт в «сокровищницу новой пролетарской литературы», написанную ярким языком и полную драматизма, заметив, что «серьёзность задания удержала поэта от крайностей имажинизма»[36].

Таким образом, есенинская поэма стала поводом к обсуждению вопроса об имажинизме, который стал главной «точкой раздражения» русской эмиграции и Советской России при обсуждении поэмы. Большое число критиков полагало, что нет оснований отделять Есенина от имажинизма. Независимо от общей по-

ложительной или отрицательной оценки «Пугачёва» критики видели в этом произведении «имажинистский налёт».

Рецензенты, усматривавшие негативное влияние имажинизма на творчество Есенина и, как следствие, на его поэму «Пугачёв», составляли значительную группу. «Пугачёв» Есенина наряду с «Заговором дураков» Мариенгофа уже авторами первых берлинских откликов воспринимался как «опыт приложения принципов имажинизма к драматургии»[37].

Критики русской эмиграции других европейских городов также откликнулись на эту проблему: представительница русской Праги Мельникова-Попоушкова отметила отрицательное влияние имажинизма на близкое природе творчество Есенина: «Есенин <...> закрывается от нас вымышленной неразберихой имажинизма»[38]; в белградской газете «Новое время» К. Я. Шумлевич помещает «маленький фельетон», в котором называет «Пугачёва» «маленькой книжонкой, наполненной какими-то хромыми строчками, выдуманными словами, нарочито сочинёнными образами»[39].

Эту точку зрения поддержали и некоторые критики метрополии: Б. А. Масаинов так характеризует влияние имажинизма на творчество Есенина: «Сейчас его творчество под знаком чуждых ему по духу влияний вступило в какую-то тёмную полосу».[40]

Менее категоричны критики, вступившие в полемику об имажинистской направленности поэмы «Пугачёв», признававшие в этом направлении положительные стороны. Советский историк и литератор Н. К. Лебедев в рижском издании «Новый путь» опубликовал статью «Поэтические школы», в которой назвал имажинистов «кумирами» современников, завоевавшими популярность не всегда поэтическими методами, однако отдавал дань писателям и поэтам – приверженцам этого направления литературы, утверждая, что в рамках имажинизма родились ценные и стоящие произведения, такие, как «Пугачёв» Есенина, некоторые вещи Ивнева, Шершеневича, Кусикова[41]. Савич высказывает аналогичную мысль о талантах писателей-имажинистов, в частности Есенина в поэме «Пугачёв», с одной лишь разницей: между имажинистами критик уже увидел серьёзные противоречия, которые так или иначе приведут направление к измельчанию и вымиранию[42].

В Советской России всё чаще звучит мысль о неизбежности угасания песенного, лирического таланта Есенина при продолжении связей поэта с имажинистами. Так, Я. В. Апушкин в своей рецензии на есенинского «Пугачёва» выражает надежду, что поэт сумеет «выбраться из имажинистической трясины, засасывающей многих, – а в частности, и Пугачёва»[43]. Схожую мысль выражает и Е. И. Шамурин, указывая, что лишь полная переработка текста поэмы сделает из неё произведение поистине ценное, и горько отмечая: «Только окончательный разрыв с "художественными приёмами" бездарного Мариенгофа и Шершеневича спасёт поэта, прекратит это нелепое <...> самоизуродование поэта»[44].

Менее многочисленна группа критиков, которая предприняла попытку на этом этапе творчества Есенина отделить его от группы имажинистов. Критик русского Берлина Г. В. Алексеев несмотря на то, что называет Есенина одним из «главарей имажинизма», замечает расхождения между ним и другими имажинистами. Кроме того, автор рецензии полагает, что Есенин, «взяв от имажинизма в меру, сумел оберечься от гибели и уйти»[45]. В парижском журнале «Смена вех» была опубликована статья П. С. Когана, который предрекает скорый распад имажинизма как литературного направления и видит, что его наделённые талантом представители станут «просто поэтами». Не исключение и Сергей Есенин, в поэзии которого явственно ощущается широта русской души, просторы русской деревни, присутствует и настоящий, не пролетарский, а мужицкий бунт, что нашло воплощение в его «Пугачёве», избавленном от наносного, имажинистского налёта[46]. А. Р. Ланэ поддерживает эту точку зрения: по его мнению, в поэме «Пугачёв» «уже отбрасываются те «грязные образы», которыми Есенин пользовался до сих пор»[47]. Харьковский поэт, прозаик и журналист С. Н. Ражба (С. Радугин) считает, что свидетельством отхода Есенина от имажинистов является стиль и язык поэмы «Пугачёв», «непохожий на обыденную речь»[48].

Третья группа критиков, полемизировавших относительно имажинистской составляющей поэмы «Пугачёв», видела в имажинизме благотворное влияние на литературу. Польский писатель и переводчик Я. Ивашкевич полагает, что имажинизм оказал исключительно положительное влияние на Есенина при создании поэмы «Пугачёв», дав поэту большое количество поэтических фигур, необычных сравнений и метафор[49]. Советский критик В. А. Летнев высоко оценил драматургические опыты имажинистов, в том числе Есенина, отметив напряжённость, яркую образность, красоту стиля, присущие поэме «Пугачёв»[50].

Большой интерес деятелей русского зарубежья и Советской России привлекали жанровые особенности поэмы «Пугачёв». Своеобразие есенинской трагедии нередко ставило в тупик критиков, которые считали, что «"Пугачёв" Есенина – немыслим на сцене»[51]. Критик, выступавший под псевдонимом «Москвич» (Э. Герман (?)), на страницах берлинской газеты «Новый мир», анализируя «Заговор дураков» Мариенгофа, касается и есенинской поэмы, усмотрев в ней внутреннюю динамику и утверждая, что с театром её связывает лишь диалогичность формы[52]. В. П. Правдухин, пытаясь определить жанр «Пугачёва», отвергает «поэму», «трагедию» и называет произведение «новым этапом исканий, признаком перелома форм творчества»[53] Есенина. На отсутствие завершённости поэмы указал и Н. В. Брянчанинов, назвав «Пугачёва» в статье «Молодые "москвитяне"», опубликованной в Париже, «несколькими сценами, соединёнными между собою общей идеей и намёком на действие»[54].

Исследуя «Пугачёва», критика обращалась и к литературному контексту, различая типологические связи с мировой литературой и национальным фольк-

лором и непосредственное воздействие конкретных произведений на творческое сознание поэта, с целью определить традиции и новаторство поэмы.

Тема народной культуры и её отражение в поэме нечасто привлекала внимание современной Есенину критики. Резкая оценка Н. Н. Асеевым творчества Есенина сводится к обвинению в отклонении от пути развития современного поэта «в дрёму и глушь стародавнего, замшенного и заплесневелого быта вчерашнего дня». Исключением критик не считает и поэму «Пугачёв», в которой видит формальное преобладание «духа» над «материей» и приходит к выводу, что «символика природы, быта и чувств по образу загадок и пословиц <...> и подпадение под аллегорию и условность своеобразного "народного" символизма тяжелят и одервеняют пластичность и гибкость самостоятельных смысловых и мелодийных построений С. Есенина».[55] Противоположное мнение выражено Е. Ливен в статье «Критик на ковре», где отмечено: «Язык в поэме, как и вообще в творчестве Есенина, вполне народный, ибо он образный, и поэтична она до бесконечности»[56]. Несмотря на столь полярное расхождение в оценке творчества поэта, критики приходят к единому выводу о наличии в поэме «Пугачёв» народных, фольклорных истоков.

Опираясь на принципы русской народной культуры, Есенин обращается и к русской литературе. Известно, что поэт изучал «Историю Пугачёвского бунта» Пушкина[57]. Сместив хронологию событий пугачёвского восстания, в сюжетном плане поэмы Есенин следует за Пушкиным. Пушкинские традиции прослеживаются в критическом отклике А. Ветлугина: «Сергей Есенин чрез одно и чрез много столетий протягивает руку творцу "Бориса Годунова", творцам классической трагедии»[58]. Чтение Есениным «Пугачёва» перед труппой Театра РСФСР Первого в июне 1921 г. оставило глубокое впечатление у В. Э. Мейерхольда: «...я почувствовал какую-то близость "Пугачева" с пушкинскими кратко-драматическими произведениями. <...> В этом чтении, визгливо-песенном и залихватски-удалом, он выражал весь неясный склад русской песни, доведённый до бесшабашного своего удальского выявления»[59]. Сопоставление поэмы с пушкинской традицией, связанной с народной поэзией, характеризует отклик Я. Ивашкевича: «И как будто не было всех этих бурных и тяжёлых десятилетий XIX века – над морем крови и морем поэзии он протягивает руки гениальному предшественнику – Пушкину. Вот какова эта "связь всех поколений, народ создающих". И подобно тому, как старик Державин, казалось бы, чуждый Пушкину, в гроб сходя, благословил его восход, как Пушкин был Бальмонту проводником в поисках всех его словесных "переливов и перезвонов" – так из пустого, по сути дела, надутого и всё-таки роскошного таланта Бальмонта проистекают есенинские повторы, плеоназмы, эвритмия – вся красота формы. В "Пугачёве" Есенина живёт пушкинский дух. Вернее, нет – живёт дух народный, который проявляется с одинаковой силой у "всех поколений, народ создающих"»[60].

Есенин развивал идеи и мировой литературы. Поэт проявлял особый интерес к творчеству В. Шекспира прежде всего потому, что вслед за Пушкиным ви-

дел в Шекспире достоинства большой народности. В поэме «Пугачёв» очевидны аллюзии к «Гамлету» Шекспира.[61] Прижизненная критика также увидела шекспировские реминисценции в поэме «Пугачёв», правда, оценивала их неоднозначно. Савич, анализируя художественное своеобразие поэмы, замечает, что в «Пугачёве» только две ремарки и делает вывод: «под Шекспира».[62] Лежнев не предпринял попытки рассмотреть поэму через призму шекспировского творчества, однако не преминул заметить «очаровательные анахронизмы а l_ Шекспир (напр.: "Керосиновую лампу в час вечерний зажигает фонарщик из города Тамбова". В 70-х-то годах XVIII столетия?)», посчитав их «стилизацией под великого англичанина»[63].

Элленс, проанализировав духовную и творческую эволюцию Есенина, почувствовал веющий от поэмы «гомерический ветер» и назвал «Пугачёва» одной из его «самых прекрасных диалогических поэм»[64].

В критических подходах к поэме Есенина «Пугачёв» обозначились и общие оценки. Среди них есть отрицательные: критик русского Берлина Ис. Соболев называл поэму «безвкусным рукоделием»[65], а историк, сотрудник саратовского музея Н. Г. Чернышевского В. А. Сушицкий отмечал: «поэт пытался нарисовать картину социального движения в большой поэме "Пугачёв", которую хвалили только имажинисты <...>. Можно, однако, определённо сказать, что эта вещь Есенину решительно не удалась», и советовал поэту вообще «не брать широкие темы»[66]. Однако особое место в оценке Сущицким всего творчества Есенина занимает его лирика, чуждая всего наносного, неорганичного, сохранившая, по мнению критика, несмотря на революционные изменения, связь с прошлым.

И всё же в поэме «Пугачёв» Есенин создал новую модель художественного постижения мира, объединив традиции русской и мировой культуры, фольклорные мотивы, исторические источники, имажинистские находки в области языка. Это позволило поэту активно откликнуться на современность и при этом неузнаваемо преобразить традиционные жанры, сюжеты, мотивы, образы и создать новаторский тип поэмы.

Важно то, что большинство критиков и зарубежья, и русской эмиграции, и метрополии увидели в поэме нечто новое, доселе невиданное в русской литературе: это и отражение античных традиций, её называли «новой русской трагедией»[67], основой которой является «миф о революции» (А. Н. Толстой)[68]. По мнению А. П. Вольского, «"Пугачёв" не имеет предшественников в русской поэзии, а под такой пробой пера не откажется подписаться самый крупный художник»[69]. Е. Ливен восторгается содержательностью и насыщенностью образами поэмы и называет её «одной из жемчужин поэзии Есенина»[70]. Ф. Дивуар в рецензии на французском языке на франкоязычный сборник произведений Есенина, подготовленный Элленсом, сравнивал есенинскую поэму с пьесами М. Метерлинка. Можно сказать, тональность подобных критических откликов на поэму определяет представитель русского Берлина А. Ветлугин: «Если бы Есенин ничего не

написал до "Пугачёва", если бы ничего не вышло из-под его пера после "Пугачёва", то и тогда б он занял почётное место в ряду крупнейших поэтов современности: недаром в России, в той маленькой ничтожной 150-миллионной России, он общепризнанный первый поэт»[71].

Своеобразный итог прижизненной критике поэмы «Пугачёв» дан в воспоминаниях А. В. Бахраха «По памяти, по записям», где литературовед, рассказывая о встрече с Есениным в «Книжном салоне» в Берлине, приводит слова самого поэта: «Да, когда-то я свои стихи читал бандитам и проституткам, и они были лучшими моими слушателями, а вот теперь я их читаю пятерым "джентльменам" и – "дорогие мои... хорошие..." – он произнёс эти слова врастяжку, подчёркивая этим, что это ещё одна цитата из поэмы, – и они моего Пугача не оценили»[72].

Талант и своеобразие творческого стиля Есенина оценивались критикой довольно высоко, но при этом отрицательные суждения были довольно резкими. Дискуссии о «Пугачёве» были частью полемики о творчестве Есенина и о его месте в литературе метрополии. Борьба мнений, развернувшаяся вокруг поэмы Есенина «Пугачёв», – свидетельство того, что появление этого произведения явилось поистине важным литературным событием в жизни русской литературы, свидетельство популярности творчества Есенина в среде эмиграции и в России. Практически все критики, оценивая «Пугачёва», признавали, что перед ними крупное литературное произведение, заслуживающее пристального внимания, и отмечали наличие у автора поэмы яркого таланта.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Шубникова-Гусева Н. И.* Поэмы Есенина: От «Пророка» до «Чёрного человека»: Творческая история, судьба, контекст и интерпретация. М., 2001. С. 139–161; *Её же.* «Объединяет звуком русской песни...»: Есенин и мировая литература. М.: ИМЛИ РАН, 2012. С. 269–296.

[2] Библиографию последних работ о есенинском «Пугачёве» см. в статье: *Скороходов М. В.* Наследие С. А. Есенина в контексте отечественной истории // Современное есениноведение. Рязань. 2012. № 22. С. 8.

[3] *Клюев Н. А.* Словесное древо. Проза / Вступ. ст. А. И. Михайлова. СПб., 2003. С. 252.

[4] *Мариенгоф А. Б.* «Пугачёв» (М., 1922) (Рец.) // Гостиница для путешествующих в прекрасном. Русский журнал. М., 1922. № 1, ноябрь. С. 29.

[5] *Львов-Рогачевский В.* Новейшая русская литература. М., 1923. С. 263.

[6] Цит. по: *Луначарский А. В.* Неизданные материалы. М., 1970. Т. 82. С. 226, публ. и пер. Л. М. Хлебникова. Впервые статья опубликована на немецком языке в сб. «Das heutige Rußland. 1917–1922. Wirstschaft und Kultur in der Darstellung russischer Forscher». Berlin, 1923. S. 43–60; отрывок из статьи появился в берлинской газ. «Die Rote Fahne», 1922, № 523.

[7] *Троцкий Л. Д.* Литература и революция. М., 1923. С. 48–50.

[8] Новости советской литературы // Руль. Берлин, 1921. № 132, 24 апр.

[9] Отдел IV: Писатели // Русская книга. Берлин, 1921. № 5.

[10] *Ветлугин А.* Нежная болезнь // Накануне. Берлин, 1922. № 57. 4 июня. Лит. прил. № 6.

[11] С. А. Есенин в воспоминаниях современников / Сост. и коммент. А. А. Козловского. М., 1986. Т. 2. С. 8–9.

[12] Русское зарубежье о Сергее Есенине / Вступ. ст., сост. и коммент. Н. И. Шубниковой-Гусевой. Изд. 2-е доп. М.: Терра – Книжный клуб, 2007. С. 200.

[13] *Шубникова-Гусева Н. И.* «Объединяет звуком русской песни...». С. 294.

[14] *Москвич.* «Пугачёв» (Письмо из Москвы) // Новый мир. Берлин, 1921. № 164, 14 авг.

[15] *Г. А. <Алексеев Г. В.>* «Пугачёв» (Берлин) (Рец.) // Веретёныш. Берлин,1922. № 2. окт. С. 10.

[16] *Арум. <Альмов С. Я.>* Поющий дикарёнок // Гонг. Харбин, 1923. № 2, март. С. 22–23.

[17] *Н. М. П. <Мельникова-Папоушкова Н.>* Драматизированная история. А. Блок – Рамзес; С. Есенин – Пугачёв // Воля России. Прага, 1922. № 12, март. С. 20.

[18] *Kubka F.* Básníci dnešního Ruska. Charakteristiky I. Sergej Jesenin // Cesta. 1923. № 3. С. 421–423.

[19] *Шубникова-Гусева Н. И.* «Объединяет звуком русской песни...». С. 283

[20] *Weil J.* Ruská revolučni literature // Chvilki. Praha, 1924. S. 9.

[21] *Шамурин Е. И.* «Пугачёв» (Рец.) // Культура и жизнь. М., 1922. № 2, март. С. 75–76.

[22] *Шенгели Г. А.* «Да он голый» // Утренники. Кн. 1. Петроград, 1922, апр.

[23] *Устинов Г. Ф.* Осуждены на погибель // *Устинов Г.* Литература наших дней. М., 1923. С. 60–61.

[24] *Браун Я.* Деревни последние песни: Этюд // Московский понедельник. 1922. № 8, 8 авг.

[25] *Волков А.* Художественные искания Есенина. М., 1976. С. 191.

[26] *Лурье В. И.* «Пугачёв» (Берлин) (Рец.) // Сполохи. Берлин, 1922. № 13, нояб. С. 29.

[27] *И. Э. <Эренбург И. Г.>* «Пугачев» (Рец.) // Новая русская книга. Берлин, 1922. № 2. С. 15.

[28] Михаил Павлов <*Павлович Н. А.*> «Пугачёв» (Пг.: Эльзевир) (Рец.) // Книга и революция. Петроград, 1922. № 7, июль. С. 57–58.

[29] *Осинский Н. <Оболенский В. В.>* Побеги травы (Заметки читателя) // Правда. 1922. № 146, 4 июля.

[30] *И. Э. <Эренбург И. Г.>* «Исповедь хулигана». «Трерядница» (Рец.) // Новая русская книга. Берлин, 1922. № 2, февр. С. 15.

[31] *Вольский А. П.* «Пугачев» (Берлин) (Рец.) // Накануне. Берлин, 1922. № 193, 24 нояб. С. 5.

[32] *Гуль Р. Б.* С. А. Есенин «Избранное» (Рец.) //Новая русская книга, 1923 № 2.

[33] New York Herald. 1922, 29 окт., то же – Новое русское слово. Нью-Йорк, 1922. № 3616, 20 дек., пер. по посл. источнику.

[34] См.: *Essenine S.* La Confession d`un voyou, suivi de Pougatcheff. Traduit du russe par Marie Miloslavsky et Franz Hellens. Paris. 1983 (переизд. 1922).

[35] *Савич О. Г.* Имажинисты (Есенин, Мариенгоф, Шершеневич, Ивнев) // ГЛМ, ф. 357, оп. 1, ед. хр. 468.

[36] *С. Г. <Городецкий С. М.>* «Пугачёв» (М.: Имажинисты, 1922) (Рец.) // Труд. М., 1922. № 75, 5 апр.

[37] *<Москвич>*. Заговор дураков // Новый мир. Берлин, 1921. № 188, 11 сент.

[38] *Н. М. П. <Мельникова-Папоушкова Н.>* Драматизированная история. С. 20.

[39] *Ренэ Санс <Шумлевич К. Я.>* Пугачёв // Новое время. Белград, 1922. № 411, 9 сент.

[40] *Анибал Борис <Масаинов Б. А.>* «Пугачёв» (М.: Имажинисты, 1922) (Рец.) // Вестник литературы. Петроград, 1922. № 2–3, февр. – март. С. 23.

[41] *Лебедев Н. К.* Поэтические школы (от собственного московского корреспондента) // Новый путь. Рига, 1922. № 275, 1 янв.

[42] *Савич О. Г.* Имажинисты (Есенин, Мариенгоф, Шершеневич, Ивнев) // ГЛМ, ф. 357, оп. 1, ед. хр. 468.

[43] *Апушкин Я. В.* Есенин – «Пугачёв» // Экран. 1922. № 22, 21 февр. С. 10.

[44] *Шамурин Е. И.* «Пугачёв» (Рец.) // Культура и жизнь. М., 1922. № 2, март. С. 75–76.

[45] *Г. А. <Алексеев Г. В.>* «Пугачёв» (Берлин) (Рец.) // Веретёныш. Берлин,1922. № 2. окт. С. 10.

[46] *Коган П. С.* Поэзия эпохи Октябрьской революции // Смена вех. Париж, 1921. № 7, 10 дек. С. 23.

[47] *А. Л. <Ланэ А. Р.>* Сергей Есенин // Литературная газета. Казань, 1921. № 2, 18 сент.

[48] *Радугин С. <Ражба С. Н.>* «Пугачёв» (Рец.) // Зори грядущего. Харьков, 1922. № 5, май. С. 176.

[49] *- ji - <Ивашкевич Я.>* «Пугачёв» (М.: Имажинисты, 1922 (Рец.) // Skamander. T. 3. Zesz. XX–XXI. Warszawa, 1922.

[50] *Летнев В. А.* Имажинистская драматургия. 1. Есенин Сергей. Пугачёв. [М.,]: Имажинисты. 1922; 2. Мариенгоф Анатолий. Заговор дураков. Трагедия. [М.,]: Имажинисты, 1922 // Казанский библиофил. Казань, 1922. № 3, авг. С. 90.

[51] См., например, материал А. Лежнева: Вестник искусств, 1922. № 5. С. 38.

[52] *Москвич <Герман Э. (?)>* Заговор дураков (Письмо из Москвы) // Новый мир, 1921. № 188, 11 сент.

[53] *Правдухин В. П.* Письма о современной литературе. Письмо первое // Сибирские огни. Новониколаевск, 1922. № 2, июнь. С. 141.

[54] *N. Brian Chaninov <Брянчанинов Н. В.>* Молодые «москвитяне» // La Nouvelle Revue. Париж, 1922, 15 мая. Цит. по письму А. Дункан в кн.: Сергей Есенин в стихах и жизни. Письма. Документы. С. 275, 331.

[55] *Асеев Н. Н.* «Избяной обоз» (О «пастушеском» течении в поэзии наших дней) // Печать и революция. Москва, 1922. № 8. С. 39–40.

[56] *Ливен Е.* Критик на ковре // Вулкан. Петроград, 1923. № 1–2, апр. С. 25–26.

[57] См.: *Воронцов К. П.* Из новых поступлений в музей С. А. Есенина // С. А. Есенин: Эволюция творчества. Мастерство. Рязань, 1979. С. 126.

[58] *Ветлугин А.* Нежная болезнь // Накануне. Берлин, 1922. № 57. 4 июня. Лит. прилож. № 6.

[59] С. А. Есенин в воспоминаниях современников / Сост. и коммент. А. А. Козловского. М., 1986. Т. 1. С. 283.

[60] *- ji - <Ивашкевич Я.>* «Пугачёв». М.: Имажинисты, 1922. (Рец.) // Skamander. T. 3. Zesz. XX–XXI. Warszawa, 1922.

[61] *Шубникова-Гусева Н. И.* «Объединяет звуком русской песни...» С. 142.

[62] *Савич О. Г.* Имажинисты (Есенин, Мариенгоф, Шершеневич, Ивнев) // ГЛМ, ф. 357, оп. 1, ед. хр. 468.

[63] *Лежнев А.* «Пугачёв» Есенина, или О том, как лирическому тенору не следует петь героических арий // Вестник искусств, 1922. № 5. С. 38.

[64] *Элленс Ф.* Великий современный русский поэт: Сергей Есенин // Le Disque Vert. Брюссель, 1922, авг.

[65] *Соболев Ис.* С. А. Есенин «Собрание стихов и поэм. Т. 1» (Берлин, 1922) // Возрождение. Т. 2. М., 1923. С. 367–368.

[66] *Су-цкий В.* <*Сушицкий В. А.*> Сергей Есенин // Голос труда. Саратов, 1923. № 107, 15 июля.

[67] *Цетлин М. О.* «Пугачёв» (Берлин) (Рец.) // Последние новости. Париж. 1922. № 740, 16 сент.

[68] *Толстой А. Н.* О новой литературе // Накануне. Берлин, 1922. № 62. 11 июня. Лит. прилож. № 7.

[69] *Вольский А. П.* «Пугачев» (Берлин) (Рец.) // Накануне. Берлин, 1922. № 193, 24 нояб.

[70] *Ливен Е.* Критик на ковре // Вулкан. Петроград, 1923. № 1–2, апр. С. 25–26.

[71] *Ветлугин А.* Нежная болезнь // Накануне. Берлин, 1922. № 57. 4 июня. Лит. прилож. № 6.

[72] Русское зарубежье о Сергее Есенине / Вступ. ст., сост. и коммент. *Н. И. Шубниковой-Гусевой.* Изд. 2-е доп. М.: Терра – Книжный клуб, 2007. С. 200.

Камен Михайлов *(София, Болгария)*

РЕЦЕПЦИЯ НОВОГО МИРА У СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА («ЖЕЛЕЗНЫЙ МИРГОРОД») И АЛЕКО КОНСТАНТИНОВА («ДО ЧИКАГО И ОБРАТНО»)

В статье проводится сравнительно-сопоставительный анализ двух произведений – русского и болгарского писателей. Оба текста созданы на основе непосредственных наблюдений авторов во время их поездок в США; оба написаны в жанре путевых заметок (хотя «Железный Миргород» и назван очерком), оба схожи сюжетом и авторскими оценками; наконец, оба созданы приблизительно в одно и то же время: в конце XIX в. (А. Константинов) и начале XX в. (Есенин). Их заметное различие лишь в объёме: достаточно развёрнутое повествование у Константинова, предельно лаконичное – у Есенина.

Напомним, что Констатинов является автором знаменитого произведения «Бай Ганьо», герой которого стал символом-персонификацией болгарского народа вообще и породил многочисленные болгароидентифицирующие анекдоты типа «Англичанин, француз, американец и Бай Ганьо...» Нужно добавить также, что творчество Константинова, яркого юмориста, в том числе и рассматриваемые путевые заметки, проникнуты тонкой иронией изобличительного характера. Это значит, что при сравнении «Железного Миргорода» и «До Чикаго и обратно» мы будем рассматривать сходство и различия двух совершенно разных подходов к одной и той же теме: есенинский (стенический, в смысле «серьёзный») и константиновский (юмористический). Отметим, что целый ряд исследователей настолько глубоко воспринимают специфические особенности юмора, что склонны рассматривать его в качестве обособленного четвёртого рода литературы. Анализ текста свидетельствует о том, что указанные различия проявляются на лексическом, стилистическом, общесемантическом и структурном уровнях.

Авторские идеи воздействуют на читателя резкостью публистической прямоты (у Есенина) либо посредством эзопова языка (у Константинова). Есенин делает акцент на собственную личность, это вообще специфическая черта его творчества. Он включает в художественную ткань своих произведений многочисленные высказывания декларативного характера от имени своего лирического героя («Я – последний поэт деревни», «Я – скандалист», «Я – пророк Есенин Сергей»...). На наш взгляд, это свидетельствует не только о высокой

самооценке, но и, с другой стороны, о некоем «провокативном» авторском стремлении — поведенческим, а ещё больше литературном и эстетическом эпатаже.

В данном случае нас интересует не сам факт декларативности, а то, как это проявляется в структуре «Железного Миргорода». Есенинский очерк характеризуется несколькими особенностями. Первая — Есенин настолько уменьшает дистанцию между образами автора и повествователя, что они практически сливаются. Отметим, что это достаточно необычно для художественно-документальной прозы, примером которой является очерк о США.

Вторая особенность связана с самой личностью путешественника, собственные оценки которого превалируют в тексте. Особо отметим, что в данном случае это вовсе не обозначает субъективности; а как раз наоборот свидетельствует о сверхобъективности автора, даёт ему единственную возможность говорить правду о наблюдаемом. Таковы «претензии» и «амбиции» Есенина-очеркиста. Его задевает, что в той далёкой стране он «муж жены», а не «великий русский поэт». Его возмущает тупость местных журналистов, берущих у него интервью. Горечь сквозит в есенинских описаниях того, как «они» трогают его мышцы, рассматривают его ботинки и волосы, при этом не стараясь вникнуть в его стихи.

Третья особенность проявляется в том, что лирический герой не скрывает своего явного разочарования от встречи с Западом. Он развенчивает утвердившийся во многих умах миф о том, что Европа и Америка любят искусство, что они «с распростёртыми объятиями» готовы встретить русских поэтов. Возвратившись из поездки, Есенин утверждает, что единственное место в мире, где чтут поэзию и покупают книги русских поэтов, — это Россия.

Оговоримся, что всё перечисленное — на первый взгляд, лишь внешние проявления. Но мы сможем проследить и «внутренние» есенинские характеристики далёкой заокеанской страны. Однако для этого необходимо несколько расширить контекст воспринимаемого Нового мира. В первую очередь — ввести в контекст анализа поэму «Инония», а точнее — её третью часть.

Главное, чего не находит лирический герой Есенина «в отколотой половине Земли», — духовности, не находит там человечности. Он понимает «человечность» в расширительном значении: как человеческий порыв к творчеству (единственное, что может преобразить мир); имеет в виду фантазию, образное мышление, осмысление мира; наконец, то, чего всегда не хватает русскому человеку — перешагнуть за «горизонт», за барьер таинственного «потустороннего», за барьер дозволенного, наконец.

Ответы на перечисленные вопросы существуют в расширенном есенинском «американском» контексте — в поэтических строках, интервью, высказываниях и письмах, где он комментирует свои впечатления от посещения США. В Болгарии подобную позицию занимает Пенчо Славейков.

Эту позицию всегда рассматривали как «богоборческую» и тесно связанную со своеобразным характерным «олимпизмом» этого первого болгарского модер-

ниста. И в самом деле, эпатирующие строки Есенина достаточно близки образному ряду стихов Пенчо Славейкова (болгарский поэт умер в 1912 г.)[1]. Всё творчество Славейкова находится под знаком индивидуализма, основанного на идеях Ф. Ницше и А. Шопенгауэра. Думается, что те же самые идеи заметны и в стихах Есенина, но доказательства этому должны быть приведены в другой статье.

В начальных частях «Инонии» Есенин выступает неким «иномирянином», объявляющим о рождении другого мира – не земного и не потустороннего, а именно – иного. Со Старым миром он окончательно сводит счёты: «Я иное постиг учение» [II, 61]; «Я иное узрел пришествие» [II, 61]; «Я сегодня рукой упругою / Готов повернуть весь мир» [II, 62]. Перемены касаются и укоренившихся в России символов: «Проклинаю я дыхание Китежа» [II, 62]; «Плачь и рыдай, Московия...» [II, 63]; «Проклинаю тебя я, Радонеж...» [II, 63]. И в кульминационный момент своего отрицания поэт предрекает гибель людей и цивилизации: «Говорю вам – вы все погибнете...» [II, 64].

Конечно, это далеко не угроза гибели за грехи – это лирический герой, «пророк Есенин Сергей» вершит свой последный суд: хлёсткий, немилостивый. Но давайте посмотрим, что происходит в третьей части поэмы; каким способом автор «набрасывается» на Америку. Как ни странно, он делает это при помощи символов, от которых, казалось бы, только что отрёкся – символов «избяной поэтики»: это *свободная Ладога* (не Китеж и не Радонеж), *сияние, вознесение, соха, лось, петух*... Конечно, здесь не обойтись без обращения к есенинским «Ключам Марии», чтобы лучше понять, в чём же суть Нового времени, обещанного «пророком Есениным».

Выходит, по Есенину, что суть – в родовых корнях, в национальной исторической памяти; у американцев нет далёкого прошлого, только одно технологическое настоящее. В условиях России он убеждает читателя принять «железного коня», убеждает его, что время не вернётся вспять, создаёт образ «Руси уходящей».

Разве в «Письме деду» вся упомянутая деревенская «декорация» не вызывает снисходительную улыбку самого поэта, разве не свидетельствует она о вековой отсталости? О чём говорят эти строки: «Наивность милая / Нетронутой души» [II, 139]? Вдумайтесь в смысл короткого рассказа о том, какое учение постигал его дед: «Недаром прадед / За овса три меры / Тебя к дьячку водил / В заброшенной глуши / Учить: "Достойно есть" / И с "Отче" "Символ веры"» [II, 139]... Момент этот, на наш взгляд, «один в один» соответствует рассказу Пушкина о «науке» Онегина: о том, как была заменена греческая и латинская «премудрость» на новые необходимые умения (именно знания на умения!).

Автору статьи вспоминается оригинальнейший русский литературовед-мыслитель Г. Д. Гачев, сказавший по поводу книги болгарского исследователя Ивана Хаджийского «Быт и духовность болгарского народа»: «Такую книгу нельзя написать про американцев, по крайней мере, можно выполнить только первую часть – "Быт американского народа"»! Подтекст ясен: невозможно говорить о

том, чего нет. Хотя – отметим – анализ национальных образов мира, выполненный Гачевым, в том числе и американского образа мира, опровергает приведённое высказывание. Всё-таки интересно указать на мнения болгарского (Константинова) и русского (Есенина) писателей, сходящихся «в одной точке», и в этом плане напомнить, что Гачев является одновременно болгарином (по отцу), русским (по месту, где вырос и формировался) и евреем (по матери). Иными словами, он сочетал в своём сознании сразу несколько этноидентификационных точек зрения. И все они причудливым образом поддерживают одна другую. Насколько же Америка обусловливает желание противостоять, противодействовать, если – в данном случае – и русская вдумчивость, и болгарский романтизм, и еврейский практицизм объединяются против пресловутой американской расчётливости!

Впрочем, именно это и отмечается в сюжете «До Чикаго и обратно». Там в одном из эпизодов болгарин, серб и баварец садятся за стол и за бокалами пива вкупе с душевным разговором «побеждают американскую холодность». Содержание «душевного разговора» передаётся темой, хотя и не обозначенной явно, но вполне закономерной: тем, что все собравшиеся иностранцы издеваются над нравами и обычаями «местных жителей». Что касается остального, среди прочих моментов есть и такой: «Он (серб, м. к. бае Неделкович) вспоминает различные обряды, обычаи и свадьбы и, начиная проверять, не забыл ли он молитвы на славянском, наконец, начинает петь "Христос Воскресе" к крайному удивлению сидевших в пивной американцев».

Вот вам и главная идентификация человека: православие, вера в духовность, народные традиции. Так ведь прадед тому и учил есенинского деда! Попробуем идентифицировать описанных персонажей. Понятно, что сербы и болгары скорее соперники-противники, чем соседи и друзья. Случившееся происходит всего лишь через восемь лет после сербо-болгарской войны! А это значит, что они столкнулись с чем-то таким, что сразу сняло все страхи и ненависть и подтолкнуло их к братству! Неслучайно в начале встречи звучит: «Све једно, шта су срби, шта су бугари – брача словени!» Баварцы считаются людьми холодными, «дистанцированными», они мало чем интересуются вне своих узких интересов (по крайней мере, в болгарском сознании). И вот даже им поведение американцев показалось невыносимым! «Организация» такой группы уже является комическим, анекдотическим актом, нечто типа «Однажды собрались англичанин, француз и Бай Ганьо...»

Итак, основное обвинение против американцев, сформулированное Константиновым, – отсутствие у них духовности. Красной нитью проходит через весь текст произведения «До Чикаго и обратно» эта идея, укрупняясь и набирая мощь, – в точном соответствии с требованием о нарастающей художественной убедительности. Это явление начинается с каких-то пустяковых деталей: описания того, как американцы любят ставить ноги на стол; как они выплёвывают изо рта тонкими струйками слюну после пережёвывания табака – прямо

на пол, прямо в общественных заведениях... При этом описывается их невозмутимость, бескультурность и, наконец, дело доходит до утверждения о полном отсутствии в них «человечности» (как у Есенина). В плане интерпретации «человечности» Константинов создаёт незабываемый образ-аллегорию машины: «Бегают, шатаются все американцы как элементы одной машины, почти что бессознательно, автоматически, из этой машины капают доллары, эти доллары они снова запускают в машину и снова шатаются. Ну и когда же будем жить?»

Может быть, самым главным моментом в произведении Константинова является тот, когда славянин (это конкретно бае Неделкович) способен в один миг точно определить самую суть государства, психологию народа, характеристику явления. Вот вывод серба: «Овде е таква велика корупција, шта је нигде нема; у вас, у Европи, људи су императори, овде је злато император; који има нај-више злата, он има нај-више силе. Парица је царица, како кажу у нас!» Дальше Неделкович указывал на раны, раздирающие американское общество, вызванные всеобщей алчностью, стремлением к стяжательству. А сам «путешественик» Константинов добавляет от себя: «Это и представляет самую главную тему для американцев как в устном, так и в печатном слове». Писатель в далёком XIX веке сделал важнейшее открытие — прежде чем американцы начали гонку вооружений, гонку в космических войнах и т. д., они начали гонку за доходом, за наживой. Если попробовать перевести увиденное Константиновым и Есениным на современный язык, это будет: кризис — инфляция — печатание денег и вечное движение вновь по замкнутому кругу.

Заданная опозиция *Новый свет — Старый мир* всецело цивилизационно обусловленна. Её элементы начинают конструироваться при помощи географической составляющей: Новый свет, открытый Колумбом, — Старый мир, обозначающий «добрую старушку Европу». На втором семантическом плане — новые технология, политический порядок, нравы, поведение людей, осваивание нового пространства и т. д. до самых глубоко лежащих пластов цивилизационных структур. Новый свет и Старый мир в заданном здесь ключе — нечто совершенно другое, нежели стандартная оппозиция *революционный мир — буржуазный мир*, как их воспринимал Сергей Есенин (напомним, что Константинову был неведом этот революционный мир, ибо его убили в 1897 г. — ещё до появления знаменитых «10 дней, которые потрясли мир»).

Итак, «До Чикаго и обратно» является самодостаточным и практически законченным текстом, хотя содержит множество отсылок к другим произведениям Константинова (здесь впервые появляется образ Бай Ганьо, причём достаточно детально описанный). «Железный Миргород», на наш взгляд, также можно и нужно рассматривать как часть системы есенинских текстов, поскольку во время своей поездки Есенин давал множество интервью, прямо относящихся к теме рецепции Нового мира русским поэтом.

Немаловажен и тот факт, что этот очерк озаглавлен по названию уже существующего в русской литературе произведения – гоголевского «Миргорода». Вернее, это название, объединяющее четыре самостоятельных и неравноценных по объёму, тематически и повествовательно произведения: «Старосветские помещики», «Тарас Бульба», «Вий» и «Повесть о том как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Напомним, что «Миргород» не открывается каким-либо предисловием или объяснительными заметками, а начинается прямо со «странного» в жанровом отношении текста «Старосветские помещики».

Этот текст – не совсем рассказ (даже в традициях XIX в.), ещё меньше – повесть (хотя назван он именно так). По существу, это имитация устного сказа, выполненная в традициях античных идиллий. Она (имитация) воспроизводит, как и полагается, безмятежный мир и соответствующие ему человеческие характеры в контексте давно ушедших времён в Малоросии. И – важное дополнение – в качестве первого, начального текста именно его нужно воспринимать как своеобразный смысловый ключ ко всему «Миргороду».

Думается, что исторический сюжет «Тараса Бульбы» и легендарно-демонологическое повествование «Вий» трудно каким-либо образом соотнести с США. Определённую близость нравов и поведения персонажей можно установить между двумя произведениями – «Старосветскими помещиками» и «Повестью о том, как поссорился..» В доказательство этому читатель может отметить, что имена Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича упоминаются Есениным в его «Миргороде» («Железном»). В процессе «реконструкции» полного контекста необходимо учесть ещё и то обстоятельство, что «Миргород» в свою очередь также не является самостоятельным произведением, а, как специально отмечено автором, продолжением сочинения «Вечера на хуторе близ Диканки».

Итак, что хотел сказать нам Есенин, включая свой «очерк» в контекст, созданный Гоголем? На наш взгляд, здесь мы имеем дело с несколькими смысловыми характеристиками:

1. Обращение (нередко ироническое) к жанровой характеристике идиллии. Мысль, что США является осуществлённой мечтой всех человеческих поколений, начала звучать всё более настойчиво ещё в конце XIX столетия. В тексте Константинова мы видим подтверждение данного тезиса, хотя попутно автор изобличает примитивизм подобного восприятия: «Большая часть пассажиров едет просто так, едет на риск, с закрытыми глазами, так сказать. Все знают: "Америка богата, в Америке легко заработать деньги, давайте бежать в Америку"», – так комментирует писатель настроение потока бежанцев.

2. Противопоставление тому способу писания, какой выбрал в XIX веке Гоголь: длинные пояснения, замедленное знакомство с происходящим, сложные фразы с многочисленными отступлениями от центральной сюжетной линии.

3. Использование названия классического произведения, однако Есенин называет свой очерк «Железным Миргородом». Сам этот факт фокусирует

внимание читателя на сущности наблюдаемых писателями «миров». Гоголевский Миргород – деревенский; есенинский — технологический; его суть выражается через сталь, через железо. Есенин, этот «последний поэт деревни», создатель множества произведений, воспевающих деревенский мир, одновременно отдаёт дань машине, современной городской архитектуре, строительству, новым формам проявления человеческих возможностей. Один из класических символов его поэзии поезд – «железный конь». Отметим обращение к этому образу в «Письме деду», в «Руси уходящей», в некоторых его высказываниях.

Сравнивая идейно-художественный комплекс в анализируемых произведениях, мы хотели бы предложить «ключ»: он задан Гоголем и «оспаривается» Есениным. Вот о чём идёт речь. Гоголь начинает свой «сказ» так: «Я очень люблю скромную жизнь тех уединённых владетелей отдалённых деревень, которых в Малороссии обыкновенно называют "старосветскими" и которые, как дряхлые живописные домики, хороши своею простотою и совершенною противоположностью с новым гладеньким строением, которого стен не промыл ещё дождь, крышу не покрыла ещё зелёная плесень, и лишённое штукатурки крыльцо не выказывает своих красных кирпичей... Жизнь их скромных владетелей так тиха, так тиха, что на минуту забываешься и думаешь, что страсти, желания и неспокойные порождения злого духа, возмущающие мир, вовсе не существуют, и ты их видел только в блестящем, сверкающем сновидении»[2].

Кстати говоря, суть пространственных категорий, обозначенных противопоставляемыми друг другу символами *«Железный (Новый) Миргород» – «Старый Миргород»*, содержится и в определении *старосветские*, составленном из слов *старый* и *свет* (в смысле «мир»). Вот вам и прямое противопоставление *Старый Мир – Новый Мир*. В гоголевском тексте прямо-таки «выпирают» слова, воспринятые Есениным как смысловые точки «отталкивания». Приведём их: *скромная жизнь, уединённость, дряхлая живописность, тихо, злой дух*. Процитированные семантические ячейки вступают в определённые отношения между собой, формируя направление мысли читателя.

Одна из магистральных, ключевых конструкций: *страсти, желания и неспокойные порождения злого духа, возмущающие мир*. Что это за злой дух, который вертит-кружит весь мир? Это страсти-желания или попросту дьявол, соблазняющий людей со времён грехопадения (традиционный христианский код). Или мистико-демонологические представления русского писателя, о которых столь много написано и в литературном, и в психолого-биографическом плане? А может быть – и то, и другое. В начале XXI века читатель однозначно знает ответ на вопрос, что является таким злым духом, возмущающим мир. Это и есть тот Новый мир, новое государство, которое не только уже набралось сил, но и заявило свои претензии на лидерство в плане экономики, технологических новшеств, осуществления мечты о «счастливой жизни» для обывательски настроенных

масс. Демонстрацией подобных американских амбиций стала и мировая выставка в Чикаго – повод для поездки туда Алеко Константинова.

4. Антиномия *Новый свет – Старый мир* используется Есениным для выражения радикального публицистического противопоставления. Автору нужно прежде всего идентифицировать: кто такие «мы – русские» и кто такие «они – американцы». Несовпадения и различия складываются в ту канву произведения, на основе которой и выстраиваются основные выводы. Для сравнения: у Константинова наблюдаемая антиномия является своеобразным средством некоего «узнавания» в произведении. Автор проходит весь путь дорожных наблюдений, чтобы лишь в финале выразить свои разочарования от увиденного.

Необходимо указать на ещё один контекст есенинского произведения – на этот раз не литературный, а реальный. Это само передвижение поэта к конечной «остановке» (США). Оно не указано в тексте «Железного Миргорода», но восстановленно биографами поэта. (Путь-дорога для Есенина достаточно существенная, так как это его первая поездка за рубеж, первое столкновение с иной действительностью.) Маршрут таков: Кенигсберг – Венеция – Рим – Неаполь – Флоренция – Париж. Где же эти города и страны, разве они не наложили свой отпечаток на сознание Есенина? Это исключено. Почему же тогда поэт не выделил им места в своём очерке, почему не посвятил им хотя бы пару слов?

Ответы на эти вопросы требуют дополнительного исследования. Для нашей же темы важно отметить: хотя подробное описание Европы отсуствует, сравнение Европы и США сделано. Есенин в первом же абзаце отметил: «Перед Америкой мне Европа показалась старинной усадьбой. Поэтому краткое описание моих скитаний начинаю с Америки» [V, 160]. Впрочем, подобным образом поступает и Константинов. Вроде бы говоря о Париже, он практически «убегает» от него: «Мы тронулись. Я даже не поворачиваюсь посмотреть на Париж, прощаясь». И далее: «Вот и Авр[3], дымный, испачкан сажами, как трубочист». Из этих скупых замечаний читатель понимает – другими мыслями заполненна голова писателя: «Америка, скорее Америка!» И начинаются оба произведения с описания теплоходов: "La Touraine" у Алеко, "Paris" у Есенина. И оба автора обращают внимание на то, что, каким бы чудом современной инженерной мысли не являлись эти корабли, – среди могучих океанских волн Атлантики они лишь пушинки, затерянные в пучине.

Более чем знаменательно то, что для Есенина, равно как и для Константинова, США – страна поражающих воображение технологических достижений. Любопытно отметить, что они восхищаются одними и теми же символами Америки, американской жизни: Бруклинским мостом, небоскрёбами, электрическим светом, чудесами неоновой рекламы (лампочками, изображающими танцующее тело – «Железный Миргород»).

Правда, Алеко Константинов не имел возможности ни наблюдать за военной эскадрой, ни узнать о возможностях радио. Но эти два факта – лишь дополне-

ние к общей теме технологических достижений. Есенин прямо говорит: «Когда всё это видишь или слышишь, то невольно поражаешься возможностям человека...» [V, 169]. Образ сконструированного мира у Константинова гораздо более развёрнут – это обусловлено объёмом произведения. Там и многоэтажки, и лифты, и рестораны, поезда, улицы, чикагские бойни (где за какие-то минуты корова превращается в колбасу)... Да, возможности технологического мира достойны восхищения. Но есть нечто, намного превыщающее человеческие возможности. Это – природа. Если технология вызывает у Константинова восхищение и гордость, то природа – преклонение и чувство вечности.

Подобное наблюдаем и у Есенина, однако за одним весьма существенным исключением. У русского поэта мысль всегда обращена к искусству. Именно океан внушает ему мысль, что «имажинизм иссякаем». Двух писателей объединяет убеждение в том, что истинно великое невозможно передать словами. Константинов передаёт своё впечатление от Ниагарского водопада: «Много минут прошло, пока мы очухались. Все были оцепеневшие, как в живой картине! Нет, не удивление и не восхищение! Безграничное благоговение отпечаталось на всех лицах. Все были серьёзными, слегка побледневшими, будто ошеломлёнными! Будто не перед Божьим творением стояли, а перед лицом самого Бога!.. Кто может, пусть опишет эту картину, кто сможет – пусть сфотографирует её, пусть нарисует!... Я не могу».

Есенин жёстко формулирует: «производственное искусство», «выставочная Америка». Новый мир теряет сакральное значение, содержащееся в названии и наблюдаемое у Константинова. Материальность ошущений и рациональность осмысления сильнее у Есенина. Чувствуется влияние идей русской революции при описании контрастов: бедность – богатство, негры – белые, нищие окраины – сверкающие великолепием торговые «сити». У Констатинова читатель заметит актуальные политические лозунги тех лет: свобода, равенство; приметы тогдашней американской жизни: могущество газет и журналов, влияние профсоюзов, борьба за права рабочих.

Жизнь в Советской России многому научила Есенина. Он знает, что журналисты продажны; что газеты манипулируют общественным мнением, что Америка – это власть богатых. Относительно того, кто именно правит страной, у обоих писателей нет сомнений. Правда, в отличие от Есенина, Константинов «выкладывает» своё познание Америки медленнее; его первоначальное представление – о воплотившейся в США мечте «среднего человека». И лишь встреча с сербом бае Неделковичем отрезвляет его. Приведём фрагмент полностью: «Я начал высказывать своё восхищение американской свободой, равноправием, государственным устройством, поместным самоуправлением, от всего, что меня восхищало во время чтения книжек об Америке; только бае Неделкович полил меня холодной водичкой, а как начал рассказывать он, что "овде е таква велика корупција, що је нигде нема у вас, у Европи људи су императори, овде е злато

император; кой има най-висше злата, он има най-висше силе. Парица е царица, како кажу у нас"».

К теме денег Есенин обращается в своих размышлениях о роли и месте искусства на Западе. Приведём цитату из «Железного Миргорода»: «Владычество доллара съело в них все стремления к каким-либо сложным вопросам. Американец всецело погружается в "Business" и остального знать не желает. Искусство Америки на самой низшей ступени развития» [V, 170]. Или далее – когда с язвительной иронией отмечает, что после долгих перипетий сапожник Черниговской губернии Мани-Лейб нашёл способ «существовать на оплату за своё искусство»: «Переводами на жаргон он ознакомил американских евреев с русской поэзией от Пушкина до наших дней...» [V, 172].

Практически каждое наблюдения Есенина оканчивается выводом о самих американцах. Ими оказывается «весь неудачливый мир Европы, искатели золота и приключений, авантюристы самых низших марок...» [V, 167]. «Народ Америки — только честный исполнитель заданных ему чертежей и их последователь" [V, 170], «сила железобетона <..> стеснила мозг американца и сузила его зрение» [V, 171]. Несомненно, «Железный Миргород» имеет интертекстуальные связи с «Железной пятой» Джека Лондона. Само есенинское произведение воплощает глубокий смысловый переход от «Миргорода» к «Железному Мир-Городу» — то есть Городу всего Мира, как амбициозно считают представители четвёртого континента.

В заключении отметим, что тема Нового мира лишь начата в «Железном Миргороде». Размышляя о ней, непременно нужно углубиться в содержание писем и интервью Есенина, ибо они не просто являются продолжением его художественного творчества, но дополняют, уточняют и конкретизируют его. В этих «сопутствующих» текстах содержатся все детали, о которых мы можем только догадываться, читая «Железный Мирогород».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Отметим, что Пенчо Славейков — единственный и по нынешнее время болгарский писатель, который был номинирован на Нобелевскую премию, но ранняя смерть писателя в мае 1912 г. помешала рассмотрению его кандидатуры Нобелевским комитетом, который проводит свои заседания осенью.

[2] *Гоголь Н. В.* Полное собрание художественных произведений. С биографией, написанной проф. А. И. Кирпичниковым. М.: Изд. Т-ва И. Д. Сытина, 1910. С. 161.

[3] Современное название — Гавр.

Г. И. Шипулина *(Баку, Азербайджан)*

ИСТОРИЧЕСКАЯ ОСНОВА СТИХОТВОРЕНИЯ С. А. ЕСЕНИНА «1 МАЯ»

Я пою о них,
Как спознать сумел.
С. Есенин. «Песнь о великом походе»

Бакинская весна 1925 г. – один из наиболее продуктивных творческих периодов в жизни Есенина. Он пытается участвовать в общественной жизни, посещая заседания литературного кружка при «Бакинском рабочем», присутствует на встрече с Председателем Реввоенсовета М. В. Фрунзе, обдумывает «эпическую вещь» о гражданской войне и народных полководцах, о тех, «кто жизнь провёл в бою, / Кто защищал великую идею» [II, 105].

Не верить в его искренность у нас нет никаких оснований – его девизом были слова «Я сердцем никогда не лгу» [I, 191]. Поэтому стихотворение «1 Мая» следует воспринимать как искреннее выражение тех чувств, которые поэт испытал в этот знаменательный для себя день жизни.

Первый секретарь ЦК АКП (б) С. М. Киров, вторично услышавший чтение поэта на приёме в честь М. В. Фрунзе 18 апреля 1925 г., решил пригласить его на первомайский праздник, широко и масштабно готовившийся во всех районах города.

Ежегодно 1 Мая жители Баку собирались в заводских и промысловых районах и проводили маёвки[1]. Поэтому по меньшей мере странным представляется утверждение П. И. Чагина о том, что «вместо общегородской демонстрации организовали митинги в промысловых и заводских районах, посвящённые закладке новых рабочих посёлков, а затем – рабочие, народные гулянья»[2]. Такие митинги и маёвки проходили в Баку в течение многих лет, пока им на смену не пришли демонстрации представителей предприятий и организаций перед руководством республики.

В 1925 г. Первомай в Баку был посвящён закладке новых рабочих посёлков. Руководство республики присутствовало на маёвке в Балаханском промысловом районе[3], где у горы Степана Разина[4] строился одноимённый рабочий посёлок на 10 000 квартир (его официальная закладка состоялась ещё в 1922 г.).

По указанию С. М. Кирова Есенина пригласили в машину с руководителями республики, чтобы он мог наглядно убедиться в том, с каким воодушевлением и радостью встречали бакинцы Первомай. Сам поэт всего трижды за свою жизнь отмечал этот праздник: в 1913 г. на первомайскую забастовку вышли 1800 человек из всех цехов и отделений типографии И. Д. Сытина, где он тогда работал; в 1919-м он читал стихи на вечере поэтов во Дворце Искусств (Поварская, 52), посвящённом празднику труда, а потом беседовал с М. И. Цветаевой. Судя по свидетельству дочери Цветаевой, поэт читал тогда стихотворение «Нивы сжаты, рощи голы...»: «Ах, и сам я в чаще звонкой / Увидал вчера в тумане: / Рыжий месяц жеребёнком / Запрягался в наши сани» [I, 122]. А. Эфрон вспоминает: «Потом подошёл молодой, почти мальчик, поэт Есенин. Он читал стихи о том, что месяц спрыгнул с неба и обратился в жеребёнка, а он запряг его в колесницу»[5].

Последний в своей жизни Первомай 1925 г. Есенин встречал в Баку. Художественный руководитель Бакинского рабочего театра В. Швейцер (псевдоним Пессимист) вспоминает, как Есенин «переходил от группы к группе, оживлённый, разговорчивый, поднимая тосты за рабочих, принимая тосты за поэзию. Тонкие морщинки у щёк разгладились, на бледные губы легла улыбка. Казалось, Есенин, озябший в своём уединении, грелся среди людского множества у праздничных костров человеческого тепла. Киров дружелюбным, умным, чуть насмешливым взглядом следил за весенним походом поэта "в массы"»[6].

Бакинский журналист Борис Каплун тоже сохранил в памяти это событие: «Это было в солнечный день 1 Мая 1925 года. У горы Степана Разина, традиционном месте маёвок нефтяников, на кумачовых грузовиках выступали ряженые. Вокруг шумно и весело. Вдруг раздался залп — салютовали торжественной закладке нового рабочего посёлка имени Степана Разина. Поэт доволен, счастлив. Он размахивает руками и восклицает, обращаясь к нам, журналистам: "Гора Степана Разина, пещера Стеньки Разина, а теперь будет и посёлок имени Степана Разина... Подумайте только, чьё имя все они носят! Какая чудесная романтика. Вот тема для поэмы — так и просится..."» (В скобках отметим: сам поэт ни словом не обмолвился о Степане Разине ни в анализируемом стихотворении, ни позже, в оставшиеся ему чуть менее восьми месяцев жизни).

Итак, «Есенин переходил от одной группы нефтяников к другой. Участники демонстрации его тепло приветствовали, обнимали. С. М. Киров следил за ним и что-то тихо говорил окружающим»[7].

П. И. Чагин весьма скуп в описании этого важного события в жизни поэта: «Вместе с партийными руководителями ходил он по лужайкам, где прямо на земле, на молодой весенней траве, расположились рабочие со своими семьями, читал стихи, пел частушки»[8].

Странно, но ни в одной из бакинских газет, писавших о праздновании Первомая 1925 г. в Баку, не упоминается не только Есенин, но и партийные руководители Киров, Алигейдар Караев, Мир Джафар Багиров, Чагин и др.

Приведём полный текст заметки Михаила Камского «Наш май (Балаханы)», которая начинается с эпиграфа: «Будь каменным сердце — и то бы расплавилось в это утро, — от радости мая»:

«Сначала — солнце, а потом клич гудков промысловых приветствовали тридцатитысячную армию синеблузых с торжеством 1-го Мая. И было тихо до гудков, и вдруг разом засыпал барабанный бой пионеров на всю площадь, поднялись все. Со всех концов и закоулков потянулись алые волны знамён. Сегодня одни вышки домовничали на промыслах. Старики и дети — все слились в одну радость, вышли встречать кровью завоёванный праздник Труда.

От самых далёких промыслов и до вершины Разиной горы запрудились дороги и тропы.

Вот и площадь. Трибун не видно. Затоплены морем знамён, а от них льёт алый цвет на всю площадь. Далеко и гулко летят речи ораторов, а их подхватывает Интернационал. Смешалось всё. Песни труда, оркестры, зурна и даже двухрядки.

Митинг — на площади, а всё остальное у Разиной горы. Гора Степана Разина торжествует, как никогда — она не гора, а муравейник сегодня!

Далеко вокруг горы, по межам зелёного ячменя, на полянках расположились с семьями мазутники, пьют чистый в зелени воздух.

Чего сегодня здесь нет? Автомобили, а на них: вышки *тартают* <качают> нефть, глубокие насосы сосут из вымени Апшерона чёрную кровь, трамвай, избы-читальни, смычка, шар земли, а в сердце — мировой штаб революции — Коминтерн. Тут и старая с новой церковь на горбу у попа. Впереди автомобилей — на осле задом наперёд — Макдональд со старой граммофонной трубой.

Собравшись в колонны, демонстранты двинулись к закладке посёлка имени "Степана Разина".

Первое слово немецкого товарища-эмигранта: "– Только пока один русский рабочий и крестьянин является хозяином сегодняшних торжеств, — говорит оратор. — Но мы надеемся, что близок мировой праздник мая, когда взовьются красные знамёна Труда над землёй".

Приветствовали балаханцев тт. Закнаркомтруда [Якубов — *Г. Ш.*], Никишин [Председатель Азербайджанского Совета профсоюзов — *Г. Ш.*] и Баринов [зам-начальника "Азнефти" — *Г. Ш.*]. Потом под звуки оркестра и залп орудий тов. Баринов кладёт первый камень в крепкий фундамент Советского посёлка. Грянуло ура, мечут Никишина и Баринова на руках в воздухе, качают.

В семь часов вечера — опять гудки. Это призыв на гулянье. На чистом воздухе экран, идёт картина "Красные партизаны". Затем выступают спортсмены.

Сколько развлечений, радостей, — не передашь! Лишь солнце ушло под брови земли, пустилась вся гора в пляс. То тут, то там летают в небо ракеты и сыплют огненный дождь на землю. Поздно ночью, когда уже рассвет показался, — стало затихать, и с солнцем вместе опять начали трудовой день станки, насосы и желонки.

А за работой слышатся возгласы: "– Такого праздника ещё не бывало в жизни, а впереди и лучше будет!"

Так встречали мы май — праздник Труда и победы»[9].

Этому событию и посвящено стихотворение Есенина «1 Мая», 5 мая опубликованное на страницах «Бакинского рабочего».

В настоящее время Балаханы и посёлок Бакиханова (новое название посёлка Степана Разина) ничем не напоминают ту полупустынную, заболоченную местность, которую когда-то видел поэт. С возвышенности открывается вид на лес нефтяных вышек, на новые жилые кварталы.

День 1 Мая 1925 г. оказался радостным для Есенина не только потому, что он присутствовал на грандиозном празднике труда и видел искреннюю радость рабочих. Один такой день, проведённый в среде рабочих, для поэта был важнее недель, потраченных на возню с московской «пустозвонной братией».

Радостно было и то, что в этот день «Бакинский рабочий» начал публикацию его поэмы «Анна Снегина».

А 5 мая в «Бакинском рабочем» появилось стихотворение, в котором поэт выразил все те чувства радости, восхищения, гордости за свою страну, которые переполняли его 1 Мая. Нечасто его стихи дышали таким восторгом:

Я видел праздник, праздник мая –
И поражён.
Готов был сгибнуть, обнимая
Всех дев и жён.

Куда пойдёшь, кому расскажешь
На чье-то «хны»,
Как в солнечной купались пряже
Балаханы?

Ну как тут в сердце гимн не высечь,
Не впасть как в дрожь?
Гуляли, пели сорок тысяч
И пили тож.

Стихи! стихи! Не очень лефте!
Простей! Простей!
Мы пили за здоровье нефти
И за гостей [IV, 218–219].

Слова «здоровье нефти» дорогого стоят: это и желание сказать приятное людям, посвятившим себя добыче нефти, и понимание важности нефти в жизни

родной страны. А рядом с нефтью – тост «за гостей» – за всех, кто собрался на праздник труда, кто искренне убеждён в возможности создания свободного общества, счастливой и богатой страны.

И не так важны, наверное, последующие тосты, которые поэт «нумерует», – ведь они служат продолжением того главного тоста, с которого он начал («Мы пили за здоровье нефти / И за гостей»): первый тост – за Совнарком, второй – за рабочих, третий – за «судьбу крестьян», последний тост – за себя.

А вечером он, по разным версиям, читал стихи из цикла «Персидские мотивы» на госдаче в Мардакянах или во Дворце культуры селения Балаханы, где продолжался праздник, в присутствии первого секретаря ЦК АКП (б) Кирова, в прошлом литератора и незаурядного литературного критика, который позже скажет Чагину: «Почему ты до сих пор не создал Есенину иллюзию Персии в Баку? Смотри, как написал, как будто был в Персии. В Персию мы не пустили его, учитывая опасности, которые его могут подстеречь, и боясь за его жизнь. Но ведь тебе же поручили создать ему иллюзию Персии в Баку. Так создай! Чего не хватит – довообразит. Он же поэт, да какой!»[10]

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. лозунги и программу праздника в газете «Бакинский рабочий» от 30 апреля 1924 г. (№ 96): «Празднование международного дня солидарности пролетариата – 1 Мая – провести порайонно. Празднование начинается по всем пунктам в 11 час. утра митингами. Докладчики направляются к БК АКП. Празднование длится в течение всего дня. Клубы отмечают этот день в своих помещениях 2-го мая <...>. Для маёвки устанавливаются два пункта: Арменикенд и Чемберекенд. Все организации проходят карнавальным шествием мимо Дворца труда. Открытие митингов на местах маёвок на Арменикенде и Чемберекенде в 12 час. дня». А 1 мая 1924 г. номер «Бакинского рабочего» вышел под лозунгом: «Все на улицы, все на площади в сегодняшний праздник пролетарской борьбы и победы!»

Похожие лозунги поместила 1 мая 1924 г. рабочая газета «Труд»: «Сегодня – все на улицы, на площади, под красные знамёна. Да здравствует пролетарский май!»

Через год, 1 мая 1925 г., рабочая газета «Труд» поместила подробный перечень городских пунктов, в которых планировались праздничные мероприятия: «У завокзальцев: "Город опустел, выкипел. Все – здесь, в степи... На том берегу бухты – массовые маёвки в Арменикенде, на Зыхе, в Бузовнах и Мардакянах, в окрестных сёлах и т. д. захватили из Баку буквально всё население. С бульвара баркас перевозил всех на Зых"».

[2] *Чагин П. И.* Сергей Есенин в Баку // С. А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 2. М., 1986. С. 162.

[3] Приведём здесь пространную, но необходимую, на наш взгляд, справку.

Балаханы – селение на Апшеронском полуострове к северо-востоку от Баку с нефтяными колодцами, которые находятся на площади, покрытой наносной глиной. Наиболее приподнятая её часть осложнена грязевым вулканом. История добычи нефти в Балаханах уходит в Средневековье. В новейшее время в одном из старинных колодцев был найден камень с надписью о том, что данный

колодец был вырыт в 1594 г. мастером Аллахъяром ибн Мухаммед Нури. В 1837 г. горный инженер Николай Воскобойников основал в Балаханах нефтеперегонный завод, где впервые нефть подогревалась при помощи природного газа. В 1871-м здесь была пробурена механическим способом вторая в России нефтяная скважина (64 метра). 1 апреля 1873 г. в Балаханах ударил первый буровой фонтан нефти. В 1878-м по заказу компании братьев Нобель от Балаханов до нефтеперерабатывающего завода в Чёрном городе Баку был проведён первый в России нефтепровод длиной около 12 километров. Автором проекта и главным инженером строительства этого нефтепровода явился Владимир Григорьевич Шухов (напомним: автор проекта Радиобашни на Шаболовке). В поселке с 1982 г. действует Балаханский машиностроительный завод.

Название села происходит от татского «бала» – «высокий» и «ханэ» – «дом». Так на Апшероне было принято называть маленькую гостевую комнату в караван-сараях (постоялых дворах).

В настоящее время Балаханы – посёлок городского типа, входящий в Сабунчинский район Баку, с населением 10–15 тысяч человек. Посёлок представляет особенный интерес в этнокультурном плане: Балаханы – единственный населённый пункт на Апшеронском полуострове, где этнические таты проживают компактной общиной, сохраняют самосознание и владеют татским языком, относящимся к иранской ветви индоевропейской семьи языков.

До революции в Балаханах проживала самая крупная на Кавказе община бахаи. Бахаи – одна из молодых религий откровения, имеющая собственные Священные писания. Она зародилась в середине XIX в. и в настоящее время объединяет свыше 5 млн последователей. Главные темы учения бахаи – единство Бога, единство религий и единство человечества.

В 1898 г. фотограф Александр Мишон снял в Балаханах короткометражный документальный немой фильм «Нефтяной фонтан на промысле Балаханы», считающийся первым фильмом в истории азербайджанского кинематографа.

В Балаханах родились известный советский профсоюзный деятель, директор Московского нефтяного института в 1934–1937 гг. Александр Алексеевич Никишин (присутствовал на первомайском празднике в Балаханах 1 мая 1925 г.), композитор Джахангир Джахангиров, геолог Герман Хельквист.

[4] Казачий атаман Степан Разин (ок. 1630–1671) возглавил антиправительственное восстание казаков, воевал с крымскими татарами и турками. Во время самого знаменитого своего похода в Персию прошёл вдоль восточного побережья Хвалынского (Каспийского) моря, побывал на островах близ Баку. В народных преданиях именно с этого похода начинается история его кладов: он покинул Персию с большой добычей и спрятал клады на Волге или где-то в районе Баку. В народной памяти хранятся места, связанные с именем Степана Разина (в Саратовской области – Стенькины бугры», на Апшероне – гора Степана Разина). В основании горы расположена пещера Стеньки Разина, с которой связано множество легенд: говорят, что дорога из неё ведёт к Раманинской башне (XIV–XV века) или даже под Каспием в Туркмению; что в ней хранится клад. Есенин в стихотворении «На плетнях висят баранки» (1915) писал о Разине: «Ой, удал и многосказен / Лад весёлый на пыжну. / Запевай, как Стенька Разин / Утопил свою княжну» [I, 36].

Старожилы вспоминают, что степь, которая простиралась к югу, была очень плодородной. Пока в земле была влага, растения бурно росли и цвели: в марте степь становилась зеленой от травы, потом - сиреневой и голубой от цветения мускарии, затем в апреле – начале мая степь станови-

лась кроваво-алой от цветущих маков, маки сменялись сурепкой, и степь становилась желтой почти до середины июня; потом, до первых дождей в середине осени, был желтый и сухой цвет высохшей травы. Почти круглый год росла верблюжья колючка. Есенин видел кроваво-красную от маков землю.

Посёлок Степана Разина — родина бакинского нефтяного миллиардера Вагита Алекперова.

[5] *Эфрон А.* Страницы воспоминаний // Звезда 1973. № 3. С. 170–171.

[6] *Швейцер Владимир.* Этюды к портретам. Песня // Москва. 1964, № 2. С. 186.

[7] *Каплун Борис.* Из блокнота журналиста. Памятные встречи за полвека. Баку, 1968. С. 55–56.

[8] *Чагин П. И.* Сергей Есенин в Баку. С. 162.

[9] *Камский М.* Наш май (Балаханы) // «Труд». Баку. 1925, № 96, 3 мая.

[10] *Чагин П. И.* Сергей Есенин в Баку. С. 162.

Н. М. Солобай (Москва)

ИЗ ИСТОРИИ СЕЛА КОНСТАНТИНОВА (ПО МАТЕРИАЛАМ ФЕДЕРАЛЬНЫХ АРХИВОВ)

Государственный музей-заповедник С. А. Есенина, зародившись как музей поэта с глубинными крестьянскими корнями, сохранившего кровную связь с родиной, успешно пополняет свои музейные фонды и расширяет экспозиции, всесторонне и объективно охватывающие жизнь малой родины поэта, всех слоёв сельского населения: крестьянства, служителей церкви, интеллигенции, дворянства и буржуазии. В значительной степени этот положительный и необходимый процесс базируется на накопленных и вновь приобретаемых исторических знаниях.

Есениноведы всесторонне изучают не только быт села есенинского времени во всех его проявлениях, что, конечно, является главным и наиболее важным направлением исследований, но и историю села Константинова, в том числе жизнь предков поэта и те особенности исконно русской жизни, которые формировали художественное мировоззрение великого национального поэта.

Зафиксированная в опубликованных документах история села Константинова известна с начала XVII века. Её основные вехи изложены в статье Л. А. Архиповой и А. А. Ванина, помещённой в Рязанской энциклопедии[1]. Подчеркнём, что названная статья написана на основе исключительно печатных источников, конспективна (в силу специфики издания) и вместе с тем содержит ряд неточностей.

Отметим работу по генеалогии рода С. А. Есенина по отцовской и материнской (род Титовых) линии, успешно проводимую О. Л. Аникиной, результаты её исследования нашли отражение в первом томе «Летописи жизни и творчества С. А. Есенина»[2]. Неизменный интерес представляет этнографическое исследование А. Д. Панфилова «Константиновский меридиан»[3].

К сожалению, в последних крупных изданиях по истории Рязанщины сведения о Константинове и его владельцах отражения не нашли[4].

Для всестороннего изучения истории Константинова и генеалогии есенинского рода существенное значение имеют документы государственных архивов Рязанской области, изучение которых осуществляется научными сотрудниками музея-заповедника С. А. Есенина. Не менее важно обращение к фондам феде-

ральных исторических архивов, где сосредоточены документы не только общероссийского масштаба, но регионального уровня. Разнообразные по составу, содержанию, времени создания, они – особенно в совокупности – позволяют изучать жизнь даже отдельного неименитого человека. Богатейший материал сосредоточен в личных фондах титулованных лиц. В последнее время к ним обращено пристальное внимание исследователей, и результаты их работ значительно расширяют разностороннее познание прошлого.

Изучение древних архивных документов – процесс кропотливый и очень трудоёмкий, требующий нередко специальных знаний в различных областях исторических дисциплин. На первом этапе нашей работы мы обратились к документам Российского архива древних актов (РГАДА) и Российского военно-исторического архива (РГВИА).

Наибольшее количество документов по начальной истории Константинова выявлено в РГАДА. Они сосредоточены в фондах Поместного приказа (№ 1209), Рязанской межевой конторы со сведениями о владельцах села с 1618 по 1775 гг. (№ 1333), «Экономических примечаний по Рязанской губернии», в составе которых находится платёжная книга 1628 г. с записью о селе Константинове (№ 1355), Ревизских сказок трёх ревизий XVIII века, включающих записи по Поницкому стану, в состав которого входило село Константиново (№ 350), Межевых планов Рязанской губернии (№ 1354), включая планы села Константинова с деревнями Матово и Волхона и пустошью, «что была деревня Кудрина» 1773 и 1852 гг., в личном фонде князя А. М. Голицына – одной из известных, ключевых фигур из числа владельцев Константинова (№ 1263), документы которого содержат интереснейшие сведения как об обыденной жизни предков Есенина, так и о знаковом событии – постройке Казанской церкви, дошедшей до нашего времени в первозданном виде и являющейся одним из важнейших мемориальных объектов Государственного музея-заповедника С. А. Есенина.

РГВИА хранит документы по объектам военной истории Рязанской губернии, в их число Константиново не входило, тем не менее и здесь обнаружены важные сведения по истории села конца XVIII века (фонд № 846).

В настоящей работе в полном объёме выявленные сведения не использованы как в силу ограниченного размера статьи, так и в связи с необходимостью разыскания и привлечения дополнительных источников в целях формирования более определённых и достоверных выводов.

Выявленные и проанализированные документы по истории села Константинова охватывают период с 20-х гг. XVII века по конец XVIII века («голицынский») и отражают следующий спектр информации:

– начальный период существования села Константинова;
– сведения о владельцах села, завершая Голицыным;
– история храмового строительства в Константинове;

— экономическое состояние в период владения селом Голицыным владельца и крестьян;

— вопросы крестьянского быта;

— сведения генеалогического характера по материнской линии (по роду Титовых).

Архивные документы позволяют расширить и дополнить историю села Константинова, прежде всего «состарить» время существования этого поселения на берегу Оки. На плане села Константинова (30 августа 1852 г.) в числе других показана Баскаковская дорога, идущая через село, как, очевидно, и через другие соседние селения, составляющие, по образному выражению Есенина, «тропу деревень». Топоним уходит по меньшей мере в XV век — в период действия экономической зависимости русских земель от Орды[5].

В частное владение Константиново было передано из Дворцового ведомства в начале XVI века в качестве награды за государеву службу — «пожалования» князю Даниле Ивановичу Мезецкому. Он получил половину села Константинова, и в дальнейшем нами прослеживаются владельцы этой части села. Точная дата «пожалования» в проанализированных нами документах отсутствует и требует дополнительного рассмотрения.

В собранных К. А. и С. К. Нарышкиными в 1722 и 1772 гг. и А. М. Голицыным в 1776 г. сведениях «по родословной» унаследованной ими рязанской вотчины в связи необходимостью уточнения объектов, размеров и границ владения имеются сведения о «челобитье» Мезецкого за 1627 г. в связи со спором о межевых границах с владельцами соседнего села Федякина. В «писцовых и межевания писаниях и переписных книгах» за 1628 и 1629 гг. за ним значится половина села и «пустошь, что была деревня Кудрина»[6]. В выписках из документов Поместного приказа за 1628 и 1629 гг. названы имена братьев Никиты Михайловича и Романа Михайловича Мезецких, совладельцев села. От Никиты Мезецкого владение отошло некоему Пимену Юшкову, имя которого в общем контексте с дарителем упоминается в 1632 г. в связи с их неблаговидными поступками (притеснениями) по отношению к выходцам из Литовской земли, а также в 1637 г. в связи со спорами по межевым границам[7]. Юшков продаёт имение Ивану Гавреневу, сын которого стольник Иван Иванович Гавренев значится в документах как владелец села в период с 1648 по 1666 гг., до своей смерти, то есть около 20 лет. Очевидно, по причине отсутствия наследников в 1666 г. Константиново было «отписано на великого государя».

В следующий самый продолжительный по времени период владельцами Константинова становятся связанные родственными узами князья Мышецкие, Нарышкины и Голицыны. Иван Данилович Мышецкий получил Константиново в 1667 г. «по челобитью». Ещё в 1686 (или 1689) г. он значится его владельцем. Позже «по любовному разделу и по заручной челобитной и по допросу» село переходит к его родному дяде Якову Ефимовичу Мышецкому, а с 1700 г. — дочери

последнего Настасье Яковлевной Мышецкой, а в качестве приданого — её мужу Кирилле Алексеевичу Нарышкину. После его смерти в 1728 г. село переходит к его сыну Семёну Кирилловичу Нарышкину. В ноябре 1775 г. он умирает[8]. После этого «по узаконенному завещанию, утверждённому <императрицей Екатериной II> и во исполнение указа Правительствующего сената» Константиново перешло к Александру Михайловичу Голицыну[9].

В истории России все перечисленные лица оставили свой след, причём отдельные из них весьма достойный. Их государственные деяния отмечены лучшими русскими дореволюционными историками В. Н. Татищевым[10] и С. М. Соловьёвым[11], в энциклопедических изданиях А. Н. и И. Н. Гранатов[12] и Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона[13]. Имена Пимена Юшкова, Кириллы Алексеевича и Семёна Кирилловича Нарышкиных, Александра Михайловича Голицына названы в книге «Дворянские роды, прославившие отечество»[14] и других авторитетных изданиях. Однако суммарной биографической информации о них, исключая небольшую работу Ю. В. Татищева о Даниле Ефимовиче Мышецком[15], в исторической литературе мы не обнаружили.

Особый интерес вызывают лица, которым Константиново было «пожаловано», — Данила Иванович Мезецкий и Иван Данилович Мышецкий.

Имя первого известного частного владельца села Данилы Ивановича Мезецкого в современной литературе практически не упоминается. Между тем в работах Татищева и Соловьёва говорится об участии Мезецких, в том числе Д. И. Мезецкого, в важнейших исторических событиях России. В «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Эфрона роду князей Мезецких посвящена отдельная статья.

Старинный княжеский род Мезецких происходит от князей черниговских. Потомок Рюриковичей в 14-м колене, князь Андрей Всеволодович, сын князя Всеволода Юрьевича Тарусского, получив в удел Мезецк (Мещевск), стал родоначальником рода князей Мезецких. Его потомки некоторое время находились в вассальной зависимости от литовских феодалов, но с конца XV века перешли на службу к великим князьям московским. Один из них, Борис Иванович, в 1584 г. строил Архангельск, был воеводой в Астрахани.

Будущий владелец Константинова князь Данила Иванович состоял на службе у трёх царей. В 1598 г. был назначен стольником в «государевом цареве и великого князя Бориса Фёдоровича <Годунова> всея Руси полку»[16]. В царствование Василия Шуйского он участвовал в подавлении восстания И. Болотникова. В 1607 г. вместе с боярином Иваном Никитичем Романовым в сражении на реке Вырке разбил князя Василия Рубца-Мосальского, шедшего к Калуге на помощь Болотникову. «... бились целые сутки и воров побили. <...> Мосальский был убит, а его ратные люди взорвали себя»[17].

В 1610–1612 гг. он участвует вместе с митрополитом Филаретом (отцом будущего царя Михаила Романова) и Василием Голицыным в переговорах с поля-

ками о мире, в том числе выполняя неприглядную историческую миссию, к счастью, не удавшуюся, — был участником посольства к объявленному русским царём польскому королевичу Владиславу, которое должно было решить вопрос о принятии им православия для фактического утверждения на русском троне[18]. Тем не менее, 30 апреля 1613 г. Земский собор приговорил: «боярам И. М. Воротынскому, В. П. Морозову, окольничьему князю Мезецкому и дьяку Иванову с выборными из всяких чинов ехать к государю <(Михаилу Романову>), бить челом, чтобы он умилостливился над православными христианами походом своим на Москву не замешкал»[19]. Мезецкий — главное действующее лицо в переговорах со Швецией, завершившихся подписанием в феврале 1617 г. Столбовского мирного договора. В 1618 г. он участвует в защите Новгорода, и «За новгородскую службу, что немецкие послы Новгород отдали, государь пожаловал князю Мезецкому боярство»[20]. В октябре 1618 г. Мезецкий становится активным участником обороны Москвы от польского войска королевича Владислава, пришедшего с требованием русского престола. Ему совместно с Григорием Волконским с «562 человеками пехоты и 22 конницы» поручена защита большой территории Москвы — «Тверских ворот и пространства от Тверских до Петровских ворот, до Трубы и до Сретенских ворот». В конце октября он участник многодневных трудных переговоров с поляками об условия мирного договора. Одновременно он следит за порядком в городе[21]. Как утверждают в своих письмах на имя императрицы Нарышкин и Голицын, именно «за московское осадное сидение королевича» Мезецкий получает в награду половину села Константинова, «да к нему припущено в пашню пустошь, что была деревня Кудрина». Однако приведённые факты его биографии свидетельствуют, что заслуги князя Мезецкого были гораздо шире.

«Вторая половина <Константинова> у его брата Никиты Михайловича Мезецкого»[22]. О конкретных деяниях Мезецких в Константинове пока ничего не известно. Возможно, именно кто-то из них построил первую деревянную константиновскую церковь. В документах Нарышкина она обозначена как уже существовавшая[23].

Иван Данилович Мышецкий, также получивший Константиново в качестве «пожалования», оставил в известных исторических документах след исключительно как сын героя XVII века князя Данилы Ефимовича Мышецкого, стольника, воеводы Вильны. В 1661 г., защищая город, Данила Мышецкий выдержал восьмимесячную осаду польского короля Казимира. В создавшейся безвыходной ситуации решил взорвать себя и уцелевший гарнизон из 78 воинов, но был пленён в результате измены, отказался от милости победителя и был прилюдно казнён. С. М. Соловьёв посвятил ему отдельную главку (около 50 строк) «Судьба виленского воеводы Данилы Мышецкого», в которой воспроизводится текст духовной, доставленной в Москву благодаря одному монаху и адресованной сыну «Ивану Даниловичу, да жене Анне Кирилловне»[24]. К 250-летию со дня траги-

ческой гибели героя Ю. В. Татищев написал о нём небольшую книгу, завершив её призывом, звучащим актуально и в наши дни, — «увековечить светлую память борца за объединение России и превратить 30 ноября 1661 года в день русского национального единства»[25]. Имя Д. Е. Мышецкого вошло в дореволюционное издание «Военной энциклопедии»[26]. В своей книге Ю. В. Татищев ссылается на документы о поминовении царём Алексеем Михайловичем Данилы Мышецкого в 1669–1670 гг., он сообщает также о факте продажи в 1667 г. вдовой героя её вотчины деревни Жеребцово, полученной «за службу и за виленское сидение и за смерть её покойного мужа». Можно предположить, что это и стало основанием для удовлетворенного царем «челобитья» Ивана Мезецкого.

Переходя к характеристике непосредственно села Константинова, отметим, что в исторических текстовых документах и планах село Константиново часто имеет название Константиновское, возможно, по аналогии с соседним Кузьминским, сохранившим своё историческое название до настоящего времени. Впрочем, ещё одно соседнее село — Федякино — своего названия не меняло.

Выявленные документы вносят некоторую, но пока ещё не окончательную ясность в церковную историю села Константинова. В селе всегда была одна церковь — сначала деревянная, затем каменная, существующая и сейчас. Нам пока не удалось определить дату постройки первого деревянного храма. В челобитной Семёна Кирилловича Нарышкина императрице Елизавете Петровне от 29 ноября 1754 г. дано его краткое описание: «В селе на общей земле церковь во имя мучениц Веры, Любови, Надежды и матери их Софии деревянная клецки, два двора поповых, двор диакона, двор дьячков, двор пономарев, пашни церковной земли 20 четвертей в поле»[27]. Колокольня в документе не упоминается, очевидно, она составляла единую с храмом постройку. Такие храмы типичны в XVII веке в сельской местности, что подтверждается известными документами о поддержании храма в порядке и ремонтными работами, проведёнными в 1676 г. Таким образом, становится понятным наличие в каменном храме придела, посвящённого иконе указанной группы святых и наличие храмового праздника 29 сентября, что зафиксировано в воспоминаниях сестёр поэта. Одновременно мы вносим уточнение в печатные источники, в которых, начиная с публикаций XIX века, указывается одноимённость посвящения константиновского храма.

Дата постройки Казанской церкви А. М. Голицыным, указанная в литературе, в том числе в работах историков искусства, а именно 1779 г., также нуждается в уточнении[28]. Остаётся открытым вопрос об авторе проекта храма, выполненного в классическом стиле. Художественный уровень этой постройки уже получил высокую оценку. Однако чертежи не сохранились или не разысканы, а в искусствоведческой литературе о И. Е. Старове[29] константиновский храм не упоминается. Выскажем имеющее основание предположение, что автором проекта мог быть М. Ф. Казаков. Рязанец по происхождению, москвич по службе,

автор проекта Голицынской больницы, Казаков мог общаться с А. М. Голицыным, заказчиком по духовному завещанию своего родственника этой постройки.

Из документов деловой переписки Голицына с константиновскими старостами можно составить некоторое представление о времени и продолжительности строительных работ, использованных материалах и источниках финансирования. Первые упоминания о грандиозной каменной постройке относятся к осени 1790 г. Использовался бутовый камень, который крестьяне собирали на берегу Оки и гужевым транспортом доставляли на гору к месту строительства. Кирпич изготовлялся на месте в специально построенных на берегу Оки кирпичных сараях. По указанию Голицына в качестве топлива наряду с другими видами использовались старые брёвна от разобранных старых изб при их «поправлении»[30]. В октябре 1790 г. на настойчивую, возможно, не первую просьбу константиновского старосты Никиты Кверденева о присылке из Москвы мастера по обжигу кирпича Голицын сообщает, что приезд мастера возможен только «после троицына дня». Только 4 марта 1791 г. мастер Марк Зиновьев приезжает в Константиново[31]. Водным путём по Оке поставляется белый камень. Возможно, его путь начинался от известных ещё с XIV века мячковских каменоломен, откуда брали белый камень для строительства московского и серпуховского кремлей великие князья Дмитрий Иванович – будущий Донской и Владимир Андреевич – будущий Храбрый.

Строительство сначала велось на средства самого Голицына. Но в конце 1793 г. он облагает крестьян дополнительным годовым целевым подушевым налогом в размере одного рубля. Налог оказывается обременительным для крестьянских хозяйств, положение которых осложнилось неурожаем 1792 г. Однако на просьбу крестьян об отмене церковного налога Голицын отвечает отказом[32].

До 1799 г. строительство храма было закончено. В «Статистическом описании г. Рязани и его уезда» о селе Константиново имеются две записи: «В селе церковь каменная Казанской Пресвятой Богородицы и вокруг оной ограда каменная». Церковь материально хорошо обеспечена: «писцовая церковная земля села Константиновского Казанской Пресвятой Богородицы священно- и церковнослужителей сенных покосов – 6 десятин, 1665 саженей. На суходоле покосные травы хороши. <...> пашенной земли 24 десятины, 1679 саженей, сенопокосы 1750 саженей, неудобной земли 1800 саженей»[33]. По желанию Голицына новый храм освящён во имя Казанской иконы Божьей Матери. Возможно, в РГИА в фонде Синода сохранилось прошение князя Голицына и в нём указана причина нового посвящения храма.

Обыденная жизнь села Константинова нашла отображение только в документах фонда Голицына. В фонде представлены личные документы, семейная переписка, черновики писем к Екатерине I, переписка с русскими дипломатическими представителями в иностранных государствах, с русскими государственными деятелями и частными лицами по вопросам внешней и внутренней поли-

тики России и по личным делам, в связи с постройкой московской Голицынской больницы, перепиской по имениям князя в Белевском, Брянском, Гжатском, Можайском, Переславль-Залесском, Переяславль-Рязанском, Ростовском и других уездах и другими материалами.

В личном фонде Голицына документы по его рязанской вотчине – селу, точнее части (большей) Константинова имеются только за период с 1784 г., т. е. спустя восемь лет после его вступления во владение. Однако в связи со спорными межевыми вопросами в них отражена информация с момента передачи села из Дворцового ведомства в частное владение в начале XVII века. Мы не ставили целью настоящей работы собрать весь материал о Голицыне, оценить полноту сохранившихся в архивах документов, отметим только, что у Голицына было наряду с перечисленными выше доходное, по его собственной оценке, Епифанское имение в Тульской губернии[34]. По данным РГВИА, в конце XVIII века (1799 г. ?) «за господином действительным тайным советником и кавалером князем Голицыным в селе дворов 54, м<ужчин> 330, ж<енщин> 288». Для сравнения приведём также данные о совладельцах: «за статским советником и кавалером Волынским в деревне Волхоной дворов 15, м<ужчин> 75, ж<енщин> 68; за титулярной советницей Дергаловой в деревне Матовой дворов 14, м<ужчин> 65. ж<енщин> 59 душ»[35].

Документы, подтверждающие пребывание Голицына или хотя бы его отдельные наезды в Рязанскую вотчину – село Константиново, не выявлены. Сохранившаяся часть переписки Голицына со старостами характеризует Голицына как рачительного хозяина и даёт определённое представление о его экономическом состоянии и быте обитателей села в период с 1784 по 1799 гг.[36].

Константиновская вотчина, изначально богатая, как и в есенинское время, «лесом и водью / Есть пастбища, есть поля...» [III, 158] – это пахотная земля (посевы ржи и льна), лесные угодья (древесина, дичь, ягоды), сенокосы, садовое хозяйство, рыболовство на Оке и заокских озёрах, коневодство, была мельница и, как указано выше, кирпичный завод во время строительства храма. Крестьяне были на оброке, в 1793–1794 гг. он увеличился по требованию князя и составлял 200 рублей в год[37]. Это легло на крестьян тяжёлым бременем из-за неурожая 1792 г. и падежа скота. Словом, говоря словами Есенина, случились «большие недостатки». Однако барин на уступки не пошёл[38]. Лён пряли на месте, вырабатывалась пряжа тонкого и толстого прядения. Первая поставлялась в Москву для изготовления полотна на нужды московского дома Голицына[39].

Лес вырубали для разных хозяйственных нужд. Так, в мае 1792 г. Голицын даёт строгое распоряжение старосте (иначе штраф) о постройке двух новых хлебных житниц и о ремонте мельницы. Сосна в голицынских владениях не растёт, поэтому на определённых условиях её дают соседи. Им в свою очередь разрешаются подконтрольные вырубки его леса[40]. Зато имеются ограничения для крестьян. Сохранился составленный 6 октября 1790 г. старостой И. Рединым

список крестьян (18 фамилий), которым требовался лес на «переправу их старых изб». 18 хозяйствам было разрешено вырубить 820 деревьев, от 35 до 50 каждому. Отметим, что это была уже третья просьба. «Не хотел бы дать позволение на выдачу леса для переправы изб. <...> Но очень нуждающимся дать, при этом строго-настрого проверить и не дать лишнего ни одного бревна»[41]. Для охоты в лесных угодьях на 10 дней посылался егерь, сырое мясо консервировали и отправляли в Москву[42].

Организовано «садовенное учение». Но садовник «Оська плохо следил за садом, драчун и пьяница»[43]. В Москву были затребованы саженцы яблонь, груш, слив и вишен. Поставлялась в бочонках мочёная ежевика[44].

Как следует из документов 1784–1785 гг., приходит в упадок конный завод, в прошлом приносивший доход благодаря наличию в табуне ценного поголовья (имелась лошадь английской породы), прекрасным сенокосам, хорошо оснащённому конному двору. Ревизия 1784 г. показала, что конный завод находится «в изнурительном состоянии, <...> лошади содержатся в стойлах, наполненных почти по колени грязью, <...> английская заводская кобыла стоит в самом тесном стойле, <...> пять прошлогодних жеребчиков в весьма изнурительном состоянии и почти без копыт от помянутой грязи...» и т. д.[45].

Лошади неправильно используются, начинается страшная болезнь – сап. Конюх, очевидно, не справляется со своими обязанностями, поэтому из Москвы срочно направлен в Константиново коновал Федька (Фёдор Елфимов) с наказом осмотреть всех лошадей и с необходимыми лекарствами. После лечения кобыл коновалу надлежало отправиться обратно в Москву, «ибо здесь настойчивая в нём надобность»[46]. Решено было уменьшить табун, «оставив самое малое число лучших заводских лошадей», распродать остальное поголовье на месте, а частично отправить в Москву и в епифанское имение[47].

Имение управлялось назначаемыми из крестьянской среды земским, старостой и сотским. В ноябре 1785 г. старостой был Дмитрий Федотов. В документах за период с 1790 по 1794 гг. указаны имена двух земских (Антон Степанов и Антон Елагин) и четырёх старост (Иван Редин, Ананий Васильев, Евсей (Евстигней) Герасимов и Никита Кверденов (Кверденев)). Степанов и Васильев характеризуются как «нерадивые». Из отдельных писем Голицына за 1786–1786 гг. известно, что моральный климат в «управленческой среде» константиновцев оставлял желать лучшего.

Получив из Константинова известия о состоянии владения, где сообщается, что «происходит между старостой и земским непомерное пьянство, драки, ссоры, тревоги, отчего сбегается народ, думая о пожаре, а вместо того находят, что староста с земским таскают за волосы или за что попало садовника, один кричит караул, другой именует себя гласным командиром, а последний, препятствуя сему, получает себе удары, и если в самом деле случится пожарный случай, то никто не может поставить для тушения, пока в точности не увидит, думая всякий

раз, что пьяный дерётся». Упоминается случай кражи ими денег у конюха-поляка: «деньги <...> поделили по себе староста 2, земской 2, да сапоги кизиловые в 150 и кожаные в 50». 5 ноября 1785 г. Голицын поручает Иоакиму Емельянову, «рассмотреть тамошнее правление и дела оной вотчины, как мои, так и крестьянские, исследовать поведение тамошних людей, в должности находящихся, как-то старосту <Дмитрия Федотова>, земского, садовника и конюшего, и кто из них виноват, надлежаще наказать, старосту сменя, от земского письменные дела принять, их всех сюда отправить с прописанием каждого вины и непорядков, а самому остаться в правлении оной вотчины, чего ради и посылается при сем послужной указ о том...»[48]

«Рядовые» крестьяне также не все отличались примерным поведением: «свой сенокос отдали внаём за 200 <рублей>, а вместо оного распахали господский луг десятин в шесть»[49]. Непочтительно относились они к церковным служителям. В 1792 г. дьякон Парамон Тихонов неоднократно жаловался на потраву церковной земли, засеянной рожью, и просил Голицына дать личное указание старосте оградить церковную землю[50].

Вместе с тем Голицын проявлял, вероятно, минимальную, но необходимую для сохранения здоровья своих крепостных заботу о них. В результате разысканий обнаружены два подтверждающих это документа за 1794 г. В сентябре, в преддверии зимы, двадцати, очевидно, беднейшим семействам выделяются деньги (по 6 рублей 10 копеек каждому) на приобретение зимней обуви и шуб[51]. По распоряжению Голицына была проведена вакцинация от оспы 41 мальчику и 43 девочкам в возрасте от шести недель до пяти лет из 63 семейств[52].

В Москву из Константинова через специально посылаемого крестьянина — нарочного — шли подробные донесения о положении дел в имении, на которые Голицын оперативно реагировал. Так, например, на письмо старосты от 19 ноября он уже 20 ноября составляет подробный ответ и даёт необходимые указания по разнообразным вопросам. Периодически из Москвы в Константиново направлялись специальные ревизии, результаты которых тщательно анализировались владельцем села. Известны две проверки 1784 и 1785 гг., сведения о которых дают представление о хозяйстве, занятиях и быте местных жителей.

В числе ремёсел, которыми занимались крестьяне, названо кузнечное дело. 31 декабря 1790 г. из Москвы поступает заявка на изготовление «четырёх железных колёс с медными подвалками, какие были в константиновской мельнице»[53].

Сведения о жилых и хозяйственных усадебных постройках минимальные: было два флигеля, каретный сарай, амбар[54]. В 1785 г. эти постройки находились в плачевном состоянии: ветряная мельница нуждалась в ремонте, необходимо было построить две новые житницы взамен обветшавших[55], «в господских покоях окончины повыбиты, обои ветром все избило и печи развалились». Все необходимые ремонтные работы были проведены. Летом 1792 г. в усадьбе некоторое время жил сосед — Михаил Васильевич Волынский.

По немногочисленным сведениям можно представить, как в прошлом выглядело село Константиново, и констатировать, что его современная планировка практически не отличается от исторической. В одном из указаний Голицын напоминает по поводу постройки новых изб или «поправки старых»: «Ставить избы по моему прежнему указанию, то есть чтобы по улице в прямую линию и без тесноты с надлежащими пространными переулками. Чтобы овины и бани ставить в дальнем надлежащем расстоянии отставлены были, дабы таковыми и подобными предосторожностями сберечь крестьянские дома и их имущество от нещадного пожарного случая»[56].

Указания Голицына выполнялись. На плане Константинова 1852 г. видно, что крестьянские усадьбы выходят на красную линию и располагаются по обеим сторонам площади[57].

Отношение Голицына к рекрутскому набору 1790 г. было серьёзное. По утверждённым нормам, от села Константинова полагалось два рекрута. В наказе Голицына изложено строгое требование: «немедленно ко мне прислать на рассмотрение реестр назначенных по приговору в рекруты отдачу крестьянами очередных и по жребию доставшимся с прописанием их семейств и лет. А ежели это порочные, то с отметинами против имён их продерзастей, и чтоб оный реестр был подписан просьбе крестьян священником. За всем этим надобно беспременно наблюдать, чтоб при оном было поступаемо с надлежащей справедливостью. без всякого пристрастия...»[58]

Жребий пал на семью Кверденева, которому был разрешён откуп, что Голицын счёл удачей: «отдача покупных рекрутов <...> для вотчины великая выгода», поэтому он даёт Никите Кверденеву согласие на откуп[59].

Вновь выявленные сведения по генеалогии рода Есениных носят в настоящее время ориентировочный характер, поскольку генеалогические исследования ведутся по нисходящей хронологии, основываясь на документально подтвержденных сведениях.

Сергей Есенин – представитель разветвлённых крестьянских родов – Есениных по линии отца, Александра Никитича, и Титовых – по линии матери. В документах последнего десятилетия XVIII века имеются упоминания о семействах Рединых, Каверденевых (Кверденовых, Каверденевых) и Титовых. **Редины** породнились с Титовыми благодаря браку двоюродного деда Есенина Акима Андреевича Титова с Федосьей Никитичной Рединой, ориентировочно в 1840 г.[60]. Редины, жившие в конце XVIII века, – прапрапрадеды и прадеды Есенина. Иван Редин в октябре 1790 г. был старостой села Константинова, ему адресовано три деловых письма Голицына, в одном из которых даётся разрешение на постройку новой избы вблизи дома Никиты Кверденева, вследствие чего можно сделать вывод о том, что он был грамотным и уважаемым человеком[61]. Кондратий Редин указан в списке крестьян (от 5 октября 1790 г.), нуждающихся в «поправке» избы, можно предположить, что его семейство было нема-

лым, — ему требовалось максимальное количество деревьев — 50. В марте 1794 г. в качестве старосты упоминается Парфен Редин, у которого была двухлетняя дочь Авдотья (её привили от оспы), в ноябре кузьминские крестьяне Иван и Аника Клешнины украли у него лошадь[62]. В списке родителей и детей с привитой оспой — Василий Редин и его трёхлетний сын Василий, Тимофей Редин и его трёхлетняя дочь Анна[63]. Савелий Редин, упомянутый вместе с двумя другими крестьянами в 1792 г. в связи с просьбой об облегчении тягла, как можно предположить, был бедным крестьянином[64].

Кверденевы (Кверденовы. Каверденовы) — кровные предки поэта. Из их рода происходит его родная бабушка Наталия Евтихиевна, жена Фёдора Андреевича Титова[65]. Никита Кверденев — состоятельный крестьянин, в октябре 1790 г. смог откупиться от исполнения рекрутской повинности, возложенной на его семью, заплатив значительную сумму — 450 рублей[66]. В сентябре 1792 г. он покупает у Голицына «конюшню по № 5» за «145 рублей ассигнациями и 3 медных деньги»[67]. В декабре 1793 — мае 1794 г. — сельский староста, грамотный, смелый человек, осмеливается просить об освобождении от налога на строительство храма, просит уменьшить размер оброка в связи с неурожаем 1792 г.[68]. В РГАДА имеется его автограф — список крестьянских детей, привитых от оспы[69].

Титовы. В Рязанской переписной книге за 1678 г. упоминается «Титов Мишка <...> у Мишки сын Яков да пасынок Фомка <...> два сына Терешка да Харитонка», крепостные Романа Федоровича Матова, владельца деревни Матово — родины Татьяны Фёдоровны Есениной[70].

Общий список крестьян села Константинова за 1780–1790-е гг. насчитывает около 200 имён, включая женские и детские.

Первый научный экскурс с введением в научный оборот документов далёкого исторического прошлого, касающихся родины великого национального поэта России, дал определённые результаты, которые поставили новые, в том числе конкретные задачи в части направлений дальнейших исследований. За пределами данной статьи остались документы совладельцев Константинова, включая Матово и Волхону, которые также могут содержать важные сведения, существенно дополняющие характеристику жизни крестьян родины Есенина, в том числе его предков.

Также за рамками исследования остались документы РГИА, хранящиеся в Санкт-Петербурге, в частности, документы фондов Сената и Синода, в компетенцию которых входило решение важнейших вопросов гражданской и церковной жизни России.

В качестве актуальной задачи необходимо рассматривать проведение дальнейшей работы с историческими источниками, включая опубликованные летописные документы и труды историков всех эпох, с целью воссоздания истории села Константинова с древнейших времён. Перспективным является изучение комплекса архивных документов в РГАДА, где хранятся материалы трёх реви-

зий периода с 1709 по 1720 гг., а также за 1762 г., содержащие сведения генеалогического характера как по селу Константиново, включая Матово, так и по соседним ныне существующим селениям. Однако такие исследования должны базироваться на тщательном изучении документов предшествующего периода в фондах Государственного архива Рязанской области.

Актуальным является дальнейшее изучение документов, связанных с именами всех владельцев Константинова, хранящихся как в федеральных, так и рязанских архивах, а также их окружения. Известно, например, что имение Голицына в Тульской губернии было доходным. Возможно, в Государственном архиве Тульской области хранятся и документы, связанные с Константиновской вотчиной.

Отметим также, что в РГАДА хранится «Дело следственной комиссии о волнениях рабочих полотняной фабрики генерала Хлебникова в селе Клепики Переяславль-Рязанского уезда Рязанской губернии под председательством надворного советника Дурова, затем Соколова», которое содержит материалы допросов участников волнений и свидетелей, приговор и другие документы. Есенин, конечно, не был с ними знаком, но дело было громкое, о нем могли вспоминать в Спас-Клепиках и в годы учёбы там Есенина. Начинающий поэт мог слышать о «бунтовщике Емельке Пугачёве» в положительном контексте[71].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Рязанская энциклопедия: В 3 т. Рязань, 1999. Т. 1. С. 505–506.

[2] Летопись жизни и творчества С. А. Есенина: В 5 т. Т. 1. М. 2003. С. 428–429; *Аникина О. Л.* «Корня крестьянского...» // Константиновский вестник. Константиново, 1995. Вып. 4. С. 11–12; *Её же.* «Граматей-Никита» // Константиновский вестник. Вып. 5. 2001. С. 14–15.

[3] *Панфилов Анатолий.* Константиновский меридиан: Поиски, исследования, находки, мысли вслух, воспоминания сверстников и односельчан о детстве Сергея Есенина и селе Константинове. М.: Энциклопедия российских деревень; Народная книга. 1992. Ч. 1 и 2.

[4] *Цепков А. И.* Рязанские землевладельцы XIV–XV веков. Рязань. 1995; Писцовые книги 15–17 веков: В 3 т. Переиздание трудов Рязанской ученой комиссии. Рязань. 1999; Рязанские усадьбы и их владельцы. Рязань. 2006.

[5] РГАДА. Ф. 1333. Оп. 2. Ед. хр. 10. Л. 41 об., 44; Ф. 1354. Оп. 409. Ед. хр. К-78, красный.

[6] РГАДА. Ф. 1333. Оп. 2. Ед. хр. 110. Л. 42.

[7] Там же. Л. 35–36; *Соловьёв С. М.* История России с древнейших времён: В 29 т., XV кн. М., 1988–1995. Т. 9. Кн. V. С. 273.

[8] РГАДА. Ф. 1333. Оп. 2. Ед. хр. 110. Л. 35.

[9] Там же. Л. 413.

[10] *Татищев В. Н.* История Российская: В 7 т. М.-Л., 1966.

[11] *Соловьёв С. М.* История России с древнейших времён.

[12] *Гранат А. Н. и И. Н.* Настольный энциклопедический словарь. М., 1891–1903.

[13] *Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А.* Энциклопедический словарь: В 43 т. СПб., 1890–1907.

[14] Дворянские роды, прославившие отечество. М., 2001.

[15] *Татищев Ю. В.* Забытый герой XVII века князь Даниил Ефимович Мышецкий. Вильна. 1910.

[16] Разрядная книга. 7106 год. Публикация исторического источника, хранящегося в РГАДА. Ф. 181. Д. 100. Л. 16.

[17] *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 5. С. 302, 316; *Соловьёв С. М.* История России с древнейших времён. Т. 8. Кн. 1У. С.458.

[18] *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 5. С. 343, 364. *Соловьёв С. М.* История России с древнейших времён. Т. 8. Кн. IV. С. 570; Т. 9. Кн. V. С. 262.

[19] *Соловьёв С. М.* История России с древнейших времён. Т. 9. Кн. V. С. 15.

[20] Там же. С. 85.

[21] Там же. С. 103.

[22] РГАДА. Ф. 1333. Оп. 2. Ед. хр. 110. Л. 35–39.

[23] Там же. Л. 40.

[24] *Соловьёв С. М.* История России с древнейших времён. Т. 11. Кн. VI. С. 77, 114–115.

[25] *Татищев Ю. В.* Забытый герой XVII века князь Даниил Ефимович Мышецкий. С. 7, 8.

[26] Военная энциклопедия. СПб., 1912. С. 217.

[27] РГАДА. Ф. 1333. Оп. 2. Ед. хр. 110. Л. 40 об.

[28] *Михайловский Е., Ильенко И.* Рязань. Касимов / Серия «Художественные памятники XII–XIX веков». М.: Искусство, 1969. С. 193.

[29] *Вагнер Г. К., Чугунов С. В.* Рязанские достопамятности / Серия «Дороги к прекрасному». М.: Искусство. 1974. С. 131; *Ключарянц Д. А.* Иван Старов. Л., 1982.

[30] РГАДА. Ф. 1236. Оп. 10. Ед. хр. 979. Л. 6–7 об.

[31] Там же. Л. 21–22, 29–31 об.

[32] Там же. Л. 9–10 об.

[33] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 18981. Ч. 6. Л. 125 об. – 126.

[34] РГАДА. Ф. 1263. Оп. 10, Ед. хр. 979. Л. 60–63.

[35] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 18981. Ч. 6. Лл. 125 об., 126

[36] РГАДА. Ф. 1263. Оп. 10. Ед. хр. 979.

[37] Там же. Л. 9.

[38] Там же. Л. 10–10 об.

[39] Там же. Л. 7.

[40] Там же. Л. 32–32 об., 34 об., 35–36.

[41] Там же. Л. 1, 6.

[42] Там же. Л. 6.

[43] Там же. Л. 63.

[44] Там же. Л. 6.

[45] Там же. Л. 60–63.

[46] Там же. Л. 2–5, 6– 7 об.

[47] Там же. Л. 30–31 об.

[48] Там же. Л. 60–60 об.

[49] Там же. Л. 61.
[50] Там же. Л. 30–30 об.
[51] Там же. Л. 14–14 об.
[52] Там же. Л. 16–18 об.
[53] Там же. Л. 8.
[54] Там же. Л. 10 об.
[55] Там же. Л. 30–31 об.
[56] Там же. Л. 6.
[57] РГАДА. Ф. 1354. Оп. 409. Ед. хр. К-78 красный.
[58] РГАДА. Ф. 1263. Оп. 10 Ед. хр. 979. Л. 66–66 об.
[59] Там же Л. 2–5.
[60] *Аникина О. Л.* «Корня крестьянского...» С. 11
[61] РГАДА. Ф. 1263, Оп.10. Ед.хр.294. Л.2-7 об.
[62] Там же. Л. 39-40.
[63] Там же. Л.16-18 об.
[64] Там же. Л. 30-30 об.
[65] Аникина О.Л. «Корня крестьянского...» С. 11.
[66] РГАДА. Ф. 1263. Оп. 10. Ед. хр. 979. Л. 2–7.
[67] Там же. Л. 35–36.
[68] Там же. Л. 9–10.
[69] Там же. Л. 16–18 об.
[70] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 13340. Л. 472–473 об.
[71] РГАДА. Ф. 321 (1777–1778 годы). Ед. хр. 1.

М. В. Скороходов (Москва)

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ С. А. ЕСЕНИНА

К настоящему времени глубоко и всесторонне исследованы многие исторические сюжеты, повлиявшие на возникновение есенинских произведений, и то, как они воплотились в наследии поэта[1].

Значительным событием в изучении исторических контекстов есенинского творчества явился выход томов академического Полного собрания сочинений Есенина, где в реальных комментариях к произведениям и письмам даётся подробная характеристика основных исторических источников, оказавших влияние на образную систему, на формирование взглядов поэта. Особенно пристальное внимание в этих комментариях уделяется источникам, появлявшимся в период со второй половины XIX века до того времени, когда Есенин работал над своими текстами. Важный материал, в том числе связанный с раскрытием роли исторических событий в судьбе поэта, характеризующий его общение с историческими деятелями, содержится в Летописи жизни и творчества С. А. Есенина, подготовка которой завершается в настоящее время в ИМЛИ им. А. М. Горького РАН.

Необходимо всестороннее осмысление тех реалий, в которых жил поэт, исторических событий, свидетелем, а часто и непосредственным участником которых он становился. Протоиерей Сергий Рыбаков поставил важный вопрос о духовном значении есенинской поэзии революционного времени. Он отметил, что поэзия Есенина «несёт в себе печать иного мира и грусть от видения разрушения старого бытия, которая неизбежна и нормальна для любого человека. Любовь к устойчивым формам жизни, неприятие уродства новообразований, отвращение от крикливой пустоты революционной фразеологии — всё это мы находим в тонких лирических стихах»[2].

Рассмотрение жизненного и творческого пути Есенина в контексте отечественной истории продуктивно и особенно важно и своевременно в связи с началом работы по созданию фундаментальной Есенинской энциклопедии. В энциклопедических статьях должны быть охарактеризованы исторические персонажи – прототипы есенинских героев, показано многообразие личных контактов поэта с представителями разных политических партий, раскрыт его интерес к истории России и мира. Эту историю он постигал не только благода-

ря изучению исторических дисциплин во время учёбы, но и как современник важнейших исторических событий XX столетия, изменивших ход отечественной и мировой истории.

Вопрос об исторических персонажах в курсах учебных заведений, в которых получал образование Есенин, недостаточно проработан в есениноведении. Эта тема крайне важна, поскольку позволяет рассмотреть два существенных момента: 1) выявить влияние на формирование мировоззрения начинающего поэта исторических персонажей, с биографиями и великими деяниями которых он знакомился в годы учебы, 2) рассмотреть исторических персонажей, о которых рассказывалось в школьных учебниках и курсах народного университете в Москве, в качестве источников есенинского творчества[3].

Приступая к рассмотрению данной темы, необходимо кратко охарактеризовать особенности системы образования в те годы, когда Есенин учился – сначала в Константиновской земской школе[4], затем в Спас-Клепиковской второклассной учительской школе и, наконец, в Московском Городском народном университете имени А. Л. Шанявского. Это был период быстрого развития отечественной системы образования[5]. В конце XIX века Россия существенно отставала от многих стран мира по числу не только образованных, но и просто грамотных людей. Показательна в этом отношении книга «Законы и справочные сведения по начальному народному образованию» (СПб., 1898). Ее составитель А. С. Пругавин считал указанную проблему настолько острой, что «вместо эпиграфа» разместил на обложке и титульном листе этого издания диаграммы, фиксирующие число грамотных людей на 100 душ населения: в Германии – 98, в Соединенных Штатах Северной Америки – 92, в Англии – 90, во Франции – 85, в Австрии – 52, в России – 16.

Данная проблема оперативно и весьма успешно решалась в России в первые полтора десятилетия прошлого века. Именно в то время был поставлен и детально прорабатывался вопрос о введении обязательного всеобщего образования[6]. Быстро была решена проблема обеспечения учителями школ грамоты и других начальных школ. «... Для окончивших курс второклассных школ уже теперь недостаёт мест, – сообщали в марте 1904 г. "Рязанские епархиальные ведомости", – и им <выпускникам> приходится задумываться: для чего они употребили труды и материальные жертвы, оторвавшись от дома для учения во второклассной школе в течение 3 лет, если негде приложить к делу полученное знание? Не дали места на нынешний год, – дадут ли на следующий? Но ведь на следующий год снова будут выпуски окончивших курс и из второклассных школ, и из Духовной Семинарии, и из Епархиального женского училища, будут выходцы из духовных учебных заведений и некончившие курс, но тоже – кандидаты в учителя в церковные школы, и вместо нынешних 2–3 будут кандидатами на одно место 7–8 человек, и чем дальше, – все теснее и теснее...»[7] Развитие системы образования рассматривалось в качестве одной из важнейших задач государства.

Главную роль в системе народного образования играли начальные народные училища, к которым, согласно Положению о начальных народных училищах 1874 года, относились «1) ведомства Министерства Народного Просвещения: а) приходские училища в городах, посадах и селах, содержимые на счет местных обществ и частью на счет казны и пожертвований частных лиц и б) народные училища, учреждаемые и содержимые частными лицами разного звания; 2) других ведомств сельские училища разных наименований, содержимые на счет общественных сумм; 3) все вообще воскресные школы, учреждаемые как правительством, так и обществами городскими и сельскими и частными лицами, для образования лиц ремесленного и рабочего сословия обоего пола, не имеющих возможности пользоваться учением ежедневно»[8].

Согласно этому же документу «предметами учебного курса начальных народных училищ служат: а) Закон Божий (краткий катехизис и Священная история); б) чтение по книгам гражданской и церковной печати; в) письмо; г) первые четыре действия арифметики и д) церковное пение там, где преподавание его будет возможно»[9]. Цель этих училищ состояла в том, чтобы «утверждать в народе религиозные и нравственные понятия и распространять первоначальные полезные знания»[10].

«Закон Божий может быть преподаваем в начальных народных училищах или приходским священником, или особым законоучителем с утверждения епархиального начальства, по представлению инспектора народных училищ»[11]. Прочим предметам в начальных народных училищах могут обучать «с дозволения инспектора сих училищ как духовные, так и светские лица; о тех и других инспектор народных училищ сообщает уездному училищному Совету, коим лица эти и утверждаются в должностях, по прошествии учебного года, на который они были допущены к исполнению учительских обязанностей, и по представлению удостоверения инспектора народных училищ в способности их к педагогической деятельности»[12].

Согласно Инструкции для двухклассных и одноклассных сельских училищ Министерства народного просвещения, утвержденной 4 июня 1875 г., в этих учебных заведениях преподавались Закон Божий, русский язык с чистописанием, арифметика, история, география и естествознание, церковное пение, а в двухклассных училищах — и черчение. Кроме этих обязательных предметов, в училищах могли преподавать также гимнастику, «ремесла и мастерства» для мальчиков и рукоделие для девочек, а также садоводство, огородничество и пчеловодство.

Продолжительность обучения в начальных народных училищах какими-либо правилами или распоряжениями не устанавливалась. По этому вопросу попечителем Санкт-Петербургского учебного округа было дано специальное разъяснение, в котором отмечалось, что «дети в начальных школах могут обучаться и год, и два, и три, сколько угодно. Никаких отделений по закону не существует,

может быть одно, два, три и больше. Существующие в действительности обычные три отделения образовались лишь фактически, установились практикою, поэтому, если открывается какая-либо земская начальная школа, то не только нет надобности, но и положительно невозможно требовать, чтобы принятые в эту школу дети были распределены на два или на три отделения. Каждая начальная земская школа может быть совершенно правильно организована и при одном только отделении. Необходимо только, чтобы в ней преподавались учебные предметы, указанные в ст. 3-ей Высочайше утвержденного Положения о начальных народных училищах, причем объем преподавания этих предметов обозначен в самых общих чертах и никакими строго определенными программами не установлен. <...> Если позволяют средства иметь нескольких учителей и учительниц и дети имеют охоту учиться, а родители не только тому не препятствуют, напротив, желают, то законом вовсе не возбраняется устроить в той же школе и четыре отделения, и больше»[13].

В первый класс училищ принимали детей не младше семи и не старше 12 лет. Обучение для местных жителей было бесплатным. Полный курс обучения в двухклассном училище продолжался обычно пять лет (три года в первом классе и два — во втором), в одноклассном — не менее трех лет. Продолжительность каждого учебного года должна была составлять не менее семи с половиной месяцев. В остальное время учащиеся могли посещать училище, повторяя пройденное и выполняя практические упражнения. Летний отдых продолжался от четырех до шести недель, причем этот период мог дробиться на несколько отрезков, учитывая, когда наиболее необходима помощь детей в домашних и сельскохозяйственных делах. Выходными днями считались также: период с 23 декабря по 6 января следующего года; четверг, пятница и суббота сырной недели; отводимая для говения страстная седмица; двунадесятые праздники; храмовый праздник; дни тезоименитства и рождения императора, императрицы, царевича-наследника и цесаревен; дни восшествия на престол и коронации. Выходными днями могли быть и местные праздники. Хотя в праздничные дни учеба не проводилась, законоучитель или преподаватель Закона Божия перед началом богослужения объяснял учащимся значение праздника и содержание читаемого в этот день евангельского текста. Ежегодно в день открытия училища в его стенах совершался молебен.

В двухклассных училищах работало по три преподавателя: по одному учителю в первом и втором классах и законоучитель или преподаватель Закона Божия. В одноклассных училищах второй учитель не требовался, поскольку занятия проходили только в первом классе. Если в училище открывались отделения, то для каждого из них был необходим отдельный учитель. Учителей обеспечивали бесплатными квартирами в помещении училища или в другом здании. Считалось целесообразным создание при училищах учительской библиотеки, ученической библиотеки, а также склада книг, учебных пособий и классных

принадлежностей для безвозмездной раздачи бедным ученикам и для продажи учащимся, имеющим средства для их приобретения. Учебники, пособия и письменные принадлежности для учащихся должны были приобретать на складах их родители, другие родственники или опекуны.

Юноши, получившие образование в училище, имели льготу по отбыванию воинской повинности. Если заканчивающие курс выпускники не выдерживали испытаний, они в течение еще одного года должны были посещать занятия, чтобы затем вновь подвергнуться экзаменам. Выпускники получали свидетельства об окончании училища установленной формы.

Согласно сведениям, опубликованным в 1889 г., Константиновское земское училище было основано купеческим сыном С. Г. Куприяновым совместно с крестьянами с. Константинова. Преподаватели имели квартиры при школе. Библиотека, учрежденная на средства земства, состояла из 120 сочинений (160 экземпляров). Плата за обучение не взымалась. Крестьяне расходовали на отопление, наём сторожа, страхование и ремонт здания около 110 рублей в год. Попечитель — сын богородского купца С. Г. Куприянов (с 1879 г.). Законоучитель — священник И. Я. Смирнов (с 1879 г.[14]); учитель — окончивший курс Рязанской учительской семинарии Д. Г. Ильин (с 1883 г.), помощник учителя — окончивший курс Рязанского уездного училища А. С. Сазонов (с 1883 г.)[15].

В то время, то есть спустя десятилетие после основания, в константиновском училище был один класс, три отделения, продолжительность обучения составляла три года. Училище находилось в собственном деревянном здании, крытом железом, имелись две голландских печи для отопления. Объем классных комнат составлял 729 кубических аршин, площадь пола — 162 квадратных аршина, 10 окон. В училище обучались 98 мальчиков из числа местных жителей. В младшей группе было 34 мальчика, в средней — 45, в старшей — 19. Восьмилетних — 16, девятилетних — 17, десятилетних — 23, одиннадцати лет — 16, двенадцати — 17, тринадцати — 5, четырнадцати — 1, пятнадцати лет — 3. Все они относились к крестьянскому сословию. Обучение продолжалось с 15 сентября по 5 июня. Занятия по 5 часов в день, 195 учебных дней в году. В 1889 г. было всего 11 выпускников[16].

В 1904 г., когда в константиновское училище поступил Есенин, оно имело четыре отделения, а учеба продолжалась четыре года. При этом далеко не все учащиеся заканчивали учебу. В ту осень в училище поступило 38 мальчиков и 8 девочек[17]. Закончат же его в мае 1909 г. 11 мальчиков[18]. Впрочем, Есенин завершит курс обучения на год позже положенного срока, поскольку дважды будет учиться в третьем отделении[19]. Однако большинство поступивших с Есениным детей вообще не получило начального образования. Это было обусловлено различными причинами: «Родители беспрерывно отвлекают своих детей от училищ то для сельских и других домашних работ, то ради праздничных дней, число которых в наших селениях доходит до 200 в течение года, то безо всякой причины, не гово-

ря уже о том, что и дети, находясь вне всякого контроля, прогуливают нередко время классных занятий, не подвергаясь за это никакой ответственности»[20].

Подвижность сроков начала и конца занятий, о которой говорилось выше, сохранялась и в 1910-е гг. В связи с этим в распоряжении Министерства народного просвещения от 20 февраля 1914 г. отмечалось: учеба «в начальных школах не только разных местностей России, но иногда и одного уезда нередко имеет неодинаковую продолжительность, главным образом ввиду неодинаковых сроков начала учебных занятий; при этом в отдельных школах сельских местностей учебная жизнь начинается иногда в конце октября или ноябре вместе с наступлением зимы и полным прекращением осенних полевых и других крестьянских работ. При таких условиях программы учебного курса школы, рассчитанные по крайней мере на шестимесячный учебный год, остаются в значительной части невыполненными и влияние школы весьма ослабляется, так как большую часть года дети остаются без учения»[21].

В разъяснениях, данных Министром народного просвещения, обществам, имеющим народные училища, предлагалось, чтобы они «по соглашению с законоучителями и учителями училищ назначали, каждое общество для своего училища, тот срок для начала учебного года, какой признается наиболее удобным»[22]. Уездный училищный совет мог утвердить это время или же убедить общество перенести начало занятий на то время, которое считал более целесообразным. Курс занятий для вновь поступающих в училища детей мог начинаться на одну-две недели раньше, чем для более старших учеников, которые в силу своего возраста могли быть заняты домашними или полевыми работами. Такой порядок позволял учителям в первые дни учебы заниматься исключительно вновь поступившими учащимися. Согласно данным о начальном народном образовании в Рязанской губернии в 1909/1910 учебном году учебный год в школах большинства уездов начинался с 15 сентября, иногда же несколько ранее, заканчивался обычно 15 мая, хотя в некоторых уездах — и ранее этого срока[23].

Наиболее многолюдными во всех школах Рязанской губернии оказывались первые отделения, в последующем же число учащихся постепенно сокращалось, так что в старших отделениях это количество, «нигде не достигая 1/2, падает иногда почти до 1/6 числа учащихся в младших отделениях <...> в четерехгодичных школах означенная убыль идет более резкими скачками, нежели в трехгодичных, как по отношению к общему числу учащихся, так и раздельно по полам, причем убыль девочек прогрессирует быстрее, нежели мальчиков»[24]. Так что Есенин, обучавшийся в четырехгодичном училище в течение пяти лет, не был исключением. Среди 297 выпускников, закончивших в 1909/1910 учебном году курс в четырехгодичных школах Рязанского уезда Рязанской губернии, только двое были выпущены раньше положенного срока — через три года, 239 проучились четыре года, 55 человек — пять лет, а один выпускник провел в четырехгодичном училище целых шесть лет[25]. В течение указанного учебного го-

да по всей Рязанской губернии на второй год было оставлено 14,6% учащихся. В начальные школы Рязанского уезда обычно принимали детей восьми-девяти лет; при этом средний возраст поступивших на учебу в 1909/1910 учебном году составлял по уезду 9,1 года, а средний возраст выпускников четырехгодичных школ — 11,9 года.

За отличные успехи и поведение как ученикам, заканчивавшим курс, так и переходящим из одного отделения в другое, могли выдавать похвальные листки. Выпускникам училищ могли дарить книги религиозно-нравственного содержания: молитвенник с объяснениями, псалтирь, священную историю Ветхого и Нового завета, Евангелие на русском и славянском языках, объяснение богослужения.

В 1909/1910 учебном году из 95 начальных школ Рязанского уезда 32 были с четырехлетним сроком обучения. Во всех этих школах, кроме обязательных предметов — Закона Божия, русского языка и арифметики, — преподавали русскую историю и географию[26]. Использовались классные и торговые счеты, арифметические ящики, географические карты и картины, опыты по естествознанию не проводились[27].

В начальных школах Рязанского уезда, в отличие от некоторых других уездов Рязанской губернии, переводных экзаменов для перехода из класса в класс не было. Выпускные же экзамены в школах уезда производились «комиссией, в состав коей входят члены училищного совета, инспектор народных училищ и земские начальники, при участии учащих как экзаменуемой, так и некоторых из соседних школ, назначаемых в качестве ассистентов на экзамены училищным советом; спрашивают председатель и члены комиссии; родители на экзаменах присутствуют; устраиваются экзамены в здании школы»[28]. Время проведения выпускных экзаменов — первая половина мая, правила их проведения определялись училищным советом.

В Рязанском уезде в школах с четырехлетним курсом министерская программа 1897 г. выполнялась целиком, в трехлетних часть курса опускалась, «в программу первых введено преподавание краткой русской истории и географии. Способы прохождения предметов в тех и других одинаковы»[29].

Согласно «Программам преподавания предметов в сельских двухклассных училищах», утвержденным Министром народного просвещения 31 мая 1869 г., изучение истории включало следующие темы: «Древние славяне, их быт и верования (в особенности те, которые сохранились в народе до сих пор). Призвание варягов. Принятие Ольгою св. крещения. Крещение Владимира и русского народа. Основание Киево-Печерской лавры. Разделение и ослабление Руси по смерти Ярослава. Нашествие татар. Александр Невский. Куликовская битва. Собирание Русской земли Иоанном III. Покорение Казани, Астрахани и Сибири. Прикрепление крестьян. Самозванцы. Воцарение дома Романовых. Главнейшие последующие события до настоящего времени»[30].

В каждой школе имелась библиотека. В «Каталог книг для употребления в низших училищах ведомства Министерства народного просвещения и для публичных народных чтений», изданный по распоряжению Министерства народного просвещения в 1897 г., входило значительное количество учебников и учебных пособий по истории (здесь мы не учитываем издания, предназначенные исключительно для гимназий и городских училищ):

Баженов Н. Учебник русской истории. Кронштадт, 1881;

Беллярминов И. Руководство к русской истории, с дополнениями из всеобщей. Изд. 4-е. С рисунками и картою. СПб., 1880;

Воскресенский К. Краткая отечественная история в очерках и биографиях. Изд. 2-е. Рига, 1895;

Горбов Н. Русская история для начальных школ. Изд. 7-е. М., 1894;

Добряков А. Стенная раскрашенная карта Восточной Европы в половине IX века и Руси в удельный период по 1240 год. СПб., 1876;

Добряков А. Русские исторические памятники. Наглядное пособие к курсу русской истории. СПб., 1880;

Добряков А. Учебный атлас по русской истории, с приложением родословной и хронологической таблиц. СПб. 1874;

Зенгбуш А. фон. Картины, изображающие важнейшие события из первого тысячелетия русской истории, сгруппированные по системе Язвинского. М., 1880;

Иловайский Д. Руководство к русской истории. Изд. 22-е. М., 1881;

Картины стенные (на бумаге, хромолитография), изданные Московским комитетом грамотности: 1) Свв. Кирилл и Мефодий, просветители славян. 2) Св. апостол Андрей водружает крест на горах Киевских. 3) Греческий философ повествует великому князю Владимиру о вере христианской;

Либен П., Шуйская А. Краткий курс русской истории, с приложением родословных и хронологических таблиц и 8-ми карт. Изд. 3-е. СПб., 1893;

Малашкин Н. Учебный атлас по русской истории. Рязань, 1889;

Преображенский Г. Эпизодический курс отечественной истории. Ярославль, 1885;

Пясецкий И. Наглядная таблица всемирной истории (с объяснением на 64 стр.). СПб., 1887;

Рождественский С. Отечественная история в картинах. 32 стенные картины;

Сумский В. Краткая русская история. Изд. 2-е. М., 1895;

Фармаковский В. Русская история, с присовокуплением необходимых сведений из истории всеобщей. По способу Грубе. Изд. 2-е. Вятка, 1875.

Шуф А. Рассказы и биографические очерки из русской истории (с кратким описанием Москвы). Учебник для младшего возраста. Изд. 2-е. М., 1870[31].

Большое число книг исторической тематики предназначалось для учительских библиотек, среди них:

Абаза В. История России. Народное издание. С портретами Императорского Дома. Изд. 2-е. СПб., 1886;

Верещагин В. История Государства Российского в изображении державных его правителей, с кратким пояснительным текстом. 70 рисунков. СПб., 1890;

Водовозов В. Рассказы из русской истории. Два выпуска. Изд. 5-е. СПб., 1873;

Водовозова Е. Жизнь европейских народов. 3 тома. СПб., 1875–1881;

Москва, ее святыни и памятники. Избранные статьи по описанию Москвы. Под ред. В. Шемякина. М., 1894;

Павлов Н. Русская история от древнейших времен. Первые пять веков родной старины (862–1362 гг.). Том первый. М., 1896;

Поселянин Е. Повесть о том, как чудом Божиим строилась Русская земля. М., 1892;

Самарянов В. Памяти Ивана Сусанина, за Царя, спасителя веры и царства, живот свой положившего. Историческое исследование, преимущественно по неизданным источникам. С 2 литографическими картами – части Костромской губернии и окрестности села Домнина. Кострома, 1882.

В библиотеки для учащихся были рекомендованы биографии многих исторических деятелей, в том числе следующие издания:

Александр Васильевич Суворов, генералиссимус русских войск. Его жизнь и победы. СПб., 1870;

Анненская А. Детство и юность Вениамина Франклина. СПб.,1883;

Миллер Д. Алексей Григорьевич Разумовский. Исторический рассказ. Харьков, 1893;

Мунт А. Биографии замечательных людей. Джордж Вашингтон. СПб., 1880;

Мунт А. Биографии замечательных людей. Авраам Линкольн. СПб., 1884;

Новаковский В. Рассказы о Суворове. Изд. 5-е. СПб., 1883;

Потто В. Яков Петрович Бакланов. Биографический очерк. СПб., 1885;

Сысоева Е. Люди труда и сильной воли. Жизнь Джемса Гарфильда <Джеймса Гарфилда>. От бревенчатой хижины до Белаго Дома. Составлено по Тэйеру. С портретом и 3-мя картинками. СПб., 1888; изд. 3-е. 1894;

Человек труда и сильной воли. Очерк жизни Джемса Гарфильда <Джеймса Гарфилда>, бывшего президента Североамериканских Соединенных Штатов. СПб., 1885.

Отметим также наиболее значимые книги исторического содержания, предназначавшиеся для ученических библиотек:

Александров Д. Царь-Освободитель, преобразователь и просветитель России Александр II. Казань 1895;

Амасийский Ф. Рассказы из отечественной истории. Начало Руси и крещение ее. СПб., 1886;

Андрияшев А. Русская история в рассказах, с портретами государей и исторических деятелей. Изд. 2-е. Киев, 1882;

Арсеньев А. Славное Севастопольское сиденье. СПб., 1887;

Архангельская А. Наша отечественная война 1812 года. М., 1891;

Бахметева А. Как освободилась Русь из-под ига татарского в 1480 г. М., 1880;

Бестужев-Рюмин К. О крещении Руси, о Владимире Святом, о сыновьях его и о монастыре Печерском. Изд. 5-е. СПб., 1884;

Великий князь Дмитрий Иоаннович Донской и преподобный Сергий Радонежский. М., 1889;

Великий князь Ярослав I Великий. М., 1893;

Венчание русских государей на царство. С 217 рисунками. СПб., 1882;

Владимирова А. История Святой земли в кратком изложении. С картинкою. Изд. 2-е. СПб., 1893;

Время великого князя Владимира святого, равноапостольного. М., 1881;

Гатцук А. Старина земли Русской. Книга первая. Слово о старине незапамятной. Изд. 2-е. М., 1874;

Гейрот А. Описание войны 1853–1856 гг. СПб., 1872;

Двадцать девять чтений по русской истории, от начала христианства на Руси до кончины Императора Александра II. СПб., 1892;

Дедов М. Царь-Миротворец Александр III Александрович. Его жизнь, деятельность и кончина. Новгород, 1895;

Дедов М. Священное коронование русских государей (1114–1883). Новгород, 1896;

Дорогобужинов В. О том, как костромской крестьянин Иван Сусанин положил жизнь за Царя. М., 1872;

Е. Л. Александр Васильевич Суворов. С портретом и рисунком. М., 1892;

Евпатий Коловрат. Рассказ из времен татарщины. СПб., 1885;

Екатерина II Великая. Изд. 3-е. СПб., 1894;

Жанна д'Арк, дева Орлеанская. Изд. 2-е. Харьков, 1893;

Желябужский Е. Отечественная война 1812 года и Кутузов. М., 1873;

За Дунаем. Война с турками за освобождение славян 1877–1878 гг. Очерки и рассказы для детей из сочинений В. Немировича-Данченко. М., 1884;

Император Николай Первый. С портретом. СПб., 1893;

Ишимова А. История России в рассказах для детей. Изд. 6-е. Части I, II и III. СПб., 1890;

К. Н. На память русскому народу. Царствование, кончина и погребение Царя-Отца, освободителя и благодетеля народа, Государя Императора Александра II. С 2-мя портретами и 2-мя рисунками. Изд. 2-е. М., 1882;

Кавказская война и ее герои Котляревский и Слепцов. СПб., 1879;

Как освободилась Русь из-под татарского ига в 1480 году. М., 1880;

Карамзин Н. Великий князь Дмитрий Иоаннович, прозванием Донской. М., 1890;

Карамзин Н. Царствование Феодора Иоанновича. М., 1890;

Книга для чтения в сельских училищах по русской истории. Киев, 1891;

Князь Владимир Красное Солнышко. Исторический рассказ. СПб., 1890;

Князь Михаил Тверской и татарский погром. СПб., 1872;

Краткая русская история. Выпуск первый. От основания Руси до вступления на престол Дома Романовых (862–1613). Изд. 4-е. СПб., 1873; Выпуск второй. От вступления на престол Дома Романовых до настоящего времени (1613–1874). Изд. 4-е. СПб., 1874;

Кротков С. Невская битва и Ледовое побоище. М., 1893;

Лапин В. Покорение царства Казанского. Изд. 2-е. СПб., 1887;

Майков Ап. О святых Московских митрополитах Петре и Алексии и о славном Мамаевом побоище. Изд. 3-е. СПб., 1894;

Майков Ап. Иван III Васильевич. Изд. 2-е. СПб., 1891;

Минин и Пожарский и избрание на царство Михаила Феодоровича Романова. СПб., 1882;

Михайловский В. Св. Равноапостольный князь Владимир. Изд. 2-е. СПб., 1882;

Начало христианства на Руси. Изд. 3-е. СПб., 1896;

Новаковский В. Рассказы о Петре Великом. СПб., 1876;

О Благочестивейшем в Бозе почившем Императоре Александре III. СПб., 1894;

О жизни и деяниях Императора Александра II. Два чтения. СПб., 1895;

Острогорский М. История России, с картинками. СПб., 1874;

Отечественная война 1812 года. СПб., 1870;

Павлович С. Как началось русское царство. От начала Руси до крещения. СПб., 1875;

Павлович С. О языческой вере наших предков и о том, как задумал князь Владимир креститься. СПб., 1872;

Павлович С. О крещении князя Владимира и о том, как он княжил на Руси. СПб., 1872;

Павлович С. Картины русской истории от Рюрика до Петра Великого. Выпуск I. От начала Руси до Ярослава. С 12-ю рисунками. СПб., 1880;

Петров И. О смутном времени на Руси. Два чтения: 1) Убиение царевича Димитрия и что последовало за кончиною царя Феодора Иоанновича, и 2) Народное ополчение на защиту отечества и как русские люди выбрали царем Михаила Феодоровича Романова. Изд. 4-е. СПб., 1892;

Петров И. О преемниках Петра Великого (до Екатерины II). Изд. 3-е. СПб., 1894;

Петров И. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, ее значение в жизни русского народа. Изд. 3-е. СПб., 1890;

Пётр Великий, преобразователь России. Изд. 5-е. М., 1892;

Питяков Н. Русская история для начальных школ. М., 1889;

Полевой П. Иллюстрированные рассказы из отечественной истории, с портретами и картинами в тексте, для начальных школ. СПб., 1892;

Полтавская битва. Исторический рассказ. Изд. 3-е. СПб., 1876;

Пуцыкович Ф. Русская история для народных и других элементарных училищ. С 25-ю портретами и 55-ю рисунками. Изд. 13-е. СПб., 1889;

Ремезов И. Сказание о подвигах св. благоверного великого князя Владимира Равноапостольного. Изд. 2-е. СПб., 1881;

Рогов П. Свв. Кирилл и Мефодий, просветители славян. Изд. 2-е. СПб., 1880;

Рогов П. Рассказы из отечественной истории. Начало Руси и Владимир Святой. Изд. 2-е. СПб., 1880;

Рогов П. Рассказы из отечественной истории. Татарский погром и святой благоверный великий князь Александр Невский. Изд. 3-е. СПб., 1880;

Рогов П. Рассказы из отечественной истории. О смутном времени на Руси. Изд. 3-е. СПб., 1850;

Рождественский С. Краткая отечественная история в рассказах. Для начальных народных училищ и вообще для народа. С портретами замечательных лиц. СПб., 1874;

Рождественский С. Отечественная история в рассказах. С портретами замечательнейших лиц. Изд. 6-е. СПб., 1884;

Рождественский С. О Петре Великом. Два чтения: I. Как Петр Великий провел молодые годы, как и чему учился. II. Как Петр Великий добыл море, создал русский флот и построил Петербург, как кончил войну со шведами. Кончина первого императора. Изд. 7-е. СПб., 1895;

Романов М. Царствование императора Николая I. СПб., 1883;

Царствование Михаила Феодоровича. Изд. 3-е. СПб., 1894;

Царствование Алексея Михайловича. Изд. 3-е. СПб., 1895;

Царь Иван Васильевич Грозный. Два чтения. Чтение первое: а) До Казанского взятия. б) Покорение Казани и Астрахани. Чтение второе: Завоевание Сибири. СПб., 1892;

Русская земля от Ярослава до татарского погрома. СПб., 1875;

Русское царство от Ивана IV Грозного до прекращения Рюрикова дома. СПб., 1882;

Русское царство от прекращения Рюрикова дома до воцарения дома Романовых. СПб., 1882;

Савенко Ф. Очерк истории Рязанского княжества. Выпуск 1-й. История Рязанских князей до 1520 года. М., 1885;

Сальников А. Правители Русской земли от ее начала до наших дней (Краткие исторические жизнеописания). СПб., 1891;

Сиповский В. Св. равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. СПб., 1888;

Сорокин Вл. Рассказы о Петре Великом. Изд. 2-е, исправленное. СПб., 1889;

Тихомиров Е. Минин и Пожарский, или освобождение Москвы от поляков в 1612 году. М., 1890;

Тихомиров Е. Куликовская битва. М., 1891;

Тихомиров Е. Полтавский бой. М., 1891;

Тихомиров Е. Бородинская битва. М., 1891;

Толычева Т. Троице-Сергиева лавра. Исторический очерк. Изд. 2-е. М., 1887;

Хомяков А. Царь Феодор Иоаннович. Исторический рассказ. М., 1873;

Хрущов И. Владимир Мономах, великий князь Киевский, и его завещание. Изд. 4-е. СПб., 1895;

Хрущов И. Святой благоверный великий князь Александр Невский. Изд. 3-е. СПб., 1892;

Шалфеев И. Царь Петр Великий. СПб., 1872;

Шевелкин И. Рассказы об избрании Михаила Феодоровича Романова на престол царства Русского и об Иване Осиповиче Сусанине, спасшем жизнь его. М., 1871;

Яхонтов А. Царствование императора Александра Первого Благословенного. Изд. 2-е. СПб., 1884.

Библиотеки начальных школ были достаточно хорошо укомплектованы. Со временем число их книжных собраний росло. Ежегодные обзоры, характеризующие положение начального народного образования в Рязанской губернии, дают представление о комплектовании фондов библиотек как земских, так и второклассных школ. «Общая сумма *расходов* (для *гражданских* школ) на учебные пособия и руководства равнялась в 1907 г. *26290 р. 85 к.*, колеблясь по уездам в пределах от 642 р. 27 к. в Михайловском до 3968 р. 49 к. в Зарайском у. Означенная сумма распределяется так: на *руководства* было израсходовано 12876 р. 80 к. (49,0%) и на *учебные пособия* — 13414 р. 05 к. (51,0%).

К 1 января 1908 г. состояло в *наличности* учебных пособий и руководств на сумму 127293 р. 07 к.; в среднем на 1 учащегося их приходилось на сумму 1 р. 95 к. <...>

Библиотеки ученические. К 1-му января 1908 г. по 12 уездам состояло в библиотеках книг 168626 на сумму 46899 р. 17 к.; на 1 учащегося приходилось в среднем по 2,6 книги, на сумму 72 к.»[32]. В школах только одного уезда Рязанской губернии – Рязанского, к которому относились Константиново и Спас-Клепики, находилось на 1 января 1909 г. 48907 экземпляров учебных пособий, 6911 руководств, в ученических библиотеках насчитывалось 47400 экземпляров книг, в учительских библиотеках — 2146. В 1907 г. произошло значительное обновление библиотечных фондов, причём списано было больше книг, чем приобретено, в результате число учебных пособий и книг ученических библиотек сократилось, а руководств и книг в библиотеках для учителей выросло. В течение 1913 г. на учебники, учебные пособия и письменные принадлежности только для второклассных школ Рязанской губернии было израсходовано 2576 рублей[33].

На 1 января 1913 г. в ученических библиотеках начальных школ Рязанской губернии насчитывалось 216399 книг – на каждого учащегося приходилось в среднем по 2,2 книги, в учительских библиотеках было 45092 книги[34]. Книги для библиотек земских школ Рязанского уезда выписывались «управою от издателей и фабрикантов и от посредников»[35].

В рязанских архивах хранятся заявки на приобретение изданий для нужд школьных библиотек, некоторые другие материалы, связанные с их комплектованием. Имеется и типологический материал – такие издания, как «Каталог книг библиотеки при Гавриловской земской школе», включающий 777 наименований изданий, которые распределены по разделам: религиозный и нравственный (37 наименований), история и биография (два подраздела: история русская и всеобщая – 68 наименований книг, биография — 30 наименований), беллетристика (304), география, этнография и путешествия (74), сельское хозяйство и ремёсла (138), естествознание (87), медицина и гигиена (39)[36]. Ещё более богатой была ученическая библиотека земской школы Александрийского уезда — в ней представлено 1124 книги. Издания, включённые в каталог этой библиотеки, также сгруппированы по разделам: духовно-нравственный (80 изданий), лите-

ратурный (590), естествознание (130), исторический (124), биографический (36), географический (100), полезных книг (64)[37].

Даже простое перечисление разделов и количество представленных в библиотеках при земских школах книг свидетельствует о том, что в них имелся широкий спектр изданий различной тематики. В Константиновской земской школе также было немало книг, о чем свидетельствуют воспоминания соучеников Есенина. «В школе у нас был шкаф 3 × 3 м, — вспоминал Н. И. Титов, — и хотя в нём помещалась вся наша библиотека и канцелярское хозяйство школы, но она была подлинным светом во тьме, я с жадностью читал Пушкина, Гоголя, а когда читал и рассказывал прочитанное дедушке, тот с жадностью меня слушал»[38].

В документах, хранящихся в Государственном архиве Рязанской области, есть сведения о количестве книг для внеклассного чтения в библиотеке Константиновского земского училища — на 1 января 1898 года их было 258[39].

Как было отмечено выше, значительная часть библиотечных фондов — учебники, учебные пособия и книги по истории. Чтение этих книг оказало значительное влияние на формирование мировоззрения Есенина, позволило ему познакомиться с историческими процессами, происходившими в России и мире. В библиотеках были широко представлены, как свидетельствуют приведенные выше данные, и биографические издания, посвященные крупным историческим деятелям, а также книги, знакомящие читателей с важными историческими событиями. Однако в настоящее время мы не можем перечислить те издания исторической тематики, которые были прочитаны Есениным в детские и юношеские годы.

По-иному обстояло дело с учебниками и учебными пособиями, которые были написаны в соответствии с утверждёнными программами обучения. Включённые в такие издания сведения (даже в том случае, если Есенину преподавали не по анализируемому нами учебнику, а по аналогичному), были доступны будущему поэту[40].

В земской школе преподавали прежде всего церковную историю; соответственно, события мировой и отечественной истории характеризовались в зависимости от их важности для развития христианского вероучения, их роли в истории православия. Ключевыми персонажами становились митрополиты и святые.

В «Краткой церковной истории по программе городских училищ» законоучителя священника Иоанна Добронравова история церкви, «то есть общества верующих в Спасителя мира, разделяется на историю церкви *ветхозаветной* и историю церкви *новозаветной*»[41]. Учащиеся узнавали о деяниях апостолов, о жизни первых христиан, о вселенских соборах. История православия в России рассматривалась как естественное продолжение истории первых веков христианства. Такое понимание корреспондируется с тем видением мира, которое проявилось в маленьких поэмах Есенина революционного периода. Для поэта в ту

пору, безусловно, было близко мировосприятие скифов – входивших в его близкое окружение Андрея Белого, Иванова-Разумника и других писателей. На основе анализа скифства обычно рассматривается творчество Есенина первых послереволюционных лет[42]. Однако весьма любопытно проанализировать эти произведения в контексте школьных программ, по которым учился Есенин.

В учебнике по церковной истории события представлены последовательно – и Есенин в своих маленьких поэмах продолжает эту последовательность, причём примерно в том же направлении, что и авторы пособий. В истории церкви эпохи гонений сменялись более благоприятными периодами. Но вера никогда не утверждалась без борьбы, борьбы тяжёлой и кровопролитной; борьбы, продолжавшейся столетия и завершившейся торжеством православия. «Когда кончились гонения на церковь со стороны иудеев, – читаем в учебнике, – начались страшные, продолжавшиеся два с половиной века, гонения от язычников»[43]. Надо отметить, что такая позиция – это не личный взгляд автора конкретного учебника, это основные постулаты отечественного образования, которые транслировались ученикам. История церкви воспринималась как живая, продолжающаяся и в наши дни череда событий. И потому Есенин счёл для себя возможным участвовать в написании этой истории. Если для символистов революция была мистерией, то для Есенина – в большей степени продолжением христианской истории. Ведь и в процитированном учебнике история последних веков христианства описывалась на материале событий, происходивших в России. Были апостолы, Константин Великий, Юлиан Отступник. Однако знакомство учащихся с общемировой историей христианства заканчивалось XVI веком, реформацией. А затем рассказывалось о зарождении и развитии православия у славянских народов, начиная с Кирилла и Мефодия и их «благовестнических трудов»[44].

Так и есенинское «Пришествие» начинается четверостишиями:

Господи, я верую!..
Но введи в свой рай
Дождевыми стрелами
Мой пронзённый край.

За горой нехоженой,
В синеве долин
Снова мне, о Боже мой,
Предстаёт твой сын.

По тебе молюся я
Из мужичьих мест;
Из прозревшей Руссии
Он несёт свой крест.

Но пред тайной острова
Безначальных слов
Нет за ним апостолов,
Нет учеников [II, 46].

В «Краткой церковной истории» законоучителя священника Иоанна Добронравова основное внимание уделяется изучению истории русской государственности и русской церкви. Главными героями этого курса являются не политические деятели, князья, цари, императоры, военачальники, а русские святые, подвижники православия. Это история возникновения монастырей, игравших ключевую роль в распространении православной веры. Но монастыри были и крепостями, то есть оплотом государственности. Митрополиты и их деяния, основатели монастырей и роль обителей, в том числе Киево-Печерской и Троице-Сергиевой лавры, в истории русского государства — этим темам посвящён учебник.

Достаточно ознакомиться с «Хронологическим указателем важнейших событий в церковной истории», чтобы понять: богословы и законоучителя в начале прошлого столетия прослеживали единство церковной истории от возникновения христианства до последних событий, происходивших на территории Российской империи. Начинается «Хронология...» с сошествия св. Духа в 34 году, а затем, после упоминания вселенских соборов и других центральных событий истории христианства, названы важнейшие факты отечественной истории — крещение Аскольда и Дира, княгини Ольги, св. князя Владимира; годы, когда Церковь возглавляли наиболее известные митрополиты: Петр, Алексий, Иона, Филипп; а после учреждения в России патриаршества — патриархи Иов, Гермоген, Филарет, Никон.

В материалах Приложения рассказывается о мучениках, святых отцах и учителях Церкви, первым из которых назван святой Николай-чудотворец, архиепископ Мирликийский. «Всех приходящих к нему он принимал с любовию и радушием; помогал сиротам и нищим, утешал скорбящих и ходатайствовал за притеснённых и обиженных», — читаем в учебнике[45].

В маленькой поэме «Микола» Есенин напишет:

Говорит Господь с престола,
Приоткрыв окно за рай:
«О мой верный раб, Микола,
Обойди ты русский край.

Защити там в чёрных бедах
Скорбью вытерзанный люд.
Помолись с ним о победах
И за нищий их уют» [II, 14].

С Марфой Борецкой как историческим персонажем Есенин познакомился в годы учебы в школе. Например, в учебнике «Отечественная история в рассказах для низших училищ и вообще для детей старшего возраста» С. Рождественского характеризуется русская история со времени появления государственности до современности. При этом значительное внимание уделяется различным периодам нашей истории, в том числе фигурам Ивана IV, Петра I, Екатерины II. Сообщается о Марфе Борецкой и Емельяне Пугачёве.

В названном учебнике довольно подробно говорится о присоединении Новгорода к Москве, об упразднении вечевого правления: «... В Новгороде в это время решительно преобладала партия, противная Москве. Во главе ее находилась Марфа посадница, вдова одного посадника. Это была женщина умная, решительная, честолюбивая, к тому же очень богатая <...>. Для подкупа простых людей, кричавших на вечах, она не скупилась на золото»[46].

У Есенина читаем:

Ой, как выходила Марфа за ворота,
Письменище чёрное из дулейки вынула.
Раскололся зыками колокол на вече,
Замахали кружевом полотнища зорние... [II, 7]

Есенин, как и его соученики, с особым интересом читал о событиях, связанных с рязанской землёй, которая одной из первых подверглась батыеву нашествию. «В предании сохранилась память об одном рязанском герое, Евпатии Коловрате, – сообщает "История в рассказах...". – В то время, как татары громили Рязань, он был в Чернигове. Прибежав оттуда и увидев одни груды развалин и трупов, он закипел местию. С небольшой дружиною, набранною из оставшихся в живых рязанцев, он пустился вслед за татарами, нагнал их и начал рубить и колоть с тыла. Батый думал, не мёртвые ли рязанцы воскресли. "Что вы за люди?" – спрашивал он у пленных. "Мы христиане из Рязани, – отвечали они, – мы хотим тебя, великого царя, с честию проводить". Едва ли не все свои силы должны были употребить в дело татары, чтобы одолеть Евпатия и его небольшую, но храбрую дружину. Татарский богатырь, вышедший на Евпатия, был рассечён им на части. Батый немало дивился храбрости этого отряда и с честью отпустил оставшихся в живых, отдавши им тело убитого Евпатия»[47].

У Есенина в «Песни об Евпатии Коловрате» почти дословно повторяется фрагмент изложенного в учебнике сказания:

Всколыхнулось сердце Батыя:
Что случилось там, приключилося?
Не рязанцы ль встали мёртвые
На побоище кроволитное? [II, 179]

Однако финал у поэта совершенно иной:

Возговорит лютый ханище:
«Ой ли, черти-куралесники,
Отешите череп батыря
Что ль на чашу на сивушную» [II, 179].

Упоминается Евпатий Коловрат и в другом издании для начальных школ – книге П. Полевого «Иллюстрированные рассказы по отечественной истории». Здесь изложены те же события, но акценты несколько смещены: «Один из рязанцев, боярин Евпатий Коловрат, богатырь, известный во всём княжестве своею необычайною силою и храбростью, не погиб при взятии Рязани татарами, потому что находился в далёкой отлучке. Он вернулся на родину уже тогда, когда половина княжества была захвачена и разорена татарами. Тогда Евпатий, недолго думая, решился разделить участь своих погибших друзей и братий; он набрал горсть удальцов, таких же, как он сам, и в тёмную зимнюю ночь ударил с ними на татарский стан. Нападение было так неожиданно и так смело, что татары в переполохе побежали и весь их лагерь пришёл в смятение. Евпатий и его дружина беспощадно побивали татар и прямо пробивали себе дорогу к шатру Батыя. Против Евпатия выступил татарский богатырь, Таврул, но Евпатий, наскочив на него, рассёк его одним ударом... Наконец татары опомнились от страха, увидели, что за Евпатием следует только горсть удальцов, всего несколько сот человек. На храбрецов устремились тысячи варваров – и одолели их множеством; но к Евпатию всё же никто не смел подступиться... Его окружили татары целою оградою из саней и из-за них поразили его стрелами и копьями. Сам Батый захотел взглянуть на тело убитого русского богатыря и долго дивился красоте, мощи и храбрости Евпатия Коловрата»[48].

Одним из учебников, по которым занимались ученики Константиновского училища, была книга Платона Ивановича Афинского (1816–1875), кратко называемая «Священной историей». Её полное название – «Книга для духовно-нравственного чтения и первоначального наставления в Законе Божьем, составлена для народных училищ и сельских школ придворной Ианнуариевской, что в запасном дворе церкви, священником 3-го Уездного и Сретенского начального в Москве училищ законоучителем Платоном Афинским». Это издание регулярно переиздавалось как при жизни, так и после смерти автора[49].

Важную роль в знакомстве Есенина с историей сыграла учёба в Спас-Клепиковской второклассной учительской школе[50]. В 1909–1910 учебном году в сёлах Рязанской губернии было 10 второклассных школ духовного ведомства, которые по терминологии того времени относились к числу народных школ «повышенного типа». Если «в двухклассных школах ученикам сообщаются первоначальные сведения о важнейших событиях и лицах отечественной истории в виде

небольших отдельных рассказов, – читаем в "Объяснительной записке" к программе по отечественной (церковной и гражданской) истории для второклассных школ, – то во второклассных школах краткий курс отечественной церковной и гражданской истории проходится не в отрывках, а в последовательном и связном изложении, с указанием главнейших хронологических данных. Ученики второклассных школ <...> должны ясно представлять себе в главных чертах постепенное расширение пределов Русского государства и усиление могущества, равно как и распространение в отечестве нашем православной веры и Церкви Христовой. Вместе с тем в сознании учащихся должен отчётливо запечатлеться весь ряд тех знаменитых деятелей, которые прославились или духовными подвигами и служением православной русской Церкви, или доблестными трудами на поприще государственном»[51].

Одной из книг, написанных в соответствии с правилами для второклассных школ, утверждёнными в 1903 году, стала книга профессора протоиерея Фёдора Ивановича Титова (1864–1935) «Отечественная история церковная и гражданская». В этом издании рассказывается, например, о разорении Рязани Батыем – приводится фрагмент летописи.

Более детально, чем в учебниках для начальных школ, описано Титовым присоединение Новгорода к Москве: «В Новгороде образовались две партии: одна держала сторону Москвы, другая сторону Литвы. Между партиями происходила постоянная борьба. Оттого и в Новгороде было вечное беспокойство и замешательство. Это и дало повод Иоанну III вмешаться во внутренние дела Великого Новгорода и покончить с его вольностию. Новгородцы вызвали гнев Иоанна III прежде всего тем, что без его ведома пригласили князя из Литвы. Вскоре после того литовская партия из Новгорода стала требовать от новоизбранного владыки Феофила, чтобы он ехал для поставления не к московскому, а к литовскому митрополиту. Иоанн III всё это терпеливо сносил, хотя и не скрывал своего гнева на новгородцев. Между тем, в Новгороде всё более и более усиливалась литовская партия. Во главе её стояли бояре Борецкие, руководительницею которых была мать их вдова Марфа, известная в истории под именем Марфы Посадницы. Опираясь на своё богатство и поддержку своих приверженцев, Марфа Посадница распоряжалась в Новгороде, как желала»[52].

Новая история России начинается в этом учебнике со времени Петра I, который рассматривался Титовым как истинный преобразователь России. В его личности «было соединено всё то, что было необходимо для совершения такого великого дела, как всестороннее преобразование русского государства. Император Пётр I был истинно гениальным человеком, наделённым от природы необычайными дарованиями. Великие дарования соединялись в нём с неутомимым трудолюбием. Пётр I был истинным царем-работником, не жалевшим ни сил, ни самой жизни своей для блага России. Обладая таким характером, Пётр I решительно приступил к преобразованию России, причём в основу этого преоб-

разования он положил сближение России с просвещёнными народами Западной Европы, улучшение и усовершенствование самобытных русских начал народной жизни при помощи и при посредстве европейского образования»[53]. О Петре, его детстве и юности, о важнейших событиях, произошедших в годы его правления, в книге Титова рассказывается довольно подробно. Так что Есенин, который позже неоднократно будет обращаться к личности Петра, получил о нём в годы учебы во второклассной школе весьма полное представление.

В главе, посвящённой правлению Екатерины II, характеризуется в основном внешнеполитическая деятельность императрицы, говорится о присоединении к России новых земель, сообщается о деятельности полководцев – П. А. Румянцева-Задунайского, А. Г. Орлова-Чесменского, Г. А. Потемкина-Таврического, А. В. Суворова, а также о святителе Тихоне Задонском. Однако восстание Е. И. Пугачёва – человека, личность которого важна для есенинского творчества, в этой книге не охарактеризована. В целом в учебнике Титова довольно полно описаны события отечественной истории, произошедшие со времени первоучителей словенских Кирилла и Мефодия до царствования императора Александра III и восхождения на престол Николая II. Общий объем этой книги около 15 печатных листов.

Сохранилось сравнительно мало воспоминаний, характеризующих особенности системы преподавания в Московском городском народном университете им. А. Л. Шанявского. В Летописи жизни и творчества С. А. Есенина отмечено время начала занятий в университете в 1913–1914 учебном году – 23 сентября 1913 г. (на основе информации, опубликованной в газете «Русское слово»)[54]. Эта дата подтверждается и другими источниками. Так, в записной книжке преподавателя университета П. Н. Сакулина под 23 сентября есть карандашная запись: «Начало лекций в унив<ерситете> Шан<явского>»[55].

В контексте данной статьи представляются актуальными мемуарные свидетельства одного их наиболее известных преподавателей этого учебного заведения — крупного отечественного историка Александра Александровича Кизеветтера (1866–1933)[56], читавшего в 1913–1914 учебном году в университете курс лекций по русской истории XIX века. Кизеветтер, работавший во многих учебных заведениях Москвы, охарактеризовал особенности университета им. А. Л. Шанявского, преподавание в котором «ставилось на истинно университетский уровень». Однако «это учреждение отнюдь не являлось дублированием государственного университета по составу преподаваемых предметов и по *задачам*, которые должны были им обслуживаться <...> государственные университеты обслуживают потребности самой науки и потребности государственного аппарата <...>. Что же касается университетов "народных" или "вольных", то перед ними раскрывается иное, *весьма* обширное поле для деятельности вне всякой конкуренции с университетами государственными. Это – обслуживание всех тех потребностей, которые возникают из ближайшей связи науки с

интересами и задачами общественной жизни. Обслуживание потребностей этого рода отнюдь не требует понижения научного уровня преподавания. Дать истинно научное обоснование для ориентировки в задачах и потребностях, выдвигаемых общественной жизнью, – вот специальное назначение "вольного" или "народного" университета. Но так поставленная задача влечёт за собою гораздо большую подвижность и эластичность в составе преподавания, нежели это наблюдается в государственных университетах <...>. Планы и программы преподавания в народном университете не должны поэтому представлять собою неподвижную окаменелость, раз навсегда установленную каноническую схему. Они должны разветвляться и видоизменяться параллельно с нарождением новых очередных задач общественного развития»[57]. Кизеветтер характеризует и особенности структуры народного университета, центральным звеном которого служило академическое отделение, одним из слушателей которого стал Есенин. «Это академическое отделение, – отмечал мемуарист, – основной фонд академических знаний по соответствующим дисциплинам. Затем это академическое отделение постепенно обрастало так называемыми "циклами", т. е. специальными группами курсов, приурочиваемыми к той или иной очередной общественной задаче»[58].

Лекции были рассчитаны на людей, достаточно глубоко знающих предмет. «Приём слушателей не был обусловлен представлением каких-либо дипломов или свидетельств. Но слушатели предварялись о том, что преподавание будет рассчитано на предварительную подготовку в объёме курса средней школы. Если не имеющие такой подготовки всё-таки шли в университет Шанявского, это было их дело. Если преподавание оказывалось для них трудным и непонятным, они должны были пенять на самих себя за то, что не оценили значения сделанного им предупреждения <...>. Если им было по плечу систематическое усвоение преподаваемых предметов и если они довольствовались тем, что ловили на лету некоторые более доступные им элементы читаемых курсов, это предоставлялось на их усмотрение. Ведь университет Шанявского не давал никаких прав, не выдавал никаких аттестатов. Экзамены не были обязательны. И не было оснований стеснять занятия слушателей излишней регламентацией»[59].

В народном университете преподавали крупнейшие московские учёные, покинувшие в 1911 г. Московский университет. «Цвет московской профессуры, – отмечал Кизеветтер, – получил возможность отдать свои силы делу городского народного университета, и закипела интенсивная учебная работа. Во главе сложившейся там преподавательской коллегии за всё время существования этого университета стоял Николай Васильевич Давыдов»[60].

Кизеветтер оставил богатейшее наследие – более 1000 научных работ и несколько сотен статей на политические темы. В течение жизни он читал лекции по различным дисциплинам, в том числе по географии – в Лазаревском институте восточных языков; по истории русской литературы – в Московском художественном училище живописи, ваяния и зодчества. На формирование взглядов

Кизеветтера наибольшее влияние оказал В. О. Ключевский. Учёный вслед за своим учителем сосредоточился в первую очередь на исследовании служилого землевладения XVI–XVII веков. Современники отмечали его незаурядное ораторское мастерство, этот дар привлекал на его лекции многочисленных слушателей. Современный исследователь творческого наследия историка отмечает: «Его лекции отличались сочетанием выразительного, художественного изложения и глубокого научного содержания, анализом богатейшего фактического материала и фундаментальными историко-философскими обобщениями, яркими портретными характеристиками (Ивана Грозного, Александра I, Сперанского, Аракчеева, Александра II, деятелей реформ 60-х <XIX в.>, Государственной думы и др.). При этом, по свидетельству А. Флоровского, "запас вдохновения и внутреннего подъёма в его речах поддавался сдерживающей обработке внешней гармонии и размеренности"»[61]. Начавшуюся летом 1914 г. Первую мировую войну Кизеветтер воспринимал как народное бедствие, которое коснётся каждого жителя России, но в то же время отмечал, что русские войска выполняют благородную миссию, защищая интересы единоплеменных народов, основы культуры: «Наше русское и наше славянское дело сливается воедино с общеевропейской борьбой против главного гнездилища милитаризма, и мы оказываемся в стане поборников культуры»[62].

Для нашей темы любопытны характеристики историком слушателей народного университета. «Я читал там свои курсы в главной большой аудитории, – отмечал Кизеветтер. – Она вмещала около тысячи человек и была устроена в виде обширного амфитеатра, увенчанного высокими хорами. Все скамьи были наполнены слушателями. Какая пёстрая картина, какое смешение возрастов, типов, одеяний! Я видел там сидящими рядом офицера генерального штаба и вагоновожатого городского трамвая, университетского приват-доцента и приказчика от Мюра и Мерилиза, барыню с пушистым боа на шее и монаха в затрапезной рясе. Часто я видел с кафедры умилительную картину. В аудиторию входил седой как лунь старец, ведомый за руку молоденькой девушкой, по всей вероятности, внучкой. Точь-в-точь Эдип со своей Антигоной. Дедушка и внучка усаживались рядом и прилежно слушали. Старик делал записи в тетрадке, а девушка заглядывала в его тетрадку, иногда указывала пальцем на какое-то написанное слово, и они шёпотом совещались некоторое время»[63].

Похожую картину рисует и Д. Н. Семёновский, познакомившийся с Есениным на одной из лекций в народном университете. «Университет Шанявского был для того времени едва ли не самым передовым учебным заведением страны, – отмечает мемуарист. – Широкая программа преподавания, лучшие профессорские силы, свободный доступ – всё это привлекало сюда жаждущих знания со всех концов России.

И кого только не было в пёстрой толпе, наполнявшей университетские аудитории и коридоры: нарядная дама, поклонница модного Юлия Айхенвальда, чи-

тавшего историю русской литературы XIX века, и деревенский парень в поддёвке, скромно одетые курсистки, стройные горцы, латыши, украинцы, сибиряки. Бывали тут два бурята с кирпичным румянцем узкоглазых плоских лиц. Появлялся длинноволосый человек в белом балахоне, с босыми ногами, красными от ходьбы по снегу»[64]. Судя по тексту воспоминаний, знакомство Семёновского с Есениным состоялось после начала Первой мировой войны – в 1914–1915 учебном году.

В. Ф. Наседкин, с которым Есенин также познакомился в народном университете, практически ничего не написал об этом учебном заведении в своих воспоминаниях, посвящённых поэту, лишь отметив сам факт знакомства: «...Шапочно я с ним знаком с зимы 1914–1915 года по университету Шанявского»[65]. Эту датировку знакомства подтверждает обнаруженное В. А. Дрозковым прошение Наседкина с просьбой зачислить его на первый курс историко-философского отделения в 1914–1915 учебном году[66].

Слушатели народного университета не обязаны были сдавать экзамены, однако находилось немало желающих сдать экзамены, что позволяло повторить курс и продемонстрировать преподавателю свою подготовку. Причём слушатели старались, чтобы экзаменатор выслушал их по возможности более полный и развёрнутый ответ. Народный университет был необычайно популярен. Сформировалось «простодушное убеждение в том, что достаточно пробыть хотя некоторое время в его стенах, подышать его воздухом, чтобы получить уже возможность выступать на поприще культурной общественной работы»[67].

В программах историко-философского цикла академического отделения уделялось внимание отечественной и мировой истории, русской и зарубежной литературе, истории философии, теории права, политической экономии. Вероятно, не все лекции Есенин посещал, что было связано как с его интересами, так и с необходимостью отдельно оплачивать каждый курс.

С сентября 1913 г., когда Есенин начал заниматься в университете, на первом курсе «общий курс истории Средних веков» читал Д. Н. Егоров, «Историю Франции с XVIII века» – С. Ф. Фортунатов, русскую историю XIX века А. А. Кизеветтер[68]. Второй год обучения предполагал продолжение чтения этих предметов теми же преподавателями. К этому добавлялись курсы «Теория исторического процесса» В. М. Хвостова, «История политических учреждений и учений» Б. П. Вышеславцева, «История образования в связи с общим развитием культуры (от конца Средних веков)» Н. В. Сперанского. Планировались практические занятия по курсам всеобщей и русской истории. Исторические дисциплины читались и на третьем году обучения в университете. Они входили в программы разных лет обучения и в 1914–1915 учебном году[69].

Д. Н. Егоров с первого по третий год обучения в 1914–1915 учебном году читал курс «Крестовые походы» (в расписании лекций он назывался «История Средних веков (крестовые походы)»[70]. Программа курса была утверждена

23 сентября 1914 г.[71] и предполагала проведение лекций по два часа еженедельно на протяжении первого и второго семестров. Лектор видел задачу курса в выяснении «решающего значения Крестовых Походов, как эпохи, создавшей *перелом* во всех областях средневековой европейской жизни, эпохи, положившей конец прежней замкнутости и вызвавшей широкий и свободный культурный обмен с Византией и Востоком, переведшей Европу, как и во время великой Римской объединённости, на море и за море, со всеми теми крупными последствиями, которые вытекают из подобного возобновления *мирового* общения»[72]. Егоров делил курс на «два крупных отдела»: крестовые походы как историческая проблема и крестовые походы как культурная проблема. Практические занятия по истории Средних веков вёл В. С. Протопопов.

Курс по истории Англии и Германии читал С. Ф. Фортунатов. Практические занятия по истории Германии XIX века, посвящённые «анализу эволюции политической мысли в Германии XIX в. в связи с социальным движением и политическими преобразованиями»[73], вёл А. М. Васютинский. Практические занятия по истории Английской революции 1640–1649 гг. проходили под руководством В. П. Волгина. В данной статье мы не останавливаемся на характеристике курсов народного университета, посвящённых зарубежной истории, поскольку этот вопрос довольно подробно рассмотрен нами в недавней работе[74].

Курс А. А. Кизеветтера по истории России до XVIII века был тесно связан с историей русской литературы. В преамбуле к программе обмечалось, что «по мере надобности, в изложение вводятся <...> факты из истории умственного развития русского общества, хотя при этом лектор считается с тем, что сведения этого рода слушатели имеют возможность получить в более обстоятельном изложении в курсах по истории русской литературы»[75]. В лекциях рассматривались следующие основные вопросы: «Доисторическое состояние нашей равнины. Славянская колонизация. Возникновение варяжских княжеств.

Междукняжеские отношения в Киевской Руси. Внутренний политический и социально-экономический строй древнерусских княжеств. Борьба со степью. Запустение Приднепровья. Возникновение удельных княжеств в Северо-Восточной Руси. Характеристика удельного порядка. Возвышение Москвы. Собирание Руси Москвою. Характеристика Московского государства XV–XVI ст<олетий>. Реформы Ивана IV. Смутное время. Реставрация государственного порядка во вторую половину XVII ст<олетия>. Деятельность земских соборов. Уложение 1649 г. Подготовка преобразований во второй половине XVII ст<олетия>»[76].

Двухчасовые лекции по этому курсу проходили еженедельно. В народном университете отечественная история изучалась более подробно, чем во второклассной учительской школе. Начинающий поэт, уже имевший ко времени приезда в Москву достаточно полное представление об историческом процессе, об основных событиях отечественной истории, мог заинтересоваться лекциями известного историка, которые неизменно вызывали значительный интерес слушателей.

Лекции Ю. В. Готье по истории России XVIII века читались в 1914–1915 учебном году для слушателей второго и третьего курсов университета. Проект программы предусматривал раскрытие следующих основных тем: «Общий очерк состояния Московского государства в конце XVII столетия.

Умеренно-преобразовательная деятельность правительства царевны Софии. Значение переворота 1689 г. и его ближайшие последствия. Характеристика Петра I. Эволюция его личности в связи с событиями его царствования. Пётр Великий и русское общество. Результаты его преобразовательной деятельности. Её общая оценка. Реакция послепетровского времени. Попытка 1730 г.[77] Царствование Анны Ивановны; его связь с петровской эпохой. Господство немцев и его значение. Царствование Елизаветы Петровны. Господство дворянства. Внешняя политика России от Петра I до Екатерины II.

Екатерина II. Её воцарение. Политические идеи Екатерины в 1780-х гг. Уложенная комиссия. Законодательная деятельность Екатерины в 1770–80 годах. Внешняя политика. Реакция последних лет.

Общая характеристика царствования Императора Павла»[78].

Программа этого курса, утверждённая 4 октября 1914 г.[79], существенно отличается от его проекта, поэтому приводим содержательную часть этого архивного документа (машинопись на бланке народного университета с рукописными резолюциями) полностью: «Правление царя Феодора Алексеевича и царевны Софии, как время подготовки к реформе.

Переворот 1689 г.

Развитие личности Петра в связи с внешними событиями его царствования и с преобразовательною деятельностью.

Результаты реформ Петра и их общая оценка.

После-Петровская реакция 1725–1730 гг.

Царствование Анны Ивановны. Пересмотр мнений об этой эпохе. Немецкое господство; его проявления и его падение.

Царствование Елизаветы Петровны, как время частичного осуществления пожеланий, высказывавшихся дворянами в 1730 г. Внешняя политика.

Екатерина II до воцарения; разбор известий о её воцарении. Правительственная программа в 60-х годах. Комиссия 1767 г. Выполнение планов и проектов, намеченных Комиссией. Сословная политика Екатерины II. Внешняя политика. Последние годы царствования; его общая оценка.

Общая характеристика царствования императора Павла»[80].

В качестве основных пособий по курсу рекомендовались «Курс русской истории» В. О. Ключевского и «Лекции по русской истории» С. Ф. Платонова. В печатном варианте проекта программы в качестве редкого издания названа также книга В. А. Бильбасова «История Екатерины Второй»[81].

Кроме лекций, Ю. В. Готье вёл семинары, программы проведения которых не были опубликованы в общем сборнике[82]. Однако в фондах Московского город-

ского народного университета имени А. Л. Шанявского хранится не обнаруженная в библиотечных фондах печатная брошюра «Программы практических занятий и семинариев в Московском Городском Народном Университете имени А. Л. Шанявского в 1914–1915 академическом году. Группа общественно-философских наук». В ней характеризуются особенности практических занятий по курсу русской истории. В качестве их основной задачи Ю. В. Готье называет «*содействие* лицам, слушающим курсы этого предмета и специально им интересующимся, *в деле углубления их познаний путём самостоятельных занятий*»[83]. При этом отмечается, что «занятия могут состоять в изучении историографии или первоисточников по специальным вопросам или наиболее выдающимся эпохам русской истории. Они могут выражаться в виде совместного с руководителем разбора памятников, в виде устных докладов слушателей и в виде их письменных работ, причём и устные доклады и рефераты должны подвергаться общему обсуждению при участии руководителя»[84]. Как видим, методика проведения семинарских занятий была достаточно разнообразна. К ним допускались лишь те слушатели народного университета, которые ранее или параллельно с ними посещали соответствующий курс лекций. Максимальное число участников практических занятий определялось в 25–30 человек.

Анализ программы курса показывает, что в нём затрагивались те исторические темы, которые наиболее привлекали Есенина и нашли непосредственное отражение в его творчестве.

Наконец, надо остановиться на курсе русской истории XIX века, который читал для слушателей первого и второго годов обучения в 1913–1914 учебном году А. А. Кизеветтер. Этот курс предусматривал еженедельные двухчасовые лекции на протяжении двух семестров. Опубликованная программа называется «История России в первой половине XIX столетия» и предполагает рассмотрение следующих основных вопросов: «Общий очерк состояния России к концу XVIII стол<етия>.

Преобразовательные меры в царствование Александра I, Неофициальный комитет. Проекты Сперанского. Учреждение министерств и Государственного Совета. Крестьянский вопрос. Борьба с Наполеоном. Тайные общества при Александре I.

Царствование Николая I. Перемены в положении высших государственных учреждений, местного управления и сословного самоуправления. Разработка крестьянского вопроса в секретных комитетах.

Внутреннее состояние России в первую половину XIX ст<олетия>. Крепостная вотчина и перемены, развивавшиеся в крепостном хозяйстве в течение первой половины XIX ст<олетия>. Русский город, торговля и обрабатывающая промышленность России за первую половину XIX ст<олетия>. Подготовка падения крепостного права»[85]. На практических занятиях, проходивших под руководством Ю. В. Готье, предполагалось «тщательное изучение»[86] социально-эко-

номического трактата первого русского экономиста-теоретика, публициста, предпринимателя и изобретателя И. Т. Посошкова (1652–1726) «Книга о скудости и богатстве». Понятно, что этот известный и в своё время популярный труд не имел непосредственного отношения к отечественной истории XIX века (хотя бы по причине того, что его автор скончался в 1720-е гг.), однако знакомство с ним представляло значительный интерес для слушателей[87]. А. А. Кизеветтер имел непосредственное отношение к выходу в свет в 1911 г. очередного издания этой книги – с его предисловием в серии «Памятники русской истории, изданные под редакцией преподавателей русской истории в Московском университете» была напечатана «Книга о скудости и о богатстве и некоторые более мелкие сочинения; Доношения Ивана Посошкова митрополиту Стефану Яворскому».

Нельзя не отметить, что – как это происходило и на более низких ступенях обучения (о чём уже говорилось) – народный университет заканчивало во много раз меньшее число слушателей, чем в него поступало. Если в 1911–1912 учебном году на первый семестр первого курса было зачислено 322 человека, то на второй семестр – только 203. На первый семестр второго курса в том же году поступило 70 человек, на второй семестр – 49. Соответственно, в третий год обучения число слушателей составило 27 и 22 человека соответственно.

В настоящее время нет информации о том, все ли лекции историко-философского цикла академического отделения посещал Есенин в 1913–1914 и 1914–1915 учебных годах (до своего отъезда в марте 1915 г. в Петроград). Однако есть веские основания предполагать, что начинающий поэт записался на полный курс лекций. Отметим, что Есенин в то время относился не к категории лиц, постоянно живущих в Москве, а к числу приезжих. При этом аналитические данные по составу слушателей университета свидетельствуют о том, что почти все жители провинции, подававшие прошение в народный университет, поступали на полные циклы обучения: «В 1911–12 г. приезжие распределялись: на полных циклах – 92%, на отдельных предметах – 8%; в 1912–13 г. соответственные цифры 95% и 5%»[88]. И всё же москвичи – слушатели полных циклов – численно несколько преобладали над слушателями, приехавшими из провинции (62% против 38% в 1912–1913 учебном году).

Однако нельзя оставить без внимания мнение мемуаристов. Так, Н. А. Сардановский в воспоминаниях, написанных во второй половине 1950-х гг., отмечал: «Мне Сергей говорил, что он посещал там <в университете Шанявского> исключительно лекции по литературе. Этот предмет читали наиболее видные профессора того времени: Айхенвальд, автор книги "Силуэты русских писателей", и Сакулин»[89].

В более раннем варианте воспоминаний мемуарист писал: «Его собственные убеждения до 1913 года заключали в себе значительную дозу толстовства с его преклонением перед образом русского крестьянина. Потом в Москве мне

ЕСЕНИН как-то в разговоре заявил, что его знакомство с рабочим классом заставило пересмотреть его прежнее мнение и он горячо стал мне доказывать, что наивысшую общественную ценность в государстве представляют рабочие.

К науке в то время ЕСЕНИН относился с достаточным уважением и, мне кажется, он был удручен тем, что занятия в Университете Шанявского он посещал нерегулярно, тем более, что я, при случае, старался дать ему понять, что на занятия его там я смотрю свысока вследствие их несерьёзности.

В нашей студенческой среде Сергей всегда представляется мне внимательно выслушивающим наши разговоры об учёбе и вполне разделяющим наше мнение о важности всей жизни, к науке относящейся»[90].

В контексте нашей темы интересен спор, возникший между Есениным и Сардановским. «Когда в 1914 году в Москву был разрешен въезд Максиму Горькому и сытинские рабочие отнесли Горького из Типографии на руках до его автомобиля, – пишет мемуарист, – ЕСЕНИН, обсуждая этот инцидент, зашёл в своих выводах так далеко, что по его мнению, писатели и поэты выставлялись как самые известные люди в стране. В противовес этому мною были выставлены соответствующие возражения, и мы решили разрешить свой спор у третьего лица.

Оба мы взяли крайние случаи: он, конечно, Пушкина, а я... Николая II (я настаивал на том, что подчас в стране бóльшей известностью пользуются довольно ничтожные люди). Квартирная хозяйка ЕСЕНИНА – Матрёна Ивановна, избранная нами для разрешения нашего спора, по существу наших вопросов ответствовала, что она не может сказать, кто такой был Пушкин, и я имел повод к тому, чтобы над Сергеем позлорадствовать»[91].

Приведённый фрагмент воспоминаний свидетельствует о том, что Есенин, несмотря на свой интерес к отечественной истории, ставил писателей значительно выше, чем политических деятелей. Однако нельзя и приуменьшать значимость для Есенина событий отечественной и мировой истории, биографий и деятельности крупных исторических лиц. Несомненно одно: знания по истории, полученные Есениным в годы учёбы, нашли непосредственное и многообразное отражение в его творчестве.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Обзор работ последнего времени на эту тему см.: *Скороходов М.* Наследие С. А. Есенина в контексте отечественной истории // Современное есениноведение. 2012. №. 22. С. 6–15.

[2] *Сергий Рыбаков, протоиерей.* Сергей Есенин и русская революция: взгляд православного священника. // С.А.Есенин и православие: Сб. статей о творчестве С.А.Есенина. М.: К единству! 2011. С. 92.

[3] В данной статье мы не рассматриваем программы русской словесности, в которых также значительное внимание уделялось историческим личностям.

[4] Об особенностях земской начальной школы см.: *Веселовский Б.* История земства за 40 лет. СПб., 1909. Т. 1, гл. XXX, XXXII, XL. О разных проектах развития системы школьного образования см.: *Миропольский С. И.* Школа и государство. 3-е изд. СПб., 1910. Гл. VI. С. 109–148.

[5] «Вследствие совместной деятельности земства и правительства по народному образованию просвещение русского народа в последнее время сильно двинулось вперед. С 1903 по 1909 год число земских школ возросло 33,8% – с 18714 до 25047» (*Каптерев П. Ф.* История русской педагогии. Изд. второе, пересмотренное и дополненное. Пг., 1915. С. 457).

[6] «20 февраля 1907 года министерство внесло в Государственную Думу законопроект о введении всеобщего обучения. Хотя этот проект не стал законом и был задержан в Государственном Совете, но тем не менее его основы служат руководящими началами для министерства народного просвещения в его совместной работе с земством по народному образованию» (*Каптерев П. Ф.* История русской педагогии. С. 457). Согласно этому проекту, «все дети обоего пола должны иметь возможность пройти полный курс учения в правильно организованной школе, т. е. четырехлетней, с числом учащихся на одного учителя не более 50, с учителем, имеющим установленный законом образовательный ценз, и с одним законоучителем» (Там же. С. 458; см. также: Обзор деятельности Государственной Думы третьего созыва 1907–1912 гг. Часть вторая. Законодательная деятельность. Составлен канцелярией Государственной Думы. СПб., 1912. Гл. XIII – Народное образование; отд. III – низшее образование).

[7] Рязанские епархиальные ведомости. 1904. № 6. 15 марта. Неофициальный отдел. С. 205.

[8] *Пругавин А. С.* Законы и справочные сведения по начальному народному образованию. СПб., 1898. С. 25.

[9] Там же.

[10] Там же.

[11] Там же. С. 26. Отметим, что законоучителями назывались преподаватели Закона Божия, имеющие священнический сан; а лица, не имеющие такого сана, именовались учителями Закона Божия. Таким образом, отец Иоанн Смирнов, учивший Есенина в константиновском училище, был законоучителем.

[12] *Пругавин А. С.* Законы и справочные сведения... С. 26–27.

[13] Там же. С. 59–60.

[14] Священник Иоанн Смирнов был утвержден в должности законоучителя константиновского училища в 1879 г. (Рязанские епархиальные ведомости. 1879. № 20. 15 октября. Официальный отдел. С. 418).

[15] См.: Народное образование в Рязанской губернии. С приложением Атласа начальных школ Рязанской губернии. <Т. XII>. Рязань: Издание Рязанского губернского земства. 1889. С. 332.

[16] Там же. С. 310–315.

[17] См. Летопись жизни и творчества С. А. Есенина: В 5 т. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН. 2004. С. 89.

[18] См.: Там же. С. 478–479.

[19] См.: Там же. С. 101.

[20] *Каптерев П. Ф.* История русской педагогии. С. 459.

[21] Справочная книга по низшему образованию. Год восьмой (сведения за 1913–1914 гг.). Сост. С. И. Анцыферов. Ч. 1. Пг., 1916. С. 217.

[22] *Пругавин А. С.* Законы и справочные сведения... С. 94.

[23] См.: Материалы по вопросу о современном состоянии начального образования в Рязанской губернии, собранные применительно к программе, составленной Бюро Общеземского съезда по народному образованию 1911 г. Рязань: Издание Рязанской губернской земской управы. 1911. С. 11.

[24] Там же. С. 3.

[25] Там же. С. 6. Данные по выпускникам 1908/1909 учебного года, когда завершил учебу в земском училище Есенин, обнаружить не удалось.

[26] Там же. С. 14.

[27] См.: Там же.

[28] Там же. С. 18.

[29] Там же. С. 23.

[30] *Пругавин А. С.* Законы и справочные сведения... С. 118.

[31] См.: Там же. С. 302–304.

[32] Краткий обзор положения начального народного образования в Рязанской губернии за 1907 год с приложением: «Проекты введения всеобщего обучения в уездных земствах Рязанской губернии». Рязань: Издание Рязанской губернской земской управы. 1909. С. 11. Выделено в цитируемом издании.

[33] Краткий обзор положения начального народного образования в Рязанской губернии за 1913 год. Рязань. 1914. С. 73.

[34] Там же. С. 11.

[35] Материалы по вопросу о современном состоянии начального образования в Рязанской губернии... С. 83.

[36] Каталог книг библиотеки при Гавриловской земской школе 1908 года. М., 1908. 38 с.

[37] Каталог книг ученической библиотеки земской школы Александрийского уезда. Александрия, 1911. 80 с. См. также: Каталог книг для употребления в низших училищах ведомства Министерства народного просвещения и для публичных народных чтений. Издан по распоряжению Министерства народного просвещения в 1897 г. // *Пругавин А. С.* Законы и справочные сведения... С. 290–369.

[38] *Титов Н. И.* Воспоминания о селе Константинове, взрастившем Есенина. Машинопись с авторской правкой // ОР ИМЛИ РАН. Ф. 32. Оп. 8. Ед. хр. 98. Л. 8.

[39] *Панфилов Анатолий.* Константиновский меридиан: Поиски, исследования, находки, мысли вслух, воспоминания сверстников и односельчан о детстве Сергея Есенина и селе Константинове. М.: Энциклопедия российских деревень; Народная книга. 1992. Ч. 2. С. 146.

[40] Здесь мы не учитываем книги «духовного содержания», среди которых было немало книг исторической тематики.

[41] Краткая церковная история по программе городских училищ законоучителя священника Иоанна Добронравова. Изд. второе, исправленное согласно указаниям Учен. комиссии Министерства народного просвещения и дополненное применительно к программе второклассных церковно-приходских школ. Саранск, 1910. Первая пагинация. С. V.

[42] См. библиографию на эту тему в: *Серегина С.А.* Андрей Белый и Сергей Есенин: творческий диалог. Диссертация... кандидата филологических наук. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 127–145.

[43] Краткая церковная история по программе городских училищ законоучителя священника Иоанна Добронравова. С. 32.

[44] Там же. С. 59.

[45] Там же. Вторая пагинация. С. 13.

[46] Отечественная история в рассказах для низших училищ и вообще для детей старшего возраста. С портретами замечательных лиц и с приложением хронологической таблицы / Составил С. Рождественский. Изд. 19. СПб., 1904. С. 76.

[47] Отечественная история в рассказах для низших училищ и вообще для детей старшего возраста. С. 43–44.

[48] *Полевой П.* Иллюстрированные рассказы по отечественной истории с портретами и картинами в тексте для начальных школ. Изд. 8-е. СПб., 1903. С. 41–42. О Евпатии Коловрате см. также: Родная старина. Отечественная история в рассказах и картинках (с IX по XIV ст.) / Составил В. Д. Сиповский. 7-е изд. СПб., 1904. С. 192–193.

[49] Книга под несколько менявшимся на протяжении десятилетий названием издавалась с 1850-х годов. В 1917 г. в московской типолитографии товарищества И. Н. Кушнера она вышла 56-м изданием.

[50] Именно так наименовалась эта школа в годы учёбы в ней Есенина. Обоснование см.: *Скороходов М.* «Образование получил в учительской школе...» // Новая книга России. 2002. № 8. С. 42–45; Летопись жизни и творчества С. А. Есенина: В 5 томах. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН. 2003. С. 110–111. К сожалению, до настоящего времени порой встречается неправильное наименование данной школы. Например, в исследовании А. А. Молодиховой «О состояние и организация педагогического образования в Рязанской губернии во второй половине XIX — начале XX века. Диссертация... кандидата педагогических наук» (Рязань: Рязанский государственный университет имени С.А.Есенина. 2006. С. 131–134) эта школа несколько раз называется церковно-учительской и второклассной церковно-учительской.

[51] Программы для второклассных школ. Издание Училищного совета при Святейшем Синоде. СПб., 1907. С. 60–61.

[52] *Титов Ф. И., протоиерей.* Отечественная история церковная и гражданская. Составлена по программе для второклассных школ, утвержденной определением Священного Синода 20–27 мая 1903 года. 2-е изд. Училищного совета при Святейшем Синоде. СПб., 1914. С. 137.

[53] *Титов Ф. И.* Отечественная история церковная и гражданская. С. 216.

[54] Летопись жизни и творчества С. А. Есенина. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН. 2003. С. 174.

[55] Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Ф. 272. Оп. 1. № 124. Л. 100 об. Текст зачёркнут.

[56] О Кизеветтере см. также: *Вандалковская М. Г.* П. Н. Милюков, А. А. Кизеветтер: история и политика. М.: Наука. 1992; *Шпаковская М. А.* А. А. Кизеветтер в отечественной историографии. Диссертация... доктора исторических наук. М.: Российский университет дружбы народов. 2003.

[57] *Кизеветтер А. А.* Исторические очерки: Из истории политических школ. Школа и просвещение. Русский город в XVIII столетии. Из истории России в XIX столетии. М.: Издательский дом «Территория будущего». 2006. С. 331–332.

[58] Там же. С. 332.

[59] Там же. С. 335.

[60] Там же. С. 333. Отметим, что известный юрист, председатель Правления Московского городского народного университета имени А. Л. Шанявского Н. В. Давыдов (1848–1920) в годы, прове-

денные по делам службы в Туле (где вначале он был прокурором, а со временем дослужился до должности председателя Тульского окружного суда), много общался со Львом Николаевичем Толстым, а после смерти писателя стал председателем Толстовского общества в Москве.

[61] *Александров Е.* Александр Александрович Кизеветтер // *Кизеветтер А. А.* Исторические очерки. С. 8–9.

[62] *Кизеветтер А. А.* Наша первая победа // Русские ведомости. 1914. 5 августа.

[63] *Кизеветтер А. А.* Исторические очерки. С. 336.

[64] *Семёновский Д. Н.* Есенин // С. А. Есенин в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература. 1986. Т. 2. С. 151.

[65] *Наседкин В. Ф.* Последний год Есенина // *Есенина Н. В.* В семье родной. Новые материалы о Сергее Есенине. М.: Советский писатель. 2001. С. 269.

[66] ЦИАМ. Ф. 635. Оп. 2. Ед. хр. 17. Л. 167. Выражаю искреннюю признательность В. А. Дроздкову за предоставление ценной информации о народном университете.

[67] *Кизеветтер А. А.* Исторические очерки. С. 337.

[68] См.: Летопись жизни и творчества С. А. Есенина. Т. 1. С. 590.

[69] Летопись жизни и творчества С. А. Есенина. Т. 1. С. 592.

[70] Московский городской народный университет имени А. Л. Шанявского. Научные и экономические организации университета. Учебные планы, обзоры лекций и практических занятий на 1914–15 академический год. Дополнение. М.: Издание Об-ва Взаимопомощи слушателей М. Г. Н. университета имени А. Л. Шанявского. 1914. С. 38.

[71] Центральный архив города Москвы (далее ЦАГМ). Центр хранения документов до 1917 г. (далее – ЦХД до 1917 г.). Ф. 635. Оп. 3. Ед. хр. 57. Л. 1.

[72] Московский городской народный университет имени А. Л. Шанявского. Дополнение. С. 92. Выделено в книге.

[73] Там же. С. 98.

[74] *Скороходов М.* История Германии в учебных планах Московского городского народного университета имени А. Л. Шанявского // Есенинский вестник. 2013. № 3. С. 48–55.

[75] Московский городской народный университет имени А. Л. Шанявского.. Дополнение. С. 99.

[76] Там же. С. 99–100.

[77] Речь идёт о политическом кризисе, вызванном смертью в четырнадцатилетнем возрасте императора Петра II, с которой прервалась мужская ветвь династии Романовых. См. об этом: *Седов С. А.* Попытка государственного переворота 1730 года в России // Вопросы истории. 1998. № 7. С. 47–62.

[78] Московский городской народный университет имени А. Л. Шанявского. Дополнение. С. 100–101.

[79] ЦАГМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 635. Оп. 3. Ед. хр. 57. Л. 1.

[80] Там же. Л. 3 – 3 об.

[81] Первый том был напечатан в 1890 г., второй – в 1891-м, однако сразу же изъят из продажи и уничтожен цензурой. Позже двухтомник издавался на русском языке в Лондоне (1895) и Берлине (1900).

[82] См. об этом: Московский городской народный университет имени А. Л. Шанявского. Дополнение. С. 39.

[83] ЦАГМ. ЦХД до 1917 г. Ф. 635. Оп. 3. Ед. хр. 58. Л. 25. Выделено в документе.

[84] Там же.

[85] Московский городской народный университет имени А. Л. Шанявского. Исторический очерк. Слушатели университета. Общество взаимопомощи слушателей. Учебные планы и программы лекций. М.: Издание Об-ва Взаимопомощи слушателей М. Г. Н. университета имени А. Л. Шанявского. 1914. С. 170.

[86] Там же. С. 171.

[87] За неимением места приведём только названия глав этой книги, по которым можно получить представление о её тематике: «О духовности», «О воинских делах», «О правосудии», «О купечестве», «О художестве», «О разбойниках», «О крестьянстве», «О земельных делах», «О царском интересе».

[88] Московский городской народный университет имени А. Л. Шанявского. Исторический очерк. С. 73–74.

[89] *Сардановский Н. А.* «На заре туманной юности». // С. А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 133.

[90] ОР ИМЛИ. Ф. 32. оп. 3. Ед.хр. 36. Л. 3.

[91] Там же. Л. 4–5. Ср. с описанием этого эпизода в более позднем варианте воспоминаний: «Он считал, что поэт – это самая почётная личность в обществе. Горячо доказывал мне, что А. С. Пушкин бесспорно самый выдающийся человек в истории России и потому он пользуется самой большой известностью. Мне приходилось несколько охлаждать пыл своего приятеля, и я высказывал соображения, что подчас и довольно ничтожные личности имеют большую известность, вот, к примеру, царь Николай. Обратились с вопросом к его квартирной хозяйке Матрёне Ивановне, и, к нашему полному недоумению, оказалось, что про Пушкина она ничего не знает (*Сардановский Н. А.* «На заре туманной юности» // С. А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 132–133).

С. И. Субботин (Москва)

КАЛЕНДАРНЫЕ ЗАПИСИ С. А. ТОЛСТОЙ 1925 г. КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ЕСЕНИНА

В конце 1994 г., незадолго до юбилейной даты – столетия со дня рождения Сергея Есенина – в отдел рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого (ниже сокращённо: ГМТ) поступил на хранение «Малый Передвижной Календарь на 1925 г.»[1], принадлежавший внучке писателя Софье Андреевне (в то время Сухотиной-Толстой). Записи на листках этого настольного календаря велись его владелицей (в сентябре того же года ставшей женой Есенина) достаточно регулярно. Она отмечала произошедшие в тот или иной день события, сведения о своих предполагавшихся и состоявшихся встречах, посещениях публичных мероприятий и т. п.

Первая публикация записей Толстой, сделанных в этом календаре о Есенине, была осуществлена в 1995 г. Т. Г. Никифоровой[2]. Вскоре в связи с подготовкой к изданию Полного собрания сочинений поэта приступил к анализу этих записей (непосредственно по исходному источнику) и автор этих строк[3].

Полученные результаты были обнародованы ещё в 1996[4] и в 2002[5] гг. И всё же сейчас пришлось обратиться к календарному материалу Толстой заново – ведь в процессе последующей работы над пятым томом «Летописи жизни и творчества С. А. Есенина»[6] возникла настоятельная необходимость дать панораму событий последнего года жизни поэта с максимально возможной полнотой. Конечно, при этом содержащаяся в записях Толстой прямая информация о соответствующих событиях принималась во внимание целиком. В то же время выяснилось, что некоторые из них, на первый взгляд связанные с именем Есенина лишь косвенно, являются ключевыми для выявления деталей целого ряда эпизодов жизни поэта, до сих пор остававшихся либо прояснёнными не до конца, либо не прояснёнными вовсе. Об этих эпизодах и пойдёт речь ниже.

* * *

До 1995 г. скупые сведения о первой встрече Толстой с Есениным были известны лишь по воспоминаниям В. Ф. Наседкина (1927)[7] и Е. А. Есениной (1940-е гг.)[8] (с заметными разночтениями в описании её обстоятельств).

Точная дата встречи в этих воспоминаниях не указывалась. Попытку её определения предпринял в конце 1960-х гг. В. Г. Белоусов, предложивший (на основе косвенных соображений) отнести это событие к 5 марта 1925 г.[9]

Ныне эта дата — 10 марта — устанавливается безоговорочно по первой из календарных записей Толстой о поэте: «К Есен<ину>»[10], стоящей именно на этом листке календаря. В оригинале слева от этой записи проставлена звёздочка [*)][11], отсылающая к пояснению, расположенному в нижней части оборота соседнего календарного листка (9 марта). Там Толстая перечислила тех, кто оказался свидетелем её встречи с Есениным, произошедшей на вечеринке в квартире Г. А. Бениславской. Этим перечнем открывается первая публикация календарных записей С. А. Толстой (см.: НН-34, 60), в основу которой было положено их хронологическое расположение. Тем не менее, данная запись, без сомнения, не является исходной по хронологии, поскольку была выполнена уже после встречи Толстой с поэтом, т. е. не ранее 11 марта. Позже (когда, неизвестно) в верхней части оборота того же листка 9 марта она сделала дополнительную приписку: «Первая встреча с Есен<иным>» (*Календарь ГМТ*).

Перечень, о котором идёт речь, в *Календаре ГМТ* выглядит следующим образом:

«*) Мар. Мих.
П-к
2 Ес.
Галя
Вс. Иванов
Бугульминск.
Ключарев
Ионов
Лордкипидзе <так!>
Казин»[12].

Комментируя его, автор этих строк писал: «Мар. Мих., 2 Ес. и Галя — это М. М. Шкапская, Есенин и его сестра Екатерина, Г. А. Бениславская. П-к — это Борис Андреевич Пильняк <...>. Далее упомянуты: прозаик В. В. Иванов (1895–1963), издательский работник Давид Кириллович Богомильский (1887–1967; его фамилия, очевидно, была воспринята С. А. Толстой по слуху как «Бугульминский»), актер 2-го МХАТ Виктор Павлович Ключарёв (1898–1957), руководитель Ленинградского отделения Госиздата РСФСР Илья Ионович Ионов (Бернштейн; 1887–1942). Кто такой Лордкипидзе, установить не удалось. Фамилия поэта Василия Васильевича Казина (1898–1981), думается, попала в этот перечень потому, что С. А. Толстая приняла за него другого поэта — его тёзку из окружения Есенина Василия Федоровича Наседкина (1895–1938). Последний действительно был на встрече 10 марта и оставил о ней несколько строк в своих воспоминаниях “Последний год Есенина”»[13].

Что до установления личности Лордкипидзе, то ясности тут нет до сих пор — не в последнюю очередь из-за того, что эту фамилию, как и фамилию Богомильского, Толстая могла услышать (а затем и записать) неточно. Вот почему не лишено резона предположение, что тогда в гостях у Бениславской побывал человек с несколько иной фамилией — скажем, 20-летний грузинский поэт Константин Лордкипанидзе (1904/1905–1986), чьё знакомство с Есениным вполне могло состояться в Тифлисе полугодом ранее.

Стоит добавить, что и число «10», и всё поле листка календаря 10 марта вплоть до записей Толстой на нём (в отличие от остальных календарных листков) снабжено выполненным ею собственноручно «геометрическим» орнаментом (кругами, полукружиями или их частями и т. п.). Надо полагать, что таким образом Толстая выделила эту дату как знаменательный день своей жизни.

В следующий раз она увиделась с Есениным у себя дома — тот пришёл к ней вместе с Иваном Приблудным в ночь с 18 на 19 марта. Поэты находились на квартире Толстой «с 1 ч. ночи до 4 $^{1}/_{2}$ ч. дня» 19 марта (*Календарь ГМТ*). Тогда же Есенин записал в её альбом стихотворный экспромт «Никогда я не забуду ночи...» (факсимиле автографа — НН-34, 67; текст — IV, 261).

На календарном листке 19 марта среди тех, с кем тогда встречалась Толстая, значится: «П<ильня>к» (НН-34, 60). Очень вероятно, что в тот день Б. Пильняк зашёл к ней, когда у неё ещё находился Есенин. Думается, это предположение находит подтверждение в письме Толстой к Шкапской (20 апреля), где события 19 марта описываются так:

«Та ночь (или сутки?!) с Есен<иным> и Прибл<удным> прошли благополучно. Моя добродетель была подтверждена медведю[14] Сергеем, который сказал <ему>: “Ты её люби. Она тебе верна. Я с ней всю ночь провёл, и ничего не было”» (НН-63/64, 140).

Перед отъездом Есенина в Баку состоялась ещё одна его встреча с Толстой. Это вновь произошло на квартире Бениславской, где были организованы проводы поэта. Начавшись вечером 26 марта, событие длилось часть ночи 27 марта. Некоторыми его обстоятельствами Толстая поделится со Шкапской в упомянутом выше письме от 20 апреля[15]. Непосредственно же по окончании вечеринки она добавит к своей предварительной записи 26 марта («К Есен.») пояснение, перечислив на соседней странице календаря (т. е. на обороте листка 25 марта) её участников:

«*) Ес.
П<ильня>к
Гал. Арт. <Бениславская>
Наседкин
Берзина <А. А. Берзинь>
3 гармониста[16]

Шура <скорее, Катя> Ес.
Федор Ап <или "Ан", "Ак">»[17].

Как и десять с лишним лет назад, «сведениями о Федоре Ап ("Ан" или "Ак") не располагаем. Т. Г. Никифоровой это имя расшифровано как "Фёдор Антонович Петровский" <НН-34, 60>. На наш взгляд, достаточных оснований для такой расшифровки нет»[18].

27 марта Толстая пометит в календаре: «Уехал С. Е.». Среди последующих её календарных записей имя Есенина за время его отсутствия в Москве (с 28 марта по 28 мая) промелькнёт лишь однажды – на обороте листка 10 апреля мы находим достаточно сдержанную оценку его новой книги: «Есенин "Страна советская" 3+»[19]. Однако, как говорится, сама жизнь то и дело напоминает Толстой о поэте. То она оказывается (13 апреля) на концерте, где В. И. Качалов читает его стихи[20], то до неё (в конце апреля – начале мая) дозванивается Бениславская, чтобы передать просьбу Есенина написать ему в Баку[21]... И, наконец, 5 мая на спектакле по пьесе Н. Р. Эрдмана «Мандат» (театр им. Вс. Мейерхольда) Толстая встречается с близкими поэта, о чём мы узнаём из её приписки к первоначальной календарной записи: «На "Мандат"» – «Встретила в театре Катю Е<сенину>и Галю <Бениславскую>»[22]. Можно не сомневаться, что разговор трёх женщин при этой встрече шёл главным образом о том, как живётся Есенину в Баку.

* * *

Систематически в *Календаре ГМТ* имя поэта вновь начинает появляться сразу же по его возвращении в Москву. Уже 29 мая Толстая записывает: «Зв<онил> С. Е.»[23], позднее дополнительно пометив на том же календарном листке: «Есенин вернулся с Кавказа».

30 мая она помечает: «Встр<етила> С<ергея> Е<сенина>».[24] Скорее всего, тогда же (или на следующий день) они договорились увидеться вновь, поскольку среди предварительных записей Толстой на листке 1 июня значится: «К Есен<ину>». Реальные обстоятельства этого события сложились несколько иначе: идти к поэту в тот день Толстой не пришлось — тот навестил её сам. Позднее она расскажет, как Есенин, радостный, пришёл к ней с ещё пахнущим типографской краской четвёртым номером журнала «Красная новь» с публикацией «Анны Снегиной» и прочитал всю поэму:

«Я сидела не шелохнувшись. Как он читал! А когда кончил, передавая журнал, сказал, улыбаясь: "Это тебе за твоё терпение и за то, что хорошо слушала"»[25].

Сделанная при этой встрече авторская дарственная надпись на журнальной странице с началом текста «Анны Снегиной» гласит: «Милой Соне / С. Есенин / 1 июня 25 / Москва» [VII (1), 261].

2 июня Толстая записывает: «Серг<ей> Е<сенин> и Наседкин»[26]. Таким образом, в тот день состоялась ещё одна её встреча с Есениным (до сих пор оставшаяся вне поля зрения биографов поэта).

А 12 июня Есенин и его друзья собираются на вечеринку уже на квартире самой Толстой по адресу: Померанцев пер., д. 3, кв. 8. По её окончании она перечисляет участников события на календарном листке от того же числа: «С. Ес<енин>. / Наседк<ин>. / Вс. Иван<ов>. / Сахаров. / Витя Ман<уйлов>. / Прибл<удный>. / Богольм<инский> Дав<ид> Кир<иллович>»[27].

Развёрнутое описание этой вечеринки содержится в воспоминаниях В. А. Мануйлова[28]. По его словам, среди тех, кого он встретил тогда на квартире Толстой, был и И. Э. Бабель, чьё имя в вышеприведенном списке не значится. Хотя у нас нет оснований не доверять мемуаристу, не стоит забывать, что память иногда всё же подводила и его[29].

Впрочем, следует также иметь в виду, что в своих календарных записях Толстая отражала далеко не всё, что с нею происходило. К тому же кое о чём, насколько можно теперь судить, она предпочитала вообще никаких свидетельств не оставлять. Примером такого «усечённого» описания произошедшего является, в частности, совокупность её записей 14–16 июня. Некоторые тогдашние события, там не отмеченные, и их реальную хронологическую последовательность ныне удалось восстановить лишь с привлечением дополнительных документальных сведений.

Но обо всём по порядку. До публикации указанных записей исследователям был известен лишь один документ тех дней с точной датой – письмо Есенина сестре Екатерине от 16 сентября 1925 г. (см.: [VI, 216]). В 1995 г. к нему добавилось следующее:

«14 июня. / В Петр<овский> Парк с Серг<еем>. / К Наседк<ину>. / Ночевал Сахар<ов>.

15 июня. / Сергей и Наседк<ин>.

16 июня. / С<ергей>, Нас<едкин> в Т<олстовском> Муз<ее>. / С<ергей> и Сахаров. / Кино "Танцовщица из Бродвэя", "Карин, Ингмарова дочь". / В Прагу.

<Оборот листка 16 июня> Ночев<ал> С<ергей>» (*Календарь ГМТ*; ср. также: НН-34, 61).

В 1998 г., при подготовке к изданию деловых бумаг Есенина в составе его Полного собрания сочинений, возник вопрос: в какой же из дней 1925 г. могло быть написано заявление поэта в Жилтоварищество № 191 о предоставлении ему жилья? Текст этого документа (без даты) сохранился лишь в копии В. П. Козлова (см.: [VII (2), 219]), в своих воспоминаниях обрисовавшего обстоятельства, при которых Есенин написал эту бумагу[30]. Пытаясь точнее определить, когда же произошло это событие, автор этих строк принял тогда во внимание следующее:

«С одной стороны, В. П. Козлов указывает, что Есенин писал его <заявление> летом в присутствии И. В. Грузинова (жившего в доме Жилтоварищества № 191), А. М. Сахарова, В. Ф. Наседкина и "мужичка из Рязанской губернии",

представляющего "всю Рязань и губернию дяди Есенина" (Л<ит.> Р<оссия>, 1980, 11 апр., № 15, с. 17).

С другой стороны, последние два участника этого эпизода фигурируют также и в записке С. А. Толстой, написанной ею (судя по содержанию) в июне 1925 г.:

"Сергей, милый, пожалела тебя будить. Зайди ко мне на службу <в музей Л. Н. Толстого> (Пречистенка, 11) или позвони <...>

Звонил Наседкин. Приехал твой дядя <А. Ф. Титов, брат Т. Ф. Есениной> и сидит у него. Поезжай туда..." (Письма[31], 283–284).

Из сопоставления этого текста с записями С. А. Толстой-Есениной в её настольном календаре от 16 июня 1925 г. <далее приводятся записи от этого числа, уже процитированные выше, за исключением записей о кинофильмах и о ресторане "Прага"> явствует, что эта записка Есенину была оставлена ею у себя на квартире утром 17 июня» [VII (2), 358–359].

Исходя из этого, заявление Есенина в Жилтоварищество № 191 было предположительно приурочено в его Полном собрании сочинений к 17 июня (см.: [VII (2), 219]). Теперь же эту гипотетическую дату необходимо заменить подлинной, поскольку выяснилось, что реальная картина событий тех дней выглядела несколько по-иному.

В 2008 г. впервые было опубликовано письмо Бениславской к Е. А. Есениной от 15 июня 1925 г. со словами: «Сейчас у Наседкина дядя Саша, от него узнаешь <о Есенине> остальное, то, чего я не знаю...»[32]. Это — однозначное свидетельство, что А. Ф. Титов приехал из Константинова в Москву именно 15 июня. Но тогда приведённую выше записку Толстой Есенину (где также говорится об этом как о событии текущего дня), безусловно, следует датировать тем же числом. Кроме того, её начало («...пожалела тебя будить...») неоспоримо подтверждает, что Есенин находился на квартире Толстой не только утром 17 июня (что очевидно из её записи на обороте календарного листка 16 июня), но и двумя днями ранее — утром 15 июня.

Таким образом, пометив в календаре под 14-м июня: «Ночевал Сахаров», Толстая при этом умолчала, что в ночь с 14 на 15 июня, кроме Сахарова, её постояльцем оказался и Есенин.

Запись, сделанная ею 15 июня, не менее скупа в информационном плане («Сергей и Наседк<ин>»). Но кое-какие подробности событий того дня содержатся в воспоминаниях последнего:

«Приехал за двумя тысячами[33] дядя Саша. Но Есенин сам занимает на папиросы.

Новых стихов нет. Достаёт из чемодана неотделанную поэму "Страна негодяев" (называлась ещё "Номах"), просит выбрать какой-нибудь отрывок для журнала "Город и деревня", в котором я тогда работал. На *другой день* приношу ему 150 рублей. Есенин расплачивается с мелкими долгами и даёт дяде Саше... на дорогу, а сам через день опять без копейки»[34].

Этот «*другой день*», т. е. 16 июня, продолжился событиями, последовательность которых – на основе сведений из воспоминаний Козлова[35] в сочетании с соответствующими календарными записями Толстой – выстраивается следующим образом.

Дав Титову денег на обратный проезд до дому, Есенин пишет письмо сестре Екатерине, предлагая ей немедленно приехать в Москву в связи со случившимися в его жизни переменами [VI, 216], и также отдаёт это письмо дяде для передачи адресату.

Затем (согласно записи в *Календаре ГМТ*: «С<ергей>, Нас<едкин> в Т<олстовском> Муз<ее>») поэт вместе с Наседкиным (и, судя по всему, с дядей) заходит в Музей Л. Н. Толстого, где видится с Толстой.

Далее, встретившись с Грузиновым на его квартире в доме 5 по Столешникову переулку (где, скорее всего, мог находиться и Сахаров, ночевавший тогда у Грузинова), Есенин вместе с ними и с двумя своими прежними спутниками отправляется осматривать квартиру, предлагаемую для сдачи в том же доме.

Подробности этого визита известны в изложении Козлова:

«Учась на рабфаке, я не переставал писать стихи и всё время думал, как встретиться с Сергеем Есениным.

А жил я в Столешниковом переулке в доме № 5, квартире 15 и был членом домоуправления Жилтоварищества. В этом же доме проживали Иван Васильевич Грузинов и Владимир Александрович Гиляровский.

Однажды <...> я сказал Грузинову, что мне очень хотелось бы встретиться с Сергеем Есениным.

– Ты работаешь в домоуправлении, я полагаю, что при твоей поддержке мы сумеем найти в нашем доме комнату для Есенина? – спросил меня Иван Васильевич.

– У нас есть две комнаты, которые можно сдать, – ответил я, – но там нет окон.

Совсем небольшие комнаты освещались через фонарное остекление потолка, так что свет дневной в них всё же был. Захочет ли Есенин здесь поселиться? Своими сомнениями я поделился с Грузиновым. Тот улыбнулся в ответ и заметил:

– Поедет, да ещё с какой охотой, ты Сергея не знаешь, он – человек свой.

Мы установили день, когда должен был прийти Есенин смотреть комнаты.

...И вот наконец раздался звонок... Четыре звонка... Это ко мне. Я быстро выбежал открывать дверь. Первым входит Иван Грузинов со словами:

– Ну, вот мы и пришли, да целой оравой.

Вошли в комнату – пять человек!

– А это вот сам Сергей Есенин, – проговорил Грузинов.

Я протянул Есенину руку и крепко пожал. Помню, он был в сером костюме, с небрежно завязанным галстуком. Наверное, в тот момент для меня перестали существовать все, пришедшие с ним.

— Я — известный юморист Сахаров, — назвался один из них, — а вот — знаменитый поэт (это был Василий Наседкин), ну а это есть вся Рязань и губерния дяди Есенина.

Он показал на деревенского мужичка — бородатого, в коротком пиджаке, в лаптях.

Есенин сел у стола, снял шляпу. На шутки Сахарова мягко улыбался.

— Ну, что же, товарищ Козлов, — обратился ко мне Есенин, — сумеем договориться?

— Думаю, что да.

Я предложил написать заявление, дал лист бумаги, он небрежно оторвал маленький кусок от листа.

— А что писать? — спросил Есенин.

Все засмеялись. Сахаров пошутил:

— Пиши, Сергей, стихами. Деньги получишь, а для Жилтоварищества память.

— В Жилтоварищество № 191... — подсказал я.

Есенин продолжал дальше, начав с просьбы: "Прошу правление Жилтоварищества предоставить мне фонарные две комнаты с семьёй в три человека, условия Ваши согласен, нуждаюсь. С. Есенин".

Я предложил ему осмотреть жильё.

Есенин заметил, что в комнатах пахнет сыростью, а потом улыбнулся:

— Ну, пошли, достаточно, посмотрели».

Затем Есенин, его сопровождающие и присоединившийся к ним Козлов «вышли на улицу. <...> Свернули по улице Дмитровке влево, остановились на трамвайной остановке.

— Передавай, что жив и здоров, — сказал Есенин, обращаясь к рязанскому мужичку.

— Приезжай, Серёжа.

— Хорошо, привет всем, — ответил Сергей».

После прощания с Титовым вся компания ненадолго заглянула в ближайший ресторан, где (по словам Козлова, за «двумя бутылками квасу») велась общая беседа. Встреча закончилась тем, что собеседники, что называется, разошлись по сторонам: мемуаристу запомнилось, что «Сергей и Сахаров спешили в кино, а мы с Грузиновым пошли домой».

Это подтверждается соответствующими календарными записями Толстой того дня (повторим их ещё раз): «С<ергей> и Сахаров. / Кино "Танцовщица из Бродвэя", "Карин, Ингмарова дочь"».

Согласно специальным разысканиям[36], 16 июня такая кинопрограмма шла только в одном из кинотеатров Москвы — «Колосс» (ул. Герцена, 13)[37], куда и пришли Есенин, Сахаров и Толстая. Что за фильм (скорее всего, американского производства) шёл в московском прокате под названием «Танцовщица из Брод-

вэя», не установлено. Кинокартина «Карин, Ингмарова дочь» была снята в 1920 г. шведским режиссёром Виктором Шёстрёмом (Victor Sjöström).

Завершился день 16 июня ужином Есенина в ресторане «Прага» (тогда называвшемся образцовой столовой Моссельпрома) в обществе Толстой и Сахарова (*Календарь ГМТ*).

* * *

События творческой и житейской биографии Есенина, о которых пойдёт речь ниже, непосредственного отражения в *Календаре ГМТ* не нашли. Однако кое в чём детализировать их удаётся сейчас лишь благодаря материалам, сохранённым вдовой поэта наряду с *Календарём ГМТ*. Эти материалы относятся к двадцатым числам сентября.

22 сентября Есенин начинает работать над стихотворением «Синий туман. Снеговое раздолье...» (эта дата проставлена рукою Толстой[38] на начальном черновом наброске его текста[39]). В своём комментарии 1940 г. к невышедшему Собранию сочинений поэта она отметила, что «над этим стихотворением Есенин работал, с перерывами, в течение трёх дней»[40]. Действительно, сначала указанный набросок был ею перепечатан, а затем поэт выправил эту машинопись и продолжил работу, завершив текст стихотворения 24 сентября (датировка вновь выполнена Толстой[41]).

Вопрос, чем же могли быть вызваны эти перерывы в творческой работе Есенина, до настоящего времени в исследовательской литературе не ставился.

Между тем, ещё в 1975 г. К. С. Есенин упомянул о документе, который после гибели поэта был найден в его чемодане, привезённом с собой из Москвы в Ленинград: «Не знаю уж, на память ли о поездке на родину, случайно ли — сохранялся в пресловутом чемодане билет, купленный в Дивове до Москвы. Верней, не билет, а плацкарта. За неё уплачено 26 копеек. Дата — *23.9.1925* г.»[42].

Когда эта плацкарта поступила на хранение в Государственный музей-заповедник С. А. Есенина, выяснилось, что сын поэта ошибся в её описании — она была выдана по маршруту Москва — Дивово, а не наоборот[43]. Таким образом, 23 сентября Есенин *выезжал* из столицы на родину, а не *возвращался* оттуда, так что перерыв в авторской записи стихотворения «Синий туман. Снеговое раздолье...», начатого 22 сентября, был безусловно связан с этим отъездом. Вернувшись 24 сентября, Есенин дописал стихотворение до конца.

Недавно автором этих строк было установлено, что поэт тогда ездил в Константиново не один. Кроме плацкарты из есенинского чемодана, обнаружилась парная к ней вторая плацкарта, сохранённая Толстой[44]. Обе эти плацкарты (№ 034518 и 034519) прилагались к билетам № 1800 и 1801, выданным кассой Московско-Казанской железной дороги 23 сентября 1925 г. на поезд 10 (вагон 9, места 17 и 18) до станции Дивово. На обороте плацкарты, оказавшейся у Толстой, — помета её рукою: «Ж. д. билет Сергея». Однако плацкарта самого Есени-

на так и осталась при нём (см. выше), так что пояснение Толстой на второй плацкарте, без сомнения, сделано со слов кого-то из родственников поэта. Очень возможно, что её информатором стала здесь Е. А. Есенина, которая вполне могла сопровождать брата в той поездке. Через несколько лет, передавая в Музей Есенина при Всероссийском союзе писателей собственную плацкарту, она могла посчитать, что за давностью времён между её плацкартой и аналогичной плацкартой брата существенной разницы нет – ведь всё равно поездка Есенина на родину состоялась... Впрочем, это лишь одна из гипотез. Нельзя всё же исключить и того, что поехать вместе с поэтом в Константиново мог тогда другой его родственник – Илья Есенин.

Это была последняя поездка Есенина в родные места. В мемуарной литературе нам встретилось только одно косвенное упоминание о ней – в беглых (и ныне практически забытых) воспоминаниях Г. М. Самарцева[45]. Из биографов Есенина к этому источнику ранее обращался, кажется, лишь один В. В. Базанов. В одной из своих статей он, следуя Самарцеву, отметил, что «в сентябре 1925 г. Есенин приезжал на родину и, в частности, останавливался на некоторое время в селе Чешуево <...>, в трёх к<ило>м<етрах> от Константинова...»[46].

* * *

С 23 сентября по 9 октября в календаре Толстой не появилось ни одной записи. Это, на наш взгляд, объясняется прежде всего болезненным состоянием поэта, которое стремительно вело к дальнейшему ухудшению внутрисемейных отношений, и ранее складывавшихся непросто. Лишь 10 октября Толстая помечает: «В Братовщину с Воронским», а под 11 октября записывает «Братовщина» (НН-34, 64). Эти записи, судя по всему, были сделаны в отсутствие Есенина, когда тот находился в названном подмосковном селе[47]. Не исключено, что при тогдашнем общении с А. К. Воронским поэт дал ему обещание прекратить встречи с собутыльниками – ведь, по свидетельству Наседкина, эти «пропойцы, которых Есенин не помнил и часто не знал совсем, преследовали его по улицам и на квартире. И в этом преследовании проявляли поразительную настойчивость»[48]. Разумеется, это лишь предположение. Однако, так или иначе, по возвращении Есенина в Москву в *Календаре ГМТ* на каждом из четырёх листков 12, 13, 14 и 15 октября мы находим одну и ту же помету Толстой: «Дома» (НН-34, 64).

Не выходя в те дни «на люди», Есенин пишет (14 октября) стихотворение «Свищет ветер, серебряный ветер...» [I, 289–290, 663]. Кроме того, он посылает с нарочными (братом Ильёй или сестрой Екатериной) записки друзьям и знакомым с различными просьбами. Вначале (13 и 14 октября) они вполне спокойны по тону (см.: [VI, 225]). Однако уже 16 октября, обращаясь к А. А. Берзинь с настоятельной просьбой о деньгах, он заканчивает свою записку так:

«P. S. Не употребляй спиртн<ых> напитков. Страшный вред здоровью и благополучию.

Я всегда это знал, потому и проповедую» [VI, 226].

В Полном собрании сочинений поэта этот его пассаж получил такой комментарий:

«Отчётливо саркастический оттенок этих слов, возможно, связан с нравоучениями, которые Есенину приходилось слышать от членов своей новой семьи. Ср. "Дай Бог, чтоб <...> С. А. действительно постарался исполнить то, что он мне обещал. Помни, помни, Соня, что *вино всегда яд*, а для него *тем паче*. Помни, чем это грозит ему, не шути с этим. И если нет *воли*, то лечи непременно" (из письма О. К. Толстой к дочери от 3 авг. 1925 г. — ГМТ, ф. С. А. Толстой-Есениной; выделено автором)» [VI, 733].

Осенью 1925 г. попытки уговорить Есенина пройти медицинское обследование предпринимались (как его женой, так и другими близкими ему людьми) не раз. В том или ином виде некоторые из этих попыток нашли отражение и в *Календаре ГМТ*: 7 сентября («Доктора <мн. ч.>»); 26 октября («Доктор Аменицкий»); 27 октября («Исследование»); 28 октября («Консилиум»).

Аналогичная помета Толстой «Доктор» (наряду с записью «Дома») есть и под числом 15 октября. Сохранились свидетельства тому, что в 1925 г. некоторые встречи поэта со служителями медицины (тем более, устроенные помимо его воли) вызывали у него резко негативную реакцию. Вот почему не особенно удивляет, что уже 17 октября, т. е. через день после визита доктора в Померанцев переулок, на листке *Календаря ГМТ* появляется не словесная запись Толстой, а её рисунок, вид которого напоминает горлышко открытой бутылки. Похожий рисунок имеется и на следующем календарном листке (18 октября)[49]. Позже (очевидно, уже после ухода Есенина из жизни) Толстая пояснит на листке 17 октября: «Это значит "пил", но я боялась что-ниб<удь> записывать».

Судя по всему, в один из этих дней между супругами происходит инцидент, упомянутый в дневнике Н. С. Ашукина:

«За последнее время алкоголь делает его <Есенина> почти безумным. Передают, что недавно он разбил всё лицо Софье Андр<еевне> Толстой»[50].

Её более поздние календарные записи медицинского характера 26–28 октября (см. их выше) показывают, что после этого случая Есенин всё же был вынужден согласиться на врачебное обследование. О том, где именно проходил консилиум специалистов по поводу его состояния, отмеченный в *Календаре ГМТ* 28 октября, мы узнаём из письма И. Вардина В. С. Липкину (от 12 ноября): «...Есенин в настоящее время находится под наблюдением Кремлёвской больницы. На днях его освидетельствовал консилиум больницы. В ближайшие дни Есенин будет помещён в одну из лечебниц»[51].

* * *

Вскоре поэт был госпитализирован в клинику 1-го Московского государственного университета, где находился с 26 ноября по 20 декабря (иногда, впро-

чем, ему в те дни разрешалось на какое-то время покидать это учреждение — как правило, под присмотром лечащего врача).

Хроника некоторых событий, в то время происходивших с Есениным или имевших к нему отношение, была опубликована нами (на основе оригинальных записей Толстой в *Календаре ГМТ*) семнадцать лет назад[52]. Вот фрагмент этого (ныне малодоступного) материала:

«1 Декабря. Запись Толстой: "У С. Тр. день". Т. Г. Никифорова предлагает читать слово "Тр." как "трудный". Скорее всего, это прочтение верное — ведь в этот же день Есениным написано стихотворение "Не гляди на меня с упрёком...", где есть строки, как бы подводящие итог отношений поэта с любящей его женщиной:

...Я презренья к тебе не таю,
Но люблю я твой взор с поволокой
И лукавую кротость твою.
.....
На мою охладевшую душу
Натыкались такие не раз.

Не тебя я люблю, дорогая,
Ты лишь отзвук, лишь только тень...

2 декабря. Запись Толстой: "1-ый разговор о расхождении" (последние два слова вписаны позже, карандашом).

3 декабря. На этом листке календаря Толстая сделала какую-то запись, но затем тщательно вычеркнула её; прочесть зачёркнутое не удалось. Далее следует пометка: "Родимов <так!> у С." (речь идёт о поэте П. А. Радимове).

4 декабря. Пометка Толстой: "У С." В этот день Есенин написал стихотворение "Ты меня не любишь, не жалеешь..."»[53]

Сведения о датах создания как этих, так и других стихотворений поэта, написанных в клинике, — «Клён ты мой опавший, клён заледенелый...» (28 ноября), «Какая ночь! Я не могу...» (30 ноября), «Может, поздно, может, слишком рано...» (13 декабря), — в календаре Толстой отражения не нашли. Но все эти даты проставлены на черновиках Есенина[54] именно её рукою[55]. На наш взгляд, это показывает, что, несмотря на отчётливо обозначившийся разлад между супругами, ведение своих литературных дел Есенин продолжал по-прежнему доверять Толстой, а не кому-то другому.

13 декабря она записывает в своём календаре: «У меня Касатк<ин>» (НН-34, 65). О чём шёл их разговор в тот день, прямых сведений нет. Тем не менее, теперь не остаётся сомнений, что его результатом стала договорённость о сдаче новых стихотворений Есенина в печать.

Подтверждением этому служит содержание одного из документов, хранящихся ныне в отделе рукописей ИМЛИ РАН. Речь идёт о четырёх есенинских стихотворениях – «Какая ночь! Я не могу...», «Не гляди на меня с упрёком...», «Ты меня не любишь, не жалеешь...» и «Может, поздно, может, слишком рано...» — в записи рукою Толстой[56]. До сих пор не принимались во внимание ни сама эта подборка[57], ни имеющиеся на её рукописи пометы, несомненно, редакционного характера:

— «Корпус обыкно<венный> / на шпа<лерах> / № 1 / Нов<ый> мир 17/XII»;

— «Оплачено "Кр<асной> Нивою" / Нов<ый> мир № 1 / корпус обыкно<венный>»[58].

Между тем, перед нами – документальное свидетельство того, что есенинские стихи, на рукописях которых эти пометы сделаны, были запущены в набор для январского номера «Нового мира» уже на четвёртый день после встречи Толстой и Касаткина. Стоит напомнить, что последний был не только членом редколлегии этого журнала, но и заведующим редакцией журнала «Красная нива», из средств которого, судя по второй из помет, предполагалось выплатить авторский гонорар.

Необходимо отметить, что стихотворение «Может, поздно, может, слишком рано...», завершающее наборную рукопись, о которой идёт речь, было, как уже говорилось, написано Есениным 13 декабря, т е. в тот же день, когда в Померанцевом переулке проходила беседа Касаткина с его женой. Очевидно, в тот момент у неё ещё не могло быть под рукой текста этого стихотворения. Нет сомнения, что она получила его от Есенина, когда тот был отпущен из клиники домой на время, то есть на следующий день (14 декабря) — в этот день Толстая записывает: «С<ергей> у нас» (НН-34, 65).

События 14 декабря, связанные с подготовкой стихов поэта к печати, скорее всего, имели такую последовательность. После рассказа жены о предложении Касаткина напечатать его новые произведения Есенин сам отобрал и расположил стихи для этой публикации, а затем попросил Толстую сделать списки с их автографов, что и было исполнено (чёрными чернилами).

В машинописной копии этих списков[59] имеется указание на наличие в них авторской правки, что до сих пор оставалось вне поля зрения исследователей. Архивист, перепечатывавший рукопись Толстой ещё в 1930-е гг., отметил в машинописи вариант 15-й строки стихотворения «Какая ночь! Я не могу...» следующим образом:

[Что тщетно липы манят нас]
Что липы тщетно манят нас, –

добавив рядом со строкой: «авт<орская> перестановка».

И в самом деле, строка, записанная Толстой так, как отображено выше в квадратных скобках, была выправлена самим Есениным – простым карандашом он обозначил, что слова «тщетно» и «липы» здесь нужно поменять местами. Подчеркнём, что данный источник текста является одним из последних, а, быть может, и самым последним материалом поэта, в подготовке которого к печати он принимал непосредственное участие.

Сохранилась ещё одна подборка тогдашних стихотворений Есенина – несколько иного состава и композиции – в копиях, также выполненных Толстой (судя по использованным чернилам, уже в другое время)[60]. К первой из них («Какая ночь! Я не могу...») она сделала примечание: «Всё проверено и исправлено Есениным. Переписывалось мною с рукописи»[61]. Между тем, 15-я строка этого стихотворения всё же осталась здесь (в отличие от списка, пошедшего в «Новый мир») неисправленной (см.: [IV, 317]). О причинах этого можно только гадать...

В связи с трагическим уходом поэта из жизни публикация его новых стихов, уже набранных для первого номера «Нового мира», была временно отложена. Он открылся поэмой Есенина «Чёрный человек»[62], находившейся в редакционном портфеле журнала с 14 ноября[63]. Стихи же, написанные в клинике, появились в его следующем номере[64]. В «новомирском» печатном тексте стихотворения «Ты меня не любишь, не жалеешь...», как и в его наборной рукописи, отсутствует шестая строфа, пропущенная Толстой при копировании автографа[65]. Проверяя копию, Есенин, очевидно, этой лакуны не заметил. Восстановлена она была (в январе – начале февраля 1926 г.) уже самой Толстой при подготовке последних стихотворений поэта к публикации в газете «Бакинский рабочий»[66].

* * *

В заключение – несколько слов о записях самого Есенина в *Календаре ГМТ*. В печати они впервые появились как записи, сделанные Толстой[67], будучи тем самым ошибочно ей приписаны. После того, как нами была проведена их атрибуция поэту, эти записи вошли во вторую книгу 7-го тома его Полного собрания сочинений (см.: [VII (2), 192, 194]). Впрочем, там они попали в рубрику под названием «Разные записи» (раздел «Рукою Есенина»), что никак не способствовало, насколько теперь проясняется, привлечению к ним читательского внимания. Воспроизведём поэтому написанное рукою Есенина в *Календаре ГМТ* ещё раз:

– «Должен быть / на вечере / муз.-лит. / Бюро» (31 октября);

– «позировать / в 2 часа» (17 ноября).

К сожалению, ныне, как и тринадцать лет назад, добавить к этим записям практически нечего – что́ за мероприятия были ими обозначены, не выявлено до сих пор.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Календарь хранится в фонде С. А. Толстой-Есениной (ГМТ, ф. 48, без шифра). Снимок его общего вида см.: Наше наследие. 1995. № 34. С. 60.

[2] *Никифорова Т. Г.* «...Горько видеть жизни край»: Сергей Есенин и Софья Толстая / Публ., вступление и примеч. // Наше наследие. 1995. № 34. С. 59–65. (100 лет со дня рождения С. А. Есенина). Ниже ссылки на эту публикацию (сокращённо обозначаемую как НН-34) даются по ходу изложения с указанием соответствующей страницы.

[3] Пользуюсь случаем сердечно поблагодарить сотрудников ГМТ Н. А. Калинину и Т. Г. Никифорову за всемерное содействие и постоянную помощь в этой работе.

[4] *Субботин С.* Не тебя я люблю, дорогая... // Терра инкогнита. М., 1996. № 2/3. С. 26–31.

[5] *Субботин С. И.* Женщины par excellence: Переписка М. М. Шкапской с С. А. Толстой. 1923–1928 / Вступ. ст., коммент. и публ. // Наше наследие. 2002. № 63/64. С. 128–150. Ниже ссылки на этот материал (сокращённо обозначаемый как НН-63/64) даются в тексте с указанием соответствующей страницы.

[6] Ныне первая книга тома находится в печати.

[7] *Наседкин В.* Последний год Есенина // С. А. Есенин: материалы к биографии. М., 1993. С. 213–214.

[8] *Есенина Е. А.* Москва. Часть третья: [Воспоминания] // *Наседкина Н.* В семье родной: Новые материалы о Сергее Есенине. М., 2001. С. 247.

[9] *Белоусов В.* Сергей Есенин: Лит. хроника. М., 1970. Ч. 2. С. 337–338.

[10] Ниже, как и в данном случае, её записи будут приводиться непосредственно по самому календарю с систематическим раскрытием (в угловых скобках) сокращений, имеющихся в оригинале. Цитаты, как правило, будут сопровождаться пометой: *Календарь ГМТ.* В первой публикации (НН-34) эти сокращения также были раскрыты, но повсеместно остались необозначенными.

[11] В первопечатном тексте (см.: НН-34, 60) её наличие не зафиксировано.

[12] НН-63/64, 130, примеч. 18. В НН-34 вместо «Лордкипидзе» стоит: «[нрзб.]».

[13] НН-63/64, 130, примеч. 18.

[14] Имеется в виду Б. Пильняк.

[15] НН-63/64, 139–140. Отметим попутно, что содержанием данного письма, по существу, опровергается рассказ Анны Абрамовны Берзинь (1897–1961) о том же событии, где оно отнесено к другому времени года, а его картина искажена до неузнаваемости (текст Берзинь см.: Кубань. 1970. № 7. С. 92–93; Есенин глазами женщин: антология / Сост., предисл. и коммент. П. Е. Фокина. СПб., 2006. С. 383–385).

[16] В первой публикации эта запись ошибочно воспроизведена как некая фамилия: «Згарицкий С.» (НН-34, 60).

[17] НН-63/64, 142, примеч. 16 (здесь с раскрытием сокращений и с пояснениями).

[18] НН-63/64, 142, примеч. 16.

[19] *Календарь ГМТ.* В НН-34 не отражено; публикуется впервые. Оценки (по пятибалльной системе) прочитанных Толстой книг, аналогичные процитированной, встречаются среди её записей не раз. Вот несколько примеров (*Календарь ГМТ*): «Всев. Иванов "Голубые пески" 3» (оборот листка

1 марта); «Горький "Сказки" 3» (оборот листка 16 марта); «"Моя жизнь дома и в Ясной Поляне" Т. А. Кузьминская 4» (оборот листка 30 марта).

[20] «"Отцвела моя белая липа", "К матери"» (*Календарь ГМТ*), т. е. стихотворения «Этой грусти теперь не рассыпать...» и «Письмо матери».

[21] Подробнее об этом эпизоде см.: *Субботин С. И.* Есенин в Баку: к хронологии событий апреля – мая 1925 г. // Биография и творчество Есенина в энциклопедическом формате: Сб. науч. трудов по материалам Междунар. науч. конф., посвящ. 116-летию со дня рождения С. А. Есенина. М.; Рязань; Константиново, 2012. С. 127, 133. – То же // Соврем. есениноведение. Рязань, 2012. № 22. С. 23, 28.

[22] Там же.

[23] В первопечатном тексте – ошибочно: «*Ночевал* Сергей Есенин» (НН-34, 61; курсив мой – *С. С.*).

[24] Раскрытие сокращений, данное в первой публикации этой записи, – «Встреча. Сергей Есенин» (НН-34, 61), – носит чисто формальный характер и, на наш взгляд, не вполне точно отражает её смысл.

[25] Цит. по: *Прокушев Ю.* Они знали Есенина: Из встреч с современниками поэта // День поэзии 1975. М., 1975. С. 188–189.

[26] *Календарь ГМТ.* В НН-34 отсутствует; публикуется впервые.

[27] *Календарь ГМТ.* Фамилия Д. К. Богомильского здесь вновь, как и после первой встречи Толстой с ним (см. место, сопровождённое примеч. 13), записана ею неточно.

[28] *Мануйлов В. А.* О Сергее Есенине // С. А. Есенин в воспоминаниях современников. М., 1986. Т. 2. С. 184–187.

[29] Прежде всего, можно вспомнить в этой связи его описание выступления Есенина с чтением драматической поэмы «Пугачёв» в Москве 6 августа 1921 г. (подробнее см.: Летопись жизни и творчества С. А. Есенина. М., 2005. Т. 3. Кн. 1. С. 162).

[30] Ныне их можно прочесть в кн.: *Вдовин В. А.* Факты – вещь упрямая: Труды о С. А. Есенине. М., 2008. С. 446–451.

[31] Имеется в виду издание «Сергей Есенин в стихах и жизни: Письма. Документы» (М., 1995).

[32] *Шубникова-Гусева Н. И.* Сергей Есенин и Галина Бениславская. СПб., 2008. С. 326.

[33] Обещанными Есениным родственнику незадолго до этого в Константинове (подробнее см.: *Наседкин В.* Последний год Есенина. С. 220).

[34] Там же. С. 221. Курсив мой. – *С. С.*

[35] Ниже они цитируются (без отсылок) по книге В. А. Вдовина (см. примеч. 30).

[36] Предпринятым Н. М. Солобай, которой автор очень признателен за помощь.

[37] Вечерняя Москва. 1925. 16 июня. № 134. Кинотеатром «Колосс» именовался тогда Большой зал консерватории, в 1924–1933 гг. арендованный кинокомпанией «Межрабпом» для показа фильмов.

[38] А не самим автором, как указывается в комментарии А. А. Козловского к произведению (см.: [I, 663]).

[39] См.: ГЛМ. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л 1.

[40] Цит. по: *Белоусов В.* Сергей Есенин: Лит. хроника. Ч. 2. С. 361.

[41] ГЛМ. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 2.

[42] *Есенин К. С.* Посмотрю-ка ещё на полку... // Есенин и современность. М., 1975. С. 378. Курсив мой. – *С. С.*

[43] См. её факсимильное воспроизведение в кн.: Есенинские раритеты: Каталог из фондового собрания / Гос. музей-заповедник С. А. Есенина. М.; [Рязань], 2011. С. 89.

[44] Шифр документа: ГЛМ. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 339 (Рнв 243/8, л. 7).

[45] См.: *Рубинштейн Т.* Он знал Есенина // Киришский факел. Кириши (Ленинград. обл.), 1970. 3 окт.

[46] *Базанов В. В.* Материалы к биографии С. А. Есенина // Есенин и современность. М., 1975. С. 338.

[47] Об этой поездке (со слов Есенина) есть упоминание у И. В. Евдокимова (см.: Сергей Есенин в стихах и жизни: Воспоминания современников. М., 1995. С. 470). Сведения о её целях и событийном содержании до сих пор не выявлены.

[48] *Наседкин В.* Последний год Есенина. С. 221.

[49] Имитацию этих рисунков (не вполне отображающую их оригинальный вид) см.: НН-34, 64.

[50] Новое литературное обозрение. 1998. № 33. С. 256 (запись от 30 октября). См. также в этой связи фрагмент воспоминаний А. А. Берэинь (Есенин глазами женщин. С. 390–391). Впрочем, знакомясь с этим материалом, не следует упускать из вида то, что было сказано выше о другом эпизоде, описанном в тех же воспоминаниях (см. примеч. 15).

[51] Сергей Есенин в стихах и жизни: Письма. Документы. С. 366.

[52] *Субботин С.* Не тебя я люблю, дорогая... // Терра инкогнита. М., 1996. № 2/3. С. 26–31.

[53] Там же. С. 27.

[54] Эти автографы входят в одну архивную единицу хранения: РГАЛИ. Ф. 190. Оп. 1. Ед. хр. 44.

[55] Начиная с 1960-х гг. и вплоть до настоящего времени считалось, что эти рукописи датированы самим автором (см.: *Есенин С.* Собр. соч.: В 5 т. М., 1962. Т. 3. С. 254–255; *Белоусов В.* Сергей Есенин: Лит. хроника. Ч. 2. С. 367, 368, 369; [IV, 441–443]).

[56] ИМЛИ. Ф. 32. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 1–5.

[57] В комментариях к четвёртому тому Полного собрания сочинений поэта (1996), куда вошли указанные стихи, сведений об этом материале нет (ср.: [IV, 442–443]).

[58] ИМЛИ. Ф. 32. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 1 и 5.

[59] Там же. Эта машинописная копия, находясь в той же архивной папке, что и сам список Толстой, архивной пагинацией, тем не менее, не снабжена.

[60] «Какая ночь! Я не могу...» (дважды); «Не гляди на меня с упрёком...»; «Ты меня не любишь, не жалеешь...»; «Клён ты мой опавший, клён заледенелый...»; «Кто я? Что я? Только лишь мечтатель...» (ГЛМ. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 68).

[61] Там же. Л. 1 (в [IV, 443] это примечание воспроизведено неточно). Аналогичная помета («Было проверено С. А. Есениным») имеется в составленном Толстой перечне «Переписанные разными лицами <тексты>» у первых строк стихотворений «Какая ночь! Я не могу...», «Не гляди на меня с упрёком...» и «Ты меня не любишь, не жалеешь...» (*Шубникова-Гусева Н. И.* Поэмы Есенина: От «Пророка» до «Чёрного человека». Творческая история, судьба, контекст и интерпретация. М., 2001. С. 502: факс.).

[62] Новый мир. 1926. № 1. С. 5–9.

[63] «Сдан "Чёрный человек"» (запись Толстой на соответствующем листке календаря – НН-34, 65).

[64] Новый мир. 1926. № 2. С. 5–8 (под общей шапкой: «Четыре стихотворения / Посмертные»).

[65] Ср.: ИМЛИ. Ф. 32. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 3–4; Новый мир. 1926. № 2. С. 7. Текст этой строфы см.: [IV, 239].

[66] Посмертные стихи Сергея Есенина // Бакинский рабочий. 1926. 12 февр. № 37.

[67] НН-34, 65 (записи от 31 октября и 17 ноября).

Д. И. Рублёв (Москва)

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН И АНАРХИСТЫ

Анархизм представляет собой одно из наиболее влиятельных политических течений в России первой четверти XX в. Интерес к идеям анархизма был достаточно распространён среди деятелей русской литературы. Так, Л. Н. Толстой считается теоретиком пацифистского христианского анархизма[1]. Христианско-анархистские идеи присущи также прозе и философской публицистике Д. С. Мережковского[2]. Широкую известность получил феномен «мистического анархизма» группы поэтов и литературных критиков. Среди них С. М. Городецкий, принадлежавший к кругу друзей С. А. Есенина[3]. Собственные анархистские концепции развивали в своих работах поэты Н. М. Минский (социал-гуманизм)[4] и К. А. Эрберг (иннормизм)[5]. Период кратковременного увлечения идеями анархизма пережили А. Белый, В. Я. Брюсов, О. Э. Мандельштам[6]. Период 1917–1921 гг. становится временем притяжения к анархизму представителей радикальных модернистских течений в литературе. Среди них: футуристы Т. Чурилин, А. Консе (Концевич), Баян, Пламень (вероятно, В. И. Сидоров); имажинисты (В. Шершеневич); биокосмисты А. Святогор (А. Агиенко), П. Иваницкий, А. Ярославский. Возникли литературные группы анархо-футуристов в Москве, Саратове и Харькове[7].

М. Никё указывает на основные точки соприкосновения с анархизмом в творчестве Есенина: «имажинизм и интерес к образу Махно»[8]. Среди имажинистов наиболее тесные связи с анархистами имел В. Г. Шершеневич, член Всероссийской федерации анархистской молодёжи (ВСЕФАМ) и редколлегии (с 1 июня 1919 г.) её печатного органа «Жизнь и творчество русской молодёжи». Его стихи, литературно-критические и общественно-политические статьи публиковались также на страницах газет «Труд и воля» (выпускалась Московским союзом анархистов-синдикалистов-коммунистов) и «Жизнь» (политическая и литературная газета, редактировавшаяся анархистскими публицистами А. А. Боровым и Я. И. Новомирским)[9]. Анархические симпатии Шершеневича сформировались ещё до революционных событий 1917 г. Он имел многолетние дружеские связи и переписку с А. Боровым. С сентября 1914 г. В. Г. Шершеневич находился в агентурной разработке Департамента полиции МВД по делам об анархистах в Москве[10]. Выступив на страницах анархистской печати «с ост-

рыми и злободневными статьями и рецензиями, направленными против политики советской власти в области литературы и искусства»[11], Шершеневич подвергся репрессиям. В ноябре 1919 г. он был арестован по обвинению в связях с «Анархистами подполья», совершившими взрыв в здании Московского комитета РКП(б) в Леонтьевском переулке, но вскоре освобождён под поручительство двух большевиков[12]. Вероятно, при поддержке Шершеневича на страницах «Жизни и творчества русской молодёжи» в рубриках «Искусство» и «Анархоискусство» появляются стихотворения[13] и литературно-критические статьи других имажинистов. Среди них стихотворение Есенина «А. Кусикову»[14]. С мая 1919 г. Есенин был указан в списке постоянных сотрудников журнала, давших своё согласие на сотрудничество в нём[15].

Есенина объединяли с имажинистами общие представления о независимости искусства от государственной политики. Так, в духе сопротивления идеологизации искусства коммунистической властью Никё трактует отрывок из «Ключей Марии» (сентябрь — ноябрь 1918 г.)[16]: «Гонители Святого Духа-мистицизма забыли, что в народе уже есть тайна о семи небесах, они осмеяли трёх китов, на которых держится, по народному представлению, земля, а того не поняли, что этим сказано то, что земля *плывёт*, что ночь — это время, когда киты спускаются за пищей в глубину морскую, что день есть время продолжения пути по морю. Душа наша Шехеразада. Ей не страшно, что Шахриар точит нож на растленную девственницу, она застрахована от него тысяча одной ночью корабля и вечностью просквaживающих небо ангелов. <...> То, что сейчас является нашим глазам в строительстве пролетарской культуры, мы называем: "Ной выпускает ворона". Мы знаем, что крылья ворона тяжелы, путь его недалек, он упадет, не только не долетев до материка, но даже не увидев его. Мы знаем, что он не вернется, знаем, что масличная ветвь будет принесена только голубем — образом, крылья которого спаяны верой человека не от классового осознания, а от осознания обстающего его храма вечности» [V, 213]. Безусловно, мысли Есенина сочетаются с высказанными в статьях Шершеневича идеями о несовместимости государственности со свободным развитием искусства. Таланту, находящемуся в оппозиции, государственная власть предпочитает лояльную бездарность, обеспечивающую идеологическое воздействие на граждан: «Искусство скована и убито слишком большим вниманием к нему государства. <...> Искусство не может свободно развиваться в рамках государства. Государство вообще есть тот шаблон земного шара, от которого не хватает смелости избавиться. <...> Государству нужно не искусство исканий, а искусство пропаганды»[17]. Для Шершеневича приемлема лишь абсолютная свобода творчества, свободная конкуренция различных течений, которая наступит после падения государства: «Мы — имажинисты — группа анархического искусства... Мы открыто кидаем свой лозунг: "Долой государство! *Да здравствует отделение государства от искусства!*"»[18]. Шершеневич называл имажинистов «группой анархического ис-

кусства». В числе анархистов (вставших под знамёна «анархического имажинизма») он упоминал и Есенина[19].

Порвавший с имажинистами Рюрик Ивнев, в 1915 г. помогавший молодому Есенину познакомиться с представителями литературных кругов Петрограда[20], также был одно время близок к анархистам. В 1918 г. он публиковал литературно-критические статьи в газете «Анархия», являвшейся органом Московской федерации анархистских групп (МФАГ)[21], прекратив сотрудничество в ней после разоружения отрядов «Чёрной гвардии» и массовых арестов анархистов в апреле 1918 г. За это А. Родченко и А. Струве обвинили Ивнева в следовании политической конъюнктуре[22].

Провозглашение имажинизма анархическим течением вызвало критические отзывы. Так, С. Клубень, близкий большевикам литературный критик из Тамбова, писал, что анархистские декларации имажинистов «есть ничто иное, как типичнейшая рекламная ложь», проявление беспринципности: «Больше всех нас удивляет Есенин. В такой короткий срок он делает немалый путь, – от эсэрства к анархизму. Воскликнет ли он теперь велегласно: "Мать моя родина, //Я — анархист"?»[23]

Язвительная полемическая статья принадлежит анархо-биокосмисту поэту Александру Святогору (Агиенко)[24]. Также обвиняя имажинистов в литературном шарлатанстве, он отрицает какие-либо анархические элементы в мировоззрении Есенина, сводя их к «бытовому» анархизму хулигана, который приписывают анархистам идейные противники: «Раньше "босые ноги он в лужах осенних макал, а теперь он ходит в цилиндре и лакированных башмаках". В нём силён деревенский озорник, "он готов нести хвост каждой лошади, как венчального платья шлейф". <...> И что общего с анархизмом у "циника, прицепившего к заднице фонарь"? (Есенин). Тут ни нового, ни анархического нет»[25]. Противоположной была позиция близкого анархистам поэта-биокосмиста Александра Борисовича Ярославского (1896–1930). В 1926–1928 гг. со своей женой Е. И. Маркон, как «невозвращенец», он оказался во временной эмиграции в Германии и Франции, где сблизился с русскими эмигрантами-анархистами, поддерживал контакты с Н. И. Махно, а также с выдающимися публицистами анархистской эмиграции России А. Беркманом и В. Волиным (Эйхенбаумом)[26]. В 1927 г. он опубликовал в Берлине стихотворение «Есенин на Тверской», написанное в связи со смертью поэта. Ярославский охотно популяризировал призванный эпатировать мещански настроенную публику образ Есенина, «хулигана» и «озорника»: «...Похороны... Горох слов / Отскакивающих от гроба. / – Изо всех столичных углов – / Лицемерья последняя проба... // Точно нищие, пересчитывающие в кружке // То, что к ночи собрать смогли, – // Мёртвого Есенина к мёртвому Пушкину / На Тверской бульвар отнесли. / И не знала толпы громадная задница, / Обозначенная вместо лица, / Что Есенин из гроба ехидно дразнится, // Язык повязывая галстуком мертвеца...»[27]

Контакты Есенина с участниками анархистского движения не исчерпывались кругом поэтов-имажинистов. Уже в 1915 г. можно обнаружить анархистов среди писателей — близких знакомых Есенина. Наиболее яркой фигурой среди них был Борис Алексеевич Верхоустинский (1888–1919) – близкий кругу крестьянских писателей поэт и прозаик. В 1905–1907 гг. он участвовал в деятельности анархистских организаций в Ярославле и Санкт-Петербурге. Наиболее известной среди них была петербургская группа анархистов-коммунистов «безначальцев» «Чёрный террор». В январе — марте 1907 г. группа готовилась к проведению боевых акций, выпустила листовку с призывом к бойкоту выборов в Государственную думу. Трижды он подвергался аресту за свою деятельность. В условиях поражения революции, разгрома анархистского движения в России по совету поэта С. М. Городецкого и прозаика А. Е. Зарина Верхоустинский начинает заниматься литературным творчеством, воспринимая его как одно из направлений анархической деятельности[28]. В воспоминаниях Городецкого содержится информация об участии Есенина и Верхоустинского в литературной группе «Краса»: «Группа эта всё росла и крепла, – писал позже Городецкий. – В неё входили, кроме Клюева и Есенина, мой сосед по камере в "Крестах", ученик и друг Борис Верхоустинский, Сергей Клычков, Александр Ширяевец. Все были ярко талантливы, все были объединены системой песенно-былинных образов»[29]. Стихи Верхоустинского и Есенина должны были выйти в сборнике «Краса» (1915), который так и не увидел свет [VII(3), 101–102]. Затем оба поэта сотрудничали в литературной группе «Страда». Они встречались и были знакомы. На это обстоятельство, в частности, указывает их совместный визит к председателю литературно-художественного общества «Страда» И. И. Ясинскому, состоявшийся в середине октября 1916 г.[30] В марте 1917 г. Верхоустинский совместно с К. Акашевым и И. Блейхманом организует Петроградский клуб анархистов[31], в декабре 1917 – апреле 1918 гг. входит в редколлегию печатного органа Петроградской федерации анархистских групп (ПФАГ) газеты «Буревестник», на страницах которой печатает свои статьи, стихотворения и рассказы.

В творчестве Верхоустинского и Есенина немало общего. Прежде всего, их объединяет эпическое восприятие природы, жизни крестьян, поиск бунтарского начала в народной культуре. Как и Есенин, Верхоустинский противопоставляет городское мироощущение деревенскому, что отразилось в его рассказах и поэмах из сборника «В лесах» (1914). Город в описании Верхоустинского полон игры, театральности, лицемерия: «В тысячеглазых домах вспыхивают желтовато-белёсые огоньки, такие слабые, такие болезненные. Холодные камни города похитили благородную душу священного Огня, оставив людям безжизненные тела, томящиеся в лампах, фонарях, стекле, фаянсе, бронзе и железе. Где воля, где неистовые стихии, где красные языки, вонзающиеся в небо и больно жалящие его? <...> Но крепки холодные объятия города и властен призыв его, — не

вырваться, не уйти: город — спрут»[32]. Для Есенина город враждебен людям, поскольку он вносит разлад между человеком и природой: «Бродил я в каменной пещере, / Как искушаемый монах. / Как муравьи кишели люди / Из щелей выдолбленных глыб, / И, схилясь, двигались их груди, / Что чешуя скорузлых рыб. / В моей душе так было гулко / В пелёнках камня и кремней. / На каждой ленте переулка / Стонал коровий рёв теней. / <...> Как об ножи стальной дорогой / Рвались на камнях сапоги, / И я услышал зык от Бога: / "Забудь, что видел, и беги!"» [IV, 104–105]. Мировоззрение крестьян, по Верхоустинскому, отличают искренность, подлинность чувств, широта души, любовь к жизни во всех её проявлениях. Так, герой рассказа «В лесах» Никон сперва продаёт хозяйство, рвёт с общиной и уходит монахом в лес. Пожив отшельником, он бросает келью и идёт в трактир гулять. Он свободен от условностей как в поиске религиозного спасения, так и в тоске по полноте жизни со всеми её радостями и соблазнами[33]. В рассказе «Вор» Верхоустинский возвращается к образу «человека леса» — путевому обходчику, живущему рыболовством, близкому к природе, крестьянской жизни. Его герой искренен как в гневе, так и в милосердии и любви к ближнему. В начале рассказа он избивает и привязывает на ночь к дереву в лесу бродягу, укравшего продукты, с большим трудом заготовленные героем для своей семьи. Однако он столь же широк и искренен в милосердии: раскаявшись в собственной жестокости, он освобождает бродягу, даёт ему хлеб и свою рубаху вместо разорванной в драке[34].

Произведения Верхоустинского сближает с есенинскими и голгофическая религиозность, осмысление событий Первой мировой войны и революции в апокалиптическом духе, согласно которому через неизбежную катастрофу, несущую в себе искупление грехов мира, Россия придёт к свободе, к духовному преображению. Такое мироощущение присутствует в поэме Верхоустинского «Спас», написанной по мотивам духовных песен хлыстов. В поэме отражается картина противостояния восставшего народа в лице его пророка «Христа-Иванушки» и государства, представленного царём Иваном Грозным. Несмотря на поражение восстания борьба заканчивается духовной победой «христа мужицкого» над царской властью и церковью: «Упадал гроза-Васильевич / До земли к ногам Иванушки: / "Путь твой, Спас, четыре стороны, –/ Супротив христа мужицкого, / Видно, мне никак не выстоять"»[35]. Затем, после бегства опричного войска, наступает время «воли» — аналог царства Божия на Земле, характеризуемого всеобщим прощением предавших «Христа»: «Ликовал он, лобызаючи / И предателя Иудушку, / И блаженненького Фомушку, / И блудницу Федосеюшку, / И апостолов возлюбленных, –//Всех-то верных, всех-то праведных, / Что стояли, горемыками, / С Спасом свидеться не чаяли»[36]. Мотивы искупительной жертвы во имя преображения страны присутствуют и в стихотворении «Железный голубь» (1914):

Собор Софийский в древнем Новеграде,
Как ветхий витязь давней старины,
Стоит нахмуренно, внимая шум волны:
Былого не вернуть... Печаль во взгляде.
Не буйствует Буслаев, буйства ради;
К струям безвестным не бегут челны;
Садко – богатый гость, не ценящий казны,
По мосту не идёт в златом наряде.
Железный голубь дремлет на соборе,
Он смотрит вдаль — поля, леса вдали...
Меч не блестит на дальнем косогоре.
И голубь спит, весь в ржавчине, в пыли, –
Но он слетит, когда поблёкнут зори,
Когда умрёт душа родной земли[37].

В этом стихотворении Верхоустинского очевидно созвучие с важной для творчества Есенина, получившей отражение в поэме «Марфа Посадница» темой истории вечевой республики Новгорода и её противостояния самодержавной монархии в лице Москвы.

Интерес к вечевым традициям средневековой Руси был близок и Григорию Дмитриевичу Дееву-Хомяковскому (1888–1946), выходцу из крестьянской среды, участнику революции 1905 г., поэту и прозаику крестьянского направления. В 1912 г. он опубликовал небольшое эссе «Вече и князь». В этом же году в Суриковском литературно-музыкальном кружке он познакомился с Есениным. В 1915 г. Деев-Хомяковский вышел из РСДРП и примкнул к организациям анархистов-коммунистов, с которыми сотрудничал вплоть до конца 1918 г. Затем он сблизился с левыми эсерами, в частности, вёл переписку и поддерживал дружеские отношения с одним из видных лидеров ПЛСР Зотовым. Деев-Хомяковский и Есенин в конце 1914 — начале 1915 гг. участвовали в подготовке первых номеров журнала «Друг народа»[38].

В 1918 г. к анархистским кругам был близок директор «Кафе поэтов», «футурист жизни» Владимир Робертович Гольцшмидт (1891–1957). В большей степени, нежели своими стихами, он был известен скандальными попытками ставить себе памятники, демонстрацией собственной физической силы, пропагандой йоги и иных, в том числе весьма сомнительных, практик оздоровления тела[39]. В 1918 г. Гольцшмидт был сотрудником анархистского журнала «Революционное творчество», издававшегося публицистом Ф. М. Неусыповым[40]. С Есениным Гольцшмидт познакомился в 1918 г. во время одного из своих выступлений в «Кафе поэтов». Информацию о его общении с Есениным в Баку в 1924 г. подтверждают в своих мемуарах Л. Файнштейн и Н. Вержбицкий[41].

С середины 1920-х гг. анархистом объявил себя Михаил Андреевич Осоргин (1878–1942), прозаик и журналист. В 1918 г. он написал свою первую рецензию на произведение Есенина (поэму «Преображение») и вскоре установил с ним дружеские отношения[42]. В письмах Осоргина, опубликованных А. Серковым и Я. Леонтьевым, можно встретить признания в том, что он разделяет анархическое мировоззрение[43], рассматривая его как «моральное учение, духовный аристократизм»[44]. Среди его корреспондентов в эмиграции была последовательница и близкий друг П. А. Кропоткина М. И. Гольдсмит. В архиве Международного института социальной истории (Амстердам) мной было обнаружено связанное с Осоргиным письмо анархиста С. Флешина к известному анархистскому публицисту А. Беркману от 15.11.1925 г. Флешин рассказывает об организации в Париже «Группы Самообразования имени П. А. Кропоткина», целью которой было просвещение молодых русских анархистов-эмигрантов. Лекции по современной русской литературе читал для них М. Осоргин. Его политические взгляды Флешин характеризует следующим образом: «Осоргин — известный русский беллетрист-публицист, быв[ший] левый кадет, недавно объявивший себя анархистом. Он ещё молодой человек и много обещает»[45]. В 1920-е гг. Осоргин сотрудничал в русской эмигрантской газете «Рассвет» (Чикаго), выпускавшейся анархистами-эмигрантами. В течение многих лет её редактором был Евгений Захарович Моравский (1897–1938), известный под псевдонимами «Долинин» и «Р. Эрманд», бывший член фракции анархистов-коммунистов во ВЦИК РСФСР, один из лидеров Всероссийской федерации анархистов-коммунистов. В 1919 г. он опубликовал в журнале «Жизнь и творчество русской молодёжи» два своих стихотворения[46]. Ставшая откликом на смерть С. А. Есенина статья Осоргина «Отговорила роща золотая», опубликованная впервые в парижской газете «Последние новости» (№ 1745, 1925, 31 декабря), была вскоре перепечатана в «Рассвете»[47]. Одновременно на его страницах появились другие материалы, связанные с Есениным. Это стихотворения («Возвращение на родину»[48], «До свиданья, мой друг, до свиданья...»[49], «Спит ковыль. Равнина дорогая...»[50], «Метель»[51] и др.), а также статьи о вечерах памяти Есенина, проведённых в Нью-Йорке и Москве[52].

В кругу знакомых Есенина можно встретить видных анархистских публицистов. Одним из них был Александр Николаевич Тюханов (1887–?), уроженец города Макарьева Костромской губернии, выходец из семьи рабочего, участник революции 1905–1907 гг., с 1918 г. – член Всероссийской федерации анархистов-коммунистов (ВФАК), автор пропагандистских брошюр и книги воспоминаний[53]. Представитель «мирного анархизма», близкого идеям Л. Н. Толстого, Тюханов был известен своими лекциями, в которых трактовал учение Иисуса Христа в анархистском духе[54]. Он выступал за конструктивную оппозицию анархистов Советской власти, считая её «меньшим злом» по сравнению с реставрацией буржуазно-помещичьих порядков[55]. В марте 1919 г. Тюханов вместе с Есениным, писателями И. В. Репиным и С. И. Гусевым-Оренбургским принял

участие в дискуссии о перспективах мировой революции, организованной левым эсером Г. Устиновым. Репин 6 марта 1919 г. сделал запись в альбоме, характеризующую позицию Тюханова: «Саша Тюханов говорит по Толстому вроде непротивления злу: "Мы не имеем права вмешиваться в чужую жизнь"»[56]. Среди видных деятелей анархистского движения, соприкасавшихся с Есениным, был А. А. Боровой. В номере выпускаемой им газеты «Жизнь» от 24(11) мая 1918 г. было опубликовано сообщение об издании сборника Есенина «Голубень». Есенин и Боровой на собрании 29 сентября 1921 г. были избраны кандидатами в действительные члены Вольной философской ассоциации (Вольфилы). В этом заседании участвовал и Я. Новомирский[57].

Дружеские связи с анархистами поддерживали и друзья Есенина, не принадлежавшие к этой среде. В первую очередь это касается поэта Алексея Алексеевича Ганина, одним из друзей которого был Олег Полярный (Виктор Иванович Дворяшин), поэт эго-футурист, уроженец г. Кашина. По мнению Я. В. Леонтьева, высока вероятность того, что он был членом федерации анархистов, действовавшей в Кашине в 1920 г. Во всяком случае, соавтор выпущенного им в 1920 г. сборника «Оазис»[58] Юрий Арди (Юрий Константинович Мацеевский) с 1917 г. был известен как один из авторов газеты «Анархия»[59]. Индивидуалистическая направленность эго-футуризма также сближала Полярного с анархистами. 27 марта 1925 г. О. Полярный вместе с Ганиным был осуждён по «Делу ордена русских фашистов», приговорён к расстрелу и 30 марта расстрелян.

Многие годы в дружбе с анархистом и политкаторжанином Андреем Никифоровичем Андреевым (1882–1962) поддерживал Лев Иосифович Повицкий, один из близких друзей Есенина, тесно общавшийся с ним в издательстве «Трудовая артель художников слова», мемуарист. В 1905–1917 гг. Повицкий участвовал в революционной деятельности, примыкая к меньшевикам. В 1910–1913 гг. он отбывал тюремное заключение в Херсонской каторжной тюрьме[60], где познакомился с А. Андреевым, осуждённым за организацию Свободной революционной боевой дружины «Свобода внутри нас», участие в экспроприациях. После освобождения из Херсонского централа в 1917 г. Андреев создаёт неонигилизм – учение, в рамках которого пытается сочетать идеи анархо-индивидуализма и анархо-коммунизма. Выходит сборник его статей «Неонигилизм» и книга «Се человек», трактующая в анархистском духе жизнь и идеи Иисуса Христа. В годы гражданской войны он ведёт подпольную борьбу против белых на Украине, в 1920-е гг. пытается как легальными, так и нелегальными методами бороться против большевистской диктатуры. В 1920–1953 гг. Андреев провёл в общей сложности 10 лет в заключении (из них 7 – в колымских лагерях) и 8 лет – в ссылках. Сопротивляясь произволу чекистов, он проводил многодневные голодовки, отправлял письма протеста в органы власти. Дружбу с этим человеком Повицкий сохранил на многие годы. Об этом свидетельствует сохранившаяся рукопись его речи, произнесённой в 1962 г. на похоронах Андреева.

В ней он излагает биографию Андреева, даёт характеристику его личностным качествам: «Перед нами твёрдый духом, уверенный в своих убеждениях, революционер». Подвергнув критике сталинские репрессии («чёрные дни сталинской реакции»), он дал высокую оценку моральным качествам Андреева и призвал издать его «литературное наследие» по анархизму, «увековечить перед нашей советской молодёжью его образ, как революционного мыслителя»[61].

Особое внимание исследователей привлекает фигура Н. И. Махно, об интересе к которому свидетельствует творчество Есенина[62]. Мы не можем согласиться с выводом М. Никё о том, что Нестор Махно заинтересовал Есенина уже после разгрома его движения: «Образ Махно занимает Есенина именно в 1920 г., когда эпопея вожака анархистов кончилась»[63]. Однако его вооружённая борьба завершилась лишь в 1921 г. 11 августа 1920 г., когда Есенин пишет свои знаменитые строки в письме к Евгении Лившиц, где сравнивает Махно с жеребёнком, состязающимся с поездом [VI, 117–118], махновцы ведут бои с Красной армией. До переговоров «заклятых друзей» (17 августа 1920 г.) о союзе оставалась одна неделя. До предательского удара Красной армии по союзникам-махновцам, ставшим «ненужными» после разгрома армии П. Н. Врангеля – почти три с половиной месяца (решение принято 14 ноября, Красная армия напала на Гуляй-Поле 26 ноября 1920 г.). До эвакуации Махно в Румынию (28 августа 1921 г.) – более года. В этом историческом контексте метафора из «Сорокоуста» относительно «красногривого жеребёнка» и «милого, смешного дуралея», пытающегося победить в неравной гонке паровоз – символ индустриальной цивилизации, выглядит как прогноз судьбы махновщины и крестьянского повстанчества в целом.

К размышлениям о махновщине Есенин возвращается в начале 1920-х гг. С 1921 г. он неоднократно обращался к мысли написать поэму «Гуляй-Поле», в которой планировал отразить реалии крестьянского повстанчества времён гражданской войны. В 2005 г. Н. Г. Юсов опубликовал набросок незавершённой поэмы Есенина, на основе которого сделал вывод о сочувственном отношении Сергея Александровича к Н. И. Махно[64]: «И встала первою Украйна / [Мятеж вел<икий>] / Мятеж крестьянский запаля, / И чтоб спаять их всех в звено, / Явился атаман Махно. / Махно! Махно! Как много песен / О нём поют [по деревням] теперь у нас, / Где каждый шаг его известен, / Где каждой бабе интересен / О нём какой-нибудь рассказ. / Курчавый с чёрной шевелюрой, / Его ли нам сравнять с Петлюрой, / с Антоновым иль с кем другим? / [Нет мы] / [нрзб.] Плечистый, низкорослый, бравый, / Мы все словетническою славой / [нрзб.] Гордимся только им одним. / [Он первым бросил грозный вызов] / [На тучу городских девизов]»[65]. Махно выведен в этом отрывке как признанный вождь крестьянства, сформулировавший его чаяния и бросивший вызов большевизму как идеологии города. С этой точки зрения он более яркая фигура, нежели Петлюра и Антонов, значение которых не выходит за рамки Украины или Тамбов-

щины. Упоминая махновское движение (городок Гуляй-поле) в поэме «Песнь о великом походе» (1924), Есенин подчёркивает значимость Махно в разгроме Деникина: «У околицы / Гуляй-полевой / Собиралися / Буйны головы, / Да как стали жечь, / Как давай палить! / У Деникина / Аж живот болит» [III, 133]. Вероятно, здесь идёт речь о наступлении махновцев против Добровольческой армии в конце сентября – октябре 1919 г., в результате которого на месяц под их контроль перешёл ряд крупных городов на Украине – Александровск, Бердянск, Екатеринослав и др. Были прерваны коммуникации белых, нарушено снабжение армии Деникина. Их значительные силы оказались втянуты в многомесячную борьбу с повстанцами и отвлечены от удара на Москву[66].

В 1922–1923 гг. Есенин возвращается к теме махновщины в поэме «Страна Негодяев». Важный момент в произведении — перемещение повстанцев Номаха в центральную Россию: «Я знаю этого парня, / Что орудует в этих краях. / Он, кажется, родом с Украйны / И кличку носит Номах». И далее: «Уже с прошлого года / Стало известно, / Что он со всей бандой перебрался сюда» [III, 82–83]. Такой поворот сюжета имел под собой реальные события: летом 1921 г. отряды махновцев прорываются в Россию – на Дон и Кубань, в Курскую, Белгородскую, Воронежскую и Тамбовскую губернии[67].

Номах в поэме излагает взгляды, в основе которых лежат анархистские принципы – отрицание государства и любой власти, космополитизм, представление об общественном устройстве как результате «свободного договора». Он разделяет и характерные для радикальных течений анархизма романтические представления о преступниках, сочетая их с антимещанской риторикой, присущей литературной богеме: «Мне нравятся жулики и воры. / Мне нравятся груди, / От гнева спёртые. / Люди устраивают договоры, / А я посылаю их к чёрту. / Кто смеет мне быть правителем? / Пусть те, кому дорог хлев, / Называются гражданами и жителями / И жиреют в паршивом тепле. / Это всё твари тленные! / Предмет для навозных куч! / А я гражданин вселенной, / Я живу, как я сам хочу!». И далее: «Я теперь вконец отказался от многого, / И в особенности от государства, / Как от мысли праздной, / Оттого что постиг я, / Что всё это договор, / Договор зверей окраски разной» [III, 61–62]. Как анархист, Номах критикует большевиков «слева», за умеренность их политики: «Неужели ты не видишь? Не поймёшь, / Что такого равенства не надо? / Ваше равенство – обман и ложь» [III, 66]. В качестве альтернативы большевистскому «равенству», откладывающему социально-утопический «рай» на будущее, он предлагает осуществить равенство «сегодня» с помощью немедленной экспроприации богатств с наделением бедняков: «Я хочу сделать для бедных праздник». И далее: «Всё, что возьму, –/ Я всё отдам другим / Мне нравится игра, / Ни слава и ни злато. / Приятно мне под небом голубым / Утешить бедного и вшивого собрата» [III, 67]. Подобные действия характеризовали многие социальные эксперименты анархистов, в том числе махновцев, в 1919 г. рас-

пределявших среди нуждающихся в Александровске и Екатеринославе деньги, изъятые у буржуазии.

Как и Махно, Номах уходит за границу, планируя вернуться, чтобы возглавить повстанческую армию. Для этого предназначено захваченное им у большевиков золото: «У меня созревает мысль / О российском перевороте, / Лишь бы только мы крепко сошлись, / Как до этого в нашей работе. / <...> Мне хочется вызвать тех, / Что на Марксе жиреют, как янки. / Мы посмотрим их храбрость и смех, / Когда двинутся наши танки» [III, 96]. В 1921 г. из Румынии Нестор Иванович бежал в Польшу. Туда же собирается Номах. В годы нэпа, когда создавалась «Страна Негодяев», среди анархистов и близких Есенину левых эсеров были популярны ожидания «третьей» революции, которая свергнет большевиков и приведёт к установлению социалистической системы, основанной на народном самоуправлении и отвечающей общинным идеалам крестьянства. Важный элемент, дополняющий представления о Махно – это финальная сцена с портретом Петра I, который Есенин помещает в комнату, где скрывается Номах. Из тайника, сквозь глаза в портрете Петра, он смотрит на своего преследователя. Является ли этот эпизод насмешкой над большевиками? Ведь комиссар Рассветов в поэме грезит о перевороте, подобном петровскому. Или же Есенин примеривает Махно роль нового Петра I, которому в ходе грядущей революции предназначено совершить «российский переворот»? Второе маловероятно, ведь образ Петра, выведенный Есениным в «Песни о великом походе», был далёк от апологетики.

В этой поэме упоминается и Махно, как фигура, отдельная от Номаха. В уста комиссара Чарина Есенин вложил повторенную затем в поэме «Гуляй-Поле» мысль о популярности Махно в народе: «Кто сумеет закрыть окно, / Чтоб не видеть, как свора острожная / И крестьянство так любят Махно?» Причины популярности махновщины Есенин видит в разочаровании народа в политике большевиков. В монологе Чарина, характеризующем политику советской власти, мы видим перечисление всех реалий современной поэту жизни. Здесь и возрождение буржуазии при нэпе: «Ведь и золота мы хотим. / И у нас биржевая клоака / Расстилает свой едкий дым. / Никому ведь не станет в новинки, / Что в кремлёвские буфера / Уцепились когтями с Ильинки / Маклера, маклера, маклера...». Это и продразвёрстка, сменившаяся в годы нэпа усиленным налогообложением крестьянства: «И в ответ партийной команде, / За налоги на крестьянский труд, / По стране свищет банда на банде, / Волю власти считая за кнут». И далее: «Их озлобили наши поборы». И политика террора: «Потому что мы очень строги, / А на строгость ту зол народ...» [III, 75–76]. Есенин даёт понять: в глазах народа «бандитами», «негодяями», преступниками являются не Номах и не настоящий Махно, а комиссары, «что на Марксе жиреют, как янки» [III, 96], вроде Чекистова или мечтающего о тотальной урбанизации Рассветова. Повстанцы, напротив, выражают волю народа: «Потому им и любы бандиты, / Что всосали в себя их гнев. / Нужно прямо сказать, открыто, / Что республика

наша – blef» [III, 75–76]. Есенин же пытается освободить их от негативных наименований: «Барсук. Разве ты себя считаешь негодяем? / 1-й повстанец. Я не считаю, / Но нас считают. / 2-й повстанец. Считала лисица / Ворон на дереве» [III, 93]. «Негодяями» их считают большевики (Чекистов и Рассветов), рассматривающие и Россию, как «страну негодяев» — никчёмных людей, бандитов, варваров, которых предстоит покорить силой и «цивилизовать»: «Подождите! / Лишь только клизму / Мы поставим стальную стране, / Вот тогда и конец бандитизму, / Вот тогда и конец резне» [III, 77].

У нас, конечно, нет достаточных оснований утверждать, что Есенин полностью разделял анархистские идеи. Однако в его творчестве можно проследить симпатии к анархизму. Прежде всего они проявились в признаваемой Есениным имажинистской программе «отделения государства от искусства». Можно считать установленным фактом и симпатии Есенина к Н. И. Махно как вождю крестьянского повстанческого движения. Учитывая знакомства Есенина как с литераторами, близкими анархистским кругам, так и с участниками движения, можно предположить, что он имел возможность через этих людей получить представление об анархическом учении, информацию о деятельности анархистов, в том числе и о махновщине.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Кривенький В. В.* Толстовство // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М. 1996. С. 610; *Рефало А.* Л. Н. Толстой о государстве и власти // Яснополянский сборник-2002: Статьи, материалы, публикации. Тула. 2003. С. 29–37; *Эльцбахер П.* Анархизм. М. 2009. С. 17, 179–227.

[2] *Волкогонова О. Д.* Религиозный анархизм Д. Мережковского // http://philosophy.ru/library/volk/merez.html

[3] *Аладышкин И. В.* Из истории петербургских мистических анархистов // История Петербурга. 2008. № 4. С. 61–67; *Кривенький В. В.* Анархисты-индивидуалисты // Политические партии России. С. 35.

[4] См., например: *Минский Н. М.* Идея русской революции // Перевал. 1906. № 1; 1907. № 7.

[5] *Белоус В. Г.* ВОЛЬФИЛА [Петроградская вольная философская ассоциация]: 1919–1924. Кн. II. М. 2005. С. 548–580.

[6] *Валентинов Н.* (Н. Вольский). Два года с символистами. М. 2000. С. 39–50; *Рублёв Д. И.* Диктатура интеллектуалов? Проблема «интеллигенция и революция» в российской анархистской публицистике конца XIX – начала XX веков. М. МГУП. 2010. С. 112–113; *Шенталинский В. А.* Рабы свободы: в литературных архивах КГБ. М. 1995. С. 232.

[7] Жизнь и творчество русской молодёжи. № 24–25. С. 8; The Anarchists in the Russian Revolution. Edited by P. Avrich. London. 1973. P. 52–54.

[8] См.: *Никё М.* Есенин и анархизм // Наследие Есенина и русская национальная идея: современный взгляд. Материалы Международной научной конференции. Рязань. 2005. С. 164.

[9] Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. Т. 1. Ч. 1. Москва и Петроград. 1917–1920 гг. М. 2005. С. 170.

[10] *Дроздков В. А.* «Достались нам в удел года совсем плохие...» (В. Г. Шершеневич в 1919 и 1922 годах) // Новое литературное обозрение. 1998. № 2 (30). С. 121–124.

[11] Там же. С. 124.

[12] Там же. С. 125–126.

[13] См., например: *Кусиков А.* Белый конь // Жизнь и творчество русской молодёжи. 1919. 13 апреля. № 28–29. С. 5; *Мариенгоф А.* «Возьми мою душу, как паникадило» // Жизнь и творчество русской молодёжи. 1919. 4 мая. № 30–31. С. 5; *Эрдман Н.* «Осени осенью осень» // Жизнь и творчество русской молодёжи. 1919. 4 мая. № 30–31. С. 5.

[14] *Есенин С.* А. Кусикову // Жизнь и творчество русской молодёжи. 1919. 1 июня. № 34–35. С. 5.

[15] Жизнь и творчество русской молодёжи. 1919. 4 мая. № 30–31. С. 8.

[16] *Никё М.* Есенин и анархизм. С. 165.

[17] *Шершеневич В. Г.* Искусство и государство // Жизнь и творчество русской молодёжи. 1919. 13 апреля. № 28–29. С. 5.

[18] Там же.

[19] Там же.

[20] Анатолий Мариенгоф о Сергее Есенине. М. 2006. С. 10–11; *Ивнев Р.* Жар прожитых лет. Воспоминания, дневники, письма. СПб. 2007. С. 146–148.

[21] См.: *Ивнев Р.* Жар прожитых лет. Воспоминания, дневники, письма. С. 184–189, 191–193.

[22] Литературная жизнь России 1920-х годов. Т. 1. Ч. 1. С. 140.

[23] *Клубень С.* Имажинисты // Грядущая культура. Журнал пролетарского творчества. 1919. Апрель — май. № 6-7. С. 31.

[24] *Святогор А.* Лавочка поэтов (Вместо отзыва о поступивших в ред. «Универсала» книжках имажинистов) // Универсал. 1921. № 1–2. С. 32–33.

[25] Там же. С. 33.

[26] *Генис В. Л.* Неверные слуги режима. Первые советские невозвращенцы (1920–1933). Кн. 1. М. 2009. С. 413–415.

[27] Там же. С. 410.

[28] *Верхоустинский Б. А.* Воскресший протопоп Аввакум или ответ синдикалистам // Буревестник. 1918. 4 января. № 1(40). С. 3; *Чанцев А. В.* Верхоустинский Б. А. // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 1. А — Г. М.: Советская энциклопедия. 1989. С. 432–433.

[29] *Городецкий С. М.* О Сергее Есенине Воспоминания // http://esenin.ru/vospominaniya/ gorodetskiy-sergey-o-sergee-esenine-vospominaniya-publikatsiya-1926-g.html

[30] Летопись жизни и творчества С. А. Есенина: В 5 т. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН. С. 396.

[31] *Верхоустинский Б. А.* Воскресший протопоп Аввакум. С. 3.

[32] *Верхоустинский Б. А.* Во лесях. Рассказы. Поэмы. Апокрифы. СПб.: Шиповник. 1914. С. 74–75.

[33] *Верхоустинский Б. А.* Во лесях. С. 7–31.

[34] Там же. С. 79–97.

[35] Там же. С. 183.

[36] Там же.

[37] Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. 1914. № 5. С. 4.

[38] Летопись жизни и творчества С.А.Есенина. Т. 1. С. 198–201. *Сучков С. В.* Деев-Хомяковский // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 2. М.: Научное издательство «Большая Российская Энциклопедия». ФИАНИТ. 1992. С. 95–96.

[39] *Скороходов М. В.* Биографические статьи Есенинской энциклопедии: проблемы составления словника // Биография и творчество Сергея Есенина в энциклопедическом формате: Сборник научных трудов по материалам Международной научной конференции, посвящённой 116-летию со дня рождения С. А. Есенина. М. – Рязань – Константиново. 2012. С. 54–57. *Он же.* Отклики на смерть как материалы к биографии // Десятые биографические чтения памяти Вениамина Иофе «Право на имя: Биографика 20 века». СПб., 2013. С. 133–139.

[40] Революционное творчество. 1918. Январь – февраль. № 1–2. С. 2.

[41] *Скороходов М. В.* Биографические статьи Есенинской энциклопедии. С. 51, 61–62.

[42] *Дядичев В. Н.* «Маяковский», «Осоргин», «Цветаева» как примеры персональных статей Есенинской энциклопедии // Биография и творчество Сергея Есенина в энциклопедическом формате: Сборник научных трудов по материалам Международной научной конференции, посвящённой 116-летию со дня рождения С. А. Есенина. М. – Рязань. – Константиново. М., 2012. С. 80–82; Русское зарубежье о Есенине. Воспоминания, эссе, очерки, рецензии, статьи. М.: ИНКОН, 1993. Т. 2. С. 45–47, 160.

[43] Разговор «Через решётку». Публикация А. Серкова // Звенья: исторический альманах. Вып. 2. М.-СПб. 1992. С. 515–516: *Леонтьев Я. В.* Михаил Осоргин об анархизме // Прямухинские чтения 2004 года. Тверь – Прямухино. 2005. С. 91–94.

[44] *Леонтьев Я. В.* Михаил Осоргин об анархизме. С. 94.

[45] International Institute of Social History (IISH), Amsterdam. Alexander Berkman Papers. 22.

[46] *Эрманд Р.* [Моравский Е. З.] К звёздам. Сонет // Жизнь и творчество русской молодёжи. 1919. 5 января. № 17. С. 6; *Его же.* К смерти. Светлой памяти моего отца // Жизнь и творчество русской молодёжи. 1919. 26 января. № 20. С. 3.

[47] *Осоргин М.* «Отговорила роща золотая» // Рассвет. 1926. 23 января. № 509. С. 3.

[48] Рассвет. 1926. 16 января. № 503. С. 3.

[49] Последнее стихотворение Есенина // Рассвет. 1926. 22 января. № 508. С. 1.

[50] Рассвет. 1926. 1 февраля. № 516. С. 2.

[51] Рассвет. 1926. 3 февраля. № 518.

[52] Вечер Есенина // Рассвет. 1926. 5 января. № 493. С. 1; *С. В.* Вечер памяти С. Есенина в Москве // Рассвет. 1926. 30 января. № 515. С. 2.

[53] *Брихничев И., Тюханов А.* Война войне. М. 1917; *Тюханов А.* Почему необходима, что даст и когда возможна социальная революция. М. 1917; *Его же.* Что такое анархия. М. 1917; *Его же.* Палубная походка. М.-Л.: Государственное издательство художественной литературы. 1931.

[54] *Канев С. Н.* Октябрьская революция и крах анархизма (Борьба партии большевиков против анархизма. 1917–1922 гг.). М.: Мысль. 1974. С. 44.

[55] *Тюханов А.* Анархизм и Советы // Вольная жизнь. 1919. Ноябрь. № 2. С. 6–7.

[56] Летопись жизни и творчества С. А. Есенина. Т. 2. М. ИМЛИ РАН. 2005. С. 236.

[57] *Белоус В. Г.* ВОЛЬФИЛА [Петроградская Вольная Философская Ассоциация]: 1919–1924. Кн. II. С. 208–210.

[58] *Полярный О., Арди Ю.* Оазис. Кашин. 1920.

[59] Летейская библиотека-31 // http://lucas-v-leyden.livejournal.com/72343.html

[60] Политическая каторга и ссылка. Биографический справочник членов Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. М.: Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. 1934. С. 501.

[61] Архив МИЛО «Возвращение». Фонд Андреев Андрей Никифорович. Папка 4. Опись 16–25. Л. 4–5.

[62] См.: *Никё М.* Есенин и анархизм. С. 165–167; *Юсов Н. Г.* О поэме «Гуляй-Поле» // Слово. 2005. № 5. С. 46–47.

[63] *Никё М.* Есенин и анархизм. С. 165.

[64] *Юсов Н. Г.* О поэме «Гуляй-Поле». С. 47.

[65] Там же. С. 47.

[66] См.: *Шубин А. В.* Анархия – мать порядка. Между красными и белыми. М.: Яуза, Эксмо. 2005. С. 233–235; *Голованов В. Я.* Нестор Махно. М.: Молодая гвардия. 2008. С. 205–219.

[67] *Шубин А.* В. Анархия – мать порядка. С. 351, 369; *Голованов В. Я.* Нестор Махно. С. 397, 405, 411; *Борисов Д. А.* Колесниковщина. Антикоммунистическое восстание воронежского крестьянства в 1920–1921 гг. М.: Посев. 2012. С. 50, 52–54, 56–57, 76; *Ященко В. Г.* Антибольшевистское повстанчество в Нижнем Поволжье и на Среднем Дону: 1918–1923 гг. М.: ЛИБРОКОМ. 2008. С. 77–80.

***Я. В. Леонтьев** (Москва)*

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН И СОЦИАЛИСТЫ-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ: РАЗМЫШЛЕНИЯ О БОРИСЕ ДОНСКОМ

«Зёрна глаз твоих осыпались,
завяли, – имя тонкое растаяло
как звук» – это относится к Боре».
Из письма И. К. Каховской

Тема «Есенин и социалисты-революционеры» будет неполна без рассмотрения сюжета о знакомстве поэта с легендарным левоэсеровским террористом Борисом Донским или хотя бы об осведомлённости Сергея Есенина о взрыве в центре Киева и казни отважного матроса-партизана.

По данным, которые помог уточнить рязанский исследователь Ю. В. Блудов, в документах Рязанской духовной консистории, хранящихся в Государственном архиве Рязанской области (ГАРО), по причту церкви с. Гладкие Выселки Михайловского уезда Рязанской губернии имеется актовая запись под № 39 от 24 июля 1895 г. Согласно метрической записи о крещении Бориса Донского, он родился 22 июля 1895 г. Отцом ребёнка был крестьянин с. Гладкие Выселки Михаил Тимофеев Донской, матерью – его законная жена Анна Петровна, оба православного вероисповедания. Восприемниками при крещении были солдат Александр Филиппов Донской и крестьянская жена Евгения Тимофеева (фамилия неразборчива, край документа зашит). Таинство крещения совершал священник Иоанн Кочуров с причтом[1].

В семье Михаила Тимофеевича и Анны Петровны (в девичестве Касатиковой) было четверо детей. По воспоминаниям родни, Борис был младшим сыном, любимчиком матери. Семья жила в селе, а её глава занимался отхожим промыслом, уезжая на длительное время в Санкт-Петербург. По окончания детьми местной церковно-приходской школы отец забрал двух сыновей – Бориса и Фёдора – в столицу. 15-летнего Бориса он определил на Балтийский завод учеником слесаря. Вероятно, одним из первых ярких общественно-политических впечатлений стали для него так называемые «толстовские дни», когда по стране прошли многочисленные манифестации по случаю смерти писателя. Не отсюда ли началось его увлечение толстовским учением? Его возлюбленная и соратница

по Боевой организации левых эсеров Ирина Каховская вспоминала: «Первые годы своей питерской жизни Борис увлекался толстовством (о Толстом он слышал ещё в деревне) и, уже участвуя в политических рабочих кружках, долго ещё исповедовал толстовские убеждения»[2].

При мобилизации промышленных рабочих в связи с началом Первой мировой войны Донской был зачислен во 2-й Балтийский флотский экипаж. Служить ему довелось в качестве минного машиниста на транспортном судне «Азия». Спущенное на воду ещё в 1873 г, оно успело побывать и крейсером, и посыльным судном. Почти четыре десятилетия оно находилось в ведении военно-морского флота, а затем было списано и превратилось в экскурсионный пароход «Кавказ».

После начала войны морское ведомство вернуло корабль обратно в своё распоряжение и 11 сентября 1914 г. его под прежним наименованием в качестве транспорта зачислили в состав Партии заграждения Биорке. 20 сентября «Азия» вновь после трёхлетнего перерыва подняла Андреевский флаг и вступила в военную кампанию. Вскоре Партия заграждения была преобразована в Охрану водного района (ОВР) Биорке. 8 ноября 1915 г. командующий Балтийским флотом своим приказом расформировал ОВР, распределив её суда по другим соединениям. В результате этой реорганизации «Азию» передали в подчинение начальника Учебных отрядов и отдела плавучих учебных судов Балтийского моря с местом приписки в Кронштадте. После того как «Азия» перешла из Финляндии в тыловую базу флота, её включили в состав Учебно-минного отряда. В этой связи 20 мая 1916 г. транспорт причислили к классу учебных судов. Впоследствии судно в основном использовалось для обеспечения подготовки минёров эскадренных миноносцев, получив на вооружение в этих целях два трёхтрубных 18-дм (457-мм) минных аппарата, которые были установлены побортно на верхней палубе.

Реакцией на царившие в то время на флоте офицерские грубости и рукоприкладство стал переход Донского на революционные позиции. Каховской запомнилось, как «с большим страданием Борис вспоминал, как однажды его били ремнём по лицу за недостаточно почтительный тон»[3]. В 1916 г. Донской присоединился к эсерам, за что в итоге поплатился заключением в плавучую тюрьму. Однако грянувшая Февральская революция не только принесла ему освобождение, но и выдвинула недавнего узника в число признанных лидеров среди балтийских моряков. Его сразу же избрали в Исполком Кронштадтского совета, а затем и в Кронштадтский комитет партии эсеров.

По политическим делам ему доводилось бывать в столице Финляндии, где находились Гельсингфорский совет армии, флота и рабочих и Областной исполнительный комитет совдепов Финляндии. В апреле 1917 г. по инициативе Кронштадтского совета была предпринята делегатская поездка по фронтам, которую скрепя сердце, после бурных переговоров с ним, был вынужден санкциониро-

вать военный министр А. И. Гучков. В состав делегации входила группа солдат и матросов, включая известных впоследствии большевиков, подобно Донскому погибших во время Гражданской войны, — унтер-офицера Степана Гридюшко и матроса Павла Хохрякова. Лично Донской участвовал в поездке на всех её этапах, начиная с посещения армейского съезда XII армии в Риге, штаба VII армии в Двинске и штаба I армии в Белой Церкви под Киевом. Как свидетельствовал участник поездки А. Попов, начальник штаба последней из армий генерал И. Р. Довбор-Мусницкий согласился направить их в окопы. По словам мемуариста, «мы объехали огромную территорию. Приём со стороны солдатской массы был всюду одинаково хорош. Наше присутствие вызывало бесконечные восторги энтузиазма, доходящие до экстаза, слёзы и прочее. Мы создавали определённые настроения, разъясняли ближайшие задачи момента. <...> Иногда дело доходило прямо до обожания нас, красных матросов. Нас ждали за несколько дней, просили быть там, в другом, пятом месте в первую очередь. Тянули, что называется, во все стороны. Доходили до того, что часто носили на руках, становились в очередь только для того, чтобы обнять и поцеловать дорогих товарищей матросов»[4].

В Кронштадт их группа вернулась самой последней. Познакомившаяся с Донским летом или в начале осени 1917 г. И. К. Каховская стала свидетелем его продолжавшегося взлёта: «Он пользовался громадной популярностью в Кронштадте, и матросская масса постоянно выдвигала его во всё тяжелые и ответственные минуты на передовые роли. Партия ценила в нём крупного массового работника, обаятельного, редкой душевной чистоты человека и драгоценного товарища. Он остался у всех в памяти светлый, торопливый, с весёло озабоченным лицом, освещённым огромными серо-зелёными глазами, глядевшими внимательно, с трогательной доверчивостью, прямо в душу»[5].

Искренность и добродушие располагали к нему самых разных людей, вплоть до идейных оппонентов. Небезызвестный мичман-большевик Ф. Ф. Раскольников писал: «Донской был одним из самых симпатичных работников Кронштадтской левоэсеровской организации. Развитой, очень смышлёный матрос, он обладал боевым темпераментом. Молодой, невысокого роста, с живыми глазами, энергичный, увлекающийся и жизнерадостный, он всегда был в первых рядах и смело глядел в лицо опасности. Среди кронштадтских левых эсеров он казался нам наиболее близким, поддерживал хорошие отношения с нашей партией, и в нашей организации его любили. "Борьба до конца" была его стихией»[6].

Другой деятель революции в Кронштадте — Е. З. Ярчук писал в некрологе: «Я знаю Б. Донского почти с первых дней нашей революции.

Как матрос Балтийского флота, он испытал на себе все прелести адского режима, применявшегося главным командиром Кронштадта в дореволюционное время.

Настаёт революция — и он всей душой отдаётся делу освобождения народа. Всегда спокойный, весёлый и бодрый, говорящий с товарищами с приветливой

улыбкой, он совершенно не мог оставаться без дела. Правда, он любил почитать и поспорить в свободное время, но вечно был занят и творческой работой, что-нибудь налаживал, где-нибудь помогая.

Но охотнее всего он принимал участие в открытой вооружённой борьбе. Он — неизменный участник всех выступлений Кронштадта, всегда находился в первых рядах кронштадтских революционных борцов, он шёл впереди кронштадтских матросов, солдат, рабочих и работниц, шедших в июльские дни по улицам Петрограда с требованием: "Вся власть Советам!" Во время корниловского мятежа он был комиссаром форта Ино, а с октябрьской революции он непрерывно сражался в разных местах за торжество социализма»[7].

Когда в ходе разразившегося вследствие провала июньского наступления на фронте правительственного кризиса министры-кадеты 2 июля вышли из состава Временного правительства, в тот же день на даче Дурново прошло тайное совещание Петроградской федерации анархистов-коммунистов, принявшее решение о начале антиправительственного выступления. На следующий день на заседании ротных и полкового комитетов 1-го пулемётного полка с участием анархистов-коммунистов И. С. Блейхмана и П. Н. Колобушкина был поставлен вопрос о проведении вооружённой демонстрации.

Днём на остров Котлин прибыла группа делегатов-пулемётчиков, по призыву которой на Якорной площади был созван митинг, по словам Ф. Ф. Раскольникова, не согласованный ни с Советом, ни с лидером кронштадтских анархистов Е. З. Ярчуком. Попытавшимся высказаться против участия моряков в демонстрации лидеру большевиков С. Г. Рошалю и популярному левоэсеровскому оратору А. М. Брушвиту не позволили развить свои воззрения. Лишь Раскольникову удалось убедить митингующих вместо немедленной отправки в Петроград «выбрать организационную комиссию и поручить ей выяснение петроградских событий, учёт оружия и плавучих средств»[8].

Связавшись по телефону с Петросоветом, Раскольников получил указание от Г. Е. Зиновьева: «ЦК решил принять участие в завтрашнем выступлении и превратить его в мирную и вооружённую демонстрацию». Присутствовавший при разговоре один из лидеров кронштадтских левых эсеров Донской, по свидетельству Раскольникова, следом немедленно связался с Таврическим дворцом, вызвав «к телефону Натансона или Камкова», после чего сообщил большевикам о том, что «левое крыло эсеров также решило присоединиться к демонстрации»[9].

Утром 4 июля Донской, должно быть, впервые увидел встречавшую моряков М. А. Спиридонову, когда плавсредства с кронштадтцами пришвартовались к пристани Васильевского острова для участия в демонстрации. Во время построения колонны у Николаевского моста она произнесла короткую приветственную речь. А 30 июля Спиридонова сама пожаловала в революционный Кронштадт для выступления с лекцией «Задачи революции» в помещении Сухопутного манежа.

Где и когда Борис Донской впервые повстречал Ирину Каховскую — подругу Спиридоновой, проживавшую тогда совместно с ней в питерском общежитии для политкаторжан, трудно сказать. Это могло произойти во время Северной областной конференции партии эсеров, открывшейся 3 августа, либо во время Петроградской губернской конференции, проходившей 16–17 августа. (Кстати, на другой день по завершении работы данной конференции Каховская была избрана секретарём Северного областного комитета.)

Но, если первый миг свидания вполне мог быть мимолётным, то, вероятно, знакомство могло упрочиться во время выступления Каховской в Кронштадте. О предстоящей лекции Каховской Кронштадтский комитет партии эсеров заблаговременно опубликовал объявление:

«В воскресенье 10 сентября, в 6 час. веч. в Морском Инженерном училище тов. Каховская прочтёт лекцию на тему "Чему учат нас западные революции"»[10].

Возвращаясь к составу исполкома Кронштадтского совета, надо сказать, что в нём было немало ярких личностей, которые, несомненно, могли оказать серьёзное влияние на 22-летнего матроса. Одним из лидеров эсеров был бывший студент Горного института, матрос 1-й статьи учебного судна «Народоволец» Александр Брушвит (к слову сказать, закадычный приятель и сокурсник отца литератора-диссидента А. Д. Синявского — Доната Евгеньевича, тоже ярого левого эсера). Среди большевиков выделялись Фёдор Раскольников и Семён Рошаль, а среди анархистов — Ефим Ярчук, бывший политэмигрант, живший в эмиграции в Америке и имевший анархо-синдикалистские связи по всему миру. Эсеров-максималистов представлял Григорий Ривкин, известный в революционных кругах по кличке-псевдониму «Николай Иванович», являвшийся живой легендой русского, еврейского и итальянского бунтарства. Видный теоретик левонароднического максимализма, он чудом избежал виселицы за участие в руководстве декабрьским вооружённым восстанием в Москве в 1905 г. и подготовке восстания на Балтике летом 1906 г. В эмиграции Ривкин поселился в Северной Италии, где контактировал с не менее знаменитым лидером анархистов Э. Малатеста, писал стихи и пытался вести пропаганду среди крестьян Ломбардии.

Но наибольшее влияние на Донского, по всей видимости, оказывал Григорий Борисович Смолянский, сын владельца пароходства в Киеве, блестяще образованный социалист, окончивший университет в Лозанне. Смолянский успел поучаствовать в Базельском конгрессе II Интернационала, побывать в ссылке по суду в селе Кежемском Енисейской губернии (название которого было им использовано в качестве литературного псевдонима). В 1917 г. именно он возглавил Кронштадтский комитет эсеров, периодически председательствовал на заседаниях Кронштадтского совета, а после свержения Временного правительства стал одним из двух секретарей ВЦИК (наряду с большевиком В. Аванесовым). Впоследствии он побывал в числе руководителей украинских левых эсеров

«борьбистов», а затем перешёл к коммунистам, став видным функционером Коминтерна.

В то же время, в период подписания и ратификации Брестского мира Смолянский являлся одним из наиболее последовательных противников этого шага. Вместе с Каховской и Донским он создал и возглавил Боевую организацию левых эсеров и по поручению ЦК левых эсеров совершил поездку в Берлин для переговоров с независимыми социал-демократами – организаторами группы «Спартак» (а позднее и КПГ) о предполагаемом покушении на кайзера Вильгельма II. Вспоминая о мартовских днях 1918 г., мемуарист Г. Кежемский (Смолянский) сообщал: «Внутри каждого из нас закипала жажда борьбы и активного протеста. Необходимо было каким-нибудь актом оглушить общественное мнение Германии и заставить немецких рабочих прислушаться к стонам удушаемой русской революции»[11].

В свою очередь Каховская познакомилась со Смолянским на партийных форумах и в Северном областном комитете партии, в котором они состояли одновременно, а сблизилась, очевидно, уже позднее – во ВЦИК, где заведовала Агитационно-пропагандистским отделом (совместно с большевиком В. Володарским). Стоит отметить что несмотря на номинальное заочное избрание Спиридоновой в президиум II Всероссийского съезда рабочих и солдатских депутатов в историческую ночь с 25 на 26 октября 1917 г., «чайка русской революции» отсутствовала в Петрограде (находясь в поездке по югу России и Украине и застряв в Екатеринославе). Таким образом, Каховская стала единственной женщиной в большевистско-левоэсеровском президиуме в Смольном в момент свержения Временного правительства. Партийную печать на съезде Советов представлял известный публицист, руководитель литературного объединения «Скифы» Иванов-Разумник.

Как известно, 14 декабря Есенин совместно с Ивановым-Разумником и лидером левых эсеров Борисом Камковым выступал на вечере «Памяти декабристов» в Соляном городке на Пантелеймоновской улице в центре Петрограда. С большой долей уверенности можно предположить, что вечер не преминула посетить и Ирина Каховская, правнучатая племянница одного из пятерых повешенных декабристов. Впрочем, она могла пересекаться с поэтом ранее и на других вечерах в одних и тех же левоэсеровских клубах[12]. Но совершенно точно известно, что Каховская была устроителем вечера 6 января 1918 г. в зале Тенишевского училища, на котором среди других также выступил Есенин. В первых числах второго года революции революционерка обратилась к Иванову-Разумнику сразу с несколькими вопросами:

«Товарищ, будете ли Вы принимать участие в вечере 6 Января? Если да, то, что именно Вы будете говорить? Хотим напечатать программы. Очень жду статьи Вашей для Революционной Работницы. Надо бы к 30-му иметь уже весь материал. Хорошо бы: "Женский вопрос в буржуазной и социалистической поста-

новке" или что-нибудь историческое. М<ожет> б<ыть>, какую-нибудь характеристику.

<...> Что Вы будете говорить на вечере, если не откажетесь принять участие?

Каховская»[13].

В вышедшем первом номере «двухнедельного» журнала «Революционная работница», издававшегося «инициативной группой» работниц ПЛСР под редакцией Спиридоновой, об этом мероприятии сообщалось, что 6 января одноимённой группой «устроен был в зале Тенишевского училища вечер, сбор с которого пошёл в фонд журнала "Революционная Работница". Выступила с речью М. А. Спиридонова. Она объяснила необходимость роспуска Учред<ительного> Собрания, говорила о роли Советов в ходе нашей революции и призывала товарищей рабочих и работниц теснее сплотиться вокруг знамени Советской власти.

Хор завода Лесснера исполнил революционные песни и доставил большое наслаждение слушателям. Выступал поэт Сергей Есенин, прочитавший два своих стихотворения, исполнены были певцами тов. Буланым и Овчинниковым революционные и народные песни. Вечер прошёл с большим подъёмом, серьёзностью и задушевностью и дал сбор, который помог выйти в свет этому номеру "Революционная Работница"»[14].

Что касается Донского, то в последовавшие за переворотом октябрьские дни он во главе отряда из Кронштадта отправился на Пулковские высоты для защиты красного Петрограда. Здесь он снова мог пересечься с Ириной Каховской, которая как член Президиума ВЦИК выезжала на Гатчинский фронт для «передачи привета» красногвардейцам. В дальнейшем Донской выступал в роли эмиссара Петроградского ВРК и через постоянно заседавшего во ВЦИК Смолянского мог ближе познакомиться с Каховской. По словам последней, Боевая организация партии левых эсеров (далее БО ПЛСР) «сконструировалась вначале из трёх человек» и «туда вошли тов. Смолянский, занимавший в то время ответственный советский пост; тов. Борис Донской, кронштадтский матрос, пользовавшийся доверием в глазах товарищей, большой любовью и уважением, и я»[15].

Вследствие подписания Брестского мира ЦК левых эсеров и его аппарат вместе с Советским правительством (Совнаркомом и ВЦИК) эвакуировался в Москву. В конце марта или начале апреля Донской и Каховская совершили отсюда поездку на Юг, которая в общей сложности длилась около трёх недель. В этих целях 17 марта 1918 г. Каховской было выдано из кассы секретариата ЦК партии 200 руб., на другой день такую же сумму получил на руки Донской[16]. Поездка могла начаться не ранее 27 марта, поскольку в центральном органе левых эсеров – газете «Знамя труда» появилась информация о выступлении Каховской именно в этот день на открытии клуба «Интернационал» в Лефортовско-Благушинском районе (на углу Немецкой и Лефортовской улиц) с докладом на тему «Перспективы Русской Революции» 27 марта.

Однако пробраться в Севастополь (где они должны были получить в своё распоряжение взрывчатые вещества для изготовления бомб), отрезанный германскими войсками, им не удалось. В этой ситуации Каховская с Донским предприняли поездку из Таганрога, где тогда располагался военный центр левых эсеров, в Каменноугольный район. «Необходимо было ехать немедленно, – подчёркивала Каховская, – чтобы успеть объехать ряд наиболее значительных шахт, помочь партийным организациям поставить работу по-новому, связаться так, чтобы не растерять друг друга, несмотря на фронты и границы». Они выехали из Таганрога в военном поезде С. Д. Мстиславского, добравшись на нем до Дебальцева, «а оттуда всякими правдами и неправдами, с ежечасными пересадками и задержками», пробирались до Макеевки. Прибыв туда глубокой ночью, уже с утра они в роли агитаторов и пропагандистов приступили к организации митингов на ближайших рудниках и заводах. Всего за неделю им удалось необычайно поднять рейтинг партии в регионе, отвечая на злободневные вопросы людей, в течение многих месяцев не видевших представителей «центра». На обратном пути Каховская и Донской потеряли из виду поезд Мстиславского, с которым условились вернуться назад. Лишь по счастливой случайности им удалось прорваться «на каком-то паровозе через Лиски за несколько часов до занятия их немцами», после чего с большим опозданием они прибыли в Москву прямо на II съезд партии[17]. На нём 24 апреля И. К. Каховскую избрали в состав ЦК.

1 мая по всей Москве проходили многочисленные митинги, на которых выступали лидеры обеих советских партий – большевиков и левых эсеров. Речи Каховской в этот день были заявлены на двух митингах — на Пресне и в Сокольниках. А на 20 часов в помещении ЦК левых эсеров в Леонтьевском переулке был запланирован проводившийся Московским комитетом партии вечер с участием Спиридоновой, Б. Д. Камкова, И. З. Штейнберга, Есенина, П. В. Орешина и др. Ещё один вечер с участием обоих поэтов объявлялся на понедельник 6 мая по случаю открытия партийного клуба. Вечер проводился Рогожским комитетом партии на Семёновской улице. С речами должны были выступить Камков, будущий террорист Д. А. Черепанов, подготовивший осенью 1919 г. взрыв горкома РКП (б), и Каховская. Резонно предположить, что эти вечера запросто мог посетить и любознательный Борис Донской. Но это пока лишь предположение.

В конце июня 1918 г. левоэсеровские боевики вновь отправились из Москвы на Украину. Харьковчане и киевляне выделили им нескольких помощников и связников. После переговоров с представителями Украинской ПЛСР (находившейся в «федеративно-партийной» связи с российскими левыми эсерами) было принято решение произвести покушение на генерал-фельдмаршала Г. фон Эйхгорна от имени обоих ЦК – Украинского (в этот момент он располагался в Одессе) и общероссийского. 30 июля Борис Донской совершил свой подвиг, поразив в центре Киева ручной бомбой командующего оккупационными войсками. Любому нормальному человеку понятно, как должно оценивать борьбу с ок-

купантами. Но в современных украинских политических реалиях дело выглядит иначе. Так, в сюжете некоего Марка Греся, вышедшем в эфир 30 июля 2004 г. на киевском телеканале «ТВ-подробности», сообщалось: «В начале <19>18 года, согласно Брестским договорённостям, в Украину были введены германские войска. Эта армия спасла нашу государственность, но российские социалисты-революционеры не признали ни соглашения, ни украинской независимости. Пытаясь спровоцировать новую войну, они сделали ставку на террор...». Ну, что ж, это, как говорится, тоже позиция. Нечто подобное украинцы уже слышали от гетмана всея Украины Павло Скоропадского. Тогда в своей «грамоте» он объявлял «украинскому народу»: «Сегодня, 30 июля 1918 г., в 10 ч. вечера, скончался командующий группою германских войск на Украине Генерал-Фельдмаршал Эйхгорн, погибший от злодейской руки заклятых врагов Украины и её союзников.

Тем, кто не знал усопшего Генерал-Фельдмаршала, трудно оценить, какая это великая и горькая утрата для Украины. Генерал-фельдмаршал Эйхгорн был искренним и убеждённым нашим сторонником и другом украинского народа; целью его было создание самостоятельной Украинской Державы. Усматривая неисчерпаемые творческие силы в нашем народе, он радовался той славной будущности, которая ожидает Украину, и всеми силами поддерживал идею Украинской Державы даже среди тех, кто относились к ней с недоверием.

Мир же праху твоему, великий и славный воин! Как боевая твоя слава не умрёт в сердцах германского народа, так и убеждённая твоя работа на благо Украины оставит глубокий след в сердцах наших и не изгладится никогда со страниц истории Украины.

Единственное утешение в этом тяжком горе, которое нас постигло, это то, что постыдное злодейство совершено не сыном Украины, а чуждым человеком, враждебным Украинской Державе и её союзникам»[18].

А ещё память об Эйхгорне свято чтили в Третьем Рейхе. Заняв Киев в 1941 г., следующее поколение оккупантов переименовало Крещатик в Эйхгорн-штрассе.

Взгляд с другой стороны предоставляет нам открытое письмо Каховской к кронштадтским матросам:

«Казалось, за трупом своего генерала уходят навсегда изгнанные революционной волей трудящихся мрачные, безликие в своих серых касках угнетатели Украины. 4 августа ночью грандиозные взрывы снарядов в Бендерских казармах, продолжавшиеся около 2-х часов послужили следующим очередным предостережением насильникам. Весь август и сентябрь горело восстание Украинских трудовых масс, перекинулось из уезда в уезд, подавленное в одном месте и вспыхивающее в другом... Германская революция и грандиозное поголовное восстание всех уездов, крестьян и рабочих — смели дочиста монархическое здание, выстроенное Эйхгорном на Украине»[19].

Подвиг земляка Есенина матроса-партизана Бориса Донского в каком-то смысле стал прологом конца Второго Рейха! Но он был оплачен ценой жизни са-

мого героя, погибшего после страшных пыток на виселице 10 августа 1918 г. Позже поэт-киевлянин Николай Ушаков запечатлел его казнь в стихотворении «Перенесение тела Эйхгорна на вокзал и казнь Донского» (1931), метафорично отсылая нас к германскому средневековому эпосу «Песнь о нибелунгах»:

Кримгильда – рыжая супруга,
оставь шитьё,
чадит смола над гробом друга
и вороньё.

Твой Зигфрид в тёмной колеснице.
Из влажных жил,
из розовых венков струится
могильный жир.

Убийством кончилась охота,
и вдоль зари
с добычей туш идёт пехота,
трубят псари.

Идут баварцы и саксонцы –
весь гарнизон.
Штандарты пали сивым солнцем
на горизонт.

Голодных волкодавов глуше
хоралов гром.
Кримгильда, закрывая уши,
глядит на гроб.

Кримгильда думает о мести,
срывая плач.
На конской ярмарке в предместье
стоит палач.

Он на помосте хорошеет.
Гремя доской,
выходит
и вставляет шею
в петлю
Донской[20].

Свидетель казни Бориса Донского на процессе по делу о его палачах в Киевском революционном трибунале весной 1919 г. некто Кухарчук поведал: «Прохожу по Сенной площади. Было без четверти два часа дня. На площади большая толпа народа. Узнаю, что сейчас будет совершена казнь. Смотрю, немцы вывели из тюрьмы человека. Две роты немецких солдат рассыпались шпалерами вокруг. Ведут арестованного. Два немца по бокам, двое в русских шинелях впереди, позади немцев — палач. Приблизительно помню его лицо: шатен, без бороды, симпатичный мужчина. Подошли к телеграфному столбу. Два больших гвоздя было вбито в столб. Петля была приготовлена из проволоки. Осуждённый, у которого руки были связаны, сбросил с себя шляпу и сделал какое-то движение, словно хотел перекреститься. Его потащили к столбу, поставили ноги на гвозди. Немцы помогали ему стать. После этого палач накинул петлю. Немцы ударили осуждённого по ногам, сбили ноги с гвоздей, и он повис. Вся площадь была усеяна народом. Он висел до четырёх с половиной часов дня»[21].

Ночью труп перенесли в часовню, где прислуживавший там уголовный заключённый «потихоньку от администрации собрал цветы из больничного садика и осыпал ими тело покойного». «Так в цветах и отпевали его, — вспоминала Каховская. — А тюремный священник, в присутствии немецких солдат, державшихся победителями, прочувствованным голосом молил: "Помяни, Господи, душу новопреставленного раба Твоего Бориса, варварами убиенного..."»[22].

Утром 11 августа Бориса Донского похоронили на участке для нищих на Лукьяновском кладбище Киева. «На Лукьяновской площади, у арестного дома, на втором от ворот телеграфном столбе, — вспоминала Каховская, — я нашла ещё следы от гвоздей, которыми была прибита доска над головой Бориса, и крючья, которые поддерживали верёвки»[23]. В отмеченном сторожем щепочкой месте товарищи по Боевой организации отыскали его могилу и поставили на ней деревянный крест.

Не приходится сомневаться, что Есенин читал в газетах подробности о происшедшем в Киеве и мог обратить внимание на рязанские корни Донского, о которых неоднократно сообщалось в печати. Не исключено, что поэт мог с кем-то обсуждать эти резонансные события. Одним таким собеседником мог стать, например, близкий к литературным «скифам» литературный критик и один из организаторов левоэсеровской печати Е. Г. Лундберг. По свежим следам последний оставил такую запись в своём литературном дневнике:

«Сентябрь. Москва.

Подробности о пытках и смерти Бориса Донского, убившего 30-го июля Эйхгорна. <...>

Ядро и масса любой партии так же далеки от своего героя, как и мы, обособленные, не бросающие вызова судьбе в делах и любящие длить своё бытие. У героя партии — не особая мораль, не расчёт — но, вероятно, каждый раз особая, своеобразная обречённость. Товарищи по партии *удивляются* своему ге-

рою — точно он создан из другого, чем они материала. Это удивление было особенно сильно после Каляева.

Есть в террористическом акте анархическое начало: личность противопоставляет свои силы силам государства и побеждает. Есть желание унизить. Чем пышнее обставляет себя носитель власти и чем больше бережётся, тем соблазнительнее уничтожить его»[24].

Другим собеседником Есенина мог оказаться художник И. М. Левин, брат хорошего знакомого поэта, члена ЦК левых эсеров В. М. Левина. Вот как Иосиф Левин запечатлел образ Донского в мемуарной прозе, где повествование ведётся от имени героя Кашина (в этом персонаже соединены автобиографические черты обоих братьев Левиных): «Кашин вернулся домой с тайного собрания партии. Он был подавлен. Вновь оживал единоличный террор. Было тайно решено боевой организации убить немецкого посла Мирбаха в Москве и Эйхгорна, главнокомандующего немецкой армией на Украйне, как протест против Брестского мира. Революция становится на колени перед Германией, думал Кашин. Партия левых эс-эров хочет быть совестью революции, выбрав из своих рядов чистого отрока Бориса Донского, для убийства. Здесь что-то не так, думает Кашин, не вышло бы хуже... <...>

На другой день Кашин встретил на лестнице отеля "Москва" Донского. Серо-голубые глаза светились кротостью, с которой русские террористы шли на самые страшные преступления. Так шёл Каляев, Созонов, Вера Засулич и Спиридонова. В этом было что-то монашеское, вроде Алёши Карамазова, будто готовился человек к страшному суду. Не так убивали государственных людей на Западе, там это делали с ненавистью и злобой. Русские мальчики потом каялись, жалели свои жертвы <...>. После убийства часто не пытались даже бежать, отдаваясь в руки властям.

— Когда едете? — спросил Кашин Донского.

— Иду за билетом.

— Счастливого пути...

Трудно было сказать ещё что-нибудь человеку, ехавшему на верную смерть. Кашин всматривался в его глаза, пытаясь прочесть, что чувствует этот человек, но они были спокойны, полны решимости, точно он уезжал загород на дачу»[25].

Наконец, третьим и четвёртым собеседниками Есенина, с которыми он почти наверняка хоть раз да затронул историю про Донского, могли стать Яков Блюмкин и Вадим Шершеневич. К последнему из них я ещё вернусь, а пока процитирую отрывок из статьи «Об акте Бориса Донского», опубликованной в киевской левоэсеровской газете «Борьба» и принадлежащей перу Блюмкина, но подписанной его тогдашним партийным псевдонимом «Г. Вишневский». Убийца графа Мирбаха писал: «В ходе социальной революции возможны моменты временной победы враждебных ей сил. Когда революция разгромлена, когда трудящиеся покорены и не способны к массовым выступлениям, когда торжест-

вует реакция, – в борьбу с господствующими силами вступает протестующая личность. Он берёт на себя инициативу действовать и бороться от имени придавленного народа. Это незыблемый принцип, вечный фактор революционного процесса. Им прежде всего обусловлено и то революционное деяние, которое по постановлению нашей партии совершил 30-го июля в Киеве матрос-балтиец, крестьянин-рязанец, террорист Борис Донской. Разрывая бомбу над титулованной акулой, над палачом украинской революции – генер<ал>-фельдм<аршалом> Эйхгорном, он олицетворял в могучей и страшной форме своего выступления протест, гнев и кару народа»[26].

Стоит заметить, что появление в Киеве Блюмкина осенью 1918 г. было как раз связано с проводившейся БО ПЛСР подготовкой побега арестованной в засаде вслед за Донским Каховской из Лукьяновской тюрьмы. Продолжавшая оставаться в тюрьме с уже вынесенным, но не утверждённым кайзером Вильгельмом II смертным приговором, арестантка сумела завязать сношения с волей. В одной из записок, адресованной прибывшей вместе с Блюмкиным в Киев подруге по царской каторге Н. А. Терентьевой, она написала:

«Наде личное.

Здесь у нас сменилось около 10 караулов за это время, все из разных полков. Сочувствие полное и огромное. То, о чем ты, Н., говорила – невозможно, т. к. слишком сейчас сложно и требует многих участников, да я и не хочу – много чести. В волю не верю абсолютно, и это меня очень мучит из-за мамы. Так хочется, чтобы кто-нибудь скорее ей письмо отвёз. Новый год она одна будет. 19 января её именины. Эта мысль о маме меня совсем разрушает. Надя, если бы ты знала, какую мне радость доставили стихи Есенина. Я всё твердила – "но к вихрю бездны он нем и глух, с..... созвучия поёт петух". Его чудесное стихотворение "Осень" было в К. М., я все стены испестрила его и Клюевскими стихами. "Зерна глаз твоих осыпались, завяли, – имя тонкое растаяло как звук" – это относится к Боре»[27].

Первая есенинская цитата – из маленькой поэмы «Пришествие». Каховская цитирует её по памяти, забыв и немного спутав слова: «С шеста созвездья / Поёт петух». Сокращение «К. М.» означает «Киевскую мысль» – газету, вероятно, допущенную как официоз для чтения в тюрьме. Как известно, стихотворение «Осень» имело посвящение Р. В. Иванову (Иванову-Разумнику). Последние же строчки, соотнесённые Каховской с казнённым Донским, она позаимствовала из стихотворения «Не бродить, не мять в кустах багряных...»

Вполне вероятно, что Есенину довелось держать в руках первые номера левоэсеровского журнала «Знамя» (автором которого он и сам стал впоследствии), вышедшие в начале 1919 г. В них он мог увидеть фотографию виселицы с казнённым Донским и прочесть статью Марии Спиридоновой «Спасайте Ирину Каховскую!» В ней она, в частности, писала о соратнице: «Сейчас в одной Киевской тюрьме, до сих пор ещё занятой немецким командованием, находится член

Ц.К. Партии Левых С.-Р., член Боевой Организации Ирина Константиновна Каховская – Акатуевская каторжанка, пробывшая на каторге и поселении с 1907 года до революции 1917 г. в Сибири. Ирина Константиновна Каховская (внучка повешенного Николаем I декабриста Каховского) по решению Б. О. П. Лев. С.-Р. вместе с Борисом Донским и несколькими другими товарищами из Б. О. поехали в Киев для проведения и исполнения постановления Центрального Комитета партии об убийстве командующего войсками на Украине генерала Эйхгорна. <...>

Немецкие власти совместно с гетманской охраной решили добиться сведений от Каховской и спустя уже месяц после ареста она была подвергнута допросу с пыткой. Ей связали руки железной проволокой, прорезавшей насквозь мышцы, туго прикрепили всё тело к кровати той же режущей проволокой и допрашивали со всей корректностью, пересыпая допрос любезными комплиментами. "О, Fräulein", – говорили палачи-офицеры, и продолжали истязание. Чтобы Ирочка не кричала, ей предусмотрительно заткнули рот мокрой тряпкой, а истязуя её и всячески увеча и пытая, удивлялись стойкости русских революционерок, героизму русской женщины. "О эти русские женщины... Ну и крепкие же они!!!" Ибо требовали сказать имена товарищей, адреса лево-эсеровских организаций. Ответа не добились. Судили военным судом там же, в стенах той же тюрьмы. Приговорили к смертной казни. Вывели на плац казнить. Приспособили, приготовили орудия умерщвления, потом увели обратно, растягиваясь: "Дам у нас-то не так-то легко повесить".

В Берлине председатель Рейхстага подписал смертный приговор. Послали его на конфирмацию в ставку к великому мировому палачу Вильгельму. В это время он упал с трона.

Казнь И. Каховской за недосугом приостановилась. <...>

Стыдно будет и русскому пролетариату, и германскому, и украинскому, если его защитники, делатели его кровного дела будут придушены ставленниками уже сверженного русского и германского самодержавия»[28].

После покушений левоэсеровских боевиков на заподозренного в измене Якова Блюмкина в оправдание последний апеллировал ни к кому-нибудь, а именно к Ирине Каховской. В своей предсмертной «Краткой автобиографии», написанной во Внутренней тюрьме на Лубянке в 1929 г., он сообщал: «Левые эсеры (ЦК П. Л. С-р. был в стороне от этого, затем прислал ко мне Ирину Каховскую с заявлением о полной непричастности к этому) – за мой отход организовали на меня три покушения <...>»[29]. Из воспоминаний Анатолия Мариенгофа «Мой век, мои друзья и подруги» следует, что близко общавшиеся с Блюмкиным поэты-имажинисты были наслышаны о попытках левых эсеров расквитаться с ним. Наверняка «Блюмочка» бравировал перед ними своим участием в подпольной работе на Украине, и таким образом они не могли обойти вниманием легендарные фигуры Донского и Каховской.

Тем паче, что имевшие место поездки имажинистов на Украину располагали к таким разговорам. Можно сказать, что на их глазах происходило увековечение памяти Бориса Донского. Так, в воскресенье 9 февраля 1919 г. в зале харьковского Коммерческого клуба состоялся «Большой концерт-митинг памяти Бориса Донского»[30]. В нём участвовали симфонический оркестр под управлением Александра Могилевского, исполнявший произведения Бетховена, Чайковского и похоронный марш «На смерть героя»; артисты харьковских театров Вера Барановская, Елизавета Тиме, Владимир Бороздин (впоследствии ставшие яркими киноактёрами), Борис Путята (с именем которого связано становление Национального театра в Словении). После концерта с речами выступили видные левые эсеры В. А. Карелин (еще один знакомый Есенина из левоэсеровского ЦК), Л. С. Вершинин (выступавший в украинской печати как поэт), Н. Н. Алексеев, Я. Т. Богачёв.

В этом же году Липский переулок в Киеве, где произошло убийство Эйхгорна, был назван именем Донского. Кроме того, в Киеве, Одессе и других городах были открыты партийные клубы его имени. Одному из красноармейских батальонов было присвоено имя героя.

Что касается Вадима Шершеневича, то он мог разговаривать с Есениным о Донском не только в 1919 г., но и шесть лет спустя, когда он работал над стихотворением «Украина» (датировано 5 декабря 1925 г.)

В нём есть такие строфы:

Да, было время! Как в молитве,
В дыму чадил разбитый мир,
О, украинцы! Не забыть вам
Эйхгорновский короткий пир!
<...>
Уж не насупиться нескладно
Над баррикадой воле масс...
Уж выклеван вороной жадной
Висящего Донского глаз[31].

Впрочем, предполагаемое ознакомление Есенина с текстом этого стихотворения или хотя бы с его набросками или отрывками — тема для возможного отдельного исследования.

По воспоминаниям ныне здравствующих родственников Бориса Донского, вплоть до конца 1930-х гг. в центральном московском Музее Красной Армии и Флота был стенд, посвящённый подвигу героя-рязанца. После заключения пакта Молотова-Риббентропа стенд, видимо, по соображениям «политкорректности» демонтировали. Переименован в Киеве и переулок, названный именем левого эсера. В заключение осталось процитировать слова из письма одного из

родственников Донского, адресованного знакомому краеведу: «Как расценивать его поступок, не знаю, но он погиб за Россию, за Украину, освобождение от немецких оккупантов.

А они (немцы) вновь напали на Россию – война 1941–45 годов унесла десятки миллионов людей. В нашей родне <на фронте> погибли Филипп Михайлович Донской, Алексей Тимофеевич Поликанин; и ещё отец Коли Феоктистова был в плену, и вернулся инвалидом с войны Владимир Иосифович (племянник Б. Донского – *Я. Л.*), который и написал мне об этой трагической истории дяди Бориса...»[32].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ГАРО. Ф. 627. Оп. 246-а. Д. 121. Л. 69.

[2] *Каховская И. К.* Дело Эйхгорна и Деникина (Из воспоминаний) // Пути революции. Берлин, 1923. С. 194.

[3] Там же.

[4] *Попов А.* Кронштадтцы на фронте (Воспоминания) // Красный флот. 1922. № 9. Стб. 191–192.

[5] *Каховская И. К.* Дело Эйхгорна и Деникина... С. 194–195.

[6] *Раскольников Ф. Ф.* Кронштадт и Питер в 1917 году. М., 1990. С. 128.

[7] Вольный Голос Труда. Москва. 1918. 26 августа. № 1.

[8] *Раскольников Ф. Ф.* Кронштадт и Питер в 1917 году. С. 125.

[9] Там же. С. 127–128.

[10] Известия Кронштадтского Совета. 1917. 10 сентября. № 142.

[11] Борьба [журнал]. Киев. 1919. Кн. 1. С. 17.

[12] Например, 13 октября 1917 г. Каховская выступала с лекцией на тему «История революции» в партийном клубе Рождественского района Петрограда, а участие Есенина на литературно-музыкальных вечерах в том же клубе объявлялось на 26 и 27 декабря.

[13] ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 281. Л. 1.

[14] Революционная работница. 1918. № 1. С. 16.

[15] *Каховская И. К.* Дело Эйхгорна и Деникина... С. 193.

[16] См.: РГАСПИ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 12.

[17] *Каховская И. К.* Дело Эйхгорна и Деникина... С. 198.

[18] Киевская мысль. 1918. 31 июля. № 125.

[19] РГАСПИ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 21. Л. 130–133.

[20] *Ушаков Николай.* Стихотворения и поэмы. Л., 1980. С. 116–117.

[21] Революционная борьба. Киев. 1919. 10 апреля. № 6.

[22] *Каховская И. К.* Дело Эйхгорна и Деникина... С. 219.

[23] Там же. С. 217.

[24] *Лундберг Е.* Записки писателя (1917–1920). Т 1. Берлин, 1922. С. 191–192.

[25] *Левин И.* Передел. Роман. Париж – Нью-Йорк: Гриф, 1967. С. 30–31.

[26] Борьба [газета]. Киев. 1919. 12 февраля. № 4.

[27] РГАЛИ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 105. Л. 23 об.

[28] Знамя. 1919. № 1. С. 12–13.

[29] *Леонов Б.* Последняя авантюра Якова Блюмкина. М., 1993. С. 40.

[30] Борьба [газета]. Харьков. 1919. 8 февраля. № 28.

[31] *Шершеневич Вадим.* И так итог. М.: Издание автора, 1926. С. 32–33.

[32] Архив автора.

С. И. Зинин (Ташкент, Узбекистан – Егорьевск)

НАРКОМ А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ И ПОЭТ С. А. ЕСЕНИН

Есенина не раз упрекали, особенно за рубежом, в близости к верхним эшелонам власти Советской России. Георгий Иванов утверждал, что имевшиеся связи поэта с членами советского правительства открывали ему «все двери, уничтожали последствия любого, не только опрометчивого поступка, но и любого преступления. У Есенина через Рюрика Ивнева, Клюева, Горького, Иванова-Разумника, Бонч-Бруевича знакомства, разветвляясь, поднимались до самых "вершин" – Мамонта Дальского, Луначарского, Троцкого... до самого Ленина»[1]. В этом заявлении заметна доля явного преувеличения, частично обусловленная завистью к судьбе поэта, но оно базировалось и на некоторых реальных фактах. Известно о деловой встрече Есенина с всесильным в те годы Л. Д. Троцким, который публично высказывал своё мнение о поэте. Были эпизодические встречи поэта и с другими руководителями советского государства: С. М. Кировым, М. И. Калининым, А. Д. Цюрупой и др. Но наиболее длительными были личные, общественные и творческие связи Есенина с народным комиссаром просвещения Анатолием Васильевичем Луначарским (1875–1933) – видным партийным и государственным деятелем, литературоведом, искусствоведом, критиком, драматургом, переводчиком.

Луначарский родился в семье радикально настроенного полтавского чиновника. Окончил гимназию в Киеве, изучал философию в Цюрихском университете. С 15 лет стал считать себя марксистом, проводил пропагандистскую работу среди рабочих и ремесленников. С 1897 г. – профессиональный революционер, подвергался арестам и ссылкам. С 1904 г. – видный деятель партии большевиков, входил в состав редколлегий газет «Вперёд» и «Пролетарий». С 1917 по 1929 гг. был Народным комиссаром просвещения. Его назначение на эту должность было следствием того, что Луначарский «с потрясающей силой чувствовал, что такое русская и мировая культура, движение культуры – не только поверхностный, но самый глубокий смысл этого движения»[2].

Есенин и Луначарский были осведомлены друг о друге с 1918 г. Вероятно, поэт впервые услышал выступление Луначарского на митинге «Интеллигенция и народ» 3 января 1918 г. в зале Армии и Флота (Петроград, Литейный про-

спект, 20). После Луначарского выступал поэт Рюрик Ивнев, знавший Есенина с 1915 г., в дальнейшем работавший секретарём наркома просвещения. Среди выступавших были заявлены представители партии левых эсеров, а также А. Блок, Есенин, Иванов-Разумник и др.

После переезда Есенина в Москву его встречи с Луначарским в 1919–1922 гг. стали частыми. Оба принимали участие в работе первого Всероссийского съезда советских журналистов (13–16 ноября 1918 г.). 13 апреля 1919 г. Луначарский в «Известиях ВЦИК» публикует письмо, в котором выражает своё несогласие с деятельностью Московского союза советских журналистов. При обсуждении этого письма в Союзе журналистов Есенин воздержался (в единственном числе) от голосования за резолюцию, осуждающую Наркомпрос и позицию Луначарского [VII(2), 484].

Есенин и Луначарский могли встречаться на поэтических вечерах во Дворце искусств, открытом Народным комиссариатом по просвещению 12 января 1919 г. 28 апреля 1919 г. Есенин вступает в эту организацию, получив рекомендации Д. Туманного и И. Рукавишникова. Одно из выступлений Есенина во Дворце Искусств состоялось 1 мая 1919 г. на вечере поэтов, посвящённом Празднику труда. Дворец искусств занимался и издательской деятельностью. Первыми были выпущены сборник стихов Рукавишникова и пьеса Луначарского «Иван в раю».

Луначарский, по словам А. Б. Мариенгофа, «не только управлял крупнейшим революционным департаментом, но и писал стихи, пьесы, трактаты по эстетике, говорил, как Демосфен, и предсказывал будущее...»[3] 16 декабря 1918 г. Коллегия Наркомпроса под председательством Луначарского утверждает Устав Профессионального союза поэтов, а самого наркома избирают почётным председателем Союза. О роли Луначарского в создании Всероссийского Союза поэтов писал В. Г. Шершеневич: «...Моссовет и Наркомпрос отнеслись к образованию Союза внимательно, выдав им своеобразную охранную грамоту: "Ввиду того, что Всероссийский Союз поэтов и находящаяся при нём столовая-кафе являются культурно-просветительными учреждениями, прошу оказывать ему всяческое содействие; а в случае каких-нибудь репрессивных мер, как то: реквизиция, закрытие, штрафы и пр., в каждом отдельном случае извещать Моссовет (или Наркомпрос) и меня лично"»[4]. Луначарский поддерживал новые литературные течения, за что подвергается критике в печати. Л. С. Левин в статье «Футуристы и революция» упрекал наркома в том, что он «связался со всей этой футуристической (и имажинисткой) нечистью», тогда как в стране рождается «настоящее пролетарское, здоровое, чистое, солнечное искусство»[5]. Такие выпады не влияли на Луначарского, который организационно и творчески продолжал сотрудничать с поэтами, прозаиками, драматургами, режиссёрами разных школ и направлений. В изданной литографическим способом книге «Автографы» (1919) были помещены факсимиле стихотворений К. Бальмонта,

В. Каменского, Р. Ивнева, Луначарского, Есенина, Мариенгофа, Шершеневича и др. авторов.

В августе 1919 г. Есенина избирают членом Президиума Союза поэтов. Его приглашают на совещание в Наркомпрос с участием Луначарского и М. Горького по поводу создания информационного журнала. Поэт был включён в состав литературной секции агитпоезда имени Луначарского.

По инициативе Есенина составляется Устав Ассоциации вольнодумцев в Москве – культурно-просветительного учреждения, ставившего себе целью «духовное и экономическое объединение свободных мыслителей и художников, творящих в духе мировой революции». Этот документ получил одобрение наркома, о чём свидетельствует его резолюция на документе: «Подобные общества в Советской России в утверждениях не нуждаются. Во всяком случае, целям Ассоциации я сочувствую и отдельную печать разрешаю иметь. Народный Комиссар по Просвещению А. Луначарский. 24. IX – 19 г.»[6].

О поэзии Есенина Луначарский писал мало. Он ценил творчество Есенина как талантливого «крестьянского поэта» и выделял его из группы имажинистов, предостерегая его от влияния «имажинистских вывертов». Впервые имя поэта встречается в статье А. В. Луначарского «Новая поэзия» («Известия ВЦИК», 1919, 27 ноября), в которой он выступил против приклеивания молодой поэзии революционной поры ярлыка «поэзии варваров». «Я, конечно, не выдаю "поэзию варваров" за перлы создания, – писал критик, – но и положительно утверждаю, что в революционной поэзии России имеется настоящая сила, настоящий красный звон, настоящий пафос, настоящее новое слово»[7]. Перечислив пролетарских поэтов, Луначарский отметил, что «большим украшением "поэзии варваров" является группа крестьянских поэтов: Клюев, Есенин, Орешин». Приветствуя революционный пафос поэзии П. Орешина, он отмечал, что для Н. Клюева важна только «своеобразная селянская мистика», а для Есенина – «виртуозность слов и порою всякие довольно безвкусные имажинистские выверты и дерзновения»[8].

В «Предисловии» к книге стихов Ивана Доронина «Тракторный пахарь», напечатанном в журнале «Октябрь» (1924, № 3, сентябрь – октябрь), Луначарский писал: «Я помню, как покойный товарищ Бессалько ратовал против так называемых крестьянских поэтов – Клюева, Есенина и Орешина; он утверждал тогда, что вся эта резьба по дереву, вся эта домотканая пестрота, кружевная и вышивочная узорность, вся эта сусальная раззолоченность, совершенно чужды пролетариату. Я думаю, что тов. Бессалько был прав только в той своей части, в которой он неодобрительно отмечал наклонность некоторых из поэтов, наклонность в то время ещё довольно яркую, к церковщине, к мужицко-языческому, правда, использованию сельско-церковного стиля. В остальном, наоборот, надо было ждать в результате смычки политической и также смычки поэтической. Её-то мы и чувствуем, читая лёгкие, полные запаха луга и леса стихи пролетарского поэта Доронина»[9].

О творчестве Клюева и Есенина критик писал, положительно оценивая сборник стихов Орешина «Дулейка» (1919). «Я читал прежние стихотворения Орешина, – отмечал нарком. – Я не мог не отметить, что у него есть несомненно искра энтузиазма и что он располагает, наряду с Клюевым и Есениным, большим количеством тех ржаных и узорных мужицких слов, которые придают группе крестьянских поэтов особенно нарядный характер; тем не менее настроение Орешина как-то колебалось, и настоящего лица он не находил. Сейчас это лицо определилось, и определилось, прежде всего, как лицо революционного поэта – поэта революции. В сборнике "Дулейка" есть ещё много от Клюева, но в то время как у Клюева и Есенина, поэтов более зрелых, чем Орешин, революционные гимны и порывы стоят всё-таки на заднем плане, а на переднем – для Клюева стоит своеобразная селянская мистика, несколько расплывчатая, но очень пёстрая, раззолоченная, увлекающая своего автора самой своей многоцветной внешностью, а для Есенина – виртуозность слова и порою всякие, довольно безвкусные имажинистские выверты и дерзновения, – у Орешина пафос революционного подъёма, революционной борьбы и страстной жажды осуществления идеалов выступили на первый план»[10]. Об изданном в Иваново-Вознесенске небольшом сборнике стихов «Крылья свободы» (1919), в котором приняли участие Клюев, Есенин, Орешин, пролетарские поэты, Луначарский писал, что их стихотворения «...в большинстве случаев весьма недурны и почти сплошь аффектны для декламации и пения»[11].

О личном знакомстве Есенина с Луначарским свидетельствует ответ поэта при задержании его на квартире Кусиковых и допросе в МЧК 19 октября 1920 г. На вопрос следователя: «Кто может подтвердить о вашей деятельности и благонадежности?» Есенин ответил: «Тов. Ангарский и тов. Луначарский и целый ряд других общественных деятелей»[12]. Известно, что нарком отправил 3 ноября 1920 г. письмо в ВЧК Ксенофонтову, в котором отметил, что арест братьев Кусиковых произведён вследствие «ложного доноса» и просил освободить задержанных[13].

6 декабря 1920 г. в зале Московской консерватории состоялся поэтический вечер «Россия в грозе и буре». В организации вечера принимал участие и Есенин. Р. Ивнев вспоминал: «...Есенин и я начали вести переговоры с теми поэтами, которых мы считали нужным привлечь, независимо от школ и направлений. Я предложил назвать этот вечер "Россия в грозе и буре". Это название, на мой взгляд, оправдывало участие поэтов разных направлений. Название Есенину очень понравилось. Поддержал он и моё намерение пригласить на вечер А. В. Луначарского. На другой день я пошёл к Анатолию Васильевичу. Он одобрил нашу идею и охотно дал согласие произнести вступительную речь»[14].

В случае возникновения серьёзных проблем писатели искали поддержки у Луначарского. Не избежали этого и имажинисты. 5 марта 1920 г. Есенин, Шершеневич и Мариенгоф направили наркому письмо, в котором сообщали, что по-

эзия имажинистов «подвергается жестокой и безответной критике», а поэтам создаются всяческие препятствия в издании книг со стороны Госиздата, поэтому им нужна не материальная, а моральная поддержка со стороны государства. Они писали, что готовы «работать и искать и будем это делать до тех пор, пока наш путь не станет путем общим, пока имажинизм, этот ренессанс искусства, не откроет ключом Марии дверь в новый золотой век искусства». Авторы письма ультимативно заявляли: «Но если мы действительной не только ненужный, но чуть ли не вредный элемент в искусстве, как это пишут тт. критики и работники, если наше искусство не только вредно, но даже опасно Советской республике, если нас необходимо лишить возможности печататься и говорить, то мы вынуждены просить Вас о выдаче нам разрешения на выезд из России, потому что мы желаем работать и работать так, как это велит наше искусство, не поступаясь ни одним лозунгом имажинизма, этого поэтического учения, которое для нас является единственно приемлемым» [VII(2), 240].

А. В. Луначарский переслал письмо поэтов заведующему Госиздатом В. В. Воровскому, сопроводив его запиской: «Прилагая при сём обращение ко мне трёх имажинистов Есенина, Шершеневича и Мариенгофа, прошу Вас вернуть мне его с Вашим письменным отзывом» [VII(2), 411]. Воровский сообщил, что жалобы имажинистов преувеличены, что они должны печатать свои книги после объединения в свой кооператив. Этот ответ А. В. Луначарский переадресовал имажинистам. Рекомендациями они воспользовались, учредив кооперативное издательство «Имажиниисты».

14 декабря 1920 г. Есенин, Рюрик Ивнев и Мариенгоф подали Луначарскому заявление, в котором просили разрешения выехать в Эстонию и Латвию на два месяца «в целях пропаганды современного революционного искусства посредством устройства вечеров, лекций, концертов» [VII(2), 240]. 21 декабря 1920 г. Есенин и Ивнев подали наркому заявление, сопроводив его письмом: «Дорогой Анатолий Васильевич! Зная по опыту то исключительное благожелательное отношение, которое Вы проявляете к поэтам, мы заранее уверены, что Вы всемерно поддержите наше ходатайство о поездке в Эстонию и проведёте нашу командировку через все могущие встретиться препятствия» [VII(2), 242]. Поездка по разным причинам не состоялась. В начале апреля 1921 г. с просьбой о выезде за границу обращаются к Луначарскому Ивнев и Есенин. Они получили одобрение. Им было выдано подписанное Луначарским письмо в Наркоминдел, в котором сообщалось, что «со стороны Наркомпроса никаких препятствий в этой поездке нет»[15]. Однако поездка вновь не состоялась.

Отношения Есенина и наркома были доверительными. Рюрик Ивнев вспоминал, что Луначарский «умел всё понимать и чувствовать! А к Есенину и ко мне он относился с каким-то трогательным вниманием»[16]. Известно, что когда Клюев оказался в трудном материальном положении, Есенин не только сам ему помог, отправив 10 миллионов рублей, но и уговорил Клычкова и Луначарского

также оказать материальную помощь и выслать в Вытегру деньги для голодающего поэта[17].

Луначарский оказывает Ассоциации Вольнодумцев помощь в устройстве литературных вечеров в Политехническом музее. Такой вечер состоялся 17 февраля 1921 г. с участием Есенина, Ф. Сологуба, Б. Пастернака и др. Есенин на подаренной наркому книге «Трерядница» (1921) написал: «Анатолию Васильевичу Луначарскому с признанием и уважением. Вождь имажинизма С. Есенин. 1921 [VII(1), 177). В апреле 1921 г. Есенин дарит наркому книгу «Исповедь хулигана» (1921): с автографом: «Анатолию Васильевичу Луначарскому с глубоким уважением к нему. С. Есенин» [VII(1), 166).

Отношение А. В. Луначарского к имажинистам начинает резко меняться после публикации в «Правде» 1 декабря 1920 г. письма ЦК РКП(б) «О пролеткультах». Основные положения этого письма были отражены в опубликованных в газете «Известия ВЦИК» «Тезисах об основах политики в области искусства», подписанных Луначарским и председателем ЦК Всероссийского союза работников искусства Ю. М. Славинским. В предваряющей «Тезисы...» статье «Художественная диктатура пролетариата» отмечается, что в области искусства за три послеоктябрьских года много было засорено и требует сейчас настойчивого пересмотра и чистки»[18]. Этот «пересмотр и чистку» имажинисты одними из первых испытали на себе. Деятельность Луначарского была подвергнута критике в статье В. И. Ленина «О работе Наркомпроса», опубликованной 7 февраля 1921 г. в «Правде». Н. К. Крупская в «Правде» упрекнула Луначарского в том, что «Наркомпрос не сумел сделать из искусства могучего орудия воспитания коммунистических чувств»[19].

В фельетоне А. Бухова «Жруще-Ржущие» подверглись осмеянию стихи некоторых поэтов, напечатанные в коллективном сборнике «Поэзия большевистских дней». Автор фельетона останавливается на некоторых строках есенинской «Инонии» и стихотворения А. Мариенгофа «России», делая в заключении вывод: «Неужели же только для того, чтобы узаконить такую поэзию, большевикам понадобилось выгнать всех русских поэтов из России?»[20]

Изменению отношения Луначарского к поэтам-имажинистам способствовал и изданный в январе 1921 г. в издательстве «Имажинисты» сборник «Золотой кипяток», включавший стихотворения Есенина и Шершеневича и поэму Мариенгофа. 30 марта 1921 г. Главный политико-просветительный комитет обсудил вопрос «О сборнике порнографических стихотворений "Золотой кипяток" Есенина, Мариенгофа, Шершеневича». Было принято решение о привлечении к строгой ответственности авторов сборника[21]. 14 апреля 1921 г. Луначарский, ознакомившись с книгой, опубликовал в «Известиях ВЦИК» письмо, в котором выразил своё негативное отношение к имажинистам: «Как эти книги, так и всё другое, выпущенное за последнее время так называемыми имажинистами, при несомненной талантливости авторов, представляют собой злостное надруга-

тельство и над собственным дарованием, и над человечеством, и над современной Россией. Книги выходят эти нелегально, т. е. бумага и типографии достаются помимо Гос. издательства незаконным образом. Главполитпросвет постановил расследовать и привлечь к ответственности людей, способствовавших появлению в свет и распространению этих позорных книг. Так как союз поэтов не протестовал против этого проституирования таланта, вывалянного предварительно в зловонной грязи, то я настоящим публично заявляю, что звание председателя Всероссийского союза поэтов с себя слагаю. А. Луначарский»[22].

В статье «Свобода книги и революция» (журнал «Печать и революция», книга 1 за 1921 г.) Луначарский называет имажинистов шарлатанами, «желающими морочить публику», отмечая, что и среди имажинистов «есть талантливые люди, но которые как бы нарочно стараются опаскудить свои таланты»[23]. На такие оскорбительные обвинения Есенин, Мариенгоф и Шершеневич с раздражением ответили наркому:

«В № 1 "Печать и революция" А. В. Луначарский в своей статье назвал имажинистов — "шарлатанами, желающими морочить публику". Ввиду того, что вышеназванный критик и народный комиссар уже неоднократно бросает в нас подобными голословными фразами, центральный комитет имажинистского ордена считает нужным предложить:

1. Наркому Луначарскому — или прекратить эту легкомысленную травлю целой группы поэтов-новаторов, или, если его фраза не только фраза, а прочное убеждение, — выслать нас за пределы Советской России, ибо наше присутствие здесь в качестве шарлатанов и оскорбительно для нас, и не нужно, а может быть, и вредно для государства.

2. Критику же Луначарскому — публичную дискуссию по имажинизму, где в качестве компетентных судей будут приглашены проф. Шпет, проф. Сакулин и др. представители науки и искусства.

Мастера ЦК ордена имажинистов. Есенин, Мариенгоф, Шершеневич» [VII(2), 242–243].

Луначарский в ноябре 1921 г. в журнале «Печать и революция» (№ 2) ответил: «Критик Луначарский отвечает поэтам-имажинистам, что считает себя вправе высказывать какие угодно суждения о каких угодно поэтах или группах их, предоставляя таким поэтам или группам, или критикам и учёным, являющимся их поклонниками, защищать их в печати. Ни в какой публичной дискуссии критик Луначарский участвовать не желает, так как знает, что такую публичную дискуссию господа имажинисты обратят ещё в одну неприличную рекламу для своей группы.

Нарком же Луначарский, во-первых, не имеет права высылать не нравящихся ему поэтов за пределы России, а, во-вторых, если бы и имел это право, то не пользовался бы им. Публика сама скоро разберётся в той огромной примеси клоунского крика и шарлатанства, которая губит имажинизм, по его мнению, и

от которой, вероятно, вскоре отделаются действительно талантливые члены "банды". Нарком по просвещению А. Луначарский»[24].

М. Д. Ройзман вспоминал, что, прочитав этот ответ наркома, «Есенин стукнул кулаком по столу: "То мы шарлатаны, то мы рекламисты. А кто за нас стихи пишет?"»[25]. Возмущённые имажинисты в знак протеста ночью переименовали некоторые улицы Москвы и назвали их своими фамилиями. О возникшем конфликте сообщалось в заметке «А. В. Луначарский и имажинисты», в которой утверждалось, что «между А. В. Луначарским и имажинистами полный разрыв»[26].

Между тем, Луначарский допускал возможность освобождения от имажинистского влияния некоторых поэтов. Наиболее отчётливо он выразил своё отношение к имажинистам в опубликованном в Германии на немецком языке «Очерке русской литературы революционного времени». «О так называемых имажинистах, – писал Луначарский, – этих дошедших до полного абсурда выродках футуризма, говорить не стоит. На свет их кабацкого фонаря слеталась и талантливая молодёжь, но можно надеяться, что кое-кто из них ещё выберется из этого болота. Несколько слов всё же нужно сказать особо о Есенине. Есенин вместе с другим заслуживающим внимания поэтом – Клюевым начинал свой путь как убеждённый крестьянский поэт, и тогда он был интересен, светел и талантлив. Потом он стал имажинистом. Нельзя отрицать, что, несмотря на имажинизм, несмотря на моментализм, несмотря на погоню за эффектами, у Есенина сквозь пёструю оболочку его "манерности" просвечивает подлинный поэт. К сожалению, раннюю славу, этот яд для молодого писателя, следует приписать не едва просвечивающему дарованию, а именно внешне хорошему паясничеству. Однако несомненно, что рано или поздно Есенин найдёт в себе силы отбросить якобы современную маску и отречься от своей славы, – тогда от него и можно будет ждать больших свершений. В его крайне неудавшемся "Пугачёве" среди всяческих острых словечек и вывертов, частью забавных и милых, частью вымученных и скучных, иногда пробивается недвусмысленная романтическая искренность, часто напоминающая, к сожалению, визг побитого щенка. Как бы то ни было, именно эта чувствительность может спасти Есенина. Если эта эмоциональность победит хулиганские тенденции и погоню за дешёвыми эффектами, как раз она может развиться в подлинную, вполне современную романтику»[27].

Подобные оценки Луначарским литературного движения первых лет Советской власти позволили говорить о его стремлении сделать Есенина пролетарским поэтом. Ю. Трубецкой считал, что «всякие Ивневы, Мариенгофы — по существу совершенно бездарные, но нагло фиглярничавшие, выдвигали подлинного поэта, Есенина, как своего "премьера". Ибо раздутый ими "имажинизм" без Есенина был бы только мыльным пузырём. Комиссариат просвещения, возглавляемый бездарным плагиатором и наркоманом Луначарским, предполагал сделать из Есенина пролетарского поэта, "певца Советов"»[28].

17 марта 1922 г. Есенин подал Луначарскому заявление: «Прошу Вашего ходатайства перед Наркоминоделом о выдаче мне заграничного паспорта для поездки на трехмесячный срок в Берлин по делу издания книг: своих и примыкающей ко мне группы поэтов. Предлагая свои услуги по выполнению могущих быть на меня возложенных поручений Народного Комиссариата по просвещению, в случае Вашего согласия прошу снабдить меня соответствующими документами» [VII(2), 209]. 3 апреля 1922 г. поездка Есенину была разрешена, 21 апреля Наркомпрос направил письмо в НКИД с просьбой выдать поэту загранпаспорт, а Наркомпрос выдал Есенину мандат с просьбой оказывать ему содействие всех представителей советской власти.

За рубежом в разговоре с Г. Ивановым Есенин откровенничал: «– Ах, как я любил Александра Александровича (Блока). Влюблён в него был. Первым поэтом его считал. А вот теперь, — он делает паузу. — Теперь многие, Луначарский там, да и другие, пишут, что я первый. Слыхали наверно? Не Блок, а я. Как вы находите? Врут, пожалуй? Брехня?»[29]

Через несколько месяцев после возвращения Есенина из длительной поездки с Айседорой Дункан в Европу и Америку в марте 1924 г., по воспоминаниям Ш. Н. Тальян, его вызвал к себе Луначарский и предложил официально порвать отношения с имажинистами. Есенин уже был готов к этому. Ещё в статье «Быт и искусство» он высказывал своё отношение к имажинистам: «У собратьев моих нет чувства родины во всём широком смысле этого слова <...>. Поэтому они так и любят тот диссонанс, который впитали в себя с удушливыми парами шутовского кривлянья ради самого кривлянья. <...> Они ничему не молятся, и нравятся или только одно пустое акробатничество, в котором они делают очень много головокружительных прыжков, но которое есть не больше, не меньше, как ни на что не направленные выверты» [V, 220]. Через некоторое время – 31 августа 1924 г. — Есенин с И. В. Грузиновым публикуют в «Правде» «Письмо в редакцию» о роспуске группы имажинистов [VII(2), 252].

Луначарский встречался с Есениным в ноябре 1925 г. Поводом послужил вызов поэта в суд. Есенин хотел лично рассказать Луначарскому о своем проступке. «Незадолго до своей смерти он пришёл ко мне, — вспоминал нарком, — рассказал, как он обругал в пьяном виде курьера из Наркоминдела и говорил: "Что поделаешь, знаю, что он милый человек. Я считаю, что я сам не плохой человек, но когда я пьян, я ничего не понимаю, я не помню, что говорил. А уже был судебный процесс, ославили меня на всю Россию антисемитом. Теперь опять в суд зовут. А я просто не могу ещё оторваться от этой подлой водки". И лицо у него было искажённое, бледное и бесконечно искреннее». При встрече с наркомом Есенин «до хрипоты, умирающим голосом кричал: "Я себя осуждаю, я лишний, я хочу здоровья, но у меня его больше нет"»[30]. 12 ноября 1925 г. Луначарский направил судье Липкину письмо с просьбой прекратить уголовное дело против Есенина: «Дорогой товарищ. На Вашем рассмотрении имеется дело

о "хулиганском поведении" в нетрезвом виде известного поэта Есенина. Есенин в этом смысле больной человек. Он пьёт, а пьяный перестаёт быть вменяемым. Конечно, его близкие люди позаботятся о том, чтобы происшествия, подобные данному, прекратились. Но мне кажется, что устраивать из-за ругани в пьяном виде, в которой он очень раскаивается, скандальный процесс крупному советскому писателю не стоит. Я просил бы Вас поэтому дело, если это возможно, прекратить. Нарком А. Луначарский»[31].

Все попытки со стороны наркома отправить поэта на лечение не реализовались. Луначарский вынужден был самокритично признать: «мы не помогли ему достаточно». Он считал: «Не будем винить только его. Все мы — его современники — виноваты более или менее. Надо было крепче биться за него[32].

«Перед отъездом за границу, — вспоминала Н. А. Луначарская-Розенель, — осенью 1925 года Луначарский встретился с Есениным в последний раз в мастерской художника Георгия Богдановича Якулова. Есенин был в состоянии мрачной, пьяной, безнадёжной тоски и произвёл на Анатолия Васильевича гнетущее впечатление». О самоубийстве поэта Луначарский узнал во время отдыха на юге Франции. В вечернем выпуске местной газеты прочитал: «Известный советский поэт, супруг Айседоры Дункан, Сергей Есенин лишил себя жизни». Эту весть нарком воспринял с глубокой печалью[33].

Луначарский принял непосредственное участие в развернувшейся в стране после смерти Есенина борьбе с «есенинщиной». 17 октября 1926 г. в Доме комсомола Рогожско-Симоновского района Москвы он выступил с докладом «Против есенинщины». «Необходимо везде и всюду развенчивать есенинщину, — говорил он, — развенчивать тот лжегероизм, ореолом которого окружено хулиганство. Одного Серёжу мы не сумели спасти. Нужно сделать всё, чтобы предотвратить гибель других Серёж, идущих по его пути»[34]. В то же время Луначарский выступал против необоснованного отрицательного отношения к поэзии Есенина. «Ничего предосудительного нет, — говорил он в докладе на собрании тульского партийного актива 21 января 1927 г., — в том, чтобы читать стихи Есенина, признавать его крупным представителем нашей литературы»[35].

13 февраля 1927 г. в своём выступлении во время дискуссии в Коммунистической академии на тему «Об упадочном настроении среди молодёжи. Есенинщина» Луначарский более развёрнуто высказал свою точку зрения. «Теперь о есенинщине, — говорил он. — Обыкновенно, когда подходят к Есенину и его поэзии, то прежде всего стараются доказать, что он сам был хулиган, пессимист и упадочник. Это верно, но только до известной степени. Это односторонняя и для нас мало выгодная позиция. Мы замалчиваем некоторые факты, которые нужны для борьбы с есенинщиной, ибо, по-моему, одним из самых крупных борцов против есенинщины должен явиться сам Есенин. Это тот человек, который совершил в некоторой степени акт большого мужества в борьбе с хулиганством. Не нужно Есенина и есенинщину абсолютно отождествлять. Ни недооценивать, ни

переоценивать Есенина не нужно... <...> И когда Есенин себя убил, он убил в себе, прежде всего, пьяницу, хулигана и пессимиста»[36].

В заключительном слове на диспуте в Коммунистической академии Луначарский более точно определил суть «есенинщины» вне прямой связи с личностью самого поэта: «Есенинщина есть наиболее организованное, я бы сказал даже — массовое, внешнее проявление стремления создать какую-то идеологию упадничества»[37].

Луначарский не скрывал своего уважительного отношения к замечательному лирику. «Есенин был человек с очень нежной душой, — убеждал нарком присутствовавших на диспуте, — чрезвычайно подвижной и очень легко откликающейся на всякие прикосновения внешней среды, и, как это у художника должно быть, кроме этой необыкновенной нежности и впечатлительности душевной, он имел талант чрезвычайно точно и свежо, по-своему, эти свои, столь быстро возникавшие и изменявшиеся настроения передавать. Не подлежит никакому сомнению, что обе стороны того, что делает поэта поэтом, у него были: большая, исключительная впечатлительность и дар поэтической речи — и при том не простой, а именно речи, насыщенной эмоциями, речи, при помощи которой можно передать переживания, возникающие при различных столкновениях с внешней средой. И как такой чувствительный манометр того, что происходит вокруг, он был достаточно замечателен, хотя сфера влиявших на него явлений была сравнительно узка. Как мастер слова он уже, несомненно, представлял собой выдающееся явление»[38].

В докладе Луначарский привёл свою оценку творческого пути поэта. Им была предпринята попытка раскрыть причины быстрого признания поэзии молодого Есенина в дореволюционный период. Не только сложившиеся общественные условия способствовали этому, важным фактором, по мнению Луначарского, было и то, что «Есенин пришёл из деревни не крестьянином, а в некотором роде деревенским интеллигентом». Деревней в это время увлекались, в ней пытались найти правду и откровения. «Деревня, в красоте её пейзажа, — говорил Луначарский, — которую Есенин умел передать прекрасно, деревня, в которой опоэтизированы убожество и покорность, которые ей присущи так же, как и природа, полная грусти, — эту вечно веющую над деревней, печальную песню уловил Есенин, и её прекрасными звуками, очаровательными складками узорного плата народного он одевал все свои деревенские впечатления. А кроме того, всё это сильно пахло ладаном. Купола в значительной степени закрывали весь пейзаж. Почерпнутые из духовных книг сравнения, церковщина, во всём своем многообразии, глядели из всех углов. Эти поповские представления и сравнения пронизывают во всех направления поэзию Есенина первого периода. И они создали ему очень широкий успех»[39]. Именно стихи о деревне критик считал иллюстрацией первой полосы творчества Есенина[40].

Нарком объяснил причины интереса к крестьянской поэзии. «Такое было время, — говорил он, — что и у мужика готовы были «искать правды», и мисти-

цизмом увлекались, и за новинками гонялись. Понятно, что на Есенина обратили внимание: «Вы слышали Есенина? Вы, душечка, ещё не слышали Есенина? Послушайте, очень интересно». В меценатствующих на полкопейки кругах Есенин вошёл в моду в качестве пейзана, пейзанского поэта: поёт приятно, сладко – прямо как тульский пряник! – и притом несомненный мастер»[41].

Субъективно оценивал А. В. Луначарский связь поэзии Есенина с революционными событиями 1917 г. в России. Здесь он выступал больше как партийный пропагандист, социолог, чем литературный критик. «Нельзя особенно серьёзно рассматривать революционные настроения Есенина в период Октября, – говорил он. – Его эти события всколыхнули только на короткое время, и эта встряска потом прошла, ибо он не смог осознать действительную сущность пролетарской революции. Осознать эту сущность он мог только путём чрезвычайно усиленной работы над собой. Но он этого не сделал. Я не придаю большого значения тому, что в дооктябрьский и послеоктябрьский период у Есенина были порывы революционного чувства. Правда, он говорит: "Я – большевик". Но на самом деле это для него самого было довольно неясно. Он с восторгом говорил: "Пляшет перед взором буйственная Русь". Элементы разинщины и пугачёвщины имелись в нашей революции, и эти элементы доступны пониманию крестьянства, в том числе и Есенина»[42].

Луначарский не мог простить Есенину и его связь с имажинистами, выделив в его творчестве этот период в самостоятельную вторую полосу. Нарком напомнил, что ещё в 1921 г. ему открыто пришлось писать о своем разрыве с имажинистам, которые, по его убеждению, «нарумянив музу нечистотами», делают тем самым как бы подвиг, хотя это является полным надругательством на собственной своей душой». Творческое сотрудничество Есенина с имажинистами рассматривалось Луначарским с тех же позиций: «Есенин, сделавшись городским, стремился доказать, что мы тоже не в лапоть сморкаемся, что мы на деле всем покажем, что значит смышлёный крестьянский поэт. "Всех перепить, всех перестихотворить, всех перехулиганить!" И так как он был чрезвычайно талантлив, он свои шутки показывал мастерски. И это было тогда, когда Есенин замазывал нечистотами лицо своей музы»[43].

Третьей полосой в творчестве Есенина Луначарский считал последние годы его жизни, когда поэт стал ощущать не только своё болезненное физическое состояние, но и понимать, что «меркнет и его талант». Это был взрыв тоски, отчаяния и самоосуждения. Луначарский доказывал, что Есенин неоднократно предпринимал попытки выйти из этого состояния, «хотел спастись. Он был искренен, когда говорил, что "хотел бы я, задрав штаны, бежать за комсомолом". Он и за Марксом сидел, зубрил, стараясь что-то понять. Но вещь эта была для него трудная: другое направление ума»[44]. Основной причиной подобного пессимистическое настроения поэта Луначарский считал влияние на него богемного окружения, его отход от участия в строительстве нового общества. «Уже во второй период его жизни, – отмечал Луначарский, – ужас этот сквозил в обращении к людям, которые

его топят в водке, уже тогда появилась снова тоска по деревне, выступает сознание, что, может быть, он уже не нужен, вообще не нужен людям, которые строят будущее. Это выступает всё время в напечатанных и в особенности в ненапечатанных в то время (например, "Чёрный человек") стихах. Он видел свою гибель, его нежную, чуткую душу всё сильнее угнетало это безвыходное, беспросветное крушение, в котором он винил, прежде всего, самого себя. Но он был, прежде всего, поэтом, и настроение это стало источником чудесных песен скорби»[45].

Луначарский попытался раскрыть субъективные причины, приведшие поэта к трагическому концу. По этому поводу писал: «Он <Есенин> решил: пороки сильнее меня, они убивают во мне поэта, хотят превратить меня в обывателя, который коптит небо, или в окончательного кабацкого пьянчужку, который когда-нибудь, потеряв всё, будет стоять на углу и просить гривенничек на выпивку. Нет. Я их убью, потому что во мне ещё жив, ещё силён поэт. Есенин хотел жить, как настоящий человек, или же не жить вовсе... И когда говорят (среди вузовцев это, кажется, особенно часто бывает), что Есенин погиб не потому, что он был ниже нашей действительности, а потому, что он выше её, то в этом просто сказывается нездоровость мыслящих так. Оттого-то он тосковал и пьянствовал, что у него советская поэзия не шла из уст»[46].

Нарком понимал, что трагический конец поэта будет использован в идеологическое борьбе, поэтому предупреждал: «Конечно, антисоветские, контрреволюционные элементы поняли смерть Есенина как протест против советского строя, который будто бы никого не устроил. А на это поддались и такие элементы, которые оказываются в скорбном положении, не понимая, что те вершины, которыми надо овладеть, могут быть захвачены борьбой другого порядка, чем военные позиции»[47].

Узнав о трагической гибели Айседоры Дункан 15 сентября 1927 г., Луначарский в беседе с И. И. Шнейдером заявил о необходимости написать воспоминания о Есенине и Дункан, обещал оказать помощь в подготовке издании рукописи книги[48].

В 1931 г. после выхода статьи И. В. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма» в журнале «Пролетарская революция» Луначарский стал подвергаться резким нападкам. «Перед нами стоит задача самой основательной критики тов. Луначарского. Тов. Сталин в статье "О некоторых вопросах истории большевизма" поставил вопрос о гнилом либерализме, — писал руководитель РАППа Л. Авербах. — Я должен сказать, что если в литературе поискать человека, который в очень многом соответствует этому определению, то это будет, к сожалению, т. Луначарский»[49]. Вскоре Луначарский был отстранён Сталиным от руководства народном комиссариатом. Репрессивных мер бывший нарком избежал. Его направили послом во Францию, но из-за смерти эту должность он не исполнял.

Необоснованные нападки обрушились на Луначарского в 1990-е гг. Появились статьи, в которых бывшего наркома обвиняли в неоказании помощи голо-

дающему А. Блоку, в его попытке «распустить» Академию наук, в поддержке травли Есенина в последние годы его жизни. Ф. Морохов, Э. Хлысталов и др. убеждали, что «в Ленинград С. Есенин буквально бежал из Москвы, где его последовательно травили пролеткультовцы, подогреваемые самим наркомом просвещения А. Луначарским и Л. Троцким»[50], несмотря на то, что в статье Н. А. Трифонова «Поэт и нарком» были обстоятельно раскрыты взаимоотношения Есенина и А. В. Луначарского[51]. То, что эти обвинения носили конъюнктурный характер и нередко не имели весомых доказательств, обосновано доказали Н. А. Трифонов и В. В. Ефимов в статье «Надо ли сечь Луначарского?»[52] В монографиях Ефимова о Луначарском[53] уделено должное внимание творческим и личным взаимоотношениям критика с творческой интеллигенцией, показано, как он внимательно следил за эволюцией творчества Есенина, которого считал «чрезвычайно талантливым» и поэтому надеялся, что «подлинный поэт» возьмет в нём верх «над эффектами и манерностью» и тогда «от него можно будет ждать больших свершений». Время оправдало эти надежды.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Русское зарубежье о Есенине. Воспоминания, эссе, очерки, рецензии, статьи: В 2 т. Вступ. ст., сост. и комм. Н. И. Шубниковой-Гусевой. М., 1993. Т. 1. С. 35.

[2] *Книпович Е.* В те далекие двадцатые. Наброски к воспоминаниям // Литературная газета. 1988, 9 ноября, С. 3.

[3] Мой век, мои друзья и подруги. Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова. М., 1990. С. 167.

[4] Там же. С. 667.

[5] Коммунар. 1919. 11 марта. Цит. по: Летопись жизни и творчества С. А. Есенина. Т. 2. 1917–1920. М., 2005. С. 238.

[6] Цит. по: Летопись жизни и творчества С. А. Есенина. Т. 2. С. 298.

[7] *Луначарский А. В.* Собрание сочинений в восьми томах. Т. 2. М., 1964. С. 216.

[8] Там же. С. 217.

[9] Там же. С. 273–274.

[10] Там же. С. 217.

[11] Там же. С. 219.

[12] С. А. Есенин. Материалы к биографии. М., 1993. С. 273.

[13] Там же. С. 284–285.

[14] Сергей Есенин в стихах и жизни. Воспоминания современников. М.,1997. С. 236.

[15] Сергей Есенин в стихах и жизни. Письма. Документы. М.,1995. С. 322.

[16] *Ивнев Р.* У подножья Мтацминды. М., 1981. С. 69.

[17] Сергей Есенин в стихах и жизни. Письма. Документы. С. 106.

[18] Цит. по: Летопись жизни и творчества С.А.Есенина. Т. 2 С. 431.

[19] *Крупская Н. К.* Главполитпросвет и искусство // Правда. 1921. 13 февраля.

[20] Эхо. Ковно. 1921. 11 февраля. № 33. Цит. по: Летопись жизни и творчества С. А. Есенина. М., 2005. Т. 3. Кн. 1. 1921 – 10 мая 1922. С. 50.

[21] Русский имажинизм, М., 2005. С. 441.

[22] Известия ВЦИК. 1921. 14 апреля. № 80.

[23] *Луначарский А. В.* Собрание сочинений в восьми томах. Т. 2. С. 239.

[24] Цит. по: Летопись жизни и творчества С. А. Есенина. Т. 3. Кн. 1. С. 213.

[25] *Ройзман М.* Всё, что помню о Есенине. М., 1973. С. 143.

[26] Летопись Дома Литераторов. 1921. 1 декабря. № 3. Цит. по: Летопись жизни и творчества С. А. Есенина. Т. 3. Кн. 1. С. 227.

[27] Литературное наследство. Т. 82. М., 1970. С. 226.

[28] Русское зарубежье о Есенине. Воспоминания, эссе, очерки, рецензии, статьи: Т. 1. С. 155.

[29] Там же. С. 41.

[30] Упадочное настроение среди молодёжи. Есенинщина. М., 1927. С. 36–37.

[31] Сергей Есенин в стихах и жизни. Письма. Документы. С. 365.

[32] Упадочное настроение среди молодежи. Есенинщина. М., 1927. С. 38.

[33] *Луначарская-Розенталь Н.* Память сердца. Воспоминания. М., 1962. С. 51–52.

[34] Вечерняя Москва, 1926, 18 октября. С. 3.

[35] *Трифонов Н. А.* Поэт и нарком // В мире Есенина. Сб. статей. М., 1986. С. 484.

[36] *Луначарский А. В.* Собрание сочинений в восьми томах. Т. 2. С. 368.

[37] Упадочное настроение среди молодёжи. С.150.

[38] Там же. С. 31–32.

[39] Там же. С. 32–33.

[40] *Луначарский А. В.* Собрание сочинений в восьми томах. Т. 2. С. 346.

[41] Упадочное настроение среди молодёжи. С. 33.

[42] Там же.

[43] Там же. С. 346.

[44] Там же. С. 36.

[45] Там же.

[46] Там же. С. 37.

[47] Там же.

[48] *Шнейдер И. И.* Встречи с Есениным. М., 1974. С. 169.

[49] *Авербах Л.* О перестройке РАПП // На литературном посту. 1931. № 35–36. С. 11.

[50] См.: *Морохов Ф.* Сергей Есенин: самоубийство или? // Труд». 1989, 30 апреля. С. 4; *Хлыстало в Э.* Тайна гостиницы «Англетер» // Москва. 1989. № 7. С. 192.

[51] *Трифонов Н. А.* Поэт и нарком // В мире Есенина. С. 476–485.

[52] *Трифонов Н. А., Ефимов В. В.* Надо ли «сечь» Луначарского? // Вопросы литературы. 1991. № 1. С. 226–240.

[53] *Ефимов В. В.* Мастерство А. В. Луначарского – литературного критика (1917–1933 гг.). Душанбе, 1990; *Ефимов В. В.* А. В. Луначарский и литературное движение. Хроника 1917–1933 гг. Душанбе, 1991.

Т. К. Савченко (Москва)

«ЧУТЬ НЕ ВЗВЫЛ ОТ ГОРЯ, ОТ ЗЛОСТИ»: ГОРЬКОВСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ГИБЕЛИ ПОЭТА

Смерть Есенина потрясла Горького, хотя о подобном возможном развитии событий ему писали из Москвы многие адресаты. Менее чем за три месяца до трагической гибели поэта он получает письмо от Вс. Иванова, датированное 7 октября 1925 г. Иванов передаёт Горькому слухи: «А вот Серёжа Есенин пьёт немилосердно. Изо дня в день. Ко всему тому у него чахотка, и Бог знает, что с ним будет месяца через три-четыре»[1]. «Очень подавлен смертью Есенина, хотя давно предчувствовал и, пожалуй, был уверен, что мальчик этот кончит плохо», – пишет Горький И. А. Груздеву 9 января 1926 г.[2] «Как жалко парня!» – восклицает он в письме П. М. Керженцеву, отправленном сразу после получения им известия о гибели поэта[3]. «... Весь день чувствовал себя ошеломлённым», – описывает он своё состояние Ромену Роллану после прочтения есенинских стихов в письме от 24 марта 1926 г.[4] «Прочитал я первый том стихов Есенина, – сообщает Горький А. П. Чапыгину 17 июня 1926 г., – и чуть не взвыл от горя, от злости. Какой чистый и какой русский поэт!»[5]

Невероятная широта горьковских интересов известна. В своей книге «Максим Горький подлинный и мнимый» её автор В. И. Баранов справедливо отмечает, что «книжный голод» был одной из наиболее тяжёлых сторон пребывания Горького за рубежом: «Он давно примирился в быту со всем и даже с тем, что приходилось курить вместо папирос <...> "что-то итальянское, от чего гудят пятки". Но без книг он жить не мог»[6]. В письмах М. Ф. Андреевой Горький просит её присылать всё, что пишется о поэте в советской периодической печати: «<...> Собрать всё, что написано по поводу Есенина, смерть которого очень меня поразила. Всё, что написано и пишется по этому поводу, я собирал, собираю и буду собирать. Мне надо. Не слышала ли ты чего-либо о нём?»[7] С просьбой прислать стихи Есенина и материалы о нём Горький обращается и к другим своим постоянным корреспондентам – В. М. Ходасевич, И. А. Груздеву, А. П. Чапыгину, Д. А. Лутохину, А. Н. Тихонову (Сереброву).

Одновременно с работой над эпопеей «Жизнь Клима Самгина» у Горького возникает замысел художественного произведения о Есенине: «Я собираю всё, что пишется о нём, и, м<ожет> б<ыть>, напишу нечто, имея материалом не

только его, но и ещё несколько лиц, ему сродных. Очень хочется изобразить трагическую жизнь русского [подчёркнуто автором. – *Т. С.*] поэта»[8]. 25 февраля 1926 г. он сообщает Ходасевич: «Мне чудится, что, кончив роман ["Самгина". – *Т. С.*], я попробую написать повесть о поэте, т. е., вернее, о гибели поэта. Нечто очень дерзкое и фантастическое»[9].

«<...> Какой удивительно ценный материал для повести о гибельной жизни русского поэта!» – восклицает Горький в письме Груздеву. – Именно так: сам Сергей Есенин, со всем его хулиганством есть превосходное художественное произведение, шутя и цинически созданное окаянной русской действительностью»[10]. Ту же мысль он повторяет в письмах к А. Тихонову («<...> И жизнь, и смерть его – крупнейшее художественное произведение, роман, созданный самой жизнью»)[11] и А. Чапыгину («И – знаете что? – жизнь его и смерть – это тема для вас. Да. Никто лучше вас не поймёт и не изобразит её, <...> честное слово, вам надо написать роман о Поэте»)[12].

Крестьянский писатель И. М. Касаткин, в то время редактор «Красной нивы», писал Горькому 4 февраля 1926 г.: «Сегодняшняя литература родится в великих муках и корчах <...>. А смерть Есенина меня прямо сразила с ног <...> до сей поры не могу опомниться! – И всё это близкие, дорогие, милые! <...> Огромная потеря <...>. Полагаю, в истории литературы нашей ещё не было столь тяжёлой атмосферы в жизни писательской»[13].

Перекликается с письмом Касаткина содержание письма и другого редактора – «Красной нови», который вскоре будет отстранён от дел в созданном им журнале и подвергнется опале. 16 февраля 1927 г. А. К. Воронский сообщает Горькому в Сорренто: «<...> Против Есенина объявлен поход. Не одобряю. Нехорошо. Прошлый год превозносили, а теперь хают. Всегда у нас так»[14]. Важно отметить: в то время находившийся вдали от родины Горький, обеспокоенный будущим отечественной литературы, принципиально отделяет поэзию Есенина от пресловутой «есенинщины». Как и всегда, он получает множество писем от читателей, многие из которых обращаются к нему с просьбой помочь «очистить образ поэта от всякой грязи и дряни», делятся своим возмущением от того, что во многих публикациях извращаются «биография и творчество этого светлого и честного поэта»[15]. С просьбой написать о поэте обращается к Горькому и автор ряда статей о Есенине Валентина Дынник: «<...> Не только с точки зрения несправедливо обиженной памяти поэта нужен был бы сейчас Ваш голос – голос, которому привыкли верить, к которому прислушиваются. Мне думается, есенинская тема не может быть для вас безразличной и как для художника»[16].

Писать об ушедшем Есенине было нелегко. Раскрыть есенинскую трагедию напрасно пытался А. Я. Цинговатов, сообщавший Горькому о своих планах 15 января 1927 г.: «За последнее время я много работал над Дж. Лондоном и С. Есениным»[17]. Замысел этот не осуществился так же, как и замысел А. Чапыгина: «<...> Написал лишь краткое воспоминание о Есенине», – писал он Горь-

кому в начале ноября 1926 г.[18]. Воспоминания эти не обнаружены до настоящего времени.

Горькому было нелегко – тем более на расстоянии – разобраться в причинах есенинской трагедии, тем более, что эти причины неверно истолковывались и многими близкими Есенину людьми, например, такими, как Чапыгин. Искренне глубоко переживая недавнюю гибель поэта («Какая жалкая и страшная история – такой талант и душа русская, раздольная душа!»[19]; «Серёжу как вспомню – щемит душу. Жаль парня! Не часто такие бывают, но он пришёл, как Тореро из Ибаньеса [герой романа Бланко Ибаньеса В. «Кровь и песок». – *Т. С.*]: "этот паренёк, не учась, быка кладёт, а дорого заплатит за храбрость!"»[20]). Чапыгин в письме Горькому от 20 апреля 1926 г. объясняет есенинскую гибель «бесконечными любовными похождениями и безволием, в которое погружает ежедневное пьянство: воля пропадает, и бредовые ощущения и кошмары выступают в душе всё рельефнее»[21]. «Серёжа <...> последнее время стал воспевать кошмары, – продолжает Чапыгин в письме Горькому от 8 июля 1926 г., – лежал на битых бутылках, пьяный истекал кровью, вылечился, написал сильное стихотворение <"Годы молодые с забубённой славой!.."> <...> Потом "Чёрный человек" – поразительный кошмар белой горячки. А культура всё слабее, а воля всё меньше – алкоголь убивает волю»[22].

Эта и подобные ей легенды о последних месяцах жизни поэта определённым образом повлияли на горьковскую концепцию есенинской трагедии («Вы правильно оцениваете его [Есенина. – *Т. С.*]», – соглашался он с Чапыгиным в письме от 1 мая 1926 г.)[23].

15 июня 1926 г. С. А. Толстая-Есенина обращается к Горькому с просьбой написать статью для сборника памяти поэта, предполагавшемуся к выходу в издательстве «Круг», членом правления которого Есенин состоял несколько лет: «Алексей Максимович, думаете ли Вы писать о Сергее критически и в ответ на нападки? Вы единственный человек, который мог бы сейчас сказать по-настоящему, чтобы эти люди пришли в себя, а то они совсем взбесились. Вы не можете себе представить, что пишут в провинции и что говорят на диспутах. <...> Сергей уже стал "фашистом" (!), по отзыву особо ретивых!»[24]. Сборник так и не был опубликован – 6 мая 1927 г. Толстая-Есенина сообщала Горькому: «<...> Все наши попытки ускорить издание сборника были невероятно [подчёркнуто автором. – *Т. С.*] затруднены общей травлей на Есенина»[25].

Непоследовательность и крайняя противоречивость горьковских оценок Есенина и его творчества очевидна. В этом плане позволим себе не согласиться с предваряющим одну из публикаций категорично однозначным утверждением И. Вайнберга: «<...> Приятно сказать: нет в советской литературе поэта, которого бы Горький воспринимал с такой взволнованностью, так ценил и любил, как Сергея Есенина»[26].

В поле зрения исследователей в отечественном литературоведении долгое время находились лишь отзывы Горького о Есенине положительного характера,

а между тем среди них немало противоположных. Явно упрощённое понимание личности поэта, намеренное сужение масштабов его творчества – в письме Горького Е. К. Феррари (О. Ф. Голубевой) от 10 октября 1922 г. Критически разбирая присланные ему стихи адресата, Горький попутно анализирует и творчество Есенина последнего периода: «Есенин – анархист, он обладает "революционным пафосом", – он талантлив. А – спросите себя: что любит Есенин? Он силён тем, что ничего не любит, ничем не дорожит. Он, как зулус, которому бы француженка сказала: ты – лучше всех мужчин на свете! Он ей поверил, – ему легко верить, – он ничего не знает. Поверил и закричал на всё и начал всё лягать. Лягается он очень сильно, очень талантливо, а кроме того – что?»[27]

С одной стороны, Горький называет имя Есенина в одном ряду с именами Пушкина, Шелли, Бодлера, Гаршина, Андрея Белого – «<...> всё это люди бунтарского начала, направленного вовне – в мир, а не в себя...»[28] (письмо Ф. Г. Ласковой от 13 января 1926 г.); возражает А. Н. Тихонову, написавшему ему 24 марта 1926 г., что поэзия Есенина – явление отнюдь не большого масштаба: «С Вашей оценкой Есенина – не согласен»[29]. «Если б Вы знали, друг мой, – обращается он из Неаполя к бельгийскому писателю Францу Элленсу (7 февраля 1926 г.), – какие чудесные, искренние и трогательные стихи написал он [Есенин. – *Т. С.*] перед смертью, как великолепна его поэма "Чёрный человек", которая только что вышла из печати. Мы потеряли великого русского поэта...»[30]

С другой – в письме В. А. Каверину (от 25 ноября 1923 г.) Горький следующим образом отзывается о прочитанных книгах современных ему русских писателей: «Тихонов для меня уже и теперь выше Есениных всех сортов»[31]. «Не стану говорить о нём как о поэте очень своеобразном...», – пренебрежительно характеризует он Есенина в письме Тихонову от 4 апреля 1926 г.[32]. Беседуя в 1932 г. с «писателями-ударниками» по вопросам, предложенным рабочим редсоветом ВЦСПС, Горький отзовётся о поэте ещё более уничижительно: «Художником он был невысоким, скажем прямо»[33].

А. М. Горький – весьма противоречивая и, несомненно, трагическая фигура мировой литературы XX века. Наши представления о нём и его окружении значительно углубляют и расширяют дневниковые записи писателя, накрепко связанного с литературным процессом тех лет, – К. И. Чуковского. И хотя существует неписаное правило – нельзя слишком доверять свидетельствам мемуаристов, – дневниковые записи Чуковского множество раз подтверждали свою тщательность и достоверность: записанный писателем текст почти дословно, почти буквально совпадает с другими документальными материалами. В них уточняются и наши представления о Горьком – уже не «иконописном» основоположнике социалистического реализма, но живом, страстном, одержимом симпатиями и антипатиями человеке, которому нередко приходится и лавировать, и поступаться своими убеждениями.

Сошлёмся в этой связи на свидетельство Чуковского, который в своей дневниковой записи от 3 октября 1920 г. приводит признание Горького, настолько

ошеломившее его своею неожиданностью, что мемуарист подчёркивает его: «Такая моя роль. Я ведь и в самом деле часто бываю двойствен. Никогда прежде я не лукавил, а теперь с нашей властью мне приходится лукавить, лгать, притворяться. Я знаю, что иначе нельзя»[34].

Приведённые горьковские оценки Есенина, зачастую отрицающие внутреннюю свободу художника, свободу творчества (тем более – относящиеся к такого «бунтарского» склада поэту, как Сергей Есенин, с первой же встречи заявившему, например, А. К. Воронскому: «Намордник я не позволю надеть на себя и под дудочку петь не буду. Это не выйдет»[35]), во многом получают объяснение в приведённом Чуковским в его дневниковой записи от 20 марта 1920 г. весьма примечательном эпизоде, связанном с участием Блока и Горького во «Всемирной литературе». Напомним детали: Блок отредактировал том стихотворений Лермонтова, получилась серьёзная, тонкая и умная работа. «Очень хорошо подобраны стихи, но статья написана не в популярно-вульгарном тоне, как нужно Горькому, – поясняет Чуковский, – а в обычном блоковском, с напрасными усилиями принизиться до уровня малокультурных читателей». Метко схвачена суть непонимания друг друга Блоком и главным редактором «Всемирной литературы» Горьким, сурово разбирающим редакторскую работу Н. С. Гумилёва, Е. И. Замятина и других: «Для Блока Лермонтов – маг, тайновидец, сновидец, богоборец; – для Горького это "культурная сила", "двигатель прогресса", здесь дело не в стиле, а в сути. Положение Блока – трагическое. Чем больше Горький доказывал Блоку, что писать надо иначе: "Дело не в том, что Лермонтов видел сны, а в том, что он написал «На смерть П<у>шк<ина>»", – тем грустнее, надменнее, замкнутее становилось измученное, прекрасное лицо Блока»[36].

Рассматривавшему талант совсем с иных, чем Блок, позиций, иначе представлявшему задачи творчества, Горькому иногда отказывало вообще-то присущее ему умение оценить прихотливое явление таланта: тонкость, игру ума, изящество мысли. В литературоведческих работах и в воспоминаниях мемуаристов немало написано о том, что пролетарский писатель ценил выше всего практические знания, подчёркнуто его преклонение перед научной интеллигенцией. Отсюда и произнесённые в запальчивости цитируемые Чуковским слова Горького после приведённого выше разговора: « – Вот наши писатели. Ничего не могут! Ничего. Нет, Корней Иваныч, учёные лучше. Вот мы вчера заседали здесь – это люди!»[37].

Такого Горького не мог принять и не принимал в последние месяцы своей жизни нетерпимый к любой полуправде Блок. Свидетельство Чуковского, записанное в его дневнике 12 августа 1921 г., в первые, самые тяжёлые дни утраты Блока, о том, что «в последнее время» тот «не выносил Горького, Тихонова – и его лицо умирало в их присутствии»[38], перекликается с записью самого Блока от 17 декабря 1920 г.: «Правление Союза писателей. Присутствие Горького (мне, как давно уже, тяжёлое)...»[39].

Отметим, что отношение к Горькому становится вполне определённым к этому времени как у значительного большинства русской эмиграции, так и у писателей метрополии. Фигура Горького ярко высвечивается в эпизоде посещения советской России Гербертом Уэллсом.

Уэллс, как писатель-фантаст, находившийся во власти идей построения нового общества, внимательно и с большим интересом наблюдал за событиями, происходившими в России, и побывал там дважды: в 1914 и 1920 гг. После первой поездки он публикует в газете «Daily News» статью «Россия и Англия: этюд в контрастах», а после второй – серию очерков в еженедельнике «Sunday Telegraph», составивших затем книгу «Россия во мгле». Эти публикации вызвали возмущение как русской эмиграции, так и писателей метрополии: выступления И. А. Бунина («Несколько слов английскому писателю»[40], в рукописи – «Мой ответ Уэллсу»), А. В. Амфитеатрова («Горестные заметы»)[41], предисловие Н. С. Трубецкого к переведённой им книге Уэллса[42]. Значительное число русских эмигрантов вступило в дискуссию с Уэллсом, в том числе – А. В. Тырковой-Вильямс, в 1920 г. опубликовавшая собранные ею материалы в лондонском журнале Комитета Освобождения России «The New Russia».

Конечно, в советской периодике визит Уэллса оценивался высоко: в частности, А. Воронский напечатал в своём журнале статью «О книге Уэльса о России», в которой отмечал: «Мы, коммунисты, можем быть довольны результатами поездки Уэльса в Советскую Россию. Советская Россия, несмотря на всю разруху, завоевала Уэльса. Это совсем недурной результат»[43].

Уэллс приехал в Россию по приглашению именно Горького – этот факт красноречиво говорит о том, какое высокое положение в советской писательской иерархии занимал тогда последний. Не оставляя гостя одного ни на минуту и исключив этим саму возможность общения с кем бы то ни было по его собственному желанию, ему не только показывали «потёмкинские деревни», но и переводили на английский лишь выборочно.

О посещении Уэллсом горьковского издательства «Всемирная литература» написано достаточно много, тем не менее сошлёмся в очередной раз на Чуковского, узнавшего о предполагаемом визите: «Уэллс уедет из редакции обласканный, задаренный вниманием, восторженными, греющими словами... О том, что дома нет дров, что близкий человек в сыпном тифу, что продана спекулянту последняя скатерть, что *не переводить и не примечания писать к переводам, а писать своё необходимо писателю* [курсив наш. – *Т. С.*], – о том, как умирают темы, как распыляются образы, как забываются желанные слова, о том, какая это мука для писателя – этих признаний никто гостю делать не будет...»[44] Впечатление Чуковского полностью разделяет и Трубецкой: «В Доме Литературы и Искусства г. Уэллс узнал, что русские писатели новых книг не пишут, а переводят с иностранных языков произведения мировой литературы. Это ему скорее даже понравилось. О том, почему вдруг перестали писать русские бел-

летристы, он даже и не задумался. <... > не пишут, так и не пишут <... >, вот и всё»[45].

Известно, что некоторые из русских писателей по-своему пытаются раскрыть глаза Уэллсу на происходящее в стране, но Горький неизменно резко обрывает их. Так, во время банкета в «Доме Искусств» в ответ на выступление одного из присутствующих, пытающегося рассказать о реальном положении вещей, он заявляет, что «просят обойтись без ламентаций»[46], а после выступления Амфитеатрова вообще демонстративно покидает банкет. Амфитеатров первоначально не планировал выступать: он собирался на банкете передать Уэллсу специально написанное для него письмо, но поведение Горького глубоко возмутило его и он выступил с речью. Писатель говорил о голоде и нищете своих товарищей по перу; о том, что банкеты, на которые приглашают Уэллса, проводятся в экспроприированных домах; он предложил присутствующим на банкете писателям снять свои пиджаки, чтобы Уэллс увидел рубище, надетое под ними. Выступая, он замечает, что перевод его речи на английский слишком краток, и что далеко не всё из того, о чём он говорит, переводится Уэллсу[47].

В ответ на цикл газетных статей Г. Уэллса о посещении им России, в которых он называет Горького «спасателем остатков русской культуры, одержимым сознанием ценности западной культуры», Д. С. Мережковский обращается к нему с «Открытым письмом», опубликованным в парижских «Последних новостях» и перепечатанным затем многими изданиями Русского зарубежья:

«Вы полагаете, что довольно одного праведника, чтобы оправдать миллионы грешников, и такого праведника Вы видите в лице Максима Горького. Горький будто бы спасает русскую культуру от большевистского варварства.

Я одно время сам думал так, сам был обманут, как Вы. Но когда испытал на себе, что значит "спасение" Горького, то бежал из России. Я предпочитал быть пойманным и расстрелянным, чем т а к спастись.

Знаете ли, мистер Уэллс, какою ценою "спасает" Горький? Ценою о п о д л е н и я [разрядка автора. – *Т. С.*] <...>

Вас умиляют, а меня ужасают основанные Горьким "Дом Науки" и "Дом Искусств" – две братские могилы, в которых великие русские учёные, художники, писатели, сваленные в кучу, как тела недобитых буржуев, умирают в агонии медленной. <... > Нет, мистер Уэллс, простите меня, но Ваш друг Горький – не лучше, а хуже всех большевиков – хуже Ленина и Троцкого. Те убивают тела, а этот убивает и расстреливает души»[48].

И – как комментарий – многое проясняющая дневниковая запись Чуковского от 22 деакбря 1920 г.: на заседании «Всемирной литературы» при чтении «ругательства Мережковского – против Горького» сидевший рядом Блок говорит ему – шёпотом: «А ведь Мереж<ковский> прав»[49].

Тем не менее – этого нельзя не отметить – именно Горький направляет А. В. Луначарскому 29 мая 1921 г. письмо, в котором просит его ходатайствовать

перед ЦК РКП(б) о разрешении выехать смертельно больному Блоку в Финляндию[50]. Именно Горький с горечью замечает в письме тому же адресату (не позднее 23 июля 1921 г.): «<...> Умирающего А. А. Блока, который по глубокой честности своей не скажет ни слова хулы на Совправительство, – Блока не пустили лечиться в Финляндию, а заведомых врагов Соввласти отпускают по три штуки сразу. Это – странно»[51].

У Горького была своя точка зрения на гибель Есенина: он считал причиной всему неизжитые «трагические отношения города и деревни». В одном из своих писем он поясняет причины этой «непонятной», но «глубоко поучительной» драмы, стоящей «не менее стихов Есенина»: «Никогда ещё деревня, столкнувшись с городом, не разбивала себе лоб так эффектно и так мучительно. Эта драма многократно повторится в будущем»[52].

Свой взгляд на причины гибели Есенина Горький обосновывает в письмах различным адресатам. О том, что жизнь и смерть поэта «как нельзя лучше» характеризуют «трагизм отношения города и деревни, трагизм, который должен всё более возрастать и углубляться», – он пишет А. Тихонову 4 апреля 1926 г. И добавляет: «Это неизбежно — на мой взгляд – не только для России, а для всех стран с крупным – численно — крестьянским населением. Это и здесь чувствуется, и здесь»[53].

Особо обстоятельно Горький объясняет свою точку зрения в известном письме Ромену Роллану (1928): «Драма Есенина – это драма глиняного горшка, который столкнулся с чугунным, драма человека деревни, который насмерть разбился о город. Я думаю, что эта драма не однажды повторится в России, но не понимаю, как можно винить в этом Советскую власть? Этого типа драмы неизбежны при всяком режиме»[54].

Вновь и вновь Горький повторяет мысль о гибели поэта. Противопоставляя есенинской поэзии творчество М. В. Исаковского, он замечает: «Драма совершенно законная. Вероятно, и ещё не один талантливый человек погибнет, если не сумеет понять, почувствовать глубокое и всем ходом истории обусловленное значение того, что называется "смычкой" города и деревни»[55].

Уместно обратиться и к тому объяснению, которое даёт Горький в беседе с «писателями-ударниками» в 1932 г.:

«Реплика с места: – А помните, одно время у нас здорово заразились Есениным, а он был нам чужд.

Горький: – <...> Я бы сказал следующее: если бы о Есенине не кричали так много, а просто читали, то, уверяю вас, ничего бы не вышло, никаких заболеваний. Здесь – ясное и определённое явление. Крестьянский поэт, тот самый глиняный горшок, который, столкнувшись с железной посудой – с городом, должен был об него разбиться. Это драма не одного Есенина, а всех настоящих, кондовых, инстинктивных биологических крестьянских поэтов <...>. Несчастные люди его типа неизбежно приходят к тому же концу»[56].

Точку зрения Горького (Есенин – жертва города), в те годы довольно распространённую, разделял и столь тонкий и чуткий критик, как Воронский (статья-воспоминание «Об отошедшем»): «Тёмная, вонючая, гнилая жижа раскрывает недра свои, всасывает и затягивает, – и человек гибнет. Такие поляны называются чарусами. От такой городской чарусы и погиб Сергей Есенин»[57].

Время выявило не только уязвимость, но явную ошибочность горьковской концепции. Взгляд пролетарского писателя на жизнь и творчество Есенина прямо вытекал из его взглядов и сложного отношения к деревне вообще, к русскому крестьянству.

В письме от 13 июля 1925 г. Горький пишет Н. И. Бухарину в связи с учреждением нового издательства: «Очень хорошо, что "Прожектор" будет издавать книжки и в их числе издаёт рассказы Романова о деревне. Это – весьма хорошие рассказы, особенно если противопоставить их возрождающемуся сентиментализму народничества, столь ярко выраженному в "Сахарном немце" поэта Клычкова и в гекзаметрах Радимова "Деревня". Надо бы, дорогой товарищ, Вам или Троцкому указать писателям-рабочим на тот факт, что рядом с их работой уже возникает работа писателей-*крестьян* [курсив автора. – *Т. С.*] и что здесь возможен, – даже, пожалуй, неизбежен конфликт двух "направлений". Всякая "цензура" тут была бы лишь вредна и лишь заострила бы идеологию мужикопоклонников и деревнелюбов, но критика – *и нещадная* [курсив наш. – *Т. С.*] – этой идеологии должна быть дана теперь же.

Талантливый, трогательный плач Есенина, – резюмирует автор письма, – о деревенском рае – не та лирика, которой требует время и его задачи, огромность которых невообразима. Хотелось бы, чтобы Казин и Тихонов скорее поняли это»[58].

Впоследствии Горький вполне будет разделять утверждение Ф. Гладкова, высказанное им в письме от 5 мая 1926 г.: «Только тот писатель сейчас имеет большую ценность, который органически вышел из революции и сам – глубокий революционер. <...> Несмотря на огромный талант, такие писатели, как Есенин или, скажем, Бунин – уже рудимент, и гибель их – явление хотя и грустное, но естественное и неизбежное»[59]. Вот почему, сопоставляя поэзию Есенина и Исаковского, Горький отдаёт предпочтение последнему.

Итак, не соглашаясь с определением Горьким есенинской трагедии как «трагедии глиняного горшка», подчеркнём главное: писатель по-своему ценил есенинское творчество, и в 1920-е гг. понятия «есенинская поэзия» и «есенинщина» не являлись для него синонимичными.

Однако в 1930-е гг. Горький считал уже «социально опасным» творчество новокрестьян, в том числе Есенина, сближая его с... фашистской идеологией. Отсюда – трагическая роль Горького в судьбе Павла Васильева. Истоки поэзии П. Васильева, – писал Горький Л. З. Мехлису, – «неонародническое настроение – или течение, созданное Клычковым – Клюевым – Есениным, оно становится всё за-

метней, кое у кого уже принимает русофильскую окраску и – в конце концов – ведёт к фашизму»[60]. Занимавший достойную позицию, защищая от нападок вульгарно-социологической критики Б. Пильняка, М. Булгакова, Е. Замятина и многих других, – в оценке творчества крестьянских писателей Горький допускал ошибки. Если ещё в 1920-е гг., при всех его противоречивых оценках Есенина, доминантными были всё же восхищение огромным талантом поэта, боль за него, – то в 1930-е гг. оценка Горьким новокрестьянских писателей явилась закономерным финалом его отношения к так и не понятому им крестьянству.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Иванов Вс.* Переписка с А. М. Горьким: Из дневников и записных книжек. 2-е изд., доп. М.: Советский писатель, 1985. С. 26.

[2] Архив А. М. Горького. Переписка А. М. Горького с И. А. Груздевым. Т.XI. М., 1966. С. 29.

[3] В мире Есенина. М., 1986. С. 438.

[4] *Горький А. М.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 29. С. 459.

[5] Там же. С. 470.

[6] *Баранов В. И.* Максим Горький подлинный и мнимый. М.: Просвещение, 2000. С. 47.

[7] *Андреева М. Ф.* Переписка, воспоминания, статьи, документы. М., 1968. С. 373.

[8] Звезда. Л., 1961, № 1. С. 146.

[9] Новый мир. М., 1968, № 3. С. 43.

[10] Архив А. М. Горького. Переписка А. М. Горького с И. А. Груздевым. Т. XI. С. 30.

[11] Горьковские чтения 1953–1957. М., 1959. С. 52.

[12] Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М., 1963. С. 645.

[13] В мире Есенина. М., 1986. С. 443.

[14] Архив А. М. Горького. Т. X. Кн. 2. М., 1965. С. 46.

[15] Вопросы литературы. 1985. № 9. С. 81.

[16] Там же. С. 83.

[17] Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. С. 626.

[18] Там же. С. 650.

[19] Там же. С. 643.

[20] Там же. С. 646.

[21] Там же. С. 644.

[22] Там же. С. 646.

[23] Там же. С. 645.

[24] Сергей Есенин в переписке современников / Вступ. ст., публ. и комм. В. Вдовина // Вопросы литературы. 1980. № 12. С. 237.

[25] Там же. С. 236.

[26] *Вайнберг И.* «Какой чистый и какой русский поэт!»: Сергей Есенин в восприятии А.М. Горького // В мире Есенина. С. 431.

[27] Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. С. 568.

[28] Там же. С. 234.

[29] Горьковские чтения 1953–1957. М., 1959. С. 52.

[30] Цит. по: Летопись жизни и творчества С. А. Есенина. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН. 2003. С. 39.

[31] Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. С. 177.

[32] Горьковские чтения 1953–1957. С. 52–53.

[33] *Горький А. М.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 26. С. 91.

[34] *Чуковский Корней.* Дневник 1918–1923 гг. / Подгот. текста, публ. и комм. Елены Чуковской // Новый мир. 1990. № 8. С. 128.

[35] Жизнь Есенина: Рассказывают современники / Сост., вступ. ст. и прим. *С. П. Кошечкина.* М., 1988. С. 451.

[36] Там же. С. 124.

[37] Там же. С. 125.

[38] Там же. С. 147.

[39] *Блок Александр.* Записные книжки. 1901–1920. М., 1965. С. 509.

[40] *Бунин Ив.* Несколько слов английскому писателю // Общее дело. 1920. 24 ноября. № 132; 1920, 25 ноября. № 133.

[41] *Амфитеатров А. В.* Горестные заметы // Новая русская жизнь (Гельсинфорс). 1921. 27 сентября. № 221; 1921. 28 сентября. № 222.

[42] *Трубецкой Н. С.* Предисловие // *Уэллс Г. Д.* Россия во мгле / Пер. с англ. София: Российско-болгарское книгоиздательство, 1921. С. III–IV.

[43] *Воронский А.* О книге Уэльса о России // Красная новь. 1921. № 1. Июнь. С. 291.

[44] *Чуковский Корней.* Дневник 1918–1923 гг. С. 127.

[45] *Трубецкой Н. С.* Предисловие // Уэллс Г. Д. Россия во мгле. С. IV.

[46] Цит. по: *Казнина О.* Русские в Англии. Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века. М., 1997. С. 109.

[47] О том, что Уэллсу переводили далеко не всё, свидетельствует и Е. И. Замятин.

[48] Последние новости. Париж. 1920. 3 декабря.

[49] *Чуковский Корней.* Дневник 1918–1923 гг. С. 130.

[50] Архив А. М. Горького. Т. XIV. М., 1986. С. 99.

[51] Известия ЦК КПСС. 1989. № 5. С. 216.

[52] *Горький А. М.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 30. С. 37.

[53] Горьковские чтения 1953–1957. С. 53.

[54] Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. С. 20.

[55] *Горький А. М.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 24. С. 310.

[56] Там же. Т. 26. С. 91.

[57] Красная новь. 1926. № 10.

[58] Цит. по: Известия ЦК КПСС. 1989. № 1. С. 245.

[59] Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. С. 79.

[60] Цит. по: *Васильев Павел*: «Но как не хватает воздуха свободы!»: О роли М. Горького в судьбе поэта / Публ. Н. Примочкиной // Литературная газета. 1991. 16 октября. № 41. С. 12.

Д. Д. Николаев (Москва)

«СМЕРТЬ ЕСЕНИНА ОТДАЛА ЕГО НАМ» (РУССКАЯ ПРАГА 1920-Х ГГ. О СЕРГЕЕ ЕСЕНИНЕ)

В начале 1920-х гг. отношение большей части русской эмиграции к Сергею Есенину определялось, что вполне естественно, связанностью его с установившейся в России властью большевиков[1]. Чем резче было отторжение большевиков, тем категоричнее отрицание тех, кто их в той или иной степени поддерживал, и наоборот.

«Иногда стремление во что бы то ни стало освятить мистическим преображением кровь и грязь совершающегося, желание под грубой корой событий увидать божественный смысл доводит даже такого талантливого поэта, как Есенин, до безвкусных и вымученных произведений вроде поэмы о "товарище"»[2], – писал в начале 1921 г. в пражской газете «Воля России» Марк Слоним. Слоним отвергал поэму Есенина, но признавал его талант, а вот И. А. Бунин на страницах другого эмигрантского издания, выходившего в Праге, – газеты «Огни» – осуждал тех, кто так или иначе поддерживал большевиков, безоговорочно. В напечатанной 8 августа 1921 г. в первом номере газеты статье «Страна неограниченных возможностей» Бунин утверждал, что «только в России можно дерзнуть на бесстыдство "планетарное", на глупость, повергающую в столбняк», что «у нас почва для всяческой чепухи и гнусности большевистской была давно готова».

В числе тех, кто готовил и принял чепуху и гнусность большевистскую, Бунин называл и Есенина: «Конечно, это было немного чересчур – то, что первый русский "декадент" Емельянов-Коханский привязывал себе собачьи когти к пальцам, надевал прямо на бельё бурку, на голову папаху, а на глаза чёрные очки и гулял в таком виде по Тверскому бульвару. Однако же это было, и ведь это Емельянов родоначальник всех этих Брюсовых, Маяковских, Есениных, Шершеневичей, Луначарских...»[3]

Газета «Огни», которая выступала с правых позиций и старалась пропагандировать деятельность «Русского Совета», возглавляемого генералом Врангелем, задумывалась, в частности, как периодическое издание, противостоящее эсеровской агитации в Праге, а газета «Воля России» и была тем органом левых эсеров, которому требовалось противостоять[4]. И оценки Есенина определялись в значительной степени политической позицией издания. Впрочем, «просоветская» с точки зрения правого лагеря «Воля России» на самом деле к большевистской власти ис-

пытывала не больше симпатии, чем к монархистам, и всё, что казалось напрямую связанным с большевиками, также отрицала. Уже по возобновлении в 1922 г. в качестве еженедельника «Воля России» противопоставляла подлинно художественное в произведениях Есенина попыткам исполнить «социальный заказ».

В 12 номере «Воли России» Н. Мельникова-Папоушкова представляла книги А. Блока «Рамзес» и Есенина «Пугачёв». Критический отзыв, озаглавленный «Драматизированная история», начинался с утверждения: «Блок начал работать над "Рамзесом" не по собственному побуждению, не из душевной потребности высказаться, а, так сказать, "на заказ". У М. Горького явилась мысль предложить русским писателям написать ряд исторических сцен для ознакомления широкой публики с прошлым человечества. Блок взялся иллюстрировать древний Египет, создать художественное учебное пособие»[5].

По мнению Мельниковой-Папоушковой, «глубоким пессимизмом веет от этого небольшого драматического отрывка, мораль которого полная безнадёжность», и «не более радостное впечатление производит и "Пугачёв" С. Есенина". Признавая безусловные художественные достоинства произведений Блока и Есенина, Мельникова-Папоушкова объясняет это прежде всего тем, что у поэтов «берёт верх художественное чутьё». Но итогом победы художественности над тенденцией становится то, что в произведениях «вместо утешения вырывается отчаяние», «тёмные стороны жизни выступают наружу, никакой душевный маскарад не может закрыть измены и мелочности»[6].

Конечно, были среди эмигрантов в Праге и те, кто, по крайней мере, декларативно, уже в начале 1920-х гг. выступал против разделения литературы на два лагеря по политическому принципу. «Мы слишком привыкли за годы изгнаний и скитальчества делить всю литературу на два лагеря, принимая за критерий бело- и красногвардейство: но ведь это не так на самом деле. Ясно и просто в один счастливый день мы увидим, что чувства, лишённые окраски дня политического, распространяются не направо и налево, но — как воркующие голуби — возносятся к зениту, сверкая чистейшей белизною крыльев, а мы все, кто стоит на земле (направо и налево), только созерцатели этого вознесения, – утверждал Евгений Недзельский в статье "Книги из России", опубликованной в 1922 г. во второй книге периодического литературно-художественного сборника "Младорусь". – В литературе ярче всего выступают ценности не сегодняшние, вневременные. Забудутся и Демьян Бедный, и Василий Князев, и Андрей Аллин, поскольку они писатели станов, но каплями мёда падают в Грааль вечности строки новых рыцарей гонимого эстетизма»[7].

Впрочем, в современной поэзии Недзельский (кстати, ровесник Слонима) видел склонность скорее не к эстетизму, а к «бесстрастному интеллектуализму», и интеллектуализм этот воспринимался им как реакция на поэзию Маяковского и Есенина: «Ещё недавно увлекал Маяковский, как поэт волевого чувства, неосознанного, которое не укладывается, якобы в узкие (?) <вопросительный знак

автора> формальные рамки, а Есенин дарил нас поистине образцами такой, вне правил, "самобытно" нарождающейся поэзии. И вот, после нескольких лет волевых напряжений, уже явно наступает реакция: опять возрождается интеллект»[8].

Для пражской литературной молодёжи Есенин был одним из самых «читаемых» и «почитаемых» поэтов, если воспользоваться известными словами Маяковского о Саше Чёрном. В декабре 1922 г. в пражском литературном объединении «Скит поэтов», которым руководил А. Л. Бем, доклад о Н. Клюеве и Есенине читал Николай Дзевановский. О том, что к творчеству Есенина в «Ските» проявляли особый интерес, свидетельствует и публикация в первом номере литературно-художественного и общественно-политического иллюстрированного журнала «Своими Путями». В этом издании Русского Демократического Студенческого Союза в Чехословакии был помещён отчёт о состоявшемся 25 октября 1924 г. еженедельном собрании Чешско-Русской Едноты, на котором выступали молодые русские поэты, живущие в Праге: Н. Болесцис, А. Туринцев, С. Рафальский, А. Фотинский, Е. Недзельский и др. Публикация сопровождалась рассказом о «Ските поэтов», в небольшой заметке упоминался и Есенин:

«"Скит поэтов", третий год существующий в Праге, не является выразителем какого-либо одного течения. Последователи разных школ объединены в нём одним: не только не бояться нового, но стремиться к усвоению его лучших сторон, не отвергая ценного у старых мастеров.

В "Ските" не боятся поэтов, подобных Есенину и Маяковскому, и со вниманием подходят к ним, как к поэтам, отвергая в них политическую сторону.

Заслуга "Скита" в том, что он помогает молодым поэтам, находящимся вдали от родины, идти нога в ногу с поэтами, работающими там, чутко улавливая дух современной русской поэзии»[9].

Один из членов «Скита», Вячеслав Лебедев, отмечал, что «хотя "Скит" был исключительно эмигрантским обществом, но главенствовала в нём – советская поэзия, представленная Маяковским, Есениным и Пастернаком»[10]. «Под сильным влиянием Маяковского и Есенина» находился Алексей Фотинский, сам Лебедев «увлекался Гумилёвым и Есениным, позднее Пастернаком»[11]. Представитель «третьего поколения» «Скита» Вадим Морковин связывал пристрастие к Есенину также с ориентацией пражской молодёжи на Москву (в противоположность «петербургской» ориентации парижской эмиграции) и даже с «классовой подоплёкой»: «Прежде всего, русские в Праге были наиболее радикальной частью эмиграции. Тут было много учащейся молодёжи и сильны чешские республиканские и демократические идеи. Все эмигрантские "ереси" – евразийство, социалистические издания, "возвращенчество с высоко поднятой головой" – шли именно из Праги. В редакциях парижских газет и журналов, издаваемых на частные средства зажиточных людей, а ргіогі смотрели на всё пражское с недоверием.

Далее, пражане тяготели к поэзии московской – Цветаевой, Пастернаку, Есенину... В Париже, наоборот, преобладали традиции "блистательного Санкт-

Петербурга" – акмеизма и классицизма. "Распущенный москвич" для парижан было осуждением, для нас – похвалой. Нетрудно найти под всем этим классовую подоплёку, mais lessons ca»[12].

Есенин вообще был одним из самых «читаемых» русских писателей в Праге. Согласно опубликованным в 1925 г. в «Воле России» данным[13], он по количеству читательских требований Русской народной библиотеки в Праге уступал только И. Шмелёву. В декабре 1925 г. о новых стихотворениях Есенина в «Воле России» писал М. Слоним. «Письмо матери» он называл «чудесным», а в послании «Пушкину» видел попытку возвращения «в дом, в "простоту, чистоту и пустоту"»: «отравленный "горькою отравой", кабаками и хулиганской позой, усталый от непутёвой жизни», «после скандалов и озорства он обращается к Пушкину, и пред его бронзовой статуей стоит, как пред причастьем»[14].

Окончательно сняла вопрос о «политической» принадлежности писателя к тому или иному лагерю гибель Есенина. О том, что теперь – после смерти — можно и нужно, наконец, воздать в полной мере должное великому русскому поэту писали на страницах идеологически враждебных друг другу изданий. В журнале «Годы» в разделе «Литературная жизнь» в № 1 была помещена статья «Есенин». «После трагической смерти Есенина как-то невольно хочется пересмотреть своё отношение к поэту, оглянуть всю его фигуру», — подчёркивал А. Брей.

В предреволюционные годы, когда шла борьба «старых и молодых поэтов», в годы революции, когда борьба из области эстетической перешла в политику, Есенин не пошёл по пути полного отрицания, пересмотра всех основ, не стал, как многие, отвергать «не только старую форму, не только старое мироощущение, но даже и старое понятие о цели и назначении поэзии». «Поднят был вопрос о поэзии пролетарской, буржуазной, эстетической, индивидуалистической и производственной. В этой шумихе и неразберихе Есенин – один из немногих – молодых и новых оставался понятным и старым и молодым. Кроме своей понятности Есенин внёс тогда в русскую поэзию и нечто иное. В атмосфере утончённости и нарочитой грубости (что то же) Имажинистов и Маяковского, эквилибристики Асеева, псевдо-аржаных творений В. Каменского – голос Есенина прозвучал подлинной свежестью варвара с нотами здоровой грусти, непосредственной весёлости и озорства. Формальные ухищрения "истов" прошли мимо него , – отмечал Брей.

Последний период есенинского творчества, по мнению Брея, – это период упадка. Есенин теряет своё, есенинское; простота, которая привлекала читателя, уже воспринимается не как результат преодоления, а как проявление слабости, обезличения; начинает сказываться отсутствие мастерства, духовного роста, зрелости. Брей называет Есенина «ярчайшим примером русского безволия», но тут же фактически признаёт, что безволие это — не недостаток, а скорее достоинство. Именно «за безалаберность эту самую, нам родную, за простодушную, душевную песню, за грустную нотку в ней, за бесшабашную удаль любим мы

Сергея Есенина», «здоровье, свежесть, понятность и искренность и ставят его на особое место среди современных поэтов – в этом залог любви к нему»[15].

Откликнулось на смерть Есенина и ещё одно русское пражское издание — еженедельный политический и литературный журнал «Русская неделя» («Rusky tyden»). Журнал этот заслуживает пристального внимания прежде всего из-за своей идеологической ориентации. Для Праги, где преобладали периодические органы леводемократической ориентации, появление монархического журнала, тем более во второй половине 1920-х гг., когда правые круги чешских политиков были фактически изгнаны из политики, является событием крайне примечательным. Первый номер журнала «Русская неделя» вышел в Праге 31 января 1926 г. Издателем выступил Г. И. Рыбинцев, ответственным редактором Э. Мареш. «Выпуская первый номер нашего журнала, мы сознаём особую моральную ответственность печатного органа, именно — теперь, в переживаемое Россией страшное время, – заявляла редакция. – Если прежде можно было умалчивать о многом больном, сегодня – за боротом России мы должны, хотя и чутко, и осторожно, но подойти к решению ряда проблем строительства Родины, как бы болезненны они не были»[16].

Основной задачей журнала объявлялась борьба с захватчиками власти в России до победного конца. Сотрудники журнала полагали, что только «ОБЪЕДИНЁННЫМИ СИЛАМИ ВСЕГО РУССКОГО НАРОДА» будет свергнута советская власть и выражали готовность всеми способами и всеми действиями поддерживать усилия любых политических групп, пытающихся вести эту борьбу. Задачей каждого русского они видели воссоздание уничтоженных большевизмом форм государственной жизни России, общественности и церковности, новые начала которых уже вырабатываются перестрадавшим русским народом. Редакция выражала уверенность в том, что в Советской России есть подводные течения, которые уже работают на свержение власти большевиков, что там образовалось новое революционное подполье и идёт скрытая борьба.

Форму будущей российской государственности редакция декларативно не навязывала, но при этом высказывала стойкое убеждение, что «отжившие уже и на западе формы государственного устройства, как абсолютизм, ограниченная монархия или парламентаризм не приемлемы для будущей России с её своеобразным сочетанием различных национальностей, народностей и культур», и глубокую веру в то, что «русский народ выкует сам новые формы народоправства, охраняемые ЗАКОННЫМ НАРОДНЫМ ЦАРЁМ»[17].

«Гонения на Патриарха Тихона и его смерть, живоцерковный синод, работа комсомола, арест местоблюстителя Патриаршего Престола Петра Крутицкого, убийство 28 Епископов и тысячи священников и церковных служителей, обострив религиозное чувство народа и подняв рвение масс, в то же время — не могли не внести дезорганизации нашей церкви, – говорилось в опубликованном в первом номере редакционном обращении. – Естественно, что теперь русские

люди должны особенно бережно относиться к вопросам религии и церкви, но вместе с этой заботой видеть – именно – в церкви православной оплот в борьбе с захватчиками русской государственности и ждать от пастырей её деятельности, указанной заветами Преподобного Сергия Радонежского, Патриарха Гермогена и других Святителей и Печальников за Русскую Землю. Верим – Православная церковь, объединённая Патриархом Всероссийским, победит коммунизм и выведет русский народ из мрака неверия, ересей и сект»[18].

Сотрудники журнала выражали надежду, что и другие христианские церкви не останутся спокойными и бездейственными зрителями титанической борьбы за Веру и правду и протянут Православной церкви руку помощи. «Мы верим, что будущая Великая Россия простроится не на началах национального шовинизма, искусственно раздражавшего и отталкивавшего её разноплеменные части, а на началах твёрдой и строгой государственности, сплотившей некогда их в одно единое и могучее целое, – заявляли они. – И в этом целом – отдельные народности и национальности, составляющие Россию, будучи обеспеченными в своих самобытных, национальных и культурных достижениях, все вместе – в противовес попыткам коммунистов – развалить Русскую государственность, призываются нами к её УТВЕРЖДЕНИЮ – ибо не национализм, а обострённую государственность надлежит положить в основу строительства России»[19].

Программной для журнала можно считать статью В. Балканцева «Государственность и национализм». По мнению автора, мир стремится стать собранием самоопределяющихся Наций. Балканцев напоминал, что одним из итогов французской революций стала консолидация населения, завершение того, чего хотели, но так и не смогли добиться короли, вынужденные опираться на полунезависимых вассалов. Понятие Nation Francaise было выдвинуто французской революцией в качестве лозунга объединения всех народных сил Франции против полуфеодальной власти Центра и почти независимых правительств окраин. Оно обозначало единство и единообразие Франции в её территориальных границах, и победа Nation Francaise была победой центра над окраинами, ликвидацией отдельных полунезависимых правительств и подчинением всей Франции централизованной административной системе департаментов, т. е. объединением четырёх наций – La Nation de France, Nation de Picardie, celle de Normandie и celle d'Allemagne в одну, «составившую французский народ в его территориальных границах».

Балканцев отмечал, что определявшее развитие мировой истории противостояние Франции и России, в котором все прочие выступали лишь в роли ведомых, было противостоянием именно двух национальных государств, остальные «Двадесять языков Европы сопровождали Французскую нацию в её движении на Москву, а через год они же составляли свиту в торжественном въезде в Париж Императора Русского Народа»[20]. Именно слова «Народ» и «Нация», превратившись в лозунг масс, создали великие европейские государства – Россию, Францию, Германию, Италию: «Но, как известно, в мире действуют не только госу-

дарство-творные силы, но и государство-разрушительные. Более того, каждое государство, являясь государство-творной силой по отношению к самому себе, является почти всегда государство-разрушительной по отношению к своим соседям. Поскольку у себя оно стремится к укреплению связи и консолидации своих главнейших элементов — территории, населения и власти – постольку же оно стремится разрушить эту же связь и единение у соседа».

Это направление политической жизни каждого государства автор статьи считал основополагающим и видел в нём проявление «жизненной потребности роста и зоологического стремления к преобладанию. Для этого в понятие Нация стали вводиться заинтересованными государствами новые неясные признаки, допускающие политическую спекуляцию и используемые ими сообразно нуждам и талантам. С течением времени такими необходимыми признаками стали: общность языка, общность культуры, исторические переживания и т. п. <...> Найдя минимальные признаки какой-либо из указанных "общностей" в населении вожделенной территории, заинтересованное государство, раздувая эти признаки и выдвигая их на первое место у своего населения, делает всё, чтобы также раздуть их и у соседа. Сосед, защищаясь, начинает преследовать у себя выявление этих признаков. Страсти разгораются, газеты враждебной страны или её агенты ещё более раздувают пламя и – появляется "ирридента" – "неискупленные земли", "угнетённые части нации" и во имя священных её прав сосед занимает территорию соседа»[21].

По мнению Балканцева, «сейчас слово "Нация" — пустое слово, фикция, за которой ничего нет, прикрывающая прежним своим величием спекулятивные ходы современных политиков». «Нации прошлого – создатели Великих Национальных Государств уходят вместе с государствами, — утверждает он. – Мельчают нации, мельчают люди, мельчают действия. Мир становится ареной примитивных, ничтожных, свирепо борющихся сил»[22].

Балканцев же, по-видимому, был автором и опубликованного в «Русской Неделе» материала «На гроб Есенина» (подписанного «Б-цевъ»), жанр которого очень трудно определить. Графическая разбивка прозаического текста, в который вставлены стихотворные цитаты из Есенина и М. Лермонтова, вероятно, должна была не только выделить это произведение в журнале визуально, но и подчеркнуть его лирическое начало. Не раз обращаясь к стихотворению «Смерть Поэта», Б-цевъ не только ставил тем самым смерть Есенина в один ряд со смертью Пушкина, но и своё «послание» как бы уподоблял лермонтовскому — не с точки зрения мастерства, конечно, а с точки зрения пафоса — это слово в данном случае будет вполне уместно. Он и горюет, и негодует, и грозит, что есть и Божий суд:

«Ещё одна смерть.

Смерть, о которой не забудется и которая не простится.

Пусть вместо
"аллилуйных стенаний дьячка",
которые грезились умирающему поэту, ему устроили торжественные похороны, с красным гробом, стихами Пушкина, телеграммами Айзидоры Дункан...
Пусть...
Ведь не только его...
"отравлены последние мгновенья
коварным шепотом бесчувственных невежд".
Ведь и т о г д а ,
сто лет тому назад...
"надменные потомки
известной подлостью прославленных отцев"
умели устроить своей жертве пышные похороны...
"Но есть и Божий суд"
Есть грозный судия. Он ждет"...
"И вы не смоете всей вашей кровью
Поэта праведную кровь"...
<...>
Бедная Русь. Бедная Родина.
В то время как Кусковы и Пешехоновы мечтают о возвращении,
От тебя уходят все л у ч ш и е
Уходят добровольно.
Э м и г р и р у ю т .
Одни с подложным паспортом бегут в лимитрофы.
Другие
За то, что песней
Хриплой и недужной
Мешали спать
Стране родной...
Вешают себя на "столб позорный" и вскрывают себе вены.
Смерть Есенина отдала его нам.
Нам – эмигрантам.
Недавно красная Москва торжественно праздновала столетие "Декабристов".
Её парижский листок крикливо требует их себе, как своё законное наследие.
Пусть.
Мы охотно отдаём их... но
Взамен мы получили... Есенина»[23].

Готовность «охотно отдать» декабристов вполне естественна для монархистов, никогда не считавших участников выступления 14 декабря национальными героями, а восприятие ухода из жизни Есенина как «эмиграции» — это, в ча-

стности, «отзвук» развернувшейся после революции дискуссии «живых и мёртвых», когда в эмигрантских и советских изданиях враждующие стороны называли друг друга «мертвецами» и т. п. Самым известным выступлением подобного рода является опубликованная 16 марта 1924 г. в газете «Правда» статья «Маскарад мертвецов», в которой мертвецами назывались крупнейшие писатели русской эмиграции. Признание того, что и смерть, и эмиграция лучше, чем жизнь в Советской России, звучало ответом на эту статью.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. об этом подробнее в след. изданиях: Русское зарубежье о Есенине: Воспоминания, эссе, статьи, рецензии. В 2 т. / Вступ. ст. сост., подг. текста и коммент. Н. И. Шубниковой-Гусевой. М., 1993; 2-е доп. изд. Русское зарубежье о Сергее Есенине. М.: Терра-Книжный клуб. 2007; *Шубникова-Гусева Н. И.* Дискурс русской эмиграции о Есенине // Первые встречи института Восток-Запад. Lyon / ENS LSN 2–4 дек. 2004. http//russie-europe.ens-lsh.fr/article.php3?id_article=48; *Её же.* «Объединяет звуком русской песни...»: Есенин и мировая литература. М.: ИМЛИ РАН. 2012 и др.

[2] Воля России. 1921. 3 февраля. № 119.

[3] Огни. 1921. № 1. 8 августа. С. 2–3.

[4] Подробнее о газетах русской эмигрантской Праги первой половины 1920-х гг. и о полемике «Огней» и «Воли России» см.: *Николаев Д. Д.* Русская эмигрантская периодика в Чехословакии // Литература русского зарубежья. 1920–1940. Вып. 3. М.: ИМЛИ РАН, 2004. С. 329–426.

[5] Воля России. Прага. 1922. № 12. С. 20 (подпись Н.М.П.)

[6] Там же.

[7] Младорусь. Книга вторая. Прага: Славянское издательство,1922. С. 76.

[8] Там же. С. 77.

[9] Своими Путями. 1924 № 1–2. Октябрь – ноябрь. С. 37.

[10] Поэты пражского «Скита»: Проза. Дневники. Письма. Воспоминания / Сост. и коммент. О. М. Малевича. СПб.: ООО Издательство «Росток», 2007. С. 528.

[11] Там же. С. 525, 523.

[12] Там же. С. 586–587.

[13] *В. А.* Что читает эмиграция? // Воля России. Прага, 1925. № 9–10. С. 210–213.

[14] Воля России. 1925. № 12. С. 159.

[15] Годы. 1926. № 1(23). С. 27–28.

[16] Русская неделя. 1926. № 1. 31 янв. С. 1.

[17] Там же.

[18] Там же. С. 1–2.

[19] Там же. С. 2.

[20] Там же. С. 5.

[21] Там же. С. 6.

[22] Там же. С. 7

[23] Там же. С. 8.

С. А. Серёгина (г. Москва)

ОТКЛИКИ НА СМЕРТЬ ЕСЕНИНА КАК ИСТОЧНИК ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ

1920-е гг. – это время формирования политики власти по отношению к культуре, а также время выработки стратегии воздействия на представителей культуры. Отечественная периодика становилась одним из важнейших механизмов влияния, транслировавшим идеологические установки, касающиеся всех сфер жизни, в том числе и сферы культуры. Художественная литература оказалась в центре повышенного внимания, внимательного рецензирования и всё более тщательного цензурирования. Даже рецензии и библиографические обзоры стали рассматриваться как средство образования и политического воспитания: «Ввиду того, что художественная литература охватывает наиболее широкие круги читателей и является чрезвычайно важным средством идеологически художественного воздействия на читателя, считать необходимым, чтобы в массовых периодических изданиях рецензированию беллетристики уделялось должное внимание и место»[1]. Автор отождествлялся с текстом, тем самым удваивалась степень его ответственности. Она была одновременно гражданской и писательской, причём последней придавалось большее значение по той причине, что развитие новой литературы воспринималось как часть проекта культурной революции, которая должна была завершиться, в частности, созданием «идеологически осознанной литературно-художественной продукции»[2], но главное, она должна была стать «предпосылкой дальнейшего движения к коммунистическому обществу»[3].

Известно, что Есенин пользовался особенным вниманием читательской аудитории и популярностью, которая была обусловлена не только его исключительным поэтическим талантом, но и особенной социальной репрезентативностью его человеческой судьбы, которая получила новое трагическое освещение после ухода поэта. Смерть Есенина вызвала широкий резонанс в литературной среде в частности и в обществе в целом. Не только центральная пресса, но и провинциальные газеты откликнулись на смерть поэта информационным сообщением, развёрнутым некрологом, историко-литературной статьёй, воспоминаниями и стихами.

Большинство откликов говорило об уходе талантливого самобытного поэта, многие из них были отмечены болью настоящей человеческой утраты. В то же

время отклики в той или иной степени зачастую транслировали определённую идеологию, для которой Есенин как поэт и как человек оказывался чужеродным элементом. Сознательно или бессознательно авторы откликов на смерть Есенина решали задачи пропагандистского характера, при этом пропаганда носила скрытый характер и осуществлялась часто посредством метода отрицания: т. е. речь шла о не о том, каким именно должен быть поэт и гражданин СССР, но о том, каким поэтом и гражданином так и не смог стать Есенин.

Зрелое творчество Есенина пришлось на тяжелейшее время в истории российской деревни: 1921–1922 гг. – это время голода и послевоенной разрухи, 1923–1924 гг. – время медленного восстановления и репрессий. Важная черта этого времени – противостояние крестьянства и власти.

В «Постановлении Политбюро ЦК РКП(б) о пролетарских писателях» от 18 июня 1925 г. было сказано: «Если до захвата власти пролетарская партия разжигала классовую борьбу и вела линию на взрыв всего общества, то в период пролетарской диктатуры перед партией пролетариата стоит вопрос о том, как ужиться с крестьянством и медленно переработать его»[4]. Вопрос о «переработке» крестьянства стоял так остро, прежде всего, в силу недовольства крестьян советской властью, вызванного тяжестью налогообложения, ограничениями на вступление в партию, дороговизной фабричных товаров и дешевизной крестьянского труда, разницей в социально-экономическом обеспечении крестьян и рабочих. Это недовольство, как известно, вылилось в крестьянские восстания: Тамбовское, Западно-Сибирское, Уральское. Более того, в современной науке существует точка зрения, согласно которой следует говорить не о восстаниях, но о крестьянской войне 1920–1921 гг. Работа продотрядов в деревне стала началом острого конфликта крестьянства и советской власти, вызванного политикой военного коммунизма: «<...> Повседневное и всеохватывающее насилие стали пронизывать отношения деревни с “внешним” миром и это сыграло самую важную роль в трансформации крестьянской революции в крестьянскую войну против большевистского режима»[5]. Даже советские историки вынуждены были констатировать враждебное отношение крестьянства к советской власти в 1919 г., называя его результатом «нашей политики»[6].

В сводке ОГПУ от 15 мая 1923 г. о Рязанской губернии сообщалось: «Вследствие налогообложений экономическое положение крестьянства критическое. У неплательщиков производится конфискация имущества. Беднота в отчаянии, не имея средств на обработку земли»[7].

Один из самых острых моментов в отношениях между Советской властью и крестьянами – это то привилегированное положение, в котором находились рабочие по отношению к крестьянам. Процитируем письмо крестьянина в редакцию одной из провинциальных газет: «<...> Крестьянин голый и босый, ещё и голодный, рабочие едят яйца, масло, мясо и кур <...> рабочие нас обманывают и обставили <...> воевали за компанию, а царство рабочим, а крестьянину одна по-

гибель. Все крестьяне знают, как один, что рабочий наш враг <...>. Пусть крестьянин умрёт сегодня, а рабочий завтра, но знай, коммунист, что ты для крестьянина ничего хорошего не сделал за 8 лет»[8]. Цитируемое письмо относится к 1927 г., однако и на момент смерти Есенина отношение крестьянства к рабочим было как минимум сложным, а как максимум выливалось в жесткое неприятие: «Почти среди всего крестьянства замечается неудовлетворительное настроение тем, что рабочим предоставляется максимум политических преимуществ»[9]. От сводок ОГПУ в 1925–1926 гг. требовалось уточнение случаев проявления недовольства крестьян и их негативной реакции на политику властей. Ещё в июле 1924 г. Ф. Дзержинский обращался к Политбюро ЦК РКП(б) с предложением: «Надо союзу с крестьянством дать не только агитпроповское, но и материальное содержание. Надо увязать развитие и положение промышленности с нуждами и положением крестьянства»[10].

Одной из главных тем в откликах на смерть Есенина становится тема противостояния города и деревни, а одной из задач политического характера, которые решали отклики — урегулирование отношений между крестьянами и рабочими, между деревней и городом. Главными становятся здесь образ старой деревни и образ города с лупанариями и кабаками (с одной стороны), а с другой стороны — образ новой деревни и нового промышленного города. Главный упрёк Есенину заключался в том, что он был певцом «старой деревни», старого «патриархального деревенского быта»[11] и «проглядел новую деревню», а также «не сумел воспринять всего того огромного сдвига, который произошёл в жизни крестьянства за последние годы»[12], не смог понять «исторической необходимости железных сдвигов аграрной страны к городской машинной культуре, к строительству социализма в земледельческой стране»[13].

Задачу нового поэта, по мнению авторов откликов, Есенин выполнить не мог, т. к. не мог:

— «принять смерть старой деревни, деревни сохи и пропетых песен»[14];

— «торжество “железного гостя”»[15] — города, «мощь его машин»[16], «расцвет городской культуры с её пролетарским стержнем»[17].

Один из авторов прямо говорит: «Он <Есенин — *С. С.*> не видел и не мог видеть гигантского роста города и его властелина — пролетарский класс»[18].

Авторы используют отклики для прямого перечисления послереволюционных задач, связанных с деревней: «Сразу же стало ясно, что одна из основных её задач — подтягивание деревни к городу, её электрификация, машинизация, тракторизация и т. п. <...> Есенин не смог, при круто изменившихся условиях, пойти с ней в ногу. Крестьянский поэт, он уже не мог не видеть, что деревня тоже меняется, что и в неё в различной степени начинают проникать элементы городской культуры»[19].

Логическим продолжением мысли о господстве города над деревней, рабочего над крестьянином становится мысль о господстве пролетарской поэзии над

крестьянской. Ценность поэзии Есенина не так значительна, потому что он «не был пролетарским поэтом» и «великих произведений, отражающих бурные годы первых боёв и нынешние дни восстановительства, он не создал», соответственно, «рабочий читатель будет помнить Есенина лишь как большого поэта, как нашего попутчика, пытавшегося, но не сумевшего пойти с нами в ногу»[20]. Хотелось бы заострить внимание на этой цитате. Что становится очевидно при внимательном её прочтении? Во-первых, внимание сосредоточено именно на рабочем и круге его чтения, а не на крестьянине и его интересах, тем самым, подчёркивается доминирующее положение рабочего. Во-вторых, прогнозы о том, в каком качестве Есенин будет существовать в сознании читателя, имеют некую программирующую функцию определённой установки, смысл которой в следующем: не «рабочий будет помнить Есенина лишь как большого поэта...», а «рабочий должен помнить Есенина лишь как большого поэта, как нашего попутчика, пытавшегося, но не сумевшего пойти с нами в ногу».

Обращает на себя внимание то, что образ рабочего всегда написан светлыми красками, чего нельзя сказать об образе крестьянина. По мнению некоторых авторов, Есенин воплотил в своём творчестве психологию крестьянина, отмеченную «трагедией обречённости» и «бессилием раздвоенности», обусловленных «психологией крестьянина»[21]. Рядом с непривлекательным образом патриархальной деревни возникает образ тёмного города с его «жерновами»[22], в которых погиб Есенин: «поэт ушёл от деревни, пришёл в город и с дикой жаждой бросился в его гнойное нутро»[23]; «уходя из старой деревни, не слившись с новой, не поняв города, вошёл в мёртвый круг, который и удавил его»[24]. Как мы видим, этот тёмный город связан с «буржуазной» культурой. Буржуазная культура существует в сознании авторов откликов практически неотделимо от богемы и интеллигенции, именно против неё направлена вторая линия пропаганды, правда, в откликах она названа «интеллигентской богемой»: «Но сын деревни, придя в город, Есенин попадает не в рабочую среду, а в интеллигентскую богему»[25]. Благодаря тому, что богема и интеллигенция сливаются в одно понятие, оказываются дискредитированы традиционные качества человека высокой культуры. Они не только высмеиваются, но ставятся в один ряд с пристрастием к «кабакам» и «разгулам»: «<...> — Ближе к здоровой общественной жизни, ближе к трезвому труду и сознательному трезвому творчеству.

— Меньше иллюзорной тоски, меньше плутаний в дебрях самокопания.

Будем петь не в разложившейся хулиганской богеме под плач пивных бутылок, а на залитых солнцем площадях под раскаты шагов, камней и машин»[26]. Есенин представлен как «больной» поэт именно потому, что он был погружён в «иллюзорную тоску» и «дебри самокопания», неопределённость («плутания»), а также во внутреннюю жизнь индивидуальных переживаний. Всё это противопоставлено ценностям новой идеологии: «общественной жизни», «трезвому» (т. е. не мечтательному, не «иллюзорному») труду, а главное — грядущей технократи-

ческой культуре: её символизирует образ «залитых солнцем площадей», на которых звучат «раскаты шагов, камней и машин». Неизвестный астраханский журналист В. Винников в этих нескольких строчках обозначил идеологические контуры компании против есенинщины, центральной частью которой станут «Злые заметки» Н. И. Бухарина: Есенин как символ «хулиганской богемы», депрессивных настроений и уходящей культуры.

Ещё одна линия пропаганды, сопрягающаяся с теми, о которых говорилось выше, – эта пропаганда в целом против прошлого. Авторы часто бросают упрёк Есенину в *несовременности* и в том, что поэт «не мог преодолеть своё прошлое»[27]: «Есенин почувствовал неспособность отряхнуть гнёт прошлого со своих плеч и сжиться всецело с сегодняшним днём»[28].

Среди обвинений, брошенных Есенину, есть обвинения в так называемой «*социальной неустойчивости*», «в *нерешительности*, отсутствии "твёрдой линии", того состояния, когда один берег покинут и не достигнут другой»[29]. Как вариант: Есенин «потерял связь с деревней и не примкнул к другому классу»[30]. Или: «Поэт Есенин в момент жестокой классовой борьбы не знал, где "правая, левая где сторона" и плавал без руля и без ветрил»[31]. Иногда «социальная неустойчивость» заменяется более жёстким понятием – «*деклассированность*», которая опять-таки обусловлена сближением Есенина с интеллигенцией: «поэт <...> вошёл в обстановку городской интеллигенции, литературной богемы», в которой «произошло деклассирование крестьянина Есенина»[32].

В откликах также можно увидеть пропаганду *определённых личностных качеств*, востребованных эпохой, таких как, например, упорство и настойчивость: «Революция потребовала кропотливого, упорного строительства, а Есенин не понял этого»[33]. Кроме упорства и настойчивости пропагандируется отказ от своей индивидуальности в пользу «общественной борьбы»: Есенин – «одиночка», «не вовлечённый в широкий общественный процесс борьбы», а его поэзия «индивидуалистична в широком понимании этого слова, и в массе своей не созвучна нашей эпохе *борьбы и постоянного напряжения*»[34].

Утверждение, что поэзия Есенина – это «индивидуалистическая поэзия», сопряжено с трансляцией идеологической установки о приоритете и господстве коллектива над личностью: «<...> Социализм даст свою лирику, высокую и прекрасную лирику общества, примирившего личность и коллектив. Сейчас этого нет. Сейчас – коллектив над личностью, эпос над лирикой»[35].

Ещё одна идеологическая установка – установка на неизбежность и оправданность человеческих жертв на пути революционного развития. Эта установка четко артикулирована в ленинградском журнале «Красная панорама» (№ 2), публикующем некролог П. С. Когана «Сергей Есенин».

О смерти Есенина Коган говорит *как о неизбежной исторической жертве:*

«В истории нашего сурового времени, в истории столкновений между непокорной душою поэта и неумолимыми требованиями исторического развития,

прибавилась новая жертва — одна из драгоценнейших жертв среди тех, которыми усеян наш трудный путь»[36]. Этот отклик созвучен цитировавшемуся выше отклику, в котором говорилось об эпохе, полной борьбы и социального напряжения. Обращает на себя внимание согласие автора с необходимостью усеивать путь «неизбежными историческими жертвами».

В завершение статьи предпримем попытку реконструкции образа «идеального» поэта по совокупному мнению авторов некрологов. Разговор о Есенине они вели в поэтике отрицания: Есенин «не сумел», «не смог», «не был способен», «не захотел» и т. д. Так кто же идеальный поэт? Это поэт с твёрдой политической позицией, он защищает и воспевает интересы своего класса, желательно – класса рабочих, в своих стихах правдиво отображает суровые реалии послереволюционной действительности, это поэт, порвавший с прошлым, живущий только настоящим. Он приветствует город с его технократической культурой машин и деревню, находящуюся в подчинённом положении по отношению к городу. Он оптимист и лишён излишней склонности к самоанализу и замкнутости: поэт новой эпохи полностью открыт для общества и погружён в общественную жизнь в значительно большей степени, чем в личную, он готов к постоянному напряжению и борьбе, а также принимает человеческие жертвы как необходимую плату за дальнейшее историческое движение. Такой идеальный поэт был противопоставлен Есенину авторами многих откликов. Это неудивительно. Удивительно другое, что несмотря на то, что они сделали из своих откликов тексты пропагандистского характера, непреодолимая сила обаяния и таланта есенинской поэзии была настолько велика, что, даже осыпая Есенина упреками, эти же авторы не могли не назвать Есенина «лучшим лириком в русской литературе наших дней»[37].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Постановление ЦК РКП(б) о критике и библиографии от 13 марта 1925 // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953 / Сост. А. Артизов и О. Наумов. М., 2002. С. 52

[2] Постановление Политбюро ЦК РКП(б) о пролетарских писателях 18 июня 1925 // Власть и художественная интеллигенция. С. 53.

[3] Там же. С. 53.

[4] Там же. С. 54.

[5] *Данилов В. П.* Крестьянская революция в России.1902–1922 гг. // Крестьяне и власть. Материалы конференции. М. – Тамбов, 1996. С. 19.

[6] *Кубанин М.* Антисоветское крестьянское движение в годы гражданской войны (военный коммунизм) // На аграрном фронте. 1926. № 2. С. 38.

[7] Из госинформсводки информотдела ГПУ № 108 (637) за 12 и 13 мая 1923 г. // Советская деревня глазами ВЧК ОГПУ – НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: В 4 т. Т. 2. 1923–1929 / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. М., 2000. Запись № 58. С. 100.

[8] Письмо И. Хомича, крестьянина Азовского района, Донского округа в редакцию одной из газет Северо-Кавказского Краевого Комитета. [Направлено В. М. Молотову из Ростова-на-Дону 22 февраля 1927] // Крестьянские истории: российская деревня 1920-х годов в письмах и документах. М., 2001. С. 87.

[9] Сводка № 3 информотдела ОГПУ об экономическом расслоении и политическом состоянии деревни за время с 24 по 31 января 1925 г. Московская губ. 8 января. Московский у. // Советская деревня глазами ВЧК ОГПУ – НКВД. Т. 2. Запись № 197. С. 272.

[10] 9 июля 1924. Докладная записка председателя ОГПУ Ф. Э. Дзержинского в Политбюро ЦК РКП(б) об экономическом положении // Советская деревня глазами ВЧК ОГПУ – НКВД. Т. 2. С. 272. Запись № 156. С. 225.

[11] *Кисин Б.(подпись: Б. К.)* Сергей Есенин // Рабочий клич. Рязань, 1925. 31 дек. № 297.

[12] *Зоров А.* Смерть Есенина (трагедия богемы) // Вечерняя Москва. 1925. 29 дек. № 296.

[13] *Шлейман П.* Сергей Александрович Есенин // Пламя. Харьков, 1926. 15 янв. № 1.

[14] *Лукьянов М. (подпись: Нина Ш.)* Последний поэт деревни // Коммуна. Калуга, 1925. 31 дек. № 297.

[15] Там же.

[16] *Кисин Б.* (подпись: Б. К.) Сергей Есенин.

[17] <Ст.> Сергей Есенин // Новая деревня. Пенза, 1926. 4 янв. № 1.

[18] *Перегудов И.* Пропащий поэт (Памяти Сергея Есенина) // Тихоокеанская звезда. Хабаровск, 1926. 7 янв. № 182.

[19] *Соловьёв Б.* (подпись: С-в.) Сергей Есенин // Красная газета (Веч. вып.). Ленинград, 1926. 4 янв. № 3.

[20] *Белицкий Г.* Вчера умер Сергей Есенин // Смена. Ленинград, 1925. 29 дек. № 297.

[21] *Крути И.* Сергей Есенин // Известия. Одесса, 1925. 30 дек. № 1822.

[22] *Левидов М.* Смерть учит // Вечерняя Москва. 1926. 5 янв. № 3.

[23] *Джан.* Ржаной поэт. Сергей Есенин // Амурская правда. Благовещенск, 1926. 3 янв. № 3.

[24] *Городский Я.* Сергей Есенин // Красный Николаев. 1926. 3 янв. № 1497.

[25] <*Т. Л-ов*> Сергей Есенин // Советская мысль. Великий Устюг, 1926. 1 янв. № 1.

[26] *Винников В.* Путь Есенина к смерти // Коммунист. Астрахань, 1926. 3 янв. № 2.

[27] *Юзовский Ю.* Сергей Есенин // Советский Юг. Ростов-на-Дону, 1926. 1 янв. № 1.

[28] <*Б-ов*> Сергей Есенин // Призыв. Владимир, 1926. 1янв. № 1.

[29] *Юзовский Ю.* Сергей Есенин.

[30] *Манфред А.* Гибель Сергея Есенина // Известия. Саратов, 1926. 1 янв. № 1.

[31] <*С. К.*> Самоубийство поэта Есенина // Степная правда. Семипалатинск, 1926. 1 янв. № 1.

[32] *Сокольников М.* Сергей Есенин // Город и деревня. 1926. № 1.

[33] <*Чока*> б/н // Звезда. Екатеринослав, 1926. № 2.

[34] <*Б.*> Сергей Есенин // Советская степь. Кызыл-Орда, 1926. 3 янв. № 2.

[35] *Романовский М.* Смерть С. Есенина // Харьковский пролетарий. 1926. 3 янв. № 2.

[36] *Коган П.* Сергей Есенин // Красная панорама. 1926. № 2.

[37] <*Филипп Хлипкий*> Сергей Есенин // Советская правда. Челябинск, 1926. 6 янв. № 4.

Н. А. Казарнова *(Ростов-на-Дону)*

С. А. ЕСЕНИН НА ДОНУ: НКОТОРЫЕ ШТРИХИ К БИОГРАФИИ ПОЭТА

Сведений о пребывания Есенина на Дону довольно много. Они содержатся в различных документах многочисленных клубов, Союза поэтов (1920–1924 гг.), в газетных откликах на стихи и выступления поэта, в воспоминаниях современников, в переписке и других источниках. Пользуясь этими источниками, нам представляется возможным восстановить некоторые наиболее интересные обстоятельства, связывающие Есенина с Донским краем.

В Фонде редких книг Донской государственной публичной библиотеки хранятся два небольших сборника, один из которых посвящён памяти Сергея Есенина[1], другой – небольшой сборник стихов «На стременах» Н. Грацианской. На нём читаем весьма любопытную дарственную надпись: «Моей дорогой научной библиотеке им. Карла Маркса [прежнее название этой библиотеки. – *Н. К.*], где я с искренней радостью служила людям, работала много лет, эти стихи – очень слабые опыты ранней юности на долгую память о том, что и серьёзные люди в молодости иногда пишут слабые стихи. Всем сердцем принадлежу моей библиотеке и её славному коллективу. Н. Александрова (Грацианская)»[2]. Автор сборника стихов – ростовская знакомая Есенина, много лет проработавшая в научной библиотеке им. Карла Маркса, – принимала самое деятельное участие в составлении упомянутого сборника его памяти. В книге были опубликованы её воспоминания о Есенине «О нечаянной радости»[3] и стихотворение памяти поэта:

Не родной и даже не любимый!
Отчего ж так душно и темно?
Отчего же так неизгладимо
Это смерти чёрное пятно?

Не за то ведь, что любовью нежил,
Много их, приученных ласкать,
И таких, кто синеглаз и нежен,
Я ещё сумею отыскать.

Не за то, что удалью богатый,
На дороге, накренённой вниз
Отзвонил он бешеным набатом
Золотом пронизанную жизнь

Только песен буйство и смятенье,
Русских песен звонкую печаль,
Тех, что пел лазоревый Есенин,
Нам уже отныне не встречать...

Оттого так горько и пустынно,
Оттого надломлена и я:
Песнями сгорающего сына
Потеряла родина моя.

Всех утрат огромней и тяжёлей.
Всех обид ушедших солоней...
Русь моя, ужель на самом деле
Смолк навек рязанский соловей?[4]

Н. Грацианская познакомилась с Есениным в июле 1920 г. Приехавшие в Ростов-на-Дону из Москвы Есенин и А. Мариенгоф в течение двух недель ежедневно бывали в доме её отца, известного врача Иосифа Израилевича Гербстмана, организатора поэтического салона, в котором считали за честь побывать творческие знаменитости того времени. Дом находился на улице Никольской (ныне Социалистической), 50. В один из таких вечеров Есенин подарил дочери хозяина Нине Грацианской (Александровой) книгу «Голубень» с дарственной надписью: «Утешаюсь тем, что и я был когда-то таким же юным, как Нина Грацианская. С. Есенин». В подарок Нине Есенин принёс и свою фотографию, на которой изображён сидящим на цоколе решётки городского сада.

Воспоминания Грацианской «О нечаянной радости» представляют интерес прежде всего потому, что содержат важные сведения о первом приезде Есенина в Ростов-на-Дону. Мемуаристка вспоминает, как «солнечным июльским днём 1920 года в книжную лавку Ростовского союза поэтов [размещалась на Садовой, 108; позже здесь разместится книжный магазин "Пропагандист". – *Н. К.*] вошёл стройный светлокудрый человек. Он приветливо улыбнулся, слегка прищуривая синие глаза. Лицо незнакомца, милое своей простотой, сразу расположило к себе.

– Сергей Есенин! – узнал пришельца кто-то из ростовских литераторов, и его тотчас же окружили, засыпали вопросами. Есенин охотно отвечал: приехал из Москвы вместе с Мариенгофом и Колобовым. Цель приезда – пропаганда советской поэзии. Вот мандат за подписью наркома А. В. Луначарского, вот афи-

ши о предстоящем вечере поэзии, которые надо побыстрее расклеить. В подборе помещения для вечера просил помощи»[5].

21 июля Есенин выступил с чтением стихов на литературно-художественном вечере «Имажинисты» в помещении тогда самого большого в Ростове кинотеатра «Колизей». В тех же воспоминаниях Грацианская писала:

«Помню вечер Есенина, единственный его вечер в Ростове, на который, польстившись мальчишески вызывающими афишами, собралась в большинстве буржуазная публика, собралась поскандалить и отвести душу на заезжем из Москвы поэте. Но недолго пришлось ей свистеть, очень скоро весёлые реплики сменились внимательной тишиной. Есенин читал "Пантократора". Это там, прощаясь с ладанным богом "Радуницы", он говорит:

Я кричу тебе: к чёрту старое,
Непокорный разбойный сын.

Есенин читал, и правая пригоршня его двигалась в такт читке, словно притягивая незримые вожжи»[6].

В 1960-е г. в другой редакции воспоминаний она же писала:

«Есенин читал ярко, своеобразно. В его исполнении не было плохих стихов: его сильный гибкий голос отлично передавал и гнев, и радость – все оттенки человеческих чувств. Огромный, переполненный людьми зал словно замер, покорённый обаянием есенинского таланта.

Бурей аплодисментов были встречены "Исповедь хулигана", "Кобыльи корабли", космическая концовка "Пантократора". Лирическим стихам

Я покинул родимый дом,
Голубую оставил Русь.
В три звезды березняк над прудом
Теплит матери старой грусть –

аплодировали так неуёмно, что, казалось, Есенину никогда не уйти с эстрады»[7]. Свидетельство Грацианской подтверждается и материалами местной печати. Ростовские газеты сообщали, что после выступления Есенину устроили настоящую демонстрацию любви и признательности. Его вынесли на руках прямо на Садовую (тогда главную улицу Ростова) из зала, в котором он выступал. При чтении его стихов в переполненном зале все держали в поднятых руках зажжённые спички, зажигалки, бенгальские огни.

В воспоминаниях Грацианской содержится и упоминание о знаменитом «вагоне Колобова», в котором путешествовали Есенин с Мариенгофом. Нина Осиповна так описывает эту своеобразную «гостиницу на колёсах», которую она посетила по приглашению Есенина: «Он жил на вокзале в том самом служебном

вагоне, который доставил его в Ростов. И Колобов, и Мариенгоф были "дома". Все они гостеприимно хозяйничали, угощали нас абрикосами, поили сладким чаем. Ставить самовар пришлось Есенину, была его очередь. Я удивилась, когда увидела, что Сергей Александрович переоделся и вместо серого щегольского пиджака на нём матросская белая блуза с голубым воротником. Мне объяснили: для того чтобы разжечь самовар, надо добыть полешек, а вокзальная администрация охотнее сговаривается с моряками, чем с поэтами»[8].

Сохранились свидетельства пребывания Есенина и в других городах Дона, в частности, в Таганроге, куда он с Мариенгофом выезжал из Ростова в 20-х числах июля. О встрече с Есениным в Таганроге рассказала на страницах «Таганрогской правды» Мария Александровна Фабрикова-Орская[9]. Есенин и Мариенгоф осмотрели достопримечательности Таганрога, посетили народно-художественный театр (ныне им. А. П. Чехова), художественным руководителем которого в то время был С. Д. Орский, муж Марии Александровны.

Он пригласил поэтов к себе, в дом № 84 по улице Чехова. Поэты охотно согласились. Вечером Есенин по просьбе хозяев читал стихи, рассказывал о советских поэтах, о своих планах посещения Новочеркасска и Кавказа.

В память о своём пребывании в Таганроге Есенин подарил С. Д. Орскому книгу стихов с дарственной надписью. То же сделал и Мариенгоф. Книгу с автографом Есенина многие годы хранила в своём архиве Мария Александровна, но после её смерти она была утеряна. Книга Мариенгофа «Магдалина» с автографом, преподнесённая Орскому, в 1958 г. была передана в краеведческий музей[10].

В последних числах июля намечалось выступление Есенина в Новочеркасске. Есенин с друзьями приехал в Новочеркасск, но выступать здесь им не позволили. В новочеркасской газете «Красный Дон» появилась разгромная статья «Шарлатаны? Сумасшедшие?», автор которой, скрывшийся за псевдонимом «Молотобоец», вопрошал: «Неужели же эти шарлатаны, или сумасшедшие, или преступники – всерьёз совершают по России какую-то культурно-просветительскую командировку?!»[11] Статья содержала резкие высказывания в адрес имажинистов. Об этом инциденте вспоминал и Мариенгоф в «Романе без вранья»: «В Новочеркасске после громовой статьи местной газеты, за несколько часов до начала – лекция запрещается <...> Газета сообщила неправдоподобнейшую историю имажинизма, "рокамболические" наши биографии – и под конец ехидно намекнула о таинственном отдельном вагоне, в котором разъезжают молодые люди, и о боевом администраторе, украшенном ромбами и красной звездой»[12].

После запрета литературного вечера в Новочеркасске поэты возвратились в Ростов-на-Дону, а затем спешно покинули город.

На обратном пути с юга, по дороге в Москву Есенин вновь остановился в Ростове. Сохранилось единственное упоминание о посещении поэтом Ростова в газете «Советский Дон»[13].

Это событие произошло 19 сентября, в воскресный день. В городе проходил массовый праздник, организованный ростовским отделением Пролеткульта. Вечером в театре имени Луначарского на Будённовском проспекте около нынешнего Дома офицеров после докладов «состоялось выступление поэтов-студийцев – т. т. Дольникова, Лободы и др., а также группы московских поэтов – Есенина, Казина, Шамова и др., читавших собственные произведения. Тов. Шамовым был сделан доклад о пролетарской поэзии. Выступал хор»[14].

Читал Есенин, скорее всего, стихи, написанные в августе, по пути в Баку. Среди них был и «Сорокоуст» с памятными всем строками о красногривом жеребёнке. Вероятно, на другой день он выехал из Ростова. Это краткое посещение поэтом Ростова редко упоминается его биографами.

Очередной приезд Есенина в Ростов состоялся в феврале 1922 г. Поэт провёл сутки в доме Нины Грацианской, которая позже вспоминала: «Настроение у него было неважное, ощущалось, что обстановка, сложившаяся в его личной жизни, тяготила его, что ему хотелось уехать куда-нибудь из Москвы. Есенину не понравилась ростовская погода: подтаявший снег, туманный день.

Он с гордостью рассказывал, как работал над драматической поэмой "Пугачёв", как много материалов и книг прочёл он тогда. Показал на ладонях рубцы: "Когда читаю «Пугачёва», так сильно сжимаю кулаки, что изранил ладони до крови". Есенин прочёл мне два отрывка из "Пугачёва", прочёл несколько стихотворений, написанных после первого приезда в Ростов...»[15]

Последний, четвёртый раз Есенин посетил Ростов проездом 26 июня 1925 г. Вместе с Софьей Андреевной Толстой они направлялись в Баку. Остановка была непродолжительной. А через полгода в Ростов пришло трагическое известие о смерти поэта.

В ростовской прессе сообщение о смерти поэта было напечатано 30 декабря. Газета «Молот» вышла с портретом Есенина в траурной рамке.

В середине января 1926 г. в том же «Молоте» сообщалось о предстоящем вечере памяти Сергея Есенина. Вечер был назначен на 25 января, а затем перенесён на 2 февраля. В отчёте о вечере, состоявшемся в назначенный день, в частности, говорилось о том, «что широким трудящимся массам не ведом ещё певец деревенской грусти и окских просторов. Он для них – пока только несчастный в жизни человек, ужасный конец которого, известный им по газетам и журналам, вызывает жалость и содрогание»[16].

Обратим внимание на состав участников вечера в описании газетного репортёра: «интеллигенция – просвещенцы, журналисты, работники искусства. Впрочем, очень много молодёжи». Он также отметил интересное построение музыкально-художественной композиции, подготовленной артистами театра Луначарского, и особенно выделил выступление актрисы Алексеевой-Месхиевой: «Когда она читала предсмертное, кровью написанное есенинское стихотворение, весь зал поднялся и притаил дыхание».

Самой же удачной, по мнению репортёра газеты, была та часть вечера, которую заняли выступления ростовских поэтов: «Со стихами, посвящёнными памяти Есенина, выступали тт. Жак, Кофанов, Кац, Гербстман, Колесень. Особенно сильное впечатление произвело задушевное стихотворение т. Колесеня».

«В общем же вечер памяти Есенина, – заключал репортёр, – как первая объединённая попытка литературно-артистических организаций Ростова заслуживает всяческого общественного поощрения»[17]. Сбор от проведённого в Ростове-на-Дону вечера памяти пошёл на издание в Ростове упомянутого выше сборника памяти поэта.

Таковы некоторые факты, свидетельствующие о связи Есенина с Донским краем.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Сергею Есенину. Литературный Ростов – памяти Сергея Есенина. Сб. статей, воспоминаний, стихов под общей ред. Павла Кофанова. Ростов: Изд. Трудовой Дон, 1926.

[2] *Грацианская Н.* На стременах. Стихи. Ростов-на-Дону, 1925. С. 2.

[3] Сергею Есенину. Литературный Ростов – памяти Сергея Есенина. С. 57–59.

[4] Там же С. 35.

[5] Там же. С. 57.

[6] Там же.

[7] Цит. по: С. А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2 т. М.: Художественная литература. 1986. Т. 1. С. 419.

[8] Сергею Есенину. Литературный Ростов – памяти Сергея Есенина. С. 58.

[9] *Присекин А.* Сергей Есенин в Таганроге // Таганрогская правда, 1976, 29 мая, № 106.

[10] Там же.

[11] *Молотобоец.* Шарлатаны? Сумасшедшие? // Красный Дон, 1920, 27 июля. № 153.

[12] Цит. по: Летопись жизни и творчества С. А. Есенина. М.: ИМЛИ РАН. 2005. Т. 2. С. 384.

[13] Праздник Пролеткульта // Советский Дон , 1920, 21 сентября, № 182.

[14] Там же.

[15] С.А. Есенин в воспоминаниях современников. Т.1. С.419.

[16] Вечер памяти Сергея Есенина // Молот, 1926, 3 февраля, № 1349. С. 6.

[17] Там же.

Н. М. Солнцева *(Москва)*

ТРАДИЦИИ ДУХОВНЫХ СТИХОВ В РАННЕЙ ЛИРИКЕ С. А. ЕСЕНИНА

Первое собрание духовных стихов, выполненное П. В. Киреевским, относится к 1848 г. («Русские народные песни. Ч. I. Народные стихи»); в 1860 г. вышел в свет составленный В. Г. Варенцовым «Сборник русских духовных стихов»; в 1861–1864 гг. издано шесть выпусков «Калек перехожих», подготовленных П. А. Бессоновым. В пору становления Есенина как поэта издана антология «Стихи духовные» (СПб., 1912), подготовленная Е. А. Ляцким. Следует упомянуть составленные Т. С. Рождественским «Памятники старообрядческой поэзии» (1909) и подготовленные Т. С. Рождественским и М. И. Успенским «Песни русских сектантов-мистиков» (1912).

Знакомство Есенина в детстве с духовными стихами благодаря их носителям, каликам, – известный факт, как и влияние на него духовной атмосферы в доме о. Иоанна. О жанровой специфике духовного стиха он мог получить сведения и во время учёбы (с осени 1913 г. по март 1915 г.) на историко-философском отделении Московского народного университета им. А. Л. Шанявского (историко-философский цикл 1914–1915 учебного года включал лекции М. Н. Сперанского «Древнерусская литература в связи с устно-народной», в содержании которых значилось: «Устная словесность и книжная», «Устная словесность в Московское время», «Устная литература и книжная в XVIII веке»[1]).

По всей видимости, на интерес Есенина к духовному стиху не оказало никакого влияния литературное окружение. Жанр духовного стиха достаточно маргинален в русской лирике. Религиозные сюжеты и персонажи активно присутствуют в поэтических текстах Серебряного века (у К. Бальмонта, В. Брюсова, И. Бунина, М. Волошина, Н. Гумилёва, М. Зенкевича, В. Иванова, Д. Мережковского, Н. Минского, Ф. Сологуба, В. Шилейко и др.), но они в целом не способствовали укоренению жанра духовного стиха в авторской поэзии. Одно из ярких исключений – действительно духовные стихи, несколько модернизированные, М. Кузмина 1900-х гг. (знакомство Есенина и Кузмина могло состояться в 1915 г. у К. Ю. Ляндау, в том же году в апреле оба были у Р. Ивнева, у Каннегисеров).

Предварительные замечания

1. Из работ В. П. Адрианова («Житие Алексея человека Божия в древней русской литературе и народной словесности», 1917), Ф. И. Буслаева («Русские духовные стихи», 1861), А. Веселовского («Разыскания в области русского духовного стиха», 1881), А. П. Кадлубовского («К истории русского духовного стиха о преп. Варлааме и Иоасафе», 1915), А. Кирпичникова («Св. Георгий и Егорий Храбрый», 1879), А. В. Маркова («Определение хронологии русских духовных стихов», 1910), В. Мочульского («Историко-литературный анализ стиха о Голубиной книге», 1887), Г. Федотова («Стихи духовные», 1935) и других специалистов следует, что духовные стихи «накладываются на всю систему песенных жанров»[2], термином «духовный стих» определены произведения как эпические, так и лиро-эпические, лирические песнопения. Свойственной фольклору устностью в полной мере они не обладают, большинство имеет письменный источник, распространялось устно и письменно. Сюжеты духовных стихов достаточно стабильны, вариативность проявляется в деталях и лексике. В лирике Есенина в большей степени, на наш взгляд, выразились традиции эпического и лиро-эпического стиха, в гораздо меньшей — лирического, а именно духовной песни, которая по своему содержанию, судя по собранию духовных песен 1922 г. (Духовные песни / Сост. И. С. Проханов. Кассель: б/и), составленному из пяти сборников («Гусли», «Песни христианина», «Тимпаны», «Кимвалы», «Заря жизни»), представлена гимновой поэзией (жанры хвалы и благодарения), молениями и прошениями.

2. Содержание духовных стихов религиозное. По Г. Федотову, изучение народного духовного стиха ведёт не в языческие глубины, а к высшим народным слоям, которые соприкасаются с церковной традицией. Основные сюжеты, как отмечал Федотов, не связаны с Библией: «Библия никогда не была обиходной книгой русского человека», в народной поэзии известны до конца «не обнародневший» «Плач Адама», перешедший не из Библии, а из литургики (из стихир и икоса сыропустной недели), и стих об Иосифе Прекрасном — «о страданиях преданного братьями отрока»; редки народные стихи на евангельские темы, частотен стих об убогом Лазаре, но «ни одно из событий земной жизни Спасителя не легло в основу народной песни», страсти Господни «изображаются нередко в противоречии с евангельским повествованием», крестные страдания Христа показываются «сквозь муки Богородицы», через её плач и её утешение Христом, отсутствуют стихи о Воскресении, стихи о Страшном Суде мало отражают тексты Евангелия и Апокалипсиса, но много вариантов; «один из самых мощных центров притяжения в народной поэзии»[3] — эсхатология. Из житийных сюжетов популярны об Алексее Божием человеке — страдания юноши, отрекшегося от сыновней и супружеской любви; об идущем спасаться в пустыню царевиче Иосафе; о великомучениках Георгии (Егории) и Феодоре (Тироне), змееборг-

цах, — единственные героические стихи; о Борисе и Глебе; о страдалице-матери (Рахиль, Милостивая Жена, Богородица). В основе стиха о Голубиной книге космологическое содержание. Излюбленные в среде старообрядцев стихи — дидактически-назидательного типа (поучения устами Христа, образ наставляющей пустынника Параскевы-Пятницы). Селиванов выделил следующие тематические группы: «Голубиная книга»; стихи с персонажами из Ветхого Завета, например «Плач Адама» — о скорбях изгнанного из рая Адама и о Еве, которая уверяет его, что они посланы на землю кормиться трудами, сеять и вкушать хлеб; евангельские сюжеты; о героях-змееборцах; о мучениках за веру (например, о Егории в плену у Демьянища, о Кирике и Улите, которую Максимилиан подвергает пыткам); о подвижниках; о чудотворцах; назидательные стихи, в которых частыми героями выступают Иисус Христос, Богородица, приравненные к святым персонажи; о праведниках и грешниках (раскаявшихся и нераскаявшихся); древнерусские сюжеты (о Борисе и Глебе, Дмитрии Донском, Александре Невском). Отдельно выделены стихи старообрядцев — они порождены историей старообрядчества, сразу формировались как письменные и распространялись в списках.

3. Вольное обращение русских поэтов, в том числе Есенина, с мотивами духовных стихов имеет историко-литературные основания. Во-первых, калики вносили в произведения субъективные акценты, достаточно свободно обращались с источниками. Во-вторых, помимо книг Священного писания и сочинений отцов Церкви, источниками духовного стиха были неканонические религиозные тексты, «примесь разных посторонних элементов»[4]. Широкое распространение духовные стихи получили среди сектантов, Ф. И. Буслаев назвал сюжеты об Иосифе Прекрасном, об Иоасафе Царевиче, стих о Голубиной Книге и др. Последний «содержит в себе некоторые догматы духоборцев»[5]. Он же встречается в есенинской лирике о поиске правды, а по сути о неудовлетворённости правдой канонической: «И придём мы по равнинам / К правде сошьего креста / Светом книги голубиной / Напоить свои уста» («Алый мрак в небесной черни...», 1915. [I, 98]). Ученик Буслаева А. Н. Веселовский («Соломон и Китоврас», 1872) развил тему о богомильском влиянии на русский духовный стих.

4. Духовный стих, являясь выразителем национального сознания, сочетает черты почвенности, религиозности, космизма, открывает светлые и тёмные стороны народной жизни. Размышляя о специфике духовного стиха, Буслаев поднял вопрос о реальной сути простого народа. Он саркастически («детская игра, забава досужего воображения») относился к славянофильским и западническим представлениям, сформировавшимся в «расстроенном воображении чиновного барства», которое то поклоняется народу, придавая ему ореол святости, то обучает, «как в людях уметь вежливо откашливаться, плевать и сморкаться»[6]. По Буслаеву, «московщина XVII века слишком тяжело налегала на свободное разветвление областной жизни»[7] и именно духовный стих обладает универсально-

стью относительно областного фольклора. Духовный стих как выражение неоднозначного национального характера был рассмотрен Федотовым; он писал: «Ни юродивый, ни странник, ни хозяин, ни Пётр, ни Толстой, ни Достоевский не могут притязать, каждый сам по себе, на выражение русского народного гения <...>. Формула нации должна быть дуалистична. Лишь внутренняя напряжённость полярностей даёт развитие, даёт движение – необходимое условие всякой живой жизни»[8]. По Федотову, шкала характеристик – от гениальности (святости) до пошлости, но и в пределах святости есть неоднородность (Антоний и Феодосий, Иосиф Волоцкий и Нил Сорский, святые князья и юродивые), на пороге XVIII века изменилась направленность святости, святость великорусская отлична от малорусской; кроме того, существен фактор разобщённости культуры церковной и светской, между народом и интеллигенцией.

5. Как отмечал Федотов, традиционный размер духовного стиха – размер тонического былинного эпоса, но «многие из "духовных" сюжетов записаны и исполняются в силлабическом размере искусственного рифмованного стиха, который в XVII в. занесла на Московскую Русь малороссийская духовная школа»; такой силлабический духовный стих мог развиться из книжного силлабического стихотворения в процессе «окнижнения» архаичного народного стиха, однако приходится говорить о «художественной бедности»[9] силлабических стихов. Силлабическая форма привносит в народный духовный стих книжный словарь (славяно-русский), богословскую грамотность, превышающую уровень исконных народных духовных песен. Специалисты отмечают русификацию стиля духовного стиха. Например: «Как возговорил батюшко Ефимьян-князь: "Ой же ты, чадо моё возлюбленное! / Что ты не весело поступаешь? / Аль тебе княгине не п'обычью? / Аль твоя обрученная не по нраву?"»[10]

Странники

Сема «странник» не тождественна семе «скиталец». Последняя выражает внутреннюю неупорядоченность. Тема скитания укореняется в светской лирике и психологически связывает поэтов разной эстетической и религиозной направленности (например, у А. Белого и М. Цветаевой[11]). Исполнители духовных стихов, странники, изображены в «Каликах» (1910; опубл. в 1915). В стихотворении нет лирического героя, но есть стремление увидеть происходящее эпически, что отвечает традициям духовного стиха. Есенин создал жанровую картину: калики проходят по деревням, угощаются квасом, поклоняются у церквей Пречистому Спасу, поют «стих о сладчайшем Исусе», угощают хлебными крохами коров. В тексте есть снижающий высокую тему параллелизм (гуси подпевают странникам), есть и ирония пастушек (они называют калик скоморохами). Лексика отражает две стилевые парадигмы – отвечающую традиции духовного сти-

ха высокую («у церквей», «затворы древние», «Пречистый Спас», «сладчайший Исус», «страдальные», «вериги») и низкую («квас», «пробиралися», «клячи с поклажею топали», «горластые гуси», «ковыляли», «пляска») (I; 37–38). Тот же прием в стихотворении «По дороге идут богомолки...» (1914); в реалистической жанровой зарисовке (богомолки, «старухи» и «девки», в лаптях и дулейках, по полыни, сквозь заросли шиповника бредут к монастырским «вратам») дан и высокий смысл богомолья (над воротами монастыря обозначено: «Упокою грядущих ко мне») и низкая деталь (на богомолок «разбрехались собаки, / Словно чуя воров на гумне») (I; 59).

Стихотворение «Калики» можно рассматривать как пример трансформации жанра духовного стиха в светский стих, что подтверждается и иронией, и лексическим снижением рифмовки («квасу – Спасу», «Иисусе – гуси», «по стаду – Господу»); в то же время Есенин сохраняет традиционный для религиозных произведений эпитет «сладчайший Исус», как и этику богомольцев: кормление животных, ношения вериг.

«Калики» интерпретируются по-разному. По В. Г. Базанову, этот текст – «вывернутый наизнанку духовный стих», в котором акцентируется ирония деревенской молодежи по отношению к каликам; по В. И. Харчевникову, ирония адресована новому поколению, «для которого народные певцы – предмет издевательства»[12]. С нашей точки зрения, в восприятии Есенина ирония перерастает в драму, в стихотворении есть сдержанная грусть, что выражено в минимализации словаря эпитетов, быстрой смене ситуаций при полном отсутствии лирического комментария.

В ранней лирике Есенина образ странника встречается как в его духовных стихах, так и в иных жанрах. Странствуют не только калики, но и Николай Угодник, и Иисус Христос; Богородица в страннике видит Божественного избранника: «И в каждом страннике убогом / Я вызнавать пойду с тоской, / Не помазуемый ли Богом / Стучит берестяной клюкой» («Не ветры осыпают пущи...», 1914. [I; 45]). Мотив близости богомольца Христу встречаем и в стихотворении «Сторона ль моя, сторонка...» (1914): «По тебе ль, моей сторонке, / В половодье каждый год / С подожочка и котомки / Богомольный льется пот», «И впилась в худое тело / Спаса кроткого печаль» (I; 54). В связи с последними примерами есть смысл привести наблюдение Федотова: «В духовных стихах расстояние между Творцом и тварным миром настолько сближено, что едва ли правильно говорить даже о творении мира там, где, для народа, речь идет о космогонии»[13]. В странической ипостаси и лирический герой («Я странник убогий...», 1915). Странником может быть и адресат («Я одену тебя побирушкой...», 1915). В «Прячет месяц за овином...» (1914 – 1916) странница – весна.

Религиозная коннотация странничества очевидна. Во-первых, по мнению С. Г. Семёновой, уже в раннем Есенине-страннике проявилось чаяние «иной земли», «выразился эсхатологизм народной души, алкание последних времен и

сроков, грядущего преображения»[14]. Во-вторых, поначалу, по Селиванову, у слова «калика» в духовном стихе не было значения «убогий, слепой, нищий», но со временем эта характеристика становится постоянной; например, в «Алексее Божием человеке»: «Ой еси, нищий-убогий, / Ты старец, калика-переходец», «Построил князь убогому келью»[15]. Есенинский образ странника соответствует традиционно высокой оценке нищенства, что связано с образом жизни самих носителей духовного стиха. В его ранней лирике нет идеала зажиточности, крепкого крестьянского хозяйства.

Образ Господа

Есенин обращался к наиболее частым персонажам духовных стихов. В народных духовных стихах образ Бога-Отца встречается редко. По замечанию Федотова, народная иерархия небесного мира неустойчива и не совпадает с церковной, «питается литургикой, храмовым культом, а не катехизисом», Отцом Небесным называется Христос, понимание Христа в народном сознании приближается к «монархианству»[16], Он и Творец Мира, и Законодатель, и Царь Небесный, и Спаситель. В «Голубиной книге» Он наделен чертами Вседержителя: от Его лица — солнце, от очей — зори, от дум — темные ночи, от мыслей — дожди, роса — от Его слез. Причем имя «Спас» не частое. В собрании духовных песен 1922 г. Он Спаситель, Примиритель, Пастырь, Царь, Агнец Божий, Свет во тьме.

В эпических духовных стихах события соотнесены с зарождением и распространением христианства; центром действия и в дохристианской истории был Иерусалим. В стихах о мучениках место действия расширялось за счет Средиземноморья: Рим/Рым, Эдесса/Одес-град (история об Алексее Божьем человеке), Антиохия (сюжет об Агрике и Василии), Солунь/Салым-град (сюжет о Дмитрии Солунском), Дамаск/город Домостеев (история Кирика и Улиты). Постепенно происходил сдвиг в сторону русской истории, к былинному времени (например, Егорий — устроитель и основатель Русской земли, его родина в вариантах «Егория и змия» — Чернигов). Эту же русификацию мы видим в лирике Есенина. Действие в его духовных стихах об Иисусе Христе разворачивается в современной России, касается Его земных «хожений» после вознесения или земной жизни до распятия.

В «Шел Господь пытать людей в любови...» (1914) использован мотив явления Христа людям, встречающийся в духовных стихах («Бог оставил Свой престол / В славных небесах / И на землю к нам сошел, / Чтоб рассеять мрак»[17]). В стихотворении отсутствует лирический герой и соответственно лирический комментарий. В основе — встреча обрядившегося в нищего Господа, ищущего в людях меру любви, и действительно нищего деда, разделившего с неузнанным Господом скудную еду («На, пожуй... маленько крепче будешь» [I; 42]). Высокий

стиль при создании образа Господа («Господь», «в любови», «скорбь и мука») не противоположен низкому («жамкал деснами», «зачерствелую», «клюшка», «убогой», «болезный», «маленько») (I; 42). Есенин придает своему произведению апокрифическую, «отреченную» коннотацию: Господь, глядя на нищего, усомнился в его способности возлюбить ближнего, поэт словно возражает Господу, возвышая человека из простонародья.

Внимание исследователей привлекает есенинский образ Иисуса-младенца. Его частотность получила свои мотивировки. Как справедливо пишет О. Е. Воронова («"Я поверил от рожденья в Богородицын Покров": образ Христа-младенца в поэзии Сергея Есенина»), такое творческое притяжение Есенина к Господу-младенцу объясняется и иконописной традицией (в доме Ф. А. Титова среди прочих были иконы Казанской Божией Матери, Тихвинской, Иверской), и возможным знакомством Есенина с апокрифическими Евангелиями, в частности с «Евангелием детства» («Евангелием от Фомы»), и возможным знакомством поэта с изданием духовных песнопений 1912 г., где встречается образ Младенца.

В есенинском духовном стихе «Не ветры осыпают пущи...» (1914) явление Богородицы и Младенца дано через описание природы («Не ветры осыпают пущи, / Не листопад златит холмы. / С голубизны незримой кущи / Струятся звездные псалмы» [I; 44]). В стихотворении «Сохнет стаявшая глина...» (1914) Христос вообще претворен в природе, имя Христа не названо («Кто-то в солнечной сермяге / На осленке рыжем едет»), Его образ и конкретизирован («Прядь волос нежней кудели»), и абстрактен («Но лицо его туманно») (I; 55). То же претворение Господа в природе или природы в Господе в «Чую радуницу Божью...» (1914): «Между сосен, между елок, / Меж берез кудрявых бус, / Под венком, в кольце иголок, / Мне мерещится Исус» (I; 56). Названные тексты — пример нового по сравнению с русской лирикой словаря сакральных символов.

В «Не ветры осыпают пущи...» использована иконописная композиция: Божественное дитя на руках Богородицы («Я вижу — в просиничном плате, / На легкокрылых облаках / Идет возлюбленная Мати / С Пречистым Сыном на руках»); Младенец априори бесприютен, его ждет судьба странника («без крова», «зорюй и полднюй у куста», «А под пеньком — голодный Спас») (I; 44) и жертвы. По мнению О. Е. Вороновой, источником мотивной композиции, цветового и пластического решения является роспись В. М. Васнецовым Владимирского собора в Киеве («...идущая по облакам в темно-синем одеянии Богоматерь будто парит на золотом фоне»; «Она крепко прижимает к себе младенца, в глазах ее — скорбное предвидение уготованной Сыну трагической участи. А младенец Иисус на ее руках смотрит проникновенно-строгими глазами будущего Спасителя, готового к самопожертвованию во имя людей»[18]). По предположению исследовательницы, Есенин мог видеть изображение этого «протосюжета» в какой-нибудь из церквей или в собраниях церковной живописи.

Вместе с тем у композиционного решения и Васнецова, и Есенина могли быть общие, первичные, источники[19]. На Цареградской иконе Божия Матерь в красном одеянии, но голова именно «в просиничном плате»; на многих иконах синее покрывало (Явление Божией Матери в Почаеве, Кизическая икона Божией Матери, Челнская, Владимирская, Калужская, Пюхтицкая и др.), как и синее платье под красным покрывалом (Неупиваемая чаша, Теребинская икона Божией Матери, Гребневская, Афонская, Московская Боголюбская, Косинская, Ахтырская, Толгская, Оршанская, Иверская, Покрова Пресвятой Богородицы, Умягчение злых сердец и еще целый ряд икон). Изображение Богородицы в полный рост встречается не так часто, но и оно канонично. Например, икона Валаамской Божией Матери: на золотом фоне и на золотистом облаке в синем платье и красном покрывале до пят, на руках Младенец. Во весь рост Богородица (с Младенцем или одна) изображена на иконе «Жена, облеченная в солнце», на Купятицкой иконе Божией Матери, Овиновской, «Нерушимая Стена», на Киевской иконе Премудрости Божией (София), Пюхтицкой иконе Божией Матери «У источника», «Благодатное небо». В связи со стихотворением Есенина обратим внимание на Августовскую икону Божией Матери: Она в синем платье и красном покрывале, на руках Младенец в белых одеждах, Богородица стоит на облаке, фон — синее звездное небо, внизу иконы — молящиеся солдаты. Стихотворение написано в 1914 г., опубликовано 22 ноября 1915 г. Явление Богородицы солдатам и офицерам случилось в конце сентября 1914 г. в районе Августова (Царство Польское) накануне решающей битвы, видение длилось 30–40 минут, икона была написана в 1916 г. Религиозные мотивы усиливаются в лирике Есенина с 1914 г., что, возможно, объясняется войной.

Отмеченное О. Е. Вороновой выражение глаз маленького Иисуса в интерпретации Васнецова, как и тема Младенца-жертвы в «Не ветры осыпают пущи...» также отвечают иконописной традиции. Маленький Иисус — младенец телом, но не сознанием. У Божественного ребенка взрослое, отнюдь не младенческое лицо на Волынской иконе Божией Матери, Тихвинской, Тупичевской, Святогорской, Макарьевской, Новодворской и др.) Об этой особенности писал Буслаев: Христос-младенец «больше походит на маленького взрослого человека, с резкими чертами вполне сложившегося характера, как бы для выражения той богословской идеи, что Предвечный младенец, не разделяя с смертными слабостей детского возраста, и в младенческом своем образе являет строгий характер искупителя и небесного Судии»; в Его лике зрелость мысли, потому Он изображается «ребенком не самого раннего возраста»[20].

В традиционном духовном стихе развита тема Младенца-искупителя и спасителя. Страсти Христовы начинались с Его рождения, в рождественских стихах говорится о преследовании Его Иродом и избиении младенцев. Федотов приводит распространенный у сектантов стих о «Милостивой жене милосердной»: гонимая Богородица встречает некую жену с младенцем и «приказывает

ей "бросить свое чадо в огонь и пламя", взять "Самого Христа Бога на руце" и выдать Его за своего сына; милостивая жена, не задумываясь, бросает в печь свое дитя»[21], но в печи дитя спасается – в цветах, на травах он читает Евангелие. В этом сюжете выражена и мысль о сопричастности судеб дитя человека и Божественного дитя. К слову, и в маленькой поэме «Ус» (1914) мать молится за сына, всматривается в иконного «светлоглазого отрока» и видит в святом лике своего сына («Это ты, о сыне, смотришь Иисусом» [II; 25]).

Однако в стихотворениях Есенина не встречается частых в духовных песнях мотивов распятия (вроде «Взойдем на Голгофу, мой брат! / Там посланный Богом Мессия распят. / О правде святой проповедовал Он, / Больных исцелял, а теперь Он казнен. / Падем перед ним!»; «Кто поднимет свой взор на Христа на кресте, / Тот покой обретет в полноте»; «Взгляни на Голгофу! / Там на кресте распят / В мученьях твой спаситель»), призывов прийти к Христу, самих страданий Господа за грешников, славы Христу и наивной хвалы Ему (вроде «Хвала Тебе, Христос, Господь,/ Что принял человека плоть», «Честь Тебе, Спаситель, слава, / Что Ты смертию своей / Дал мне радостное право / Быть средь Божиих детей»), как нет и мотивов покаяния (вроде «Я согрешил, Господь, перед Тобою. / Ты видишь зло в моих делах», «И с скорбным сердцем размышляю / Я о греховности своей», «Все мы грешны, гнева чада»), уничижения (вроде «Спаситель мой! Я слеп», «Заблудшее дитя, / Я у ворот стоял,/ И вихрь, над мной летя, / Мне в сердце страх внушал»)[22]. В лирике Есенина нет свойственного для духовной песни прямого религиозного назидания.

Тема, отличная от «Не ветры осыпают пущи...», развернута в духовном стихе Есенина «То не тучи бродят за овином...» (1916). В сюжете нет и намека на голгофскую историю, Младенец играет с колобом, роняет его, плачет, Богоматерь Его утешает. Казалось, стихотворение построено по принципу жанровой картины и скорее отвечает европейской традиции. Однако в бытовой идиллии скрыта литургическая ассоциация тела Христова и просфоры, что явно продумано Есениным. Эта же ассоциация позже легла в основу поэмы Клюева «Мать-Суббота» (<1922>).

Примечателен эпический духовный стих Есенина «Исус Младенец» (1916). Само обозначение имени можно объяснить интересом автора к старообрядчеству, но и в фольклоре, причем светском, встречается: «Исус Христос / У ворот стоит», даже «Сус Христос / Конопелькой оброс»[23]. Прежде чем ввести в текст высокую тему Бога, Есенин создал жанровую картину бытового содержания с идиллически-природным, крестьянским акцентами: «А маленький Боженька, / Подобравши ноженьки, / Ест кашу» (IV; 140), он на завалинке, Богородица в хате. Бытовые коннотации в евангельской истории – черта русского фольклора, что видно из приведенных ниже прозаизмов: «Исус Христос / У ворот стоит / С скотинкою, / С животинкою», «У Бога за дверью / Комар пищит», «Узошла моя квашня / Полным-полна. / Слава! / Унеси ее Господь / Выше того! / Сла-

ва!», «Дай вам Бог, / Надели, Христос, /Двести коров, / Полтораста быков, / Семьдесят тёлушек / Лысеньких, / Криволысеньких», «Дай тебе, Боже, пиво варить, / Пиво варить, сынов женить, / Горелку гнать – дочек отдавать! / Христос воскрес на весь свет!»[24]. Основой столь прямолинейного привнесения быта в тему Господа и в фольклоре, и в «Исусе Младенце» служит, очевидно, бытовое содержание евангельских притч, сама обстановка рождения Иисуса. Синтез высокой религиозной образности и «низкой» встречается и в других стихотворениях Есенина. Например, в «Задымился вечер, дремлет кот на брусе...» (1912).

За экспозицией следует завязка: внемля просьбе синицы, настоятельному требованию журавля («Тебе и кормить нас, / Коль создал» [IV; 141]), Младенец отдает им кашу. Далее сюжет развивается стремительно, с неявными конфликтами. Голодный Младенец просит у Матери хлеба, Она посылает птиц за пшеницей, те замешкались – «Дождь прочат» (IV; 142), ветер не унимается; пока Богородица за околицей, Младенец «Плакал на завалинке / От горя» (IV; 142); появление нового участника событий – аиста – кардинально меняет сюжетный вектор: он уносит Младенца в своё гнездо на ёлке, Мать не находит Младенца на завалинке и отправляется на поиски, Она видит Сына играющим с аистом («На спине катается / У белого аиста» [IV; 143]).

Череда сюжетных ситуаций пронизана интимной тональностью. Причём Есенин избегал лирического комментария, его восприятие происходящего выражено через лексику с уменьшительно-ласкательными суффиксами и ее повторы («маленький Боженька», «ноженьки», «сыночек маленький», «осторожненько», «гнездышко», «сторонкой», «в лесочке», «сыночек», «маленьких деток» [IV; 140, 141, 142]). Но ещё и через простодушные просторечия («подобравши», «притомив», «ворочалась» в смысле «вернулась», «котомка», «сыскала» [IV; 140, 143]). Буслаев, кстати, обращал внимание на снижение в традиционном духовном стихе религиозного стиля до простонародного[25]. Свою роль сыграли и характерный для фольклорных произведений повтор синонимов («плакал, обливался» [IV; 142]), и сами детали поведения, эмоции персонажей (голод и слезы Сына и т. д.), и контраст тональностей (мягкие, идиллические интонации при изображении Младенца и Богородицы – жесткое требование журавля, неумолимость ветра), и скупая цветовая образность («в золочёной хате», «аист белоперый», «у белого аиста», «синеглазых»[IV; 141, 142, 143]).

Образ Богородицы

Предельно личное, но корректное, иерархичное отношение Есенина к Богородице известно, ведь он защищен «Богородицыным покровом» («Чую радуницу Божью...», 1914 [I; 44]). В традиционных духовных стихах очевидна высокая лексика, вроде «велика Мать Божья Богородица» («Егорий Храбрый и царище

Демьянище»), «Госпожа Мать Пресвятая Богородица» («Страшный суд»)[26]. Есенинские характеристики лиричны, но соответствуют канону: «возлюбленная Мати» («Не ветры осыпают пущи...» [I; 68]). Это же обращение встречаем в светском фольклоре: «Благослови, мати / Весну заклинати»[27]. Также крестьянки обращались и к родной матери: «Бей, мати, опару, / Пеки пироги»[28]. Лишь в стихотворении «В лунном кружеве украдкой...» (1915) Есенин прибегает к имени «Магдалина».

Об иконописной традиции изображения Богородицы речь шла выше. Отметим еще одну особенность. На иконах исключается изображение природных отношений между Богородицей и Младенцем. По Буслаеву, «древний тип Богородицы-*Млекопитательницы*, общий Западу и Востоку, на Западе получил самое разнообразное развитие; на Востоке же хотя и сохранился как остаток предания, но менее занимал воображение художников, нежели тип строгий, отрешенный от всяких намеков на земные отношения между матерью и ее младенцем. С этой целью Богородица изображается в нашей иконописи более задумчивою и углубленною в себя, нежели внимательною к носимому ею, и только наклонением головы иногда сопровождает она выражение на лице какого-то скорбного предчувствия, обыкновенно называемое *"умилением"*. Вообще в ней много мужественного и строгого, чтоб могла она низойти до слабостей материнского сердца, равно как в самом Младенце столько возмужалого и зрелого, что с его величием была бы уже несовместна резвая игривость неразумного младенца <...>»[29]. Семейные узы заменены неземными. При этом композиционно Богородица предстает мистическим престолом для Божественного Сына. Русская традиция противопоставляется западной, допускающей «излишнюю сентиментальность и женственность», «крайности» в показе семейных уз: Богородица забавляет младенца птицей, цветком, кормит его плодами, Он у Ее ног, «неразумно резвится или обнимается и играет с своим товарищем, маленьким Иоанном Предтечею»[30]. Многое в литературный духовный стих перешло из народного. Образ Богоматери скупо очерчен в канонических Евангелиях, но самый популярный в апокрифической литературе. В духовных стихах Богородица воспринимается лирично, ей сочувствуют, и она, по замечанию Селиванова[31], как бы утрачивает божественный ореол, более предстает обычной женщиной-страдалицей, что еще более возвышает ее образ.

И еще одна особенность, воспринятая Есениным, — сдвиг во времени. Например, в народном стихе о Богородице у распятия Христа: «Во городе во Руссе / Стоит церковь соборная, / Что соборная, богомольная. / В той церкви Христос Бог распят: / По рукам, по ногам гвозди пробиты, / Святая кровь да вся пролита, / Что святая кровь, безгрешная. / Стоит Мати, жалко плачет. / Прилетали к ней да два ангела, / [Два ангела], два архангела: / «О чем, Мати, жалко плачешь?» — / «Уж вы, ангелы, вы, архангелы! / Уж как мне не плакати? / Мое дитятко распят лежит, / По рукам, по ногам гвозди пробиты, / Святая кровь да вся

пролита!»[32]. Эта же особенность характерна для апокрифических сюжетов А. Ремизова. В духовных стихах Есенина, как впоследствии в его маленьких поэмах, исчезает ретроспектива, повествователь и слушатель – свидетели событий. «Не ветры осыпают пущи...» – пример временной актуализации: Богородица вновь несет человечеству воскресшего Христа, участь Которого быть вновь распятым известна.

В есенинских стихах о маленьком Христе образ Богородицы доминирует. По замечанию Федотова, нередко имя Богородицы ставится впереди «имен Божиих, для обозначения главного содержания христианской веры»[33], а Голгофа («Сон Богородицы», «Хождение Богородицы» и др.) дается через страдания Богородицы. Как он писал: «Вся тоска страдающего человечества, все умиление перед миром божественным, которые не смеют излиться перед Христом в силу религиозного страха, свободно и любовно истекают на Богоматерь»[34]. Главная сюжетная роль в «Не ветры осыпают пущи...» отведена Богородице. Она несёт Младенца для новых испытаний, дает Ему наказ, всматривается в каждого странника; Иисус как персонаж пассивен, хотя в стихотворении намечена Его жизнь: от младенца – до одинокого, не замеченного Матерью Спаса. Инициатива в «То не тучи бродят за овином...» (1916) также принадлежит Ей. Она замесила и испекла колоб, положила его Сыну в ясли, Сын обронил колоб, Богородица Его утешает: колоб станет людям месяцем. Так поэт подчёркивает космогоническую силу Богородицы. Она же учит Сына относиться к людям как к чадам, которых Она жалеет. При этом минимум сакральных характеристик, максимум бытовых (подробности выпекания, ясли, солома, ворота, рожь и проч.) В «Исусе Младенце» сюжет начинается с действий Богородицы: Пречистая собирает в храме синиц, журавлей и вовлекает их в литургию; Она показана в золоченой хате; Она же призывает птиц принести ей зёрен. (Птица как добытчица зерен – традиционный мотив народных песен. Например: «Летел соловей / Через житенку, / Несёт соловей жита горсточку»[35]). Она без помощи птиц и без помощи небес пытается найти зерен. Она же странница. Она же – судья птицам, воздает им по делам их.

Троица

Как писал Федотов, народное понимание далеко от ясности: «Догмат Пресвятой Троицы принадлежит к труднейшим и отвлеченнейшим в христианстве», «Дух Святой делается Духом Христовым»[36]. В народных духовных стихах часто говорится о тройственной Небесной Силе — Христе, Богородице, Троице. Дух Святой именуется как одно из имен Христовых, Святой Дух и Христос характеризуются одним эпитетом – «пресладкий». Дух Святой означает силу Божию или благодать Божию, но посылаемую Христом. Либо Дух Святой ассоциируется с Богородицей, являясь женской сутью.

У Есенина («Троицыно утро, утренний канон...», 1914) суть Троицына «канона», заутрени и обедни, не канонична – она не в церковной службе, но в состоянии природы. Причем высокие и низкие семы («благовест», «хмельная») создают один образ. По-видимому, Есенин в большей мере воспринял светский фольклор; в народных троицких и семиковых песнях минимум религиозного смысла, акцентируются игры, хоровод, венки («Мы завьём венки», «Кто не йдет венков завивать», «нам венки завивать / И цветы сорывать», «Святой духа Троица! / Позволь нам гуляти, / Венки завивати!»), берёза («Ты не радуйся, осина, / А ты радуйся, берёза», «Ты не радуйся дубник-кленник! / Радуйся, белая берёзынька! / К тебе девки идут,/ К тебе красные идут / Со яишницами, / Со дрочонами, / С пирогами со пшенисными»[37]). Но прежде всего Троица осмыслена поэтом как веха уходящей молодости: «Я пойду к обедне плакать на цветы» , «Похороним вместе молодость мою» (I; 31), что вообще не имеет отношения ни к религиозному, ни к светскому фольклору.

Радуница

Стихотворение «Чую радуницу Божью...» (1914) отразило предельно лирическое восприятие радуницы. Иисус дает поэту ощущение природы как Небесного царства, Богородица защищает его Своим покровом, он чувствует присутствие Святого Духа и отдается Его воле («Голубиный дух от Бога», «Завладел моей дорогой,/ Заглушил мой слабый крик» [I; 56]). Он по-детски открыт Божьему миру («В сердце радость детских снов» [I; 56]). Его понимание радуницы соответствует каноническому смыслу праздника на пасхальной неделе не только как срока поминовения усопших, но как образа возрождения природы. Такому смыслу радуницы отвечают фольклорные «веснянки», часто начинавшиеся с «Благослови, мати» или «Благослови, Боже» и содержавшие призывы к жизнепорождению, хлебородным годам.

Св. Николай Угодник

Его образ – в духовном стихе Есенина «Микола» (1913–1914). Этот святой — один из наиболее распространённых персонажей в духовных песнях наряду с Иисусом Христом, Богородицей, Егорием. Так, Елисавия избирательна в своих молитвах: «Поклонилась да Егорью Храброму, / Другому – Миколе святителю, / Третьему – да самому Христу, / Самому Христу, Царю распятому»[38]. В народе укоренился образ Николая Чудотворца как угодника Бога, но еще и «особого покровителя земледельческого труда», что выразилось, в частности, в сюжете о том, как «Никола милостивый спас ниву крестьянина от града», «как

он помог мужику воз вытащить и не побоялся из-за этого замарать свое райское платье»[39]. В народных духовных стихах суть представлений о Николае Угоднике отчётливо выражен в глаголе «помогает» («Тому святой Николае / На всяк час помогае», «Егда кто в помощь призывает, / Тому святой Николае / Всегда вспомогайя»[40]). Такая трактовка святого легла в основу «Двух святителей» (1915) А. Куприна, «Николы Угодника» (1907) и других «Николиных» сюжетов А. Ремизова. Она же и в основе есенинского «Миколы». Просторечное «Микола» соответствует стилю духовных стихов («Микола, Микола святитель, / Можайский, Зарайский», «А знают Миколу / Неверные орды. / А ставят Миколе / Свечи воску яры», «Он веровал во святителя Миколу, / Во святителя Миколу чудотворца», «Уж он молится Миколы со слезами»[41]).

В основе есенинского сюжета странствие Миколы по селам, деревням, монастырям. В образе святого реальная конкретика сочетается с ирреальной образностью. Он – от Царствия Небесного, к зиме должен вернуться в «Божий терем» (II; 14), он «гуторит с Богом» (II; 13). После наказа Господа Микола – Божий работник: заходит в трактиры, раскрывает свое предназначение заступника, говорит о Божьей милости – ржи в закромах, трудится и по устройству природного мира. Есенин использует и сюжет о чуде: пахари сеют рожь на снегу в честь Миколы, и рожь взошла на снегу. Религиозная коннотация придана пейзажу: лик кроткий у ив и у Спаса, ветки сравниваются с четками, их извив бисерный, что вызывает ассоциацию с церковным убранством, с украшением икон, роща елей созвучна елейному поту и т. д.

Св. Георгий

Сюжет Есенина о Св. Егории («Егорий», <1914>) – отклик на войну. Егорий, судя по фольклорным произведениям, как и Микола, не только особо почитаем («Первый праздник – Христов день, / Второй праздник – Егоров день, / А третий праздник — Илья-пророк»[42]), но и близок народу: в «егорьевском» песенном цикле Святого величают батюшкой, батькой, называют храбрым, просят спасти «скотинку» от волка и медведя, от «зверя лукаваго»[43]. Наиболее известные духовные стихи — «Егорий и змея» (о победе над змеей и освобождении царевны, об обращении Арахлин-города в «веру хресьянскую»[44]), «Егорий и Демьянище» (о плене Егория). Во втором произведении есть фрагмент, в котором появляются образы волков, что сближает его с текстом Есенина. Там описано, как земля пребывает в хаосе, представляет собой горы и дремучие леса, тут живут стада волков, змей; Егорий приказывает лесам стать проходимыми, горам разойтись по всей земле, он распределяет волков группами по земному пространству и дает им пропитание. По сути, Егорий – устроитель земного порядка, так называемый «культурный герой». Приведем фрагмент: «Дак вот святой-

то Егорий проезжаючи, / Дак святую веру утверждаючи, / Дак што святой-то Егорий тогда наехавши, / Дак он на стадо на серых волков,/ На серых волков на прыскучиих. / Да што нельзя Егорию проехати, / Да што никак нельзя и подумати. / Да што святой-то Егорий проговаривал, / Да што свет и Храбрый проглаголивал: / "Да уж вы, гой еси, волыки прыскучие, / Расходитесь, волыки, по всёй земли, / Да вы по всей земли, по святой Руси, / Да где вы по три, по два, по единому, / Да кушайте, волки, все по-веленному, / Да все за Егорьево умоление, / Да за его за святого претерпение". / Расходилися волки по всей земли, / Да што по всей земли, по святой Руси, / Да где оны по три, по два, по единому, / Дак они кушали волки по-веленному»[45].

В интерпретации Есенина Егорий – защитник России, религиозный акцент отсутствует, актуализирована ситуация Первой мировой войны. В народном стихе образы волков маркируют идею разумного, системного порядка земного бытия; в сюжете Есенина они по воле Егория становятся чудесными помощниками, что соответствует функции сказочного персонажа. В «Егории» Святой призывает стаю белых волков помочь русским в битве с врагом, перед общей бедой, перед «черной планидой», волки «помирились с русским мужиком» и обращаются к Святому: «Ты веди нас на расправу, / Храбрый наш Егор!»; Егорий сам ведет стаю на врага, действие обретает гипертрофированные черты («И дрожит земля от крика / Волчьих голосов») (IV; 69, 70).

В «Егории» язык книжной поэзии («в лентах облаков», «в их глазах застыли звезды», «грозовой оплот», «с закатных поднебесий», «планида») синтезирован с фольклорным («в синих далях»), усилена по сравнению с произведениями этого периода роль просторечий («слухайте», «поклон до вас», «лохманида», «чую», «громовень», «тросовики», «огулом») (IV; 68, 69), что, возможно, говорит о намеренной стилизации языка народного стиха (приведем пример из стиха «Егорий Храбрый и царище Демьянище»: «Да видь он на тот на Ерусалимов град, / Да видь он много народу прибил, прирубил, / Да видь он много народу на мечь склонил, / Да видь святые церкви он на дым спущал, / Да видь он много народу в полон набрал, / Да видь заполонил у Федора трех дочерей, / Да видь што четвертого сына Егория,/ Да видь што святого света Храброго, / Да видь што увел-то его в царство Вавилонское»[46].

В *заключение* обращаем внимание на то, что в языке духовных стихов Есенина тропеизация умеренная. В целом в его лирике того времени усилена церковная коннотация в многочисленных тропах, изображающих природу. Соотношение понятий «Бог» и «природа» — тема богословских статей. Так, в работе «Бог и природа в Книге Псалмов» (1903) Е.А.Л. растолковывается каноническая теза о Боге — Творце всего, в том числе и природы («небо и землю и вся, яже в них». Пс. [CXLV]). Автор писал: «Господь Творец по сотворении остается Промыслителем созданного мира, без Него погасла бы, пресеклась всякая жизнь»[47]. В приведённой цитате высказана мысль, противоположная отреченным, неканоническим, в част-

ности богомильским, воззрениям о богооставленности человечества после акта творения, власти дьявола, что, на наш взгляд, ярко проявилось в произведениях А. Ремизова и С. Клычкова, но не коснулось творчества Есенина. В цитируемой статье речь идёт о Его «вездеприсутствии», о том, что «природа есть начертание глаголов Божиих»[48]. В то же время в псалмах очевидно постоянное обращение от образов тварной природы к ее Творцу, что мотивирует стремление отождествить Бога и природу. Однако в статье Е.А.Л. высказывается мысль об «опасности пантеистического обоготворения природы, которое не может действовать иначе, как только угнетающим образом на духовную жизнь человека, содействуя развитию в нем фатализма, т. е. духовной косности и рабской покорности пред действием мировых законов»; в сноске автор связывает данные представления с идеологией символизма: «Отражение такого угнетающего представления природы можно усматривать в современном направлении поэзии и искусства, направлении так наз. с и м в о л и з м а, в котором природа постоянно является в чертах кошмарной, давящей душу, загадочности»[49]. Декадентской поэтизации природы в лирике Есенина мы не встречаем, но, возможно, пантеистические черты были ей присущи. Примечательна фраза из письма к Г. Панфилову от 23 апреля 1913 г. о том, что Христос Бога-Отца понимал как аллегорию всего царства природы.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Летопись жизни и творчества С. А. Есенина: В 5 т. Т. I / Гл. ред. Ю. Л. Прокушев. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 594.

[2] *Селиванов Ф. М.* Русские народные духовные стихи. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 1995. С. 68.

[3] *Федотов Г.* Духовные стихи // *Федотов Г.* Святые Древней Руси / Сост. А. С. Филоненко. М.: АСТ, 2003. С. 367, 368, 370.

[4] *Буслаев Ф.* Русские духовные стихи: Сборник русских духовных стихов, составленный В. Варенцовым. С.-Петербург, 1910. Калеки перехожие. Сборник стихов и исследование П. Бессонова. Москва, 1961 // *Буслаев Ф.* О литературе. Исследования. Статьи / Сост., вступ. ст., примеч. Э. Л. Афанасьева. М.: Худ. лит., 1990. С. 306.

[5] Там же. С. 307.

[6] Там же. С. 297, 296.

[7] Там же. С. 300

[8] *Федотов Г.* Духовные стихи. С. 358.

[9] Там же. С. 359, 30, 361.

[10] Алексей Божий человек / *Селиванов Ф. М.* Русские народные духовные стихи. С. 91.

[11] *Ничипоров И. Б.* Миф об Андрее Белом в художественном сознании М. Цветаевой // Кафедральные записки: Вопросы новой и новейшей русской литературы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. С. 87–96.

[12] *Базанов В. Г.* Сергей Есенин и крестьянская Россия. Л.: Сов. писатель, 1982. С. 202; *Харчевников В. И.* Поэтический стиль Сергея Есенина (1910–1916). Ставрополь, 1975. С. 128.

[13] *Федотов Г.* Духовные стихи. С. 421.

[14] *Семёнова С. Г.* Стихии русской души в поэзии Есенина // *Семёнова С. Г.* Русская поэзия и проза 1920–1930-х годов: Поэтика – Видение мира – Философия. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. С. 104.

[15] *Селиванов Ф. М.* Русские народные духовные стихи. С. 16, 97.

[16] *Федотов Г.* Духовные стихи. С. 371, 380.

[17] Духовные песни / Сост. И. С. Проханов. Кассель: б/и, 1922. С. 56.

[18] *Воронова О. Е.* «"Я поверил от рожденья в Богородицын Покров": образ Христа-младенца в поэзии Сергея Есенина» // Детская литература. 2001. № 3. С. 4–11. Цит. по: htth:library.rsu.edy.ru/search_newspaper_fulltext.php?id=1245. С. 2.

[19] Далее мы опираемся на иконографию издания «От Пасхи до Пасхи» 2011 г. Варницкого Троице-Сергиева Монастыря.

[20] *Буслаев Ф. И.* Общие понятия о русской иконописи // *Буслаев Ф. И.* О литературе. Исследования. Статьи. С. 381.

[21] *Федотов Г.* Духовные стихи. С. 389.

[22] Духовные песни. С. 35, 36, 426, 132, 133, 104, 106, 111, 119, 171.

[23] Поэзия крестьянских праздников / Общ. ред. В. Г. Базанова, вступ.ст., сост., примеч. И. И. Земцовского. Л.: Сов. писатель, 1970. С. 142.

[24] Там же. С. 142, 148, 315–316, 323.

[25] *Буслаев Ф.* Русские духовные стихи . С. 343.

[26] *Селиванов Ф. М.* Русские народные духовные стихи. С. 81, 129.

[27] Поэзия крестьянских праздников. С. 271.

[28] Там же. С. 182.

[29] *Буслаев Ф. И.* Общие понятия о русской иконописи. С. 381.

[30] Там же. С. 383, 382.

[31] *Селиванов Ф. М.* Русские народные духовные стихи. С. 24–25.

[32] Там же. С. 50.

[33] *Федотов Г.* Духовные стихи. С. 374.

[34] Там же. С. 400.

[35] Поэзия крестьянских праздников. С. 139.

[36] *Федотов Г.* Духовные стихи. С. 375.

[37] Поэзия крестьянских праздников. С. 360, 362, 363.

[38] О спасении Елисавии Арахлинской царевны (Егорий и змея) // *Селиванов Ф. М.* Русские народные духовные стихи. С. 78.

[39] Житие и чудеса Св. Николая Чудотворца и слава его в России: В 2 ч. / Сост. А. Вознесенский и Ф. Гусев. М.: Межд.изд.центр православной литературы, 1994. Репринт.изд.СПб., 1899 г. С. 630. Составители ссылаются на: Афанасьев *А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. Т. I–III, 1866–1869. Т. I. С. 698.

[40] Там же. С. 637.

[41] Там же. С. 639, 646.

[42] Поэзия крестьянских праздников. С. 322.

[43] Там же. С. 313, 316.

[44] *Селиванов Ф. М.* Русские народные духовные стихи. С. 79.

[45] Там же. С. 86–87.

[46] Там же. С.80.

[47] *Е.А.Л.* Бог и природа в Книге Псалмов // Странник. Духовный журнал современной жизни, науки и литературы. 1903. Т. I. Ч. I. С. 172.

[48] Там же. С. 172, 184.

[49] Там же. С. 187.

И. Б. Ничипоров *(Москва)*

СЮЖЕТ ПРИШЕСТВИЯ БОГА В МИР В ПОЭЗИИ С. А. ЕСЕНИНА

Религиозное миропонимание пронизывает образный строй поэзии Есенина, в особенности периода 1910-х гг., и определяет существенные стороны умонастроения лирического героя, восприятия им исторического времени и вечности. Оригинальное развитие получает здесь сквозной, прорисованный в различных вариациях *сюжет пришествия Бога в мир*. Этот воплощённый в художественной форме смысловой комплекс насыщен прозрениями о глубокой сопряжённости земного мира с Божественным замыслом о нём и восходит к Священному Писанию, вступая при этом в сложные опосредования с фольклорной традицией, культурфилософскими и эсхатологическими интуициями рубежа веков.

В трактате «Ключи Марии» (1918) поэт размышлял о значительном для современного эстетического сознания перевороте в космологическом и религиозном мироощущении, когда водоразделы между небесным и земным измерениями утрачивают прежнюю отчётливость: «Человек, идущий по небесному своду, попадёт головой в голову человеку, идущему по земле. Это есть знак того, что опрокинутость земли сольётся в брак с опрокинутостью неба» [V, 203]. В статье «Отчее слово» (1918) примечательны в этой связи суждения о ценности мистического опыта Андрея Белого, особенно ярко выразившего влечение творческого духа к надмирному бытию: «Меланхолическая грусть по отчизне, неясная память о прошлом говорят нам о том, что мы здесь только в пути, что где-то есть наш кровный кров, где "у златой околицы / Доит Богородица / Белых коз..." Но к крыльцу этого крова мы с земли, живя и волнуясь зрением и памятью в вещах, приближаемся только через "андреебеловское" "выкусывание за спиной"» [V, 181].

В поэзии Есенина изображение перипетий непосредственного вхождения Бога в земной мир, Его проникновения в ткань повседневного бытия становится явным, начиная со стихотворений 1914 г., и зачастую выражается в *«новеллистической» жанровой форме*. Одна из ранних иллюстраций развития данного лейтмотива – стихотворение «Шёл Господь пытать людей в любови...» (1914). Средствами сюжетной, персонажной лирики здесь запечатлевается психологическая зарисовка того, как Бог принимает образ нищего, погружается в гущу человеческих страданий, тая при этом горькое убеждение в нравственной непро-

светлённости и нечуткости человеческой природы: «Подошёл Господь, скрывая скорбь и муку: // Видно, мол, сердца их не разбудишь...» [I, 42]. Однако кульминационная в развитии лирического сюжета встреча с нищим стариком («И сказал старик, протягивая руку: / "На, пожуй, маленько крепче будешь"») оказывается для Творца неожиданным откровением. Подобная «еретическая» с вероучительной точки зрения поэтическая интуиция о возможном для Бога временном неведении о тайнах человеческого сердца предопределяет у Есенина особое направление размышлений о соотношении Высшего Промысла и человеческой воли, которое впоследствии, в частности в поэме «Инония» (1918), приведёт к попыткам «адаптации» Божественной реальности к земному разумению, к конструированию «новой» веры и «нового» Бога.

Герой ранней лирики Есенина нередко предстаёт как *тайновидец* и *богоискатель*, что находит выражение в пейзажной образности, являющей «обытовление Космоса», «омирщение астрального универсума»[1], своеобразную «внехрамовую литургию Земли»[2]. В стихотворении «Не ветры осыпают пущи...» (1914) космизм пейзажной перспективы соответствует широте поэтического зрения, охватывающего диапазон от горних высот до мрака земной нищеты. Вглядываясь в «голубизну незримой кущи», герой прозревает нисхождение на землю «возлюбленной Мати с пречистым Сыном на руках», грядущее повторение евангельских событий, *новое явление миру странствующего, страдающего и воскресающего Бога*:

Она несёт для мира снова
Распять воскресшего Христа:
«Ходи, мой Сын, живи без крова,
Зорюй и полднюй у куста» [I, 44].

Причастность к этому *мессианскому странничеству* ощущает и сам есенинский герой, порывающийся «в каждом страннике убогом», в скудной земной природе «вызнавать» черты Божественного присутствия: «И может быть, пройду я мимо / И не замечу в тайный час, / Что в елях – крылья херувима, / А под пеньком – голодный Спас» [I, 45]. У раннего Есенина находит отражение глубоко христианская по существу *идея Божественного самоумаления ради спасения мира*. В стихотворении «Чую радуницу Божью...» (1914) сокровенные воспоминания о «радости детских снов», религиозные интуиции о собственном избранничестве («Голубиный дух от Бога... завладел моей дорогой»), пророчества о новом пришествии Христа «растворены» в динамике повседневных впечатлений и бытовой разговорной речи: «Между сосен, между ёлок, / Меж берёз кудрявых бус, / Под венком, в кольце иголок, / Мне мерещится Исус» [I, 56]. Сниженно-бытовой и мистический планы бытия парадоксально сопрягаются в стихотворении «Осень» (1914–1916), где на едином поэтическом полотне запечатлены осень – «рыжая кобыла» и одушевлённый «схимник-ветер», который

посредством аскетического подвига поднимается на высоту осмысления того, как краски природного мира воплощают в себе присутствие распятого Христа:

Схимник-ветер шагом осторожным
Мнёт листву по выступам дорожным

И целует на рябиновом кусту
Язвы красные незримому Христу [I, 43].

Распятие Христа, Его искупительный подвиг живо прочувствованы Есениным в призме натурфилософских образов и провиденциально восприняты в качестве событий, которым на новом историческом этапе суждено возвращение. Пейзажная элегия «Покраснела рябина...» (1916) приобретает религиозное, пророческое звучание. Сопереживание печали «поникшего головой» «родимого края» сменяется обнадёживающим предвестием нового схождения Христа в земную жизнь и историю («Встань, пришло исцеленье, / Навестил тебя Спас»), которое, как свидетельствует бытие природы, может совершиться через повторение Его искупительной жертвы:

Дня закатного жертва
Искупила весь грех.
Новой свежестью ветра
Пахнет зреющий снег [I, 101].

С годами, по мере погружения в атмосферу революционной смуты, из благоговейного странника-тайновидца есенинский герой всё чаще перерождается в бродягу, «хулигана», переживающего мучительную духовную опустошённость. Изначально в воспетом им духовном странничестве выразились «эсхатологизм народной души, алкание последних времён и сроков, грядущего преображения»[3], здесь откристаллизовалась «специфическая национально-русская форма духовного искания <...> форма духовного посредничества между Богом и миром»[4]. Но постепенно подобное скитальчество стало обнаруживать и свою оборотную, в немалой степени деструктивную сторону, связанную с актуализацией авантюрно-игрового, «хулиганского», а в конечном пределе – богоборческого мироощущения, поскольку «религиозное странничество и авантюрное босячество были теми полюсами, между которыми располагался внутренний мир его лирического "я"... Мистика и авантюра были принципиально взаимообратимы»[5].

В стихотворении «Свищет ветер под крутым забором...» (1917) лирическое «я» принимает облик «пьяницы и вора», который, впадая в состояние греха, тем не менее дорожит последним упованием на исцеляющее преображение, на потаённое родство со странствующим по земле Христом: «Он придёт бродягой под-

заборным, / Нерушимый Спас» [IV, 168]. В то же время подобная надежда подтачивается опасностью духовной ослеплённости героя и неузнавания им своего Спасителя:

Но, быть может, в синих клочьях дыма
Тайноводных рек
Я пройду Его с улыбкой пьяной мимо,
Не узнав вовек [IV, 168].

Лирико-исповедальный путь постижения непосредственного Божественного присутствия на земле уже с первых поэтических опытов сочетался у Есенина с осмыслением данной темы *в сюжетно-повествовательном русле, близком народнопоэтическому эпосу*. Наложение интимно-лирических мотивов на эпический масштаб мировидения способствовало выстраиванию целостной картины бытия и открывало путь к освоению лиро-эпических жанровых форм. В автобиографии 1924 г., делясь детскими воспоминаниями, поэт указал на немалое творческое влияние, которое с ранних лет оказывали на него фольклорные духовные стихи: «Часто собирались у нас дома слепцы, странствующие по сёлам, пели духовные стихи о прекрасном рае, о Лазаре, о Миколе и о женихе, светлом госте из града неведомого» [VII (1), 14]. Хотя в том же году он настаивал, чтобы читатели «относились ко всем моим Исусам, Божьим Матерям и Миколам, как сказочному в поэзии» [V, 223], поскольку теперь эти имена не пробуждают в нём живого религиозного чувства, но выступают исключительно в роли культурных мифов.

Мотив чудесного прихода Бога и Его святых в земной мир являлся сквозным в фольклорных духовных стихах и имел здесь богатую вариативность. Это и сошествие Христа и Богородицы ради утешения скорбящих, воодушевления подвижников благочестия («Стих о вдовах», «Встреча инока со Христом»[6]), дарования победы православному воинству («Димитрий Донской», «Покров»); это и явления святителя Николая («О Миколе Угоднике»), и, наконец, картины Второго Пришествия и Страшного Суда («Надо покаяться и очиститься», «О нынешнем веке и будущем», «О Страшном суде»). У Есенина один из ранних примеров творческой обработки данного сюжетного ряда возникает в стихотворении «Микола» (1913–1914), где центральный персонаж выступает не только странником, но и Божественным посланником, воплощающим опыт живого богообщения: «И с земли гуторит с Богом / В белой туче-бороде» [II, 14]. Посредством этого образа творческое прозрение о неравнодушии неба к земным «чёрным бедам» приобретало персонифицированный характер и укрепляло лирического героя в его тайновидческих устремлениях: «На престоле светит зорче / В алых ризах кроткий Спас...» [II, 15].

Стилизация под народнопоэтическую образность используется в стихотворениях «Исус-младенец» (1916), «То не тучи бродят за овином...» (1916), «Не от

холода рябинушка дрожит...» (1917), где Христос предстаёт в младенческом и отроческом возрасте. В первом стихотворении размываются грани между храмовым пространством и природным бытием («Собрала Пречистая / Журавлей с синицами / В храме»), между временем и вечностью, а в детской доверчивости и простоте Богомладенца угадывается Его сокровенная привязанность к бытию тварного мира: «На спине катается / У белого аиста / Сыночек...» [IV, 143]. В стихотворении «То не тучи бродят за овином...» переданное в фольклорном духе «сказание» о том, как «замесила Божья Матерь Сыну колоб», оборачивается поэтической космогонией и являет любовь и открытость Божества к человеческому роду, причём черты ограниченного земного естества принимаются на Себя Сыном Божьим как бы в предварение будущей искупительной жертвы: «Покатился колоб за ворота / Рожью. / Замутили слёзы душу голубую / Божью» [I, 113].

Стихотворение «Не от холода рябинушка дрожит...» выражает интуицию о Божественном самоумалении, которая прорастает из недр крестьянского сознания и раскрывается в сновидческом пространстве: «Снятся деду иорданские брега... / Как по мостику, кудряв и желторус, / Бродит отрок, сын Иосифа, Исус» [IV, 161]. В общении юного Иисуса с земным миром на первый план выступает не высокое Божественное покровительство этому миру, но смиренное стремление к его познанию и сочувственному пониманию: «Вы сходитесь ко мне, твари, за корму, / Научите меня разуму-уму» [IV, 161].

Всё более разноплановая эпическая разработка сюжета о пришествии Бога в посюстороннее бытие закономерным образом сочеталась у Есенина с освоением евангельского текста, с прозрениями и сомнениями о личности Христа. Ещё в письме 1912 г. поэт признавался: «В настоящее время я читаю Евангелие и нахожу очень много для меня нового... Христос для меня совершенство. Но я не верую в Него, как другие. Те веруют из страха, что будет после смерти? А я чисто и свято, как в человека, одарённого светлым умом и благородною душою, как в образец в последовании любви к ближнему» [VI, 25]. Эта преимущественно моралистическая трактовка христианства уже в «Ключах Марии» уступает место образно-мистическому толкованию смысла голгофской жертвы Спасителя: «Фактом восхода на крест Христос окончательно просунулся в пространство от луны до солнца, только через Голгофу Он мог оставить следы на ладонях Елеона (луны), уходя вознесением ко Отцу (то есть солнечному пространству); буря наших дней должна устремить и нас от сдвига наземного к сдвигу космоса» [V, 210].

Вначале в малой лирической, а затем и в поэмной формах евангельские события проецируются Есениным на индивидуальное, социально-историческое и природно-космическое бытие. В стихотворении «Сохнет стаявшая глина...» (1914) обыденная пейзажная образность обнаруживает в себе вселенский масштаб, природный мир увиден на стыке ветхо- и новозаветной эпох («У лесного аналоя / Воробей псалтырь читает», [I, 55]) и замирает в ожидании Входа Господня

в Иерусалим, которому суждено повториться в новых исторических условиях: «Кто-то в солнечной сермяге / На осленке рыжем едет... / Никнут сосны, никнут ели / И кричат ему: "Осанна!"» [I, 55].

Мессианские предчувствия, возникающие при созерцании природного бытия, приобретают у Есенина всё более персонифицированный характер и связываются с личностными устремлениями его лирического «я». В стихотворении «Тучи с ожерёба...» (1916) предвидение «нового Назарета» воплощается в сфере крестьянской, натуралистически выпуклой ассоциативности: «Небо словно вымя, / Звезды как сосцы. / Пухнет Божье имя / В животе овцы» [I, 106]. Зримая для героя актуализация евангельского «измерения» современности влечёт его к пророчествам о неотвратимых предательствах и потрясениях:

Только знаю: будет
Страшный вопль и крик,
Отрекутся люди
Славить новый лик [I, 107].

Стихотворение «О Матерь Божья...» (1917–1918) выдвигает героя как ходатая за свой народ перед Божественными силами, а его чаяния нового Рождества, «земного рая» облекаются в форму молитвы о явлении Богомладенца в «мирскую весь», в «мужичьи ясли моей страны»:

И да взыграет
В ней, славя день,
Земного рая
Святой младень [I, 120].

В цикле «библейских» поэм 1917–1919 гг. сюжет сошествия Бога на землю получает у Есенина наиболее разностороннее художественное воплощение и даёт развитие многим его более ранним религиозно-философским интуициям. Эти тексты могут быть осознаны как «ценный документ русского мессианского сознания и его метаморфоз во время революции»[7], и в то же время здесь «пророчество и мессианство сливались в едином эмоциональном порыве»[8]. Если не упускать из виду христологических и «человекобожеских» построений в поэме В. Маяковского «Облако в штанах» (1915), то можно признать, что именно «С. Есенин первым попытался использовать образ Христа для освящения целей и смысла революции, позже это сделают А. Блок ("Двенадцать"), А. Белый ("Христос воскрес"), П. Орешин ("Я, Господи" и "Душа на кресте") и другие поэты»[9].

Ещё в октябре 1913 г. поэт наметил трагедийную перспективу своих раздумий о новом явлении Мессии в атмосфере предреволюционной смуты: «Все погрузились в себя, и если бы снова явился Христос, то Он и снова погиб бы, не разбудив

эти заснувшие души» [VI, 53]. В поэме «Певущий зов» (1917) откровения о том, что «Земля предстала новой купели», что Рождество Христово, «новый Назарет», Фавор неотделимы от крестьянского космоса («В мужичьих яслях / Родилось пламя»), соединяются с попыткой укротить, «заговорить» всё более зримо заявляющий о себе хаос смутного времени: «Она загорелась, / Звезда Востока! / Не погасить ее Ироду / Кровью младенцев...» [II, 27]. Повествовательный план поэмы, передающий взыскание «нового» Предтечи («Уже встал Иоанн, / Измождённый от ран...»), в завершающей части произведения органически перетекает в лирический монолог героя, который в прямом воззвании к соотечественникам делится своими сокровенными мистическими предчувствиями.

В поэме «Октоих» (1917) достигается переплетение молитвенного настроя и натурфилософских интуиций. «Адресатами» молитвенных обращений выступают здесь и Дева Мария («На нивы златые / Пролей волоса»), и Русь, воспринимаемая в качестве включённой в евангельский событийный ряд одушевлённой субстанции: «Святись Преполовеньем / И Рождеством святись» [II, 41]. В ритмах природного бытия, которые ассоциируются с течением исторического времени, происходит сложное взаимодействие вдохновенного порыва к Богопознанию («Осанна в вышних! / Холмы поют про рай»; «Овсом мы кормим бурю, / Молитвой поим дол») и катастрофического предощущения надвигающегося Апокалипсиса:

Вострубят Божьи клики
Огнём и бурей труб,
И облак желтоклыкий
Прокусит млечный пуп [II, 45].

Таинственное родство страждущего Христа с Русью, которая «из звездного чрева сошла... на твердь» и пребывает «приснодевой, поправшей смерть», устанавливается в поэме «Пришествие» (1917), где «миф о повторном распятии Христа» и в целом «повторение библейской истории» «осмысливаются как очередной акт творения нового лика мира в вечной мистерии бытия»[10]. В изображении Есенина явившийся на землю Христос вновь «несёт Свой крест», но теперь уже в условиях фатального одиночества («Нет за ним апостолов, / Нет учеников»), которое обнаруживается и в человеческом отступничестве («Нет, я не Симон... / Простой рыбак»), и в гримасах повреждённого грехом природного мира: «Под ивой бьют его вои / И голгофят снега Твои...» [II, 50]. На этом фоне религиозные порывы лирического героя-тайновидца, который молится «из мужичьих мест» о духовном преображении всей земной вещественности («О верю, верю – будет / Телиться Твой восток!»), выражаются в дерзновенном обращении к Богу Отцу с ходатайством за посланного Им на землю Сына («О Саваофе! / Покровом Твоих рек и озёр / Прикрой Сына!») и с мольбой о претворении земного в небесное:

Господи, я верую!..
Но введи в свой рай
Дождевыми стрелами
Мой пронзённый край [II, 46].

Личностная сопричастность героя новому Богоявлению побуждает его увидеть Христа и Его Матерь в крестьянском обличии. В поэме «Преображение» (1917) Богородица выведена в образе крестьянки, которая «скликает в рай телят», сам же лирический герой всё более укрепляется в решимости *воздействовать на Божественный Промысел о Руси*. Здесь он не ограничивается молитвой, но *параллельно с приходом Бога в земной мир моделирует сюжет своего собственного явления в мир небесный*:

Перед воротами в рай
Я стучусь;
Звёздами спеленай
Телицу-Русь.

За тучи тянется моя рука,
Бурею шумит песнь.
Небесного молока
Даждь мне днесь [II, 52].

В то же время, чуждое отвлечённо-бесплотной метафизике художественное мышление поэта стремится вместить в себя тайны сотворения мира и его преображения посредством явления Мессии. Эти раздумья облекаются в пластичные образы, основанные на *метафорическом овеществлении психологических состояний лирического героя и его современников*:

Вижу Тебя из окошка,
Зиждитель щедрый,
Ризою над землёю
Свесивший небеса.
<...>
Зреет час преображенья,
Он сойдёт, наш светлый гость,
Из распятого терпенья
Вынуть выржавленный гвоздь [II, 55–56].

Мотив распятия приобретает вселенский масштаб в поэме «Сельский часослов» (1918), где голгофские события экстраполируются на современные потря-

сения как крестьянской России («И лежишь ты, как овца, / Дрыгая ногами в небо»), так и всей Руси – «Начертательницы Третьего Завета». Однако в катастрофической судьбе Руси здесь угадывается перспектива высвобождения её духовных сил, необходимых для встречи Избавителя – Христа, «новое» Рождество Которого возвещается в поэме:

Радуйся,
Земля!
Деве твоей Руси
Новое возвестил я
Рождение.
Сына тебе
Родит она... [IV, 176].

Всё более явное образное выражение в «библейских» поэмах Есенина находит *пассионарный настрой лирического «я», который уже не просто ожидает духовного переворота в современности, но и примеривает на себя мессианские черты.* В поэме «Отчарь» (1917) композиционный центр образует лирический монолог героя, где он распознаёт письмена евангельского «текста» в природном космосе («И рыжий Иуда / Целует Христа») и апеллирует ко всей «буйственной Руси», к «обновлённому мужику» – «чудотворцу широкоскулому и красноротому» [II, 35, 37].

Примечательными иллюстрациями подобных «человекобожеских» интенций стали поэмы «Товарищ» (1917) и «Инония» (1918). В первой из них выведена объективированная фигура Мартина – «сына простого рабочего», который после потери отца, учившего его «распевать марсельезу», адресует своё «товарищеское» обращение ко Христу как единственному близкому существу. Вняв молитве героя, «сошёл Исус на землю / С неколебимых рук», самозабвенно погрузился в гражданские бури, но вскоре «пал, сражённый пулей, / Младенец Иисус» [II, 33]. Образ гибнущего в исторических потрясениях Бога окрашивает картину в апокалиптические тона и выдвигает на первый план сверхчеловеческие устремления. В логике сюжетного хода поэмы оказывается, что сошествие Бога на землю не смогло гармонизировать мироздание, и, следовательно, решающая ставка должна быть сделана теперь на человеческую волю:

Слушайте:
Больше нет воскресенья!
Тело Его предали погребенью:
Он лежит
На Марсовом
Поле.
<...>

Но спокойно звенит
За окном,
То погаснув, то вспыхнув
Снова,
Железное
Слово:
«Рре-эс-пу-у-ублика!» [II, 34].

В поэме «Инония» (1918) герой «вживается» в образ библейского пророка Иеремии («Так говорит по Библии / Пророк Есенин Сергей»), бунтарски реализуя своё самозванное пророчество в явном кощунстве: «Тело, Христово тело / Выплёвываю изо рта» [II, 61]. В беседе с А. Блоком сам автор так прокомментировал эти строки: «Я выплёвываю Причастие (не из кощунства, а не хочу страдания, смирения, сораспятия)»[11]. Отвержение крестных страданий и искупительного подвига Христа звучит и в самой поэме: «Не хочу восприять спасения / Через муки Его и крест...» [II, 61]. Разделяя массовые утопические идеи о возможности сращения христианского и революционного мировоззрений, поэт от прежнего богоискательства приходит к потребности «переделать» самого Творца («Я иным Тебя, Господи, сделаю, / Чтобы зрел мой словесный луг»), «иное узреть пришествие» («Новый на кобыле / Едет к миру Спас»), «вздыбить» небо и землю «верой и мощью» человеческого, земного лидерства, мнящего себя в состоянии сотворить «нового Бога»:

Кто-то с новой верой,
Без креста и мук,
Натянул на небе
Радугу, как лук [II, 68].

В послереволюционной поэзии Есенина богоискательские мотивы уходят в подтекст, хотя напряжённые поиски «героя» революционного времени[12] приобретали в том числе религиозный смысл и были продиктованы подспудным ожиданием явления Мессии в истории. Так, в драматической поэме «Пугачёв» (1921) центральный герой, странник, «разгадавший... своё значенье» [III, 21], сознательно постулирует необходимость жертвенного самоотречения путём тягостного приятия на себя ненавистного имени императора Петра III ради всеобщего спасения: «Больно, больно мне быть Петром, / Когда кровь и душа Емельянова. / Человек в этом мире не бревенчатый дом, / Не всегда перестроишь наново...» [III, 28]. А в поэме «Ленин» (1924) образ вождя революции имеет отчётливо выраженные мессианские черты:

Народ стонал, и в эту жуть
Страна ждала кого-нибудь...

И он пришёл...
Он мощным словом
Повёл нас всех к истокам новым... [II, 187].

Итак, сюжет пришествия Бога в земной мир, интуиции о Его участии в человеческой истории составляют один из смысловых центров поэзии Есенина. Нельзя согласиться с расхожим и категоричным мнением о том, что «религиозность Есенина превращалась в литературщину, в нагромождение и смешение образов библейских, церковных и бытовых»[13]. Религиозные искания поэта, приобретавшие со временем целенаправленно «еретическое» и богоборческое звучание, наглядно отражали ключевые стороны индивидуального и общественного сознания лирического «я», его мистического опыта, особенности восприятия им природного космоса, крестьянской культуры, истории и современности. Важнейшим для поэтического мира Есенина стало движение к художественному постижению сферы глубинных «соответствий» между Божественной реальностью, событиями Библейской истории – и явлениями текущей действительности.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Лейдерман Н. Л.* Сергей Есенин: метаморфозы художественного сознания: монографический очерк. Екатеринбург, 2007. С. 15, 16.

[2] *Семёнова С. Г.* Стихии русской души в поэзии Есенина // *Семёнова С. Г.* Русская поэзия и проза 1920–1930-х годов. Поэтика – Видение мира – Философия. М.: ИМЛИ РАН, 2001. С. 106.

[3] *Семёнова С. Г.* Стихии русской души в поэзии Есенина. С. 104.

[4] *Воронова О. Е.* Между религией и «Русской идеей»: С. А. Есенин и Н. А. Бердяев // Столетие Сергея Есенина: Международный симпозиум. Есенинский сборник. Вып. III. М., 1997. С. 85.

[5] *Мусатов В. В.* Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX века. М., 1998. С. 90.

[6] Стихи духовные / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф. М. Селиванова. М., 1991.

[7] *Семёнова С. Г.* Стихии русской души в поэзии Есенина. С. 110.

[8] *Мусатов В. В.* Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX века. С. 92.

[9] *Карпов А. С.* Избранные труды. Русская литература XX века. Страницы истории: В 2 т. М., 2004. Т. 1. С. 167.

[10] *Серёгина С. А.* Андрей Белый и Сергей Есенин: творческий диалог. Автореферат диссертации ... кандидата филологических наук. М. ИМЛИ РАН, 2009. С. 24.

[11] *Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. М.-Л., 1963. Т. 7. С. 313.

[12] *Ничипоров И.Б.* Поиски «героя времени» на изломе эпох: драматические поэмы С. Есенина «Пугачёв» и «Страна негодяев» // Русский человек на изломе эпох в отечественной литературе: Сборник статей по материалам Международного образовательного форума. Киров: ВятГУ, 2007. С. 81–89 (Электронный доступ: http://www.portal-slovo.ru/philology/37236.php).

[13] *Дунаев М. М.* Православие и русская литература: В 6 частях. Ч. VI. М., 2000. С. 67.

Т. Ю. Кирьянова *(Константиново)*

О ДВУХ КНИГАХ ВЕТХОГО ЗАВЕТА, ИНТЕРЕСОВАВШИХ С. А. ЕСЕНИНА

В фондах Государственного музея-заповедника С. А. Есенина хранится Библия, принадлежавшая поэту. Издана она была в 1912 г. в Синодальной типографии. 8 октября 1921 г. Сергей Александрович отдал её Галине Артуровне Бениславской, о чём свидетельствует надпись, сделанная её рукой: «Эта Библия С. А. Есенина. Дал мне на Богословском пер., д. 3, кв. 43». В сентябре 1926 г. Бениславская передарила её сестре поэта Александре Александровне Есениной, сделав ещё одну надпись: «Пусть она у тебя будет, Шуревна. Ладно? 23/ IX – 26. Галя»[1].

Как оказалась эта Библия у поэта, неизвестно. По воспоминаниям В. С. Чернявского, в конце 1917 г. Есенин, работая над своими революционными поэмами, постоянно обращался к Священному Писанию: «Его любимыми книгами в это время были Библия, *в растрёпанном, замученном виде лежавшая на столе* <курсив мой – *Т. К.*>, и "Слово о полку Игореве"»[2]. С уверенностью можно сказать, что Чернявский видел на столе поэта другое издание Библии, а не то, которое хранится в фондах ГМЗ С. А. Есенина. Книга, подаренная в 1926 г. Бениславской Есениной, в довольно хорошем состоянии, вероятно, нечасто открывавшаяся и имеет всего семь карандашных помет, сделанных на полях напротив некоторых библейских стихов.

Интересно, что пометы имеются только в двух книгах Ветхого Завета: Книге Екклесиаста и Книге Премудрости Иисуса, сына Сирахова. Нам думается, что несколько ранее, в период создания цикла революционных поэм, Есенин, скорее всего, изучал пророческие книги, из которых и черпал свой космизм и масштабность описываемых событий. Издание же, подаренное Бениславской, Есенин, вероятно, читал во второй половине 1919–1921 гг.

Две названные выше книги Ветхого Завета входят в разряд книг нравственно-назидательного содержания, которые принято называть «учительными». Они «написаны с целью *расположить и ободрить человека к благочестивому образу жизни.* Они учат человека строить свою жизнь так, чтобы она была благословенной Богом, приносила благоденствие и душевный мир»,[3] – пишет епископ Александр (Милеант).

Одной из учительных книг является Книга Екклесиаста (или Проповедника). Её автором считается сам царь Соломон, сын Давида, или, по другой версии, некий знатный человек, живший уже после иудейского пленения. «Всё *содержание* Книги Екклезиаста служит как бы ответом на вопрос: в чём счастье на земле, возможно ли для человека полное, совершенное счастье»[4], – отмечает проф. А. П. Лопухин.

В Книге Екклесиаста поэт сделал четыре карандашных пометы на полях напротив определённых стихов.

Первая помета относится к пятой главе, первому и второму стихам: «Не торопись языком твоим, и сердце твое да не спешит произнести слово пред Богом; потому что Бог на небе, а ты на земле; поэтому слова твои да будут немноги»; «Ибо как сновидения бывают при множестве забот, так голос глупого познается при множестве слов» (Екк. 5: 1–2).

Комментируя эти строки, Лопухин пишет, что автор «предостерегает читателя от торопливой и многоречивой молитвы. Сознание величия Бога, живущего на небе, и ничтожности человека, живущего на земле, должно побуждать последнего взвешивать каждое своё слово, говорить от глубины сердца, с смирением и благоговением... Как излишняя беспокойная озабоченность вызывает множество сновидений, нарушающих покой спящего, так глупая суетливость во время молитвы рождает бессмысленное и бесцельное многословие»[5]. Григорий Неокесарийский считает, что не только о молитве идёт речь в этих стихах, но о всяком слове: «Прекрасно быть воздержным на язык и в усердии к речам иметь уравновешенное сердце. Ибо не следует необдуманно пользоваться речами, [не смущаясь тем] если они [даже] нелепы, или произносить голосом то, что пришло на ум, но помышлять о том, что хотя мы и далеко отстоим от неба, однако необходимо знать, что Бог слышит наши речи, и что полезно говорить не опрометчиво. Как за разнообразными заботами души следуют всяческие сновидения, так и с безрассудством связана пустая болтовня»[6].

Нам думается, что Есенин, скорее всего, относил эти слова к творчеству, раздумывая о назначении поэта и таланте, позволяющем подобрать единственно верное слово. О точности выбираемых художником слов поэт так говорит в статье «Отчее слово»: «Слово изначально было тем ковшом, которым из ничего черпают живую воду» [V, 181].

Также поэта заинтересовали 26 и 28 стихи седьмой главы Екклесиаста: «...и нашел я, что горче смерти женщина, потому что она — сеть, и сердце ея — силки, руки ея — оковы; добрый пред Богом спасется от нея, а грешник уловлен будет ею»; «Чего еще искала душа моя, и я не нашел? – Мужчину одного из тысячи я нашел, а женщины между всеми ими не нашел» (Екк. 7: 26, 28).

Лопухин пишет: «Вникая глубже в причину греха, несчастия, безумия, Екклесиаст находит, что она находится отчасти в женщине. Женщина – сеть и силки для человека слабого».[7] Блаженный Иероним Стридонский как бы дополня-

ет Лопухина, объясняя: «...женщина сушит сердца юношей. И когда она вспадёт на ум несчастного влюблённого, она увлечёт его в бездну; и не удовлетворяется, видя его у ног своих; но как сеть и силок опутывает сердце юноши... Кто будет праведен и добр пред Богом, тот вырвется от нея, а грешник будет пойман и отведён на смерть...».[8] Ему вторит Григорий Неокесарийский: «Только в том случае ты можешь освободиться от неё <женщины – *Т. К.*>, если ты снискал милость Божию к себе, и Он блюдёт тебя, потому что, кто порабощён греху, тот не уйдёт от неё»[9]. 28-й стих этот же автор объясняет так: «Искал я среди всех женщин скромности их и не нашёл ни в одной. Мужчину благонравного из тысячи можно найти, женщины же – нет»[10].

О женщине вероломной и лживой Есенин размышляет много, особенно в последние годы. Помета в Библии говорит о том, что мысли Екклесиаста были близки поэту. По фотографиям Есенина и воспоминаниям о нём известно, каким внешним и внутренним обаянием обладал Есенин. Необычная внешность в сочетании с ярким талантом привлекали к поэту множество женщин, мечтавших покорить его. Есенину, чутко чувствовавшему ложь и фальшь, не всегда такие притязания были по душе. В 1925 г. он, так до конца дней и не нашедший своего семейного счастья, скажет в стихотворении «Может, поздно, может, слишком рано...»:

Я всегда хотел, чтоб сердце меньше
Билось в чувствах нежных и простых,
Что ж ищу в очах я этих женщин –
Легкодумных, лживых и пустых? [IV, 240]

В девятой главе Книги Екклесиаста Есенин особо выделил 11-й стих: «И обратился я и видел под солнцем, что не проворным достаётся успешный бег, не храбрым – победа, не мудрым – хлеб, и не у разумных – богатство, и не искусным – благорасположение, но время и случай для всех их» (Екк. 9: 11).

Афанасий Великий подводит такой итог Книге Екклесиаста: «Соломон обращается к рассмотрению человеческой жизни, наблюдает различные обстоятельства, среди которых люди вращаются, и приходит к заключению, что и здесь всё управляется Божиим Промыслом... Человек в своей жизни ни над чем не имеет власти, разве только делать зло или делать добро и приготовлять во исход дела свои»[11].

Предостерегает читателя вслед за Екклесиастом и Лопухин: «Но взирая радостными глазами на жизнь, человек ни на одну минуту не должен забывать о своей зависимости от времени и случая; он должен приготовиться ко всякой случайности, так как обыкновенно случается, что внешний успех не соответствует внутреннему достоинству человека. Благодаря полной неизвестности будущего человек не в состоянии бывает предупредить печальное для него стечение обстоятельств»[12].

Разочарование жизнью, понимание того, что осуществившиеся мечты о славе не могут принести покоя и счастья, а также душевная боль от страданий Родины нашли отражение в стихотворениях поэта — своеобразном ответе на мудрость Екклесиаста: «Не жалею, не зову, не плачу...», «Я теперь скупее стал в желаньях» («Не жалею, не зову, не плачу...»), [I, 163], «Я живу давно на всё готовым, / Ко всему безжалостно привык» («Жизнь — обман с чарующей тоскою...», [I, 240].

В главе 11-й рукой Есенина был отмечен четвёртый стих: «Кто наблюдает ветер, тому не сеять, и кто смотрит на облака, тому не жать» (Екк. 11: 4). Существуют различные толкования этого стиха. Так, проф. А. Олесницкий приводит мнение Афанасия Великого о том, что автор Книги Екклесиаста пишет эти строки, упрекая тех, кто пытается разузнать своё будущее через всевозможные гадания, «отвергая при этом и суеверный страх египтян относительно дня рождения человека...»[13].

У Григория Неокесарийского толкование данного стиха таково: «Многие же хотят предузнавать и то, что будет с неба, и кто смотрит на облака и ожидает ветра, тот воздерживается от жатвы и веяния хлеба, полагаясь на то, что не имеет значения, и не зная ничего из того, что будет от Бога»[14].

Лопухин же так объясняет эти строки: «Делая добро, человек не должен проявлять излишней расчётливости, осторожности и мнительности, чтобы не остаться без всякой жатвы, подобно слишком усердно наблюдающему за ветром и облаками»[15].

С его мнением схоже мнение Иеронима Стридонского: «Кто смотрит на то, кому благодетельствует, и не даёт всякому просящему у него, тот часто обходит достойного подаяния»[16].

По нашему мнению, строки Екклесиаста заинтересовали Есенина в связи с его интересом к особенностям творческого процесса, размышлениям об отличиях образа жизни поэта от жизни простых тружеников. Художник для поэта — скорее созерцатель, чьё назначение — наблюдать и передавать свои впечатления другим. О своей оторванности от крестьянской жизни лирический герой Есенина заявляет не раз. Поэту, выходцу из крестьянской среды, давно стало ближе творческое созерцание, наблюдение за окружающим миром, чем постоянный физический труд его предков.

... На земле милее. Полно плавать в небо.
Как ты любишь долы, так бы труд любил.
Ты ли деревенским, ты ль крестьянским не был?
Размахнись косою, покажи свой пыл.
(«Я иду долиной. На затылке кепи...» — [IV, 224])

Только я забыл, что я крестьянин,
И теперь рассказываю сам,

Соглядатай праздный, я ль не странен
Дорогим мне пашням и лесам.
(«Каждый труд благослови, удача!..» – [I, 232])

Ещё одной книгой Ветхого Завета, интересовавшей Есенина, стала Книга Премудрости Иисуса сына Сирахова. Она относится к числу неканонических. Эта книга «представляет собой собрание кратких поучений, сентенций, афоризмов и небольших картин»[17].

В отличие от других неканонических книг, создатели которых остались неизвестными, автор данной книги называет себя иерусалимлянином Иисусом, сыном некого Сираха. Из текста видно, что это был человек, по тому времени очень образованный, особенно богословски, обладал практическим опытом, много путешествовал и изучал нравы людей.

Олесницкий приводит слова Афанасия Великого об Иисусе, сыне Сирахове: «Его дед Иисус, муж трудолюбивый и разумнейший, собрал изречения других, прежде него бывших, мудрецов, также и сам собственныя некая написа, многия премудрости и разума исполнена, и свою книгу, от жития сего отходя, оставил сыну; сын его Сирах, в свою очередь, оставил её своему сыну, именем также Иисусу. Сей же Иисус, приняв сборник, дал ему вид одного стройного сочинения, назвав его Премудростию своею, своего отца и деда. Содержит сия книга слова разума, загадки и притчи, также несколько частных древних повествований о мужах, угодивших Богу, и их молитвы и песни»[18]. По мнению Лопухина, «содержанием Книги Премудрости Иисуса сына Сирахова служит учение о премудрости божественной в её проявлениях в мире и человеке, и о богодарованной мудрости человеческой в применении к различным обстоятельствам и случаям жизни человека»[19].

В Книге Премудрости Иисуса, сына Сирахова Сергеем Есениным были сделаны три пометы.

В её третьей главе поэт отметил 16-й стих: «Оставляющий отца — то же, что богохульник, и проклят от Господа раздражающий мать свою» (Сир. 3: 16).

Смысл этого стиха понятен. «Оказывающий непочтение к родителям является нарушителем естественных законов и божественных заповедей, а потому несёт сугубое наказание. Почитающий же своих родителей привлекает на себя милость и благословение Господни»[20], – поясняет Лопухин.

Из биографии поэта известно, что в юности (в московский период жизни) бывали ссоры между ним и его отцом Александром Никитичем Есениным из-за непонимания отцом желания сына стать поэтом. Также, по мнению племянницы поэта Н. В. Есениной, в 1916 г., вероятно, впервые Есенин узнал о том, что у него есть незаконнорождённый сводный брат Александр. В его письмах к родным встречаются жалобы на мать, о чём пишет Есенина в книге «В семье родной»[21]. Но вскоре, отвергнув юношеский максимализм, поэт переосмыслит своё отно-

шение к родителям и в дальнейшем с большой теплотой будет отзываться о Татьяне Фёдоровне и других близких людях.

Возможно, как раз в период знакомства с Книгой Премудрости Иисуса, сына Сирахова были написаны Есениным следующие строки:

Так хорошо тогда мне вспоминать
Заросший пруд и хриплый звон ольхи,
Что где-то у меня живут отец и мать,
Которым наплевать на все мои стихи,
Которым дорог я, как поле и как плоть,
Как дождик, что весной взрыхляет зеленя.
Они бы вилами пришли вас заколоть
За каждый крик ваш, брошенный в меня.
(Исповедь хулигана – II, 85–86

Хрестоматийны строки, обращённые к Татьяне Фёдоровне:

Ты одна мне помощь и отрада,
Ты одна мне несказанный свет.
(Письмо матери – [I, 180]).

Милая, добрая, старая, нежная...
(«Снежная замять дробится и колется...» – [I, 279]).

В пятой главе книги внимание поэта обратил на себя стих 17-й: «ибо на воре — стыд, и на двоязычном — злое порицание» (Сир. 5: 17). Он является продолжением мысли о коварном наушнике, высказанной в предыдущем стихе. А в главе 14-й Есениным были отмечены стихи 5-й и 6-й: «Кто зол для себя, – для кого будет добр? И не будет он иметь радости от имения своего»; «Нет хуже человека, который недоброжелателен к самому себе, и это — воздаяние за злобу его» (Сир. 14: 5–6).

Видимо, эти стихи напомнили поэту о тех недоброжелателях или ложных друзьях, которые во множестве окружали его в разные периоды жизни. И. В. Грузинов так пишет в воспоминаниях о поэте: «[Есенин] по-видимому, не обращал никакого внимания на отношение к нему друзей и знакомых, по-видимому, пропускал мимо ушей всё, что о нём говорил тот или другой человек, по-видимому, всё прощал. Но это только до поры до времени. Изучив человека, припомнив всё сделанное и сказанное, резко менял отношение. Навсегда. Вместе с тем прощал все обиды, материальные ущербы, оскорбления, дурные поступки, всё что угодно, если знал, что данный человек в глубине души хорошо к нему относится»[22].

В стихах 1920-х гг. поэт не раз говорит о своём одиночестве и неверности близких людей:

Пусть обманут лёгкие подруги,
Пусть изменят лёгкие друзья.
(«Жизнь — обман с чарующей тоскою...» — [I, 239])

Как будто тысяча
Гнусавейших дьячков,
Поёт она плакидой –
Сволочь-вьюга!
И снег ложится
Вроде пятачков,
И нет за гробом
Ни жены, ни друга!
(Ответ — [II, 131])

Таким образом, проанализировав Библию, принадлежавшую Есенину до 8 октября 1921 г., мы можем сказать, что поэта в период изучения именно этого издания Священного Писания интересовали (если опираться на сделанные Есениным пометы) только две учительные книги Ветхого Завета: Книга Екклесиаста и Книга Премудрости Иисуса сына Сирахова. Недаром им особо были отмечены 10 стихов в семи главах этих книг. Библейская мудрость, отвечающая на все вопросы бытия человеческого, нашла отклик и в сердце поэта. Именно поэтому он отметил некоторые стихи священных книг. Благодаря его вдумчивому прочтению, желанию запомнить бессмертные слова и мы имеем возможность судить об отношении поэта к миру и человеку.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Архипова Л.* Из круга чтения Есенина. Есенинский вестник. 1995. В. 3. С. 7.

[2] *Чернявский В. С.* Три эпохи встреч (1915–1925) // С. А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2-х т. / Вступ. ст., сост. и коммент. А. Козловского. Т. 1. — М., 1986. С. 220–221.

[3] *Епископ Милеант.* Священное Писание Ветхого Завета. Свято-Троицкая Православная Миссия, Джорданвилль, 2001. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://lib.rus.ec/b/121785/read. Дата обращения: 2.08.2012. http://www.modernlib.ru/books/mileant_aleksandr/svyaschennoe_pisanie_vethogo_zaveta/read. Выделено автором книги.

[4] Толковая Библия, или Комментарии на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета. Издание преемников А. П. Лопухина: В 12 т. Т. 5. Пб., 1908. С. 2. Курсив автора книги.

[5] Там же. С. 20.

[6] *Егоров Г., свящ.* Священное Писание Ветхого Завета. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.sedmitza.ru/text/431366.html. Дата обращения: 2.08.2012 .

[7] Толковая Библия. С. 25.

[8] Творения блаженного Иеронима Стридонского. Ч. 6. Киев, 1880. С. 78.

[9] *Григорий Неокесарийский.* Переложение Екклезиаста. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://mission-center.com/ru/tolkovaniy-sv-pisaniy/351-sv-grigoriy-neokesariyskiy/7294-tolk-na-knigu-ekklesiazt Дата обращения: 7.09.2012.

[10] Там же.

[11] *Егоров Г., свящ.* Священное Писание Ветхого Завета.

[12] Толковая Библия. С. 29–30.

[13] *Олесницкий А., проф.* Руководственные о Священном Писании сведения, из творений святых отцов и учителей Церкви извлеченные. [Электронный ресурс] – – Режим доступа: http://www.pagez.ru/olb/170_2.php#33. Дата обращения: 31.08.2012. http://kharkov.zachalo.ru/pagez/olb/170_1.php.htm

[14] *Григорий Неокесарийский.* Переложение Екклезиаста.

[15] Толковая Библия. С. 33.

[16] Творения блаженного Иеронима Стридонского. С. 119.

[17] *Егоров Г., свящ.* Священное Писание Ветхого Завета.

[18] *Олесницкий А., проф.* Руководственные о Священном Писании сведения.

[19] Толковая Библия. С. 159.

[20] Там же. С. 164–165.

[21] *Есенина Н. В.* В семье родной. М., 2001. С. 29.

[22] *Грузинов И. В.* Есенин // С. А. Есенин в воспоминаниях современников. С. 356.

О. В. Юдушкина (Москва)

СИМВОЛИКА СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ В РЕВОЛЮЦИОННЫХ «МАЛЕНЬКИХ ПОЭМАХ» С. А. ЕСЕНИНА

Евангельская символика в «маленьких поэмах» Есенина, написанных как отклик на Февральскую и Октябрьскую революции, свидетельствует об усвоении поэтом православной традиции. Через иконописные образы, молитвенное слово христианская культура, растворённая в пространстве поэм, выступает как органическое целое и служит зримой натурой, с которой художник «снимает портрет» в соответствии со своим авторским видением.

Обращение к традиции открывает множество возможностей. По мнению Ю. И. Минералова, «миметическое начало объективно присуще индивидуальному стилю как художественному феномену»[1]. И такое подражание можно считать оригинальным творчеством. Есенин в «библейских» поэмах не разрушает художественно-эстетическую картину прошлого, а вступает с ним в плодотворный диалог, применяет традиционные художественные формы и приходит к новаторским открытиям.

Художественные формы и приёмы, стилевые черты, заимствованные Есениным из православной культуры, в новом содержательном контексте используются им для достижения эстетических целей: вторичное применение узнаваемых художественных форм позволяет воссоздать и лаконичными средствами передать атмосферу исторической среды. Наиболее значимыми в плане современной интерпретации классических евангельских сюжетов становятся «маленькие поэмы» 1917–1920 гг., где используются образы церковной молитвы и иконописные изображения, так называемые «библеизмы»[2].

Традиция православной молитвы прослеживается в стихотворениях Есенина с начала его творческого пути. Поэт, хорошо знающий и глубоко понимающий христианскую культуру, обращается к молитве как к творческому процессу. Евангельские мотивы, пронизывающие стихотворения автора, выполняют важную функцию Богообщения.

Для поэта важно не столько представить молитвенное слово в его каноническом понимании, сколько, используя литургические формулы, наделить художественное слово особой функцией, отсюда и передача сложнейшего духовного подтекста восприятия исторических событий.

«В “библейских” поэмах 1917–1919 гг. более отчётливо звучит соборная общественная молитва, активно проявляют себя церковно-гимнографическая и псалмодическая традиции, акафистные песнопения. Заметно усиливаются интонации духовной риторики, элементы прямого Богообщения»[3]: «Господи, я верую!» («Пришествие», 1917). Примечательно, что некоторые поэмы носят названия богослужебных книг: «Октоих», «Сельский часослов», «Сорокоуст». Это ещё раз указывает на сложную работу автора, придававшего огромное значение символике заголовков[4].

В поэме «Певущий зов» (1917), значимой для всего цикла, интонация призыва указывает на многочастную структуру произведения. В ней на первом плане прославление новой «Звезды Востока». «В переносном значении о Мессии говорится как о звезде от Иакова (Чис 24:17), а о проповедниках Богопознания — как о звёздах, сияющих на небосклоне (Дан 12:3)»[5].

В поэме мы видим и элементы псалмов – хвалебных песен (формула «Хвалите Бога» – «Аллилуйя («восхвалите Господа (Яхве)») – формула поклонения и благодарения в богослужебной практике). Лирический герой обращается к русскому народу («О, Родина!») с призывом к общей молитве – «Хвалите Бога!» [II, 26].

В поэме «Октоих», написанной в 1918 г., поэт уже с первых строк обращается к молитве, начиная с парафразы начала шестого ирмоса канона, поемого как глас четвёртый: «Пожру Ти со гласом хваления, Господи» [II, 314]. У Есенина: «Гласом моим пожру Тя, Господи» [II, 41]. «Октоих (греч. – “восьмигласный”) — богослужебная книга православной церкви, содержащая тексты изменяемых песнопений и молитвословий, собранных в последовании на каждый день светской недели, или седьмицы»[6].

Здесь наблюдаем аллюзию молитвы перед иконой «Спорительница хлебов». Есенин вводит в стих формулу: «Осанна в вышних!» [II, 44], ставшую символом приветствия Спасителя (Осанна — евр. – «спаси же»). В контексте поэмы «Октоих» этот молитвенный возглас понимается дословно. «Это был возглас благословения по отношению к событиям и лицам, от которых народ ожидал особенного блага и счастья, в библейском смысле — спасения. Таким возгласом народ торжественно встречал Господа нашего Иисуса Христа, когда он на ослике въезжал в Иерусалим».[7]

Начало «маленькой поэмы» «Пришествие» (1917) символично: поэт использует формулу Символа веры. В одном только обращении «Господи, я верую!..» [II, 46] лирический герой раскрывает краткое изложение христианских догматов, принятых в Символе:

«Верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца неба и земли, всего видимого и невидимого. И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного, Отцом рождённого прежде всех веков; в Свет от Света, в Бога истинного от Бога истинного, рождённого, несотворённого, единосущного Отцу, через

Которого всё произошло. Ради нас людей и нашего ради спасения сошедшего с небес и воплотившегося от Духа Святого и Марии Девы и вочеловечившегося. Распятого за нас при Понтии Пилате, страдавшего и погребённого. И воскресшего в третий день, согласно Писаниям. И восшедшего на небеса и справа от Отца сидящего. И грядущего вновь со славой судить живых и мёртвых, Царствию же Его не будет конца»[8].

Обращение автора к непреложной истине: на фоне происходящих исторических событий эта вера не покидает лирического героя, а вместе с ним и всё человечество. Зачин поэмы определяет и всю тематическую направленность произведения: на пути к истинному спасению русская земля пройдёт через все человеческие страдания.

В поэме «Пришествие» своеобразие стилистики православной молитвы воссоздаётся разнообразными средствами выразительности: смена интонаций вопроса: «Как взойду, как поднимусь по ней / С кровью на отцах и братьях?» [II, 49], ответа: «Нет, я не Симон... / Простой рыбак» [II, 48], обращения: «Ей, Господи, / Царю мой!» [II, 48], обобщения: «Дьяволы на руках / Укачали землю» [II, 48], утвердительной: «О верю, верю – будет / Телиться твой восток!» [II, 51] и отрицательной: «Нет за ним апостолов, / Нет учеников» [II, 46] интонации. Они формируют единство сюжета, а оригинальные переходы от повествования к «молитвословию» лирического героя образуют художественную цельность произведения. Немаловажным становится то, что Есенин вводит в поэму форму молитвы после мощных по изображению сцен, одной из которых является известный новозаветный эпизод отречения от Иисуса Христа его ученика Петра (Симона Петра) прежде, чем петух возвестит зарю.

Поэтическое слово Есенина, обрамляющее этот евангельский эпизод и вводящее его в поэму, красочно передаёт чувства героя. Используя реминисценцию из Библии, автор даёт оценку двум важным историческим событиям, свершившимся на Руси (Февральской и Октябрьской революциям). На этом фоне звучит молитва героя:

Ей, Господи,
Царю мой!
Дьяволы на руках
Укачали землю.

Снова пришествию его
Поднят крест.
Снова раздирается небо.
Тишина полей и разума
Точит копья.

Лестница к саду твоему
Без приступок.

Как взойду, как поднимусь по ней
С кровью на отцах и братьях?

Тянет меня земля,
Оцепили пески.
На реках твоих
Сохну [2, 48–49].

Есенин вводит в поэму своеобразный элемент Богообщения, стилизованный под молитву, что подтверждает церковно-славянская лексика («Царю мой»), а также применяет иной ритмический рисунок – верлибр (свободный стих) – нерифмованные стихи, расчленённые на стихотворные строки, но не обладающие постоянными признаками их соизмеримости.

В главках «Пришествия» наблюдается присутствие символики духовных стихов – жанра древних народных песнопений религиозного содержания. По материалу (сюжету) они восходят к книжным источникам (Библия, жития святых, легенды, апокрифы), отражающим народное понимание добра и зла, греха и искупления, справедливости, происхождения мира, исторических событий. Есенин обращается к традициям народного духовного стиха (эта проблема была изучена Ю. Б. Орлицким[9]), что определяет поиск ритмов, заимствованных им из национальной культуры. Важно отметить, что смысловые части в поэме имеют разнообразную ритмообразующую структуру, поэт использует различные размеры:

- трёхстопный хорей: «Но пред тайной острова / Безначальных слов / Нет за ним апостолов, / Нет учеников» [2, 46];
- двустопный амфибрахий: «Воззри же на нивы, / На сжатый овёс, – / Под снежною ивой / Упал твой Христос!» [II, 47];
- двустопный ямб: «О други, где вы? / Уж близок срок. / Темно ты, чрево, / И крест высок» [II, 48];
- дактиль: «Симоне, Пётр.../ Где ты? Приди. / Вздрогнули вётлы: "Там, впереди!"» [II, 49].

Такая организация стиха с переходом в верлибр помогает поэту с большей точностью передать чувства лирического героя, выделить более значимые части в произведении, провести параллель изображенных сцен, что делает маленькую поэму довольно емкой, масштабной по описанию событий, приближающей по объему к поэме большой.

Как лирическое отступление, молитвенное слово вводится и в «маленькие поэмы» 1918–1919 гг. В них мы слышим спокойные интонации исповеди: «Буду

тебе я молиться / Славить твою Иордань» [II, 60], «Но постиг я... / Верю, что погибнуть лучше» [II, 176]. А также прямой протест, выражающийся в крике: «Я кричу, сняв с Христа штаны» [II, 63].

В поэме «Сельский часослов» (1918) есенинское слово полностью трансформируется в молитву: композиция стихотворения строится на прямом общении. Лирический герой, обращаясь к небесным светилам (солнце – месяц – заря – звёзды), произносит священные для себя слова: «Зачерпни мою душу!», «Прикрой глаза мои!», «О красная вечерняя заря! / Прости мне крик мой», «Нагните пламя своё, / Чтобы мог я, / Привстав на цыпочки, / Погасить его» [IV, 172, 173, 176].

Молитвенное слово также слышится и в аллюзиях на апокалипсические мотивы: в поэме «Инония» (1918): «Все молитвы в твоем часослове я / Проклюю моим клювом слов» [II, 63], в поэме «Пантократор» (1919): «Не молиться тебе, а лаяться / Научил ты меня, Господь» [II, 73].

Внутренние монологи, диалоги, используемые в поэмах, выполнены с редчайшей психологичностью, что подтверждает нагнетание ритма, звуковых оборотов, характеризующих речь героев, введение евангельских имён, пейзажных зарисовок, вбирающих в себя обобщение произошедшего – всё это говорит о Есенине как о мастере поэтического слова, сумевшем передать сложнейшие по изображению сцены лаконично и необыкновенно точно в стилизованном молитвенном слове.

Обращение к иконографическим образам прослеживается у поэта на всех этапах его творчества, но именно в «маленьких поэмах» 1917–1920 гг. образ расширяется, становится более функциональным с помощью обращений к иконографии, евангельским аллюзиям, иносказаниям, литургическим формулам – всё это раскрывает внутреннюю форму слова, насыщает метафору, представляет «ангелический образ». Поэт вводит икону в произведение и как художественный объект, помогающий более чётко определить функцию сюжета и, прежде всего, как символ подлинной веры в православии.

«Образ – священный предмет или изображение. В отличие от знамений, образы имеют внешнее сходство с тем, что отображают. К образу прежде всего относятся иконы: изображения Господа нашего Иисуса Христа, Богоматери, ангелов, святых, а также священных событий»[10].

Икона – Откровение Божие, воплощённое в визуально-образной системе (богословие в красках), в отличие от Священного Писания с его визуально-знаковой системой. «Икона является священным изображением и неотъемлемой частью православного богослужения, т. к. имеет не только познавательную функцию, но и молитвенную – настраивает и вдохновляет молящегося на нужный лад для общения с Богом»[11].

В доме Ф. А. Титова «десять икон было в два ряда во весь угол. Казанская Божья Матерь, Тихоновская <Тихвинская> Божья Матерь, Николай Угодник-чу-

дотворец. Потом была икона, гроши ей подают от пожара в церкви <Неопалимая купина>. Потом Серафим Угодник, потом у нас была Иверская Божья Матерь. Ещё благословление папы с мамой. И дедушкино благословение было. Это когда венчают и потом благословляют, то эта икона так и остается»[12]. Иконы создали фон, проявившийся сначала ассоциативно, затем аллюзивно в произведениях поэта. Иконописные образы, вошедшие в жизнь Есенина в детстве, в поэмах стали знаками познания жизни их лирических героев.

Хорошо зная православную культуру и обычаи, поэт апеллирует к истокам христианства, показывает иконичность мира. «Как икона представляет собой двуединство образа и Первообраза, изображения святого и самого святого, так и мир пребывает в двуединстве видимого и невидимого бытия»[13]. В революционное и постреволюционное время, когда был написан цикл «маленьких поэм», для Есенина важно именно сблизить два этих мира, показать значимость земного и небесного, видимого и невидимого, раскрыть влияние Образа в развитии сюжетной линии лирического героя.

При анализе «маленьких поэм» Есенина 1917–1920 гг. важно отметить обращение автора к иконографическим образам, представленным либо в виде реминисценции икон («С дудкой пастушеской в ивах / Бродит апостол Андрей» – иконография образа «Апостол Андрей Первозванный»), либо как намёк на иконописный образ («Он сойдёт, наш светлый гость, / Из распятого терпенья / Вынуть выржавленный гвоздь» [II, 55–56] – иконография образов «Восхождение на крест», «Распятие», «Сошествие во ад»). Отметим, что в некоторых поэмах поэт намеренно выносит в заголовки названия икон: «Пришествие» (1917), «Преображение» (1917), «Пантократор» (1919), что свидетельствует об их символическом содержании.

Одним из важнейших мотивов в революционных и постреволюционных произведениях становится тема святости, показанная Есениным через иконографический образ «Преполовенья»[14] в «маленькой поэме» «Октоих». Это беседа отрока-Иисуса с книжниками. Принимая во внимание христианскую традицию, присутствующую в творчестве поэта, стоит остановиться на следующем. Духовное объединение людей в поэме становится сюжетообразующим. Можно провести следующую параллель: первая часть поэмы – молитва ангелов за родную землю:

Святись преполовеньем
И рождеством святись
Чтоб жаждущие бденья
Извечьем напились (2, 41).

В этом иконописном образе автор представляет богатейший материал к существующей традиции. Семантика слова точно соотнесена с культурным источ-

ником: Иисус говорит недоумевающим книжникам о священной вере. Примечательно, что на иконе фигура Христа увеличена по сравнению с ними, подчёркивая Его духовное превосходство. В Нём сочетается триипостасное Божество, напоминающее людям об их единстве. Есенин через это яркое иносказание представляет «ангелический образ», запечатлевший необыкновенную символику Библии.

Вторая – соборное песнопение у икон «Всех скорбящих радость» и «О тебе радуется...». На иконе изображена Богородица в окружении верующих с их недугами и скорбями и ангелов, совершающих благодеяния от Её имени. В поэме этот образ метафоричен:

В них души усопших
И память веков.
О горе, кто ропщет,
Не снявши оков!
<...>
Но сгибни, кто вышел
И узрел лишь миг!
Мы облачной крышей
Придавим слепых [II, 43].

В нескольких строках Есенин поднимает проблемы жизни и смерти. Икона – учебник к мировосприятию, мудрость веков, дарующая силу духовную. Использование иконописных образов помогает поэту осмыслить происходящее в государстве. Всё нужно воспринимать как данность от Отца-родоначальника: начало преображённого мира в любви и уважении людей друг к другу. Эти высшие ценности нужно беречь несмотря ни на что.

Чтобы проследить развитие иконографических образов в революционно-романтических поэмах Есенина обратимся, к изображению Богородицы. Цель – показать движение этого библейского образа в произведениях поэта и иконописи, сравнить, проанализировать метафорический код поэм.

Богородица, Богоматерь. Пресвятая Дева Мария

В поэме «Товарищ», являющейся одним из первых откликов на Февральскую революцию 1917 г., Есенин чётко «рисует» Образ.

Изображение Богоматери с Иисусом на руках становится одушевлённым: поэт развивает сюжет, даёт движение изображению, готовит читателя к действию. Скорее всего, одним из источников представленного иконографического образа является Владимирская икона Богоматери, передающая полное нежно-

сти общение Матери и Ребёнка. Мария предвидит страдания Сына в Его земном пути.

А Христос сидел на руках у Матери
И смотрел с иконы на голубей под крышею [II, 30].

Иисус, наблюдая за событиями, будто готов сойти с иконы для помощи герою: в двух строках Есенин, усиливая образ, сближает Младенца-Спасителя и Святой Дух, символом которого в христианстве считается голубь. Образ святости, то есть отделение себя от всего нечистого и посвящение тому, что чисто, указывает на аллюзию Евангелия от Матфея: «И крестившись Іисусъ тотчасъ вышелъ изъ воды, – и се, отверзлись Ему небеса, и увиделъ *Іоаннъ* Духа Божія, Который сходилъ, как голубь, и ниспускался на Него» (Мф., 3–16).

В «Товарище» чётко прослеживается мотив сошествия Христа в ад. Действие поэмы развивается стремительно: сошедший к людям Младенец Иисус погибает от человеческих рук, Его погребают на Марсовом поле и Он навсегда покидает иконописный образ:

А там, где осталась Мать,
Где Ему не бывать
Боле,
Сидит у окошка
Старая кошка,
Ловит лапой луну... [II, 34].

Как видно из этого описания, поэт вводит образ луны, небесного светила, что подчёркивает разъединение Высшего с земным.

Изображение Девы Марии появляется и в следующей поэме «Октоих», опубликованной весной 1918 г. В произведении этот образ также неслучаен. Обращение героя к Деве – молитва, при которой происходит обряд омовения – символического очищения с помощью воды:

О Дево
Мария! –
Поют небеса. –
На нивы златые
Пролей волоса.
Омой наши лица
Рукою земли. [II, 42].

Здесь Есенин использует «корабельный образ», показанный с помощью развёрнутых метафор «пролей волоса», «рукою земли».

В следующем эпизоде образ Девы восходит к изображению Богоматери-Девы на иконе «Неопалимая купина». Здесь вновь обращаемся к Троице Нераздельной. «Сопричастность Богоматери трём мирам – земному, небесному (ангельскому) и духовнопрестольному (Божественному) – обозначена тем, что Её образ помещён в центре трёх пространств — трёх четырёхугольников различных цветов; два из них представляют ромбические фигуры, образующие в сочетании подобие восьмиконечной звезды»[15].

Вострубят Божьи клики
Огнём и бурей труб,
И облак желтоклыкий
Прокусит млечный пуп.
И вывалится чрево
Испепелить бразды...
Но тот, кто мыслил Девой,
Взойдёт в корабль звезды («Октоих», [II, 45]).

Согласно христианской символике, «символ звезды имеет самое непосредственное отношение к изображённой на иконе "Звезде Незаходящей, вводящей в мир Великое солнце"»[16]. Здесь Есенин расширяет границы образа звезды («ангелический»), представляет библейский символ, обозначающий судьбу человека, и в данном эпизоде передаёт надежду на заступничество Божьей Матери за верующих.

В поэме «Пришествие», написанной также в 1918 г., поэт сближает два образа:

О Русь, Приснодева,
Поправшая смерть!
Из звёздного чрева
Сошла ты на твердь [II, 47].

«Используя образный строй христианского вероучения при построении метафоры, поэт старается максимально ёмко передать состояние родины в той новой для неё ипостаси, испытания которой ей суждено пройти. Русь сравнивается с Приснодевой (*Присный*, по Далю, *истинный*, *Приснодева – Девомученица*, признанная церковью мученицею за Христа). *Поправшая* смерть – значит презревшая смерть (*попрать*, по Далю, – *презирать*)», – отмечает Л. В. Занковская[17].

Для автора это очень важный шаг: ведь здесь он вводит одно из главных христианских имён Божьей матери – Приснодева, потому что Мария являлась дев-

ственной до, во время и после рождения Христа. То есть, подчёркивая чистоту Девы Марии, Есенин выводит в сравнении и Русь. Вот каков образ Руси-Богородицы, представленный поэтом через мотив воскресения («поправшая смерть»). Сошедшая на землю с небес («из звёздного чрева»), только такая Русь не даст ей погибнуть. Таким образом, почитая образ Богородицы, лирический герой Есенина отдаёт дань Руси–Богоматери – представляет в поэме идеальный нравственный образ Пречистой и Пресвятой Девы, смиренной в величии и во всём покорной воле Всевышнего:

На яслях овечьих
Осынила дол
За то, что в предтечах
Был пахарь и вол [II, 47].

О. Е. Воронова, исследуя традиции православной молитвы в духовном контексте творчества Есенина, пишет по этому поводу: «"Акафистный" стиль в стихах Есенина о родине мотивируется особым почитанием Богородицы как небесной покровительницы Руси в крестьянской среде, отсюда естественный параллелизм этих образов в произведениях поэта»[18].

В поэмах «Октоих» и «Преображение» также встречается образ Богородицы в стилизованной молитве, а также в виде иконографического элемента. Сравним эти «маленькие поэмы».

Функция этого образа достаточно разнообразна. Делая акцент на православную традицию почитания Богоматери, Есенин проводит Святую через все испытания земные: икона только направляет развитие действия. «Изображения Богородицы занимают исключительное место в христианской иконографии, свидетельствуя о Её значении в жизни Церкви. <...> Важнейшей стороной почитания Богородицы, что засвидетельствовано множеством чудотворных икон, является вера в Её заступничество за род человеческий "по вся дни"»[19]. Ветхозаветным прообразом Богоматери (неким метафизическим символом) считается «лествица», соединяющая небеса, где пребывает Бог, и землю. Это, в первую очередь, указывает на сравнение Богородицы с Церковью, дающей защиту, душевное спасение. Возможен вывод: выбор иконографического образа неслучаен – поэту необходимо подчеркнуть надежду на священную силу и долговечие земной жизни.

А в поэме «Преображение» Богородица дана как обычная крестьянка, занятая повседневными заботами. Очень важно то, что Есенин не забывает указать на особенности цвета в иконописи: «В православной традиции Богородица изображается в определённых одеждах: пурпурном мафории (покрывале замужней женщины, закрывающем голову и плечи) и тунике (длинном платье) синего цвета. Мафорий украшают три звезды – на голове и плечах»[20].

О том, как Богородица,
Накинув синий плат,
У облачной околицы
Скликает в рай телят [II, 53].

Через мощный, с надрывом ритм произведения проступает спокойный, умиротворённый образ Пресвятой Богородицы.

По-иному происходит в поэме «Иорданская голубица». Здесь Есенин вводит образ Пречистой Девы:

И, полная боли и гнева,
Там на окрайне села,
Мати Пречистая Дева
Розгой стегает осла [II, 59].

Этот образ апокалипсический: Божий покров спал, и всё должно измениться, как меняется в небесном мире: «<...> небеса — дело Твоих рук <...> и все они, как риза, обветшают, и, как одежду, Ты переменишь их, — и изменятся» (Пс. 101, 26–27). Лирический герой уже не нуждается в вечном образе Заступницы: его защита теперь в «новом небе и новой земле» (2 Пет. 3, 12–13).

Используя мотивы иконографии, Есенин вводит образ Богородицы в свои поэмы, развивая и усложняя его. Динамика сюжета позволяет не только раскрыть тему заступничества и апокалипсический мотив, но и привнести драматический сюжет в действие. Образ иконы («образ образа») позволяет поэту воссоздавать иконописное изображение в чётком видении, символика иконописи позволяет сконструировать в поэме христианские каноны, что делает образ более функциональным, развёрнутым. В этом Есенину, безусловно, помогает мастерство видения внутренней формы слова, или «образа идей», или «ангелического образа».

Обогатившись церковной культурой, Есенин не теряет своей индивидуальности и становится мастером русской поэзии. Апокрифические мотивы, тесно связанные с народным стихом, становятся основой для создания стилизованной молитвы. А многочисленные «иконописные» образы, разнообразно представленные в «маленьких поэмах» 1917–1920 гг. доказывают, что эстетические возможности слова для художника безграничны.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Минералов Ю. И.* Теория художественной словесности. М., 1999. С. 29.

[2] Библеизмы — фразеологические сочетания и афоризмы библейского происхождения. Выделяют фразеологизмы, образованные от имён библейских персонажей или географических названий;

фразеологические сочетания, отражавшие реалии библейского сюжета или древнеиудейской истории и быта; цитаты из проповедей Христа и т. д. Использование библеизмов в поэзии привносит в текст элементы высокого стиля. (Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия. М., 2007. С. 60). Первым в изучении поэтики «маленьких поэм» Есенина термин «библеизмы» использовал К. Л. Зелинский (См.: *Зелинский К. Л.* Черты поэтического стиля Есенина // Есенин и русская поэзия. Л., 1967. С. 64–65).

[3] *Воронова О. Е.* Традиция православной молитвы в духовном контексте творчества С. А. Есенина: восприятие, интерпретация, полемика // Наследие С. А. Есенина на рубеже веков. Рязань, 2000. С. 10.

[4] См. об этом: *Скороходов М. В.* Тематика смерти-воскресения в «маленьких» поэмах С. Есенина 1917–1918 гг.: К вопросу о поэтике заглавия // Философия смерти и воскресения: Материалы Федоровских чтений. М.: ИМЛИ РАН, 1996. Вып. 2. С. 18–34.

[5] Звезда // Библейский словарь Брокгауза // Электронный источник – «Цитата из Библии».

[6] *Мовлева Н. С.* Малый православный толковый словарь. М., 2005. С. 291.

[7] Там же. С. 298

[8] Православный молитвослов и Псалтырь. М., 2000.

[9] *Орлицкий Ю. Б.* Свободный стих С. Есенина в контексте русского верлибра начала XX века // Есенин академический: Актуальные проблемы научного издания. М., 1995. С. 194.

[10] *Мовлева Н. С.* Малый православный толковый словарь. М., 2005. С. 289.

[11] Там же. С. 173.

[12] *Есенина А. А.* Родное и близкое // С. А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1986. Т. 1. С. 70–71.

[13] *Лепахин В.* Иконичность двуединого мира в лирике Сергея Есенина // Икона в русской художественной литературе. М., 2002. С. 621.

[14] По В. И. Далю: «Преполовеньев день – среда четвертой недели по Пасхе, средопятидесятница. Преполовлять – црк. переполовить, преполовинить, пройти половину пути. В Преполовенье праздника пришёл Иисус в церковь и учил. Я сказал в себе: в преполовение дней моих должен я идти во врата преисподней; я лишён остатка лет моих (Ис.38:10)» (*Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1935. Т. 3. С. 407).

[15] *Кокухин Н.* Купина Неопалимая // Православная беседа. 1994. № 4. С. 317.

[16] Там же. С. 315.

[17] *Занковская Л. В.* Характерные черты стиля Сергея Есенина // Литература в школе. 2003. № 10. С.10.

[18] *Воронова О. Е.* Традиция православной молитвы в духовном контексте творчества С.А. Есенина: восприятие, интерпретация, полемика // Наследие С. А. Есенина на рубеже веков. Рязань, 2000. С. 12.

[19] Православная энциклопедия. М., 2000. Т. V. С. 501.

[20] Богородица // Википедия — Свободная энциклопедия. Код доступа: /http://ru.wikipedia.org.

М. А. Соловьёва (Егорьевск)

ПОЭМА С. А. ЕСЕНИНА «СЕЛЬСКИЙ ЧАСОСЛОВ»: ТЕКСТ И ПРОТОТЕКСТ

Маленькая поэма Есенина «Сельский часослов» не вошла ни в один из прижизненных сборников поэта, хотя дала название одной из книг, выпущенных в начале декабря 1918 г. Почему Есенин не хотел её публиковать? Нельзя сказать, что он считал её неудачной, ведь в 1924 г. он дарит её Григорию Шмерельсону, одному из лидеров имажинистов, участнику Ордена воинствующих имажинистов [IV, 402]. Возможно, причина в том, что в композиции «есенинской Библии» место «Часослова» заняло другое произведение. Учитывая, что Есенин очень внимательно относился к отбору произведений для своих книг — именно книг, поэт не любил слово сборник — эта причина для него могла быть веской.

В 1917–1918 гг. Есенин пишет цикл поэтических произведений на библейские темы, некоторые из них с «говорящими» названиями — «Октоих», «Преображение», «Пришествие», «Иорданская голубица». Одну из книг поэт именует «Триптихом». Используя образы, иногда прямые цитаты из Библии, Псалтири, церковной гимнографии и молитв, поэт создаёт свою собственную «есенинскую Библию». Ключевыми фигурами его поэтического творчества и прозаических трактатов становятся ветхозаветные пророки Иизекииль, Иеремия, Амос, Ездра. Как вспоминал В. С. Чернявский («Сельский часослов» вышел с посвящением именно ему), в тот период «были написаны одна за другой все его богоборческие и космические поэмы о революции. Их немного, но тогда казалось, что они заполняют его время словесной лавиной. Идея избранничества томила его руку зудом мировых размахов, эсхатология крестьянской Валгаллы, где собственный дед дожидается его "под Маврикийским дубом", где мать его прядёт лучи заката, была его единственной религией; он был весь во власти образов своей "есенинской Библии". <...> В дни, когда он был так творчески переполнен, "пророк Есенин Сергей" с самой смелой органичностью переходил в его личное "я". Его любимыми книгами в это время были Библия, в растрепанном, замученном виде лежавшая на столе, и "Слово о полку Игореве". Он по-новому открыл их для себя, носил их в сердце и постоянно возвращался к ним в разговорах, восторженно цитируя отдельные куски, проникновенно повторяя: "О, русская земля, ты уже за горою!"»[1]

И «Слово о полку Игореве», и обращение к наследию славянской культуры, и дух ветхозаветных пророчеств, и ожидание Третьего Завета – составляющие культурного кода предреволюционного времени. Гениальная древнерусская поэма, работы Ф. И. Буслаева, А. Н. Афанасьева и А. А. Потебни, попытка осмысления исторической и мессианской роли России, философия В. С. Соловьёва, увлечение различными оккультными практиками, ощущение мистических предзнаменований – всё это занимало умы поколения и отразилось во всех сферах мысли и искусства того времени. Интересно, что, например, для В. М. Васнецова, как и для Есенина, «Слово о полку Игореве» было источником вдохновения. Работая над росписями Владимирского собора в Киеве, которые отразили развитие христианской мысли конца XIX века в России, художник декламировал любимые отрывки из этого произведения[2].

И как представитель своего времени, и как человек искусства, Есенин, сближаясь то с одним, то с другим религиозным течением, пытается составить своё понимание христианства, отношений Бога и человека, божественного и земного, творчества и Творца. Известно, что в 1913–1914 гг. поэт увлекался модным тогда толстовством[3], в 1920-е гг. испытывал интерес и к масонству[4], и к воспринятому через Н. А. Клюева хлыстовству[5]. Возможно, на таком тяготении к мистике сказались детские впечатления, мифология крестьянского мира «с чертями, колдуньями, с приметами, поверьями»[6]. Всё это так или иначе отразилось в сложной, многоступенчатой образной системе есенинского творчества.

Время же написания «библейских» произведений, в том числе «Сельского часослова», проходило для Есенина под знаком захлестнувшей его дружбы с Андреем Белым. Вся художественно-образная система поэта оказывается под влиянием старшего товарища, который делится с ним своими открытиями в сфере познания мира и искусства, теоретическими работами и размышлениями, посвящает в тайны антропософии, знакомит с «религией» Рудольфа Штейнера.

В 1921 г. Есенин делился в письмах с Ивановым-Разумником размышлениями о том периоде творчества: «И даже в поэме "Сельский часослов" назвал это мое брожение "Израмистил". Тогда мне казалось, что это мистическое изографство. Теперь я просто говорю, что это эпоха двойного зрения, оправданная двойным слухом моих отцов, создавших "Слово о полку Игореве"». И продолжает: «Дело не в имажинизме, которое притянула к нам З. Венгерова в сборнике "Стрелец" 1915 г., а мы взяли да немного его изменили. Дело в моём осознании, преображении мира посредством этих образов. Вспомните:

Как яйцо, нам сбросит слово
С проклевавшимся птенцом...

Тогда это была тоска "Господи, отелись", желание той зари, которая задирает хвост коровой, а теперь...» [VI, 122–127]. Мысль недосказана, но ясно противо-

поставление «того времени» и нынешнего, когда происходит переосмысление, переоценка всего созданного поэтом, включая «Ключи Марии». В письме Иванову-Разумнику поэт продолжает отстаивать ценность в поэзии исключительно «образов двойного зрения» или, по-другому, «двойного слуха», однако то, что владело им тогда, «мистическое изографство», названо брожением (можно продолжить – брожением умов). Быть может, мистика вместе с несбывшимися мистическими ожиданиями спустя несколько лет уже отошла в прошлое.

Период «мистического изографства» в творчестве Есенина начинается с 1917 г., когда произошла встреча, оказавшая влияние на поэзию последующих нескольких лет. В последние месяцы своей службы в Царском Селе Есенин на квартире Иванова-Разумника знакомится и затем неоднократно встречается с Андреем Белым[7].

А. Блок после встречи с Есениным делает запись в дневнике 4 января 1918 г.: «Вообще – напев А. Белого – при чтении стихов и в жестах, и в разговоре»[8]. Иванов-Разумник, хорошо знавший обоих поэтов, в 1926 г. писал Белому о Есенине: «Есть у меня и неизданная статья его о Вас (Вы большое влияние оказали на него, Борис Николаевич, быть может, сами того не зная)»[9]. В 1926 г. В. С. Чернявский вспоминал: «Не помню подробностей общения его с Белым, с которым я не был знаком. Но зато к новым книгам и стихам Белого он относился с интересом и иногда с восхищением. Нравился ему и, как ни странно, казался лично близким "Котик Летаев". Некоторую кровную связь с Белым он хотел закрепить, пригласив его в крестные отцы своего первого, тогда ожидаемого, ребенка»[10]. Есенин высоко оценивал «Серебряного голубя» Белого, который, в свою очередь, уделял серьёзное внимание есенинскому творчеству. Исследователями отмечается, что Есенин в статье «Отчее слово» опирается на «Жезл Аарона» Белого, а С. И. Субботин, проводя текстологические исследования «Ключей Марии», делает вывод о заимствованиях из «Глоссолалии» Белого[11]. Под влиянием Белого Есенин заинтересовался учением Р. Штейнера. Известно, что в личной библиотеке Есенина имелись книги Штейнера «Мистерии древности и христианство» (М., 1912) и Белого «Рудольф Штейнер и Гёте в мировоззрении современности» (М., 1917).

Хотя невозможно сказать, насколько глубоко увлекся Сергей Есенин учением Штейнера, являлось ли оно для него откровением к постижению тайн бытия даже на небольшой период времени. Или же, вероятнее всего, антропософские идеи вошли в его миропонимание через призму собственного видения искусства, христианства и исканий его времени. Как писал в воспоминаниях о поэте Вс. Рождественский, «в молодости Есенин, несомненно, прошёл через увлечение символизмом и, как ни отрицал этого впоследствии, стихи первых лет революции выдавали его с головой, но сам он предпочитал отказываться от этого родства.

– Ну к чему они мне? Я этот "символизм" ещё в школе мальчишкой постиг. И знаешь откуда? Из Библии. Школу я кончал церковноприходскую, и нас там

этой Библией, как кашей, кормили. И какая прекрасная книжища, если её глазами поэта прочесть! Мне понравилось, что там всё так громадно и ни на что другое в жизни не похоже. Было мне лет двенадцать — и я всё думал: вот бы стать пророком и говорить такие слова, чтобы было и страшно, и непонятно, и за душу брало. Я из Исайи целые страницы наизусть знал. Вот откуда мой "символизм". Он у меня своим горбом нажит»[12].

Так или иначе, антропософские концепты играют важную роль в поэзии «библейского цикла», к которому относится и поэма «Сельский часослов». Антропософский дискурс помогает раскрытию образной системы поэмы.

Ряд понятий в творчестве этого периода объединяются антропософским мифом «о посвящении»[13], который у Есенина воспринимаются в контексте его собственного представления о жертвенном пути поэта. В «Ключах Марии» немало таких антропософских терминов-символов: «мист», «мистический ореол над головой», «мистически помазанное значение», «мистерия», «жертва», «посвящение», «тайна», «послание в смерть», «постичь и благословить Голгофу», «сделать какой-то надрез глазам», «придти к обретению знаков непрочитанной грамоты», «пройти на пропятие и гвоздиные язвы», «выйти из сферы лунного влияния», «просунуться в пространство солнца». По Штейнеру, с помощью медитативных упражнений, преодолев некий посвятительный путь «нисхождения в Аид», человек может выйти на новый духовный уровень, приобщиться к эзотерическим тайнам, к жизни Космоса. Объединяющим принципом штейнеровской системы является оккультная доктрина соотношений, выраженная в формуле «что наверху, то и внизу», и физический мир представляет собой лишь частичное отражение духовного астрального мира, который и управляет всем через духовные существа и силы[14].

Представления о жизнетворческой роли поэтического языка, скрытом сакральном смысле слов-символов, которые связываются с мыслью о духовном пути поэта-пророка и мессианской роли крестьянской Руси, последовательно выражаются в поэтических образах стихотворений.

Главным героем чаемого грядущего преображения мира в поэзии Есенина становится «бессловесный русский мужик», который прозревает «мистические тайны»: «Если б хоть кто-нибудь у нас понял в России это таинство, которое совершает наш бессловесный мужик, тот с глубокой болью почувствовал бы мерзкую клевету на эту мужичью правду всех наших кустарей и их приспешников. Он бы выгнал их, как торгующих из храма, как хулителей на Святого Духа» (далее в трактате «Ключи Марии» следует уточнение «Святого Духа-мистицизма») [V, 192, 213]. Именно «в мужичьи ясли» рождается «новый бог». В стихотворении «О, Матерь Божия» звучит обращение поэта к Богородице: «Пролей, как масло, / Власа луны / В мужичьи ясли / Моей страны. / Срок ночи долог. / В них спит твой сын» [I, 119]. «Все равно — он иным отелится / Солнцем в наш русский кров» — пишет он в «Инонии» [II, 64]. Поэтому, веро-

ятно, свой «часослов» Есенин называет именно «сельским», то есть крестьянским, мужичьим.

Обратимся к композиции поэмы «Сельский часослов». Как известно, в православном часослове, богослужебной книге, содержащей тексты молитвословий суточного богослужебного круга, последовательно вспоминаются евангельские события. В есенинском часослове также последовательно воспроизводятся разные периоды жизни Иисуса Христа. Православный Часослов начинается с полунощницы, которая совершается в полночь или рано утром и посвящена ожиданию Второго пришествия Спасителя. Возможно, что и «молитвословия» есенинского часослова начинаются с утра, когда встаёт Солнце и лирический герой, «ухватившись за цепь лучей» карабкается в небо [IV, 172]. Тема грядущего преображения мира у Есенина раскрывается как последовательно происходящие события – сначала распятие, а затем рождение. Как писал Штейнер, «Смерть на Голгофе – лишь кажущаяся смерть; в действительности это рождение Души Земли»[15], «Бог распял крестообразно мировую душу на мировом теле. Эта мировая душа есть Логос. Раз Логос должен стать плотью, то, воплотившись, ему надо повторить на себе космический процесс. Он должен быть пригвождён к кресту и затем воскреснуть. Эта важнейшая христианская мысль давно уже была предначертана в древних мировоззрениях в качестве духовного представления»[16]. Итак, в есенинской поэме описываются не евангельские события, а события предвещаемой новой истории христианства. И Русь – как «начертальница Третьего Завета» – должна пройти через гибель. Таким образом, по мнению М. В. Скороходова, лирический герой этого произведения становится «приверженцем и пророком нового учения. За смертью Руси следует новое рождение – рождение младенца, названного Есениным Израмистил»[17].

С другой стороны, возможно, Есенин здесь ещё и переосмысливает общечеловеческий мифологический концепт: Первобог умирает, чтобы из тела умершего родился новый мир. Об этом говорится в русском духовном стихе из «Голубиной книги»:

А и белой свет – от лица Божья,
Солнцо праведно – от очей его,
Светел месяц – от темечка,
Тёмная ночь – от затылечка,
Заря утрення и вечерняя – от бровей Божьих,
Часты звёзды – от кудрей Божьих![18]

За многочисленными многоточиями в «Сельском часослове» скрывается недосказанность мыслей, напряжённое чувствование, невозможность автора высказать свои мистические ощущения.

Одним из ключевых образов есенинского «Сельского часослова» стало Солнце, которое, подобно «золотому, опущенному в мир ведру», должно зачерпнуть душу героя поэмы и тем самым «вынуть из кладезя мук страны» [IV, 172]. В символическом мире Есенина, как и в литургической поэзии, Солнце — Иисус Христос. И значит, поэт просит Христа помочь избегнуть земных мук греховного мира.

Мотив вынимания души, соединения с небесным отечеством присущ раннему Есенину. Несколькими годами ранее, в 1914 г., он пишет: «Рад и счастлив душу вынуть. / Я пришёл на эту землю, чтоб скорей ее покинуть» [I, 39]. Однако дополнительный оттенок эта тема приобретает с увлечением антропософией: познавая мистические тайны, лирический герой соединяется с Христом, являющимся, по Штейнеру, духом солнца.

Тот же образ развивается и далее. Лирический герой то карабкается в небо, то «падает в пасть заката». Вероятно, закат есть нечто противоположное заре, Солнцу, преграждающее путь к нему, его характеризует имеющее негативную окраску слово «пасть».

Мотив пророка, предрекающего гибель, «посвящённого» в грядущие роковые события, когда должна свершиться «революция / На земле и на небесах!», неразрывен в поэме с мотивом крови: «Кровью поют уста» [IV, 172].

Родина в есенинском часослове светозарная Жена и Богородица, которая рождает Спасителя. И в то же время она уподобляется Иисусу Христу, искупающему грехи мира. Её покров рвут на части, как рвали одежды Иисуса Христа воины (Матф. 27: 35).

А пассаж:

На кресте висит
Её тело,
Голени дорог и холмов
Перебиты... [II, 173].

— напоминает эпизод из Евангелия, где говорится о том, что Христу хотели перебить голени, как разбойникам, распятым вместе с ним, чтобы ускорить его смерть[19].

Характерен мотив волка — ночного хищника:

Волком воет от запада
Ветер... [IV, 173].

От запада, возможно, потому, что с запада должен явиться Антихрист. Оттуда должна прийти космическая революция, которая всё уничтожит во имя создания нового мира. И ветер свидетельствует о её приближении. Зловещий образ

ворона — «Ночь, как ворон, / Точит клюв на глаза-озёра» [IV, 173] — скорее всего, имеет источником «Слово о полку Игореве» и является символом рока, надвигающейся беды. Единственное появление чёрного ворона в более раннем творчестве Есенина мы находим в стихотворении, посвящённом событиям Первой мировой войны:

Понакаркали черные вороны:
Грозным бедам широкий простор [II, 18].

Ворон точит клюв на глаза-озёра родины — Богородицы:

«И доскою надкрестною
Прибита к горе заря:
ИСУС НАЗАРЯНИН
ЦАРЬ
ИУДЕЙСКИЙ [IV, 173].

Заря, как и солнце, есть Иисус Христос, он же Бог-Слово. У Белого в поэме «Христос Воскрес» — слова с аналогичной символикой зари: «Зарея Огромными зорями, / В небе Прорезалась Назарея»[20]. Здесь остановимся на интересном рисунке, нарисованном Есениным рядом с текстом конца первой — начала второй главки поэмы [IV, 401].

Вспомним слова из есенинского поэтического трактата «Ключи Марии», в которых воспроизводится антропософский «миф о посвящении» в мистические тайны, о «посвящении» миста: «Мист же идет на это пропятие, провидя и терновый венок, и гвоздиные язвы. Он знает, что идущий по небесной тверди, окунувшись в темя ему, образует с ним знак того же креста, на котором висела вместе с телом доска с надписью I. Н. Ц. I.» [V, 210].

В черновом автографе были такие слова: «Огненный жезл, / [вытянувшийся] [втянувшийся из вихря] / [Пронзит твердь] / [через] чрез / пропятое / СЛОВО» [IV, 299], которые отсылают нас к «Жезлу Аарона» Белого.

«Мист», сам идя на распятие, через «пропятое слово» соединяется с распятым Христом, который своей гибелью на кресте несёт свет миру, земле, Преображение. Евангельские слова «Я есмь свет миру» изображены в треугольнике – божественном символе, в православии – символе Троицы. В антропософии символ треугольника также имеет высший сакральный смысл божественной гармонии и вечности. Исследуя роман Белого «Петербург», В. Н. Яранцев пишет: «В мистическом трактате "Эмблематика смысла" (1909 г.), пространственно-геометрически предваряющей и подготавливающей "Петербург", А. Белый кристаллизует пространство на основе своеобразной догматики треугольника, соединившей в себе монады-треугольники

Г.-В. Лейбница, комбинаторику математика Н. В. Бугаева (отца Белого) и светским образом переосмысленного, вслед за Мережковским, догмата о Троице... смысл мистики треугольника, который Белый в предисловии к сборнику стихов "Урна" (1909 г.) называет "атрибутом Хирама – строителя Соломонова храма", теряется в глубинах эзотерических учений и, в частности, розенкрейцерства, с которым антропософия имела много общего»[21].

Самый странный, а потому и не всегда понятый символ заключён в следующих словах:

И лежишь ты, как овца,
Дрыгая ногами в небо,
Путая небо с яслями,
Путая звезды
С овсом золотистым [IV, 174].

Овца здесь – мать Агнца – родина и Богородица. Небо – ясли, звёзды – овёс – те самые «образы двойного видения». «Что вверху, то внизу, что внизу, то вверху. Звёзды на небе и звезды на земле», – пишет Есенин в «Ключах Марии» [V, 197], почти буквально цитируя штейнеровскую концепцию. Кстати, Штейнер в свою очередь заимствовал её у древнего теософа Гермеса Трисмегиста (по некоторым данным, вымышленная фигура раннехристианского времени), который является одним из ключевых персонажей антропософии, «языческим мистом» древности. Об этом упоминает Н. И. Шубникова-Гусева в статье «Поэма-загадка» о «Чёрном человеке» Есенина: «Судя по этой цитате ("Что вверху, то внизу...") из "Изумрудной таблицы" или "Изумрудной скрижали" Гермеса Трисмегиста, Есенин мог ознакомиться с его сочинением по нескольким изданиям, посвящённым оккультизму»[22]. С другой стороны, сочетание слов-образов «небо», «ясли», «звёзды» и «золотистый» отображает иконописный образ Рождества Христова.

Образ овцы с такой же символикой Богородицы и Пришествия в стихотворениях «необиблейского» периода появляется неоднократно: «Не осветят они пришествия, / Бегущего овцой по горам!» [II, 65], «Из звёздного чрева сошла ты на твердь. / На яслях овечьих Осынила дол» [II, 47]. Ведущаяся на заклание овца беспомощна, она не прозревает, что «небо не оправа для алмазных звёзд» [V, 204].

При этом лирический герой не может отказаться от своей Родины, невзирая ни на что:

Не отрекусь принять тебя даже с солнцем,
Похожим на свинью...

Не испугаюсь просунутого пятачка его
В частокол
Души моей [IV, 174].

Солнце, похожее на свинью. С одной стороны, здесь мысль об Апокалипсисе, по которому сначала должен прийти Антихрист. С другой стороны, тот же миф о «посвящении», которое должно сопровождаться посланием в смерть.

«Тайна твоя велика есть» [IV, 174], — говорится о Руси. Здесь библейская аллюзия: «Тайна сия велика есть» — о супружестве в Библии. Ведь Русь — Богородица, она же светозарная Жена.

Мотив пророчества соединяется в поэме с мотивом гибели: «Верю, что погибнуть лучше, / Чем остаться / С содранною / Кожей» [IV, 175]. Этот мотив вообще традиционно есенинский: «Быть поэтом значит то же... / Рубцевать себя по нежной коже» [I, 267]. Однако в поэме он способствует развитию мысли о «посвящённом», «мисте», который терпит страдания вместе с распятым Христом.

За распятием в композиции есенинского часослова следует рождение:

Сына тебе
Родит она...
Имя ему –
Израмистизм [IV, 176, 304].

Потом поэт правит последнее слово на «Израмистил» [IV, 304]. Так возникает имя нового литературного течения. Можно предположить, что оно связано со словом Израиль. Имя, данное пророку Иакову — Израиль — значит борющийся с Богом, но не в реальном физическом смысле, а в мистическом, аллегорическом. Он получает благословение Божье, которое затем распространяется на весь народ израилев.

Волга уподобляется Иордану, водам Крещения:

Пой и шуми, Волга!
В синие ясли твои опрокинет она
Младенца [IV, 176].

В поэме «Преображение» Волга также приобретает сакральное значение, в её водах рождается божественное «слово»:

А когда над Волгой месяц
Склонит лик испить воды, –
Он, в ладью златую свесясь,
Уплывёт в свои сады.

И из лона голубого,
Широко взмахнув веслом,
Как яйцо, нам сбросит слово
С проклевавшимся птенцом» [II, 56].

Таким образом, воды Волги уподобляются «бане пакибытия»[23].

Кстати, по Штейнеру, Христос был обычным человеком, пока на Иордане на него не сошёл дух Солнца и не соединился с Ним.

И в то же время в фольклоре Волгу называют матушкой, то есть она замещает Богородицу.

Таким образом, каждый образ оказывается у Есенина действительно «струящимся». Поэт выполняет ту художественную задачу, которую он ставит перед художником слова в «Ключах Марии». В. Л. Львов-Рогачевский так описывал есенинские метафоры: «...метафоры застывших образов бледнеют перед его действительно струящимися образами, передающими импрессионистически жизнь природы, дрожание света, песни лучей, от этих его образов веет изумительной красотой»[24]. А П. Н. Савицкий писал о них: «Никогда, быть может, за всё существование российской поэзии, от "Слова о полку Игореве" и до наших дней, – идея Родины, идея России не вплеталась так тесно в кружева и узоры созвучий и образов религиозно-лирических и символических вдохновений, как в этих стихах...»[25].

Итак, поэт создаёт свою «Библию», свой «часослов» с системой образов и символов, отчасти воспринятых в учениях Соловьёва и Штейнера, отчасти общехристианских и мифологических. Однако, возможно, бессознательно, автор воспроизводит в своём произведении поэтику и ритмику первоосновы. В часослове «авторском» ярко выразилась художественная основа Часослова канонического. Форма произведения, поэтические приёмы, образ лирического героя отсылают нас к прототексту, большую часть которого занимают псалмы. Изобразительно-выразительные средства и интонационно-ритмическая звуковая организация текста Часослова, является для «Сельского часослова» формообразующими. По ритмике и звучанию поэма напоминает псалмодию – способ пения псалмов в форме мелодической декламации, ритмика которой определяется грамматическими и логическими акцентами в тексте.

В обращении лирического героя к Руси, которая, как уже было сказано, символически приравнивается к Христу, используются речевые формулы, являющиеся характерными для обращений к Богу в православных молитвословиях, с постпозицией притяжательного местоимения:

Тайна *твоя* велика есть.
Гибель *твоя* миру купель... [IV, 174].

Синим языком вылизал снег *твой* –
Твою белую шерсть –
Ветер... [IV, 174]

В качестве примера употребления подобных речевых формул можно привести молитву Господню, которая каждым православным христианином читается ежедневно: «Отче наш! Да святится имя Твое, Да приидет Царствие Твое, Да будет воля Твоя».

Формообразующими поэтическими приёмами являются в поэме «Сельский часослов» параллелизм и повторы, которые также характерны для Псалтири. Академик Д. С. Лихачёв писал о стилистической симметрии как средстве художественной выразительности псаломских текстов: «Сущность этой симметрии состоит в следующем: об одном и том же в сходной синтаксической форме говорится дважды; это как бы некоторая остановка в повествовании, повторение близкой мысли, близкого суждения, или новое суждение, но о том же самом явлении. Второй член симметрии говорит о том же, о чём и первый член, но в других словах и другими образами. Мысль варьируется, но сущность её не меняется»[26]. В работе И. М. Пиевской «Системные отношения религиозного дискурса» дана такая характеристика языка Псалтири: «Ритм Псалмов, подчинённый своим законам равновесия и благозвучия, опирается на повтор, представленный на различных языковых уровнях. Системообразующим компонентом "Книги Псалмов" выступает синтаксический параллелизм во всех его структурно-семантических и стилистических разновидностях: синонимический, антонимический, ступенчатый (спиралевидный), полный, неполный, хиастический, образный, логический. Риторические вопросы в составе параллелизмов, анафор и эпифор придают особую динамику повествованию и описанию в "Книге Псалмов"»[27]. Эта динамика создаёт психологическую, духовную и поэтическую напряжённость повествования в Псалтири. Такую же напряжённость создают эти поэтические приёмы и в «Сельском часослове» Есенина.

Каждый день,
Ухватившись за цепь лучей твоих,
Карабкаюсь я в небо.
Каждый вечер
Срываюсь и падаю в пасть заката [IV, 172].

Здесь с помощью антонимического параллелизма раскрывается глубина духовных переживаний лирического героя.

В строках «Не отрекусь принять тебя даже с солнцем, / Похожим на свинью... // Не испугаюсь просунутого пятачка его / В частокол / Души моей» [IV, 174], используя синонимический и синтаксический параллелизм, автор уси-

ливает эмоциональное воздействие текста: подчёркивается решимость идти на «крестные» страдания во имя Родины, которая в тексте, как уже было сказано, ассоциируется с Богородицей и Христом.

Своеобразную ритмику и напряжённость поэме, передающую накал душевных переживаний героя, создают многократно использующиеся лексические повторы:

Путая небо с яслями,
Путая звёзды
С овсом золотистым.

О, путай, путай!
Путай всё, что видишь... [IV, 174]

Только ведь приходское училище
Я кончил,
Только знаю Библию да сказки,
Только знаю, что поёт овёс при ветре... [IV, 175]

О красная вечерняя заря!
Прости мне крик мой
Прости, что спутал я твою Медведицу
С черпаком водовоза [IV, 174], –

здесь лексический повтор воспроизводит молитвенное обращение кающегося.

Молитвенные обращения к солнцу, месяцу, заре, звёздам открывают каждую из четырёх частей, что, с одной стороны, обращает нас к плачу Ярославны из «Слова о полку Игореве» и к фольклорным традициям. Но, с другой стороны, именно к Псалтири, как первооснове, произведению, которое, по признанию Д. С. Лихачёва[28], оказало большое влияние на древнерусскую словесность, а также на фольклор. Ведь Псалтирь была любимой книгой для чтения в течение многих веков до начала развития новой литературы в XVII веке. Таким образом, космичность в восприятии Бога, Божьего мира также роднит есенинскую поэму с Псалтирью. Замечательным примером восприятия Бога во всём Его вселенском величии являются стихи из псалма № 148: «Хвалите его, солнце и луна, хвалите Его, все звезды света... Огонь и град, снег и туман, бурный ветер, исполняющий слово Его».

Мотив «вынимания души» – в самом начале есенинского произведения –

О солнце, солнце, <...>
Зачерпни мою душу!

Вынь из кладезя мук
Страны моей, [IV, 172] –

также сближает есенинский часослов с Часословом каноническим. М. В. Скороходов, рассматривая первые строки есенинского произведения, справедливо отмечает: «Уже в первой главке "Сельского часослова" подчёркивается причастность лирического героя мировому круговороту времени. Рождение и умирание, цикличное в природе, переходит и на человека. Приобщение к природно-небесному бытию помогает выйти за пределы трагичности земной жизни. Начало есенинской маленькой поэмы соотносится с библейскими текстами. Интересно сопоставить есенинские строки с фрагментом псалма 89, который читался на службе первого часа. В библейском тексте говорится о цикличности жизни, о соотнесённости времени небесного и земного»[29].

Это зов человека, взывающего к Богу из бездны греховной, бездны страдания и отчаяния. «Измии мя от враг моих, Господи, к тебе прибегох», — читаем мы в псалме 142-м. «Господи, услыши молитву мою, и вопль мой к тебе да придет...», – псалом 101, «Господи, правду мою, вонми молению моему», – псалом 16. В книге «Опыт курса по изучению священного писания» прот. А. Меня такие псалмы отнесены к отдельному виду «Страждущий человек взыскует Бога-Спасителя». Мень пишет о таком виде псалмов: «Многие псалмы являются молитвами-сетованиями, которые обращены к Господу от лица гонимого, страждущего человека ("бедняка Господня" – эбиона). Эта часть Псалтири во все века находила наибольший отклик у верующих. В ней библейская вера раскрывается как вера в *спасение*, вера в Бога-Заступника. Псалмопевцы нередко рисуют состояние души, находящейся на грани отчаяния»[30]. Причём «экзегеты не пришли к единому мнению, когда в этих псалмах речь идёт о личности, а когда о народе. Но церковное прочтение Псалтири предполагает оба аспекта. С одной стороны, в этих псалмах выражаются личные чувства верующего, его боль, его уныние и упование, но одновременно это и голос Церкви, которая проходит по истории среди бурь и искушений»[31].

И не только мольба об избавлении от страданий, а, может быть, и о спасении из греховной бездны (слово «пасть» напоминает о тех страшных фантастических животных, в виде которых изображали человеческие страсти, искушения на древних иконах) сближает лирического героя поэмы Есенина со Священным писанием и церковным Преданием. Принятое Церковью толкование на псалмы, символическое понимание их говорит о том, что в Псалтири мы видим предъизображение грядущих событий Нового Завета. Такими прообразами, когда страдания, о которых говорит царь Давид, повествуя о своей жизни, предъизображают жизнь и страдания Иисуса Христа, полна Псалтирь. Возьмём, например, псалом 21, который входит в богослужебные тексты, читаемые на Страстную седмицу, и читается на Царских часах в Великую пятницу. «Множество тельцов

обступили меня; тучные Васанские окружили меня, раскрыли на меня пасть свою, *как* лев, алчущий добычи и рыкающий», – возводит свой голос к Богу царь Давид, окружённый вражескими войсками. Опасность для Давида так велика, что он уже представляет себе картину своей казни: его должны были подвергнуть самой жестокой и позорной казни через распятие на кресте. Причём царь Давид говорит: «делят ризы мои между собою и об одежде моей бросают жребий», эти же слова, как мы знаем, звучат и в Евангелии. «Изображаемые Давидом страдания во всём содержании псалма со всей полнотой и точностью исполнились на Христе»[32], – говорится в Толковой Библии. А святитель Афанасий Великий так толкует псалом: «Псалом же этот воспевает Сам Христос от лица человечества»[33]. Таким образом, пророк, подготавливая приход Мессии, сам претерпевает крестные страдания, как бы соединяясь с Христом, символически его предъизображая, что мы видим и в «Сельском часослове».

Итак, лирический герой поэмы Есенина роднится с автором любимой на Руси книги для чтения или, как её ещё называют, малой Библией, с царём, пророком и пастухом Давидом, и говорит про себя:

Только знаю Библию да сказки,
Только знаю, что поёт овёс при ветре... [IV, 175].

Тексты молитвословий и Библии выступают как основной «строительный» материал языка «необиблейской» поэзии. Для произведений именно этого периода особенно часты перифразы, цитирования, воссоздание особенностей синтаксиса и интонационно-ритмического рисунка богослужебных текстов. Обращение к Богу – «Ей, Господи, Царю мой!» [II, 48] – в поэме «Пришествие» может иметь две первоосновы: великопостную молитву св. Ефрема Сирина («Ей, Господи Царю, даруй ми зрети моя прегрешения, и не осуждати брата моего, яко благословен еси во веки веков, аминь») и псалом 5, который по Часослову читается в Часе 1 («Вонми гласу моления моего, Царю мой и Боже мой, яко к Тебе помолюся, Господи»). Впрочем, обращение «Царю мой» вообще характерно для молитвословий. При крещении священник спрашивает крещаемого:

– И веруешь ли Ему?

А крещаемый отвечает:

– Верую Ему, яко Царю и Богу.

«Крещаемый исповедует свою веру во Христа как Царя и Бога. Эти именования имеют не одно и то же значение. Веровать во Христа как в Бога недостаточно, т. к. "и бесы веруют" (Иак., 26: 19). Принять Его как Царя или как Господа означает стремление и решимость следовать за Ним, посвятить всю свою жизнь служению Ему, жить в соответствии с Его заповедями. Вот почему раннехристианское исповедание Христа было исповеданием и провозглашением Его Господом... Это слово на религиозном и политическом языке того времени со-

держало в себе идею абсолютной власти, требующей безусловного подчинения. Христиан преследовали и осуждали на смерть за то, что они отказывались называть "господом" римского императора. "Ты еси един Господь", — возвещается в одном из самых древних христианских песнопений, Великом славословии, которое мы поём на каждой утрени, забывая иногда, что в этих словах заключён вызов всем земным властям и господам. Исповедовать Христа как Царя означает, что Царство, которое Он нам открыл и явил, — это не только Царство некоего далёкого будущего, находящееся "по ту сторону" нашей жизни и поэтому не вступающее в конфликт или противоречие со всеми земными "царствами" и подданствами. Мы принадлежим этому Царству здесь и сейчас, и мы принадлежим и служим, прежде всего, ему, а потом уже и всем остальным "царствам". Наша принадлежность, наша преданность чему бы то ни было в этом мире — государству, нации, семье, культуре или каким-либо иным ценностям — действительны лишь постольку, поскольку они не вступают в противоречие и не искажают нашу преданность, наше сочетание Царству Христа»[34].

Более прозрачна перифраза «Небесного молока Даждь мне днесь» [II, 52] из поэмы «Преображение»: в ней легко угадывается знакомая строка из молитвы Господней «Хлеб наш насущный даждь нам днесь». Синтаксическая конструкция «Как взойду, как поднимусь по ней / С кровью на отцах и братьях?» в поэме «Пришествие» [II, 49] отсылает нас к частым параллельным вопросительным конструкциям, которые служат для усиления эмоционального воздействия в молитвословиях. Например, в молитве св. Макария Великаго из вечернего молитвенного правила: «Что Ти принесу? Или что Ти воздам, великодаровитый безсмертный Царю, щедре и человеколюбче Господи?» или в покаянном каноне к Господу Иисусу Христу: «Како не имам плакатися, егда помышляю смерть, видех бо во гробе лежаща брата моего, безславна и безобразна? Что убо чаю, и на что надеюся?»[35]

О. Е. Воронова справедливо отмечает, что в творчестве Есенина «важную роль играет традиция православной молитвы в ее индивидуальном и литургическом варианте. Молитвенное начало выполняет в произведениях поэта разные художественные функции и проявляет себя многопланово: в качестве сюжета, мотива, цитаты, реминисценции, жанровой и стилевой доминанты. "Молитвословный" элемент проникает в саму структуру поэтического мышления Есенина, в теорию и практику сочинительства»[36]. Наше исследование подтверждает это мнение и дает новые материалы, обосновывающие его.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Чернявский В. С.* Три эпохи встреч (1915–1925) // С. А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2-х т. М.: Худож. лит. 1986. Т. 1. С. 220.

[2] *Анисов Л. М.* В доме Васнецова // Русский дом. № 5. 2008. С. 38.

[3] *Прокушев Ю.* Юность Есенина. М.: Московский рабочий, 1963. С. 84–85.

[4] *Шубникова-Гусева Н. И.* Поэма-загадка. Масоны в жизни и творчестве Есенина. – Газ. «ExLibris НГ: Книжное обозрение», М., 1998, 1 апр., № 12 (33), с. 8.

[5] Летопись жизни и творчества С. А. Есенина: В 5 томах. Т. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2005. – С. 91.

[6] *Есенина А. А.* Родное и близкое // С. А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. 1. С .92.

[7] Летопись жизни и творчества С. А. Есенина. М.: ИМЛИ РАН. Т. 2, 2005. С. 23

[8] *Блок А. А.* Из дневников, записных книжек и писем // С. А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 177.

[9] Андрей Белый и Иванов-Разумник: Переписка. Публ., вст. ст. и коммент. А. В. Лаврова и Дж. Малмстада. СПб.: Atheneum; Феникс, 1998. С. 339.

[10] *Чернявский В. С.* Три эпохи встреч (1915–1925) // С. А. Есенин в воспоминаниях современников: Т. 1.С. 221.

[11] Сергей Есенин в стихах и в жизни. Воспоминания современников. М.: Республика, 1995. С. 476. О взаимоотношениях Есенина с Белым см.: *Серёгина С. А.* Андрей Белый и Сергей Есенин: творческий диалог. Диссертация... кандидата филологических наук. М.: ИМЛИ РАН, 2009 (библиография по теме – С. 127–145).

[12] *Рождественский Вс.* Сергей Есенин // С. А. Есенин в воспоминаниях современников: Т. 2. С. 124

[13] *Штейнер Р.* Мистика. На заре духовной жизни нового времени и ее отношение к современным мировоззрениям // *Штейнер Р.* Разрешённый автором перевод. М.: Духовное знание, 1917. С. 166.

[14] *Штейнер Р.* Мистика // *Штейнер Р.* Разрешённый автором перевод. С. 122.

[15] *Штайнер Р.* Солнечные Мистерии и Мистерии Смерти и Воскресения. 12 лекций в разных городах, 1922 г. СПб.: Антропос, 2004. С. 14.

[16] Там же. С. 15.

[17] *Скороходов М. В.* Раннее творчество С. А. Есенина в историко-культурном контексте («Радуница» 1916 г. и маленькие поэмы 1917–1918 гг.). Автореферат диссертации... канд. филол. наук. М., 1995. С. 21.

[18] Голубиная книга. Русские народные духовные стихи XI–XIX веков. М.: Московский рабочий, 1991 г. С. 46

[19] В черновом автографе поэмы (РГАЛИ) прочитывается три варианта 18–19 строк поэмы «Сельский часослов». Вариант I: «Голени холмов / Окр<овавлены>»; вариант II: «Рёбра холмов / Перебиты»; вариант III – как в окончательном тексте [IV, 298]. Таким образом, два первых варианта точнее воспроизводили Евангелие.

[20] *Белый А.* Христос Воскрес. Пб.: Алконост, 1918. С. 2.

[21] *Яранцев В. Н.* Структура идеального пространства в романе А. Белого «Петербург» // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск. 1997. № 4. С. 49.

[22] *Шубникова-Гусева Н. И.* Поэма-загадка. Масоны в жизни и творчестве Есенина // ExLibris НГ: Книжное обозрение. 1998, 1 апр., № 12 (33). С. 8.

[23] *Святитель Иоанн Златоуст.* Полное Собрание творений. Т. 2. Кн. 2. Творения. Спб.: Изд-во Санкт-Петербургской Духовной академии, 2006. С. 18.

[24] *Львов-Рогачевский В.* Новейшая русская литература. 2-е изд., испр. и доп. М., 1924. С. 323–324.

[25] Русская мысль. София. 1921. Кн. I/II. С. 220–221.

[26] *Лихачёв Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. С. 143.

[27] *Пиевская И. М.* Системные отношения религиозного дискурса: (на материале английского и русского переводов «Книги Псалмов»). Диссертация на соискание учен. степ. канд. филол. наук. Воронеж, 2006. С. 15

[28] *Лихачёв Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. С. 144.

[29] *Скороходов М. В.* Маленькие поэмы Есенина 1918 года (О поэтике заглавия) // Российский литературоведческий журнал. № 11 (1997). С. 49.

[30] *Мень А., прот.* Опыт курса по изучению священного писания. Загорск, 1982. С. 67.

[31] Там же. С. 68.

[32] Толковая Библия. Новый Завет. Т. 1. Под ред. А. П. Лопухина. М.: Даръ, 2009. С. 98.

[33] *Афанасий Великий, св.* Творения в четырех томах. Т. IV. М.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1994. Репринтное воспроизведение издания: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1902–1903, из фондов Государственной Исторической библиотеки. С. 71.

[34] *Александр Шмеман, протопресвитер.* Водою и Духом: о таинстве крещения. М.: Гнозис; Паломник, 1993. С. 16.

[35] Молитвослов. М.: Приход, 2011. С. 24, 49.

[36] *Воронова О. Е.* Сергей Есенин и русская духовная культура: Научное издание. Рязань: Узорочье, 2002. С. 123.

Н. В. Михаленко (Москва)

ТВОРЧЕСТВО С. А. ЕСЕНИНА В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФСКИХ ИСКАНИЙ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Мир дореволюционной лирики С. А. Есенина сложен и синкретичен, в нём переплелись христианские и языческие мотивы, в художественной форме воплотились отголоски исканий русских религиозных мыслителей начала XX века, теоретиков искусства. Многие особенности лирики Есенина связаны с его мироощущением этого периода, сформированным как под влиянием философских и художественных течений переходного, трагического, очень насыщенного времени, так и собственных поисков истины.

В конце XIX – начале XX века, на стыке эпох, в кризисное, тяжёлое время в философско-литературных, искусствоведческих кругах возрождается интерес к истокам культуры, древнерусскому искусству. В этот период появляются работы об иконописи Н. П. Кондакова[1], Ф. И. Буслаева[2], В. М. Васнецова[3], Н. В. Покровского[4], Е. Н. Трубецкого[5], П. А. Флоренского[6] и др. Для многих художников (М. А. Врубеля, В. М. Васнецова, М. В. Нестеров, Н. К. Рерих и др.) актуальными становятся иконописные темы, помогающие осмысливать происходящие в стране события. Колористические решения, обратная перспектива, сферическое пространство древнерусского искусства отразились во многих художественных работах того времени.

В философии иконы, её устремлённости к горнему многие мыслители искали ответы на вопросы современности. Е. Н. Трубецкой в статье «Умозрение в красках» писал: «...древнерусские иконописцы с поразительной ясностью и силой воплотили в образах и красках то, что наполняло их душу, – видение иной жизненной правды и иного смысла мира»[7].

Есенин чутко откликался на эти тенденции[8]. В его творчестве отразились многие иконописные категории (цветовая символика иконы и её пространственная организация), а также некоторые живописные интерпретации вечных тем. Например, в стихотворении «Не ветры осыпают пущи» создана словесная икона: «Не ветры осыпают пущи, / Не листопад златит холмы. / С голубизны незримой кущи / Струятся звёздные псалмы. // Я вижу – в просиничном плате, / На легкокрылых облаках, / Идёт возлюбленная Мати / С Пречистым Сыном на руках» [I, 44].

Вопросы о человеке и Боге, смысле бытия, назначении христианства поднимались религиозно-философскими мыслителями – С. Н. Булгаковым, Н. А. Бердяевым, В. С. Соловьёвым и др. Эти темы отразились и в художественных произведениях того времени – в стихах и поэмах Н. А. Клюева, А. А. Блока, А. Белого, Н. С. Гумилёва и многих других поэтов и прозаиков.

Такие идеи общественно-философской мысли оказали влияние на мировоззрение и творчество Есенина. Один из коренных вопросов начала века – о соотношении небесного и земного, горнего и дольнего – был значим и для поэта. Н. Ф. Фёдоров, Бердяев, Булгаков говорили о единстве земного и Небесного Градов, их тесной взаимосвязи.

Так, Бердяев писал: «Аскетизм [христианства] – продукт болезненного дуализма: разрыва между небом и землёй, духом и плотью, трансцендентным и имманентным, загробной жизнью и жизнью здешней»[9]. «Древо жизни уходит не только в невинное голубое небо весенними клейкими листочками, но и в тёмное, вечно-рождающее, вечно сладострастное "чрево" матери сырой земли корнями своими. Пока земля не небесная – она всё ещё старая, языческая земля; пока небо не земное – оно всё ещё старое, не христианское, только кажущееся "христианским" небом»[10]. По евангельскому слову, должны явиться «новая земля и новое небо». Для философа это означает, что земля станет небесной, а небо – земным, что царство Христа объединит дольний и горний миры.

Образ есенинского милостника Миколы соединял, нёс в себе черты горнего и дольнего. Он не только молитвенник за всех людей перед Богом, но и их помощник в обыденных делах: «В шапке облачного скола, / В лапоточках, словно тень, / Ходит милостник Микола / Мимо сёл и деревень. // На плечах его котомка, / Стягловица в две тесьмы, / Он идёт, поёт негромко / Иорданские псалмы»; «И идёт стопой неспешной / По селеньям, пустырям: / "Я жилец страны нездешной, / Прохожу к монастырям"» [II, 12] Образ Миколы связывает людей и Бога: «На престоле светит зорче / В алых ризах кроткий Спас. / "Миколае-чудотворче, / Помолись ему за нас"» [II, 15].

Для лирического героя Есенина земля так же священна, как и небо: «Счастлив, кто в радости убогой, / Живя без друга и врага, / Пройдёт просёлочной дорогой, / Молясь на копны и стога» [I, 41]; «Гой ты, Русь моя родная, / Хаты – в ризах образа... / Не видать конца и края – / Только синь сосёт глаза. // Как захожий богомолец, / Я смотрю твои поля. / А у низеньких околиц / Звонно чахнут тополя» [I, 50].

В работе «Смысл творчества» (входила в личную библиотеку Есенина) Бердяев говорил о своей вере в «божественность мира, во внутреннюю божественность мирового процесса, в небесность всего земного, в божественность лика человеческого», жизни. Он писал о взаимосвязи и взаимозависимости вечного и бренного: «Мир божествен по своей природе. Человек божествен по своей природе. Мировой процесс есть самооткровение Божества, он совершается внутри

Божества. <...> Всё, совершающееся с человеком, совершается с Богом. Не существует дуализма божественной и внебожественной природы...»[11]. Поэтому и Бога можно увидеть в каждом человеке, необходимо лишь узреть в ветхом облике вечное. Например, как в стихотворении Есенина «Не ветры осыпают пущи...»: «И в каждом страннике убогом / Я вызнавать пойду с тоской, / Не Помазуемый ли Богом / Стучит берестяной клюкой» [I, 44]. «И может быть, пройду я мимо / И не замечу в тайный час, / Что в елях – крылья херувима, / А под пеньком – голодный Спас» [I, 45].

В «Ключах Марии», говоря об орнаменте, Есенин писал о страннической начале в душе русского народа, о стремлении его к горнему миру: «Но никто так прекрасно не слился с ним, <...> как наша древняя Русь, где почти каждая вещь через каждый свой звук говорит нам знаками о том, что здесь мы только в пути, что здесь мы только "избяной обоз", что где-то вдали, <...> поёт нам райская сирена и что за шквалом наших земных событий недалёк уже берег» [V, 186]. Параллелизм, взаимосвязь земных и небесных процессов волновали поэта, формируя его картину мира: «Вязь поэтических украшений подвластна всем. <...> Гермес Трисмегист говорил о том, что "что вверху, то внизу, что внизу, то вверху. Звёзды на небе и звёзды на земле"...» [V, 197].

Бердяев писал о стремлении человека увидеть во временном вечное: «Не в исполнении закона, не в моральности поведения сущность религиозности, а в томлении по мирам иным, в усилии увидеть свет нездешний...»[12]. В творчестве Есенина постоянно звучит эта тема – возможности и способности человека открыть, узреть божественные знаки в бренном мире. Эти знаки освещают землю, приближают её к небу. Для лирического героя Есенина природа становится символом, отголоском божественного: «Там, где вечно дремлет тайна, / Есть нездешние поля. / Только гость я, гость случайный / На горах твоих, земля» [I, 104–105]. Всё творчество Есенина проникнуто представлением о другой, чаемой земле. За картинами мира дольнего его герой прозревает образы мира горнего. Рассуждая о скрытой символике буквы «б», Есенин пишет: «...воздух и земля по отношению друг к другу опрокинутость» [V, 199].

Литургичный, иконичный мир дореволюционной лирики Есенина проникнут благодатью, божественным светом. Природа представляется его лирическому герою источником откровения: «Позабыв людское горе, / Сплю на вырублях сучья. / Я молюсь на алы зори, / Причащаюсь у ручья» [I, 53]. В череде земных знаков он ищет символы мира небесного, направляющие его в страннической пути.

Сквозь черты природы поэт «прозревает» Бога, явление Богородицы и святых. Причём подобное «прозрение» совершается в картинах самой обыденной, неказистой природы, что говорит о способности героя к тайновиденью, открытию вечных образов за земными гранями: «Схимник-ветер шагом осторожным / Мнёт листву по выступам дорожным // И целует на рябиновом кусту / Язвы красные незримому Христу» [I, 43]. Цель героя – узреть разворачивающуюся

перед ним внехрамовую литургию: «Между сосен, между ёлок, / Меж берёз кудрявых бус, / Под венком, в кольце иголок, / Мне мерещится Исус. // Он зовёт меня в дубровы, / Как во царствие небес» [I, 56]; «Троицыно утро, утренний канон, / В роще по берёзкам белый перезвон» [I, 31]; «У лесного аналоя / Воробей псалтырь читает. // Кто-то в солнечной сермяге / На ослёнке рыжем едет. // Прядь волос нежней кудели, / Но лицо его туманно. / Никнут сосны, никнут ели / И кричат ему: "Осанна!"» [I, 55]. Характерно, что в статье «Ключи Марии» Есенин подробно останавливается на таком «непрерывном богослужении», явленном в орнаменте, считая его постоянным славословием божеству: «Мы заставили жить и молиться вокруг себя почти все предметы» [V, 192]. Основанием для подобного раскрытия и упорядочивания картины мироздания служило то, что «представление о воздушном мире не может обойтись без средств земной обстановки» [V, 197]. Сравните с высказыванием Бердяева в работе «Смысл творчества»: «Всё внешнее, предметное, материальное есть лишь символизация свершающегося в глубине духа, в Человеке»[13].

Эти вопросы отразились и в творчестве Фёдорова. Он писал, что завет христианства заключается именно «в соединении небесного с земным, божественного с человеческим»[14]. Продолжая свою мысль, он отмечал, что Благодать Божия, осеняющая род людской, вставший на путь спасения, «всё земное превращает в небесное, даже в вещественном (материальном) смысле»[15], преображая природу.

Бердяев писал о должном гармоничном слиянии язычества и христианства: «Человек нового религиозного сознания не может отречься ни от язычества, ни от христианства, и там и здесь он видит божественное откровение: в жилах его текут два потока крови и производят бурю, в голове его мысли двоятся». Новое религиозное сознание «жаждет синтеза, преодоления двойственности, высшей полноты, должно вместить что-то такое, что раньше не вмещалось, соединить два полюса, две противоположные бездны»[16].

Этот синкретизм, соединение христианских и языческих или природных образов ярко проявилось в лирике Есенина, особенно в его ранних стихах: «Позабыв людское горе, / Сплю на вырублях сучья. / Я молюсь на алы зори, / Причащаюсь у ручья» [I, 53]. Молебен о даровании дождя и его заклички соединяются в едином обряде: «Открывались небесные двери, / Дьякон бавкнул из кряжистых сил: / "Еще молимся, братья, о вере, / Чтобы Бог нам поля оросил". // Заливались весёлые птахи, / Крапал брызгами поп из горстей, / Стрекотуньи-сороки, как свахи, / Накликали дождливых гостей. <...> // На коне — чёрной тучице в санках — / Билось пламя-шлея... синь и дрожь. / И кричали парнишки в еланках: / "Дождик, дождик, полей нашу рожь!"» [I, 62–63]; «И часто я в вечерней мгле, / Под звон надломленной осоки, / Молюсь дымящейся земле / О невозвратных и далёких» [I, 71]; «И не отдам я эти цепи, / И не расстанусь с долгим сном, / Когда звенят родные степи / Молитвословным ковылём» [I, 84].

В маленьких библейских поэмах этот синтез достигает своей вершины. Так, например, в «Октоихе»: «"О Дево / Мария! – / Поют небеса. – / На нивы златые / Пролей волоса. // Омой наши лица / Рукою земли. / С-за гор вереницей / Плывут корабли"» [II, 42]. В «Преображении»: «Древняя тень Маврикии / Родственная нашим холмам, / Дождиком в нивы златые / Нас посетил Авраам» [II, 61].

Булгаков[17] в очерке о Ф. М. Достоевском писал об идеале христианства, о должном стремлении всех людей: «Введение всей жизни человечества в сферу жизни церковной, которое обещано нам под новым небом и на новой земле, устроение её сообразно высшему идеалу, открывшемуся нам во Христе»[18]. В работе «Софийность хозяйства» он отмечал: «Мир теперешний, мир падший, не отвергнут Богом окончательно, в Боге содержится идеальный образ этого мира, каждой вещи в нем, каждого человека, "грядущего в мир"; содержится в красоте, славе и нетлении»[19]. Соединяет мирское и божественное София, Премудрость Божия, которая «"реет" над мирозданием, излучает в него божественный свет, живой нитью связывает его с Богом»[20], «передаёт эти божественные силы нашему миру, просветляя его, поднимая его из хаоса к космосу»[21]. Целью человечества становится «*путь* <...> к Софии осуществлённой, переход от неистинного состояния мира к истинному, трудовое восстановление мира»[22].

Похожие вопросы волновали и художников. Так, ещё в 1910-е гг. К. Ф. Юон отмечал: «жажда двух начал боролись и борются в душе и ищут выхода: характера и красоты. К характерному я отношу всю житейскую суету жизни... С другой стороны, стоящая над жизнью высоким сводом Божественная непреходящая красота, волшебный свет, волшебные краски – всё это в нескончаемом движении и перемещении, как в вечном калейдоскопе. Созерцание жизни было хотя и привлекательным, но мучительным и горестным, – созерцание неба и природы – всегда возвышенным благоговением и славословием»[23]. У Есенина мы можем найти похожие строки: «Глаза, увидевшие землю, / В иную землю влюблены» [I, 25]; «И ты, как я, в печальной требе, / Забыв, кто друг тебе и враг, / О розовом тоскуешь небе / И голубиных облаках» [I, 67].

Образ Христа, соединившего в себе земную и небесную природу, явившего божественный образ в земном мире, был в конце XIX – начале XX века актуален для философов и богословов. Он важен и для всего творчества Есенина. Бердяев в книге «Смысл творчества» подчёркивал слияние двух природ во Христе, а, следовательно, говорил об обожении человека: «Человеческая природа в первооснове своей через абсолютного Человека – Христа уже стала природой Нового Адама и воссоединилась с природой Божественной – она не смеет уже чувствовать себя оторванной и уединённой <...>»[24]; «Сам Бог умер на кресте и воскрес, чтобы открыть миру истину о всеобщем воскресении, об окончательной победе над смертью, о вечной, радостной и свободной жизни»[25] – философ отрицал дуализм божественной и внебожественной природы Христа[26].

В письмах Г. Панфилову Есенин много говорил о Христе, считая его примером для подражания, видя в нём человека, поднявшегося на неизмеримо высокую ступень духовного развития: «На людей я стал смотреть тоже иначе. Гений для меня — человек слова и дела, как Христос» [VI, 33]; «Гриша, в настоящее время я читаю Евангелие и нахожу очень много для меня нового... Христос для меня совершенство» [VI, 25]. Он говорил о своей вере в Христа именно как в человека, «одарённого светлым умом и благородною душою, как в образец в последовании любви к ближнему» [VI, 25]. Поэтому человек может и должен повторить путь Христа, человеческая природа должна быть преображена: «И в каждом страннике убогом / Я вызнавать пойду с тоской, / Не Помазуемый ли Богом / Стучит берестяной клюкой» [I, 44]. Подобные мысли Есенин будет высказывать и в статье «Ключи Марии», говоря о возможностях человека, его жизненной цели: «Разбираясь в узорах нашей мифологичной эпики, мы находим целый ряд указаний на то, что человек есть ни больше, ни меньше, как чаша космических обособленностей» [V, 195].

И от этой веры в человека рождается мысль поэта о единстве всех людей, о соборности: «Люди, посмотрите на себя, не из вас ли вышли Христы и не можете ли быть Христами? Разве я при воле не могу быть Христом, разве ты тоже не пойдёшь на крест, насколько я тебя знаю, умирать за благо ближнего?» [VI, 35–36]. Те же мысли отразились и в «Певущем зове»: «Все мы — яблони и вишни / Голубого сада. // Все мы — гроздья винограда / Золотого лета, / До кончины всем нам хватит / И тепла и света!» [II, 28]. Созвучны словам поэта и строки из книги Л. Н. Толстого «Путь жизни», входившей в личную библиотеку Есенина: «Главное в учении Христа, это то, что Он всех людей признавал братьями. Он видел в человеке брата и потому любил всякого, кто бы он ни был и какой бы он ни был»[27]. Толстой писал о родстве всех людей как о родстве душ: «Помни, что в каждом человеке живёт тот же дух, какой живёт и в тебе, и потому чти как святыню и свою душу и душу каждого человека»[28].

Похожие идеи встречаются и в рассуждениях Бердяева, когда он говорит о необходимости отринуть «эгоистическое стремление к самоспасению». Только освободившийся от себя «отдельного и оторванного, силён быть творцом и лицом»[29].

Обрести благодать в поисках Небесного Иерусалима, по мнению Бердяева, могут странники. Именно странническое, «взыскующее Христа» начало близко к преображённой природе. В 1918 году философ писал: «Тип странника так характерен для России и так прекрасен. Странник — самый свободный человек на земле. Он ходит по земле, но стихия его воздушная, он не врос в землю, в нём нет приземистости. Странник свободен от "мира" и вся тяжесть земли и земной жизни свелась для него к небольшой котомке на плечах»[30]. Характерно, что в лирике Есенина есть образ странствующего Христа — «Шёл Господь пытать людей в любови...». Образы странников-богоискателей встречаются в есенинской лири-

ке очень часто, они вписаны в природу, проникнуты божественным светом: «Пойду в скуфье смиренным иноком / Иль белобрысым босяком / Туда, где льётся по равнинам / Берёзовое молоко. / <...> Счастлив, кто в радости убогой, / Живя без друга и врага, / Пройдёт просёлочной дорогой, / Молясь на копны и стога» [I, 40–41]. В письме Панфилову поэт говорил об этом постоянном движении к Небесному Граду: «В жизни должно быть искание и стремление, без них смерть и разложение» [VI, 37].

Христос, странники призваны собрать, объединить разобщённый род людской, сплотить для мирового делания. О соборном идеале жизни писали многие мыслители начала XX века. Фёдоров отмечал, что такой тип взаимодействия явлен в Божественной Троице — «единстве без слияния, различии без розни»[31]. Философ приводил пример преп. Сергия Радонежского, учившего «взиранием на Святую Троицу побеждать страх пред ненавистной раздельностью мира»[32]. Достоевский говорил о «всесветном единении во имя Христово»[33]. Н. О. Лосский трактовал соборное мироустройство не только как гармоничную духовную, но и физическую организацию: «В этом Царстве осуществляется не только совершенное единодушие, но и совершенное общение тел»[34]. Сравните у Достоевского: «Мы будем — лица, не переставая сливаться со всём»[35]. Есенин в письмах Панфилову развивал эту идею, говоря, что при осуществлении соборного мироустройства человечество достигнет земного рая: «Да, Гриша, люби и жалей людей — и преступников, и подлецов, и лжецов, и страдальцев, и праведников: ты мог и можешь быть любым из них. <...> Все люди — одна душа» [VI, 36–37]; «Если бы люди понимали это, а особенно учёные-то, то не было крови на земле и брат не был бы рабом брата» [VI; 37]. В «Пути жизни», рассуждая о смысле неравенства людей, Толстой писал: «В каждом человеке живёт тот дух, выше чего нет ничего на свете»[36]. Духовное преображение людей понимается Толстым как соборное единение: «Души человеческие, отделённые телами друг от друга и от Бога, стремятся к соединению с <...> душами других людей любовью, с Богом — сознанием своей божественности»[37].

Тема соборности, единства людей – основная для Фёдорова, в его работах она сопряжена с делом всеобщего воскрешения. Так, литургию он понимал как «дело всеобщего воскрешения», которая должна соединить всю жизнь, «не духовную только, или внутреннюю, но и внешнюю, мирскую, светскую, превращая её в дело воскрешения»[38]. Дело воскрешения предков должно стать главным делом людей: «В день желанный Триединый Бог станет образцом для подражания всем поколениям земным в совокупности, а не идеалом недоступным <...> вся вселенная будет объединением бесчисленных миров необъятного небесного пространства тьмами тел воскрешённых поколений, в бесчисленные века землёю поглощённых»[39].

Таким образом должна произойти победа над властью времени, измениться человеческая природа: «Сыны воскрешающие и родители воскрешённые, пол-

ному обновлению бытия своих чад соответствующие, те и другие, обратившие всепожирающую силу времени в воссоединяющую, – те и другие не могут иметь конца во времени». Эти люди становятся «руководителями, регуляторами природы, они спасают и мир от конца во времени. <...> Только святейшее дело, воскрешение, движимое всех объемлющею, родственною любовью, соединяет и объединяет предыдущее с последующим и даруя тому и другому бессмертие». Это позволит соединить прошлое и будущее в «непрерывно живущее, неумирающее Настоящее»[40].

В «Отчаре» Есенина явлено такое воскрешение предков, единство людей, над которыми больше не властно время: «Там дряхлое время, / Бродя по лугам, / Все русское племя / Сзывает к столам. // И, славя отвагу / И гордый твой дух, / Сычёною брагой / Обносит их круг» [II, 39–40]. В «Пантократоре» обновлённый человек стремится разрушить оковы смерти, войти в Небесный Град, Инонию: «С земли на незримую сушу / Отчалить и мне суждено. / Я сам положу мою душу / На это горящее дно. // Но знаю – другими очами / Умершие чуют живых. / О, дай нам с земными ключами / Предстать у ворот золотых» [II, 75]; «И пусть они, те, кто во мгле / Нас пьют лампадой в небе, / Увидят со своих полей, / Что мы к ним в гости едем» [II, 76].

В «Октоихе» предки лирического героя изображены живущими в небесных обителях, но они не отделены от мира людей, продолжают свои земные дела: «Осанна в вышних! / Холмы поют про рай. / И в том раю я вижу / Тебя, мой отчий край, // Под Маврикийским дубом / Сидит мой рыжий дед, / И светит его шуба / Горохом частых звезд» [II, 44]; «Вижу тебя, Инония, / С золотыми шапками гор. / Вижу нивы твои и хаты, / На крылечке старушку мать; / Пальцами луч заката / Старается она поймать. / Прищемит его у окошка, / Схватит на своем горбе, – / А солнышко, словно кошка, / Тянет клубок к себе» [II, 65].

В полифоническом обилии высказываний о будущем России и совершенствовании человека основной темой для философов, литераторов, теоретиков искусства, эстетиков было стремление к установлению гармоничного мироустройства, связанного с образами преображённой природы человека и соборного единства обновлённых людей. Идеалом, знаком в этом пути совершенствования признавалась личность Христа. В творческом сознании, а впоследствии и в художественном мире Есенина такое богатство идей отразилось в поэтике внехрамовой литургии, образах библейских персонажей, особом синтетическом зрении лирического героя, проникнутости природы горними символами.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Кондаков Н. П.* Иконография Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа. СПб.: Комитет попечительства о русской иконописи, 1905. *Кондаков Н. П.* Иконография Богоматери. Т. 1. СПб.: Отд-ние рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук, 1914. Т. 2. 1915.

[2] *Буслаев Ф. И.* Общие понятия о русской иконописи // Сборник на 1866 год, изданный Обществом древнерусского искусства при Московском Публичном музее. М., 1866. *Он же.* Русский лицевой Апокалипсис. Свод изображений из лицевых апокалипсисов по русским рукописям с XVI века по XIX. М.: Синод. тип., 1884. *Он же.* Изображение Страшного Суда по русским подлинникам // *Буслаев Ф. И.* Соч. по археологии и истории искусства: ист. очерки русской нар. словесности и искусства Соч. Т. II / СПб.: Отд. рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук 1910.

[3] *Васнецов В. М.* О русской иконописи // Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Кн. V. Пг.: Изд. Соборн. совета, 1918.

[4] *Покровский Н. В.* Евангелие в памятниках иконографии, преимущественно византийских и русских. СПб.: Тип. Деп. уделов, 1892. *Он же.* Очерки памятников христианской иконографии и искусства. СПб.: Синод. тип., 1900.

[5] *Трубецкой Е. Н., кн.* Умозрение в красках // Три очерка о русской иконе. М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина. 1916.

[6] *Флоренский П., свящ.* Избранные труды по искусству. М.: Изобразит. ис-во, 1996.

[7] *Трубецкой Е. Н., кн.* Умозрение в красках. С. 7.

[8] В личной библиотеке Есенина была книга Н. П. Кондакова «Иконография Богоматери». В Спас-Клепиковской второклассной школе, где учился Есенин, изучение иконописи входило в программу занятий. («Требуется пройти довольно обширную общеобразовательную программу и специально педагогическую. Кроме этого, ведутся уроки по музыке, иконописи...» (Летопись жизни и творчества С. А. Есенина: В пяти томах. Т. 1. 1895–1916. М.: ИМЛИ РАН. 2003. С. 490.)

[9] *Бердяев Н. А.* Новое религиозное сознание и общественность. Мистика и религия // *Бердяев Н. А.* Новое религиозное сознание и общественность. СПб.: Издание М. В. Пирожкова. 1907. С. XXVIII.

[10] *Бердяев Н. А.* О новом религиозном сознании // *Бердяев Н. А.* Sub specie aeternitatis. Опыты философские, социальные и литературные (1900–1906 гг.) / Составление и комментарии В. В. Сапова. М.: Канон +. 2002. С. 389.

[11] *Бердяев Н. А.* Смысл творчества. М., 1916. С. 11.

[12] *Бердяев Н. А.* Мистика и религия // *Бердяев Н. А.* Новое религиозное сознание и общественность. Издание М. В. Пирожкова, СПб, 1907. С. XXVII.

[13] *Бердяев Н. А.* Смысл творчества. С. 15.

[14] *Фёдоров Н. Ф.* Собр. соч.: В 4 т. / Сост., подгот. текста и коммент. А. Г. Гачевой, С. Г. Семёновой. Т. I. М.: Прогресс, 1995. Т. I. М., 1995. С. 61.

[15] Там же. Т. II. С. 212.

[16] *Бердяев Н. А.* О новом религиозном сознании. С. 382.

[17] В Московском городском народном университете имени А. Л Шанявского, где учился Есенин, в 1913–1914 учебном году в программе историко-философского цикла был семинар С. Н. Булгакова по философии и религии, который поэт мог посещать и, возможно, знакомиться с идеями этого мыслителя.

[18] *Булгаков С. Н.* Очерк о Ф. М. Достоевском. Чрез четверть века (1881–1906) // *Булгаков С. Н.* Тихие думы / Сост., подгот. текста и коммент. В. В Сапова; послесл. К. М. Долгова. М.: Республика, 1996. С. 191.

[19] *Булгаков С. Н.* Софийность хозяйства // Русский космизм: Антология философской мысли / Сост. С. Г. Семёновой, А. Г. Гачевой; вступ. ст. С. Г. Семёновой; предисл. к текстам С. Г. Семёновой, А. Г. Гачевой; прим. А. Г. Гачевой. М.: Педагогика-Пресс, 1993. С. 131.

[20] Там же.

[21] Там же. С. 133.

[22] Там же. С. 140.

[23] *Юон К. Ф.* Автобиография / Предисл. проф. А. А. Сидорова. М., 1926. С. 46.

[24] *Бердяев Н. А.* Смысл творчества. Опыт оправдания человека. М., 1916. С. 19.

[25] *Бердяев Н. А.* О новом религиозном сознании. С. 387.

[26] Бердяев, говоря о значении пришествия Христа, писал, что человечество смогло увидеть лишь муки Голгофы, но не радость воскрешения, победы над смертью: «Чего хочет новое религиозное сознание, какое последнее его желание, чем отличается от старого сознания? Последнее наше желание, влекущее нас к религии, — жажда вечности и полноты бытия, окончательной победы над смертью и узостью жизни. Каждое человеческое существо кончит смертью и всё человечество кончит смертью и вся жизнь наша наполнена частичной смертью, — вот этого ужаса окончательного небытия мы не можем, не хотим и не должны вынести» (*Бердяев Н. А.* О новом религиозном сознании. С. 383). «Новое религиозное сознание возвращается к глубоким истокам всякой религии, к преодолению смерти в вечном, полном, свободном бытии личности и преодолению Голгофы в Воскресении» (Там же. С. 388). Об этом писал и Есенин в библейских поэмах: «Тело, Христово тело, / Выплевываю изо рта. / Не хочу воспринять спасения / Через муки его и крест: / Я иное постиг учение / Прободающих вечность звезд. / Я иное узрел пришествие – / Где не пляшет над правдой смерть. / Как овцу от поганой шерсти, я / Остригу голубую твердь» [II, 61]. «Языком вылижу на иконах я /Лики мучеников и святых. / Обещаю вам град Инонию, / Где живёт Божество живых!» [II, 62]. «Зреет час преображенья, / Он сойдёт, наш светлый гость, // Из распятого терпенья / Вынуть выржавленный гвоздь» [II, 56].

[27] *Толстой Л. Н.* Путь жизни // *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. Т. 45. Репринт. воспр. изд. 1928–1958 гг. М.: Терра, 1992. С. 50.

[28] Там же. С. 54.

[29] *Бердяев Н. А.* Смысл творчества. С. 9.

[30] *Бердяев Н. А.* Душа России. Л.: Предприятие «Сказ», 1990. С. 12–13.

[31] *Фёдоров Н. Ф.* Т. I. С. 96.

[32] Там же. Т. I. С. 64.

[33] *Булгаков С. Н.* Очерк о Ф. М. Достоевском. Чрез четверть века (1881–1906) // *Булгаков С. Н.* Тихие думы. С. 199.

[34] *Лосский, Н. О.* Ценность и бытие // *Лосский Н. О.* Бог и мировое зло: Сб. / Предисл. С. Левицкого; примеч. Р. К. Медведевой. М.: Республика, 1994. С. 276.

[35] *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1980. Т. 20. С. 174.

[36] *Толстой Л. Н.* Путь жизни. С. 49–50.

[37] Там же. С. 21.

[38] *Фёдоров Н. Ф.* Т. 1. С. 171.

[39] Там же. Т. II. С. 260.

[40] Там же. С. 84–85.

В. Ю. Евдокимова *(Константиново)*

ВЛИЯНИЕ ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ Л. Н. ТОЛСТОГО НА РАННЕЕ ТВОРЧЕСТВО С. А. ЕСЕНИНА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Вопрос о влиянии философско-эстетических взглядов Л. Н. Толстого на раннее творчество С. А. Есенина (1910–1915 гг.) малоизучен. Между тем отдельные наблюдения о круге чтения Есенина[1], изучение личной библиотеки поэта[2], а также указанные в комментариях к тому писем поэта переклички с произведениями «великого старца» и свидетельства современников позволяют очертить круг выявленных источников и свидетельствуют о важности этой темы. Она представляется нам актуальной, поскольку философско-эстетическая составляющая творчества Есенина активно исследуется в наши дни.

Уже в 1970-е гг. главным хранителем Государственного музея-заповедника С. А. Есенина Л. А. Архиповой была начата, а затем систематически продолжена ей и другими исследователями разработка темы «Личная библиотека Есенина», в которой нас в первую очередь интересуют книги Толстого. Первое публичное сообщение о некоторых результатах работы было сделано в 1990 г., через четыре года вышла статья Архиповой «Из круга чтения С. А. Есенина», где впервые дана развёрнутая характеристика содержания личной библиотеки Есенина, в ней была, как сообщала исследовательница, и книга Толстого «Анна Каренина». В названной работе были также частично описаны отдельные издания, хранящиеся в фондах музея-заповедника[3].

В эти же годы в Институте мировой литературы им. А. М. Горького РАН велась подготовка Полного собрания сочинений поэта, в процессе которой были изучены как государственные архивные фонды, связанные с Есениным и его окружением, так и есенинские материалы в доступных исследователям частных собраниях. Это позволило, в том числе, проанализировать влияние творчества Толстого на начинающего поэта, обратить внимание на произведения писателя, которые читал Есенин. В дальнейшем работа по изучению библиотеки Есенина была продолжена. В статье С. И. Субботина «Библиотека Сергея Есенина» есть упоминание о книге Толстого «Круг чтения» – сборнике, неоднократно переиздававшемся в начале XX века. По сохранившимся фрагментам книги из есенинской библиотеки исследователь выявил, что это издание выходило в

1911–1913 гг. в издательстве И. Д. Сытина отдельными выпусками, и предположил, что поэтом были приобретены все четыре выпуска, но в полном виде они до наших дней не дошли[4].

Некоторые места этого сборника были отмечены Есениным, что позволяет говорить о его интересе к творчеству Толстого и о той роли, которую воззрения писателя оказали на формирование личности поэта. Мы можем судить о знакомстве Есенина с названной книгой по его ранним письмам к Григорию Панфилову. Так, в одном из них, написанном до 18 августа 1912 г., наблюдается явная перекличка с «Кругом чтения» Толстого: Есенин пишет Панфилову: «Я тоже не читаю, не пишу пока, но думаю» [VI, 12]. Одна из рекомендаций Толстого очень похожа, и это отмечено С. И. Субботиным в комментариях к письму: «Меньше читайте, меньше учитесь, больше думайте. Учитесь и у учителей и в книгах только тому, что вам нужно и хочется знать» (Круг чтения, 1, 30) [VI, 260]. Кроме «Круга чтения», в комментариях к ранним письмам Есенина отмечены переклички с работой Толстого «Путь жизни», изданной в 1911 г., которые будут учитываться в данном исследовании.

Наша задача состоит в том, чтобы продолжить изучение источников, позволяющих выявить влияние философско-эстетических взглядов Толстого на раннее творчество поэта. Особенно важными представляются пометы, сделанные Есениным при чтении книг Толстого и до настоящего времени в полном объёме не изученные.

Показательна сама атмосфера, в которой складывались взгляды юного поэта. Обращаясь к творчеству Есенина, а также к его мировосприятию раннего периода, нельзя не отметить серьёзные вопросы, которые начинающий лирик ставит перед собой, в том числе в стихотворениях: о смысле и ценности человеческой жизни, о религии, о творчестве. Толстой в своих произведениях также рассматривал многие их них, ставил вопросы, искал ответы на них. В годы, на которые пришлась юность Есенина, творчество Толстого вызывало критику и споры в печати, которые не могли не обратить на себя внимания начинающего поэта.

Каждый из писателей в разное время своей жизни приходит к духовному самоанализу, поиску себя и своих духовных начал. В «Исповеди» Толстой пишет: «Я жил так, т<о> е<сть> в общении с народом, года два, и со мной случился переворот. Со мною случилось то, что жизнь нашего круга – богатых, учёных – не только опротивела мне, но потеряла всякий смысл. Все наши действия, рассуждения, наука, искусство – всё это предстало мне в новом значении. Я понял, что всё это одно баловство, что искать смысла в этом нельзя»; «Я возненавидел себя, и я признал истину. Теперь мне всё ясно стало»[5].

Вполне вероятно, что поэт, стремившийся многое узнать, большое внимание уделял изучению идей Толстого, несмотря на запрет на публикацию его трактатов и статей. В России в тот период обсуждение произведений писателя было важно и актуально, отклики на трактаты и романы поступали от представителей

самых разных слоёв общества. Так, М. Каменев в статье «Несколько мыслей светского читателя по поводу сочинения графа Толстого "В чём моя вера?"» связывал учение писателя с «духоборческой сектой», в которой писатель якобы объявлял себя пророком, называл жизнь писателя комедией, сыгранной для простого народа, и пытался развенчать основные положения трактата. Свой труд автор завершал словами: «Дай Бог, чтобы чрезвычайный пример религиозного умопомешательства отрезвил умы последователей пагубного толстовского учения и возвратил бы их в лоно православной Церкви!»[6] Но это мнение разделяли не все, особенно в предреволюционные годы. В предисловии к трактату «Что такое религия и в чём сущность её?» отмечено: «Сейчас, когда в России идёт ломка всех понятий, надо особенно внимательно прислушаться к голосу Толстого. Великая заслуга этого могучего, оригинального и истинно свободного ума та, что он сумел разделить в своём сознании понятия церкви и религии. Он показал, — и теоретически, в своих сочинениях, и практически, собственной жизнью, — что можно быть религиозным вне церкви, что та выродившаяся в хищническое жреческое сообщество и закостеневшая в самом грубом невежестве организация. Эта организация и истинная религия противоположны друг другу»[7].

Д. С. Мережковский в статье «Л. Толстой и Достоевский», посвящённой исследованию жизни и творчества двух русских писателей, писал, что всеобщее воодушевление, связанное с духовным переломом Толстого, бесполезно. Критик считал, что в писателе уживаются два разных человека, которые не знают точно, чего же хотят, и, по его мнению, было бы правильней «сказать о себе, пред лицом всего мира, как он впоследствии говорил: "я паразит, я вошь, я блудник, вор и убийца", чем в тишине совести признать действительную меру сил своих: я до сих пор такой же ребёнок в моих старческих мыслях, как и в моих отроческих умствованиях; несмотря на всю беспредельную силу заключённого во мне художественного гения, я — в моих исканиях Бога — не вождь, не пророк, не основатель новой религии, а такой же слабый, заблудившийся, болезненно-раздвоенный человек, как все люди моего времени»[8].

А. С. Рождествин в работе «Лев Толстой в критической оценке Мережковского», опубликованной в 1902 г., подчёркивал: «Убедив себя заранее в том, что языческая душа Толстого не может быть христианскою, он [Мережковский — *В. Е.*] все усилия употребляет на то, чтобы развенчать нравственно-строгую и возвышенную жизнь Толстого. Самые достоверные сведения о личности и жизни Толстого дают, по уверению Мережковского, художественные произведения Льва Толстого, которые "в сущности один огромный пятидесятилетний дневник"»[9].

В своей статье Рождествин не соглашается с позицией Мережковского, считая, что недостаточное понимание личности и мировоззрения Толстого мешает ему «правильно смотреть на Толстого, как на художника». Рождествин замечает: «Там, где критик рассматривает Толстого-художника независимо от своей

предвзятой идеи о личности Толстого, его суждения отличаются вдумчивостью, оригинальностью. Страницы, посвящённые характеристике художественных приёмов Толстого, принадлежат к числу страниц прямо-таки замечательных. К сожалению, таких страниц в книге немного»[10].

Одновременно с противоречивыми критическими отзывами возникало толстовское движение, которое сохранилось до настоящего времени. Исследователи творчества Толстого, в числе которых Г. Я. Галаган, подчёркивали, что «неодолимую потребность в самоанализе и исповеди Толстой испытывал на протяжении всей жизни. И то, и другое – в его дневниках, которые велись почти ежедневно на протяжении 60 лет, в письмах – полуисповедях-полутрактатах, в программной публицистике 80–90-х гг. Наконец – во всём его художественном творчестве»[11]. И, несомненно, эта особенность Толстого-художника была близка Есенину с его исповедальной лирикой и требует внимания исследователей.

Г. Я. Галаган отмечает значимые черты мировоззрения Толстого: «Страстность поиска истины обратила Толстого с самого начала его творческого пути к уже "добытому знанию". Разнообразные философские построения от стоических до эпикурейских, религиозные учения разных времён и народов подвергались пристрастному анализу Толстого»[12]. Нравственно-философская проблематика определяла направленность интересов Толстого. Его интересовала жизнь человеческой души, души народа, в которой писатель видел абсолютную ценность[13]. Его раздумья нашли отражение в выпусках «Круга чтения», которые изучал Есенин. На страницах, некоторые из которых сохранились в фондах музея-заповедника, поэт отмечал заключения и выводы писателя. Например, следующие мысли, сходство с которыми мы можем обнаружить, изучая переписку Есенина с друзьями юности: «Ищи причину зла, от которой ты страдаешь, в себе. Иногда это зло прямое, непосредственное последствие твоей деятельности, иногда оно через сложную передачу вернулось на тебя, но всегда источник его в тебе, и спасение от него – в изменении твоей деятельности»; «Истина вредна только тому, кто делает зло. Делающие добро любят истину»; «Вера определяет жизнь»; «Как умирает человек один, так и живёт человек своей внутренней духовной жизнью всегда один»[14].

Особенно активные споры вызывали трактаты писателя на религиозную тему. В том же «Круге чтения» Есенин отмечает одну из мыслей от 28 августа: «Вера определяет жизнь»[15]. Религии и этике непротивления в той или иной форме посвящено всё творчество Толстого после 1878 г. В первую очередь требуется отметить «Исповедь» (1879–1881), «В чём моя вера?» (1884); «Что такое религия и в чем сущность её?» (1884), «Царство Божие внутри нас» (1890–1893), «Закон насилия и закон любви» (1908); «Не убий» (1900), «Не могу молчать» (1908). Кроме того, данный вопрос поднимался и в художественных произведениях: «Смерть Ивана Ильича» (1886), «Крейцерова соната» (1887–1879), «Воскресение» (1889–1899), «Отец Сергий» (1898), «Путь жизни» (1910). Многие произ-

ведения были исповедальными по своему характеру, а некоторые содержали теоретические основы, касавшиеся религиозных воззрений автора.

«В чем моя вера?» — один из главных религиозно-философских трактатов Толстого. Он написан в 1883–1884 гг. и практически сразу после публикации запрещён в России. В течение нескольких десятилетий не утихали споры, касающиеся этого произведения. Круг оппонентов Толстого по этому вопросу был чрезвычайно широк и многообразен по составу. Толстовское течение выражало одобрение и поддержку писателю, а представители власти и духовенства публиковали обличительные статьи.

Взгляды писателя вызывали негативные отклики, звучали призывы запретить публикацию его произведений. Был напечатан «Ответ о. Иоанна Кронштадского на обращение Л. Н. Толстого к духовенству», автор которого отмечает: «Русские люди! Хочу и вам показать безбожную личность Льва Толстого, по последнему его сочинению, изданному за границей, озаглавленному: "Обращение к духовенству", т. е. вообще к православному, католическому, протестантскому и англиканскому — что видно из самого его сочинения. В настоящее время необходимо сказать это слово <в защиту веры христианской> и представить наглядно эту безбожную личность, потому что весьма многие не знают ужасного богохульства Толстого, а знают его лишь как талантливого писателя, по прежним его сочинениям: "Война и мир", "Анна Каренина" и пр. Толстой извратил свою нравственную личность»[16].

Мы можем предположить, что Есенин, знакомясь с произведениями Толстого (как следует из его писем), изучал и эти отклики, публиковавшиеся как в популярных журналах, так и выходившие отдельными изданиями.

О своих первых стихотворных опытах Есенин замечал в автобиографиях: «Пробуждение творческих дум началось по сознательной памяти до 8 лет». «Стихи я начал писать рано, лет девяти, но сознательное творчество отношу к 16–17 годам» [VII (1), 9]. Поэт воспитывался у деда и бабки и вспоминал об этом времени: «Часто собирались у нас дома слепцы, странствующие по сёлам, пели духовные стихи о прекрасном рае, о Лазаре, о Миколе и о женихе, светлом госте из града неведомого» [VII (1), 14]. Друзья юности вспоминали, что поэта нельзя было увидеть без книги. С детства Есенин много читал, знакомился с литературным приложением к журналу «Нива», обсуждал публикации с друзьями.

Начало сознательного творчества поэта совпадает с поисками им своего духовного пути. Это время размышлений о судьбе и своём предназначении, это время, революционное для Есенина во всех отношениях: после учёбы он уехал в Москву, чтобы работать вместе с отцом, но, планируя заниматься творчеством, уходит из мясной лавки. В этот период он изучает запрещённые труды Толстого и сам становится толстовцем, размышляет о Христе и вере, о чём неоднократно сообщает в письмах к Панфилову, а самое главное, поэт стремится к совершенствованию своих стихотворений, чтобы они ласкали «кровью чувств» чужие души.

Толстой оказывал влияние на философское и эстетическое мировосприятие целого поколения. В школах и университетах произведения Толстого исключали из учебных планов и программ. Но вопреки принятым мерам ученики и студенты изучали романы и статьи писателя, анализировали их, делали выводы. Так же и Есенин окажется под воздействием идей писателя ещё во время учёбы в Спас-Клепиковской второклассной учительской школе. Его преподавателем был Е. М. Хитров, который знакомил воспитанников с историей русской литературы, читал вслух, многие произведения изучал детально.

Согласно программе, ученики изучали теорию литературы, устное народное творчество и русскую классическую литературу, отдельные произведения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, И. С. Тургенева и других писателей.

Школа принадлежала к церковному ведомству. После написания Толстым трактата «В чем моя вера?» началось явное противостояние между писателем и Русской православной церковью, вылившееся в многочисленные статьи, послания, трактаты, комментарии и т. п., которые раскололи общество на два лагеря. И, тем не менее, в воспоминаниях соучеников поэта мы встречаем упоминания о прочитанных произведениях Толстого. Г. Л. Черняев писал: «Наш кружок у Панфилова образовался почти стихийно. Потом, когда ближе узнали друг друга, мы в наших беседах и спорах стали касаться вопросов тогдашней общественной жизни. Читали и обсуждали роман Л. Толстого "Воскресение", его трактат "В чём моя вера?" и другие книги писателя. Мечтали побывать в Ясной Поляне (поездка не состоялась из-за денежных затруднений). Толстовские идеи сильно захватили тогда и Есенина»[17].

Н. А. Сардановский в воспоминаниях также отмечает, что идеями Толстого поэт увлекался во время учёбы в Спас-Клепиках: «В 1911 и 1912-м году он проявлял себя как рьяный вегетарианец и толстовец. <...> Его общественные убеждения до 1913 года заключали в себе значительную долю толстовства с его преклонением перед образом русского крестьянина»[18]. Возможно, именно с этим были связаны и воззрения самого поэта на церковь.

Толстой в обращении «К духовенству» отмечал: «Во много раз более вредно то нравственное извращение, которое производит в душе человека такое внушение. Всякий человек приходит в мир со знанием своей зависимости от таинственного, всемогущего начала, давшего ему жизнь, с сознанием своего равенства со всеми людьми и равенства всех людей между собою, с желанием любви к себе и от себя к людям и с потребностью к совершенствованию, и что же вы внушаете ему?

Вместо таинственного начала, о котором он мыслил с благоговением, вы рассказываете ему про сердящегося, несправедливого, казнящего, мучащего людей Бога.

Вместо того равенства всех людей, которое и ребёнок, и неучёный человек чувствует всем существом своим, вы говорите ему, что не только люди, но наро-

ды не равны, и одни не любимы, а другие любимы Богом, люди же одни призваны Богом властвовать, другие подчиняться.<...>

Страшно подумать о том извращении понятий и чувств, которое оставляет в душе ребёнка и взрослого тёмного человека такое учение»[19].

Мы можем предположить, что отчасти под влиянием этих идей в одном из писем к Марии Бальзамовой от 21 октября 1912 г., обсуждая ситуацию, которая сложилась в деревне (один из крестьян украл корову, за что подвергся осуждению со стороны церкви), Есенин напишет: «Зачем ты проклинаешь несчастный и без того обиженный народ. Неужели такие пустые показания, как, например, "украл корову", тебя так возмутили, что ты переменила вмиг свои направления, и в душе твоей случился переворот. Напрасно, напрасно, Маня. Это пустая и ничтожная, не имеющая значения причина. Много случается примеров гораздо серьёзнее этого, от которых, пожалуй, и правда возникают сомнения и, на мгновение поддаваясь вспышке, готов поднять меч против всего, что тебя так возмущает, и невольно как-то из души вылетают презрительные слова по направлению к бедным страдальцам. Но после серьёзного сознания это всё проходит, и снова готов положить свою душу за право своих братьев. Подумай, от чего это происходит» [VI, 20–22].

Вполне вероятно, что летом в Константинове, где гостила семья Анны Сардановской и её подруга Мария Бальзамова, молодыми людьми обсуждались идеи, которые высказывал Толстой как в трактатах, так и в произведениях, в том числе о непротивлении злу насилием, о всеобщем равенстве. Об этом особенно явно писатель говорит и в романе-эпопее «Война и мир», где мысли автора высказаны Платоном Каратаевым, с которым Пьер Безухов знакомится в плену. Есенин, читая книги в большом количестве и с удовольствием, многое запоминал наизусть. Вероятно, прочтя произведение, рассуждения о жизни этого персонажа он также отмечает.

Возможно, именно поэтому, беседуя в письме с Бальзамовой, Есенин говорит о помощи людям, о всеобщем равенстве и борьбе за него. Поэт искренне убеждён в том, что существующая ситуация вынужденная для крестьян, что они находятся в отчаянном положении. Из того же письма мы можем увидеть и истинную причину, по мнению Есенина, подобной жизни людей. Он пишет: «Не вы ли своими холодными поступками заставляете своего брата (родства с которым вы не признаёте) делать подобные преступления. Разве вы не видите его падения? Почему у вас не возникают мысли, что настанет день, когда он заплатит вам за все свои унижения и оскорбления. Зачем вы его не поддерживаете для того, чтобы он не сделал чего плохого благодаря своему безвыходному положению. Зачем же вы на его мрачное чело налагаете клеймо позора. Ведь оно принадлежит вам, и через ваше холодное равнодушие совершают подобные поступки» [VI, 21].

Неоднократно в своих письмах к Панфилову поэт рассуждает об отношении к Христу, о своем предназначении в жизни. Эти же вопросы ставил перед собой

в своих произведениях и Толстой, особенно это касается его последних сочинений. В комментариях С. И. Суботина к письмам в Полном собрании сочинений Есенина отмечено влияние произведений Толстого на духовный мир Есенина, а отсюда и возникающие параллели в мировоззрении писателей: «*Христос для меня совершенство. Но я не так верую в него, как другие.* – Здесь прослеживается связь с рекомендацией Л. Толстого: *"Каждый человек должен сам устанавливать своё отношение к миру и Богу"* (Круг чтения, 1, 36; выделено автором)» [VI, 275].

«*Те веруют из страха: что будет после смерти? А я ~ как образец в последовании любви к ближнему.* – Ср.: "Люди спрашивают: что будет после смерти? На это надо ответить так: если ты точно не языком, а сердцем говоришь: да будет воля Твоя, как на земле, так и на небе, то есть как во временной этой жизни, так и во вневременной, и знаешь, что воля Его есть любовь, то тебе и нечего думать о том, что будет после смерти" (Путь жизни 1911, с. 472)». Судя по последующим размышлениям Есенина, по мнению С. И. Субботина, такой ответ Толстого на поставленный вопрос не мог его удовлетворить [VI, 275–276].

«*Жизнь... Я не могу понять её назначения, и ведь Христос тоже не открыл цель жизни.* – Возможно, это отклик на слова Л. Толстого: "По ложному учению, жизнь в этом мире – зло, благо же достигается только в будущей жизни.

По истинному христианскому учению, цель жизни – благо, и благо это получается здесь.

Истинное благо всегда в наших руках. Оно, как тень, следует за доброй жизнью" (Путь жизни 1911, с. 485)» [VI, 276].

«*"... после смерти есть жизнь другая". Да, я то же думаю...* – Ср. с заголовком первой части раздела "После смерти" книги Л. Толстого "Путь жизни": «Плотская смерть не конец жизни, а только перемена" (Путь жизни 1911, с. 466), а также с одним из афоризмов этого раздела: "Каждый чувствует, что он не ничто, в известный момент вызванное к жизни кем-то другим. Отсюда его уверенность, что смерть может положить конец его жизни, но отнюдь не его существованию» (Путь жизни 1911, с. 468)» [VI, 276].

Приехав из Спас-Клепиков в Москву, Есенин не перестаёт интересоваться творчеством Толстого. В числе друзей, с которыми поэт беседует о его трактатах, был некий Павлов, о знакомстве с ним Есенин сообщает Панфилову в одном из писем в ноябре 1912 г.: «Да, ещё со мной хочет познакомиться некая особа, весьма, по слухам, серьёзная. Это какой-то Исай Павлов, юноша, как и мы, и с такими же порывами» [VI, 23]. Знакомство это в состоялось, уже через месяц Есенин сообщает: «Слушай, Гриша. Я писал тебе когда-то о г. Павлове. Теперь, со твоего, сударь, соизволения, могу я вас через письма познакомить. Этот го<споди>н оч<ень> желает поближе сойтись с нами, потому что убеждения его во многом сходны с нами. Кроме того, он вегетарианец, умеет затронуть кое-какие вопросы. Вообще, человек полного уразумения. Если тебе кажется странным сие, то я открою, что он уже по моим рассказам оч<ень> х<орошо> тебя знает и жаждет

знакомства. Кроме всего, я сообщаю тебе велию новость. Одержимый, так ска-ть, бесами, я когда-то, тебе известно, испускал из своих уст и ноздрей дым кадильный сатаны; теперь же, благодаря сему Павлову, я бросил сию пакость» [VI, 26].

Поэт не говорит прямо, какие именно убеждения были сходными, но мы можем предположить по упоминанию о вегетарианстве, что речь идёт именно о толстовском учении. Общение с Павловым привело к тому, что Есенин бросил курить и на несколько месяцев стал вегетарианцем. «В это время (судя по его письмам) он читает литературу по вегетарианству и знакомится с журналом "Вегетарианское обозрение", в котором регулярно публиковались толстовские материалы, связанные с темой "безубойного питания", в том числе его письма»,– отмечает С. И. Субботин [VI, 282]. Кроме того, те же идеи Толстой развивал и в своей книге «Круг чтения», которая была в библиотеке поэта: «Великая троица проклятий: табак, вино и мясо животных. От этой ужасной троицы и великие бедствия, и великие разорения» [VI, 285–286].

О формировании своих взглядов в тот момент Есенин также сообщает в одном из своих писем весной 1913 г.: «Итак, я бросил есть мясо, рыбы тоже не кушаю, сахар не употребляю, хочу скидавать с себя всё кожаное, но не хочу носить названия "Вегетарианец". К чему это? Зачем? Я человек, познавший Истину, я не хочу более носить клички христианина и крестьянина, к чему я буду унижать своё достоинство. *Я есть ты. Я в тебе, а ты во мне.* То же хотел доказать Христос, но почему-то обратился не прямо непосредственно к человеку, а ко Отцу, да ещё небесному, под которым аллегорировал всё царство природы. Как не стыдны и не унизительны эти глупые названия? Люди, посмотрите на себя, не из вас ли вышли Христы и не можете ли вы быть Христами. Разве я при воле не могу быть Христом, разве ты тоже не пойдёшь на крест, насколько я тебя знаю, умирать за благо ближнего» [VI, 33–35]. Мы можем предположить, что своеобразная идиллия, которую в своих трактатах описывал Толстой и к которой стремился, Есенин воспринял и трансформировал в своём творчестве.

Есенин не создаёт нравоучительных произведений. Как подчёркивал К. В. Мочульский, все стихи поэта становятся «песней одной большой поэмы» с могучим замыслом и единой темой: «Есенин — пророк и его поэма о России должна быть новой Библией». Заметив, что быт и религия для Есенина — одно, труд освящён верой, а «житейский обиход складывается в обряд», критик в то же время убедительно показал, что Есенин «живёт в мифах»[20].

Об этом периоде жизни Есенина мы можем узнать из воспоминаний Л. М. Клейнборта. Во время подготовки издания о читателе из народа он рассылал анкеты в культурно-просветительские организации, в том числе поинтересовался и мнением поэта о Толстом. Клейнборт позже отметит: «В Толстом Есенину было ближе всего отношение к земле. То, что он звал жить в общении с природой. Что его особенно захватывало — это "превосходство земледельческой работы над другими", которое проповедовал Толстой, — религиозный смысл

этой работы. Ведь этим самым Толстой сводил счёты с городской культурой. И взгляд Толстого глубоко привлекал Есенина. Однако вместе с тем чувствовалось, что Толстой для него барин, что какое-то расхождение для него с писателем кардинально»[21].

Исследователь творчества Есенина А. В. Сафронов отмечал влияние на раннее творчество поэта ещё одного трактата Толстого – «Отец Сергий». Благодаря этому произведению, по мнению исследователя, в поэзии Есенина появились мотивы странничества. Как показывает Сафронов, «о значимости этой темы для поэта говорит множество его ранних стихотворений: "Калики" (1910), "Пойду в скуфье смиренным иноком..." (1914–1922), "Шёл Господь пытать людей в любови..." (1914), "Я одену тебя побирушкой" (1915), "Побирушка" (1915), "Я странник убогий" (1915), "Нищий с паперти" (1916), "Без шапки, с лыковой котомкой" (1916), "По дороге идут богомолки" (1914), "В том краю, где жёлтая крапива..." (1915), "За тёмной прядью перелесиц..." (1916), "Устал я жить в родном краю..." (1916), "Свищет ветер под крутым забором..." (1917). Большинство из них осталось за пределами как первой книги поэта – "Радуница", так и за пределами других выходивших при его жизни книг, хотя и публиковалось в журналах. Не всё из них включил поэт в своё итоговое собрание сочинений. Однако есть все основания говорить о складывавшемся цикле стихотворений о бродячей Руси, в который могли войти перечисленные выше произведения, имеющие между собой идейно-тематическое родство, место и время действия, образы персонажей, формы повествования, жанровую близость, стиль»[22].

«Есенин не исследует социальные и экономические причины странничества, – продолжает Сафронов, – в его стихах больше внимания уделено "личной судьбе" лирического персонажа. Перед нами, как правило, человек, уже избравший скитальческую судьбу, "странник усталый" ("Я одену тебя побирушкой"), странник убогий ("Я странник убогий"). Имя его – "путник", "богомолец", "калика", "нищий", "смиренный инок", "побирушка", но и "скоморох", и "бродяга", и "разбойник". Что делает он в первую очередь? "Бредёт", "шляется", "пробирается", "поёт", "зыкает прибаски", часто "молится" и в то же время может засесть с кистенём в овраге, поджидая проезжего купца. Его образ жизни контрастен по отношению к тому миру, который он покинул: деревня, через которую он проходит, – трудовая, шумная, смеющаяся, "горластая", в ней то пляшут и поют, то "собаки разбрехались", то кричат петухи — жизнь, сосредоточенная на одном месте, кипит, но дух в ней спокоен. Странник, нищий, калика – тих, незаметен, смиренен, но его мир, его образ жизни – это дорога, полная свободы и смятения духа, страданий и поиска гармонии внутри себя, на Земле и на Небе»[23]. Именно об этом говорил в произведениях последних лет и Толстой. Мы можем предположить, что гармония, к которой приходит каждый человек, у Есенина ассоциировалась отчасти с божьим человеком, с каликой. Эта тема в творчестве поэта будет очень тесно связана и с темой Христа, ведь в одном из стихотворе-

ний – «Шёл Господь пытать людей в любови...» Христос также становится странником:

Шёл Господь пытать людей в любови,
Выходил он нищим на кулижку.
Старый дед на пне сухом в дуброве
Жамкал деснами зачерствелую пышку [I, 42].

Об этом явлении писала в одной из своих работ О. Е. Воронова: «В поэзии Есенина 1914–1917 гг. русское скитальчество отразилось в двух своих вариантах: духовном странничестве и бродяжничестве. В них нашли воплощение сущностные, субстанциальные основы русского национального характера... С одной стороны, он благословляет странничество как высокий жизненный удел, как порыв к вечному исканию... с другой стороны, он предупреждает и о страшной, изнаночной стороне этого явления – стремлении раствориться без остатка в хаотических вихрях бесшабашной и дерзкой стихии, вырваться на волю, переступив все мыслимые грани и пределы, стать своим среди них, дерзнувших...»[24].

В своих статьях исследователь указывает на утопические искания «сокровенного града», «иного царства», «земного рая», ориентированные на скорейшее достижение идеала вселенской гармонии, духовного преображения мира и человека в творчестве Есенина. Мы можем предположить, что отчасти этот поиск «Небесного града» на протяжении всей жизни поэта (и особенно ярко отразившийся в раннем творчестве) был следствием влияния религиозно-философских трактатов Толстого, которые удивительным образом сплелись с православием и русской национальной культурой, описанной поэтом в трактате «Ключи Марии».

Как отмечает Сафронов, «и в других стихах Есенина – помимо предполагаемого нами цикла – также нередки образы, подсказанные этим миром – миром странничества, бродяжничества, миром российских просёлочных дорог, миром, наполненным пафосом отказа от "нормальной" жизни и поисками Бога на Земле:

Как захожий богомолец,
Я смотрю твои поля. [I, 50-51].
(«Гой ты, Русь, моя родная», 1914)

Прибрела весна, как странница,
С посошком в лаптях берестяных... [I, 88].
(«Прячет месяц за овинами», 1914–1916)

Новый короб чувства я навьючил
И пошёл по новым берегам...[IV, 150].
(«Мечта», 1916)

В дорогу дальнюю, ни к битве, ни к покою,
Влекут меня незримые следы... [I, 79].
(«Голубень», 1917)»[25].

Таким образом, мы можем заключить, что учения Толстого, в особенности «Путь жизни», оказало значительное влияние на формирование мировоззрения Есенина. Отчасти под влиянием философских идей о чудесном «Небесном граде»[26], о лучшей доле поэтом был написан целый ряд стихотворений, о вере в лучшее будущее, в новый справедливый мир, о котором, мечтал и Л. Н. Толстой.

Мы можем отметить, что влияние произведений Л. Н. Толстого уже на раннее творчество Есенина было значительным. В определённой степени оно определяло как тематику произведений, так и настроения поэта, который подробно рассматривал и изучал мысли писателя, его точку зрения на актуальные проблемы современности. Очевидны переклички и реминисценции в творчестве Есенина и Л. Н. Толстого, особенно в том, что касалось отклика на происходящие события.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Архипова Л. А.* Новые поступления в фонды Государственного музея-заповедника С.А. Есенина // Радуница. Вып. 4. М., 1993. С. 45–50.

[2] *Субботин С. И.* Библиотека Сергея Есенина // Есенин на рубеже эпох: Итоги и перспективы. М. – Константиново — Рязань. 2006. С. 331–355.

[3] *Архипова Л. А.* Из круга чтения С. А. Есенина // Есенинский вестник. Вып. 3. Изд. Гос. музея-заповедника С. А. Есенина, 1994. С. 6

[4] *Субботин С. И.* Библиотека Сергея Есенина. С. 339

[5] *Толстой Л. Н.* Исповедь. Полн. собр. соч.: В 90 т. Т. 23. С. 40.

[6] *Каменев М.* Несколько мыслей светского читателя по поводу сочинения графа Толстого «В чём моя вера?» СПб., 1905. С. 9.

[7] *Толстой Л. Н.* Что такое религия и в чем сущность её? М., 1917. С. 3–4.

[8] *Мережковский Д. С.* Л. Толстой и Достоевский. М., 2000. С. 16.

[9] *Рождествин А. С.* Лев Толстой в критической оценке Мережковского. Казань. 1902. С. 9.

[10] Там же.

[11] *Галаган Г. Я.* Л. Н. Толстой // История русской литературы: В 4 т. Т. 3. Л.: Наука. 1982. С. 798

[12] Там же. С. 798

[13] См.: *Галаган Г. Я.* Л. Н. Толстой: Художественно-этические искания. М., 1981. С. 126–172.

[14] Фонд ГАУК «Государственный музей-заповедник С. А. Есенина», ОНФ 4350/10.

[15] Там же.

[16] Ответ о. Иоанна Кронштадского на обращение Л. Н. Толстого к духовенству. Изд. В. М. Скворцова. СПб, 1911.

[17] *Прокушев Ю. Л.* Юность Есенина, М., 1963. С. 84–85.

[18] *Сардановский Н. А.* Из моих воспоминаний о Сергее Есенине. Рукописный отдел ИМЛИ имени Горького.

[19] *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 302.

[20] *Мочульский К. В.* Мужичьи ясли (О творчестве Есенина) // Русское зарубежье о Сергее Есенине: Воспоминания, эссе, очерки, рецензии, статьи / Сост. вступ. ст., подготовка текста, коммент. Н. И. Шубниковой-Гусевой. М., 2007. С. 311–314.

[21] *Клейнборт Л. М.* Встречи. Сергей Есенин // С. А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2 т. / Вступ. ст., сост. и коммент. А. А. Козловского. М., 1986. С. 172–173.

[22] *Сафронов А. В.* Художественная концепция русского странничества в творчестве С. А. Есенина и С.В. Максимова // Современное есениноведение. 2004, № 1. С.139

[23] *Сафронов А. В.* Художественная концепция русского странничества в творчестве С. А. Есенина и С.В. Максимова // Современное есениноведение. 2004, № 1. С. 141.

[24] *Воронова О. Е.* Сергей Есенин и русская духовная культура. Рязань, 2002. С. 59. См.: *Николаева Е. В.* К проблеме религиозно-духовного романа в русской литературе // Толстой и о Толстой. Материалы и исследования. Вып.3. М., 2009. С. 131.

[25] *Сафронов А. В.* Художественная концепция русского странничества в творчестве С. А. Есенина и С. В. Максимова. С. 141; *Сафронов А. В.* Бродячая Русь и Сергей Есенин // Новое о Есенине: Исследования, открытия, находки. Рязань, 2002. С. 78–80.

[26] См.: *Михаленко Н. В.* Пространственная организация образа Небесного града в ранней лирике С. А. Есенина // Сергей Есенин и литературный процесс: традиции, творческие связи. Сборник научных трудов. Рязань, 2006. С. 105–114.

Е. А. Самоделова (Москва)

ОБ ОДНОМ «ТЁМНОМ МЕСТЕ» В ПОЭМЕ С. А. ЕСЕНИНА «ЧЁРНЫЙ ЧЕЛОВЕК»*

Известно, что Есенин с детства прекрасно владел местной фольклорной традицией Рязанщины, передал информацию о рязанских легендах про Николая-чудотворца А. М. Ремизову, записывал, исполнял и публиковал частушки, сам сочинял частушки о писателях, вёл переписку по поводу собирания сказок, широко вводил фольклорно-этнографический контекст в свои произведения, цитировал фольклорные строки и применял диалектные обозначения устно-поэтических жанров, использовал приёмы поэтики фольклора в литературных сочинениях.

Через друзей и в поездках по России, Европе и США Есенин познакомился с устно-поэтическим творчеством различных социальных слоёв населения и конфессиональных групп (старообрядческим, сектантским, шахтёрским, рабочим, матросским, красноармейским, белогвардейским и, возможно, белоэмигрантским), в какой-то мере постиг народные традиции разных российских регионов, разных народов. В есенинских произведениях заметны отголоски зарубежного, причём разновременного фольклора или отсылки к нему, к богатству его музыкальной инструментовки, а также содержатся отсылки к иноэтническим традициям и упоминания легендарных личностей: «Это пела даже Шахразада» [I, 262]. В редких случаях цитируются (в поэтическом переводе) целые тексты так называемых «малых жанров» — нарративов: «Если перс слагает плохо песнь, / Значит, он вовек не из Шираза» [I, 270].

Косвенным свидетельством (или, точнее, гипотезой) того, что Есенин не только прекрасно знал родной рязанский фольклор, но и свободно ориентировался в устном народном творчестве других, зачастую отдалённых регионов России, оказывается одно так называемое «тёмное место» в поэме «Чёрный человек» (1923–1925). Многие есениноведы были заинтригованы и попытались расшифровать смысл следующего фрагмента поэмы:

* Статья написана по проекту члена-корреспондента РАН А. Л. Топоркова «Русские фольклористы: Биобиблиографический словарь» (2012–2014) по Программе фундаментальных исследований ОИФН РАН «Текст во взаимодействии с социокультурной средой: уровни историко-литературной и лингвистической интерпретации», раздел IV.

Чёрный человек!
Ты не смеешь этого!
Ты ведь не на службе
Живёшь водолазовой [III, 190].

Это реплика лирического героя поэмы в адрес своего собеседника, который «водит пальцем по мерзкой книге» и по ней «читает... жизнь / Какого-то прохвоста и забулдыги» [III, 188–189], от чьей биографии главный герой хочет дистанцироваться. Возникает типичный образ «чёрного человека» – чёрта, сатаны, антихриста (последнее синонимическое обозначение особенно важно), который является извечным противником Бога и, тем не менее, пользуется его же методами в борьбе за человеческие души. Такая трактовка «чёрного человека» очевидна для читателей и литературоведов.

Некоторые учёные находят художественное изображение Есениным «чёрного человека» не исключительно авторским, но и апокрифическим, поскольку получается, что жизнь человека по нравственной шкале оценивает не только Бог, но за людскими поступками также наблюдает дьявол. Есениноведы (например, Э. Б. Мекш, Н. И. Шубникова-Гусева) справедливо видят в «мерзкой книге» перевёрнутую аллюзию на «Книгу жизни» из «Откровения Иоанна Богослова» (комментарии в [III, 710]). «Книга жизни» – это биография (автобиография), создаваемая всяким человеком при жизни, а изучается она после его смерти, на Божьем суде: «И увидел я мёртвых, малых и великих, стоящих пред Богом, и книги раскрыты были, и иная книга раскрыта, которая есть книга жизни; и судимы были мёртвые по написанному в книгах, сообразно с делами своими» (Откр. 20: 12–20, 13).

Дополним суждение о «книге жизни» фольклорными образами. Есенинский концепт «мерзкой книги» может восходить и к народно-сказочному образу «чёрной книги», которую двояким способом штудирует чернокнижник: когда читает с начала – черти прибывают, с конца – убывают (СУС–1199 С*: Чернокнижник и черти)[1]. Такой сюжет был опубликован ещё до рождения Есенина[2].

Известна также русская народная сказка с мотивом ведения биографических записей чёртом, который записывает грехи людей (СУС 826=АА*826: Праведник и чёрт в церкви). Этот сказочный сюжет был неоднократно опубликован при жизни Есенина, в период с 1902 по 1915 гг.[3]

Приведённые рассуждения вполне логичны и ожидаемы, а далее «зимние образы» (декабря, снега и метелей) приводят эрудированного исследователя Н. И. Шубникову-Гусеву к «Декабрьской ночи» А. Мюссе с неизбежной параллелью к его стихам: «И я блуждал по пропасти забвенья, / Как водолаз по водной глубине...», к «Водолазу» («Кубку» в рус. переводе) Ф. Шиллера, к идее о «дне человеческой души» и т. п. (комментарии в [III, 712]). Безусловно, эта точка зрения оригинальна, опирается на предшествующую Есенину зарубежную литературу и получила признание в мировом литературоведении.

Несмотря на это и признавая высокий научный авторитет Н. И. Шубниковой-Гусевой, мы допускаем вероятность выявления других возможных смыслов и хотим провести иную линию рассуждений, отправляющуюся от фольклорного прообраза «водолазовой службы».

В Пермском крае бытовала местная версия предания о картофельном бунте, суть которой заключалась в следующем: будто бы пермский губернатор подменил царский указ о посадке картофеля представлением о грехе. Носителями православной нравственности, естественно, выступали священники: только у них можно было надеяться узнать правду и выведать истинный указ. «Старый солдат» – типичный фольклорный (сказочный) персонаж – даёт совет, как отличить праведного батюшку от лживого и недостойного: «Если, говорит, — попы не будут такую <настоящую> бумагу показывать, их испытать придётся. <...> Бить либо за волосья таскать их никак нельзя, потому у них — у попов-то — сан священный. Он тому препятствует. И надо, значит, их чистой водой испытывать. Спущать, например, в колодец, а ещё лучше прорубить в реке две прорубки, да на вожжах из одной в другую и продёргивать. Продёрнуть и спросить: фальшива бумага?»[4]

Это вполне сказочный мотив об испытании героя (проверки его подлинности) контаминирован с легендарными преданиями о волшебном герое и его чудесном спасении из затопленной тюрьмы на нарисованной им на полу лодке (это приписывали Степану Разину, Емельяну Пугачёву и другим предводителям крестьянских восстаний). Также этот сказочный мотив «скрестился» с реальными средневековыми процессами над потопляемыми или сжигаемыми колдунами и ведьмами в Западной Европе[5].

«Старый солдат» превращает предание в подобие этиологического мифа, объясняющего смысл события и происхождение его словесного метонимического обозначения: «Вот с той поры у нас *попов водолазами зовут*. Поучили их старики, как подо льдом нырять. Не всякий живой остался, захлебнулись которые»[6] (курсив наш – *Е. С.*).

Безусловно, этот сюжет про попов-«водолазов» изложен с позиции трудового народа, находящегося в оппозиции к духовному сословию. Представители же священства могли усматривать в местном предании о «водолазах» мотивы преследований церковнослужителей и безвинного страдания за веру, которые существовали на протяжении всей христианской истории, а не только в советскую эпоху.

Бесспорно, подобные гонения на священников происходили во время народных бунтов в России в разные исторические эпохи. Так, историк Н. И. Костомаров, сообщая о судьбе дворянских вдов во время бунта Степана Разина, приводит аналогичные сведения о насильственном утоплении священников в Волге в районе Астрахани, Саратова и Самары: «Некоторых из этих несчастных казаки взяли себе в жёны, и Стенька насильно заставлял священников венчать их, а тех священников, которые не слушались, бросали в воду»[7]. Безусловно, Есенину

были знакомы труды историка, который также уделил внимание сподвижнику С. Т. Разина Василию Усу, коему посвящена его маленькая поэма «Ус» (1914).

В 2002 г. жители г. Уральска рассказывали предание и показывали церковь, где венчался Пугачёв, а рядом в пруду в проруби пугачёвцы утопили попа, проводившего святое таинство для их предводителя[8].

Заметим, что трагические события с картофелем и венчанием Пугачёва происходили примерно в одну историческую эпоху, были обусловлены народным самосознанием и староверческими представлениями о грехе, продиктованы негативным отношением к духовному сословию, проявились как испытание водой и оказались связаны с ней как с очищающей стихией.

У русского народа существует масса преданий о насильственном утоплении людей в воде. Так, П. И. Якушкин в Малоархангельском уезде Орловской губернии в 1843–1844 гг. записал народное предание о расправе разбойника с помещиком: «А немного подальше Попова верха, знаете, к Пересухе (деревня) есть бездонный колодец, куда дядя Тимофей посадил один раз целую шестёрку лошадей с каретой. Как ключ, ко дну пошла»[9].

Картофель в старообрядческой среде и отчасти у остального православного русского народа считался дьявольским продуктом. Якушкин в том же Малоархангельском уезде записал народную легенду о картофеле:

«Ну вот, к примеру, картофель нечистый за то любит, что он его порождение. Когда нечистый соблазнял Христа в пустыне и не мог соблазнить, то плюнул с досады, а тут-то и вырос картофель, оттого-то его и зовут чёртовым яблоком (это поверье существует у старообрядцев).

Попробуйте-ка купите картофель в окно, так вы увидите, что будет... Одна барыня сидела под окном, а мимо едет мужик с картофелем. Подозвала она мужика к окну, сторговала картофель да и взяла его в окно. Что ж вы думаете? Картофель поднял такую пляску в доме, что не знали, что делать. Взяли да и выкинули его в окно»[10].

А. П. Щапов (1831–1876) в конце XIX в. писал об отношении старообрядцев к картофелю: «...и семь или даже десять миллионов староверов доселе твердят, что картофель — чертово прозябение, и что разводить и есть его грех — отцы и деды не знали и не благословили, и доселе упорно продолжают сеять только репу, редьку, капусту и прочие овощи старинного, допетровского огородничества»[11]. Щапов пересказал легенду старообрядцев о происхождении картошки: «Картофель, по рукописям раскольничьим, вырос из трупа какого-то царя, которого народ считал богом»[12].

В биографии Есенина и его мировоззрении уживались самые разные воззрения на священнослужителей. Известно доброе расположение священника с. Константиново Рязанского уезда и губернии отца Иоанна Смирнова к Есенину и такое же глубоко уважительное отношение к нему поэта. Тем не менее, несмотря на личную привязанность к сельскому священнику своей «малой родины»,

в творческом багаже Есенина имеются самые разные трактовки образов духовенства и библейских персонажей – от сугубо положительных до хулительных и богоборческих.

Предание о попах-«водолазах» услышал в Камышловском уезде в 1918 г. и спустя почти два десятилетия записал в виде литературного сказа П. П. Бажов (писатель стал сочинять сказы по мотивам народных преданий, начиная с 1936 г.). Известно, что «по Зауралью, в пределах бывших Камышловского, Шадринского и частью Ирбитского уездов, слово "водолаз" имело хождение в применении к служителям культа»[13].

Слово «водолаз» имеет целый ряд значений, относящихся к человеку, собаке, птице. В есенинском словоупотреблении имеется в виду человек. В Древней Руси слово «водолаз» было неизвестно (во всяком случае, оно не зафиксировано ни в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского, т. 1, 1893, ни в «Словаре русского языка XI–XVII вв.», вып. 2, 1975, ни в «Словаре древнерусского языка (XI–XIV вв.)», т. 1, 1988).

Тем не менее сюжеты с нырянием на дно моря или океана издавна существуют в мировом (в том числе и русском) фольклоре и христианских апокрифах, имеют мифологическое наполнение.

Слово «водолаз» отмечено в «Словаре русского языка XVIII века»: «О водолазах известно, что они себя чрез довольное время в воде содержать могут. Прим. Вед. 1733. 37»; профессия указана как экзотическая для России и, наоборот, характерная для заморских граждан, занятых добычей жемчуга: «Многие купцы и жители тамошние <Панамы> содержат для промыслу сего <ловли жемчуга> негров, искусных водолазов. Сл. нат. ист. I. 169»[14].

В «Словаре живого великорусского языка» В. И. Даля (1880) указан более широкий спектр значений слова: «Водолаз... привычный ныряла, человек, исправляющий какое-либо дело под водой»; «Водолазничать, заниматься водолазным промыслом или водолазничеством»[15].

В «Энциклопедическом словаре» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (1890) содержатся две объёмных статьи – «Водолазное дело» и «Водолаз» (последняя написана А. Кононовым); аналогичная статья имеется в словаре издательства «Гранат». В статьях подробно рассматриваются требования физического здоровья, оснащение водолазов (в частности, «водолазный колокол», известный с XVI в.), особенности их службы (причём офицерской), история усовершенствования водолазных костюмов и снаряжения, закреплённые в «Морском уставе» правила ведения работ, условные сигналы и т. п.

В «Большой советской энциклопедии» (1928) остался тот же принцип подачи справочного материала и говорится: «Водолазное дело, техническое развитие искусства пребывания под водою, иначе говоря – ныряния, известно с древнейших времен. Искусство это и сейчас процветает у народов, живущих по берегам тёплых морей и занимающихся ловлей жемчуга, губок и т. п.»[16].

«Словарь русских народных говоров» впервые даёт смысловые нюансы слова «водолаз», характерные для ряда регионов России. Из них в контексте есенинской «службы водолазовой» и для пояснения нашей гипотезы интересно словоупотребление в географической зоне Урала: «Водолаз, а, м. Рабочий, наблюдающий за исправностью некоторых рыболовных сооружений. <...> Рабочий при рыболовном сооружении – учуге, содержащий его в порядке и ловящий около него рыбу на железный крючок – абрашку. "Он приставлен к подгородному учугу, не пропускающему рыбы выше по Уралу, и ловит её только на атаманский кус, ручным крючком: это та немногая рыба, которая в вешнее половодье прошла вверх, а по установке учуга, возвращаясь, стоит над ним, давая водолазу нащупать себя рукою и поддеть абрашкой". Река Урал. Даль. "Рабочий при рыболовном сооружении – заборе, наблюдающий за исправным состоянием его; для этого приходится ему не только ходить вброд по реке, но и погружаться, лазить в воду (поэтому [он] называется водолаз)". Арх., Подвысоцкий, 1885. – Ср. Бродчик»[17].

Это именно та территория, где задолго до картофельного бунта 1842 г. происходило Пугачёвское восстание. Хорошо известно, что Есенин изучал разнообразные материалы о Пугачёве и его сподвижниках, собирал сведения о восстании, а в период с 16 или 17 апреля до 11 июня 1921 г.[18] совершил путешествие на поезде по боевым местам (через Самару в Оренбург[19] и далее в Туркестан). В поэме «Пугачёв» (1921) в черновом варианте 5-й главы «Уральский каторжник» упоминается Ирбит: Хлопуша говорит о том, что он «грабил татарских купцов из Ирбита» [III, 265]; в том направлении – за Уральские горы – поэт не ездил, хотя очень интересовался географией Пугачёвского бунта. Можно предположить, что Есенин именно в данном путешествии 1921 г. в Приуралье услышал выражение «водолазова служба» в качестве иронического аналога «службы священника» или хотя бы узнал переносный смысл слова «водолаз», встречающийся в узко-локальной географической зоне. (Заметим в скобках: у родственного слова «водовоз» в диалекте Рыбновского уезда Ярославской губернии в 1907 г. отмечено переносное значение «трутень» с пометой [?][20].)

На данный момент нет сведений о том, был ли знаком Есенин с П. П. Бажовым. Скорее всего, нет, поскольку П. П. Бажов начал активную литературную деятельность и получил признание у читателей уже после смерти Есенина.

Прочитать о «попах-водолазах» в дореволюционной литературе Есенин не мог из-за цензурного запрета. Даже в достаточно смелых для своего времени «Сочинениях: В 3 т.» А. П. Щапова (1906–1908), где подробно освещена история старообрядчества и сектантства на Урале и в Сибири, показаны духовные искания народа и обильно процитирован фольклор, подобные негативные характеристики не содержатся.

О том, что Есенин насмешливо ассоциировал «чёрного человека» в одноимённой поэме с представителем духовенства, свидетельствует авторское срав-

нение: «И, гнусавя надо мной, / Как над усопшим монах» [III, 189]. Для ближайшего контекста выражения «водолазова служба» в поэме Есенина характерна оксюморонность, свидетельствующая о перевёрнутости мира, об искажении всех ценностных ориентиров, об исчезновении всяких взаимосвязей и взаимообусловленностей, о нарушении гармонии и миропорядка в целом. И в такое сумбурное время появляются черти, фигурирующие в фольклоре как «чертенята», «чёртики», называющиеся в Древней Руси «синьцы», а в литературной традиции более известные под именем «чёрного человека». И вот у Есенина в самое тёмное время года — в декабре, когда в преддверии Рождества и Нового года наступают «страшные вечера» и, по народной легенде, Спаситель начинает гонять чертей и всякую нечисть, — именно в завершении старого года происходит невозможное, ужасное и трагическое — чёрт («нечистый») становится мерилом «чистоты»: «В декабре в той стране / Снег до дьявола чист» [III, 189]. Менее вероятна, хотя вполне возможна такая трактовка: до наступления «страшных вечеров» и, соответственно, до прихода дьявола снег остаётся чистым, а потом его качественная характеристика меняется на противоположную.

Но в любом случае Есенин высвечивает перевёрнутость миропорядка в зеркальном отображении и переиначивании образов: чёрт уподоблен монаху и читает священную книгу, а монах (священник) уравнен с водолазом, уходящим под воду на дно. И всю эту вселенскую жуть, «несусветность», фантасмагоричность происходящего (подумать только, в дом к герою-человеку приходит дьявол!) Есенин подаёт легко, иронично, играючи!

Поэт гордился природной лёгкостью в восприятии мира и говорил В. И. Эрлиху о том, что «у меня ирония есть»[21]. В стихотворении Есенина «"Заря Востока"» (1924) содержится повеление, способное определять сюжетостроение произведения: «Ирония! Вези меня! Вези!» [IV, 196].

Возвратимся к особому «лиминальному» (то есть переходному, «пороговому») календарному времени, маркированному всякими ужасами и разгулом чертовщины, что нашло отражение в поэме Есенина. На юге Рязанщины, в д. Александро-Прасковинка Сапожковского района, до сих пор бытует народное мнение об опасности святочного времени — им взрослые пугают детей, прося не задерживаться до темноты на улице: «Возвращайтесь скорее домой, а то сейчас Святые вечера придуть!»[22] Поразительно, что запугивают ребятишек именно Святыми вечерами, а не Страшными (как логично было бы подумать); очевидно, в людском сознании актуализируется самое продолжительное вечернее время в декабре (по старому стилю) как наиболее тёмное и жуткое. Святые вечера персонифицируются в каком-то неотчётливом облике, неясном для носителей фольклорной традиции, но жутковатом и устрашающем.

Мы уже писали о том, что в 1918–1921 гг. в творчество Есенина проникают абстрактные и одновременно персонифицированные образы всеобъемлющего хаоса, немотивированного зла и беспричинного страха, всепоглощающего ужаса,

которые сродни персонажам быличек, а может быть, даже заимствованы оттуда: «Если этот месяц / Друг их *чёрной силы*» ([II, 70] — «Небесный барабанщик», 1918); «Бродит *чёрная жуть* по холмам» ([I, 154] — «Хулиган», 1919); «Так испуганно в снежную выбель / Заметалась *звенящая жуть*... / Здравствуй ты, моя *чёрная гибель*, / Я навстречу к тебе выхожу!» ([I, 157] — «Мир таинственный, мир мой древний...», 1921)[23].

Парадоксально, но Есенин, используя приём отрицательного сравнения «чёрного человека» с монахом (приём вполне фольклорный), возвеличивает первого над последним, дьявола над монахом, над духовенством вообще, подчёркивая разными отрицательными словесными формами это отличие в пользу «духа отрицанья»: «Ты *не смеешь* этого! / Ты ведь *не на службе* / Живёшь водолазовой» (курсив наш – *Е. С.*). Иначе говоря, Есенин преобразует известную древнеримскую пословицу: «Что положено Юпитеру, то не положено быку», – в сниженную, примерно в таком «перевёрнутом» (обратном) смысле: «Что позволяет себе монах, то непозволительно дьяволу». Конечно, Есенин мог решиться так высказаться при Советской власти, в отсутствие духовной цензуры. Да и прежде, в период революционных исканий, проникнутый настроением богоборчества и нового богостроительства, Есенин позволял себе неподцензурно высказываться о религиозных святынях (вспомним его маленькие поэмы 1917–1918 гг.).

Идея «службы водолазовой» (но без употребления этой лексики) видна в народных апокрифических легендах о сотворении земли, в которых чёрт ныряет за горстью земли по повелению Бога. Приведём пример из статьи «Дуалистические поверья о мироздании» А. Н. Веселовского (1889) — со ссылкой на запись П. И. Якушкина: «Стал Господи мир творить, где народу жить. Распустил он море-окиян; надо землю сеять. <...> “Опускайся ты, лукавый, – сказал Господи, – на самое дно моря, достань ты, лукавый, горсть земли”. Два раза вымыло у него из горсти землю, на третий по Божьему веленью осталась за ногтем песчинка»[24]; из неё Бог создал сушу.

Веселовский в статьях «Дуалистические поверья о мироздании» (1889) и «Ещё к вопросу о дуалистических космогониях» (1891) подробно рассматривает фольклорно-мифологический сюжет о том, как Бог сотворил океан, а дьявол нырнул на дно и принёс за щекой немного земли, которая вдруг стала так сильно расти, что ему пришлось её выплюнуть: в результате появилась обширная суша, даже с горами. Исследователь привёл множество версий этого сюжета, который встречается у самых разных народов мира, характерен для богомильского христианского учения и для русских раскольников.

Неизвестно, был ли знаком Есенин с этими исследованиями Веселовского, однако заметен смысловой параллелизм: Бог и дьявол как водолаз (в фольклоре и апокрифах) – чёрный человек и монах как водолаз (у поэта). О причислении Есениным себя к младшему поколению раскольников (со ссылкой на деда — якобы раскольничьего начетчика) широко известно. Кроме того, интерес-

но, что в с. Константиново и окрестных селениях до сих пор принято на 40-й день класть валун на могилу и существует поверье, будто камни растут[25]. Не перекликается ли это местное народное представление о росте камней с архаической легендой староверов об увеличении в размерах щепотки земли, добытой дьяволом со дна моря по повелению Бога (как это подробно рассмотрено Веселовским)?

В связи с этим возникает, как минимум, три вопроса. Первый: можно ли считать выражение «водолазова служба» изобретением Есенина – по подобию окказионализмов В. В. Маяковского с притяжательными прилагательными («архангелов хорал», «капиталова тура», «капиталовы твердыни», «коммунизмовы затоны», «праобраза Мопассанова» – комментарий в [III, 712])? Или это словосочетание «гуляло в народе» (по крайней мере, в Зауралье), было подслушано Есениным и легко внедрено им в лексико-стилистическую ткань поэмы? Возможно, существовал конструктивно близкий вариант выражения «служба водолазова», который Есенин преобразовал с использованием известных клише.

Для разрешения этого вопроса необходимо изучить словари русских народных говоров Урала и Сибири, проштудировать фольклорные записи тех регионов. В случае отсутствия положительных данных всё равно остаётся вероятность того, что выражение «служба водолазова» или его вариант можно будет отыскать в диалектологических или фольклорных полевых экспедициях в Зауралье.

Второй вопрос: в какой мере присутствует ирония (или даже сарказм) в поэме Есенина «Чёрный человек» и насколько она уловима в контексте не только антитезы «чёрный человек – лирический герой», но и противопоставления (точнее, соположения) «чёрный человек – монах»? Какой новый религиозный или, наоборот, атеистический смысл или смысловой нюанс придаёт эта авторская ирония всей поэме или лишь её начальной части? Может быть, в Есенине взыграло его почти бурсацкое прошлое, часто заставлявшее школяров бросать вызов духовным наставникам (вспомним, что будущий поэт учился во второклассной учительской школе в с. Спас-Клепики, изучал там богословские дисциплины, пел в церковном хоре и был обязан регулярно присутствовать на службе в храме).

Третий вопрос: насколько понятно было выражение «служба водолазова» современникам Есенина – литераторам и простым смертным? Какую цель преследовал Есенин: 1) завуалировать смысл, изъясняться загадками; 2) излагать нарочито туманно для одних и понятно для других (разделяя аудиторию по социальному или региональному принципу)? Или смысл был вполне постижим для всех людей той эпохи, но со временем утратился? Во всяком случае, нам остаются неизвестными какие-либо недоумения и сомнения современников поэта относительно данного выражения.

Сделаем выводы. Во-первых, предпринятые рассуждения никоим образом не опровергают и не сбрасывают со счетов трактовку «службы водолазовой» как восходящей к зарубежным литературным произведениям (А. Мюссе, Ф. Шил-

лер). Во-вторых, новая гипотеза (именно догадка, предположение) расширяет возможности есенинского образа как многогранного, полисемантического, обладающего внутренней потенцией приращения дополнительных художественно-философских смыслов. В-третьих, результаты литературоведческих штудий, направленных на поиск первоисточников есенинской образности, почти всегда гипотетичны. Возможно, в данном случае дело обстояло куда проще: Есенин познакомился с каким-то реальным водолазом, который рассказал ему о сущности своей «водолазовой службы», о многих её сложностях и проблемах, и поэт под впечатлением от когда-либо услышанного ввёл в поэму отрицательное редуцированное сравнение.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка. Л., 1979.

[2] *Чубинский Е. А.* Русские народные сказки, прибаутки и побасенки. М., 1864. № 26.

[3] Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. По этнографии. Т. 1. Вып. I. Красноярск, 1902. № 25; *Зеленин Д. К.* Великорусские сказки Вятской губернии // Записки Русского географического общества. 1915. Т. XLII. № 93.

[4] Сказы. Песни. Частушки / Под ред. Е. М. Блиновой. Челябинск, 1937. С. 32.

[5] См., напр.: *Орлов М. А.* История сношений человека с дьяволом. М., 1992. (Репринт: СПб., 1904).

[6] Сказы. Песни. Частушки / Под ред. Е. М. Блиновой. Челябинск, 1937. С. 33.

[7] Цит. по: Сочинения Н. И. Костомарова: В 12 т. Т. 3. М.: Мир книги, 2004. С. 107; напечатано по изд.: СПб., 1912, 1913. Кн. 2, 3.

[8] Записи автора. Тетр. 15. С. 145 – Юкало А. П., 1948 г. р., со слов Н. М. Большаковой, ок. 54 лет, инженер, побывала в командировке в г. Уральск. Зап. в Москве 13.04.2002.

[9] Собрание народных песен П. В. Киреевского. Записи П. И. Якушкина: В 2 т. Л, 1983. Т. 1. С. 104. № 218.

[10] Там же. Т. 1. С. 113. № 235.

[11] *Щапов А.* Сочинения: В 3 т. СПб., 1906. Т. 2. С. 168.

[12] Там же. Т. 2. С. 248.

[13] Сказы. Песни. Частушки / Под ред. Е. М. Блиновой. Челябинск, 1937. С. 265–266.

[14] Словарь русского языка XVIII века. Вып. 3. Л., 1987. С. 255.

[15] *Даль В. И.* Словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1955. Т. 1. С. 220 – под «вода» (репринт изд. 1880).

[16] Большая советская энциклопедия. М., 1928. Т. 12. Стб. 56.

[17] Словарь русских народных говоров. Л., 1969. Вып 4. С. 342 (Изд. 2-е. СПб., 2002).

[18] Летопись жизни и творчества С. А. Есенина: В 5 т. М., 2005. Т. 3. Кн. 1. С. 97, 100–134.

[19] Там же. Т. 3. Кн. 1. С. 106–107, 126 – маршрут: Самара – Бузулук – Оренбург – Челкар – Казалинск – Кзыл-Орда – Арысь – Ташкент и далее в Самарканд и обратно (см.: Май, 6...7 и Май, до 9, Май, 30).

[20] Словарь русских народных говоров. Вып 4. С. 341 (Изд. 2. СПб., 2002).

[21] Есенин в стихах и жизни: Воспоминания современников / Под ред. Н. И. Шубниковой-Гусевой. М., 1995. С. 402.

[22] Записи автора. Тетр. 37 Б. № 31 – Кондрашова М. С., 1925 г. р., в июле и августе 2001 г. в д. Александро-Прасковинка Сапожковского района.

[23] *Самоделова Е. А.* Антропологическая поэтика С. А. Есенина: Авторский «жизнетекст» на перекрестье культурных традиций. М., 2006. Глава 4.

[24] *Веселовский А. Н.* Дуалистические поверья о мироздании // *Веселовский А. Н.* Избранное: Традиционная духовная культура. М.: РОССПЭН, 2009. С. 304–305.

[25] Записи автора от К. Д. Титовой в октябре 2010 г. в с. Константиново Рыбновского района Рязанской области.

В. А. Доманский *(Санкт-Петербург)*

С. А. ЕСЕНИН И Т. Г. ШЕВЧЕНКО: ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЭКСКУРС

Каждый крестьянский поэт примерял к себе судьбу и славу великого украинского Кобзаря Тараса Шевченко, который из народных низов поднялся до поэта всеукраинского, всеславянского. Стала своеобразным мифом вся его жизнь: полусиротское детство крепостного мальчика, рано обнаружившего свой талант рисовать, рабское существование крепостного ремесленника, встреча с Сошенко в Летнем саду, его выкуп у крепостника художественной элитой Петербурга, учёба в академии художеств, стремительный рост таланта художника и поэта. Затем, на пике известности, арест и ссылка в казахские степи с запретом писать и рисовать, десять лет солдатчины и, наконец, возвращение в Петербург, лавры академика гравирования по меди, всеукраинская слава народного поэта. Ранняя его смерть потрясла современников и отозвалась в известных стихах Н. А. Некрасова как несправедливый приговор судьбы: «Тут ему Бог позавидовал: / Жизнь оборвалася»[1].

Знаковой фигурой был Шевченко и для новокрестьянских поэтов, которые вели свою родословную от Кольцова, Шевченко, Сурикова, Никитина. В первую очередь это характерно для Клюева, который в сибирской ссылке смотрел на свою жизнь сквозь призму судьбы Шевченко[2], а своё место в поэзии сравнивал с местом украинского Кобзаря, мысля себя его поэтическим «собратом»:

Тарас Николе как собрату,
Ковыльную вверяет кобзу! –
И с жемчугом карельским розу
Подносит бахарь Украине![3]

Эту встречу в веках в поэме «Кремль» Клюев представляет как символическую: подобно Державину, который из дряхлеющих рук передаёт свою лиру юному Пушкину, так и Шевченко «ковыльную вверяет кобзу» своему поэтическому потомку – русскому народному поэту, *бахарю,* как в старину называли говорунов, краснобаев, рассказчиков, сказочников.

Имеет свой потаённый смысл и подарок «певца олонецкой избы» великому Кобзарю – роза с жемчугом. Образ розы – царицы цветов – имеет множество

значений. Но в поэтике клюевских текстов это, прежде всего, символ сердца Богоматери, вмещающего безграничную любовь к людям и их бесконечные страдания. Он применим также и к образу народного поэта, «сердце-роза» которого является вместилищем красоты и неизбывной печали. Как лик Богоматери украшали окладом из жемчуга, так и поэтическое слово «в жемчугах ходило»[4].

Есть все основания говорить и о типологической общности философско-эстетических воззрений Клюева и Шевченко. По мнению Л. А. Киселевой[5], сам образ «мужицкой лиры» у Клюева неожиданно перекликается с ключевым образом «Кобзаря», о чём свидетельствуют строки стихотворений олонецкого поэта:

Никто не слышит ветродуйной
Дуплистой и слепой кобзы[6].

В самом облике Клюева некоторые современники видели великорусского Шевченко, о чём свидетельствует дневниковая запись Б. А. Лазаревского от 21 октября 1915 г., в которой он рассказывает о «крестьянском вечере» в редакции «Ежемесячного журнала» В. С. Миролюбова: «Вечером пошёл я в "Ежемесячный журнал". Думал, что проскучаю, а вышло интересно... <...> я, вообще не любящий стихов, кроме Лермонтова и Шевченка поэтов не чтущий, вдруг услышал двух поэтов — да каких!

Великорусский Шевченко этот Николай Клюев, и наружность как у Шевченка в молодости...

Начал он читать негромко, под сурдинку басом, и очаровал.

Проникновеннее Некрасова, сочнее Кольцова. Миролюбов плакал... Чуть не заплакал и я.

Не чтение, а музыка, не слова, а евангелие, а главное — дикция особенная... Как нельзя перевести Шевченка ни на один язык, даже на русский, сохранив все нюансы, так нельзя и перевести Клюева. И далеко же этим футуристам и Маяковским с их криком и воем до этой музыки, точно весь народ русский говорил»[7].

Не менее понравился автору дневника и выступающий вслед за Клюевым Есенин. Совсем мальчишка, по своей внешности он менее всего походил на крестьянского поэта-пророка, но его стихи воспринимались Лазаревским подобно шевченковским, как истинно народные и проникновенно-лирические: «Затем выступил его товарищ, Сергей Есенин.

Мальчишка 19-летний, как херувим благоугодности, и завитой, и тоже удивил меня.

В четверть часа эти два человека научили меня русский народ уважать и, главное, *понимать* то, что я не понимал прежде — музыку слова народного и муку русского народа — малоземельного, водкой столетия отравляемого.

И вот точка. И вот мысль этого народа и его талантливые дети Есенин и Клюев»[8].

В судьбе и творчестве Есенина Шевченко никогда не занимал такого значительного места, как у Клюева. Даже в период его участия в Суриковском литературно-музыкальном кружке интерес к Шевченко не был постоянным, как, впрочем, и к Кольцову, которого в стихотворении «О Русь, взмахни крылами...» называет своим старшим братом. Причина здесь видится в том, что Есенин в своём творческом развитии ориентировался не только на народно-песенную традицию, словесное искусство. Достижения русской классической литературы для него значили не меньше, и с годами он уже не воспринимался только как поэт крестьянского мира, а становился поэтом многих социальных групп. Вот почему так раздражали Клюева городские романсы Есенина, его любовная лирика. Как вспоминает Елизавета Устинова, Есенин очень обиделся, когда, незадолго до своей трагической гибели прочитав Клюеву свои последние стихи, вместо похвалы услышал не без хитрости произнесённые слова: «Вот, Серёженька, хорошо, очень хорошо! Если бы их собрать в одну книжку, то она была бы настольной книгой всех хороших, нежных девушек»[9].

Сам поэт в автобиографии, написанной 20 июня 1924 г., признавался: «Из поэтов мне больше всего нравился Лермонтов и Кольцов. Позднее я перешёл к Пушкину» [VII(1), 15]. Ещё более определённо он выскажется о своей творческой ориентации на Пушкина в последней автобиографии «О себе»: «В смысле формального развития теперь меня тянет всё больше к Пушкину» [VII(1), 20]. Пушкинские темы и мотивы в творчестве Есенина, особенно в поэмах «Чёрный человек», «Анна Снегина», «Пугачёв», глубоко исследованы в монографии Н. И. Шубниковой-Гусевой[10], и они очевидны. Как для Клюева встреча в веках с Шевченко являлась знаковой, такой же знаковой была «встреча» на Тверском бульваре двух поэтов – Есенина и Пушкина в стихотворении Есенина «Мечтая о могучем даре...». В нём поэт определённо заявит о желании иметь судьбу и славу своего кумира, чтобы его «степное пенье / Сумело бронзой прозвенеть» [I, 203].

У нас нет прямых документальных свидетельств, как Есенин познакомился с биографией и творчеством Шевченко. Но можно с большой долей вероятности предположить, что произошло это не без посредничества Ивана Алексеевича Белоусова (1863–1930). Сейчас его знают лишь историки литературы, но во времена есенинской юности его имя было достаточно популярно в демократических кругах московской интеллигенции. Вышедший из семьи ремесленников поэт-самоучка выступил продолжателем народно-песенного направления в русской поэзии. В 1907, 1909 и 1915 гг. он выпустил в свет свои стихотворные книги, написанные в духе Кольцова и Сурикова. Кроме того, он был одним из руководителей Суриковского литературно-музыкального кружка, издавал ежемесячные журналы «Путь» и «Наш журнал».

Но наибольшую известность принесли ему его переводы с украинского и белорусского языков, прежде всего переводы из «Кобзаря» Т. Г. Шевченко. Первая

небольшая подборка переводов – вольных переложений из Шевченко – была издана в 1887 г. Второй сборник переводов с предисловием И. А. Белоусова – очерком жизни и творчества украинского кобзаря – появился в 1900 г. Это был сборник переводов из «Кобзаря» Шевченко, выполненных поэтами С. Дрожжиным, А. Плещеевым, Л. Меем, И. Суриковым и поэтами их круга. Но большинство переводов принадлежало И. Белоусову.

Этот сборник имел успех у читателей, поэтому в 1911 г. был расширен и переиздан под редакцией В. В. Вересаева. К 100-летнему юбилею Шевченко в 1914 г. Белоусов издаёт более полное собрание поэтических произведений украинского Кобзаря под названием «Шевченко, его думы и песни» в собственных переводах. Открывается книга расширенным очерком о Шевченко, в котором переводчик проникновенно и вполне художественно излагает биографию украинского поэта. В 1919 г., уже при советской власти, Белоусов опубликует свой наиболее полный перевод произведений Шевченко, в числе которых будут и запрещённые ранее стихи и поэмы Кобзаря.

Знакомство Есенина с переводчиком Шевченко произошло в сентябре 1913 г., в период близости с Суриковским кружком и самых разноплановых исканий, в том числе и увлечения юного поэта социал-демократическими идеями. В воспоминаниях Белоусова содержится рассказ о первой встрече с Есениным: «... Передо мной стоит скромный, белокурый мальчик, – до того робкий, что боится даже присесть на край стула, – стоит, молча потупившись, мнёт в руках картузок.

Его привёл ко мне <...> репетитор моих детей – Владимир Евгеньевич Воскресенский – "вечный студент" Московского университета, народник, служивший корректором при типографии Сытина.

– Я к вам поэта привёл, – сказал Воскресенский и показал несколько стихотворений, – это вот он написал, – Сергей Есенин!..

Не помню, какие стихи он принёс. Но я сказал поэту несколько сочувственных слов.

А молодой поэт стоял, потупившись, опустив глаза в землю. Имя Сергея Есенина тогда ещё ничего никому не говорило»[11].

Стоит сказать несколько слов о том, как Белоусов переводил Шевченко. В целом его переводы выполнены профессионально, хотя очень однообразно, без изюминки. Белоусов хорошо овладел техникой так называемого коломийкового стиха, которым написал многие свои поэтические произведения Шевченко. Это двустишие, каждый стих которого состоял из 14 слогов с обязательной цезурой после восьмого слога, который был очень популярен на Гуцульщине (само его название связано с городом Коломия), частично в Польше и на востоке Словении. Шевченко придал коломийковому стиху большую лёгкость и виртуозность, разделив каждою строфу на две: соответственно, первая из них являлась восьмисложной, вторая – шестисложной. Весь текст сти-

хотворения строился по этой заданной схеме. Коломийки, как правило, имели заданную композицию: образ природы первой строки по аналогии или по контрасту усиливает содержательное и эмоциональное значение высказанной автором мысли во второй строке.

Можно сопоставить несколько переводов Белоусова из Шевченко, чтобы убедиться, что они, хотя и сохраняют в целом мелодику песен украинского поэта, но по большей части своей лишены всяких нюансов.

Сравним:

У Шевченко	*У Белоусова*
Ой три шляхи широкії	Три дороги в перекрёстке
Докупи зійшлися.	Вместе все сошлися;
На чужину з України	По дорогам, мать покинув,
Брати розійшлися.	Братья разошлися.
Покинули стару матір.	Первый брат жену оставил,
Той жінку покинув,	А второй сестрицу;
А той сестру. А найменший —	Третий, младший брат, оставил
Молоду дівчину.	Красную девицу[12].

Ещё один пример:

У Шевченко	*У Белоусова*
Тече вода з-під явора	Течёт речка из-под дуба
Яром на долину.	Полем, долиною;
Пишається над водою	Наклонилась калина
Червона калина.	Низко над водою[13].

Рассматривая первый пример, нетрудно заметить, буквально следующий ритму коломийкового стиха текст Белоусова значительно уступает оригиналу по благозвучию и звукописи. Во втором случае перевод первой строфы известного стихотворения Шевченко, ставшего народной песней, наглядно показывает, как вольно обращается переводчик с текстом оригинала: у него явор (чинара) заменён дубом, овраг (яр) — полем, красная калина, символизирующая молодую девушку, не гордится своей красотой, а наклонилась в печали над водой. Закреплённые за образами деревьев в народно-песенной традиции значения игнорируются переводчиком — он произвольно подменяет один образ другим. В результате меняются как смысл стихотворения, так и вся образная картина мира.

Очевидно, юный Есенин был знаком с книгами Белоусова и его переводами из «Кобзаря» Шевченко и по совету своего наставника выбирает текст для собственного перевода. Им стал отрывок из лирической поэмы Т. Г. Шевченко

«Княжна». Белоусов её не переводил, но она вошла в «Кобзарь» 1900 г. в переводах русских писателей, автором перевода поэмы был Н. Л. Пушкарёв[14].

Надо отметить, что перевод поэмы Шевченко, выполненный Пушкарёвым, не был лишён достоинств: автор хорошо чувствует многие лирические сцены оригинала, передаёт их драматизм, но приходится сожалеть, что переводчик допускает неточности (поэтические и вокальные), вольные отступления от шевченковского текста. В результате поэма Шевченко теряет свою высокую художественность и звучит как одно из произведений поэтов второго ряда. Перевод Есенина был опубликован в мартовском номере журнала «Мирок» под названием «Село» (Из Тараса Шевченко) в 1914 г., то есть как раз к 100-летию со дня рождения Кобзаря. Если в целом сопоставить перевод Есенина с переложением Шевченко другими русскими поэтами, помещёнными в сборнике 1900 г., то нельзя не отметить, что юный поэт превзошёл всех других авторов (А. Плещеева, Л. Мея, С. Дрожжина, самого И. Белоусова) по полноте воссоздания шевченковской картины мира и передаче ритмической организации шевченковского стиха.

Появление есенинского перевода из Шевченко в сложной политической обстановке 1914 г. можно считать также своеобразным гражданским актом юного поэта, который, будучи под полицейским надзором, не побоялся обратиться к запрещённой российским правительством теме – юбилею украинского Кобзаря. Этот запрет широко обсуждался общественностью и стал темой острых дебатов в Государственной Думе 4-го созыва.

Вкратце коснёмся этого вопроса. Осенью 1913 г. был создан возглавляемый учёным-филологом Ф. Е. Коршем юбилейный комитет по празднованию юбилея Шевченко, в составе которого должны были работать литературная, музыкальная и хоровая комиссии. Торжественные мероприятия планировались не только по всей Украине, но и в Москве, Петербурге, даже в Варшаве. Российское правительство, наконец, согласилось на сооружение памятника Т. Г. Шевченко в Киеве[15]. Затем юбилейные торжества были запрещены. Левая фракция Думы и часть членов кадетской партии написали запрос Председателю Совета министров и министру внутренних дел о причине запрета юбилея Кобзаря. В феврале 1914 г. по этой теме началась дискуссия в Думе, которая вскоре плавно перешла к общей дискуссии о характере украинского движения. Весомым аргументом в дискуссии стал следующий аргумент: почему в Австро-Венгерской империи украинский вопрос решался в ином ключе, более близком к европейским стандартам, чем в Российской империи. Австрийские украинцы имели конституционные права, в том числе всеобщее избирательное право, право на развитие своей культуры и языка, право на получение образования на родном языке[16].

В этой дискуссии весьма значимой была точка зрения главы кадетской партии П. Н. Милюкова, который утверждал, что «украинское движение глубоко демократично», а причина его враждебности России – «результат деятельности Валуева, и теперь – Пуришкевича». Он пытался доказать, что украинофилы от-

казались от требований автономии Украины и федеративного переустройства империи, им достаточно культурной автономии. В речи Милюкова также содержались требования введения украинского языка в школе и университете[17]. С критикой украинского национального движения и поддерживавших его думцев выступил член фракции русских националистов А. И. Савенко (Киевская губерния). Он доказывал, что украинское движение враждебно России, что Австро-Венгрия причастна к его разжиганию, а в силу этого необходима борьба с украинским сепаратизмом. Его речь была эмоционально поддержана председателем Думы М. В. Родзянко.

Таким образом, юбилей Шевченко стал поводом для широкого обсуждения украинского вопроса и для политических дискуссий, о которых не мог не знать Есенин, так как члены Суриковского кружка по своим взглядам были преимущественно левыми и потому должны были возмутиться запретом празднования юбилея великого украинского поэта.

Сопоставляя тексты переводов Есенина и Пушкарёва из Шевченко, попытаемся доказать, в чём превосходство есенинского текста и насколько удалось юному поэту воссоздать шевченковскую картину мира[18].

У Шевченко
Село! І серце одпочине.
Село на нашій Україні —
Неначе писанка село...
Зеленим гаєм поросло.
Цвітуть сади; біліють хати,
А на горі стоять палати,
Неначе диво. А кругом
Широколистії тополі,
А там і ліс , і ліс, і поле
І сині гори за Дніпром.
Сам Бог витає над селом...

У Пушкарёва
Село — и сердце отдыхает!
Село в Украйне... Кто не знает
Украйны чудное село.
Цветут сады, белеют хаты,
Белеют барские палаты
С горы, как замок, а кругом
Ряд тополей шумит на воле,
А там всё лес, и лес, и поле
И Днепр и горы за Днепром...
Сам Бог витает над селом!

У Шевченко
Село! І серце одпочине.
Село на нашій Україні —
Неначе писанка село...
Зеленим гаєм поросло.
Цвітуть сади; біліють хати,
А на горі стоять палати,
Неначе диво. А кругом
Широколистії тополі,
А там і ліс , і ліс, і поле

У Есенина
Село! В душе моей покой.
Село в Украйне дорогой.
И, полный сказок и чудес,
Кругом села зелёный лес.
Цветут сады, белеют хаты,
А на горе стоят палаты,
И перед крашеным окном
В шелковых листьях тополя,
А там всё лес, и всё поля,

І сині гори за Дніпром.
Сам Бог витає над селом...

И степь, и горы за Днепром...
И в небе тёмно-голубом
Сам Бог витает над селом.

Есенин, выполняя вольный перевод шевченковского лирического отступления из поэмы, вступил в своеобразный поэтический поединок с Пушкарёвым и вышел из него победителем, создав поистине конгениальное произведение. Несмотря на отличия есенинского текста от оригинала (более энергичный ритм стиха за счёт использования мужских клаузул вместо женских в начальных строках, добавление ещё одной, двенадцатой строки, которой нет в оригинале, замена образа леса рощей, которая в оригинале сравнивается с пасхальным яйцом – писанкой), есенинская картина украинского села с центральным образом сада вполне соответствует шевченковской. Этот образ сада в творчестве Шевченко можно рассматривать как мотив-символ земного счастья, настойчиво проходящий через многие стихотворения украинского поэта («Садок вишневий коло хати...»; «І досі сниться: під горою... »; «Думи мої, думи мої... » и др.). Конечно, русскому поэту этот цветущий весенний сад был дорог не только благодаря книжной традиции, но и как сад его детства. Сестра поэта А. А. Есенина в своих воспоминаниях с нескрываемым восхищением писала об этом: «Непередаваемо хороши были эти сады, когда они цвели. Бывало, выйдешь из дому в сумерки или ранним утром – всё бело на розовом закате или утренней зари»[19].

Вместе с тем у Шевченко цветущий или зелёный сад, часто вишнёвый садик, служит не только для создания картин пасторали, но и для обозначения социально-бытовых контрастов существования человека в условиях крепостной неволи, нищеты. У Есенина этот план снят.

Несомненная удача Есенина – передача удивительного лиризма и нарастающей экспрессии шевченковского текста посредством использования адекватной фонетики, неслучайно некоторые читатели, как это уже не раз наблюдалось, относят есенинский вольный перевод из Шевченко к оригинальным стихам Кобзаря.

Есть основания утверждать, что Есенин был хорошо знаком с переводом Пушкарёва, так как в своём тексте даже использует некоторые его образы и строчки. Прежде всего это полное совпадение следующих строк: «Цветут сады, белеют хаты»; «Сам Бог витает над селом».

Причина, по которой пушкарёвский текст перевода уступает есенинскому, нам видится в банальности отдельных его образов, «смазанному» ритмическому рисунку стиха, использованию глагольных, неоригинальных рифм в первых строках:

Село – и сердце отдыхает!
Село в Украйне... Кто не знает.

История создания Есениным перевода из Шевченко и анализ есенинского маленького шедевра позволяет проследить духовно-эстетические поиски юного поэта и процесс необычайно интенсивного развития его художественного мастерства.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л., 1981. Т. 2. С. 111.

[2] В одном из писем из Томска к Н. Ф. Христофоровой Клюев в конце 1935 года писал о трагизме своего нахождения в ссылке: «Положение моё очень серьёзно и равносильно отсечению головы, ибо я, к сожалению, не маклер, а поэт. А залить расплавленным оловом горло поэту тоже не шуточки — это похуже судьбы Шевченка или Полежаева, не говоря уже о Пушкине...» (*Клюев Н. А.* Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы. СПб.: РХГИ, 1999. С. 372).

[3] *Кравченко Т., Михайлов А.* Наследие комет. Неизвестное о Николае Клюеве и Анатолии Яре. М., 2006. С. 211.

[4] См.: *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1978. С. 532.

[5] *Кисельова Л. О.* Шевченко і Клюєв (До проблеми типологічних зв'язків української та російської літератур) // Дослідження творчості Т. Г. Шевченка: Тематичний збірник наукових праць / Київський держ. університет. Київ, 1992. С. 62.

[6] *Клюев Н. А.* Сердце Единорога. С. 620.

[7] *Лазаревский Б. А.* Дневник // Николай Клюев. Воспоминания современников / Сост. П. Е. Поберёзкина. М., 2010. С. 109–110.

[8] Там же.

[9] *Устинова Е. А.* Четыре дня Сергея Александровича Есенина //Сергей Есенин глазами современников, СПб., 2006. С. 547.

[10] *Шубникова-Гусева Н. И.* Поэмы Есенина: От «Пророка» до «Чёрного человека»: Творческая история, судьба, контекст и интерпретация. М.: ИМЛИ РАН, 2001.

[11] *Белоусов Иван.* Цветок неповторимый (У гроба Сергея Есенина) // Памяти Есенина. М., 1926. С. 138.

[12] *Белоусов Иван.* Из «Кобзаря» Т. Г. Шевченко. Украинские мотивы. Киев, 1887. С. 6.

[13] Там же. С. 25.

[14] *Пушкарёв Николай Лукич* — поэт некрасовского направления, сборник его стихотворений вышел в 1869 г. Из его драматургических произведений известна драма «Ксения и Лжедмитрий». Издавал журнал «Московское обозрение», редактировал и издавал «Европейскую библиотеку», «Мирской толк», «Свет и тени», выступал и как переводчик. Переводил стихотворения Гейне, Барбье, Беранже, Шевченко, из драматических произведений: комедию Расина «Сутяги», драмы Гюго «Король забавляется» и «Торквемада», драму Шевченко «Назар Стодоля».

[15] «Українське питання» в Російській імперії. (кінець XIX — початок XX ст.) / За ред. В. Г. Сарбея. Ч. 1–3. Київ, 1999. Ч. 3. С. 96, 270–271.

[16] Конституционный закон об общих правах граждан, для королевств и областей, представленных в рейсхсрате (12 декабря 1867 года) // Хрестоматія з історії держави і права України. Т. 1 / За

ред. В. Г. Гончаренка. Київ: Ін Юре, 1997. С. 375–377; Історія держави і права України: Академічний курс / За ред. В. Я. Тація, А. Й. Т. 1–2. Київ: Ін Юре, 2000. С. 626–627.

[17] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 952. Л. 55–55 об.

[18] С целью более точного понимания текста Шевченко русскоязычным читателем прилагаем наш перевод, максимально приближенный к тексту оригинала:

Село! И сердце отдыхает.
Село в Украйне, тихом крае –
Как будто писанка село...
Зелёной рощей проросло.
Цветут сады, белеют хаты,
А на горе стоят палаты,
Как будто сказка. А вокруг
Все тополя, шумят на воле,
А там и лес, и лес, и поле,
Синеют горы над Днепром.
Сам Бог витает над селом...

[19] *Есенина А. А.* Родное и близкое // С. А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2-х т. Т. 1. М., 1986. С. 91.

Л. Г. Голубева (Москва)

С. А. ЕСЕНИН И Б. А. ГОЛУБОВСКИЙ: ИСТОРИЯ ОТНОШЕНИЙ

Борис Александрович Глубоковский (1894–1935) – актер, критик, беллетрист, драматург. Выступал в печати под псевдонимами Б. Г., Веев Б., Цвибельфиш.

Глубоковский – автор книг «Проклятый вопрос в России» (1914), «Трогательная повесть в XIV главах» о литературной богеме Москвы. Окончил юридический факультет Московского университета, но предпочёл актёрскую профессию. Вначале он поступает в театр Ф. А. Корша, затем переходит в Камерный театр А. Я. Таирова, где выступает как в качестве актёра, так и режиссёра-постановщика. Посещая «Кафе поэтов», Глубоковский сближается с имажинистскими кругами, где в 1919 г. и знакомится с Есениным. С этого времени они находятся в постоянных дружеских и деловых контактах. Имя Глубоковского нередко встречается рядом с есенинским на афишах многих литературных вечеров и различных мероприятий. Выступая с публичным чтением стихов Есенина и других поэтов-имажинистов, он пропагандирует имажинизм как новаторское направление в литературе.

В апреле 1920 г. он вместе с Есениным и другими имажинистами участвует в шутливом церемониале избрания Велемира Хлебникова Первым председателем Земного шара, состоявшемся в Харьковском городском театре.

С ноября 1922 г. начинает издаваться печатный орган имажинистов «Гостиница для путешествующих в прекрасном», в котором стихи Есенина соседствуют со статьями Глубоковского. Уже в первом ноябрьском номере печатаются есенинское «Прощание с Мариенгофом» и статья Глубоковского «Моя вера», опубликованная под псевдонимом Б. Веев. В этой статье автор излагает идеи, чрезвычайно близкие Есенину; в частности, он утверждает, что русское «...искусство последних десятилетий космополитично... <мы> предавали национальное содержание своё за чечевичную похлёбку космополитического дендизма»[1]. Он ратует за новое русское искусство: «Пусть это будет евразийская сущность, зато будет самобытная наша, русская, зато она лишена той меркантильно-прикладнической, вульгарно-утилитарной окраски, которую так назойливо навязывают ему подёнщики, приказчики, а не творцы»[2].

В этом же номере журнала в статье «В хвост и в гриву: Спорады» он настойчиво напоминает: «Чтобы писать Россию, нужно найти русский язык»[3]. Глубоковскому созвучно высказывание Есенина об имажинистах из его статьи «Быт и искусство (отрывок из кн. «Словесные орнаменты» (1920)): «У собратьев моих нет чувства родины во всём широком смысле этого слова...» [V, 220]

Примечательно, что на выход первого номера журнала берлинская газета «Накануне» (1922, 22 дек. № 317) откликнулась рецензией, в которой оба — Есенин и Глубоковский — стояли в первом ряду из перечисленных в ней авторов.

Как и Есенин, Глубоковский постепенно отходил от имажинизма. В последнем четвертом номере журнала (февраль 1924 г.) Есенин уже не значится среди «постояльцев гостиницы», Глубоковский же помещает здесь статью «Маски имажинизма», в которой рисует иронические портреты имажинистов. Вот портрет А. Мариенгофа: «Узкие руки. Острый подбородок. Стальные глаза, в которых купаются блики электрических ламп <...>. Ну как же не фат — смотрите дорожку пробора, — как линия образцовой железной дороги. Волосок к волоску <...>. Не кудрявый буйный пыл золотой растрёпанной головушки Сергея, — нет, — чёткий и гладкий пробор»[4]. В таком же иронически-юмористическом ключе выписаны портреты В. Шершеневича, Р. Ивнева, И. Грузинова.

Глубоковского остро беспокоила жизненная и творческая судьба Есенина. В одном из номеров журнала «Рампа» (1924, № 4, январь), выступая под псевдонимом Цвибельфиш и сообщая о публикации цикла стихов «Москва кабацкая», он одновременно осуждает литературную богему и высказывает мысль, что она губительно сказывается на есенинском таланте.

В мартовском номере журнала «Рампа» (1924, № 9) под тем же псевдонимом Глубоковский печатает свой «Святочный рассказ», где вновь с тревогой пишет о Есенине в той же кабацко-богемной обстановке.

После практического распада «Ассоциации Вольнодумцев» Есенина и Глубоковского увлекает идея создания общества литераторов и художников «Современная Россия»[5]. Как члены инициативной группы они вместе с П. В. Орешиным, А. К. Топорковым, Г. Б. Якуловым и др. на собрании в августе 1924 г. разрабатывают Устав общества, Положение об его издательской деятельности, составляют Декларацию. В списке членов общества Есенин значится как «поэт и теоретик», Глубоковский – как «прозаик и драматический актёр» [II, 251]. В печати сообщалось, что издательство общества «Современная Россия» готовит к печати первый номер журнала «Литературный вестник» с участием Есенина, Б. Глубоковского, И. Грузинова и др., но выход его не состоялся.

24 августа 1924 г. документы на разрешение создания общества «Современная Россия» поступили в административный отдел центрального Административного управления НКВД РСФСР. Ответ был получен только 19 мая 1925 г., в нём сообщалось, что учреждение общества «Современная Россия» нецелесообразно.

В ноябре 1924 г. дружеские, творческие и деловые связи Глубоковского с Есениным прерываются. Он арестовывается по делу «Ордена русских фашистов», где он якобы «занимал» пост «министра иностранных дел». По приговору КОГПУ от 25 марта 1925 г. он получает срок — 10 лет заключения в Соловецком лагере особого назначения (СЛОН). Глава же «ордена» А. А. Ганин и ещё шесть человек приговорены к расстрелу, каковой и приведён в исполнение 30 марта 1925 г.

Как это ни парадоксально, но незаурядные способности Бориса Глубоковского ярко развернулись именно на Соловках, где он проявил себя как блестящий организатор культурно-просветительной работы среди узников лагеря. Он создает Большой Соловецкий театр, для которого формирует труппу и сам участвует в ней в качестве актёра и режиссёра. Он активно участвует в печатных периодических изданиях лагеря — журнале «Соловецкие острова» и газете «Новые Соловки», где публикуется или под собственным именем или под псевдонимом Цвибельфиш.

Почти ни один номер «Соловецких островов» (где Глубоковский нередко выполнял функции редактора) и «Новых Соловков» не выходил без его очерка или фельетона. Тематический спектр его произведений был поразительно широк. Он писал о нравах уголовников, о воровском жаргоне и фольклоре, об истории Соловецкого монастыря и о многом-многом другом. В своих статьях он нередко нелицеприятно отзывался об администрации лагеря. В стенах лагеря в 1926 г. он выпустил книгу «49. Материалы и впечатления» (имеется в виду 49 статья уголовного кодекса «о социально опасных элементах»). Примечательно, что Б. Ширяев в книге «Неугасимая лампада», характеризуя периодическую печать Соловков, называет журнал «Соловецкие острова» «самым свободным из русских журналов, выходивших в то время в СССР»[6].

На Соловках Глубоковского застала страшная весть о гибели Есенина. Она всколыхнула почти всех узников СЛОНа, кто знал есенинскую поэзию или слышал о ней.

Глубоковский приложил все усилия, какие возможны были при его подневольном положении, чтобы достойно почтить память великого русского поэта и своего друга. В первых числах февраля 1926 г. по всей территории Соловков были расклеены объявления о предстоящем вечере памяти Есенина. Объявления гласили: «По инициативе Бор. Глубоковского ВПЧ I отд. устраивает вечер памяти великого народного поэта Сергея Есенина. В вечере примут участие лучшие артистические силы Соловков и находящиеся здесь поэты, бывшие члены ВСП. Вечер будет носить интимный характер. Доклад о творчестве безвременно погибшего поэта прочтёт Глубоковский»[7].

Глубоковский выступил с проникновенным, несколько сбивчивым от переполнявшей его скорби словом о личности и творчестве Есенина. Приведём отдельные фрагменты его выступления: «Лодки привезли нам тяжёлую скорбную

весть. Умер талантливейший поэт современности – Сергей Есенин <...> Буйная Русь – Русь Степана Разина и Емельяна Пугачёва, Русь великая в необузданном гневе, Русь златокудрого Сергея Есенина <....> Есенин глубоко национальный поэт. Он любил Русь скудных деревень, Русь батрацкую, Русь мужицкую. Сейчас перо отяжелело от печали / Сейчас голова от мыслей тяжела <....>. Умер поэт революции, и мы, заключённые, кому дороги революционные поэты, снимаем шапки перед свежей могилой»[8].

На вечере памяти многие его участники читали стихи Есенина, а также свои стихи, посвящённые безвременно ушедшему поэту. Звучали романсы на его стихи. Так, певица Перевезенцева блистательно, по отзывам слушателей, исполнила романс на стихи Есенина «Никогда я не был на Босфоре...»

Узник СЛОНа Глубоковский в течение всей своей недолгой жизни чтил память Есенина. В повести «Путешествие из Москвы на Соловки», над которой он начал работать в 1925-м и продолжил в 1926 г.[9], он описывает литературную жизнь Москвы и её непременного участника Есенина. В повести воспроизведён эпизод об участии юного Есенина в написании кощунственных стихов на стенах Страстного монастыря (май 1919 г.). Автор не называет имени Есенина – его герой скрывается под образом «златокудрого поэта» Володи. Ярко выписан портрет поэта, в котором без труда узнаётся Есенин: Он «был озорно юн. Золотые кудри напрасно расчёсывал тяжёлый городской гребень, серый пиджак и городское пальто не стёрли ситцевых красок с его капризно-весёлого и разгульно-робкого лица»[10]. Автор отмечает, как гипнотически действуют на аудиторию стихи Есенина в авторском исполнении: «Я прочту стихи, – сказал златокудрый поэт и направился к эстраде. В зале стихло. Напряжённо и звонко ударили в молчание крепкие цветистые слова. Как ни слова не понимали сидящие там, но покорил их златокудрый мальчик какой-то сладостной и таинственной силой»[11].

В повести приводится интересный диалог между автором и «златокудрым поэтом». «Он долго смотрел на кривляющийся язычок коптильника и молчал. Потом заговорил о родной Калуге, о полях, золотых как его голова, о добродушных коровах и о том, какой жирный месяц у него в деревне.

– Ты сам сделал такой месяц, – отвечал я ему.

– Я сделал? – Володя вздохнул: – Ничего я не сделал. Если что и делаю я, так это не я, а моя дальняя деревня за меня делает. Как деревня делать перестанет, как уйдёт от меня, так и не знаю... не знаю...

– А революция тебе ничего не даёт?

– Революция? Я бунт люблю, озорной охальный бунт. Шумно чтоб было. Тальянка тренькала. А революция... Революция. Вишь, слово какое серьёзное. Как ротационная машина слово это, а я люблю простые, как соха, слова»[12].

В печальной памяти Глубоковского Есенин предстаёт как «мальчик, юный мальчик, заблудившийся в лесу железных уличных фонарей»[13].

В 1930 г. в журнале «Соловецкие острова» (№ 1) прозаик публикует большую статью «Сергей Есенин: (Спорады)», в которой стремится снять с поэта всю шелуху накопившихся разноречивых оценок и явить подлинного Есенина, раскрыть сущность его трагедии: «Четыре года назад в номере гостиницы "Англетер" покончил с собой поэт Сергей Есенин. Нельзя забыть этого трагического дня, нельзя забыть величавых похорон, надгробных истерик: разноголосый хор почитателей и хулителей, "кадящих мертвецу, чтобы живых задеть кадилом", необъятные простыни воспоминаний и встреч, дифирамбы "великому национальному поэту" и порицания "упадочнику, неудачнику, хулигану... <....> В этом кавардаке тонет подлинное лицо поэта Есенина. И только теперь, когда "восторженных похвал прошёл минутный шум" и рассеялся дым кадильный — только теперь встаёт образ поэта в своей подлинной сущности»[14].

Глубоковский чутко прослеживает «крестный путь» поэта: от идейного и творческого влияния на него Н. Клюева, «этого мэтра "крестьянствующих поэтов"», до А. Блока.

Вопреки распространённому мнению о том, что в гибели Есенина повинно имажинистское окружение поэта, Глубоковский, корректируя своё ранее высказанное мнение, считает: «Имажинизм поднял Есенина до "большой темы", имажинизм заставил Есенина направить лирический поток в русло эпических заданий». Он указывает, что есенинские произведения, написанные в стиле имажинистской поэтики, «полны орнаментальной напряжённой образности»[15].

Теме «Есенин и революция» Глубоковский даёт такую трактовку: «Борьба революции с ветхозаветной старой Русью демонстрируется на арене творчества С. Есенина. Есенин — бунтарь, не революционер, а бунтарь, апологет крестьянского бунта, и этого Есенина Октябрь был должен раздавить. А поэтому, несмотря на ярко бунтарские строки, несмотря на прекрасный пафос бунта — Есенин весь в Руси, "истомлённой ношей крестной", и эта "тоска о прошлом" столкнулась с железобетонной революцией, и поэт должен был погибнуть»[16].

В финале статьи автор заключает: «Ища путей в этой новой советской деревне, преображённой индустриальной революцией, поэт заблудился в "Москве кабацкой", в извивах ночных улиц и, наконец, кончил "Чёрным человеком", упав "яблоком к чужим ногам"»[17].

В 1932 г. Глубоковский получает право на досрочное освобождение и проживание в Москве, где вновь поступает в Камерный театр. В работах современных литературоведов сведения о конце его жизненного пути (как и о дате его рождения) весьма противоречивы. Так, в послесловии Г. Русского к книге Б. Ширяева «Неугасимая лампада» (СПб., 1991) указывается, что он покончил с собой в 1937 г., отбывая ссылку в Сибири. Ю. Б. Юшкин в статье «Голос Соловков» (журн. «Образ». М., 1996. № 3(7)) называет датой смерти Глубоковского 1932 г.[18]. Эта же дата даётся в статье С. И. Зинина о Глубоковском в его биобиблиографическом справочнике «С. А. Есенин и его окружение»[19].

Подобная разноголосица – и в указании года рождения: например, в архиве НИЦ «Мемориал» это 1895 г. По-разному приводится и отчество Глубоковского. Так, бывший узник Соловков Д. С. Лихачёв в своих «Воспоминаниях» (СПб., 1995) называет его Николаевичем.

Приведённые факты свидетельствуют о явно недостаточной изученности личности Глубоковского. Однако несомненно то, что жизненная и творческая биография этого яркого представителя советской литературы и искусства 1920-х гг. заслуживает дальнейшего исследования и введения его в контекст истории нашей культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Веев Б.* Моя вера // Гостиница для путешествующих в прекрасном. 1922. № 1. С. 13.

[2] Там же.

[3] *Веев Б.* В хвост и в гриву // Там же. С. 26.

[4] *Глубоковский Б.* Маски имажинизма // Там же. 1924. № 4. С. 10.

[5] См. об этом: *Вдовин В. А.* Есенин и литературное общество «Современная Россия»: (Неизвестные страницы биографии поэта) // Советские архивы. М., 1971. № 6. С. 100–105; *Галушкин А. Ю.* Сергей Есенин и «Современная Россия»: Новые материалы // Столетие Сергея Есенина: Международный симпозиум. Есенинский сборник. Вып. III. М.: Наследие, 1997. С. 488–492.

[6] *Ширяев Б.* Неугасимая лампада. Нью-Йорк: Изд-во им. А. П. Чехова, 1954. С. 129.

[7] Новые Соловки. 1926. 7 февр. С. 2.

[8] Там же.

[9] См.: Соловецкие острова. 1925. № 10–12; 1926. № 1–7.

[10] Соловецкие острова. 1926. № 2–3. С. 56.

[11] Там же. С. 57.

[12] Там же. С. 68.

[13] Соловецкие острова. 1926. № 2–3. С. 68.

[14] *Глубоковский Б.* Сергей Есенин: (Спорады) // Там же. 1930. № 1. С. 26.

[15] Там же. С. 28.

[16] Там же. С. 27.

[17] Там же. С. 28.

[18] *Юшкин Ю. Б.* Голос Соловков // Образ. М., 1996. № 3(7).

[19] http://zinin-miresenina.narod.ru/g.html.

И. О. Машенкова *(Воронеж)*

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН В ТВОРЧЕСТВЕ ИОСИФА ЛЕВИНА

Имя Вениамина Михайловича Левина известно, пожалуй, всем есениноведам. Имя его младшего брата Иосифа, поэта, художника, также неоднократно встречавшегося с Есениным, прозвучало на Есенинском симпозиуме два года назад[1]. Вениамин Левин писал в своих воспоминаниях за три года до смерти: «Теперь, когда я подвёл итоги моим мыслям о творчестве Есенина, я вижу, как бережно нёс я его в себе, несмотря на все изменчивости его судьбы, столь трудной в российской действительности»[2]. «Можно предположить с большой долей уверенности, что и младший брат мог бы сказать то же самое, с той лишь разницей, что старший нёс в себе Есенина тридцать лет, а младший пятьдесят лет и четыре года», – это предположение В. П. Середы, главного хранителя музея Денисова в Тамбове, восстановившего по материалам музея биографию Иосифа Левина, подтвердила и дочь Вениамина Левина, Иоланда, благодаря воспоминаниям которой мы смогли открыть новые страницы истории жизни и творчества людей, хорошо знавших и любивших Есенина.

Иоланда Вениаминовна сделала нам драгоценный подарок – три книги Иосифа Левина: «Передел», «Моисей» и «Адамово зачатье», вышедшие в Париже в период с 1967 по 1976 г. Случайно или нет, она выбрала из творческого наследия своего дяди именно эти книги – биографический роман, пьесу на ветхозаветную тему и фантастический роман. Их можно представить как трилогию, отражающую связь с Есениным на разных этапах жизни и творчества Иосифа Левина: реальная встреча; вымышленный герой, наделённый чертами Есенина; творческий манифест.

Главный герой романа «Передел» художник Кашин, объединяющий в себе реальные черты Иосифа и Вениамина Левиных, переживает события из биографии обоих братьев. События эти описываются с документальной точностью, и один из таких эпизодов — встреча с Есениным в «Стойле Пегаса». К этому эпизоду Иосиф Левин неоднократно обращался в своих стихах и воспоминаниях; его описание почти дословно повторяется в статье «Сергей Есенин»[3]. Примечательно, что этот эпизод в романе не имеет дальнейшего сюжетного развития: он самодостаточен как значимый этап в жизни главного героя, как отличительная деталь его портрета.

В пьесе «Моисей» при довольно точном следовании ветхозаветному сюжету наряду с библейскими персонажами появляются персонажи вымышленные. Среди них – поэт Онан. Имя это переводится как «полный жизненных сил»; возможно, поэтому Левин выбрал его для своего лирического героя. Он появляется в пьесе неожиданно, уличённый в краже винограда на винограднике, и говорит, что он поэт. Его просят «почитать стихи». То же мы читаем и в воспоминаниях Иосифа Левина: «Много раз мы с Есениным собирались писать его портрет, но стоило только начать, как приходила толпа почитателей и просили читать стихи»[4].

Стихи, вложенные в уста этого персонажа, весьма отличаются ото всех прочих стихов Иосифа Левина. Они пересыпаны есенинскими мотивами и образами:

Утром пропел петух
На шестке над дровами.
Кликал коров пастух,
Шли тряся головами.

И не радовала сочность трав,
Говор ручья,
Солнце в тумане встав –
Заиграло холкой бугра.

Растянулись холстом облака.
Пролетала над озером птица.
И в кустах ивняка
Кивали листья – лица.

Плыл коровий «му»,
Коровьего сердца удары,
Это тягостный мык по телку,
Что на бойню свели монтаньяры.

И течёт тоска молоком
Из коровьих глаз в хлеву...[5]

Иосиф Левин, познакомившийся с Есениным в 1918 г. и вновь встретивший его в 1923-м, после возвращения поэта из зарубежного путешествия, был потрясён произошедшей с ним переменой. Свои впечатления он передал со всем присущим ему мастерством портретиста: «Во второй раз я встретился с поэтом в 1923 г., тоже в Москве, куда он вернулся из поездки по Европе и Америке вместе с Айседорой Дункан. На этот раз меня поразила большая перемена в нём:

светлые волосы потемнели, приняв пепельный цвет, глаза выцвели, как выцветает ситец, лицо бледное, мешки под глазами и он несколько сутулился в своём новом американском костюме»[6].

Так писал Левин-художник. Левин-поэт не мог не заметить перемен и в поэтическом языке Сергея Есенина. Но поэт из «Моисея» — это всё ещё тот, «светлый» Есенин:

Кто-то шёлковым швом
Эту темь прострочил
И бездонным ковшом
Расплескал свет светил.

Зачерпнул ведром
Месяц звёздную высь
И кривым черенком
На утёсе повис.

Раскололся в воде
На куски серебром
И исчез за кустом[7].

Пьеса «Моисей» написана в соавторстве с Вениамином Левиным, но закончена уже после его смерти. Созданию этой книги предшествовало много событий как в историческом плане, так и в личной судьбе двух братьев.

В день злополучного происшествия в Бронксе Вениамин Левин впервые слушает в исполнении Есенина монолог из «Пугачёва» и спустя 20 лет, с позиций жизненного и исторического опыта, осмысливает содержание есенинской поэмы: «Прошло много лет с тех пор, а многие ли из нас до самой глубины поняли смысл событий тех времён, а главное, наше собственное поведение и ту атмосферу, в которой мы жили? Легко всё столкнуть на "русскую историю", на её "опоздание", но ведь история творится живыми людьми, а живые люди должны понимать свои ошибки и уходить от них, иначе они не живые, а мёртвые.

В тот день, когда я стоял в Бронксе с Есениным рядом в квартире Мани-Лейба, Сергей Александрович уже видел мёртвых, омертвевших в злобе людей, да и самую страну. Мы ещё не дошли до одухотворённой истории. Наша ли это вина, или вина предшествующих поколений — не нам разобраться в этом. Скорей всего, это наша общая вина, всех тех, кто понимал, что такое дух народа и его вождей, понимал и не решался сказать правду ни себе, ни нам, ни власть имеющим»[8]. В авторизованной машинописи (находится в РГАЛИ) В. Левин добавляет: «Библейские темы его юношеских поэм всегда современны, точно

они происходят в наши дни. Но уже после "Пугачёва" он понял, что нужно говорить не шарадами, загадками и притчами, а прямо идти фронтовой атакой».

Братья Левины приступают к созданию пьесы, которая выйдет в свет лишь через 20 лет после смерти Вениамина. По сюжету и композиции эта пьеса не может не напомнить «Пугачёва». В пьесе восемь картин. Её главный герой ведёт людей, поверивших в его высшее предназначение и объединившихся под его началом, к свободе и лучшей жизни. Изнурённые длительным походом, люди отчаиваются и теряют надежду на благополучный исход. Заговорщики предлагают сдаться на милость неприятеля. В финале звучит предсмертный монолог главного героя.

Левин выстраивает не просто похожий сюжет с похожими образами — эти образы зеркально-симметричны, и осью симметрии является граница между миром человеческим и миром духовным, нравственный горизонт между небесным и земным.

И в «Пугачёве», и в «Моисее» образ главного героя соотносится с образом гроба. Это изначальное состояние мёртвой опустошённости Моисея:

> Лишь в деревянном теле деревянный ящик
> Всё тукает и укает и бьёт,

и состояние, которое добровольно принимает Пугачёв:

> ...в мёртвое имя влезть —
> То же, что в гроб смердящий [III, 28].

В душу Моисея входит Бог — и Моисей называет его «Я». Пугачёв сам «входит» в образ Петра III — и называет себя его именем.

Моисей, выполняя свою трудную миссию, постоянно обращается к Богу. Роль небесного покровителя Пугачёва и его соратников отведена луне.

Однако возможно и другое толкование, которое проявляется в сопоставлении «Пугачёва» с «Моисеем». Моисей — пророк, то есть проводник Божественной воли. Луна, отражающая солнечный свет, становится проводником этого света, так же, как колокол становится проводником воли в него звонящего. Позже, в своём «Трактате о сюрконсьянсилизме», который дошёл до нас в авторизованной рукописи[9], Левин писал: «Творчество опережает науку своим профетизмом». Таким образом, он определял творческий дар как пророческий. Не удивительно поэтому, что Есенина Левин называл «поэтом с пророческим клеймом на челе»[10].

Идею сверхчувственной живописи, сюрконсьянсилизма, Левин развивает в романе «Адамово зачатье». При всей фантасмагоричности сюжета и абстрактной устремлённости самой идеи нельзя не заметить истоков этого направления: «Прежде всего супер-чувствительность к окружающему миру не предметов, как

то было провозглашено кубизмом, а явление внутреннего мира человека духовного. В космосе нет ни верха, ни низа, пространство бесконечно. Центростремительная динамика и масса, благодаря чему мы вступаем в эпоху новых взаимоотношений человека с миром, не как раба машины, а как создателя и повелителя её, по заранее выработанному плану»[11]. Можно уверенно предположить, что отправной точкой для такого заключения были есенинские «Ключи Марии»: «...Опрокинутость земли сольётся в браке с опрокинутостью неба. Пространство будет побеждено, и в свой творческий рисунок мира люди, как в инженерный план, вдунут осязаемые грани строительства» [V, 203].

Помимо указанных трёх произведений, можно вспомнить и поэму «Человек в цилиндре», посвящённую Есенину, и роман. В последнем романе, обличающем расизм в США, весьма интересна такая деталь: имя маленького сына главного героя, негра Эдди Борна, — Мартин. Портрет левинского Мартина — как бы негатив с портрета Мартина из есенинского «Товарища».

Читаем у Левина: «Светлые волосы вились колечками и при его смуглой коже они как золотые петельки спадали на лоб»[12]; «Чёрные, большие глаза полны грусти»[13]. Ср. у Есенина:

> ... волосы, как ночь,
> Да глаза голубые, кроткие [II, 30].

Это негативное отображение находит объяснение: после того как Эдди был избит во время демонстрации, «ему сделали операцию глаза и он увидел мир подругому. Что казалось раньше белым, стало чёрным»[14]. Но связь с есенинским «Товарищем» не ограничивается только портретным отображением. Обращаясь к Мартину, отец говорит: «Мой сын! Сегодня во сне мне явился чёрный Христос, Он сошёл с креста, а крест был внезапно охвачен огнём и сгорел. Голос Его мне сказал: "Видишь, он Мне не нужен больше, когда Мои братья так страдают и их страданья – Мой крест"... Он поцеловал меня и сказал: "Это не будет вечно, эти страданья кончатся, сроки близки". С этими словами Он как бы истаял. И вдруг вижу луну, яркая такая, но внезапно она погасла и стало совершенно темно и снова луна осветилась и вновь погасла, и так несколько раз, пока не вспыхнула, но уже больше не гасла. Это, мой сын, должно означать время какое-то, о котором говорил Он»[15]. Конец цитаты вновь отсылает нас к «Пугачёву», в котором луна на протяжении всего действия так же претерпевает метаморфозы — от «жёлтого медведя» до «лошадиного черепа», но в обратном порядке; являя, таким образом, дурное предзнаменование.

Есть в этом романе и прямое упоминание Есенина. Эдди оказывается человеком начитанным, знающим Шекспира, Гёте, Толстого, Достоевского и Есенина. В письме из тюрьмы он делится своими размышлениями: «В защиту против насилия хочу вам привести очень интересное стихотворение, на которое я натолк-

нулся у одного русского поэта, Есенина. Он написал песню: "О хлебе"... Эта песня непонятна, если судить её "здравым" рассудком, она какой-то бред. Но странно, что бред этот затягивает, его нельзя отбросить, снова и снова возвращаешься к нему... Русский поэт догадался, откуда растёт злоба в человеке и почему он из-за хлеба убивает других, себе подобных. Первоначально пища была дана человеку небесная, но мы не захотели ею питаться. Эту параллель даёт нам поэт, давая понять, что нас приводит к "реальности", и войдя в неё, мы так легко теряем радость общения с вечным хлебом, с тем "продуктом", которым надлежит питаться.

Просматривая список книг тюремной библиотеки, я, мистер Гордон, подумал: неужели в американской поэзии не нашлось бы такого поэта, как этот русский Есенин, который так глубоко подошёл к теме об убийстве людей в своей поэме "Песнь о хлебе". Моё внимание, не знаю почему, остановилось на книге "Листья травы" Уолта Уитмена. Я почувствовал, что этот поэт глубок, как океан и широк, как весь мир... Я весь углубился в чтение этого поэта и заключил, что он – первый поющий о космосе, открывающий путь всему человечеству в безграничное пространство Вечности»[16].

Можно говорить о сборнике стихов «Улов», в котором был помещён посмертный портрет Есенина, сделанный Иосифом Левиным в Московском Доме литераторов в памятную декабрьскую ночь 1925 г. Можно говорить о первой его книге «Сказание о Вороне», о заметках и статьях в американской прессе, посвящённых русским и советским поэтам, творчество которых он, как по камертону, сверял по Есенину. При анализе всех его произведений напрашивается параллель с Есениным. Как в стихах Есенина до определённого периода непременно был источник света – будь то солнце, луна, заря или русалочьи окна – так и во всех произведениях Иосифа Левина светился Есенин.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Середа В.* Сергей Есенин и Иосиф Левин. Сергей Есенин: Диалог с XXI веком. Сборник научных трудов по материалам Международного научного симпозиума, посвящённого 115-й годовщине со дня рождения С. А. Есенина. Москва – Константиново – Рязань, 2011. С. 360–371.

[2] Цит. по: Русское зарубежье о Сергее Есенине. М., 2007. С. 234–235.

[3] *Левин И. М.* Сергей Есенин // Новая заря. 1963. 19 октября.

[4] Там же.

[5] *Левин Иосиф.* Моисей. Париж: Гриф, 1971. С. 51.

[6] *Левин И. М.* Сергей Есенин.

[7] *Левин Иосиф.* Моисей. С. 52.

[8] *Левин Вениамин.* Есенин в Америке // Новая заря. 1965. 3 ноября.

[9] Авторизованная рукопись «Трактат о сюрконсьянсилизме» была прислана И. М. Левиным его другу, тамбовскому собирателю Н. А. Никифорову, и в настоящее время хранится в фондах музея Денисова.

[10] *Левин И.* А. Блок, С. Есенин и В. Маяковский // Новая заря. 1964. 7 ноября.

[11] *Левин Иосиф.* Адамово зачатье. Париж: Гриф, 1976. С. 148.

[12] *Левин Иосиф.* Земная орбита. Париж: Гриф, 1970. С. 132.

[13] Там же. С. 190.

[14] Там же. С. 133.

[15] Там же. С. 173–175.

[16] Там же.

Е. С. Роговер *(Санкт-Петербург)*

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН И ВЕРА ЗВЯГИНЦЕВА

Среди современников и преданных почитателей Есенина следует особо выделить поэтессу Веру Звягинцеву (1894–1972). Она была старше поэта на один год, но пережила его на 47 лет. Её детство, как и у Есенина, прошло в деревнях (Лубянке и Кунчерово бывшей Саратовской губернии); она, как и автор «Радуницы», рано перебралась в Москву; прошла обучение на педагогических курсах (Есенин, как мы знаем, окончил учительскую школу). Она, подобно поэту, рано начала писать стихи; выразительно, как и он, их читала и неслучайно поступила в драматическую школу, которую окончила в 1917 г. Театральная деятельность Звягинцевой была связана с театром В. Мейерхольда, с которым будет соприкасаться — по иным причинам — и Есенин.

Свою первую поэтическую книжку «На мосту» она издала на шесть лет позже напечатанной поэтом «Радуницы» — в 1922-м, и с этой поры, оставив театр, она целиком посвятила себя поэтическому творчеству. Если Есенин одно время был членом Суриковского литературно-музыкального кружка, то Звягинцева ненадолго связала себя с «Музыкальной табакеркой», где её стихи услышал В. Я. Брюсов, предсказавший, что она непременно «будет поэтом»[1]. Её кумирами, как и кумирами Есенина, были А. С. Пушкин и А. А. Блок. Последний, как мы помним, признав свежесть и голосистость стихов «рязанского парня», принял некоторое участие в его судьбе. Звягинцева тоже с гордостью будет вспоминать, что видела Блока. Посвятив ему несколько своих стихотворений, она признавалась: «Люблю его больше всех на свете»[2].

Как и Есенин, Звягинцева с большим воодушевлением встретила сначала Февральскую, а затем Октябрьскую революцию (вспомним, что поэт принял её «с крестьянским уклоном»). Она была подготовлена к такому восприятию и опытом своей матери — «правдоискательницы» 70-х гг. XIX века, — и встречами со ссыльными студентами, и глубоким интересом к жизни и судьбе А. Н. Радищева, дом которого находился в селе Верхнее Аблязово, по соседству с городком Кузнецк Саратовской губернии, где прошли девичьи годы будущей поэтессы. Позже она напишет поэму, посвящённую трагедии Радищева. Есенин в первые послереволюционные годы является членом «Ордена имажинистов», — Вера Звягинцева чуть позже вступает в товарищество «Узел», объединившее П. Анто-

кольского, В. Луговского, Б. Пастернака, М. Зенкевича, И. Сельвинского и др. Общение с этими крупными поэтами, несомненно, много дало поэтессе: расширило её творческие горизонты, обогатило её стихотворную технику. Названные писатели приохотили её к переводческой деятельности, которой она с энтузиазмом занималась много лет, делая достоянием русских читателей творчество армянских и украинских поэтов. Сборник «Московский ветер» Звягинцева отсылает М. Горькому, который сердечно благодарит её и называет «поэтессой <...> вполне сложившейся»[3].

Звягинцева всегда проявляла глубокий интерес к творчеству Есенина, с которым неоднократно встречалась на поэтических вечерах. Она заворожённо слушала авторское чтение драматической поэмы «Пугачёв»; наблюдала за церемонией возложения на Тверском бульваре цветов к памятнику Пушкина, когда Есенин, стоя на ступеньках пьедестала, громко читал стихи о «могучем даре» того, кто «русской стал судьбой». Ей импонировали и есенинские ответы на анкету о Пушкине, напечатанные в журнале «Книга о книгах», особенно первый из отзывов: «Пушкин — самый любимый мною поэт. С каждым годом я воспринимаю его всё больше и больше...» [V, 225]. Звягинцева тоже посвятила автору «Евгения Онегина» свои строки, в частности, стихотворение «Пушкину», опубликованное в её сборнике «Избранные стихи».

Творчество Есенина оказало заметное влияние на стихи Веры Звягинцевой. Её, как и поэтического наставника, волнует мир родной русской природы, которую она чувствует и очень глубоко, и по-есенински тонко. Если поэт адресовал свои стихи ивам и ракитам, то поэтесса, по её признанию, страницу за страницей читает «лопухам стихи». Она верна памяти деревенской Руси и, по характеристике Г. Маари, «любит избу, где родилась, и даже дверь избы»[4]. Звягинцева, автор сборников «По русским дорогам» и «Вечерний день», дорожит своим бедным, но незабываемым сельским прошлым и следом за автором «Анны Снегиной» делится с читателем сокровенным:

Я и во сне отворяю калитку
В старый заросший крапивный двор.

В стихах Звягинцевой ощутим запах резеды, часто появляются «поля, поля, осенние деревья». Все эти образы родного «деревянного края» составляют широкое художественное полотно России, бесконечно ей дорогое. В стихотворении «Повиликой молодость повяла» поэтесса признаётся:

Если б там, нигде, меня спросили:
Чем же здесь ты счастлива была?
Я б сказала: я жила в России,
По её дорогам я прошла.

Как родственны эти строки признанию Есенина в стихотворении «Гой ты, Русь моя родная...»:

Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: не надо рая,
Дайте родину мою» [I, 51].

Рисуя образ своей страны, Звягинцева постоянно обогащает его яркой цветописью. Известно, что самым устойчивым был у Есенина синий цвет, в который он окрашивает поля, сумрак, озёра, небеса. То же и у поэтессы:

Льётся ровный синий-синий,
Поздний свет на поздний путь,
Поглядеть в глаза России –
Как живой воды глотнуть.

Двух поэтов роднит спокойная созерцательность, мягкая грусть, мотивы элегического звучания, эмоциональная непосредственность, нередко радостное приятие земного бытия. Звягинцева пишет: «И крикну жизни я: / Да, ты была прекрасна!» или «Слава жизни строгой, быстротечной, / Слава избранному мной труду, / Русской речи, ясной и сердечной, / На земле, в которую уйду». В творчестве обоих встречаются устойчивые, сквозные мотивы, особенно заметен образ звезды. У Есенина: «Гори, звезда, моя, не падай, / Роняй холодные лучи...» [I, 237]. У Звягинцевой: «Разгорелась тёплым светом / Зимняя моя звезда». Примечательно, что один из сборников поэтессы носит название «Зимняя звезда».

Столь же характерны для обоих поэтов образы луны, берёз, «звенящего слова», проникновенный образ матери. Кто из читателей не помнит эпистолярного диалога Есенина и его «старушки»! У Звягинцевой тоже есть обращение «К портрету матери». Постоянен у обоих авторов интерес к Кавказу, его поэтам и образам пряного, терпкого Востока. У Есенина это стихотворения «Поэтам Грузии», «Прощай Баку! Тебя я не увижу...», «Персидские мотивы»; у Звягинцевой – «Моя Армения», «Памяти Аветика Исаакяна», «Мартирос Сарьян». По её словам, ей «... Тяга к Кавказу, / Знакомая с детства, / От русских поэтов / Досталась в наследство».

Иногда в стихах Звягинцевой возникает и образ самого Есенина. Ведь, по её признанию, «Порой одна строка поэта – / Луч солнца в старом шалаше»:

Низкий дом с голубыми ставнями
Полюбился тебе и мне.

Я живу впечатленьями давними...
Вижу образ твой в светлом окне.

Совсем не случайно армянский исследователь и поэт Р. Ованесян пишет в предисловии к книге Звягинцевой «Зимняя звезда» «Её златокудрая муза идёт по светлым путям русской поэзии, принося с собой драгоценные отзвуки русского фольклора <...> Есенина и одновременно оставляя много простора для голоса самой Звягинцевой»[5].

Вот почему с такой болью восприняла поэтесса трагическую весть, пришедшую в самом конце 1925 г. из Ленинграда. Она откликнулась на неё двумя своими стихотворениями, помещёнными в сборнике 1926 г. «Есенин. Жизнь. Личность. Творчество»[6].

Первое из стихотворений Звягинцевой создано уже в день получения трагического известия – 30 декабря 1925 г. и озаглавлено «Сергею Есенину». Обращаясь к погибшему поэту, она дважды называет его другом и горестно укоряет за страшный поступок:

Послушай, друг, – ведь это ж не гитара,
Ведь не стакан, чтоб с горечи разбить...
Ведь на земле, промёрзлой и усталой,
Ещё осталось, что любить.

Вторая строфа передаёт отчаяние автора. Поэтесса хочет ещё сказать нечто наставительное, но горло сжимает спазм, она понимает всю бессмысленность назиданий – и умолкает. Здесь психологически точно показаны растерянность, подавленность глубоко переживающего человека:

Послушай, друг... Нет, не могу... не знаю...
Лицо в ладони. Холодно. Темно.

Сжатые, «спрессованные» предложения рисуют плачущую женщину. Но она берёт себя в руки и с усилием договаривает:

Как время-то кипит и пропадает,
Глотает всё воронкой водяной.

Это и обобщение, касающееся времени, и ещё один образ гибели в «воронке водяной». Перед автором возникает прекрасный образ жизнелюба, светлого и звонкого поэта:

Чья молодость звончей твоей звенела?
Как ты любил берёзы и луну!
Как мне Москва сегодня потемнела...
Как стало трудно плечи разогнуть...

Здесь выразительно всё: и сопоставление светлого лика и тёмной Москвы, и восклицание, и анафорическое повторение вопросительно-отчаянного «как», и двукратные отточия. Тот же контраст белого и чёрного организует последнюю строфу с её «крупицей» воспоминаний:

Я помню голос твой, охрипший, но задорный, –
Ты Пушкину протягивал цветы...
Сегодня и бульвар, и Пушкин в белом с чёрным,
Сегодня все слова — как выпиты — пусты.

Второе стихотворение создано через шесть дней, 5 января 1926 г. В нём Звягинцева вписывает случившееся в Ленинграде в контекст трагической истории Петербурга. Там погибли Пушкин («Там пуля в Пушкина влетела») и Блок («Там Блоку насмерть сжало грудь»), там пытал «окостенелый Николай» декабристов... И вот теперь Петербург

К себе на гибель приманил
Непетербургского такого,
Кто всех звончее жизнь любил.

Снова говорится о жизнелюбии Есенина и вновь употреблено слово «звонче», любимое и у Есенина, и у Звягинцевой, соотносимое со «звонкой» молодостью в первом стихотворении. Завершается отклик «На смерть Сергея Есенина» картиной трагических похорон, когда люди

И перепуганы, и смутны,
С перекосившейся душой,
За гробом, на ветру попутном,
Шагали талою водой.

До самого жизненного конца каждого останутся «тяжёлой памятью» «черты застывшего лица».

Вновь обратится поэтесса к образу Есенина через 39 лет, когда, отказываясь писать воспоминания о прошлом («Ковшом никак не вычерпаешь моря»), она припомнит лишь самые яркие эпизоды былого. В своём стихотворении «Вместо мемуаров» (1964) она впишет фигуру дорогого ей поэта в конспек-

тивно воссозданную галерею незабвенных писательских и режиссёрских портретов:

Я Блока видела (что там Бальмонта!),
Я знала Пастернака и Марину,
Заполнили бы книги половину
Солдаты стихотворческого фронта.

Шарф Мейерхольда, будто кумачовый,
Октябрьским флагом развевался в зале,
Степные ветры воздух разрезали,
Когда читал Есенин «Пугачёва».

Характерно, что это стихотворение было помещено в сборник «Венок Есенину», вышедший в 1988 г.[7] Так через всю жизнь русской поэтессы Веры Звягинцевой прошел образ Сергея Есенина, творчество которого оказало на неё несомненное воздействие.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Озеров Лев.* Работа поэта: Книга статей. М.: Советский писатель, 1963. С. 269.

[2] Там же.

[3] *Чуковский К.* Чудотворство любви // Литературная газета. 1965, 26 июня.

[4] *Маари Г.* Книга признательности // Литературная Армения. 1961. № 2. С. 90.

[5] Цит. по: *Маари Г.* Книга признательности. С. 90.

[6] Цит. по: Есенин. Жизнь. Личность. Творчество: Сб. под ред. Е. Ф. Никитиной. М., 1926. С. 29, 30–31.

[7] Венок Есенину. М.: Сов. Россия, 1988. С. 113.

С. Н. Пяткин (Арзамас)

«МОИ ВОСПОМИНАНИЯ БЛЁКНУТ И ДЕЛАЮТСЯ ДЛЯ МЕНЯ НЕЛЮБОПЫТНЫМИ...»: БОРИС САДОВСКИЙ И СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

Говоря о творческом наследии Бориса Александровича Садовского (1881–1952), представляется весьма затруднительным однозначно и чётко определить его литературного кредо. Пожалуй, что с равной силой своего художнического таланта он — сподвижник А. А. Блока, Андрея Белого, В. Ф. Ходасевича, В. Я. Брюсова — проявил себя и как поэт, и как прозаик, и как драматург, и как мемуарист, и как литературный критик и историк русской словесности.

Но так сложилось, что всё это богатое творческое наследство Садовского мы только сейчас начинаем открывать. И, к сожалению, это открытие происходит с не самой главной страницы его творчества — литературных мистификаций. Одна из них связана с именем С. А. Есенина. Это мемуарный текст «Встреча с Есениным (из воспоминаний)», который был впервые опубликован в 1992 г. в книге «С. А. Есенин: Материалы к биографии» с примечаниями и комментариями С. В. Шумихина[1]. Публикатор, датируя подделку 1926 г., указывает на то, что непосредственно подлогом в «воспоминаниях» выступают только стихотворения «За сухое дерево месяц зацепился...» и «Под июльскою берёзой...», принадлежащие самому Садовскому. История публикаций этих стихотворений под именем Есенина, равно как и история их разоблачения, подробно изложена в разделе «Намеренные публикации под фамилией Есенина» четвёртого тома Полного собрания сочинений поэта [IV, 533–534].

В мемуарных же свидетельствах, в первую очередь касающихся истории о посещении Есениным артистического кабаре «Привал комедиантов», *«как и в других своих мистификациях,* – отмечает С. В. Шумихин, – *Садовской искусно смешивает реальные факты с придуманными* [курсив наш. – *С. П.*]»[2].

Основным мотивом, побудившим Садовского к литературным мистификациям, С. В. Шумихин считает своеобразную месть писателя «редакциям и издательствам, пренебрегшим его оригинальными произведениями»[3]. Правда, в другом месте публикатор «Встречи с Есениным» смягчает свою категоричность и предлагает в качестве альтернативы другой возможный мотив: «...Не было ли это попыткой утопающего в водах Леты схватиться за соломин-

ку, чтобы хоть таким сомнительным способом напомнить будущим поколениям о себе?»[4]

Обе эти версии вполне реалистичны и правдоподобны, поскольку прямо исходят из драматических перипетий судьбы Садовского в послереволюционное время. И здесь, по сути, вполне имеет право на существование и самая что ни на есть бытовая версия появления мистификаций автора «Встречи с Есениным». Разбитый параличом писатель, выброшенный «на обочину» большой литературной жизни и испытывающий крайнюю нужду, мог и ради небольшого заработка пойти на подобный шаг[5].

Впрочем, цель настоящей работы заключается не столько в анализе возможных причин, побудивших Садовского к созданию подложных воспоминаний, сколько в попытке уяснения авторского замысла и его художественного воплощения в конкретном мемуарном тексте.

Для начала приведём одно любопытное эпистолярное признание Садовского Ольге Геннадьевне Шереметевой, датированное сентябрём – октябрём 1925 г., которое по объективным причинам не было учтено С. В. Шумихиным при подготовке к публикации «Встречи с Есениным»: на тот момент переписка ещё не была извлечена из архива.

На просьбу Шереметевой высказать своё отношение к Ахматовой и Есенину Садовской даёт лаконичный и весьма образный ответ: «Ахматова – Надсон в юбке, Есенин – хулиган (это по личному знакомству, а стихов его не читал)»[6].

Отметим, что подобная оценка нисколько не должна смущать. Садовской действительно мог не читать Есенина. Он как литературный критик – и в «Весах», и в «Мусагете» – являлся «специалистом», если можно так выразиться, по рецензиям на только что вышедшие *книги* поэтов. Любопытное свидетельство на этот счёт оставил Андрей Белый: «Часто являлся в "Весы" к нам поджарый, преострый студентик; походка – с подёргом, а в голове – ржавчинка <...> глазки карие; сведены сжатые губы с готовностью больно куснуть те две книги, которые он получил для рецензий»[7].

Первая же книга Есенина, «Радуница», как известно, выйдет из печати только в 1916 г., когда тяжелобольного Садовского, кочующего из одной больницы в другую, литература интересовала меньше всего. Да и сама *внешняя* литературная жизнь, о чём свидетельствуют заметки в дневниках и многочисленные эпистолярные высказывания, для него навсегда остановится в этом году[8].

Для нас есенинское «хулиганство» связано, прежде всего, с литературной маской, которая характеризует творческое поведение поэта на рубеже 1910–1920-х гг. Садовской находит в Есенине «хулигана» значительно раньше и сугубо «по личному знакомству». Рискнём предположить, что начало такому знакомству было положено 26 октября 1915 г. на вечере поэтов группы «Краса» в Тенишевском училище. Отметим, что выступление на этом вечере Есенина, зафиксированное в противоречивых по своему содержанию мемуарных и крити-

ческих источниках, стало публичным дебютом на широкой публике молодого поэта. А предстал он весьма искушённой публике в образе «златокудрого Леля», который станет первой и, быть может, самой яркой творческой маской-ролью Есенина[9].

Садовской, присутствовавший на вечере «Красы», опубликовал отчёт о нём под названием «Беседный наигрыш». Критик прямо обошёл своим вниманием выступление Есенина, косвенно – дал ему уничижительную оценку: «Дегтярные сапоги и парикмахерски завитые кудри дают фальшивое впечатление пастушка с лукутинской табакерки. Этого мнимого "народничества" лучше избегать»[10].

Здесь важно понимать, что выступлению крестьянских поэтов Садовской придавал большое значение и шёл на этот вечер с определёнными надеждами. К тому времени полностью разошедшись с символистами, он видел в появлении новых школ и течений модернистской поэзии углубляющийся кризис русской литературы. Выход из кризиса и – не много не мало – «спасение» всей литературы могли состояться, по Садовскому, через экспансию духовных ценностей патриархальной провинции в современную культуру.

В своей книге «Озимь», вышедшей незадолго до вечера в Тенишевском училище, Садовской страстно убеждал: «Там, где-то, в деревенской глуши, в городках уездных, на постоялых дворах, на родительских погостах, сидят те, кому дано двинуться, обновить Россию и освободить её искусство и язык. Добро пожаловать, дорогие гости! На плечах своих благоговейно принесёте вы из заповедного захолустья те самые древнего письма дедовские иконы, что похваляются здесь побросать в воду столичные авиаторы и шофёры <...>. Целомудренный росток русской поэзии тогда лишь прозябнет вновь, когда из нечистых рук истощённого эстета лиру примет могучий земледелец»[11].

В Есенине Садовской, скажем так, не распознал одного из тех, кому дано «освободить искусство и язык России», а лишь увидел деревенского озорника с ливенкой-трёхрядкой в руках, эстетствующего земледельца, сыплющего частушками с «кандибобером», попросту – литературного хулигана, компенсирующего отсутствие творческого дарования игрой в поэта из народа.

Миссию же «освободителя», как это явствует из той же статьи «Беседный наигрыш», Садовской возложил на Клюева, символично утвердив это миссионерство заимствованием в названии своей статьи названия клюевской былины[12]. Год спустя в своём авторском сборнике «Ледоход» (1916) Садовской и вовсе объявит Клюева подлинно народным поэтом и вновь обойдёт молчанием Есенина[13].

А теперь самое время вернуться к мистификации Садовского. Особо подчеркнём, что в тексте «воспоминаний» автор не пытается постфактум представить Есенина как поэта; не стремится своё незнание творчества Есенина подменить общими местами рассуждений о народности его лирики, о фольклорных основах его стихов и т. д. и т. п. А ведь для этого и требовалось Садовскому, не

читавшему Есенина, лишь без прежнего сарказма вспомнить о дегтярных сапогах и канавушках с частушками юного поэта.

Симптоматично, что Садовской ничего не говорит о том, какие стихи были прочитаны ему при первой встрече: талантливые/бесталанные, оригинальные/подражательные; названия, строки, запомнившиеся образы.... И вместе с тем, указывая на место личного знакомства с Есениным – «у покойного поэта В. А. Юнгера», – считает важным при этом добавить: «автора талантливой книги "Песни полей и комнат"». А то, что Есенин записывает в альбом, аттестуется автором «воспоминаний» как «вещица», причём не характерная для поэта. Второй же текст, сочинённый Есениным за «десять минут», всего лишь пародия на стихи Садовского, которой ввиду её несерьёзности даже не нашлось места в альбоме, она записана «без всяких помарок на обороте кондитерской коробки».

Несмотря на то, что Садовским приводятся два стихотворения, занимающих почти треть всего печатного пространства текста «воспоминаний», центр тяжести в нём ощутимо смещён с фигуры Есенина на изображение быта и нравов литературного Петербурга.

В предварение рассказа о первой встрече с Есениным Садовской скупыми, но весьма выразительными мазками рисует жизнь «модных петербургских литераторов», в которой собственно литературе, творчеству места и не находится. Здесь сочиняются повести на тысячу рублей и набело диктуются романы секретарям и жёнам.

Есенин у Садовского на фоне этой «ватаги "растленных перьев"» выделяется «светлым пятном». Однако такое образное именование ничем не мотивируется в тексте, разве что подчёркнутой скромностью и застенчивостью юного поэта, только ступившего в нечистоплотный мир «столичной культуры». Тесное соприкосновение с ним, что составляет сюжет второй встречи, оборачивается для Есенина мощнейшим потрясением.

Напомним, что здесь рассказывается о посещении Есениным в компании со своим новым знакомым по прозвищу Вурдалак модного петербургского кабачка, завершившемся объяснением в любви с «соответствующими» жестами со стороны есенинского попутчика. Садовской подробно описывает эмоциональную реакцию Есенина на подобные недвусмысленные знаки внимания: «Он кричал и катался по полу, колотил кулаками себя в грудь, рвал на себе волосы и плакал».

В обширном корпусе мемуарной литературы о Есенине, если иногда и встречается изображение аффективного состояния поэта, близкое к описанному Садовским, то оно, как правило, вызвано алкогольным опьянением и относится к более поздним годам жизни Есенина. И, на первый взгляд, такое выражение чувств в передаче Садовского граничит с нарочитой театральностью, что, казалось бы, ведёт к обезличиванию мемуарного героя, лишает его индивидуальности. Отчасти так оно, думается, и есть. В то же время, смеем полагать, что Садов-

ской, являясь тонким и взыскательным мастером косвенных форм психологического изображения, даёт вполне аутентичную своему герою картину внешнего выражения его эмоционального потрясения.

В прозе Садовского аффективные состояния персонажей – не редкость. Их психологическое решение способствует детальной художественной прорисовке сложных и многообразных характеров. Вот как в рассказе «Петербургская ворожея» (1909) Черкес (Мансуров), «рыцарь лихой» «любви, свободы и вина», переживает известие о нелепой смерти своего друга, предсказанной немецкой гадалкой: «Черкес ахнул и побледнел, как скатерть. Глаза его остолбенели, задрожавшие руки уцепились судорожно за стул, и тарелка вдребезгах зазвенела на полу»[14].

И ещё пример из рассказа «Бурбон» (1912). В сабельном поединке сходятся выслужившийся из солдат в корнеты некто Мокеев и его вчерашний командир, а ныне равный по офицерскому статусу поручик Греминицын. Победа справедливо остаётся за корнетом, защищавшим на дуэли и свою честь, и честь своей невесты. Но как неожиданно и психологически выверенно даётся в финале образ победителя, который, «стоя над покойником, ревел, как баба, и крупные слёзы дробно бежали по рябым щекам»![15]

В мемуарном эпизоде о Есенине автору важно, прежде всего, передать нравственную чистоту юного создания, впервые в жизни соприкоснувшегося с природной противоестественностью содомского греха. И с этой точки зрения психологическое решение есенинского образа представляется вполне правдоподобным и реалистичным. В целом образ Есенина в «воспоминаниях» Садовского не покидает заданных ему пределов во многом схематичной доминанты, словесно оформленной в начале мемуарного текста: «скромный, застенчивый юноша, почти мальчик». Этот мальчик, по сути дела, оказывается один на один со страшным миром «растленных перьев» и растленных душ. Садовской, как уже ранее отмечалось, свидетельствует о двух встречах с Есениным, хотя заглавием мемуарного текста он афиширует только одну. И в этом, на наш взгляд, никакого противоречия нет. Встречи действительно (по факту) описаны две, но они лишь дополняют друг друга и способствуют воссозданию единого и неизменного образа Есенина, т. е. в художественном континууме текста две встречи трансформируются в одну.

Автору «воспоминаний», как бы это странно ни звучало, важен не Есенин сам по себе, а идея, которую он воплощает посредством своего героя: путь в большую литературу, к славе, к успеху молодого поэта, не искушённого «прелестями» цивилизации, проходит сквозь великие и губительные соблазны, этой же литературой и порождённые и выдаваемые за содержание подлинной человеческой жизни[16]. Но, согласимся, в высшей степени показательно, что такая идея получает своё художественное выражение именно в образе Есенина.

Пройдёт ли свой путь до конца «скромный, застенчивый юноша», не растеряв в душе чистого детского начала? Ответ на этот вопрос находится за услов-

ными скобками описанных встреч с Есениным. Самому Садовскому, уроженцу провинциального Ардатова Нижегородской губернии, студентом-недоучкой покорившему столичный литературный бомонд, этот путь не удался[17].

Кажется понятным, почему Садовской, зная, с его же слов, Есенина как «хулигана», не привёл в своих «воспоминаниях» соответствующие такой репутации эпизоды. Тогда бы нарушилась стройность идейно-художественной структуры текста, основанной на антитезе, кстати говоря, композиционном приёме, встречающемся во многих прозаических произведениях писателя. Да и так ли уж значимо в данном свете литературное «хулиганство» (а иного в то время просто не могло и быть) Есенина, не преступающего традиционных установлений и норм национальной жизни?

Возвращаясь к высказанной ранее мысли о смещённом центре тяжести в «воспоминаниях» Садовского, укажем на то, что в повествовании происходит плавное чередование крупных (жизнь «модных петербургских литераторов») и мелких («тёмно-гранатовый галстук из Ниццы») планов, а в фокусе внимания при этом неизменно присутствуют социокультурные реалии исторического быта дореволюционного Петербурга. Читателю, ожидающему в «воспоминаниях» получить новую для себя информацию о жизни и творчестве Есенина, кажутся излишними и подробная история кабачка, в который отправились Есенин с Вурдалаком, и развёрнутое определение петербургского перифраза «андрониковские мальчики». Но в том-то всё и дело, что, несмотря на столь многообещающее в информационном отношении заглавие, у Садовского Есенин не является лицом «первого плана», как того негласно требует традиция мемуарного жанра воспоминаний о ком-либо.

Вслед за В. Э. Вацуро мы особо подчёркиваем, что «исторический быт для Садовского – не тема, а мировоззренческая категория»[18], что, собственно, и заключает в себе изображённый мир «Встречи с Есениным», явленный в системе чётких аксиологических акцентов автора. Вместе с тем всё это можно не без оснований считать отличительной особенностью художественного стиля, объединяющего «Встречу с Есениным» со всем прозаическим наследием писателя. Немалую его часть составляют произведения, стилизованные под различные жанры мемуарной литературы, как правило, XVIII–XIX веков, что актуализирует в повествовании статус рассказчика. Его роль заключается в последовательном развёртывании картин и сцен, воссоздающих в языке, вещах, обычаях изображаемую эпоху, вокруг авторской оптической оси взгляда в прошлое.

Это важнейшее субъектно-тематическое свойство прозы Садовского и роднит – а в определённом смысле делает похожими – «Встречу с Есениным» с «Тремя встречами с Пушкиным» и с «Записками (1881–1916)». По поводу последнего текста Садовского С. В. Шумихин, думается, очень точно подметил, что они («Записки») «в значительной степени литературное произведение, ориентированное на особый "мемуарный" жанр»[19]. Данное определение, по на-

шему убеждению, вполне может быть распространено на всю «мемуарную» прозу Садовского. В отношении к «Встрече с Есениным» такое определение представляется тем более весомым и значимым, поскольку «воспоминания» о Есенине по большому счёту являются извлечённым фрагментом из текста «Записок». Так, основное содержание первой встречи, посвящённое в основном «жизнеописанию» круга «модных петербургских литераторов», правда, без упоминания имени Есенина, почти слово в слово присутствует в седьмой, последней, части «Записок», озаглавленной «Петербург»[20]. С большой долей вероятности можно утверждать, что и сюжет второй встречи изначально располагался в этой же главе.

В конечном счёте мы склонны утверждать, что «Встреча с Есениным» изначально не подлог и не мистификация, а художественное произведение, с лукавым и умелым изяществом стилизованное автором под мемуарный жанр литературных воспоминаний, который ценен в первую очередь как *художественный документ эпохи* со смысловым акцентом на последнем слове. Документ, обладающий известным правом художника на собственную точку зрения. Эпохи, которая ещё теплится в воспоминаниях Садовского, что с каждым днём «блёкнут и делаются» для него «нелюбопытными»[21].

Такое признание сродни смертному приговору для человека, хронометр жизни которого остановился в далёком 1916-м. Возвращение в собственное прошлое становится для Садовского единственным источником осмысленного земного существования. Пробуждать прошлое силой воображения, закрепляя его в незамысловатых сюжетах, переносимых на бумагу, значит застраховать свои воспоминания от слабеющей памяти. В перспективе сказанного заслуживает внимания одна дневниковая запись Садовского, датированная 1933 г.: «Вот когда моё прошлое совсем зарастёт бурьяном, лет эдак через пять, если буду жив, достану я из сундука весь мой архив, перечитаю, и тогда...»[22]

Фраза обрывается многозначительным и по-своему многообещающим словом. И наша заметка в определённой степени и является филологическом размышлением над тем, что же будет «тогда»...

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Садовской Б. А.* Встреча с Есениным (из воспоминаний) // С. А. Есенин: Материалы к биографии. М., 1992. С. 335–338; примечания и комментарии: с. 430–433. Далее текст Садовского приводится в статье по этому изданию; ссылки на него не оговариваются.

[2] *Садовской Б. А.* Встреча с Есениным. С. 431.

[3] Там же.

[4] *Шумихин С. В.* Писатель из Новодевичьего монастыря // *Садовской Б. А.* Лебединые клики. М., 1990. С. 459. См *его же*: Узоры Бориса Садовского // *Садовской Б. А.* Стихотворения, рассказы в стихах, пьесы и монологи. СПб., 2001. С. 19.

[5] В 1925 г., обращаясь к О. Г. Шереметевой за протекцией для устройства в медицинские учреждения Советской России, Садовской писал: «Помните главное, я инвалид, заболевший на советской службе и получивший за это пенсию 15 руб. в месяц» [подчеркнуто автором. – *С. П.*]» (*Садовской Б. А.* Морозные узоры. С. 462.). В начале 1926 г., хлопоча о пенсии, он пишет лично ему не знакомому В. В. Вересаеву: «С 1916 г. я страдаю табесом и дошёл до полного убожества. *Средств у меня нет, жить не на что* [курсив наш. – *С. П.*]» (Цит. по: *Шумихин С.* Практика пушкинизма (1887–1999) // Новое литературное обозрение. 2000. № 41. Электронная версия журнала. http://magazines.russ.ru/ nlo/2000/41/shumih.html. Дата обращения: 17 октября 2012 г.).

Шереметева Ольга Геннадьевна (1885–1941), переводчик, мемуарист. В первом браке была замужем за Б. Б. Шереметевым, старшим инспектором книгопечатания и книжной торговли в Москве. В доме графа С. Д. Шереметева на Воздвиженке прожила всю жизнь; вырастила четверых детей, была свидетельницей страшных революционных событий: расстрела Кремля, разорения графского дома и расправы с его обитателями. В январе 1919 г. здесь у неё на руках умер муж. Вторым браком – за А. А. Сиверсом. Оставила воспоминания «Обыск на Воздвиженке», относящиеся к 1918 г. (напечатаны в кн. «Шереметевы в судьбе России». М., 2003. С. 275–276). Переписывалась с Садовским с 1910 по 1928 гг., до переезда последнего в Москву. Погибла в Москве при налёте немецкой авиации. Подробнее см.: *Шереметева О. Г.* Дневник и воспоминания. М., 2005.

[6] *Садовской Б. А.* Морозные узоры. С. 464–465.

[7] *Белый Андрей.* Начало века. М., 1990. С. 421.

[8] Из письма Садовского О. Г. Шереметевой от 30 марта 1921 г: «Живу я в тихой кабинетной обстановке. Пишу, читаю, думаю. *Время для меня остановилось на 1916 году*, и я во всех отношениях экстерриториален, но даже, смею сказать, внемирен [курсив наш. – *С. П.*]» (*Садовской Б. А.* Морозные узоры. С. 456).

[9] См. отзывы об этом вечере: Летопись жизни и творчества С. А. Есенина: В 5 т. Т. 1. М., 2003. С. 272–401.

[10] *Садовской Б.* Беседный наигрыш (Отчет о вечере поэтов «Краса») // Биржевые ведомости, 30 окт. 1915. Утренний выпуск.

[11] *Садовской Б. А.* Озимь. Статьи о русской поэзии. Пг., 1915. С. 74–77.

[12] Ср.: «...Стих Клюева во многих местах достигает большой выразительности и силы. Избегая преувеличения, скажем только, что, как поэт, – Клюев избрал верный путь, по которому не сумел вовремя пойти его далёкий предок Кольцов. Клюев взял из интеллигентной поэзии только то, что было ему нужно: чёткость формы и широту творчества...» (*Садовской Б.* Беседный наигрыш).

[13] См.: *Садовской Б. А.* О народных поэтах // *Садовской Б. А.* Ледоход. Пг., 1916. С. 142–143.

[14] *Садовской Б. А.* Лебединые клики. С. 218.

[15] Там же. С. 274.

[16] В своём эссе «Святая реакция» (1921) Садовской прямо указывает: «Искусство значит – искушение. Сатана, искусив прародителей, насадил искусство. Лиственный пояс Евы был первым художественным произведением. И человечество закрывается им от страшного смысла жизни» (*Садовской Б. А.* Лебединые клики. С. 434).

[17] Примечательна в данном отношении дневниковая запись нижегородского епископа Варнавы, исповедовавшего писателя в 1921 г. и помогшего ему воцерковиться: «Позвали к одному больному,

уже второй раз. Это известный наш поэт и писатель N (Садовской, который написал "Ледоход"). Прожил жизнь блудно и атеистом. Теперь расплачивается за прошедшую жизнь (впрочем, он молодой человек, лет 35–40), прикован к креслу и постели. Но хотя с виду <он> жалкий человек, душа же его раскаялась во всех своих прегрешениях, а болезнь его теперь является, с одной стороны, очищением от прежних грехов, а с другой – пособием и побуждением к духовной жизни. Господь не оставляет его Своим утешением» (Цит. по: *Проценко П. Г.* Биография епископа Варнавы (Беляева): В небесный Иерусалим: История одного побега. Н. Новгород, 1999. С. 274).

[18] *Вацуро В. Э.* Послесловие [к роману Б. Садовского «Пшеница и плевелы»] // Новый мир. 1993. № 11. С. 148.

[19] *Садовской Б.* Записки (1881–1916) / Публ., вступ. ст. и прим. С. В. Шумихина // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 1994. С. 106.

[20] См. *Садовской Б.* Записки (1881–1916). С. 177–178.

[21] *Садовской Борис.* Заметки. Дневник (1931–1934) // Знамя. 1992. № 7. С. 191. Публикация *И. Андреевой.*

[22] Там же. С. 187.

А. С. Акимова (Москва)

«НАМ ПРО ЭТО НЕ ПЕТЬ»: ЕСЕНИНСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ПОЭЗИИ БОРИСА КОРНИЛОВА

В 1926 г. в журнале рабочей молодежи «Смена» появилась статья-предостережение Л. Колесникова «О Есенине»[1]. Успех Есенина и популярность его лирики «среди учащейся, вышедшей из рабоче-крестьянской среды, молодежи <...> среди служилого люда» и интеллигенции, «которая действительно приемлет революцию» после его смерти вызывали большие опасения, так как чтение стихов Есенина называли причиной самоубийств. Потому появилась необходимость «разоблачить Есенина» и таким образом «оттянуть» от него молодёжь. Задача «Смены» состояла в том, чтобы указать на двойственность Есенина: он не только «хулиганствующий отрицатель», во всём разуверившийся и ищущий в смерти спасения, но прежде всего талантливый крестьянский поэт, успех которого кроется в его «задушевности, в уменье приподнять грубую кору и обнажить тончайшую ткань человеческих переживаний»[2]. Правда, как замечает автор статьи в финале, «человечность вообще не удовлетворяет нашу эпоху». Есенин не смог жить в ладу с современностью и поэтому его нужно читать «насторожась», предостерегал Колесников. Его совету поэт Б. Корнилов не последовал.

Начинающий поэт Борис Корнилов мечтал показать свои стихи Сергею Есенину, но их встреча не состоялась: он приехал в Ленинград в январе 1926 г. Корнилов записался на Высшие курсы искусствознания при Институте истории искусств и одновременно вошёл в литературную группу «Смена», близкую по своим установкам к РАППу. Участниками объединения были рабочая молодёжь, вузовцы, школьники: Борис Лихарев, Дмитрий Левоневский, Ольга Берггольц, Геннадий Гор, Леонид Рахманов, Александр Гитович и Илья Авраменко (с 1927 г.). Руководителем «Смены» был Виссарион Саянов, с конца 1927 г. – Валерий Друзин. О первой встрече с Корниловым на одном из собраний литгруппы в феврале 1926-го О. Берггольц писала: «С безумной робостью появилась я в этой группе. Мы встречались не реже двух – трёх раз в неделю в доме № 1 по Невскому проспекту, под самой крышей этого дома. Я приезжала на Невский, 1, напротив Адмиралтейства, тайком от бабушки, от папы и мамы и других родственников. Вот там я и увидела коренастого низкорослого парниш-

ку в кепке, сдвинутой на затылок, в распахнутом пальто, который независимо, с откровенным и глубочайшим оканьем читал стихи <...>. Глаза у него были узкого разреза, он был слегка скуласт и читал с такой уверенностью в том, что читает, что я сразу подумала: "Это ОН". Это был Борис Корнилов — мой первый муж, отец моей первой дочери»[3].

Стихи Корнилова печатали в ленинградском журнале рабочей молодёжи «Смена», в молодёжных литературно-художественных журналах «Юный пролетарий», «Резец» и «Звезда». Через год после приезда в Ленинград его называли самым талантливым поэтом «Смены». В 1928 г. вышел отредактированный В. Саяновым сборник стихов Корнилова «Молодость», посвящённый Ольге Берггольц. Сборнику был предпослан эпиграф из «Контрабандистов» Э. Багрицкого:

... Так бей же по жилам.
Кидайся в края,
Бездомная молодость.
Ярость моя...

Основная тема сборника — воспоминание: о родных местах и об истории родного края («В нашей волости...», 1925; «Усталость, тихая, вечерняя...», 1925; «На Керженце», 1927 и др.). Корнилов родился в селе Покровское Семёновского уезда Нижегородской области, затем семья переехала в деревню Дьяково рядом с городом Семёнов. Об этих местах П. Мельников-Печерский писал: «В лесистом верховом Заволжье деревни малые, зато частые, одна от другой на версту, на две». Этот край связан с легендами о Батыевой тропе, по которой шли татары на Китеж, и невидимом граде Китеже на озере Светлом Яре. В нём, по преданию раскольников, укрылся гонимый Батыем великий князь Георгий Всеволодович. Когда татары подошли к Китежу, «город сделался невидимым, и останется таким до самого светопреставления», — писал в «Отчёте...» Мельников-Печерский[4]. Светлое озеро, Святое озеро расположено к востоку от города Семёнова, где с 15 (с 1922 г.) до 18 лет жил Корнилов. Город возник в начале XVII века как поселение старообрядцев. В XIX — начале XX вв. Семёнов — центр старообрядчества, единственное место в России, где изготовляли кожаные лестовки (чётки из кожи или ткани, на которые были навязаны узлы для счёта молитв и поклонов). История заволжских старообрядческих скитов, предания и обряды керженского края оживают в стихотворении Корнилова «Усталость тихая, вечерняя...», которое ритмически и интонационно напоминает есенинское «Запели тесаные дроги...» (1916):

Усталость тихая, вечерняя
Зовёт из гула голосов
Запели тёсаные дроги,
Бегут равнины и кусты.

В Нижегородскую губернию
И в синь Семёновских лесов.

Сосновый шум и смех осиновый
Опять кулигами пройдёт.
Я вечера припомню синие
И дымом пахнущий омёт.

Берёзы нежной тело белое
В руках увижу ложкаря,
И вновь непочатая, целая
Заколыхается заря.

Ты не уйдёшь, моя сосновая,
Моя любимая страна!
Когда-нибудь, но буду снова я
Бросать на землю семена.

Когда хозяйки хлопнут ставнями
И отдых скрюченным рукам,
Я расскажу про город каменный
Седым, угрюмым старикам.

Познаю вновь любовь вечернюю,
Уйдя из гула голосов
В нижегородскую губернию,
В разбег Семёновских лесов[5].

Опять часовни на дороге
И поминальные кресты.

Опять я тёплой грустью болен
От овсяного ветерка.
И на извёстку колоколен
Невольно крестится рука.

О Русь, малиновое поле
И синь, упавшая в реку,
Люблю до радости и боли
Твою озёрную тоску.

Холодной скорби не измерить,
Ты на туманном берегу.
Но не любить тебя, не верить -
Я научиться не могу.

И не отдам я эти цепи
И не расстанусь с долгим сном,
Когда звенят родные степи
Молитвословным ковылём [I, 83–84].

Чередование 4-х и 5-ти-стопных ямбических стихов с пиррихиями и ассонанс на [у] и [о] создают размеренное, неторопливое повествование. Спокойное, мирное течение жизни родной деревни передано при помощи знакомых цветов, запахов и звуков: синего («синь Семёновских лесов»; «вечера припомню синие», синий наст. Ср.: у Есенина «летний вечер голубой»; «Не видать конца и края – // Только синь сосёт глаза»), зелёного (кулиги – небольшие полянки в лесу; «разбег Семёновских лесов»), алого («И вновь непочатая, целая // Заколыхается заря») и белого («Берёзы нежной тело белое...»). Городскому «гулу голосов» противопоставлены «сосновый шум», «смех осиновый», звук хлопающих ставен, трели и звон гармошки; каменному, бездушному, мёртвому пространству – разбег полей и вековые, седые леса, «дымом пахнущий омёт», пахнущий «холодом, сеном и потом» овчинный дорожный тулуп («В нашей волости», «На Керженце»).

Это стихотворение – поэтическая мечта о возвращении на родину: глагол «зовёт» в первой строфе в настоящем времени, остальные – в будущем («пройдёт», «припомню», «увижу» и т. д.).

Тема дороги, возвращения на родину затронута во многих стихотворениях сборника.

Айда, голубарь,
пошевеливай, трогай,
Коняга, мой конь вороной!
Все люди –
как люди,
поедут дорогой,
а мы пронесём стороной.

«Айда» – татарское слово, означающее «пойдём», «иди» или «погоняй». Это стихотворение отличают особые эмоционально-повышенные интонации, сложный мелодический рисунок. Напряжённость речи достигается чередованием вопросительных и восклицательных предложений. Интонационное нарастание («Айда, голубарь, / пошевеливай, трогай, / Коняга, мой конь вороной!») сменяет спокойная повествовательная интонация, воспринимающаяся как нарастающая, потому что носители главного смысла, подлежащие, противопоставлены и вынесены в начало строки («Все люди – / как люди, / поедут дорогой, / А мы пронесём стороной...»). От начальной восклицательной интонации движение идёт к вопросительной («Не я ли у вас / будто был и не был / Вчера и позавчера. / Не я ли прошёл – // не берёг, не лелеял?») и к заключительной – спокойной перечислительной («А нынче почудилось: / конь, бездорожье, / Бревенчатый дом на реку, – / И нет ничего, / и не сыщешь дороже / Такому, как я, – дураку...»). Эмоциональность ранней лирики Корнилова достигается чередованием речевых интонаций. Этот приём, как одну из особенностей лирики Есенина, на примере стихотворений «Топи да болота...» (1914), «Я пастух, мои палаты...» (1914), «Гой ты, Русь, моя родная...» (1914) и других выделил литературный критик 1920–1930-х гг. В. Друзин[6].

Но прошедшее не вернуть, и не только потому, что изменилась жизнь крестьян, но изменился сам поэт:

Дни-мальчишки,
Вы ушли хорошие,
Мне оставили одни слова, –
И во сне я рыженькую лошадь
В губы мягкие расцеловал.

Гладил уши, морду
Тихо гладил
И глядел в печальные глаза.
Был с тобой, как и бывало,
Рядом,
Но не знал, о чём тебе сказать.

Не сказал, что есть другие кони,
Из железа кони,
Из огня...
Ты б меня, мой дорогой, не понял,
Ты б не понял нового меня.

В описания родного края, знакомого с детства деревенского быта и устные предания («А в нашей губернии лешие по лесу / снова хохочут, / еле дыша ...») проникают реалии нового времени: «Поют комсомолки на том берегу, / где кабель / высокого напряженья / тяжёлой струёй ударяет в реку»; «И девушка, / что наварила варенья / в исключительно плодородном году...» («Последнее письмо», 1927).

«Замолчи! / Нам про это не петь», — останавливает себя поэт. Стихотворение «На Керженце», по мнению К. Поздняева, — попытка описания новой реальности. Неожиданная концовка, поясняет критик, появляется потому, что поэт не находит для этого нужных слов и образов[7]. Однако описания старинного уклада, легендарного края есть почти во всех стихах сборника. Корнилов, «при всём том, что старина ему ненавистна», зная её до мельчайших подробностей, «тянется к её изображению»[8].

История рода, предания керженского края, а в поздних сборниках и жизнь страны становились главной темой стихов Корнилова. Мотивы его ранней лирики (воспоминание о детстве, природа керженского края, тоска по родному краю), эмоциональность и напевный строй – влияние поэзии Есенина, предостерегая, отмечал И. Оксёнов[9]. В конце 1930-х гг. всё отчетливей стали звучать упрёки критиков в адрес поэта. Корнилова обвиняли в том, что его лирика «идейно и эмоционально захолустна», её затопляет «провинциальное мелководье быта» (Литературный Ленинград. 1936. 8 марта). Рапповская критика называла Корнилова «кулацким поэтом», «выразителем кулацкой идеологии». Предметом дискуссии стало стихотворение «Чаепитие» (1930). Традиционный для русской литературы лирический сюжет – возвращение в родной дом – рапповской критикой был назван безыдейной поэтизацией «собственнического довольства». На него посыпались обвинения в «апологетике кулацкого избытка»[10]. Критика называла Корнилова «диким талантом», а его стихи «набором слов», «торопливейшей и безграмотной мазнёй», «пошлостью и беспардонной болтовнёй», обви-

няла то в «яростной кулацкой пропаганде», то в «вымученном оптимизме». В 1936 г. его исключили из Союза писателей. Предлогом послужили скандалы и «богемное поведение», а в 1938-м арестовали по обвинению в контрреволюционной деятельности. 20 ноября 1938 г. Корнилов был расстрелян.

Наследуя не только темы и мотивы, но и поэтические приёмы, характерные для поэзии Есенина, Корнилов стал одним из наиболее верных продолжателей его традиции в советской поэзии. Вопреки всем предостережениям он писал о том, что составляло часть его жизни и часть его самого – об истории своей страны:

... я татарин – только с примесью
и других ещё кровей.
Может быть, прабабка – пленница
зачала под гром копыт –
и во мне дымит и пенится
кровь Батыевой тропы.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Смена. 1926. № 15. Август. С. 10–11.

[2] Там же.

[3] *Берггольц О.* Собрание сочинений: В 3-х тт. Т. 1. Л., 1972. С. 8–9.

[4] *Мельников-Печерский П. И.* Отчёт о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии // Сборник Нижегородской ученой архивной комиссии в память Мельникова. Н. Новгород, 1910. Т. IX. Ч. II.

[5] Здесь и далее стихотворения Б. Корнилова цитируются по изданию: *Корнилов Б. П.* «Страна встаёт со славою». Стихотворения. М., 1977 (см. с. 15, 26, 16 и 168, соответственно).

[6] *Друзин В. П.* Сергей Есенин 1915–1921 годов // *Друзин В. П.* Вблизи и на расстоянии. М., 1974.

[7] *Поздняев К.* Продолжение жизни. Книга о Б. Корнилове. М., 1978. С. 54–55.

[8] Там же. С. 55.

[9] *Оксёнов И.* Рецензия на сборник «Молодость» Б. Корнилова // Звезда. 1928. № 4. С. 155–156.

[10] Поэзия социалистического реализма // Борьба за стиль. Л., 1934. С. 151; *Тихонов Н.* Поэзия большого плана // Литературная газета. 1934. 30 мая.

В. П. Середа (Тамбов)

ЕСЕНИНЫ В ЖИЗНИ АЛЕКСАНДРА ЧИЖЕВСКОГО

В начале 1990-х гг. в Тамбове выходило ежемесячное приложение к «Тамбовской правде» – газета «Литературный Тамбов». Кроме стихов и прозы местных авторов, редакция публиковала иногда и биографические очерки. В их числе был помещён и очерк Александра Головашина «Галилей XX века. Рассказ о судьбе русского учёного Александра Чижевского». Приведём его фрагмент:

«Удивительна и многообразна его <Чижевского> одарённость. Он писал стихи, о которых высокого мнения был поэт Валерий Брюсов, учился живописи в Италии у художника Нордье, ученика знаменитого Дега. Картины Чижевского после его смерти выставлялись в Москве, Новосибирске, Караганде [добавим: и в Тамбове. – *В. С.*]. Наверное, эта широкая одарённость привлекала к нему самых разных людей. Он был близко знаком с писателями А. Н. Толстым, Л. Н. Андреевым, А. И. Куприным, И. А. Буниным, Максимом Горьким <...> Чижевского можно было видеть беседующим с выдающимися учёными своего времени – академиком С. И. Вавиловым, кристаллофизиком профессором Ю. В. Вульфом, инженером космоплавания Ф. А. Цандером. В 1925 году знаменитый немецкий физик Макс Планк любезно приглашал Чижевского работать в своей лаборатории. 15 лет Александра Леонидовича связывала тесная и трогательная дружба с Циолковским[1]. И в то же время Александра Чижевского можно было видеть в аудитории Московского политехнического музея в качестве ведущего поэтических вечеров и диспутов, после которых он, не успев убрать гвоздику из петлицы сюртука, в компании то с Сергеем Есениным и Мариенгофом, то с Игорем Северянином, Шершеневичем, Бурлюком или Пастернаком спешил в кафе "Бродячая собака", "Стойло Пегаса" или "Домино", чтобы продолжить литературные споры»[2].

К сожалению, Александр Головашин ушёл из жизни, и узнать об источниках, которыми он пользовался, уже невозможно. Фотографии Чижевского, которые были использованы для иллюстрации очерка, автор взял в тамбовском музее медицины, которого сейчас уже не существует. Принимать «на веру» написанное автором трудно хотя бы потому, что путь от Политехнического музея до «Бродячей собаки» далеко не близкий. В «юном» музее Чижевского в городе Калуге материалов, свидетельствующих о взаимоотношениях Есенина и Чижевского, нет. Поиски продолжаются.

Сам Александр Леонидович Чижевский в своих воспоминаниях писал: «Футуризм рос как протест против всего на свете — против монархического строя и против российского мещанства. Впрочем, кое-кто из футуристов дошёл до абсурда — до звукоподражания без всякого смысла. Высоко вознеслись в то время Мариенгоф, Шершеневич, Бурлюк, Пастернак. (Мои попытки писать в модном духе ограничились несколькими стишками).

Всех этих поэтов я знал лично, встречался в "Бродячей собаке", в "Стойле Пегаса" и в "Домино", где в закулисной комнате восседали и спорили о достоинствах русской речи поэт-математик Сергей Павлович Бобров, с которым мне пришлось впоследствии часто общаться и даже сотрудничать, и литературовед Дмитрий Дмитриевич Благой. Это было время, когда Сергей Александрович Есенин ездил по Тверской на лихаче в цилиндре с белой хризантемой в петлице и Владимир Владимирович Маяковский потрясал Окна РОСТА и лекционные залы не только своим остроумием, но и своим богатырским рыком. С С. А. Есениным в ближайшие затем годы я встречался в Лито Наркомпроса, а с В. В. Маяковским частенько обедал за одним столом в Доме Герцена на Тверском бульваре, где я столовался в течение ряда лет. Я имел возможность не только хорошо узнать этого талантливого человека, но и не раз испытать на себе его острословие.

Однажды кто-то всё-таки передал Владимиру Владимировичу тетрадку моих стихов, после прочтения коих он дружески похлопал меня по плечу, сказав:

— Из вас вышел бы неплохой поэт, если бы вы меньше увлекались наукой. Поэзия и наука очень ревнивы: они не признают любовниц! И та, и другая кровопийцы!

Тут Владимир Владимирович явно съехидничал: он сказал, что у меня нет жены, а есть две любовницы. И кровь мою никто не пьёт, а это плохо»[3].

На Тамбовщине, в птицесовхозе «Арженка», Чижевский появился 11 августа 1930 г. Он поставил перед собой цель создать «живой» воздух, насыщенный аэронами — свободно движущимися отрицательно заряженными частицами электричества, благотворно действующими на животных и растения. В декабре того же года на созданной им научно-исследовательской станции уже ставились первые опыты. Станция состояла из длинного сарая с глинобитными полами, где постоянно проживало около тысячи кур. Курятник был разделён на секции, каждая из которых освещалась ставшими впоследствии знаменитыми люстрами Чижевского. Кроме того, на станции имелся изолятор, куда поступали из окрестных колхозов и совхозов куры с туберкулёзом, рахитом и другими болезнями. Их лечили люстрами Чижевского, то есть ионизированным воздухом.

Александр Леонидович занимался и популяризацией науки. Он читал публичные лекции, в частности, в кинотеатре «Модерн», для чего в клетках привозили из Арженки его пернатых питомцев. Лекции его пользовались большим успехом. Особенно хороши были его подопечные, белые красавицы, сытые и весёлые.

Маяковский был не совсем прав, когда рекомендовал Александру Чижевскому отказаться от одной из невест и большее внимание обратить на другую. Были у Александра Леонидовича и ещё, по крайней мере, две «невесты»: музыка и живопись. В Арженке вся бригада учёных жила в доме известного тамбовского фабриканта и мецената Михаила Асеева, который эмигрировал после 1917 г. Вечерами Чижевский частенько играл на клавесине, оставленном бывшим хозяином.

Дворец Асеева за годы советской власти был основательно разграблен. Уже в 1990-е гг., в эпоху «новорусской» архитектуры, во дворце были выломаны последние камины и вывороченa мраморная лестница. После визитов в Тамбов двух Президентов Российской Федерации было принято решение о восстановлении этого дома — дома, в котором жил Чижевский.

В настоящее время в одном из доходных домов Асеева в Тамбове располагается музей Денисова, в котором на протяжении семи лет была открыта постоянно действующая выставка подлинных уникальных экспонатов, посвящённая Есенину. В фондах музея хранятся живописные полотна Чижевского, его личные вещи, письма его вдовы.

Этот дом ныне «приговорён» к сносу.

В Тамбове Чижевского окружали единомышленники, так же преданные науке, как и он сам. Он всегда был благодарен им и сохранил теплоту отношения к ним до конца своей жизни. Однако в автобиографию тамбовские страницы он не включил.

Как Чижевского не арестовали в Тамбове, непонятно до сих пор. Почему он избежал ареста в роковых 1937–1938 гг. — тоже неясно. Жалобы, доносы на учёного и его лабораторию лились в Тамбове рекой во все инстанции. Жаловались в основном соседи, председатели колхозов, которые писали, что если бы они кормили своих кур так же, как их кормит этот учёный, то и у них они были бы такие же белые и весёлые. Вспомним Николая Глазкова:

Всем смелым начинаньям человека
Они дают отпор.
Так бюрократы каменного века
Встречали первый бронзовый топор.

Александр Леонидович Чижевский был репрессирован в 1942 г. Отбывал наказание в Свердловской области (Ивдельлаг) и в Казахстане (Карлаг, Степлаг). После освобождения в январе 1950 г. ему было предписано жить на поселении в Караганде. В июне 1954 г. он был освобождён от поселения, но до реабилитации ещё четыре года жил в Караганде. Перенёс все ужасы сталинских лагерей, но в его зэковской жизни были и счастливые моменты.

В ссылке он познакомился со своей будущей женой. Нина Вадимовна Чижевская, урождённая Энгельгардт, стала его верным спутником на всю жизнь.

Потомок старинного дворянского рода, она провела в ГУЛАГе многие годы. Впервые была арестована в 1924 г. при попытке нелегально покинуть СССР.

В личном деле заключённого Чижевского имеется такой документ: «За пребывание в жилом помещении Чижевского в 12 часов дня (в его отсутствии) была обнаружена зека Перешкольник [Н. В. Энгельгардт. – *В. С.*], которая варила в жестянке суп. Поместить зека Чижевского в карцер на одни сутки». Этих суток хватило, чтобы помещённые туда же уголовники искалечили учёного на всю жизнь. Головные боли в результате сотрясения мозга мучили его долгие годы.

Большим счастьем для Чижевского в ссылке были встречи с лучшими людьми страны, интеллигентными, образованными, душевно и духовно богатыми: это композитор А. В. Варламов, математик Г. Н. Перлатов, писательница Эстер Паперная, профессор Михаил Ананьев, искусствовед Аркадий Беляев. Среди них – Александр Сергеевич Есенин-Вольпин. Последний к моменту встречи с Чижевским был уже кандидатом физико-математических наук, провёл год в Ленинградской психиатрической лечебнице за антисоветскую деятельность и оказался в карагандинской ссылке.

Они быстро подружились, поддерживали друг друга как могли, имели общих друзей и знакомых по ссылке. В апреле 1953 г. Вольпина освободили по амнистии, и он вернулся в Москву. А через месяц Чижевский получил от него письмо:

«Дорогой Александр Леонидович!

Простите, что до сих пор не писал Вам – очень много было всякой беготни.

Прописали меня в Москве постоянно. Живу в маминой комнате – сама же мама моя лежит в больнице: ей 5го числа удалили желчный пузырь – после этого у ней произошёл сначала сердечный шок, а потом, когда уже поправлялось и стали снимать дренаж – было сильное кровотечение, от которого она чуть не умерла – доходило дело уж до кислородных подушек. Но сейчас, слава богу, опять поправляется и надеюсь, что в июне выйдет из больницы.

Встретили меня здесь в Университете очень тепло – трудно сказать, впрочем, чему больше радовались – моему явлению или явлению вообще. Обещали также помочь устроиться на работу – впрочем, я уже привык относиться скептически к благоприятным прогнозам в деле моего устройства. Устроиться в каком-нибудь вузике мне вероятно удастся – но беготни будет с этим очень много.

Продолжаю заниматься математической логикой. Моя прошлогодняя работа будет теперь напечатана; кроме того, мне предлагают в расширенном виде публиковать мою диссертацию. Пишу рецензии на статьи по математической логике для реферативного журнала и перевожу статьи по теории множеств – это уже за деньги. Не будь здесь этих благ и московских библиотек – не стал бы я долго толкаться на этом рынке, построенном на холодном промозглом болоте!

Надо сказать, что весну я с собой притащил карагандинскую. Апрель, говорят, был тёплый – я приехал 29го, липы уже стояли зелёные – но эта ран-

няя весна сама оказалась липой: 1го мая было очень холодно и это продолжалось с неделю, затем слегка потеплело, шли дожди, иногда с утра до вечера — потом была жара — например, дня три назад. А третьего дня стою на Смоленском бульваре — было очень холодно, вдруг появились облака, тучи повисли очень низко, пронёсся очень сильный ветер и стал выть; ну — думаю — будет дождь — и вдруг вдоль по Садовому кольцу несётся густое облако пыли, прохожие кидаются врассыпную кто куда, дождя нет и сквозь возникший густой пылевой туман я с трудом различаю контуры стоящего напротив высотного дома. Новая вариация на давно знакомую тему! Потом десять минут шёл сильный дождь — и сразу прекратился, — а на другой день, вчера утром, я проснулся от ветра и ливня — ветром разбило в окне у меня стекло — всё вылетело из рамы и стало очень холодно — холодно было даже в пальто.

Ну — плевать. Против погоды ничего не поделаешь — и в плохую погоду сам бы велел плевать на все тротуары.

Как Ваши дела? Желаю всех благ и здоровья Вам и Нине Вадимовне; никогда Вас не забуду и хочу видеть в Москве — а впрочем, ещё больше где-нибудь на берегу моря, на солнышке. Очень хотел бы услышать про какую-нибудь радостную перемену в Вашей жизни.

Привет также Янине Петровне, если Вы её увидите — и Баланскому, и Людвигу. Будьте все свободны, сильны и счастливы!»[4]

На закате эпистолярного жанра искушённые в нём люди говорили: «Не знаешь, о чём писать — пиши про погоду». Читая строки письма Александра Есенина, не скажешь, что он следовал этому совету. Написав о погоде, он как будто рассказал о своей судьбе.

Окружение Есенина-Вольпина и Чижевского — отдельная тема. Однако хочется сказать об упомянутом в письме Баланском. В ссылке Чижевский продолжал научную работу и даже лечил больных с использованием ионизатора. Ионизатор был изготовлен в Долинке на литейно-механическом заводе под руководством крупного физика Баланского. Чуть позже Баланский стал другом и Вольпина.

Следующее письмо датировано 21 ноября 1953 г.:

«Дорогие Александр Леонидович и Нина Вадимовна!

Простите, что долго не писал — это от лени. Время летит в трубу незаметно — уж скоро семь месяцев, как я в Москве. Я тут живу по-прежнему вприпрыжку — после долгих бесполезных мотаний мне удалось было устроиться в физико-технический институт — нештатно, на почасовую оплату — и то на днях уволили по причине сокращения фондов почасовой оплаты, так что я снова профессиональный безработный. Правда, в Москве это легче, чем в Караганде, — всё же я работаю в качестве редактора в реферативном журнале "Математика", издаваемом Институтом научной информации — но опять-таки нештатно, т. е. по-

лучаю по карагандинским понятиям не слишком мало, но никакой гарантии, что это продлится хотя бы несколько месяцев, если меня не возьмут в штат.

Статья, которую я посылал ещё в прошлом году, – ещё Нина Вадимовна печатала – теперь, наконец, должна появиться в Докладах Академии наук – Александр Леонидович сможет увидеть через два-три месяца. Это – единственное, чем могу похвастаться. Большой минус всех неимеющих минусов – то, что Москва отнимает слишком много времени на всякую ерунду, одни поездки чего стоят (в Университет надо теперь добираться больше часа, от центра немногим меньше, между тем там единственная библиотека, где можно получить нужную вещь сразу, так что приходится ездить всё-таки туда). Доказал, правда, недавно кое-что – но всё-таки здесь работать труднее, хотя условия неизмеримо лучше. Самое важное всё-таки – покой. Здесь его не хватает.

Впрочем, тут я не совсем прав. Жизнь, по существу, тут сейчас чересчур спокойная, сытая, чего же людям надо ещё?

Не знаю уж, что и писать ещё. Если увидите Нину Петровну – самый искренний привет. Всё никак не выберусь навестить ещё разок её сына – я его видел два раза летом. Очень умный мальчик. К сожалению, я не смог найти конверт с её адресом.

Если увидите Эгона Ивановича – тоже привет; тут надо извиниться, что я ему не написал, но ей-богу, нечем было его порадовать. А вообще я желаю всем находящимся в Караганде невероятного счастья.

Очень интересуюсь, как у Вас там идут дела? Как Баланский? Вообще, стало ли легче с устройством?

Мама более или менее здорова – но совсем здорова, пожалуй, уже не будет – всё-таки жёлчного пузыря нет, да и сердце. Сейчас она в доме отдыха.

Пишите.

Москва, 51, I Волхонский пер., 11, кв. 4».

Подпись: «Вольпин».

«P. S. Это провалялось у меня на столе больше месяца – всё было лень отправить. Новостей нет. Поздравляю с Новым годом Вас, Баланского. Людвига, Нину Петровну (кстати, у ней 31/XII день рождения – поздравляю) – я Вас всех помню и хочу видеть – только не в Караганде, а в местах лучших»[5].

Можно догадаться, что именно Есенин-Вольпин имел в виду под словами «доказал кое-что». После возвращения из Караганды он был признан среди математического сообщества одним из крупнейших специалистов по математической логике, создателем самостоятельного научного направления – ультраинтуиционизма. Имел ли он в виду свои стихи, которые распространялись в самиздате, сказать трудно.

Следующее письмо датировано 1957 г. Неизвестно, продолжалась ли переписка в течение этих четырёх лет – на сегодняшний день мы располагаем только тремя письмами. Приведём текст письма:

«Дорогой Александр Леонидович! Дорогая Нина Вадимовна!

Извините, что долго не писал Вам – я по этой части не мастер. Был очень занят, недавно начал писать большую книгу, на которую у меня с издательством договор и которую должен закончить через год. Кроме того, я менял адреса – лишь недавно обрёл собственную комнату, а то всё снимал. Я – человек свободной профессии, а в таких случаях всякие мероприятия перемешиваются, всегда масса неконченных дел, за что ругают, и когда появляется охота писать письма, всегда упрекаешь себя: "опять отлыниваешь от такого-то дела". Но вот у меня появился досуг: посадили опять изверги в сумасшедший дом! Сижу уже три недели и первое время опять было столько хлопот, что не до этого письма – а теперь вот пишу. Кстати, я на днях выхожу отсюда.

Любопытная история произошла у меня три недели назад. Судите сами.

30 июля я стоял возле гостиницы, в которой поселились французы, приехавшие на фестиваль. Публика самая разношёрстная, я со многими беседовал и выпивал, жаль только, что всего три-четыре дня удовольствия выпало на мою долю. 30 июля возле этой гостиницы собрала толпу русская женщина, которая выросла во Франции и в первый раз попала в Россию. Наверно, дочь эмигрантов. Она говорила, что хочет поселиться в России. Как только она вошла в гостиницу – я за ней, и объяснил ей на лестнице, какие последствия влечёт принятие советского гражданства. (Много примеров всплыло в памяти!) Донкихотство, конечно, потому что и до меня уже ей, наверно, не раз говорили то же – но здесь мои слова могли иметь дополнительное значение, поскольку в России редко услышишь прямолинейную речь. Я дал ей понять это – не знаю уж, какие выводы она потом сделала.

Не успел я выйти из гостиницы и пройти двести шагов, как меня сцапали и отвели в какую-то комнату той же гостиницы, где мне объявили, что я задержан по подозрению в краже. Среди ментов, которые по очереди меня там охраняли, был один швейцарец, который говорил очень мало и только по-французски, впрочем, без особого блеска. Не сомневаюсь, что это был переодетый русский бобик, который подслушал мой разговор на лестнице (или их там было несколько и этот – один из них). Мне показалось глупым смирно ждать, пока кто-нибудь приедет с Лубянки с ордером, и я сказал одному агенту – он потом оказался следователем милиции, – что мои документы у них, и этого достаточно, если будет надо, они меня найдут, мне надоело чего-то ждать, и что я буду гулять по улице (улица была буквально запружена иностранцами – преобладающим языком в этом месте был французский). К моему удивлению, мне не оказали немедленного физического сопротивления и я спокойно вышел на улицу, где схватил за рукав первого же француза – просто молодого парня, не коммуниста – и рассказал ему всю эту историю, для того, чтобы "весь мир узнал, что происходит тут на этом фестивале". Тот обещал выполнить это поручение. (Разговор происходил на открытом воздухе, и агент-следователь к концу разговора стоял рядом и

наблюдал.) По-видимому, он не понимал по-французски – но когда услышал слова "Сталин" и "Берия", тут он кое-что понял и подошёл вплотную ко мне. Тут я простился с французом, который побежал восвояси, а я пошёл со следователем к милиционеру, встретив, в момент встречи с последним, одного старого приятеля, которого знал с детства, ему я также рассказал эту историю – в слабой надежде, что и он возьмётся выполнить моё поручение. (Сплетня, во всяком случае, разошлась по Москве, и её слышали, кажется, в метро от незнакомых людей). В милиции соблюдался *декорум* – я провёл ночь в КПЗ с ворами, объявил в знак протеста голодовку и требовал прокурора. На другой день меня допрашивали два следователя – один как будто из КГБ. Длинная толчея воды в ступке часа на два – на три! Тот следователь, которого накануне я считал простым агентом, толковал мне, что мои действия подходят под статьи 58-10 и 58-4 УК РСФСР. Я опровергал его и говорил, что его толкование закона основано не на тексте, а на "патриотической и идеологической галиматье, представляющей, возможно, самостоятельную ценность, но не имеющей юридической силы". (На все скользкие вопросы я отвечал, что задержан по подозрению в краже). После предыдущих слов в кавычках появился психиатр, которому я предложил подождать, пока я окончу писать заявление о голодовке. Я сказал ему еще пару грубостей, и он нашёл, что у меня "переутомление". Следователь КГБ заявил, что он, хотя не врач, подтверждает это мнение, что мне надо провести недели две-три в больнице, что малейший антисоветский шаг с моей стороны повлечёт "возвращение меня туда, где я был". Я сказал, что мне не понятен смысл термина "антисоветский", что я не марксист и не означают ли его слова, что я вообще должен молчать. Он ответил, что философия – это другая область, что "постановление ЦК о терпимости к попам-идеалистам распространяется и на философов-идеалистов и других путаников", что таких людей они оставляют в покое, но что я не должен "подрывать престиж нашего государства". После этого меня отдали в руки санитаров, которые отвезли меня в сумасшедший дом им. Ганнушкина.

История сама по себе скверная – но какой контраст по сравнению к недобрым старым временам! Впрочем, этот случай – не типический.

Привет Реттеру и другим старым друзьям.

Ваш А. С. Есенин-Вольпин»[6].

На первой странице имеется пометка: «Дикое письмо! А[лександр] Ч[ижевский]». О чём думал адресат письма, читая его, предположить трудно. Возможно, о том, что в Караганде ему живётся гораздо спокойнее, чем его другу в Москве. Недаром уже после окончания срока ссылки он прожил в Караганде ещё четыре года.

Чижевский вернулся в Москву после реабилитации в 1958 г. С Вольпиным они дружили семьями, о чём свидетельствуют письма Нины Вадимовны Чижевской, присланные в Тамбов Николаю Алексеевичу Никифорову. Однако в 1959 г. Вольпин был вновь помещён в специальную психиатрическую лечебни-

цу, в которой провёл около двух лет. А Александр Леонидович Чижевский ушёл из жизни 20 декабря 1964 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В фондах музея С. Денисова в Тамбове хранятся автографы Константина Эдуардовича Циолковского.

[2] *Головашин А.* Галилей XX века. Рассказ о судьбе великого русского учёного Александра Чижевского // Литературный Тамбов. 1991. Март. № 1(9).

[3] *Чижевский А. Л.* Вся жизнь. М., 1974. С. 73–74.

[4] *Вольпин-Есенин А. С.* Письмо А. Л. Чижевскому. 25 мая 1953 г. // Архив РАН. Ф. 1703. Оп. 1. Д. 478. Л. 1–1 об.

[5] *Вольпин-Есенин А. С.* Письмо А. Л. Чижевскому. 21 ноября 1953 г. // Там же. Л. 3–3 об.

[6] *Вольпин-Есенин А. С.* Письмо А. Л. Чижевскому. 21 августа 1957 г. // Там же. Л. 5–6 об.

Н. А. Ерёменко (Москва)

АМЕРИКАНСКАЯ ТЕМА В ТВОРЧЕСТВЕ НОВОКРЕСТЬЯНСКИХ ПОЭТОВ

В последнее время усиливается интерес к изучению американской темы в русской литературе, выявлению её специфических особенностей, своеобразия «русского» взгляда на Америку. Этой теме посвящены работы Е. А. Мустафиной «Образ Америки в русском литературном сознании»[1], Н. А. Кубанёва «Образ Америки в русской литературе: (из истории русско-американских литературных связей конца XIX – первой половины XX века)»[2], А. А. Арустамовой «Тема Америки в русской литературе XIX в.»[3].

Мустафина обращается к наиболее важным этапам исторического и межкультурного диалога России и США. Автор обобщает научные результаты, которые были достигнуты отечественным сравнительным литературоведением в изучении межкультурных и межлитературных связей двух стран. Исследователь приводит примеры восприятия американского мира русскими писателями, выявляет черты сходства между русской и американской литературами 1830–1850-х гг. и второй половины XIX в. и показывает место американской литературы в русском культурном сознании, особенности восприятия американской литературы русской критикой XIX в.

Имагологический подход к анализу текстов разрабатывает Кубанёв. Исследователь обращает внимание на динамику культурных взаимоотношений России и США. Рассматривая художественные и художественно-публицистические тексты конца XIX и XX в. (верхняя граница исследования включает творчество Б. Полевого, В. Катаева, В. Некрасова, А. Вознесенского), автор показывает динамику воплощения образа США в XX в., эволюцию образа Америки в русской литературе прошлого столетия в связи с историко-культурными и общественно-политическими процессами, происходившими в двух странах (революция в России, холодная война, период «оттепели»).

Наряду с исследованием образа «чужого», в данном случае образа Америки, в работе рассматривается проблема постижения образа «своего», национальной идентификации России через литературные произведения. Выдвигается проблема влияния зарубежного фактора на развитие русского литературного сознания, которое обусловлено неразрывной связью литерату-

ры и исторического процесса и находит специфическое выражение в художественных формах.

Арустамова рассматривает эволюцию социокультурного мифа об Америке. Исследователь исходит из того, что «американский миф» сыграл очень важную роль в культурном сознании XX в. В своей работе автор анализирует традиции писателей-мифотворцев XIX–XX веков. На протяжении всего XIX века Америка воспринимается как Новый («иной») Свет, как особенное пространство, расположенное «за границей освоенного мира». Особенно важной является мысль о сходстве России и США: их равновеликости, исключительности исторической судьбы. Кроме того, исследователь уделяет большое внимание мифологемам Земли Обетованной и рая на земле, которые прочно соединяются с образом заокеанского мира вплоть до последней трети XIX века.

Автор обращает внимание на то, что многие западники связывали с Америкой распространение идей равноправия, свободы и достоинства личности, но вместе с тем некоторые писатели осуждают чрезмерный индивидуализм американцев. Далее отмечается, что в середине XIX века значительное место занимает урбанистическая тема. Стремительное развитие американских городов вызывает у писателей того времени восхищение и удивление. Характерными чертами американского характера в представлении русских писателей XIX века являются: активность, предприимчивость, «любовь к доллару», индивидуализм, гражданское самосознание, стойкость перед лицом неудач, активность, смелость, чувство личного достоинства, стремление к самосовершенствованию.

Таким образом, выбор темы нашей статьи определяется актуальностью исследования процесса восприятия русским общественным сознанием и литературой американских художественных и идеологических влияний. Важным является исследование оппозиции «своё – чужое», поскольку именно через понимание «чужого» формируется осознание «своего».

Американская тема в творчестве новокрестьянских поэтов мало исследована. Тем не менее, в ряде работ последних лет глубоко анализируются мотивы и образность крестьянских поэтов. Среди них выделяются работы Н. М. Солнцевой, С. И. Субботина, М. Никё, К. М. Азадовского, Е.И. Марковой, Л. А. Киселёвой, В. А. Доманского и др., которые будут учитываться в нашей статье.

В первую очередь мы ставим задачу показать раскрытие американской темы в творчестве Н. Клюева, А. Ширяевца и С.А. Клычкова. В рамках этой темы также необходимо обратиться к оппозиции «природа – цивилизация» и её воплощению в произведениях названных поэтов.

Необходимо отметить, что в настоящей работе не ставится задача исследовать американскую тему в творчестве Есенина, поскольку это является предметом отдельного исследования.

* * *

Группа новокрестьянских поэтов сложилась приблизительно в 1914–1915 гг. и распалась после 1917 г. Согласно традиции к этой группе причисляют Клюева, Есенина, Клычкова, П. В. Орешина и Ширяевца.

Проблема восприятия и творческого воплощения новокрестьянскими поэтами образа Америки особенно важна в связи с тем, что именно они были выразителями концепции русской судьбы, национального самоопределения. В творчестве этих поэтов на первый план выступает обострённый интерес к судьбе России, народному бытию и национальному характеру. На переломе исторического развития эти поэты в своих произведениях обращаются к вопросам самобытности русской цивилизации, исторической миссии «третьего Рима», загадкам русской души. Интерес к «деревне», старообрядчеству, сектантству становится основой возникновения новокрестьянского мифа, опирающегося на представления о народе как об особенных людях, обладающих скрытыми духовными возможностями. Особенно важным положением для поэтики новокрестьян является осознание мессианской роли России в мировой истории, утопическая вера в абсолютный идеал.

В переломную эпоху, в период острых социальных разломов поэты этого круга противопоставляют несовершенному миру, погрязшему в разврате, во власти денег, «новое небо и новую землю», где будут преодолены все противоречия, где люди смогут жить в гармонии с природой, где царит абсолютное равенство и каждый счастлив. Воплощение этого земного рая поэты связывают с образами Китеж-града, Беловодья, Опоньского царства, т. е. исчезнувшими или затерянными на краю света землями, которые также могут называться «раем», «иным царством», «блаженной страной», «коммунизмом».

Как отмечает Т. А. Пономарёва, «влияние утопических идей усиливается в период революций 1905–1917 гг., когда на короткий миг мечта о царстве справедливости соединяется с конкретными планами социальных изменений России и всего человечества, а революция — с христианскими пророчествами о Втором Пришествии и Преображении»[4]. Но надежды новокрестьянских поэтов на воцарение всеобщего равенства, гармонии и единения человека с природой были быстро разрушены социальными переменами в деревне, индустриализацией, наступлением «железа». Несомненно, для поэтов-новокрестьян «идея покорения природы <...> была знаком гибели “старой” общинной Руси и обновлённой революционной России»[5]. «Злосмрадная» цивилизация разрушает природную гармонию, что «приводит к смене типа культуры, изменению национального пейзажа, а это, по убеждению новокрестьян, катастрофично для России и русского сознания». Преобразования, связанные с революцией, перестают казаться новокрестьянам «первым шагом на пути к будущему “раю-саду”»[6]. Напротив, по их мнению, революционные преобразования лишь приближают гибель традиционного жизненного уклада. Поэтому в творчестве поэтов «крестьянской купницы» на первый план выходят трагические мотивы.

Антитеза «природа — цивилизация» приобретает особенное значение в творчестве новокрестьянских поэтов. Как отмечает Азадовский, «культ природы и неприятие цивилизации — основополагающий <...> признак новокрестьянской поэзии»[7].

Нужно сказать, что противоречие между естественным и искусственным возникло вместе с появлением человека. Установление искусственных форм в жизни человека и вытеснение естественных является важнейшей философской проблемой, начиная с античных времён. С одной стороны, происходит постепенное превращение человека «естественного» в человека «цивилизованного», а с другой – всё ярче проявляются отрицательные факторы, разделяющие человека и природу.

Разумное в человеке зачастую противопоставляется природному, беспорядочному. В этом отношении новокрестьянские поэты продолжают традицию Руссо, который разрабатывал мысль о том, что искусственное является пагубным и противоестественным природному человеческому существованию.

В творчестве Клюева очень важное место занимает оппозиция «город — деревня», неразрывно связанная с антитезой «цивилизация — природа». Поэт противопоставлял «злому и железногрудому», «смрадному каменному аду, где крики железа», «преисподней земли» – городу — отмеченный божьей благодатью патриархальный «Китеж-град», в котором «пятно зари, как венчик у святых», а лес — как «хвойный храм». Это противопоставление приобретает трагическую окраску: «...Чует древесная сила, / Предвидя судьбу наперёд, / Что скоро железная жила / Ей хвойную ризу прошьёт»; «сын железа и каменной скуки / Попирает берестяный рай»[8].

Клюев занимал радикальную антизападную позицию. «Сгинь, Запад — змея и блудница. / Наш суженый отрок – Восток»[9], — восклицал он в одном из стихотворений.

В 1914 г. в письме Ширяевцу Клюев писал: «Как ненавистен и чёрен кажется весь так называемый Цивилизованный мир и что бы дал, какой бы крест, какую бы голгофу понёс — чтобы Америка не надвигалась на сизоперую зарю, на часовню в бору, на зайца у стога, на избу-сказку»[10].

В произведениях Клюева явно звучит религиозно-романтический протест против бездуховности современной цивилизации, обезличивающей человека. Поэт проклинает то, что является воплощением современной цивилизации: город, машины.

Именно железо выступает в произведениях Клюева символом губительного технического прогресса:

Я не с железом к вам иду,
Дружась лишь с посохом да рясой
(«Не в смерть, а в жизнь введи меня...»[11])

А железо проклято от века:
Им любовь пригвождена ко древу,
Сожаленью ребра перебиты,
Простоте же в мир врата закрыты[12].

Америка — «смертоностный, железный край», страна, идущая губительным путём:

Строгановские иконы —
Самоцветный, мужицкий рай;
Не зовите нас в Вашингтоны,
В смертоносный, железный край.
Не зовите нас в Вашингтоны
Под губительный молот бед![13]

В стихотворении «Олений гусак сладкозвучнее Глинки...» Клюев выражает переживания в связи с тем, «Что в куньем раю громыхает Чикаго / И сиринам в гнёзда Париж заглянул»[14]. В одном из писем Есенину в августе 1915 г. Клюев заявляет: «О, как я люблю свою родину и как ненавижу Америку, в чём бы она не проявлялась»[15]. В статье «Сорок два гвоздя» Клюев пишет: «Идолище поганое надвигается. По-учёному же индустрия, цивилизация пулемётная, проволочная Америка»[16].

В комментариях к одному из писем Клюева, адресованных А. Блоку, Азадовский замечает, что поэт «неправомерно ставил знак равенства между понятиями «цивилизация» и «культура».[17] Также стоит отметить, что для Клюева тождественными становятся понятия «культура» и «Запад». «Запад для Клюева – воплощение безбожия; с Западом он связывает "поклонение Красоте", индивидуализм, творчество "во имя своё"». Россия же, напротив, означает для Клюева «поклонение Страданию (то есть христианство)», творчество «для себя в другом человеке», приобщение к «Миру-народу».[18]

На протяжении всего творческого пути одним из основных мотивов в произведениях поэта было неприятие погрязшего во зле мира и проклятие силам, разрушающим Россию. При этом интересно отметить, что в нарымской поэме «Кремль» происходит «замена прежних ценностных знаков клюевского поэтического мира на противоположные». Теперь образы «железа» и «стали» «выражают торжество победившего «железного гостя»: «Я песнослов, но в звон сосновый сталь впрядаю...», «У потрясённого Кремля / Я научился быть железным»[19]. В поэме звучит «горькое признание победы железа над деревом, живой плотью, индустриализации над патриархальностью России»[20].

Профессор Доманский отмечает, что, стремясь «быть железным», Клюев не в силах окончательно отказаться от прошлого, он «настойчиво внушает мысль о

том, что подлинная поэзия немыслима без эстетического начала, поэтической традиции»[21].

В представлении новокрестьянских поэтов город связывается с дьяволом. Антиурбанистом выступает Ширяевец в таких произведениях, как «Я — в Жигулях, в Мордовии, в Вытегре!..», «Каменно-Железное Чудище». Бесовское происхождение города подчёркивает и Клюев: «Город-дьявол копытами бил, / Устрашая нас каменным зевом...»[22].

Эту же мысли разрабатывает в романе «Сахарный немец» (1925) Клычков. Он утверждает бесперспективность, тупиковость городского пути развития, подчёркивая, что в городе нет места для мечты: «Город! Город! Под тобой и земля не похожа на землю... Убил, утрамбовал её сатана чугунным копытом, укатал железной спиной, катаясь по ней, как катается лошадь по лугу в мыти...»[23].

Поэт считает, что наступление города на природу приведёт к духовной гибели человека: «Не за горами пора, когда человек в лесу всех зверей передушит, из рек выморит рыбу, в воздухе птиц переловит и все деревья заставит целовать себе ноги, — подрежет пилой-верезгой. Тогда-то отвернётся Бог от опустелой земли и от опустелой души человечьей, а железный чёрт, который только ждёт этого и никак дождаться не может, привертит человеку на место души какую-нибудь шестерёнку или гайку с машины, потому что в духовных делах порядочный слесарь...»[24] («Чертухинский балакирь», 1926). Критик А. К. Воронский писал о проблематике романов Клычкова: «Сетования Клычкова на то, что человек вскоре уничтожит всё живое, имеют свои основания, его протесты против механизации и стандартизации жизни тоже своевременны, и от них нельзя отмахнуться»[25].

Стоит отметить, что Клычков считал тему города как врага деревни общечеловеческой и интернациональной[26]. В доказательство он приводит стихотворение Верхарна «К будущему». На этот счёт Б. Ольховый писал: «Капитализм вырывал всё большую пропасть между городом и деревней. Социализм уничтожает противоречия между городом и деревней... По Верхарну эта тема вырастает из капиталистических отношений. По Клычкову же, она — "общечеловечна"»[27].

Важное значение во взаимоотношениях естественного и искусственного приобретают также оппозиции «природа — искусство», «природа — общество».

Осуждая город как символ цивилизации, новокрестьяне выступают и против интеллигенции как людей рациональных, рассудочных, занимающихся ненужным «умствованием». По мнению поэтов, истина может быть доступна только простому народу, который черпает знание у Природы. Таким образом, чувственное восприятие простых людей противопоставляется рациональному познанию городской интеллигенции.

Тема «народ и интеллигенция» выдвигается на первый план в 1909–1910 гг. после появления книги «Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции». Именно в этот период своего пика достигает миф о «богоизбранном» народе. В это же время наиболее ярко проявляется тяготение к народу у русских символистов, ко-

торое выражалось в желании отрешиться от «культуры» и искать спасения в народе. Азадовский пишет, что в символизме происходит «поворот от западничества к России, от "индивидуализма" к "соборности"... и мистически понятой "народной душе"»[28]. Эта тема особенно важна для Блока, А. Белого, Вяч. Иванова.

Неприятие интеллигенции становится основной темой для Блока 1907–1908 гг. Наиболее ярко переживания поэта, связанные с этой темой, выразились в статье «Россия и интеллигенция». Блок пишет о «двух реальностях», между которыми пропасть, стена непонимания: «...полтораста миллионов с одной стороны и несколько сот тысяч — с другой; люди, взаимно друг друга не понимающие в самом основном»[29].

Антитеза «интеллигенция — народ» приобрела для Блока личный характер, поэт испытывает чувство вины перед народом, считая, что «культура» куплена слишком дорогой ценой порабощения народа. Проблема Россия — Запад тоже была важной для поэта. Блок любил Россию, но многим был обязан западной культуре.

Все эти темы становятся предметом переписки Клюева и Блока. Сохранившиеся письма Клюева дают полную картину его отношения к Западу и культуре. Культура понимается Клюевым как «всё усовершенствованное, всё покоряющее стихию человеку».[30] В одном из писем к Блоку (весна 1909 г., письмо № 20) Клюев говорит, что он не является противником усовершенствований («от электричества до перечницы-машинки»), но выступает против «усовершенствованных пулемётов и американских ошейников... всего, что отнимает от человека всё человеческое»[31].

Азадовский также отмечает, что «противоположность "наивного" знания и "книжной" учёности»[32] является одной из тем поэзии Клюева: «Я видел звука лик и музыку постиг, / Даря уста цветку без ваших ржавых книг»[33]. «Сгинь перо и вурдалак-бумага! / Убежать от вас в суслонный храм, / Где ячменной наготой Адам / Дух свежит, как ключ в глуши оврага!»[34]; «Свить сенный воз труднее, чем создать «Войну и мир» иль Шиллера балладу»[35]. Ширяевец в стихотворении «Магам» тоже с иронией обращается к учёной интеллигенции:

О, «маги» рифм, изысканных донельзя,
Волхвы с бульваров Питера, Москвы,
Не стоите вы пуговицы Эрьзи
И волоса с конёнковской главы!

К чему плести венки сонетов кислых?..
Разливом книг вливаться в города? —
Цветущий жезл в перчатках ваших высох,
В вас крови нет! — гематоген! — вода![36]

Также и Клычков в письме П. А. Журову в 1914 г. замечает: «Культура изощрённая иногда куда хуже открытого варварства».[37]

Выступая против города, идеализируя деревенский уклад, Орешин в сборнике «Соломенная плаха» писал:

Не хочу железных небоскрёбов
По полям железной красоты.
Вижу я: бредёт среди сугробов
Русский парень в думах золотых.
Чем богаче и роскошней город,
Тем в полях задумчивей изба...[38]

«Мотив единения с природой как гармонической основой мира» звучит не только в первых сборниках Клычкова «Песни» (1911) и «Потаённый сад» (1913), но и в послереволюционном сборнике поэта «Дубравна» (1919)[39]:

Милей, милей мне славы
Простор родных полей,
И вешний гул дубравы,
И крики журавлей[40].

Символичным в этом плане является также признание Ширяевца: «Отлично знаю, что такого народа, о котором поют Клюев, Клычков, Есенин и я, скоро не будет, но не потому ли он и так дорог нам, что его скоро не будет. И что прекрасней: прежний Чурила в щёлковых лапотках, с припевками да присказками или нынешнего дня Чурила в американских штиблетах, с Карлом Марксом... Ей-богу, прежний мне милей».[41]

Образ делового американца появляется в стихотворении Ширяевца «Миссис Бром», которое имеет подзаголовок америко-трагедия. Мистер Бром — известный человек («Кто не знает мистер Брома!»), его жизнь посвящена постоянному увеличению капитала, герой находится в постоянном движении: «По делам кофейно-чайным / Колесит муж ряд плантаций»; «По делам кофейно-чайным / Мистер Бром летит в экспрессе»; «Шпарит мысленно активы». Но, преуспевающий в делах, мистер Бром становится обманутым мужем.

Это стихотворение является показательным в том плане, что в нём мы видим отражение типичных черт американского характера: деловитость и практичность, стремление к материальному преуспеванию, мобильность, но вместе с тем невнимание к близким и, как следствие, одиночество.

Свои духовные ценности новокрестьянские поэты отстаивали в полемике с пролеткультовцами. П. Бессалько в статье «О поэзии пролетарской и крестьянской» пишет: «Вопрос и ответ, какая поэзия должна главенствовать, вопрос не

праздный, ибо тут дело идёт не только о поэтических образах и литературных формах, а касается того, какова должна быть Россия. Должна ли она быть земледельческо-крестьянской, с идеалом мужицкого рая, или пролетарско-социалистической, с машинно-городским укладом»[42]. В противовес теориям машинизации новокрестьяне утверждают, что причина зла заключается именно в отрыве от природных корней.

К сожалению, огромный духовный опыт народа, на котором была основана новокрестьянская поэзия, оказался не востребованным в новой эстетической ситуации.

Образ Америки занимает важное место в творчестве новокрестьянских поэтов. Отношение поэтов «крестьянской купницы» к Америке как к собирательному образу «ненавистной цивилизации» помогает глубже понять художественно-философские основы их поэзии. Особый интерес к судьбе России, к национальному характеру становится основной темой творчества поэтов. Обращение к самобытности русской цивилизации особенно ярко проявляется именно в сравнении с образом Америки. В качестве основных черт этого отношения можно выделить: неприятие индустриализации как знака гибели старой Руси, традиционного патриархального уклада, разрушения природной гармонии, что, в понимании поэтов-новокрестьян, катастрофично для сознания русского человека. Образ Америки как общества, где царит власть денег, вещей, процветает разврат, связан с мотивами бесовства.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Мустафина Е. А.* Образ Америки в литературном сознании XIX в. Новгород: Новгород. гос.ун-т, 1998.

[2] *Кубанёв Н. А.* Образ Америки в русской литературе: (из истории русско-американских литературных связей конца XIX – первой половины XX века). Арзамас, 2000.

[3] *Арустамова А. А.* Тема Америки в русской литературе XIX в.: Дисс. ... докт. филол. наук. Пермь, 2010.

[4] *Пономарёва Т. А.* Проза новокрестьян 1920-х годов: Типология, поэтика: Дисс. ... докт. филол. наук. М., 2000. С. 3.

[5] Там же. С. 4.

[6] Там же. С. 38.

[7] *Азадовский К. М.* Поэзия Н. А. Клюева и проблема романтического: (предварительные заметки) // Литература и искусство в системе культуры. М., 1988. С. 462.

[8] *Клюев Н.* Песнослов. Пг., 1919. Кн. I. С. 174.

[9] *Клюев Н. А.* Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы / Сост., подгот. текста и примеч. В. П. Гарнина. СПб.: Изд-во Русского Христ. гуманит. ин-та, 1999. С. 318.

[10] *Клюев Н. А.* Словесное древо. Проза / Вступ. статья А. И. Михайлова. СПб., 2003. С. 223.

[11] *Клюев Н.А.* Сердце Единорога. С. 261.

[12] Там же. С. 264.

[13] Там же. С. 435.

[14] *Клюев Н.* Песнослов. Пг., 1919. Кн. II. С. 65.

[15] Есенин и современность: сборник / Ред. В. Базанов, Ю. Л. Прокушев. М.: Современник, 1975. С. 240.

[16] Звезда Вытегры. 1919. № 39. 9 июля. С. 3.

[17] *Клюев Н.* Письма к Александру Блоку: 1907–1915. М.: Прогресс-Плеяда, 2003. С. 194.

[18] *Азадовский К. М.*Стихия и культура // *Клюев Н.* Письма к Александру Блоку. С. 40.

[19] Нарымская поэма Н. Клюева «Кремль»: интерпретации и контекст: Сб. статей / Ред.-сост. В. А. Доманский. Томск, 2008. С. 58.

[20] Там же. С. 103.

[21]Там же. С. 101.

[22] *Клюев Н.А.* Сердце Единорога. С. 362.

[23] *Клычков С. А.* Чертухинский балакирь: романы. М.: Сов. писатель, 1988. С. 158.

[24] Там же. С. 302.

[25] *Воронский А.* Избранные статьи о литературе. М., 1982. С. 224.

[26] См. об этом в статье «Свирепый недуг» // *Клычков С. А.* Собр. соч. в 2 т. / Предисл. Н. М. Солнцевой; сост. и коммент. М. Никё, Н. М. Солнцевой, С. И. Субботина. М. 2000. Т. 2. С. 512.

[27] *Ольховый Б.* Книга и революция. 1929. № 12. С. 162.

[28] *Азадовский К. М.* Стихия и культура. С. 19.

[29] *Блок А. А.* Собр. соч.: В 8 т. М.: Гослитиздат. 1960. Т. 5. С. 323.

[30] *Клюев Н.* Письма к Александру Блоку. С. 188.

[31] Там же. С. 188.

[32] Там же. С. 463.

[33] *Клюев Н.* Песнослов. Пг., 1919. Кн. I. С. 132.

[34] Там же. Кн. II. С. 77.

[35] Там же. С. 87.

[36] День поэзии 1986. М.: Советский писатель, 1986. С. 205.

[37] Русская литература. 1971, № 2. С. 154 (письмо без даты).

[38] *Орешин П. В.* Соломенная плаха: Стихотворения. М.: Гос. изд-во, 1923. С. 171.

[39] *Тарасов Б.* Актуальное значение творчества С. Клычкова // Сергей Антонович Клычков (1889–1937). Исследования и материалы. По итогам межд. науч. конференции, посв. 120-летию со дня рождения С. А. Клычкова. М., 2011. С. 8.

[40] *Клычков С.* Собр. соч. Т. 1. С. 108.

[41] Русское зарубежье о Сергее Есенине / Сост., вступ. ст., коммент. указ. имён Н. Шубниковой-Гусевой. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2007. С. 64.

[42] *Бессалько П. О.* О поэзии крестьянской и пролетарской // Грядущее. 1918. № 7. С.35.

И. Исаханлы *(Баку, Азербайджан)*

ДВА НАРОДНЫХ ПЕВЦА: СЕРГЕЙ ЕСЕНИН И ДЖАББАР КАРЯГДЫОГЛУ

Об исторической встрече Есенина с Джаббаром Карягдыоглу — виртуозным исполнителем азербайджанских народных песен, видным музыкальным деятелем — в апреле 1925 г., в период нахождения поэта в Баку, написано немало. Однако среди исследователей существуют определённые разногласия по поводу некоторых деталей этой встречи, что делает необходимым наше обращение к данной теме.

Первую информацию о встрече Есенина с Джаббаром Карягдыоглу предоставил редактор журнала «Красная новь» А. К. Воронский:

«В Баку за несколько месяцев до своей смерти на дружеской вечеринке Есенин читал персидские стихи <стихи из цикла "Персидские мотивы" — И. И.>. Среди других их слушал тюркский собиратель и исполнитель народных песен старик Джабар. У него было иссечённое морщинами-шрамами лицо, он пел таким высоким голосом, что прижимал к щеке ладонь левой руки, а песни его были древни, как горы Кавказа, фатальны и безотрадны своей восточной тоской и печалью. Он ни слова не знал по-русски. Он спокойно и бесстрастно смотрел на поэта и только шевелил в ритм стиха сухими губами. Когда Есенин окончил чтение, Джабар поднялся и сказал по-тюркски, — как отец говорит сыну: "Я — старик. 35 лет я собираю и пою песни моего народа. Я поклоняюсь пророку, но больше пророка я поклоняюсь поэту: он открывает всё новое, неведомое и недоступное пока многим. Я не понимаю, что ты читал нам, но я почувствовал и узнал, что ты большой, очень большой поэт. Прими от старика-поэта преклонение пред высоким даром твоим"»[1].

Многие годы спустя, в 1965 г., Л. Полонский в статье «Два певца» также представит интересные сведения об этой встрече:

«... Пальцы певца ударяют о бубен, звенит до скрипа натянутая кожа. Застывают пальцы, и в тишину вдруг вторгается высокий и чистый голос. Джаббар прижимает к щеке ладонь левой руки, чуть склоняет голову, и голос поднимается ещё выше. Есенин слушает его песню и видит перед собой уже не ханенде, а ключи в горах и снежные вершины Кавказа. Поэт никогда не слышал, чтобы певец мог так долго, без роздыха петь... Застыли пальцы Джаббара, оторвались от бубна,

упавшего на колени. Ханенде кончил петь. Вокруг захлопали. А Есенин сидел молча, не высказывая восторга. Он мысленно дописывал начатое письмо в Москву: "И недаром мусульмане говорят: если он не поёт, значит, он не из Шуши, если он не пишет, значит, он не из Шираза". Чем может поэт отблагодарить поэта, певец певца? Только стихами. Только песней. Мелодию рождали слова, и в стихах угадывалась песня:

Не обгорят рябиновые кисти,
От желтизны не пропадёт трава...

... Джаббар бесстрастно смотрел на поэта, и лишь шевелил в ритм стиха сухими губами... А Есенин читал:

Я только тот люблю цветок,
Который врос корнями в землю,
Его люблю я и приемлю,
Как северный наш василёк.

Когда Есенин кончил читать, встал Джаббар... Он подошёл к Есенину и обнял его. А Есенин ответил ему экспромтом, и ханенде запомнилась чеканная строка: "Пророку музыки Востока..".»[2].

Фиридун Шушинский, основываясь на процитированной статье Л. Полонского, описывает, с некоторыми неточностями, эту встречу следующим образом:

«В 1924-ом году известный русский поэт Сергей Есенин приезжает в Баку. Он неоднократно принимает участие в меджлисах, где выступает Джаббар Карягдыоглу. В этих меджлисах лирический поэт мог неустанно слушать прекрасный голос азербайджанского певца. Старые мастера говорят, что однажды в доме Алигейдара Караева было устроено торжество в честь Сергея Есенина. На этом торжестве также участвовали первый секретарь Центрального Комитета большевистской партии С. М. Киров, председатель Центрисполкома Азербайджана Самедага Агамалыоглу и Рухулла Ахундов... Торжество было в самом разгаре. Карягдыоглу начал петь. Есенин никак не мог поверить, что 64-летний старик может обладать таким богатым и нежным голосом. Однако высокий и чистый голос Карягдыоглу и, в особенности, его протяжные и долгие трели пленили, изумили поэта... Карягдыоглу прошёлся по последним отсекам мугама <инструментальная восточная музыка из нескольких разделов — И. И.> и опустил гавал <азербайджанский национальный музыкальный инструмент — И. И.>. Аплодисменты сотрясали зал. Но поэт был изумлён. Он сидел, не издавая ни звука, и, казалось, о чём-то грезил. Даже сам не знал, как вознаградить Карягдыоглу. И вправду, интересно. Как поэт может отблагода-

рить поэта? Только стихами! Есенин читает экспромт в честь Джаббара. Называет его "Пророком музыки Востока". Когда Есенин закончил читать, поднялся Карягдыоглу. Он с улыбкой на устах подошёл к поэту и сказал с отеческой нежностью: "Сынок, я уже стар. Ровно 50 лет, как я собираю и пою древние песни своего народа. Больше всего в мире я поклоняюсь поэтам. Ибо поэт доносит весть о неведомых многим тайнах жизни. Я не понял большинства слов твоего стихотворения. Но верю, что ты очень большой поэт. Я, как старый мастер, преклоняюсь перед твоим талантом...". Карягдыоглу со слезами на глазах произнёс эти слова, подошёл к Есенину и обнял его с отеческой нежностью. А Есенин отдал ему свеженаписанное стихотворение и ещё раз повторил: "Пророку музыки Востока..."»[3].

В своей монографии, посвящённой жизни и творчеству Джаббара Карягдыоглу, Земфира Юсиф кызы, говоря о встрече Есенина с Джаббаром Карягдыоглу, отмечает: «На вышедшей в Варшаве грампластинке Джаббара Карягдыоглу Есенин написал те же слова: "Пророк музыки Востока Джаббар Карягдыоглу"»[4].

Здесь мы остановимся на некоторых моментах той исторической встречи Есенина с Джаббаром Карягдыоглу.

Место встречи

Г. И. Шипулина пишет, что встреча состоялась в доме Джаббара Карягдыоглу[5], а Фиридун Шушинский – в доме у Алигейдара Караева[6]. Скорее всего, называя место встречи, авторы основывались на определённых данных. Однако нам неизвестны письменные свидетельства как за, так и против этих предположений. Отметим, что когда Шушинский писал названную выше книгу, один из членов знаменитого трио Джаббара Карягдыоглу – тарзан (исполнитель на таре) Курбан Пиримов был жив и, безусловно, на той исторической встрече исполнение Джаббара Карягдыоглу на таре сопровождалось именно его исполнением. И, вероятнее всего, этот эпизод записан автором после беседы с Курбаном Пиримовым. Поэтому версия Шушинского о месте встречи выглядит более логичной. Остаётся добавить, что торжество в доме Алигейдара Караева, в тот период секретаря ЦК Азербайджанской коммунистической партии (большевиков), было устроено не в честь Есенина, как пишет Шушинский, а в честь М. В. Фрунзе – Председателя Революционного Военного Совета СССР, прибывшего в Баку 17 апреля с двухдневным визитом. На это торжество был приглашён и Есенин. А Джаббар Карягдыоглу, можно сказать, был неизменным почётным гостем-певцом на такого рода мероприятиях. Там и состоялась встреча Есенина с Джаббаром Карягдыоглу.

Время встречи

Как отмечено выше, впервые о встрече Есенина с Джаббаром Карягдыоглу рассказал Воронский. Дело в том, что 13 апреля в Баку прибыл Фрунзе. Проведя несколько часов в Баку, Фрунзе отправился в Тифлис, а 17 апреля вернулся в Баку. Среди тех, кто сопровождал Фрунзе, был и Воронский. Они пробыли в Баку два дня и уехали 19 апреля. Учитывая, что Воронский был участником той встречи, можно утверждать, что она состоялась 17 или 18 апреля. 19 апреля Есенин уже лежал в больнице водников*. Хотя точные даты пребывания Есенина в больнице неизвестны, можно говорить о его нахождении в больнице 19 апреля. Об этом свидетельствуют написанные в 1927 г. воспоминания В. Ф. Наседкина: «О болезни с его же слов я помню следующее: — Катались на автомобиле. Попали в горы. В горах, знаешь, холодно, а я в одной рубашке. На другой день горлом пошла кровь. Я очень испугался. Чагин вызвал врачей. "Если не бросишь пить, через три месяца смерть", — сказали они и положили меня в больницу. Праздник, Пасха, а я в больнице. Мне казалось, что я умираю. В один день я написал тогда два стихотворения: "Есть одна хорошая" и "Ну, целуй меня, целуй"»[7].

Праздник Пасхи в том году приходился на 19 апреля, и оба стихотворения написаны в тот день. Конечно, хотя теоретически это и допустимо, но всё же трудно поверить, что Есенин согласился бы лечь в больницу именно в день Пасхи. Поэтому более логично предположить, что встреча Есенина с Джаббаром Карягдыоглу состоялась 17 апреля и Есенин лёг в больницу сразу после встречи или (вероятнее всего) на следующий день — 18 апреля.

Участвовал ли в той встрече В. И. Болдовкин?

Хотя в двух источниках, первыми сообщивших об этой встрече[8], нет конкретного указания на участие в ней В. И. Болдовкина, Шушинский, а затем и Земфира Юсиф кызы, «опираясь» на эти источники, пишут об участии в ней и Болдовкина. В статье Полонского о Болдовкине, как участнике встречи, не говорится. Однако автор отмечает, что слышал об этой встрече от Болдовкина. А это не даёт основания утверждать, что тот принял участие во встрече. С другой стороны, в таком случае Болдовкин обязательно упомянул бы о ней в сво-

---

* См., однако, исследование, где это утверждение (некритически воспринятое автором настоящей статьи из работ о Есенине многодесятилетней давности) доказательно опровергается на основе совокупного анализа документальных источников (*Субботин С. И.* Есенин в Баку: к хронологии событий апреля – мая 1925 г. // Биография и творчество Есенина в энциклопедическом формате: Сб. науч. трудов по материалам Междунар. науч. конф., посвящённой 116-летию со дня рождения С. А. Есенина. М.; Рязань; Константиново, 2012. С. 124–126, 128–131 (Ред.).

ей статье «Воспоминания о Есенине»[9]. Но самое главное, что в то время, когда состоялась встреча Есенина с Джаббаром Карягдыоглу, Болдовкин был ещё в Персии, а вернулся оттуда почти месяц спустя – 22 мая. Следовательно, Болдовкин никак не мог присутствовать при общении Есенина с Джаббаром Карягдыоглу.

«Пророк музыки Востока»

То, что на встрече Есенин назвал Джаббара Карягдыоглу именно так, можно считать доказанным фактом. Отметим, что об этом впервые было сказано в печати в 1965 г. в упомянутой выше статье Полонского. В её вступительной части автор пишет, что слышал об этом от Болдовкина. Хотя последний и не присутствовал на той встрече, но после возвращения из Персии он постоянно находился рядом с Есениным и вместе с ним выехал 25 мая в Москву. Поэтому приведённые в статье Полонского со ссылкой на Болдовкина сведения можно считать верными.

Слова же Земфиры Юсиф кызы «Сергей Есенин написал на выпущенной в Варшаве грампластинке "Пророк музыки Востока Джаббар Карягдыоглу"» пока не находят подтверждения. Дело в том, что упомянутая грампластинка Джаббара Карягдыоглу не сохранилась до наших дней и эти сведения не зафиксированы ни в одном другом письменном источнике. Поэтому для уточнения этого достаточно интересного вопроса после телефонной беседы с Земфирой Юсиф кызы я решил встретиться с младшей дочерью Джаббара Карягдыоглу Шахлой ханум Карягды-Кюрчайлы – супругой покойного поэта Алиаги Кюрчайлы, с любовью переводившего произведении Есенина на родной язык. К сожалению, здоровье Шахлы ханум не позволило нам пообщаться лично, однако состоялась довольно продолжительная и тёплая беседа по телефону. Шахла ханум рассказала: «У нашей семьи была такая грампластинка, и я видела её. Потом она была у Курбана Пиримова. В то время я была маленькая и не вникала в суть написанного на ней. К сожалению, эта грампластинка, имеющая теперь историческое значение, всё ещё остаётся неизвестной».

Видела эту грампластинку и редактор книги Земфиры Юсиф кызы Народная артистка Азербайджана, профессор Севда ханум Ибрагимова (об этом мне сказала в телефонном разговоре Земфира Юсиф кызы). Севда ханум — внучка Курбана Пиримова. Если принять во внимание, что некоторое время грампластинка находилась у последнего, то эта информация может считаться достоверной.

Таким образом, так как в данный момент местонахождение грампластинки неизвестно, мы должны учитывать слова Шахлы ханум о её существовании, а также опираться на свидетельство Севды ханум о том, что она видела эту грампластинку.

Учитывая проявляемое в последние годы на самом высоком государственном уровне внимание к мугаму, не будем терять надежды на то, что эта грампластинка будет найдена.

Посвящение Есениным стихотворения Джаббару Карягдыоглу

В упомянутой выше статье Воронского сведений о посвящении Есениным стихотворения Джаббару Карягдыоглу нет. Однако про это пишет Полонский, который отмечает, что Есенин читал отрывки из стихотворений «Отговорила роща золотая» («Не обгорят рябиновые кисти / От желтизны не пропадёт трава...») и «Цветы» («Я только тот люблю цветок, / Который врос корнями в землю. / Его люблю я и приемлю, / Как северный наш василёк»), а потом посвятил стихотворный экспромт Джаббару. К сожалению, нет более полных сведений об этом стихотворении поэта. Отметим также, что, по словам Полонского, Есенин употребил выражение «Пророк музыки Востока» именно в этом стихотворении: «Он <Джаббар Карягдыоглу. – *И. И.*> подошёл к Есенину и обнял его. А Есенин ответил ему экспромтом, и ханенде запомнилась чеканная строка: "Пророку музыки Востока..."»[10]

Шушинский и Земфира Юсиф кызы пишут о том, что на той встрече Есенин не только экспромтом сочинил стихотворение в честь Джаббара Карягдыоглу, но и передал тому «записанное на бумаге» произведение. Однако в статье Полонского об этом не говорится.

А Г. И. Шипулина берёт за основу своих исследований воспоминания Воронского и поэтому ничего не пишет об экспромте. Вместе с тем, она высказывает одно интересное суждение по поводу той встречи. Она предполагает, что некоторые строки созданного после встречи стихотворения «Песня» навеяны ей: «Возможно, именно знакомство со старинными азербайджанскими песнями в исполнении Джаббара Карягдыоглу позволило Есенину на следующий день написать:

С теми же улыбками, радостью и муками,
Что певалось дедами, то поётся внуками»[11].

Мы согласны с этим довольно логичным выводом исследователя.

Хотелось бы остановиться на ещё одном связанном с той встречей вопросе. Поскольку Воронский не упоминает о том, что Есенин назвал Джаббара Карягдыоглу «Пророком музыки Востока», посвятил ему стихотворение или читал его экспромтом, ряд исследователей осторожны в высказываниях по этому поводу. Действительно, чем можно объяснить отсутствие этих сведений в указанной статье? Думается, причина проста и ясна. Дело в том, что в рассматриваемой статье объектом исследования является не Джаббар Карягдыоглу, а Есенин.

Именно поэтому автор не акцентирует внимание на суждениях Есенина о Джаббаре Карягдыоглу, ограничиваясь только воспоминаниями о том, что было сказано Есенину Джаббаром Карягдыоглу.

Полонский же уделяет внимание обоим участникам встречи – Есенину и Джаббару Карягдыоглу. В силу этого она описана более обстоятельно. Сведения, приведённые Полонским, позволяют говорить о том, что при встрече с Джаббаром Карягдыоглу Есенин назвал его «Пророком музыки Востока» и посвятил ему экспромт.

Подводя итоги, отметим следующее:

1. Есенин и Джаббар Карягдыоглу встретились в доме Алигейдара Караева.
2. Встреча состоялась 17 (вероятнее всего) или 18 апреля 1925 г.
3. Болдовкин в ней не участвовал.
4. Эта встреча оставила свой след в творчестве Есенина.
5. Есенин посвятил стихотворный экспромт Джаббару Карягдыоглу и назвал его «Пророком музыки Востока».

Это была высочайшая оценка, данная великим русским поэтом выдающемуся мастеру мугама Джаббару Карягдыоглу и азербайджанской музыкальной культуре в целом. Принимая это во внимание, имя Есенина было включено в энциклопедию мугама, изданную в Азербайджане в 2010 г.[12].

Хотелось бы отметить ещё один момент. Известный есениновед С. П. Кошечкин написал статью «Песни Джаббара Карягды (из кавказских встреч поэта)»[13], которая посвящена другой встрече Есенина с Джаббаром Карягдыоглу. Из статьи следует, что встреча состоялась 23 сентября 1924 г. С. П. Кошечкин рассказывает о своей встрече с младшей дочерью Джаббара Карягдыоглу Шахлой ханум и от её имени приводит воспоминания о встрече Есенина с её отцом. После внимательного ознакомления со статьёй я позвонил Шахле ханум. В связи с состоянием её здоровья нам не удалось побеседовать, но из разговора с её сыном Улфат беком стало известно, что С. П. Кошечкин несколько раз бывал у них дома, беседовал с Шахлой ханум о встрече Джаббара Карягдыоглу с Есениным. Сам Улфат бек, бывая в Москве, гостил у Сергея Петровича. Одним словом, они подружились, можно сказать, семьями. Но трудно объяснить те неточности, которые встречаются в материале о встрече двух великих мастеров. В упомянутой статье читаем:

«Да для отца это и был чудесный праздник, – рассказывает младшая дочь Джаббара Карягды – Шахла. Мы беседуем с ней спустя полвека с того дня, когда у них дома побывал Сергей Есенин. Тогда ей было семь лет. Запомнила ли она поэта? Очень хорошо запомнила.

– У нас часто бывали гости: отец был общительным, любящим дружеские компании человеком, – вспоминает Шахла. – Я читала, что многим людям, впервые видевшим Есенина, бросались в глаза его золотистые волосы. Но меня, девчонку, тогда больше всего привлекла его улыбка – такая по-детски доверчивая, немного озорная.

Шахла раскрывает книгу Есенина, смотрит на его портрет и продолжает:

— Мне он показался моложе, чем на этой фотографии. Помню: он наклонился ко мне, сказал несколько ласковых слов. Потом присел передо мною на корточки и пристально посмотрел мне в глаза. Может быть, это я уже теперь рассуждаю: ему вспомнилась его дочка? Наверно, это так: ведь он её любил, тосковал по ней. Тут же мама увела меня с сестрой в другую комнату»[14].

Шахла ханум — младшая дочь Джаббара Карягдыоглу — родилась в 1928 г., т. е. через три года после смерти Есенина. Автор же статьи рассказывает о встрече семилетней Шахлы с Есениным. Можно отметить и другие неточности.

Рассматриваемая тема актуальна в связи с началом работы над Есенинской энциклопедией, в которой должны быть всесторонне охарактеризованы отношения Есенина с представителями азербайджанской литературы и культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Воронский А. К.* Об отошедшем. Литературные записи. Артель писателей «Круг». 1926. С. 135–136.

[2] *Полонский Л.* Два певца // Бакинский рабочий. 1965. 3 октября.

[3] *Шушинский Фиридун.* Джаббар Карягдыоглу (на азербайджанском языке). Баку: Ишыг. 1987. С. 97–98.

[4] *Земфира Юсиф кызы.* Пророк музыки Востока (на азербайджанском языке). Баку: Шарг-Гарб. 2008. С. 54.

[5] *Шипулина Галина.* «...Донесу, как счастье, до могилы...» // Литературный Азербайджан. 1995, № 7–12; 1996, № 1–4. С. 145.

[6] *Шушинский Фиридун.* Джаббар Карягдыоглу. С. 97.

[7] *Наседкин В. Ф.* Последний год Есенина. Ветер с поля. Стихи, воспоминания о Есенине. Уфа: Башкирское книжное издательство. 1978. С. 137 (по изданию: *Наседкин В. Ф.* Последний год Есенина. М.: Никитинские субботники. 1927).

[8] *Воронский А. К.* «Об отошедшем». С. 135–136.; *Полонский Л.* Два певца.

[9] *Болдовкин Василий.* Он всем нам родной // Слово. 2003. № 2. Март – апрель. С. 85–86.

[10] *Полонский Л.* Два певца.

[11] *Шипулина Галина.* «...Донесу, как счастье, до могилы...». С. 146.

[12] Энциклопедия мугама (на азербайджанском языке). Баку: Фонд Гейдара Алиева. 2010. С. 202.

[13] *Кошечкин Сергей.* Песни Джаббара Карягды. Из кавказских встреч поэта // О, Русь, взмахни крылами. Есенинский сборник. Выпуск I. М.: Наследие. 1994. С. 186–192.

[14] Там же. С. 188.

А. А. Никольский (Рязань)

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ДИАЛЕКТИЗМЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЕСЕНИНА

Традиционная трактовка функций диалектизмов в художественно-литературном тексте сводится к констатации того, что они «употребляются в языке как средство стилизации, речевой характеристики персонажей, создания местного колорита»[1]. Реализация этих функций возможна лишь в «деревенском» контексте, т. е. в контексте, связанном с изображением сельской жизни, персонажей, являющихся носителями диалекта.

Использование диалектной лексики в произведениях С. А. Есенина выходит за эти традиционные рамки. У него диалектизмы употребляются как в «деревенском» контексте, так и вне его. В последнем случае диалектизмы выступают в необычной для них функции, сближающей их с неологизмами. Без опоры на «деревенский» контекст они предстают в читательском восприятии как новообразования самого Есенина. Эту особенность словоупотребления Есенина отмечали уже его современники. Так, критик В. А. Красильников писал в 1925 г., что Есенин «ввёл в законное стиховое употребление много неизвестных деревенских провинциализмов и часто они так остро поставлены (например, на рифме), что неосведомлённому читателю просто хочется считать их словообразованиями поэта» [I, 578][2].

Среди диалектизмов, представленных в произведениях Есенина, особое место занимают семантические (лексико-семантические) диалектизмы, т. е. «слова, в своём оформлении ничем не отличающиеся от слов литературного языка, но имеющие в говорах особые значения»[3].

В отличие от диалектизмов других типов, семантические диалектизмы могут восприниматься читателями как омонимичные слова литературного языка. Однако, несмотря на возможность такого восприятия, Есенин в своих произведениях неоднократно использует семантические диалектизмы как в «деревенском» контексте, так и вне его[4].

Выявление семантических диалектизмов не вызывает особых затруднений, когда омонимичное слово литературного языка по своему значению не «вписывается» в контекст произведения. Например:

И третий мой бокал я выпил,
Как некий хан,
За то, чтоб не сгибалась в хрипе
Судьба крестьян [IV, 219].

В литературном языке хрип – это «хрипение, хриплый звук»[5]. Есенин же употребляет слово хрип в диалектном значении «спина». Данный семантический диалектизм имеет место в рязанских говорах[6]. В частности, он зафиксирован в говоре с. Константиново – родины поэта: «нъ свайом хр'ипу п'ир'н'асла»[7].

Выявление семантических диалектизмов связано с определёнными трудностями, если значение омонимичного слова литературного языка не воспринимается как нечто инородное в данном контексте. Однако подобное выявление – неотъемлемая часть исследования поэтического языка Есенина. «Разгадка, – отмечает Е. А. Некрасова, – хотя бы частичная, подлинного значения диалектного слова позволяет понять авторский замысел, проявленный в образной зарисовке»[8].

В поэме «Чёрный человек» употребляется слово прескверный:

«Чёрный человек!
Ты – прескверный гость!
Эта слава давно
Про тебя разносится».
Я взбешён, разъярён,
И летит моя трость
Прямо к морде его,
В переносицу... [III, 193].

В литературном языке слово *скверный* имеет такие значения, как «гадкий, недостойный» (скверный человек), «очень плохой» (скверная погода)[9]. Однако представленное в поэме слово *прескверный* получает объяснение на основе рязанских говоров, а не литературного языка.

В «Словаре современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области)» отмечается употребление слова *скверный* только в значении «неприятный на вид, вызывающий отвращение своим видом», что иллюстрируется следующими примерами: «Скв'ерный был сл'ун'авай, так и палзл'и с'л'ун'и [о больном]... Што ты такайа скв'ернайъ? Л'уд'и с'м'айацъ будут' [о девочке, криво надевшей берет]»[10].

В этом же словаре приводится фразеологическое сочетание «скверный чёрт», которое сопровождается таким комментарием: «бранное выражение (чаще в обращении)... Ид'и атс'едъ, скв'ернай ч'орт!... [о коте]»[11].

Слово *скверный* в этом выражении указывает на характерный признак чёрта в народном представлении — на наличие у него природной, обычно скрытой за другим обличьем отвратительной внешности.

В употреблённом Есениным слове «прескверный» данное признаковое значение усиливается приставкой *пре-*, которая в составе имён прилагательных выражает «высшую степень качества»[12], т. е. прескверный — это «чрезвычайно отвратительный на вид». Лирический герой поэмы догадывается, что в облике чёрного человека к нему явился чёрт и разоблачает его, называя прескверным гостем.

В 1925 г. в наборном экземпляре драматической поэмы «Страна Негодяев» Есенин написал второе слово в заглавии с прописной буквы, хотя в тексте поэмы имело место написание данного слова со строчной буквы. В издании 1926 г. вопреки авторской воле название поэмы даётся в редакции «Страна негодяев». Это же отмечается и в других изданиях поэмы, в том числе в Собраниях сочинений С. А. Есенина в пяти и шести томах. «Такая редакция, — отмечает Н. И. Шубникова-Гусева, — не только сделала мельче самих Негодяев, то есть персонал Страны Негодяев, но и "сглаживала" символический смысл поэмы в целом»[13]. В Полном собрании сочинений заглавие поэмы дано в соответствии с волей поэта — «Страна Негодяев».

Возникает вопрос: чем обусловлено написание Есениным второго слова в названии поэмы с прописной буквы? Можно предположить, что в данном случае имеет место дифференцирующий принцип написания. Слово негодяй в заглавии и слово негодяй в тексте характеризуются наличием разных значений и соответственно с этим получают разное орфографическое оформление.

В литературном языке слово «негодяй» имеет значение «подлый, низкий человек»[14]. В тексте драматической поэмы это слово встречается два раза и каждый раз употребляется в таком значении:

Красноармеец
... И вдруг, как из-под земли,
Сугробы взрывая,
Нас окружили в приступ
Около двухсот негодяев [III, 81].

Барсук
Разве ты себя считаешь негодяем?
1-й повстанец
Я не считаю,
Но нас считают [III, 93].

Слово «негодяй» является здесь средством негативной характеристики повстанцев со стороны представителей власти.

Явно другой, более широкий смысл имеет данное слово в заглавии «Страна Негодяев». Е. А. Некрасова предполагает, что компонент Негодяев в заглавии соотносится с семантическим диалектизмом негодяй в значении «непригодный для дела человек»[15]. По её мнению, «страна негодяев – это государство, где не хотят или не умеют чётко и результативно работать»[16]. Однако с такой интерпретацией заглавия поэмы трудно согласиться. Представляется более убедительным другой путь истолкования заглавия поэмы на основе семантического диалектизма «негодяй» в указанном значении.

Ключевое значение при этом имеет монолог Номаха:

Я верил... Я горел...
Я шёл с революцией,
Я думал, что братство не мечта и не сон,
Что все во единое море сольются –
Все сонмы народов,
И рас, и племён.
.....
Пустая забава,
Одни разговоры!
Ну что же?
Ну что же мы взяли взамен?
Пришли те же жулики, те же воры
И вместе с революцией
Всех взяли в плен...
Но к чёрту всё это [III, 109–110].

Номах оказался негодяем, т. е. непригодным, ненужным в послереволюционной России, и в этом отношении он не одинок. Комиссар Чарин в поэме вынужден признать:

И у нас биржевая клоака
Расстилает свой едкий дым.
Никому ведь не станет в новинки,
Что в кремлёвские буфера
Уцепились ногтями с Ильинки
Маклера, маклера, маклера...
И в ответе партийной команде,
За налоги на крестьянский труд,
По стране свищет банда на банде,
Волю власти считая за кнут [III, 75].

Показательны колебания Есенина в выборе названия поэмы. Как отмечает Н. И. Шубникова-Гусева, в процессе работы над рукописью поэмы Есенин заменил заглавие «Страна Негодяев» на «Номах», но затем вернулся к первоначальному названию[17]. Это, надо полагать, отражает смысловую близость данных заглавий.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 133.

[2] См.: *Никольский А. А.* О статье «Диалектизмы» в Есенинской энциклопедии // Есенин и мировая культура: Материалы Международной научной конференции, посвящённой 112-летию со дня рождения С. А. Есенина. М. – Константиново – Рязань. 2008; *Он же.* Особенности употребления диалектной лексики в произведениях С. А. Есенина 1924–1925 гг. // Современное есениноведение: Научно-методический журнал. 2009. № 12. С. 44–45.

[3] Словарь русских народных говоров. М., 1965. Вып. 1. С. 6.

[4] См.: *Жбанкова Т. С.* Семантические диалектизмы в стихах С. Есенина // Вопросы методики русского языка в средней школе. Рязань, 1973. Вып. 2. С. 105–112; *Некрасова Е. А.* Проблема семантических диалектизмов у Есенина // Есенинская энциклопедия: Концепция. Проблемы. Перспективы. Материалы Международной научной конференции, посвящённой 111-летию со дня рождения С. А. Есенина. М. – Константиново – Рязань. 2007. С. 201–208.

[5] *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 2003. С. 869.

[6] Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области). М., 1969. С. 588–589.

[7] *Жбанкова Т. С.* Семантические диалектизмы в стихах С. Есенина. С. 107.

[8] *Некрасова Е. А.* Экспрессия диалектного слова в творчестве С. А. Есенина // Современное есениноведение: Научно-методический журнал. 2007. № 6. С. 116.

[9] *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. С. 721.

[10] Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области). С. 516.

[11] Там же.

[12] Русская грамматика. М., 1980. Т. I. С. 309.

[13] *Шубникова-Гусева Н. И.* Поэмы Есенина: От «Пророка» до «Чёрного человека»: Творческая история, судьба, контекст и интерпретация. М., 2001. С. 202.

[14] *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. С. 403.

[15] Словарь русских народных говоров. Л., 1985. Вып. 20. С. 333.

[16] *Некрасова Е. А.* «Страна Негодяев» в понимании С. Есенина (семантические диалектизмы в поэме) // Поэтика. Стихосложение. Лингвистика. М., 2003. С. 264.

[17] *Шубникова-Гусева Н. И.* Поэмы Есенина. С. 260.

Л. К. Алексеева (Москва)

ЕСЕНИНСКИЙ «ТЕКСТ» В ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОМ КОНТЕНТЕ МУЗЕЙНЫХ ЭКСПОЗИЦИЙ XX ВЕКА

Актуализация музейной проблематики в данном сборнике – свидетельство серьёзного отношения научной общественности к тому контенту, который создаётся в литературных музеях и является произведением особого рода – наукой, искусством и практикой одновременно. Экспозицию можно рассматривать как один из способов перевода фундаментального знания в музейные практики. И это знание неизбежно адаптируется к современности, что, собственно, и делает музейное произведение – даже при повторяемости темы – неповторимым.

Применяя понятие контента к литературным выставкам и экспозициям, хотелось бы подчеркнуть те важные их характеристики, без которых невозможна успешная музейная коммуникация. Во-первых, то, что это информационный ресурс сложного наполнения, включающий текстовую, визуальную и аудиоинформацию самого разного качества и свойства – *уникальную*, которой обладают сами музейные предметы, *художественную среду*, в которой они находятся, а также все *пользовательское сопровождение выставки* – тексты, аннотации, путеводители, рекламу и всю внутримузейную документацию, которая фиксирует и обслуживает выставку. Во-вторых, от качества и актуальности выставочного контента зависит продвижение информации, её необходимость и востребованность в обществе. Поэтому современные музейные коммуникации широко используют мультимедийные средства, что сближает их с веб-ресурсами.

В нашей статье, опубликованной в недавнем сборнике, речь шла о первом есенинском музее, возникшем в 1926 г. по существу спонтанно[1]. Этот музей существовал очень недолго, но стал важной вехой в музейной истории Есенина.

Дальнейшее её развитие связано с Государственным литературным музеем, образованным в 1934 г. и ставшим собирателем и хранителем огромного литературно-художественного и исторического наследия. Есенинские материалы поступали в музей уже в 1930-е гг., а с 1958 г. – после смерти С. А. Толстой-Есениной – в его составе оказался её значительный архив и большая коллекция предметов, находившихся ещё в первом есенинском музее. Какова судьба этих материалов, что происходило с ними в их музейной жизни, насколько они были доступны исследователям и посетителям музея – сюжет длинный, разветвленный. Всего выставок,

устроенных ГЛМ в стране и за рубежом, в состав которых входили есенинские материалы, было более 20. Остановимся лишь на четырёх, обратив внимание на то, в каком историческом антураже поэт появлялся на выставочной сцене, в каком объёме, соседстве и сопровождении есенинские материалы могли восприниматься музейной аудиторией в рубежные периоды второй половины XX века.

Практически всякая музейная экспозиция или выставка исторична по своей природе, поскольку имеет дело с историческими свидетельствами, источниками. Вбирая в себя конкретное, она призвана дать представление об общем, сконструировав некую версию прошлого. Но при этом, являясь ретроспекцией, выставка всегда современна, поскольку воплощается в представлениях текущего времени и существенно от них зависит. Особенно это касалось экспозиций советского периода, когда любая экспозиционная работа подвергались жёсткой цензуре. И поэтому для современного исследователя история музейных экспозиций XX века — это, прежде всего, изучение опыта создания музейных «текстов», в которых синхронные и диахронные историко-культурные связи находились в сложном взаимодействии, а порой — в конфликте.

Литературный музей за первые шесть лет своего существования накопил огромные документальные, художественные и книжные богатства, но при этом был лишён выставочных площадей для них, находясь в сложном положении архива-музея и занимаясь в основном публикаторской деятельностью. Однако с периода своего возникновения он был нацелен на создание грандиозного экспозиционного полотна, посвящённого истории литературы с древнейших времён до современности. Опыта такой работы ещё не было, а те выставки, которые всё же удавалось устраивать или придумывать хотя бы на бумаге, приводили к неутешительным результатам: для власти слово представляло угрозу, а противоречивая и сложная картина русской литературы была полна для неё слишком многими невыгодными ассоциациями и опасными контаминациями. Даже В. Маяковский, самим вождём определённый в лучшие и талантливейшие поэты советской эпохи, оказался «непроходным» — выставку, подготовленную к 10-летию со дня его смерти, так и не удалось открыть.

Тем не менее, выставка, экспозиция — непременное условие существования музея. С трудом пережив изъятие своих рукописных коллекций в 1941 г. и едва уцелев как самостоятельная структура, ГЛМ, начиная с 1947 г. каждые десять лет создавал выставки, посвящённые литературе советского периода, отмечая в качестве её рождения главную политическую дату в недавней истории страны, а также другие официальные события, демонстрирующие её успешное развитие. Во всех этих выставках материалы Есенина показывались, хотя, как мы знаем, до начала «оттепели» во внемузейном пространстве официальной культуры он, если и присутствовал, то как фигура умолчания.

Музейная ситуация была немногим лучше. Политические рамки, заданные официальной пропагандой, определяли тот исторический контекст, в который

обязана была вписываться отечественная литература, что, естественно, затрудняло самостоятельную научную работу с источниками, поиски собственного языка в их интерпретации. Поскольку литературная экспозиция должна была «давать правильное политическое значение творчества того или иного писателя», этого добивались с помощью оценочных и политических текстов, заказных музейных иллюстраций, масштабом представления тех или иных персонажей.

На практике это выглядело следующим образом. На первой послевоенной выставке «30 лет советской литературы», открывшейся 10 февраля 1948 г. в пяти залах на Моховой улице, второй зал был посвящён литературе 1920-х гг. Фотографический портрет Есенина 1925 г. и две его книги – первый том собрания сочинений и «Страна советская» – были помещены в самом углу зала под вентиляционной вытяжкой. В сравнении с материалами Маяковского и М. Горького, которым целиком был посвящён первый зал с центральным экспонатом – работой А. Яр-Кравченко «Горький читает товарищам И. В. Сталину, В. М. Молотову и К. Е. Ворошилову свою сказку "Девушка и Смерть"» (1947), этот комплекс кажется микроскопическим. Но он соизмерим со столь же негромко представленными материалами А. Блока и В. Брюсова. Главное наполнение зала с его героическим пафосом революции и Гражданской войны составляли материалы советских писателей двадцатых годов с доминантными портретами Д. Бедного, А. Фадеева, Д. Фурманова, А. Серафимовича, комсомольских поэтов – они размещались по двум основным стенам зала. Есенин, также как Блок и Брюсов, находились в другой плоскости с ними (в простенках), т. е. вне общего потока. И то окраинное положение, которое было уделено им на выставке, это только подчеркивало, вписывая в общий ряд, одновременно исключало из него.

Примером откровенного остракизма и полузадушенного состояния литературы был другой фрагмент этой выставки, где под большим живописным портретом А. А. Жданова в двух витринах лежали журналы с публикациями его доклада о журналах «Звезда» и «Ленинград».

Как по содержанию, так и по образному решению выставка 1948 г. и особенно ещё более политизированная экспозиция 1952 г. были крайне тенденциозными, отличались обилием политических текстов, заказными иллюстрациями, многочисленными портретами и скульптурами вождей и, конечно, главного «писателя» страны – автора краткого курса истории ВКП(б), цитаты из произведений которого были размещены по всем стенам. Но то, что годилось для парадов и демонстраций, в музее выглядело фальшиво, диссонировало с оригинальными материалами, создавая обратный эффект: подавляющая живое слово идеологическая начинка превращала картину триумфального развития советской литературы в нечто совсем другое, демонстрируя «многопудье» идеологического пресса, подмявшего под себя литературу. Конфликт между интеллектуальной традицией и политической тенденцией был налицо. С помощью такой

экспозиции можно было решать пропагандистские задачи, но для людей читающих, думающих, имевших свой исторический опыт минувшего тридцатилетия и ещё помнивших гудящий поэтическими строками Политехнический музей, траурная рамка на есенинском томе 1926 г. и эффектное «лицо» «Руси советской» — автором обложки был К. Зданевич — были знаками другой истории.

Новое историческое время — «оттепель» — почти мгновенно изменило музейный текст. Выставка, посвящённая 60-летию со дня рождения Есенина, прошла в 1955 г., а на фондовой выставке 1958 г. о Есенине сразу же было громко заявлено — мраморным бюстом работы Г. Д. Гликмана, самой монументальностью формы выдвигавшим его в первый ряд поэтов XX века.

Следующая выставка — к 70-летию со дня рождения Есенина — проходила в обстановке всероссийского праздника: в 1965 г. открывался музей-заповедник Есенина, юбилею был посвящён большой вечер в Колонном зале Дома союзов, проходили другие торжественные мероприятия. К этой дате Государственный литературный музей открыл монографическую выставку поэта, достаточно полно представлявшую его биографию и творчество. В простой и лаконичной стилистике выставки Есенин выглядел типичным «шестидесятником» — так светло, открыто и ясно строился рассказ о нём на стендах и витринах зала. Концепцию выставки определяла биография поэта 1925 г., а строки из его стихов, взятые в качестве ведущих текстов, добавляли ей искренности. Особую свежесть выставке придавали фотоработы В. С. Молчанова — в то время сотрудника музея, запечатлевшего есенинские места с документальной точностью и с тем особым поэтическим чувством, которое надолго сделало его работы классикой есенинского фотопейзажа. Собственно, они и стали тем «историческим фоном», который более всего подходил образу поэта, символизируя главную тему его творчества — любовь к родине. В дальнейшем ни одна наша выставка без этих работ не обходилась.

В 1970–1980-е гг. экспозиционные историко-литературные модели начали строиться более сложно, как особые информационные системы на стыке научного и художественного видения действительности. В их основе — использование знаковой, символической природы предмета-экспоната как средства кодирования историко-культурной информации, предмета, за которым скрываются многие смыслы.

В постоянной экспозиции музея 1984 г., открывшейся к 50-летию Союза писателей СССР, панорама литературы XX века разворачивалась в десяти залах филиала по Трубниковскому переулку, как единый поток событий общественной и культурной жизни, внутри которого переплетались, взаимодействовали, сталкивались разнообразные по своим устремлениям литературно-художественные течения эпохи. Это была сложно устроенная экспозиция, которая при внешнем вполне примерном советском содержании, выведенном на первый план и отредактированном соответственно с цензурным соображениям, имела

свои подтексты, аллюзии и скрытые смыслы, которые неизбежно возникали от сопоставления материалов или при их взаимодействии. Не все из них были намеренными, запланированными, но служили верным свидетельством того, что музейный текст, прочитывающийся не с первого раза, втягивающий посетителя внутрь себя, имел содержание, предлагающее не столько ответ, сколько поиск ответа. Конечно, в контенте этой экспозиции были свои купюры и «белые пятна», но лакуны не ретушировались и не камуфлировались, а читатели и зрители были в то время уже достаточно искушёнными в области «эзопова языка» и понимали смысл такого молчаливого «высказывания».

По замыслу автора художественного проекта Е. А. Розенблюма образ экспозиции решался как образ библиотеки, книгохранилища, воплощённый в систему библиотечных шкафов. В раскрытом пространстве их витрин помещались экспозиционные материалы (первые издания, автографы, портреты, фотографии, документы и т. д.), показывающие развитие литературы в историческом времени. Верхние полки шкафов занимали последующие советские издания тех же авторов. Таким образом была сделана попытка дать два ряда, два регистра литературы — в её историческом возникновении и дальнейшем её бытии, поскольку верхний ряд изданий зримо подчёркивал отсутствие или явный недостаток в библиотеке советского читателя книг Н. С. Гумилёва, О. Э. Мандельштама, М. А. Булгакова, А. А. Ахматовой, М. И. Цветаевой, писателей, оказавшихся в эмиграции, и тех, кто остался в стране, но был забыт, сдвинут на периферию, вычеркнут из списков советских писателей политическим режимом. Полки Есенина были заполнены достаточно плотно — поэт к тому времени издавался хорошо и уверенно занимал одно из первых мест в читательском сознании.

Имя Есенина и его творчество возникали в экспозиции трижды. В первом зале, посвящённом литературе начала XX века, где исторический акцент был сделан на теме Первой мировой войны, во втором, посвящённом событиям 1917 г., культурной революции и агитационно-массовому искусству, и в третьем, где была представлена поэзия 1920-х гг. В целом есенинский комплекс был достаточно репрезентативным, представлял узловые моменты творческой биографии поэта и был погружён в исторический поток важнейших событий века, политической и литературной борьбы, отношений с современниками.

Особенно острым и напряжённым выглядел зал поэзии 1920-х гг., где Есенин и Маяковский, вырываясь из общего поэтического потока и вырастая в две самостоятельные и контрастные фигуры, были приведены в состояние взаимоупора и взаимоотражения. В двух пространственных стеклянно-зеркальных композициях, размещённых напротив друг друга, воплощались два героя и два поэтических мира: урбанизм Маяковского и крестьянская стихия Есенина, образ «агитатора, горлана, главаря», «первого в мире поэта масс» и проникновенного лирика, создававшего в своём творчестве другой образ эпохи, России, рево-

люции. И в этом условно-знаковом, синхронизированном столкновении их разность и общность представляли драматургическое единство, напряжённый диалог, а автограф стихотворения «Сергею Есенину» воспринимался как неотправленное письмо другу. В зале были показаны и лефовцы, и имажинисты, и представители других школ и групп, но именно эти двое, как самые яркие и безусловные поэтические лидеры своим творчеством и своей судьбой выражали главную историческую коллизию и трагедию времени. Музейными средствами это было выражено и эмоционально, и убедительно.

Экспозиция существовала около восьми лет, сохраняя многозначность своей информации, не устаревая морально и давая широкие возможности тематического и монографического показа её экспонатов.

В этом же филиале Государственного литературногомузея в Трубниковском переулке, начиная с конца 1980-х гг., проходили выставки, посвящённые столетним юбилеям крупнейших поэтов XX века. Юбилейная выставка Есенина (1995) собрала в едином пространстве наследие поэта из разных государственных хранилищ и частных собраний, что и было её главным достоинством. Что касается исторического контекста этой выставки, равно как и её посыла современной истории, то они оказались невнятными – сцепления времён не получилось. Возможно, это произошло потому, что в культурном смысле 1990-е гг. отличались разоблачительным пафосом особого рода, горячечным, не всегда объективным, когда убеждения казались сильнее фактов и требовали своего подтверждения любой ценой. Музей этого вызова не принял, а потому есенинская выставка оказалась академически замкнутой, ограничившись пространством только исторического времени поэта. Не было найдено и выразительного пластического решения – у выставки не было есенинского лица.

К сожалению, вне этой исторической коллизии, сцепления времён, взаимного напряжения, всматривания друг в друга прошлого и настоящего по-настоящему яркой выставки получиться не может.

Музей обладает достаточно высоким культурным статусом. Его создание почти всегда знаменует собой высшую степень признания ценностей, которые общество склонно причислять к числу вечных, т. е. достойных памяти, аутентичных национальному сознанию, достойных представлять отечественную культуру на мировом уровне. Творчество Есенина и его документальное и мемориальное наследие, безусловно, в этом ряду, о чём свидетельствует расширение есенинского музейного пространства, увеличение количества экспозиций и выставок, которые эту ценность постоянно подтверждают, валоризуют. Поэтому проблема контента, т. е. наполнения, содержания этих выставок, создания новых музейных «текстов» на тему Есенина в современной культуре весьма актуальна. Вопрос здесь не в том, чтобы бесконечно тиражировать первоисточники, что неминуемо их обесценивает, а выйти на совершенно иной уровень презентации есенинской темы, усиливая исторический контекст и создавая сложные научные

концепции и художественные модели, в том числе виртуальные, дающие новые возможности соприкосновения, контакта с есенинским миром.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] См.: *Алексеева Л. К.* Есенинское наследие: историко-культурологические аспекты музейной интерпретации // Сергей Есенин: Диалог с XXI веком. Сб. научных трудов по материалам Международного научного симпозиума, посвящённого 115-й годовщине со дня рождения С. А. Есенина. М. – Константиново – Рязань. 2011. С. 70–80.

В. С. Титова *(Константиново)*

АЛЬБОМ И. В. РЕПИНА В ФОНДОВОМ СОБРАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА С. А. ЕСЕНИНА

Альбомы милые – преданья старины,
Давно уж сделались вы редкостью большою,
Давно в архив безжалостно сданы;
Но, в память прошлого, тряхнём здесь стариною...
П. А. Каратыгин, 1873

Коллекция рукописных документов Государственного музея-заповедника С. А. Есенина хранит ценный экспонат – альбом памятных записей И. В. Репина. Он попал к нам из частного собрания поэта и коллекционера Ю. А. Паркаева. Владельцем альбома был известный в Москве начала XX века литератор Иван Васильевич Репин (1874–1936) – русский писатель и поэт-самоучка, печатавший стихотворения и рассказы в газетах и журналах, один из учредителей Суриковского литературно-музыкального кружка. Он помогал материально начинающим писателям, студентам. В доме Репина в Москве, на Чистых прудах, часто бывали писатели и поэты, оставившие два альбома памятных записей. Один хранится в РГАЛИ и хорошо известен в научной литературе, другой – в нашем музее-заповеднике[1].

Извлечённый из архива, он начинает вторую жизнь, включаясь в перекличку веков. Скромный альбом в цельнокожаном владельческом переплёте чёрного цвета с золотым обрезом. Муаровый форзац в чёрно-серых тонах гармонирует по цветовому решению со строгим переплётом. Отдельные тетради блока, состоящие из листов в линейку, сшиты между собой при помощи проволоки. Имеются редкие фоксинги, потёртости корешка, загрязнения листов, детские рисунки карандашом на свободных страницах.

Альбом объёмный и информативный. В нём около 200 автографов. В тетради 125 листов, 4 листа пропущены. Листы размером 27,5 на 21 см. Записи выполнены чернилами чёрного, фиолетового и красного цветов, преимущественно на обеих сторонах листа. Почерки встречаются и легко читаемые, и крайне неразборчивые. Первая запись в альбоме датируется 1913 г., последняя – 1936-м. Основное число записей относится к 1913–1916 гг. Индивидуальные черты в

них преобладают над типовыми, оригинальные сочинения – над цитатами и выписками.

Альбом заполнен в основном литературным материалом – стихами и прозой. О степени интереса и о значении этих записей говорят фамилии лиц, собственноручно их вписавших в этот альбом: среди 72 альбомных «гостей» встречаются как малоизвестные имена, так и множество людей, пользующихся широкой известностью в литературе.

Листая страницу за страницей, встречаем автографы И. В. Репина [14] (1913–1916)[2], В. Миляева [16] (1912–1914), [5] (1927–1936) Л. Б. Фридмана [5] (1927–1936), И. К. Коробова [4] (1913), П. Г. Горохова [1] (1915), А. А. Петрова (Бич-Булата) [5] (1913–1916), Н. И. Волкова [4] (1913), Ю. Усачёва [1] (1913), Е. А. Афонина [1] (1913), С. Н. Кошкарова-Заревого [5] (1913–1916), И. А. Новикова [2] (1914), В. А. Щуренкова [3] (1914), И. П. Бурмистрова [2] (1914), Д. Варлыгина [3] (1913–1914), Ф. С. Шкулёва [12] (1913–1915), И. М. Корнева [2] (1914), М. В. Праскунина [3] (1913), М. К. Савина [5] (1913), Д. А. Коломийцева [1] (1913), Н. Тамарина [1] (1929), П. Кривина [1] (1913), А. Новикова [1] (1913), И. Юрцева [5] (1913–1915), А. М. Чернышёва [1] (1914), С. Д. Дрожжина [5] (1914), Г. П. Попова-Завражного [3] (1914–1916), И. С. Ивина-Кассирова [2] (1914), И. И. Морозова [15] (1915–1916), Б. А. Тимофеева [3] (1914), Г. Я. Виллиама [3] (1916), Е. Е. Нечаева [7] (1914–1916), А. Шестаковича [1] (<1916>), Г. Ф. Устинова [5] (1916), С. И. Гусева-Оренбургского [2] (1916), А. Андреева [2] (1913), А. С. Новикова-Прибоя (1914), М. Сивачёва [3] <1914>, П. Терского [2] (1915), В. А. Смирнова (<1916>), И. А. Белоусова [2] (1916–1926), Н. М. Мешкова [1] (1916), С. Т. Семёнова [1] (1916), Н. К. Жукова [1] (1936), П. Маркина [1] (<?>), С. А. Есенина [3: «Край родной, тропарь из святцев», «Корова», «Задымился вечер. Дремлет кот на брусе»] (1915–1916), З. Зембницкой [1] (1917), В. В. Горшкова [2] (1926), Н. Н. Никандрова [2] (1916), Б. А. Пильняка [1] (1916), Г. Д. Деева-Хомяковского [2] (1916–1929), С. П. Подъячева [1] (<?>), М. И. Ожегова [1] (1926), П. Л. Плохова-Ордынского [1] (1929), И. Е. Ерошина [1] (1936), В. П. Ютанова [1] (<?>), И. Г. Устинова [1] (<?>), С. С. Брускова-Степанова [1] (1929), Н. А. Кузнецова [1] (1915), Н. К. де Лазари [1] (1929), М. Бобрина [1] (<?>), П. А. Травина (Деда-Травоеда) [1] (1917), С. Заврашина [1] (1914).

Под девятью записями – неразборчивые подписи, пока остающиеся для нас загадкой.

Если рассматривать этот альбом как свидетельство литературных пристрастий Репина, прежде всего, бросается в глаза присутствие в альбоме автографов поэтов, входивших в Суриковский литературно-музыкальный кружок, литературное объединение писателей-самоучек из народа в Москве. «За малыми исключениями все они были бедняками или тружениками, которые боролись с нуждой, боролись за каждый день своего существования, за каждую копейку, и тем

не менее увлекались литературой; они почитали глубоко и искренне больших писателей, стремились сами быть выразителями художественных настроений, поскольку им это позволяло весьма малое их образование»[3], — так Н. Телешов характеризует талантливых русских народных поэтов. Поэты, в основном выходцы из деревень, пытавшиеся держаться вместе, были друзьями в литературе и в жизни. С Суриковским кружком связано и начало творческого пути Есенина. По воспоминаниям Л. Клейнборта, «ничто, почти ничто не отличало его [Есенина — *В. Т.*] от поэтов-самоучек, певцов-горемык»[4].

Открывает альбом сам Репин записью-обращением «Друзьям»:

Смех, веселье, горе, слёзы,
Песни, шутки, думы, грёзы, —
Всё пишите мне в тетрадь

Будет время, — нас не станет,
Кто-нибудь в тетрадь заглянет
И в душе своей вспомянет
Нашу пишущую рать!..

Иван Репин. Января 1го дня 1913. Москва[5]

Среди первых посетителей, открывших эту своеобразную книгу автографов, был Василий Евгеньевич Миляев (1874–1929), поэт, прозаик, критик, опубликовавший впоследствии положительную рецензию на сборник «Красный звон. Стихи С. Есенина, Н. Клюева, П. Орешина, А. Ширяевца»,[6] разместивший стихотворение с посвящением: «Дорогому другу Ивану Васильевичу Репину, 21 января 1913».

Ни славы, ни золота ради,
Измученный вихрем тревог,
Тебе, на страницах тетради,
Я передал всё, что лишь мог...

Пусть слабыми кажутся звуки
Расстроенной лиры моей: —
Я знаю, что искренни муки
Моих, в горе прожитых, дней.

Навозным жукам и подёнкам
Меня, милый друг, не понять,
Как детским невинным ручонкам,
Меня не придётся ласкать...

Я чужд новомодному миру, –
Его не могу я понять, –
И строя разбитую лиру, –
Могу лишь о прошлом мечтать! (л. 1)[7]

Каждый поэт рано или поздно даёт оценку своему творчеству. Тема поэта и поэзии, имеющая глубокие исторические корни, раскрывается в стихотворениях Ф. Шкулёва, Ив. Морозова, А. Петрова.

Автограф писателя А. А. Петрова (Бич-Булата; 1877–1944), вписанный 21 октября 1914 г., носит характер исповедальности и выстраданности:

Моему критику Анатолию Доброхотову по поводу моей книжки «Нов<ые> боев<ые> песни»

Пером глумлений и злословий,
Пером напыщенным и злым
Наш Доброхотов Анатолий
Изрёк над именем моим:
«Он – арлекин, стихокропатель!..
Он нечисть выпустил на свет!»
Прости ему о, мой Создатель!
Не знает пишет что поэт...
В литературе арлекином
Я не был, – знает про то Бог!
Но близок был родным картинам
И их писал я как уж мог...
В годину тяжких испытаний
В дни боевых надежд, невзгод
Плоды моих переживаний
Оценит и поймёт народ!
Пусть из прекрасного далёка
Поэт вернётся хоть на миг:
Тогда поймёт он, как глубоко
Я пережил свой каждый стих.

Москва, 21.10.1914 (л. 94).

Автограф, приведённый ниже, исполнен Ф. С. Шкулёвым (1868–1930), русским поэтом, членом Суриковского литературно-музыкального кружка с 1905 г. Стихотворение посвящено теме поэта и поэзии, облачено в форму монолога, обращённого к собрату, к товарищу по перу. В этом дружеском послании автор не-

навязчиво даёт свои советы, проверенные временем, предполагаемому собеседнику, своим последователям.

Поэту
Для братства, мира и любви
Живи...
О правде истинной, святой
Пой!
На помощь ближним от души
Спеши...
О братьях, губит что палач
Плачь.
Во тьме, чтоб светочи зажглись,
Молись!
Когда объят весь горем край,
Страдай!

Ф. Шкулёв 10.10.1914 (л. 97).

Роли поэта в жизни общества, оценке своего творчества посвящено и стихотворение поэта-суриковца И. И. Морозова:

«Поэту»
И. В. Репину
Другу моему хорошему на добрые воспомин<ания>

Пою, – что сердце мне подскажет,
Чего люблю, о том пою,
И вторю я на песнь мою
Туман забвения не ляжет

Я от новаторов вдали –
Не подражал нелепой моде, –
Я пел о счастье и свободе
О тихих радостях земли

Кто на природу рад молиться,
Кто любит жизнь во всём, как я –
Песнь задушевная моя
С тем сердцем любящим сроднится

Я верил в лучшее людей
И камнем в лоб врагу не метил,
Хоть не велик, – но — чист и светел
Родник поэзии моей.

Ив. Морозов 22.01.1916 (л. 120).

Обширный комплекс автографов в альбоме Репина составляют стихи Миляева, Шкулёва, «одного из первых представителей пролетарской поэзии в России»[8], и поэта И. И. Морозова, подарившего Есенину 17 июня 1916 г. свой поэтический сборник «Красный звон» с дарственной надписью [VII (3), 669].

По справедливому замечанию Л. И. Петиной, «лежащая в основе альбома коммуникация порождает диалоги между его составителями»[9]. Красноречивое свидетельство тому — автографы заметной фигуры литературного процесса Серебряного века Н. Н. Никандрова (1883–1964) и Б. А. Пильняка (1894–1938), в ту пору студента Московского Коммерческого института, начинающего писателя.

«Что влечёт меня к занятию литературным творчеством? Жажда соединения со всем миром, в бесконечности его пространства, в вечности его времён.

Ник. Никандров. Москва. Январь. 1916» (л. 111).

Излишняя восторженность и некоторая жеманность стиля высказывания писателя-реалиста Никандрова, очевидно, задели за живое Пильняка, и он присоединил к автографу следующие размышления:

«Что влечёт Николая Никандрова к литературе — написано выше. Меня же ничто не влечёт к ней. Пишу я потому, что не могу не писать. Точно так же, как женщина, носящая ребёнка – хочет она или не хочет, – родит его (толстовское сравнение) — так и я, беременея рассказом, рожу его. Самое скучное — это писать, хотя я пишу и оч<ень> недавно и мало испытан в этом деле.

Мечтаю окончить Институт и стать человеком с положением, зависящим от 20-го числа.

Москва. Декабрь. 1916. Бор. Пильняк» (л. 111).

Об авторе автографа Есенин в 1924 г. напишет: «Пильняк — изумительно талантливый писатель, быть может, немного лишённый дара фабульной фантазии, но зато владеющий самым тонким мастерством слова и походкой настроений» [V, 243]. Литература настолько сблизила и породнила Есенина и Пильняка, что

они стали духовными братьями. Неслучайно А. А. Есенина называет Пильняка в числе тех писателей, с которыми «Сергей дружил в последние годы»[10].

Наибольшую ценность представляют три автографа Есенина, что делает для нас альбом уникальным: первый из них – стихотворение «Край родной, тропарь из святцев...», датируемое 28.06.1916:

Край родной, тропарь из святцев
С криком сов неугомонных
Я хотел бы затеряться
Меж полей твоих стозвонных
По меже на перемётке
Резеда и риза кашки
И вызванивают в чётки
Ивы кроткие монашки
Курит облаком болото,
Гарь в небесном коромысле
С тихой тайной для кого то
Затаил я в сердце мысли.
Всё встречаю всё приемлю.
Ходь и счастлив душу вынуть.
Я пришёл на эту землю
Чтоб скорей её покинуть (л. 91).

Ниже фиолетовыми чернилами: «С подлинным верно. Фридман».

Пред нами – одна из допечатных авторских редакций известного стихотворения «Край любимый! Сердцу снятся...» У П. И. Чагина в «Комментариях к сборнику» находим: «"Край любимый! Сердцу снятся..." – первые издания "Радуницы" имели следующий вариант начальных стихов:

Край родной, поля, как святцы,
Рощи в венчиках иконных.

Перепечатано в альманахе "Весенний салон поэтов", изд-во "Зёрна", М., 1918, стр. 777. Другой вариант – автограф из альбома поэта-суриковца И. В. Репина:

Край родной, тропарь из святцев
С криком сов неугомонных.

Окончательная редакция в "Радунице", изд-во "Имажинисты", М., 1921»[11].

Второе стихотворение – «Корова» (л. 90), вписано в альбом 1 октября 1915 г. В комментариях Чагина к книге Есенина «Избранное» читаем: «"Коро-

ва" – впервые в журнале "Северные записки", 1918, № 9, стр. 58. Перепечатано в альманахе "Весенний салон поэтов", стр. 76, 10-я строка этих вариантов: "Первая радость не прок" исправлена для сборников "О России и революции", изд-во "Современные проблемы", М., 1925, стр. 30 и "Берёзовый ситец", Гиз/М./, 1925, стр. 41–42»[12].

Третье стихотворение – «Задымился вечер. Дремлет кот на брусе...»:

Задымился вечер. Дремлет кот на брусе.
Кто то помолился: «Господи Исусе!»
Полыхают зори, курятся туманы
Над резным окошком занавес багряный
Вьются паутинки с золотой повети.
Где то мышь скребётся в затворённой клети
У лесной поляны в свяслах копны хлеба,
Ели словно копья уперлися в небо.
Закадили дымом под росою рощи...
В сердце почивают тишина и мощи.

Сергей Есенин.
1 мая 1915 г. (л. 110).

Опубликовано в сборнике «Радуница», Пг., изд. М. В. Аверьянова, 1916 и в сборнике «Радуница», «Московская трудовая артель художников слова», 2-й год I века [1918], где строки поделены по цезуре, стихотворение из шестистопного превращено в трехстопное, а двустишия – в четверостишия [IV, 458].

Записано стихотворение чёрными чернилами. Прошло время – и на тексте появилась приписка к имеющейся записи поэта одного из обладателей рассматриваемого альбома – Л. Б. Фридмана:

«Незабвенный и милый Сергей. Тебе посвятил чудовищно ласковый Владимир Маяковский строки, над которыми только остаётся обливаться слезами от радости – меня ты не знаешь, но как трогает твоя рукопись – молись за нас Серёжа, за меня и великомученика Владимира и может быт<ь> твоё благословение даст мне в руки меч отмщения всем врагам от которых страдали и ты дорогой и Володя и я ещё существующий чудом – Камни Вам воздвигну, клянусь, цветами уберу и расчищу тропинки и стёжки. Скажи начальнику Маяковскому душеприказчик будет, будет и чертям станет жарко – твой L. Фри<дман >» (л. 110).

Крайне неразборчивая и неряшливая запись Фридмана, выполненная фиолетовыми чернилами наискосок на тексте есенинского стихотворения, контрастирует с парадным характером альбома в целом: большинство поэтов и писате-

лей каллиграфически вписывали сюда свои стихи, симметрично располагая тексты на страницах.

В альбоме большое количество стихотворений, посвящёных Репину. Посвятительные стихи оставлены Шкулёвым: «Милому старому другу Ивану Васильевичу Репину» (л. 17), Корневым: «Многоуважаемому И. В. Репину» (л. 19), Миляевым: «Посвящаю дорогому И. В. Репину» (л. 21), Савиным: «Дорогому и первому литературному собрату Ивану Васильевичу Репину» (л. 26) – всего 19 посвящений.

Репин был лично связан со всеми, кто оставил след в его альбоме, он пользовался довольно большой популярностью в литературных кругах Москвы. Анализируя альбом, мы с большой степенью вероятности устанавливаем, что и большинство лиц, оставивших записи, встречались и были знакомы между собой. В альбоме имеются стихи, носящие дружески-интимный характер, написанные о хозяине и для хозяина:

Экспромт
И. В. Репину

Ивану Репину в день Ангела желаю
Побольше увидеть знакомых лиц
Хлебнуть винца, испить изрядно чаю
И тысяч пятьдесят продать яиц.

Москва. 1916.30.1
Александр Петров (л. 39).

На той же странице начинается следующий текст:

Поэтом родила тебя природа
И славный вышел бы поэт. Как знать?
Но только всё испортила куриная порода:
Век яйцами пришлося торговать...Бич-Булат

Из нашей жизни
Посвящаю Вани Репину

Помнишь Ваня как живали
Мы с тобой бывало
А какие братец дали
Жизнь нам открывала
Горизонты, горизонты

Ни конца ни края
Не возьмёшь никак в резон ты
Сон иль жизнь такая
Планы, рифмы, увлеченье
Звуков совершенство
Наша жизнь другим — мученье
Нам она блаженство
Мыслишь — ноне лямку тянешь,
Завтра — знаменитен
Игроком пожалуй станешь
Как Кольцов, Никитин
Э да что Кольцов Никитин
Пушкин с рифмой сочной
И казался аппетитен
Хлебец нам попрёчный
Без гроша, в худой одежде
Но богаты волей
И что были мы здесь прежде
Вспомнишь поневоле
Забегу к тебе с работы
Иль после «отправки»[13]
И стою томлюсь что все ты
Не идёшь из лавки
Холодно мне непомерно
Снег ничуть не тает
Мню стою что Ваня верно
Яйца мол считает
Иль в заду сидит за печкой
Где темно и в полдень
И вертит яйцо над свечкой
Хорошо иль болтень?[14]
Тщетно взгляд скользит мой зоркий
По стеклу с узором
Сердцем чую за конторкой
«Сам» стоит дозором
Или барышня с «романом»
Погрызая семя
Наблюдает за Иваном.
Чтоб не тратил время
Не достал б свою тетрадку
Чтобы в рифмы вникнуть

Не стыдясь как на лошадку
На «Ивана» крикнуть
Или толстая хозяйка
Смотрит нелюдимо
Как же быть тут? Мыслю дайко
Я пройдуся мимо
Не мелькнёт ли у прилавка
Возле двери «Репа»
Но закубрена вся лавка
Точно крышкой склепа
Эх покликал бы я друга
«Сам» боюсь прогонит
А в «Георгиевском»[15] вьюга
И метёт и стонет
Вот промчался мимо малец
С чайником за чаем
В знак поднял ему я палец
Он кивнул мне «знаем»
Ты идёшь походкой смелой
Мне давно знакомой
Весь в соломе фартук белый
В бороде с соломой
Руку мне пожал при входе
Улыбнулся взором
И чтоб дань отдать природе (...?)
Стал перед забором
Ты и я отдать той дани
Здесь мы не стеснялись
А потом в ямские сани
Тут же забирались
Мирно корм свой у камяга[16]
Хряпают лошадки
Полн задора и отваги
Я достал тетрадки
В миг немолчно между нами
Полилась беседа
Я кормил тебя стихами
Как «Демьян соседа»
Ты мне делаешь поправки
«Здесь вот переиначь»
Как глядишь уже из лавки

Выбежал Калиныч
Говорит – «Зовёт хозяйка
Очень рассердилась»
И досадно нам что спайка
Наша расклеилась
Или летом по дорожке
Забегу с работы
Головой кивну в окошко
Ты войдёшь в ворота
Поведём мы речь о лире
На дворе в «линейке».
А случалось и в трактире,
За гроши копейки
Чаю пары две закажем
Радуясь досугу
Сколько дум тогда расскажем
Мы с тобой друг другу
Но то время пролетело
Мир тому что было
Сберегли с тобой мы тело
Но не стало пыла
Ты – купчина стал в натуре
Я – как в старь батрачу
И как ты в литературе
Ничего не значу
Всё ж живут у нас замашки
Хоть и не частенько
Оторвать клочок бумажки
Да писнуть маленько
А порой придёт на память
Прошлое когда-то
И опять нас вместе тянет
Точно к брату брата

Миша Савин
Москва, Новослободская Октября 30 д 191 (лл. 39–41)

Послание Савина, экспромт писателя А. Петрова (Бич-Булата) помимо знакомства с их профессиональной деятельностью дают нам возможность почувствовать тяготы жизни, которые испытывали в столице крестьянские поэты. Это воспоминание о прошлых днях имеет тайный смысл, понятный лишь владельцу

альбома. Особенности общественного быта, описанного Савиным, С. Гусевым-Оренбургским, Петровым, интересны и познавательны.

Стихотворение Гусева-Оренбургского отражает события, происходившие в повседневной жизни. Такого рода записи позволяют рассматривать альбом Репина как литературно-бытовой.

... И угораздило ж заехать в край дурацкий
Всё дождь, да дождь, да холод адский...
В калошах, с зонтиком бредёшь, спина – горбом
А тут ещё – пиши в альбом!
Ну что я напишу?.. Крутом мокро и сыро...
Облезлый дом, холодная квартира...
Пустой желудок... Теснота во всём!..
Не жизнь у вас, – Гоморра и Содом!
За стол садишься с постной миной:
Не суп, – вода! А где коньяк иль ром?..
Где курица дошла до трёх с полтиной...
А тут ещё пиши в альбом!!

С. Гусев-Оренбургский (л. 91)

Одним из наиболее популярных авторов периода, предшествовавшего революции, Гусевым-Оренбургским, оставлен ещё один автограф, пожалуй, самый лаконичный:

Пишу две строчки,
Вторая – .....

В том же стиле написан автограф крестьянского писателя-самоучки С. Т. Семёнова (1868–1922):

«Жалею я о том что не могу писать стихами и прозой не могу – нет книги под руками».

Об этом авторе Л. Н. Толстой сказал: «Это не оценённый ещё писатель, совсем не оценённый... Какой у него язык! Отчего его не ценят?»[17]

Можно выделить ещё шутку В. Ютанова на основе библейской цитаты:

Вкушая мёд – мало вкусих (л. 121).

Использование прозаиком В. П. Ютановым (1876–1950) инверсии в известной фразе «Вкушая, вкусих мало меду и се аз умираю»[18], взятой М. Ю. Лермон-

товым из Библии (Первая книга Царств, слова Ионафана (гл. 14, ст. 43): «...Вкушая, вкусих мало меду, омочив конец жезла, иже в руце моей, и се аз умираю»[19]) в качестве эпиграфа к поэме «Мцыри» и содержащей сожаление о том, что короток век человека и далеко не все радости жизни были изведаны, придало высказыванию совсем иной, шутливый смысл.

Конечно, альбомная лирика – это всевозможные мадригалы, встречающиеся и в рассматриваемом альбоме:

Прекрасен, благолепен –
Иван Васильевич Репин!
С. Кошкаров. 1.07.1914 (л. 95).

Он будет, должен быть заметен
Иван Васильевич Репин (л. 102).

Одну из самых знаковых дат в отечественной культуре и истории — день основания Царскосельского лицея – авторы записей воспринимают, скорее, не просто как дань моде, а как живое свидетельство огромной популярности произведений А. С. Пушкина, осознание его значимости и гениальности. Ниже приводятся автографы, вписанные в альбом 19 октября 1914 г.:

«У меня счастливый день, мной хоть на миг, на час забыт кровавый кошмар войны, в беседе с моими друзьями С. Д. Дрожжиным, Д. П. Варлыгиным, В. А. Щуренковым, И. П. Бурмистровым, В. Миляевым. Ив. Репин» (л. 73).

«19-ое Октября. Лицейский Пушкинский праздник, а у нас, друзья мои, да будет день этот днём братской дружеской беседы, добрых воспоминаний золотого прошлого нашей жизни, нашей трудовой тропы и всего пережитого душою и сердцем... Но, друзья мои, будем верить в лучшее будущее нашей милой многострадальной жизни, нашей дорогой родины! Будем верить и работать и вера в союзе работой — трудом творит чудеса! Вперед, друзья-товарищи, вперёд – до будущего 19-го Октября – до лучшего будущего русского народа!
Д. Варлыгин» (л. 73).

Здесь нетрудно выделить пушкинскую реминисценцию:

Мы сроднились с тобою душой,
Два полюса стихии одной
И сегодня пируем с друзьями,
Много слушая спорных речей
С. Дрожжин

... И вновь душа любить готова,
И вновь живу я в царстве грёз...
Мой Бог – не грозный Иегова,
А всепрощающий Христос!..

Вот что хочется сказать мне в эти дни.
В. Миляев 19.10.1914 (л. 73).

Мысли, «навеянные» Д. П. Варлыгиным.

«Индивидуальность – вот что я ценю в человеке «Будь самим собой» – вот что нужно помнить каждому из нас» (л. 73), — оставил своё замечание писатель И. П. Бурмистров (Бурмистров-Поволжский; 1890–1918). Эту дату имеет и следующий автограф:

Мне верить хочется, что после всех сражений,
Что нам принёс кровавый этот год,
Придёт желанная, пора придёт... и расцветёт –
Для блага Родины и мирной жизни гений...
И праздник Пушкина справляя каждый год,
Забудем мы дни тяжкие невзгоды

В. Щуренков 19.10.1914 (л. 73).

Дух времени требовал от литературы рассмотрения общественно значимых тем. Откликом на военные события Первой мировой войны — одного из самых широкомасштабных военных конфликтов в истории человечества – явились стихи Заврашина и Шкулёва, эмоциональный тон которых в полной мере отвечает доминирующим настроениям того времени:

Наше время
Посвящается И. В. Репину

Наше время, время злое!
Бойня жертв много взяла.
Гибнет войско молодое –
Сколько видишь вокруг зла...

Вдов, сирот много осталось,
Льющих слёзы в бедноте.
Вот судьба же им досталась
Жить всё время в нищете.

Да! О, злое наше время.
А войне и нет конца.
И зачем всё это бремя
От Вильгельма подлеца
12.11.1914 Семён Завра[шин] (л. 74)

Немецкая колыбельная песенка

Спи мой немчик, спи Карлушка,
Спи покуда глуп
Подрастешь узнаешь пушки
Что готовит Крупп
Будешь воин залихватский
Ты в родном краю,
Плетью будешь бить казацкой...
Баюшки баю!
Попадешь ты в мародёры
Деньги наживать,
Будешь ты громить соборы
Деток – убивать
Кайзер даст за то железный
Крест на грудь твою...
Спи Карлушка, спи болезный,
Баюшки, баю!
Попадёшь ты в плен в Россию
Это не позор,
Всем кидайся там на выю
И кусай сестёр.
Не разиня будь ты, шельма...
Вспомнишь песнь мою...
Будь ты жуликом в Вильгельма...
Баюшки баю!

Ф. Шкулёв.
25 Февраля 1915 г. (л. 98).

Автор травестировал «Колыбельную песню» М. Ю. Лермонтова, выразив таким образом в сатирической форме отношение к империалистической войне и выказав убеждение, что война начата не для защиты отечества, а для захвата чужих земель, для ограбления других народов. И это не единственный пародийный перепев в альбоме.

В поэтической мозаике альбома значительное место занимают стихи, выражающие готовность к революционной борьбе, ожидание революционных перемен. В текстах усматриваются расплывчатые мечтания о торжестве правды, справедливости над злом, о будущем всеобщем братстве, о лучшей жизни, о желанной свободе.

Родине

Прости меня мой край убогий
Что я порой с палимых пят
Сметал родную пыль дороги
И заходил в поля от хат
И там, как баловень, на лоне
Весенних чар, волшебных снов
Я забывал о вечном стоне
Твоих униженных сынов
Когда мой брат к свободе руки
С мольбой и плачем простирал
Я небесам далёким звуки
В напевы звонкие вплетал.
Среди цветов вдали от прозы
Меня ласкал сияньем день
А там волной бежали слёзы
Твоих голодных деревень
Зачем я пел красу лазури
Ковры зелёные степей
Когда земля просила бури
Рвались селенья из цепей
Прости меня мой край убогий
Клянусь теперь я не сойду
В борьбе со злом с твоей дороги
Пока без сил не упаду
М. Праскунин
6.06.1913 г. (л. 33)

<...> О явитесь дни свободы
Вы блесните из за туч
Обласкайте обогрейте
Животворным нас лучом
Цепи крепкие разбиты
Правды матушки мечом
П. Горохов.

Утро России — Свобода, —
Красно и ярко горит...
Право и воля народа
Молнией мир озарит.
Н. Волков (л. 122).

Обращает на себя внимание запись писателя и журналиста Г. Ф. Устинова, с которым Есенин познакомился в конце 1918 г., датирующаяся первым днём Пасхи 1916 г., передающая безграничную боль о русском народе:

«Это — великолепно: русский народ бьют совместно и немец, и турок, и русские правители. И кажется, что с этим положением вещей согласны и многие русские писатели... Ах, как бьются они — словом, — как ругают русский народ!» (л. 59).

Россия была больна войной. Расходы на войну были огромными. Всё это тяжёлым бременем ложилось на плечи народа.

На страницах альбома встречаются выписки из произведений других писателей и поэтов:

«Напишу-ко я из Максима из Горького:... "Не живут люди, а всё примеряются и кладут на это всю свою жизнь. И когда обворуют сами себя, истратят время, то начнут плакаться на судьбу. Что же тут судьба? Каждый сам себе судьба..."

Б. Тимофеев 9.02.1914 г.» (л. 96).

Из экспромтов Р. А. Менделевича 1893 г. вписал цитату на 63 странице В. Миляев:

Друг! Кабацкой ссоры повесть
Ты презри и позабудь: —
Допроси — свою ты совесть
Справедливым только будь... (л. 32).

На 206 странице — альбомная игра, своеобразное поэтическое состязание при создании экспромтов:

28 Сентября 1915 г.

В кругу друзей, под звук гитары
Без сладких песен и вина
Ив. Морозов

А там вдали гремят удары
Кипит ужасная война...
Ф. Шкулёв

И разлетелись жизни чары
Свободы светлая весна
В. Щуренков

Но вспышки счастия и грёз
Убили Распутина – как мороз
Е. Нечаев

Но в дни мы этой непогоды
Всё ж вспоминали счастья годы...
Ив. Юрцев

Но верю я, как верил прежде –
Не сбыться радостной надежде
Н. Волков

Мужик я русский – тем горжусь
Крепко верю в матерь Русь!..
Ив. Репин

А я про Русь не знаю что сказать
Кроме того: ..... мать
Ив. Коробов (л. 100)

В 1910-е гг. наблюдается общий подъём литературы, связанный, прежде всего, с обострившимся желанием художников самых разных политических и эстетических ориентаций сказать «своё слово» о «России как о целом»[20]. По утверждению критика В. Л. Львова-Рогачевского, «Народ, Россия <...> вот те новые огромные темы, к которым подошли теперь лучшие наши художники»[21]. Большая часть стихотворений и прозаических текстов, вписанных в альбом, посвящена России, красоте окружающей природы. На третьей странице альбома В. Миляев оставил строки, наполненные любовью к русской деревне, деревенскому пейзажу:

Хорошо и прохладно в лощине,
Там фиалками нежными пахнет,
И грустя о беспечной рябине,
Там дубок неразвившийся чахнет...

По обрыву зелёные клёны
Бурно ветки раскинув толпятся
И в зеркальный ручей анемоны,
Улыбаясь стрекозам гнездятся.

Через ручей, что лепечет в осоке
Перекинута ветром берёзка
И дрожит на пурпуровом дроке
Как жемчужина. Светлая слёзка...

А ручей, серебром отливая,
Золотые кувшинки колышет.
И цветы с диких яблонь свевая,
Ветерок ароматом ды<ш>ит...
В. Миляев
1894 г. Воробьёвы горы (л. 2).

Зачинатель крестьянской поэзии Дрожжин, чья поэзия органично связана с устным народным творчеством, особенно с песенной лирикой, записал в альбом следующее стихотворение:

Я для песни задушевной
Взял лесов зелёных шепот
А у Волги в жар полдневный,
Тёмных струй подслушал ропот

Взял у осени ненастье,
У весны – благоуханье,
У народа взял я счастье
И безмерное страданье.
Спир. Дрожжин.
Вчера 19 октября 1914.
Москва (л. 71).

Над автографом чёрными чернилами нарисован портрет мужчины с длинными кудрявыми волосами в профиль и анфас, скорее всего, это автопортрет Дрожжина.

Национальная идея всегда опирается не только на этнографические и исторические основания, но и на основания религиозно-культурные. Отсюда возросший интерес к религиозной проблематике, которая, в частности, волновала Б. Тимофеева, записавшего в альбом текст из «Жития Ермы Мужицкого»:

«... Ерма, взволнованный и радостный, увещал толпу: — Чего плачете? Раз со слезами-то кому надо вас? Вон мне старик один говорил: "Проси источник слёз", а куда он? Плачешь, — себя только и жаль, а надо, чтоб всех жалко было. Пожалеет, — полюбит... А мы по свету маемся с закрытым сердцем. Горе видим, а не жалеем... Вот и надо сердце открыть, чтоб ему горько было от всякого горя мужицкого. Вместе, значит, все... друг дружке. Вон Пресвятая-то Богородица сердце открытым содержала... оружием всё исколото... Слёзы у Матушки от наших крестьянских скорбей катятся! Вот Она — заступница мужицкая! — Ерма высоко поднял икону Богоматери: — Хрестьяне, ослобоним Матушку от тяжких мук... Примем на себя тяготу ея... Нашими бедами мается она. Хрестьяне, нуко-ся, пожалеть бы нам, полюбить друг дружку!

Б. Тимофеев. 1.09.1914 Москва» (л. 66).

Автор отрывка Борис Александрович Тимофеев (1882–1920), прозаик, журналист, принадлежал к писателям «горьковского круга». По утверждению поэта Рюрика Ивнева, «Есенин очень любил Бориса Тимофеева и всегда говорил, что, если что-то сделано хорошо, то так и должен был сделать Тимофеев, а если плохо, — то он не мог так сделать»[22]. Отрывок из «Жития Ермы Мужицкого» позволяет высказать суждение о том, что автор пытался изобразить религиозность русского человека как непременную составляющую его души, личности, его образа жизни[23].

Показательно, что часть поэтических текстов альбома представляет собой написанные ранее и уже опубликованные произведения, ведь автокопирование в альбомы — обычное явление. Так, на странице 132 А. С. Новиковым-Прибоем (1877–1944), известным русским писателем, 1 сентября 1913 г. вписан отрывок из очерка «Встреча Пасхи на корабле», вышедшего в свет в 1909 г.:

«... Так хороша, так пахуча тропическая ночь. Куда ни глянь — лучисто сверкают звёзды, перемигиваясь, как живые. Великаны-горы, поднявшись, удивлённо застыли, словно к чему-то прислушиваясь. Тишина напряжённо-чуткая, что-то ожидающая. Только внизу корабля, в царстве железа и смерти, громко разливается песнопение: "и сущий вогробех живот даровав"... В тихом море, тёмной ночью, под раскрытым небом, это звучит особенно красиво. Кажется, что голоса хора, вырвавшись на простор, радостно уносятся в даль, спеша всюду возвестить хвалу жизни. Горы, откликаясь, повторяют величавые слова молитвы. На минуту забываешься. Душа окрыляется мечтою о светлых путях будущего, расцветает радугой надежд...» (л. 65).

Несколько записей дают возможность лучше понять эстетические пристрастия, нравственные позиции и эмоциональный строй людей, оставивших автографы в альбоме. На 35 странице — изречения Репина, внесённые в альбом 28 апреля 1913 г.:

«Часто, очень часто, человеку приходится делать, то дело, которое ему не по душе», «Часто деньги заставляют человека забывать справедливость», «Горе человека который скажет, что он достиг цели. Ценность человека в испытаниях» (л. 18).

Приведём и другие записи:

«Посади щенят в один мешок и начни трясти — они обязательно перегрызутся, но ни одному из них и в голову не придёт укусить ту руку, которая трясёт их, — сказал какой-то философ.

А. Новиков-Прибой

11 сентября 1914 г. Москва» (л. 95).

«Мне кажется что рай для человека находится в сердце его.

2.10 1917

Д. Т. <П. А. Травин, Дед Травоед>» (л. 109).

На странице 211 — автограф Г. Я. Виллиама (1874–1926), очеркиста, поэта, переводчика:

«... Штыками можно всё сделать, только одного нельзя: усесться на них...

13.07.1916 Г. Виллиам» (л. 103).

Не осталось без внимания и переложение сюжетов мировой литературной классики. Александр Петров записал стихотворение «Сердце матери» (из Жана Ришпена – французского поэта, драматурга и романиста):

Сердце матери
(Из Жана Ришпена)

Жил юноша бедный, унылый
И женщину страстно любил,
Она же его не любила,
Как он не просил, не молил...

Как с мышкою кошка играла...
Он плакал, терзался, страдал...
Однажды ему вдруг сказала:
«Мой мальчик, любви час настал!

Раскрою тебе я объятья,
Ты лаской упьёшься моей, —

Решила тебя испытать я,
Так слушай же, милый, скорей:

Хоть сильно ты мать свою любишь,
Но должен её ты убить
И сердцем её материнским
Собаку мою накормить!..»

И юноша просьбу исполнил –
И мать он убил наповал!..
И вырвал он сердце родное
И с ним на дороге упал...

Заплакало сердце родное
И юноша голос узнал:
«Мне жаль, о, дитя дорогое,
Что ты поскользнулся, упал!..»
Александр Петров
Москва 1 мая 1913 (л. 31, л. 31 об.).

Заслуживает особого внимания автограф В. В. Горшкова (1885–1946), члена Суриковского литературно-музыкального кружка, написавшего «Воспоминания» о встречах с Есениным:

«С чувством крайнего удовлетворения ухожу из Вашего дома, любезнейший, сердечный Ив<ан> Вас<ильевич>. Провёл несколько часов в состоянии таком хорошем и светлом, в кружке людей ума, сердца и таланта. Много, грустно и сердечно говорили о Сергее Есенине, раньше времени поразивший нас своей дикой неоправдываемой смертью, на которую он ещё не имел права, принадлежа не себе, а нам, России своей, старой, малиновой, звонкой России. Спасибо за кроткий и светлый отдых. Да здравствует Россия и её певцы молодые и [нрзб.] Вас. Горшков 7 февраля, 1926» (л. 80).

Последняя запись в альбоме принадлежит Л.Б. Фридману:

«Отгадка. Авторов не признали потому, что все они как один похожи друг на друга. Он был бы тот один который извлёк из музы реальные красивые вещи для народа – был бы и поэт — думаю и Пушкина любят больше из лести – Маяковского, вот кого надо исповедовать — будь я проклят» (л. 87).

Сквозь эти суждения просвечивает пытливая мысль человека, стремящегося осмыслить литературный процесс.

Подводя итог, необходимо подчеркнуть, что альбом Репина, бережно хранящийся в Государственном музее-заповеднике С. А. Есенина, – явление достаточно редкое и исключительное: в нём три автографа Есенина.

Альбом служит драгоценным источником поэтических текстов, некоторые из которых не попали в печать при жизни авторов. Альбом позволяет нам, кроме всего прочего, взглянуть на жизнь и формирование мировоззрения поколения, которое пережило Первую мировую войну, взрывное время революций, всполохи гражданской войны. Ценность этого музейного предмета в том, что он в полной мере отразил ситуацию конкретного времени. Экспромты, афоризмы, поэтические и прозаические тексы, записанные в альбом, различны по характеру и объёму, но важны тем, что донесли до нас атмосферу того времени, очень многое рассказали нам о тех, кто с надеждой и тревогой заглядывал из прошлого века в грядущее: об их внутреннем мире, образе мыслей, отношении к окружающей действительности, о неравнодушии к происходящим событиям, гражданской позиции и патриотизме. В текстах отразились литературные и житейские интересы, споры, читательские вкусы и литературные пристрастия представителей ушедшей эпохи. Знания культуры и повседневности русского общества начала XX века позволят лучше понять историко-социальные и культурные процессы прошлого, осознать многие явления современности и связать их в единую цепь истории народа. Помимо своего научного и культурного значения, альбом Репина, несомненно, послужит сохранению памяти о Есенине, о его известных и неизвестных современниках. Недавно приобретённый музеем альбом относится к числу замечательных памятников альбомной культуры есенинского времени.

Следует отметить, что обзор альбома Репина не содержит исчерпывающей информации: из него извлечено гораздо меньше, чем он может дать. Надеемся, что впоследствии окажется возможным дополнить обзор и, возможно, уточнить его.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Ф. 1. Ед. хр. 69.

[2] Здесь и далее в этом абзаце в квадратных скобках указано количество автографов автора, в круглых скобках – годы написания автографов в альбоме Репина, хранящегося в фондах Государственного музея-заповедника С. А. Есенина (ГМЗЕ).

[3] *Телешов Н. М.* Записки писателя. М., 1980. С. 320.

[4] С. А. Есенин в воспоминаниях современников / Сост. и коммент. А. А. Козловского. М., 1986. Т. 1. С. 169.

[5] Здесь и далее при цитировании автографов из альбома Репина сохранены особенности авторской орфографии и пунктуации.

[6] Летопись жизни и творчества С. А. Есенина: В 5 т. М.: ИМЛИ РАН, 2005. Т. 2. С. 234.

[7] Здесь и далее в круглых скобках указано место расположения автографа в альбоме Репина.

[8] *Шабунин А.* Певец труда: Ф. С. Шкулёв. 1868–1930. Архангельск, 1968. С. 37.

[9] *Петина Л. И.* Художественная природа литературного альбома второй половины XIX века. Тарту, 1988. С. 6.

[10] С. А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 110.

[11] ГМЗЕ. Ф. 3. Ед. хр. 13.

[12] Там же.

[13] В то время я ходил отправлять товар на ж. дороге *(примеч. автора стихотворения).*

[14] Способ узнавать хорошие и плохие яйца *(примеч. автора стихотворения).*

[15] Георгиевский переул. Место службы И. В. Репина *(примеч. автора стихотворения).*

[16] Сомягой в некоторых местах называется длинное корыто, куда сыпят корм для лошадей в пути *(примеч. автора стихотворения).*

[17] *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: В 90 томах. Т. 29. М., 1954. С. 214.

[18] *Лермонтов М. Ю.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. М., 1980. С. 425.

[19] Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М., 2009. С. 286.

[20] *Горький М.* Избранные литературно-критические произведения. М., 1951. С. 124.

[21] *Львов-Рогачевский В.* Снова накануне. М., 1913. С. 82.

[22] С. А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 325.

[23] *Житкова Л. Н.* Б. А. Тимофеев: Очерк жизни и творчества. Свердловск, 1987. С. 4.4

***Е. Н. Астахова** (Кузьминское)*

К ИСТОРИИ СТРОИТЕЛЬСТВА КУЗЬМИНСКОГО ГИДРОУЗЛА (1911–1914 ГГ.) И КУЗЬМИНСКОЙ ГЭС (1944–1948 ГГ.)

В истории нашего края много славных имён, которыми гордится Россия, много судьбоносных дат и событий, которые составили славу земли Рязанской.

В 2012 г. мы отмечали две юбилейные даты — 100-летие Кузьминского шлюза и плотины (гидроузла «Кузьминск») и 65-летие с момента пуска первой очереди Кузьминской ГЭС.

Сохранилось мало документальных свидетельств о строительстве гидроузла в Кузьминском. Однако достоверно известно, что в 1912 г. для поднятия уровня воды в реке Оке был построен Кузьминский гидроузел – шлюз и плотина. На шлюзе тогда работали 30 рабочих, которые трудились круглосуточно, в две смены. Это были местные крестьяне, для которых было оборудовано общежитие.

Из архивной справки Рязанского района гидросооружений мы узнаём, что «...для улучшения судоходных условий на реках Москве и Оке строится Москворецкая система, а в 1911–1914 гг. гидроузлы «Белоомут» и «Кузьминск» с напором 3,6 м»[1].

Несколько лет назад в Интернете появились фотографии царского фотографа С. М. Прокудина-Горского (в настоящее время находятся в библиотеке Конгресса США) о строительстве Кузьминского шлюза в 1911–1912 гг.

Мы воспользовались цитатой из письма С. А. Есенина его другу Г. А. Панфилову от июня 1911 г. (после 20 числа): «У нас [на реке Оке в селе Кузьминском. – *Е. А.*] делают шлюза, наехало множество инженеров, наши мужики и ребята работают. Мужикам платят в день 1 р. 20 к., ребят<ам> 70 к., притом работают ещё ночью. Платят одинаково. Уже почти сделали половину...» [VI, 7].

Друг юности Есенина Н. А. Сардановский тоже вспоминает об этом событии: «Помню, незадолго до начала империалистической войны Ока была запружена в Кузьминском. Течение реки прекратилось, и она сделалась намного шире...»; «...В 1914 году, когда Ока была запружена Кузьминскими шлюзами, глубина её значительно увеличилась и ширина достигла 290 саженей...»[2]

Уже позднее в своих воспоминаниях А. А. Есенина напишет: «Не гаснут летние зори... Тёмной стальной полосой течёт внизу спокойная река. Направо вдали мерцают огоньки Кузьминского шлюза и слышится слабый шум падающей со

щитов воды... А к зиме, когда уберут щиты Кузьминского шлюза, река становится уже мельче, спокойно даёт морозу заковать себя толстым синеватым льдом...»[3]

Упоминание о шлюзе встречается в воспоминаниях С. Н. Соколова (1897–1960, заслуженный учитель РСФСР, директор Константиновской школы) о последней встрече с Есениным в 1925 г.: «В один из погожих дней мы отправились весёлой компанией в Кузьминское, на шлюз. Были тут и однокашники Есенина по Константиновской школе, и наши учителя, и просто отдыхающие дачники...»[4]

Из упомянутой выше архивной справки узнаём, что в 1930 г. организуется Московско-Окское пароходство с отделом водных путей, которое в 1958 г. вошло в состав Управления канала имени Москвы, и Рязанский техучасток (далее — Рязанский район гидросооружений) становится его подразделением.

В послевоенное время развитию водных путей со стороны государства уделялось большое внимание. Постепенно судоходная обстановка переходит от керосиновых ламп на электропитание от сухих батарей с использованием фотоэлементов, внедряются буи, происходит постепенная замена флота, обслуживающего судоходную обстановку.

В селе Кузьминское живет легендарный Николай Васильевич Горбунов, который 52 года (1948–2000) проработал на катере «Путейский». Большую часть своей жизни отдали этому делу его отец Василий Никитич (40 лет; 1930–1970), дядя Иван Никитич (30 лет; 1930–1960), Николай Николаевич Калинкин (более 15 лет), работая на замене судоходной обстановки. Более 20 лет посвятили этой работе жители соседнего села Федякина: Григорий Михайлович Архипов (1948–1960) и Иван Иванович Степанков (1948–1970), Чирков (1948–1970). Сегодня их дело продолжает семья Горбуновых из села Кузьминского: Сергей Викторович и его сын Виктор.

В книге «Константиновский меридиан» А. Панфилов, ссылаясь на свидетельства местных жителей, пишет, что за Окой, напротив Матова, рядом с песчаной косой был бугор Высокий, который в начале 1960-х гг., когда в Кузьминском прорвало плотину, использовали для укрепления плотины[5]. Подтверждает это житель с. Константинова Владимир Васильевич Вавилов, бывший в то время молодым человеком. По его словам, случилось так, что щиты на плотине не успели убрать, пошла шуга, забила их, и вода рванула поверх щитов. Чтобы избежать аварии, видимо, пришлось взрывать левобережную дамбу для пропуска воды и льда, а затем проводить ремонтные работы, используя песок с бугра Высокого.

Собирая сведения о наших односельчанах в годы Великой Отечественной войны, научный сотрудник музея-заповедника С. А. Есенина Л. Власова записала воспоминания жительницы села Кузьминское Марии Михайловны Зиминой (1922 года рождения) о том, что она: «...после окончания школы работала телефонисткой на шлюзе с 1940-го года. Во время войны телефонистками работали Свинухова Нина, Селезнёва Маруся, Стуканова Шура, Горбунова Маруся. Ле-

том работали в три смены. Зимой работала одна телефонистка. Другие телефонистки работали в камере. Окалывали фермы, ворота, эстакаду. Каждый день окалывали всю камеру. Этим занимались и работники шлюза, кроме того, нанимали людей из колхозов по 30 человек. Окалывали пешнями (это такая палка с железным наконечником). Пешню каждый день оттягивали в кузнице. На шлюзе была своя кузница. Работали в ней Холопов Сергей Андреевич, Кострюков Андрей Алексеевич. Каждую зиму меняли сваи. Вытаскивали их копром. Крутили лебёдку вручную.

Потом вставляли сваи. Сваю закрепляли в копре. Лебёдкой поднимали бабку, затем отпускали. Бабка ударяла по свае и забивала её в землю.

Всё это видно на фотографии. К вертикальным сваям присоединяли поперечные брёвна. Сначала их очищали от шкуры, обтёсывали топорами, сверлили ручными свёрлами, вставляли в отверстия болты, закрепляли шайбами, гайками. Этим занималась женская плотницкая бригада. Такая бригада была создана в колхозе. В неё входили Качалкина Шура, Сурова Шура. Эта бригада выполняла плотницкие работы в колхозе. А когда на шлюзе вёлся ремонт, её приглашали на шлюз через правление колхоза. Были на шлюзе и штатные плотники. Работники шлюза сами меняли фермы плотины тоже в зимнее время. Копром их вытаскивали и вставляли новые. Этот момент можно видеть на фотографии.

Ещё до войны была установлена турбина на Оке. Она освещала шлюз, а также правление колхоза, больницу. Работала на турбине Золотова Маруся. Кузьминский шлюз был очень важным транспортным пунктом. По Оке проходило много судов. Везли дрова, гравий, песок, цемент, нефть на Москву. Везли оружие, военных. За смену было 12 шлюзований. Смена – 12 часов.

В 1941–1942 гг., когда немцы подходили к Москве, опасались, что шлюз тоже могут разбомбить. На берегу, в 60 метрах от лестницы, в землянке стояла зенитка. При ней дежурил лейтенант Белокриницкий. Две зенитки стояли на той стороне. Было видно со шлюза, как работают зенитки под Москвой.

Была маскировка, пароходы шли без огней. Вместо огней стояли конусы, показывали, где вход в камеру. Начальник шлюза был Торганов Иван Емельянович, потом его перевели в Москву. Заместителем работал Евсиков Егор Алексеевич. Потом начальником поставили Смирнова Константина Алексеевича».

Такая большая выдержка из воспоминаний Марии Михайловны оправдана, поскольку мемуарист не только рассказывает, как работали в то тяжелейшее время, но и называет имена руководителей шлюза во время войны. К сожалению, мы не располагаем сведениями, кто работал в руководящем составе позднее. Известно, что в последующие годы начальниками гидроузла «Кузьминск» были: Олег Викторович Медведев, Михаил Дмитриевич Астахов (1969–1975), Александр Иванович Руднев (1975–1988), Николай Михайлович Астахов (1989–1996), Владимир Александрович Руднев (1996–2002), Виталий Владимирович Руднев (с 2002 г.), который продолжил династию Рудневых: Александр

Иванович — дед, Нина Александровна — бабушка, Владимир Александрович — отец, Сергей Александрович — дядя. Все они не только работали на шлюзе, но и многие годы жили там.

Более 40 лет работали на гидроузле: начальник вахты Александр Иванович Савушкин из села Федякина, бригадир плотницкой бригады Александр Васильевич Стуканов из деревни Аксёново.

Хочется вспомнить работников, которые большую часть своей жизни посвятили работе на гидроузле и охране шлюза: Сергей Азарович Арещенков, Надежда Яковлевна Баранцева, Виктор Васильевич Воронков, Мария Золотова, Тимофей Яковлевич Игонин, Александр Иванович и Нина Григорьевна Максимовы, Иван Егорович Меркушкин, Александр Федорович Родин (работал водолазом), Раиса Александровна Родина, Пётр Иванович и Иван Иванович Романовы.

Сегодня продолжают работать опытные работники, пришедшие на шлюз 10–20 лет назад: И. И. Гришаев, О. П. Девятайкин, П. А. Забавин, К. К. Кинякин, С. И. Лакеев, Г. В. Моисеев, В. Н. Петров, В. Н. Надеждин, В. П. Романов, И. Ф. Червонкин.

Все эти имена уже вошли в историю Кузьминского гидроузла.

В 1999 г. проведена реконструкция гидроузла, в результате восстановлено нормальное судоходство на участке от Белоомута до Константинова.

В ноябре 2012 г. исполнилось 65 лет с момента пуска первой очереди Кузьминской ГЭС. Открытие гидроэлектростанции в послевоенное время было грандиозным событием.

Из печатных источников известно, что после победы в Великой Отечественной войне над фашистской Германией перед жителями района встала задача восстановления хозяйства, подъёма колхозов и совхозов. Появилась необходимость в электрической энергии. Колхозники Кузьминского, Константиновского, Федякинского, Аксёновского, Новосельского и Пощуповского сельских советов в 1945 г. выступили инициаторами строительства на Оке Кузьминской ГЭС, используя для этой цели Кузьминский шлюз и плотину.

Совет Министров СССР поддержал инициативу колхозников и обязал ряд министерств и ведомств оказать необходимую помощь в выполнении проектных работ и обеспечить стройку материалами и оборудованием. Так, трансформаторы изготовили рабочие Москвы, генераторы — ленинградцы, турбины поступили с уральских заводов. Рязанские лесники заготавливали столбы для опор.

Но главными в строительстве Кузьминской ГЭС были, конечно, люди. На строительстве работали женщины, вдовы, молодежь. Каждый колхоз и совхоз в Рыбновском районе обязан был предоставить свою помощь: людьми, продовольствием, инвентарём, лошадьми. Чтобы люди могли работать весь световой день, питанием их поддерживали другие хозяйства Рыбновского района, рабочим выдавали продовольственные пайки.

В ноябре 1947 г. первая турбина Кузьминской ГЭС дала ток строящим её хозяйствам.

Весь 1948 г. был напряжённым — строительство Кузьминской ГЭС продолжалось. К 10 августа 1948 г. строительство электростанции мощностью 1000 кВт было полностью завершено. Тысячи людей работали, не покладая рук. Особенно отличилась молодёжь: было развернуто соревнование среди комсомольских бригад.

С полной отдачей сил трудились электрики под руководством Ивана Ивановича Лазовского, главного инженера Митяева. Комсомольско-молодежная бригада под руководством Марии Чувилиной из Аксёнова постоянно перевыполняла нормы выработки в 1,5—2 раза. Каждый член бригады овладел несколькими профессиями. Отличились на котловане девушки из бригад Марии Асейкиной из Федякина и Веры Локтевой из Новосёлок.

Был построен водоотводный канал, здание ГЭС, поставлено 114 понижающих трансформаторных подстанций, построено 293 км высоковольтных и 246 км низковольтных линий электропередачи. К 1 мая 1949 г. было электрифицировано 88 колхозов, два совхоза и МТС. Электрический ток подведён к 59 школам, 29 больницам и медпунктам, 55 клубам, библиотекам и читальням, 55 молотильным токам, более чем к 7000 домов колхозников, рабочих и служащих совхозов.

Труженики района первыми в Рязанской области и в стране электрифицировали все сёла и деревни. С приходом тока в колхозы выработка возросла вдвоевтрое. Например, до электрификации в колхозе им. Ленина восемь колхозников вручную сортировали две тонны зерна, а с применением электромоторов за день три человека стали сортировать 12 тонн зерна. Электрический ток принёс в дома радиоприемники, электроплиты, электрические утюги, телевизоры и многое другое.

Хочется назвать имена людей, внесших неоценимый вклад в строительство Кузьминской ГЭС: Василий Степанович Говорушкин — директор ГЭС и одновременно председатель колхоза им. Ленина, Иван Иванович Лазовский — главный инженер, Митяев — инженер-механик, Иван Иванович Архаров — главный механик.

Долгое время работали на станции: Пелагея Михайловна Арещенкова (Горбунова), Иван Семёнович Арацкий, Иван Иванович Архаров, Софья Ивановна Бевзюк, Николай Иванович Беликов, Валентина Васильевна Бурлева, Иван Иванович Бурлев, Константин Георгиевич Бубнов, Алексей Ветров, Иван Иванович Селезнёв, Вячеслав Семёнович Миронов, Мария Михайловна Миронова, Анна Михайловна Михалёва, Клавдия Алексеевна Сурова, Иван Петрович Суров, Зинаида Николаевна Столбецова (Серова).

Многие годы жизни отдали работе на подстанции наши земляки: Николай Иванович Арефьев, Владимир Максимович Бевзюк, Вячеслав Дмитриевич Валукин, Алексей Петрович Волков, Василий Петрович Волков, Николай Алек-

сандрович Гаврилин, Александр Иванович Голосов, Иван Фёдорович Кукалев, Василий Тимофевич Осокин, Алексей Михайлович Павлюк, Иван Дмитриевич Подгорный, Николай Александрович Сычёв, Александр Иванович Ушаков. Начальником подстанции долгое время был Яков Михайлович Богданов.

О некоторых из них хочется рассказать. С. И. Бевзюк принимала участие в строительстве, затем более 20 лет проработала табельщицей, кладовщиком, дежурной по станции у щита, турбинистом. Там же судьба свела её на всю жизнь с мужем — Владимиром Максимовичем Бевзюком. К. А. Сурова — начальник смены. Грамотная тактичная женщина умело управляла техникой и людьми много лет, имеет почётные грамоты, неоднократно награждалась ценными подарками. Проживает в селе Константиново. А. И. Голосов — электромонтёр, обслуживал сеть по всему району. Н. А. Гаврилин — электромонтёр. В. Д. Валукин более 40 лет проработал, принял эстафету за рулём у Василия Петровича Волкова — водителя, исколесившего дороги по всему району от деревни к деревне с 1948 по 1986 г., участника Великой Отечественной войны, который проживает в селе Кузьминское. Алексей Петрович Волков более 40 лет проработал дежурным монтёром, участник Великой Отечественной войны. Проживает в с. Кузьминское. Иван Федорович Кукалев с 1953 г. до закрытия станции работал монтёром. З. Столбецова (Серова) под руководством К. А. Суровой проработала четыре года дежурной у щита. Проживает в селе Константиново. Александр Иванович Ушаков работал с 1948 г. более 40 лет.

Мы вспоминаем добрым словом тех, кого уже нет с нами, и желаем крепкого здоровья всем живущим.

Сейчас трудно себе представить нашу жизнь без электричества. И мы говорим спасибо людям, которые в любую погоду стараются сделать всё, чтобы устранить неполадки на линиях электрических сетей. Сегодня это электромонтёры «Рязаньэнерго» по Рыбновскому району: Александр Фёдорович Суханов, Владимир Александрович Ушаков, Сергей Александрович Монькин.

В память о строительстве в машинном зале Кузьминской ГЭС установлена мемориальная доска с текстом:

«ГЭС СООРУЖЕНА ПО РЕШЕНИЮ СНК (СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ) СССР ОТ 18.01.1945 ГОДА СИЛАМИ КОЛХОЗНИКОВ РЫБНОВСКОГО РАЙОНА РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ. РУКОВОДИЛИ СТРОИТЕЛЬСТВОМ ИНЖЕНЕР ПЕТРОВ П. В. И ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОЛХОЗА ИМЕНИ ЛЕНИНА ГОВОРУШКИН В. С.».

Анализ рукописных документов, хранящихся в архиве колхоза им. Ленина, позволяет утверждать, что строительство Кузьминской ГЭС было начато гораздо раньше, в начале 1944 г. В архиве СПК «Колхоз "Есенинский"», бывшего колхоза им. Ленина, имеются Книги расчётов с членами колхоза в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. В Книге за 1944 г. есть записи о выдаче продовольствия в столовую на постройку ГЭС. Выдавались пшено, лук, мука

ржаная, мясо, капуста, яйца, соль, молоко. Имеются записи, по которым мы узнаём, что на 1.01.1945 г. было выдано молока: Пановским сельсоветом —1000 литров, Новосельским — 409 + 887 литров, Федякинским – 872 литров, Иванчинским – 200 литров.

Также в архиве имеется отпечатанный на машинке документ «Предварительная раскладка» долевого участия колхоза Кузьминского сельсовета Рыбновского района Рязанской области по строительству Кузьминской ГЭС на реке Оке, где отмечено, сколько требуется электроэнергии. Для питания рабочих, присланных на строительство, встречной продажи на закупку стройматериалов и содержание управленческого аппарата требуется: мука –1540 кг, пшено –574 кг, мясо – 402 кг, картофель –13300 кг, овощи – 4 900 кг, жиры – 125 кг, зерно – 2 800 кг, просо – 525 кг.

К сожалению, на этом документе нет даты, но на оборотной стороне от руки даётся перечень продуктов питания с пометкой «до 1/7-44», т. е. определяется граница события — до 1 июля 1944 г.

Время начала строительства (1944 г.) подтверждается ещё двумя документами:

1. Требование Кузьминскому колхозу для питания рабочих и служащих Кузьминской ГЭС: отпустить пшена –50 кг, муки –150 кг, подписанное начальником строительства 5/07-44.

2. Справка, выданная правлением колхоза им. Ленина инструктору Министерства строительства РСФСР, в которой даны сведения о том, сколько произведено трудозатрат в 1944, 1945, 1946 гг., сколько выдано на трудодни колхозникам, работающим на строительстве, сколько передано продуктов в счёт долевого участия в распоряжение конторы ГлавСельЭнерго для оплаты наёмных специалистов и на другие расходы, сколько денежных затрат на строительство ГЭС. В таблице приводятся цифры плана и его выполнения в 1944–1946 гг. Всего на строительство ГЭС было затрачено продуктами, переведёнными в денежные средства, и деньгами с 23.02.1944 г. по 1.09.1946 г. 18 884 руб. 57 коп.

Достижение полной мощности Кузьминской ГЭС в 1948 г. позволило обеспечить электроэнергией не только нужды колхозов Рыбновского района, но и частично потребности города Рязани. Одновременно был создан и позже постепенно наращивался собственный баланс электрических сетей. С начала 1970-х гг. после полного завершения в Рязанской области мероприятий по сельской электрификации, Кузьминская ГЭС была законсервирована.

В настоящее время предлагается проект возрождения малой Кузьминской гидроэлектростанции, эффективно функционировавшей в 1940–1960-е гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Архивная справка Рязанского района гидросооружений.

[2] *Сардановский Н.* Из воспоминаний юности // Воспоминания о Сергее Есенине. М., Московский рабочий, 1975. С. 104.

[3] *Есенина А.* «Это все мне родное и близкое...» // Воспоминания о Сергее Есенине. С. 61.

[4] *Соколов С.* Встречи с Есениным // Воспоминания о Сергее Есенине. С. 112.

[5] *Панфилов А.* Константиновский меридиан. М.: Энциклопедия российских деревень; Народная книга. 1992. Т. 1. С. 128.

Е. Г. Койнова (Тольятти)

ЕСЕНИНСКИЕ ЧТЕНИЯ В СЕЛЕ ШИРЯЕВО САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

День рождения Сергея Есенина отмечается в разных уголках мира. На самарской земле он отмечается по-особому – проведением Есенинских чтений в селе Ширяево. Ежегодно 3 октября (по новому стилю) для участия в этом событии приезжают любители творчества Есенина не только со всей Самарской области, но и из других уголков России. Уникальность этому явлению придаёт то, что Есенинские чтения проводятся на родине друга и единомышленника Есенина поэта Александра Ширяевца в селе Ширяеве Самарской области.

Суть отношений Есенина и Ширяевца, пожалуй, лучше всего выразил их современник С. Фомин, который отметил: «Сергея Есенина окружало множество друзей-приятелей, с которыми он выступал, печатался, выпускал манифесты, пил. Но никто так духовно не привлекал Есенина, как этот скупоречивый, вдумчивый, широкоплечий увалень-парень в картузе и огромных яловочных сапогах – Александр Ширяевец»[1]. Как известно, Есенин чувствовал себя настолько духовно близким Александру Ширяевцу, что даже завещал похоронить себя рядом с его могилой на Ваганьковском кладбище. Вопросы взаимоотношений Есенина и Ширяевца исследовались в работах Д. Благого, В. Львова-Рогачевского, С. Фомина, В. Земскова и Н. Хомчук, Т. Беляевой (Савченко), В. Баранова и др.

Есенинские чтения проводятся в селе Ширяево с 1976 г., внося немаловажный вклад в увековечение и пропаганду творчества Есенина и Ширяевца на самарской земле. Накопив определённые традиции, они получают год от года новые грани своего развития и становятся всё более популярными не только в своем регионе. Но, несмотря на важность этого явления для есениноведения, оно до сих пор не изучалось и не получило, за исключением небольших публицистических заметок, освещения. Для того чтобы восстановить историю Есенинских чтений, использовались архивные материалы Самарского литературного музея им. А. М. Горького, школьного музея с. Ширяево (руководитель Л. А. Португальская), газетные заметки, немногочисленные воспоминания самарских писателей, работников музейного комплекса села Ширяево и воспоминания жителей села.

В результате было установлено, что проведение Есенинских чтений на родине Ширяевца не является случайным и имеет давнюю предысторию. Истоки

этого явления уходят в прошлое — в отношения Есенина и Ширяевца друг к другу, объясняются общностью их отношения к России в целом и к своей малой родине. Если о родине Есенина селе Константиново написано немало и она известна практически каждому любителю поэзии, то о родных местах Ширяевца пока ещё немногое известно за пределами самарского края. Между тем, находящееся в уникальном природном заповедном месте – Самарской Луке – село Ширяево знаменито многими историческими событиями, прежде всего, тем, что здесь в 1870 г. работал над картиной «Бурлаки на Волге» И. Е. Репин. Александр Васильевич Абрамов, известный в поэзии под псевдонимом Александр Ширяевец, родился здесь в крестьянской семье в 1887 г. В своей автобиографии он назвал своё родное село «одним из красивейших мест Поволжья» и, хотя после смерти отца в 12-летнем возрасте покинул его, всю недолгую жизнь воспевал в своём творчестве малую родину — Волгу, Жигули. Любовь к ней отразилась и в выборе псевдонима, взятого поэтом по названию родного села.

Есенина и Ширяевца роднило многое, в том числе и их трепетная привязанность к родным местам. В переписке и воспоминаниях двух поэтов можно найти подтверждение уважительного отношения Есенина к родным местам Ширяевца. Так, в письме из села Константиново от 24 июня 1917 г. Есенин, подробно характеризуя литературную ситуацию того времени, отмечает противоположность точке зрения «крестьянской купницы», состоявшей преимущественно из представителей отдалённых уголков России, взглядов прозападнически настроенных столичных литераторов и замечает: «...Бог с ними, этими питерскими литераторами, ругаются они, лгут друг на друга, но всё-таки они люди, и очень недурные внутри себя люди, а потому так и развинчены. Об отношениях их к нам судить нечего, они совсем с нами разные, и мне кажется, что сидят гораздо мельче нашей крестьянской купницы. Мы ведь скифы, приявшие глазами Андрея Рублёва Византию и писания Козьмы Индикоплова с поверием наших бабок, что земля на трёх китах стоит, а они все романцы, брат, все западники. Им нужна Америка, *а нам в Жигулях песня да костёр Стеньки Разина* [выделено нами – *Е. К.*]» [VI, 94]. Можно заметить, что в противовес Америке как поэтическому образу, ставшему для «купницы» символом бездушной индустриализации, каменного и железного города, Есенин использует любимые поэтические образы Ширяевца. Это Жигули, символизирующие красоту и мощь русской природы, незыблемые многовековые исторические традиции; костёр Стеньки Разина как исторический символ, олицетворяющий свободу, удаль, «молодецкую волжскую вольницу», борющуюся «с кривдою» за народ. Песня – любимый поэтический жанр Ширяевца, символ вольного творчества, идущего от народных корней, в данном случае — от родины волжского поэта. Песня играла в творчестве Ширяевца особенную роль, часто являясь для него единственной возможностью духовно связываться с любимой родиной, куда он не мог вернуться с «чужбины невесёлой»:

На чужбине невесёлой
Эти песни я пою.
Через горы, через долы
Вижу родину свою.

.....

Что сулит мне воля божья?
Ворочусь ли я назад?
– Пусть к родимому Поволжью
Песни звонкие летят.

(«На чужбине невесёлой...»)[2]

Как отмечает С. П. Кошечкин, «Есенину не красного словца ради вспоминается в Жигулях песня да "костёр Стеньки Разина" – то, что исстари пьянило русское сердце, полонённое мечтой о воле, что безмерно дорого обоим поэтам – и волгарю, и рязанцу. Да им ли только!»[3] Столь глубокое проникновение в творческий мир и образную систему Ширяевца свидетельствует о его подлинной духовной близости Есенину, понимании и уважении последним отношения волжского поэта к своей малой родине. Это проявляется и в известном определении «Баюн Жигулей и Волги», данном Есениным Ширяевцу в записке от 30 марта 1917 г. из Петрограда [VI, 93].

В апреле – мае 1921 г. по дороге в Туркестан, главным поводом путешествия в который было желание лично встретиться с Ширяевцем, Есенин сделал вынужденную девятидневную остановку в Самаре. Он был совсем рядом от родного села своего друга Ширяева, однако побывать там Есенину не удалось. Как известно, в ожидании поезда на Туркестан поэт не мог удаляться от железнодорожного вокзала Самары.

После смерти Ширяевца и Есенина вплоть до начала 1960-х гг. в селе Ширяево почти ничего не напоминало о двух поэтах, об их человеческой и творческой дружбе. По воспоминаниям старожилов и Л. Г. Арамовой, много лет руководившей ширяевским музеем и хором, в начале 1950-х гг. в селе, как и во всей стране, приобрела популярность часто звучащая по радио песня «Гвоздики алые», однако не было известно, что автором её слов является земляк – поэт Александр Ширяевец. В это же время в связи с усилением интереса к поэзии Есенина в Ширяеве пробуждается и интерес к жизни и творчеству Ширяевца, всю жизнь воспевавшего в своих стихах родные места. Большую роль в этом сыграли куйбышевские поэты, которые постарались сохранить память о своём замечательном земляке. В 1961 г., 33 года спустя после последнего издания сборника стихов поэта, в Куйбышевском книжном издательстве вышла книжечка его стихов «Избранное», а в 1980 г. этим же издательством была выпущена небольшая книга «Песня о Волге». Они быстро приобрели популярность в самарском крае и особенно в селе Ширяево.

Ровно через 40 лет после смерти Ширяевца, в 1964 г., в Ширяеве состоялся юбилейный вечер поэзии, посвящённый его творчеству. По данным, зафиксированным в школьном альбоме, посвящённом Ширяевцу, на вечер приехали куйбышевские поэты, среди которых были Кузнецов, Мирный, Кузменко и другие. Они рассказывали о жизни и творчестве Ширяевца, читали свои стихи. Затем выступали сельские ветераны труда. Учащиеся ширяевской школы читали стихи поэта о родном селе. На вечере было решено назвать улицу, где раньше жил поэт и в то время называвшуюся Красноармейской, улицей Александра Ширяевца, что вскоре и было выполнено.

В 1966 г. на доме, в котором прошли детские годы Александра Абрамова (Ширяевца), по адресу улица Ширяевца, дом 13, была открыта мемориальная доска. В то время в нём ещё проживала подруга детства поэта Екатерина Ионова, которой было около 90 лет. Вспоминает краевед, руководитель школьного музея Л. А. Португальская: «И вот весна 1966 года. В Ширяеве, где прошло детство поэта, собрался сельский сход. Митинг посвящён торжественному открытию мемориальной доски в память о русском поэте, певце русского раздолья Александре Ширяевце. Митинг открыл председатель поселкового совета С. И. Шабаев. После вступительного слова он разрезал ленточку. Спадает покрывало, и под аплодисменты собравшихся открывается мемориальная доска. На ней написано: "В этом доме в 1887 году родился известный русский поэт Александр Васильевич Абрамов (Ширяевец)". За столом у дома сидят сверстники, друзья детства и юности поэта Екатерина Ионова и Евдокия Осиповна Кожевникова. Они вспоминают своего одноклассника Саню Абрамова. Нынешняя хозяйка дома, в котором прошло детство певца волжского раздолья, почти ровесница Александра Ширяевца Екатерина Егоровна Ионова (1885–1979), училась вместе с Сашей Абрамовым в церковно-приходской школе, охотно поделилась воспоминаниями»[4].

Старались бережно сохранить память о Ширяевце в его родном селе и местные краеведы-энтузиасты – Л. А. Португальская совместно с учениками местной школы, директор музея Л. Г. Арамова, потомок семьи Ионовых Н. С. Сапожкова, А. И. Моткова. Всегда в связи с Ширяевцем вспоминалось имя Есенина.

В 1976 г. во время подготовки к открытию музея И. Е. Репина в селе Ширяево директор Самарского художественного музея А. Я. Басс познакомилась с хозяйкой дома, в котором прошло детство Ширяевца, Екатериной Егоровной, в замужестве Ионовой. В 1978 г. после смерти Е. Е. Ионовой дом приобрёл Куйбышевский художественный музей под свой филиал. В нём была организована выставка предметов крестьянского быта. Ионова сберегла многое из того, что было здесь при Александре Ширяевце. Вспоминает один из первых экскурсоводов Дома-музея Л. А. Португальская: «С большим интересом знакомились жители села с экспонатами дома-музея. В нём побывали почти все, и старожилы, и дети. И хотя первоначально экскурсии должны были рас-

сказывать только о музее крестьянского быта, а о том, что в этом доме родился поэт Александр Ширяевец, напоминали лишь два небольших стенда о жизни поэта, нельзя было отступать от утверждённых методических указаний, экскурсоводы считали необходимым на свой страх и риск рассказывать о своём земляке. Это вызывало неизменный интерес у посетителей, которые с интересом слушали стихи Александра Ширяевца, воспевшего в стихах свою родину. Большой интерес вызывал рассказ о дружбе Александра Ширяевца с Сергеем Есениным»[5].

По инициативе самарских поэтов, решивших увековечить на родине имя Ширяевца и его дружбу с Есениным, с 1976 г. в селе Ширяево стали проводиться Есенинские чтения. До открытия Дома-музея А. Ширяевца они проходили в сельской школе. На первых Есенинских чтениях, состоявшихся 3 октября 1976 г., поэты г. Куйбышева (ныне Самары) О. Осадчий, Б. Соколов, Б. Сиротин, В. Кожемякин, И. Никульшин и местные школьники читали стихи Есенина и Ширяевца. С этого времени встречи с писателями и поэтами в день рождения Есенина стали в Ширяеве регулярными. На Есенинских чтениях за эти годы побывали многие известные самарские и тольяттинские поэты и писатели, в частности, А. Солоницын, А. Голик, Е. Чепурных, А. Громов, В. Сивяков. Нередкий их гость — член Международного Есенинского общества «Радуница» В. Баранов, автор многочисленных книг и публикаций о жизни и творчестве Есенина и Ширяевца.

В день рождения Есенина в Дом-музей А. Ширяевца (в настоящее время входящего в Историко-музейный комплекс с. Ширяево) приезжают известные поэты, учёные, художники, музыканты, фотографы, собираются актеры, музейные и библиотечные работники, любители поэзии из разных мест, жители села. На фоне естественных «декораций» — живописнейших в это время года золотых жигулёвских гор — звучат стихи и песни на стихи Есенина и Ширяевца, собственные сочинения поэтов. В этот день всегда декламируется стихотворение Есенина «Мы теперь уходим понемногу» («Памяти Ширяевца»). Круг творческих людей, приезжающих в этот день в Ширяево, постепенно увеличивается. Так, в 2009 г. стихами Есенина и Ширяевца в Ширяеве открыл свой театральный сезон тольяттинский Литературный театр имени А. С. Пушкина. В 2012 г. в Музейном комплексе села Ширяево в есенинские дни экспонировалась фотовыставка В. Александрова «Ока — Волга. Есенин — Ширяевец», созданная в рамках одноимённого межрегионального проекта научной и культурной общественности города Тольятти и Государственного музея-заповедника С. А. Есенина, до этого побывавшая в Рязанской области и в разных уголках самарской земли.

В последние годы информация о проведении 3 октября Есенинских чтений включается в туристические планы и проспекты, что дополнительно привлекает в эти дни в Ширяево любителей поэзии.

Любят посещать Есенинские чтения в Ширяеве студенты и школьники, начинающие поэты. Даже сама дорога по золотому коридору жигулёвского серпантина на Есенинские чтения становится источником поэтического вдохновения. Побывав на Есенинских чтениях в 2008 г., известный тольяттинский поэт Виталий Сивяков написал стихотворение.

Поездка в Ширяево на Есенинские чтения

По золотому коридору
Ведёт дорога прямо в рай.
Автобус под гору и в гору.
Встречай, Ширяево, встречай!
Был необычным день осенний.
Один пейзаж сменял другой.
Нас всех позвал к себе Есенин
В музей над вольною рекой.
Октябрь умолк от восхищенья
Под чистым куполом небес.
Страна справляла день рожденья
Певца берёзовых чудес.
Весь в фантастическом убранстве
Встречал гостей весёлый лес.
Заполнив сказкою пространство
С этюдником наперевес.
Едва промчалось бабье лето,
Но возвратилось неспроста,
Чтоб в день рождения поэта
Поцеловать его в уста.

3 октября 2008 г.
Тольятти — Ширяево[6].

Один из зачинателей Есенинских чтений самарский поэт Б. Соколов точно заметил: «Первые Есенинские чтения проходили в школьном актовом зале, превращённом стараниями куйбышевских художников в настоящую картинную галерею, — дань памяти гениальному русскому художнику И. Е. Репину, писавшему в с. Ширяево свою знаменитую картину "Бурлаки на Волге". Вот как в небольшом селе, затерянном в междугорье Самарской Луки, переплелись судьбы трёх сыновей России. И в этом ещё одно из свидетельств безграничности творческой силы российской земли»[7].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Фомин С.* Ширяевец и Есенин: (К годовщине смерти Ширяевца) // Красная нива. 1926. № 22 (30 мая). С. 21.

[2] *Ширяевец А.* Раздолье. М.; Пг.: Госиздат, [1924]. С. 85.

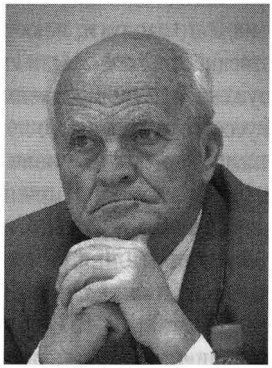
[3] *Кошечкин С.* Весенней гулкой ранью...: Этюды-раздумья о Сергее Есенине. М.: Дет. лит., 1984. С. 15.

4 Аудиозапись (архив автора статьи).

5 Там же.

6 Автограф (архив автора статьи).

[7] О Волге наше слово: Лит.-краевед. сб. / Сост. С. А. Голубков. Куйбышев: Кн. изд., 1987. С. 148.



СВЕТЛЫЙ ЧЕЛОВЕК

Памяти Сергея Ивановича Зинина
(5.12.1935 – 4.04.2013)

В последние годы есениноведение понесло невосполнимые утраты. Одной из самых больших потерь в есениноведении русского Зарубежья стала кончина после неизлечимой болезни российско-узбекского исследователя, педагога, культурного и политического деятеля Сергея Ивановича Зинина.

С Сергеем Ивановичем мы познакомились в селе Константиново на есенинской конференции в 2005 г. Узнав, что я приехала с родины Александра Ширяевца, он дал мне свою визитку, и вскоре мы, преодолевая границы и расстояния, вступили в переписку. Мне было очень интересно узнавать о жизни Узбекистана, где в детстве и юности довелось прожить несколько лет. Сергей Иванович всегда хотел быть в курсе того, что происходило в России. Наше тёплое дружеское общение продолжалось буквально до самых последних дней его жизни.

Из этой переписки, из наших нечастых, но всегда интересных и плодотворных встреч на есенинских конференциях постепенно за внешней простотой и скромностью в С. И. Зинине для меня открылся очень глубокий и интересный человек. В беседе меня часто поражал его поистине государственный, аналитический склад ума, и лишь позже я узнала о тех высоких должностях, которые занимал Сергей Иванович в Узбекистане.

Он был настоящий филолог по призванию, по-настоящему любил слово, книгу, с удовольствием работал в архивах и библиотеках. При этом он всегда

стремился к практическому воплощению своих изысканий, проводя поистине огромную, а иногда просто уникальную работу по сохранению и популяризации русской культуры в Узбекистане.

«Высокий профессионализм, энциклопедические знания, широта мышления, трудолюбие, глубокая порядочность и чистота помыслов — все эти качества, отличавшие Сергея Ивановича Зинина, сделали его бесспорным лидером русскоязычной диаспоры Узбекистана, а его заслуги, не оставшиеся незамеченными со стороны государства и общественности, позволили ему стать членом парламента нашей страны, получить заслуженные государственные награды»[1], — так оценивается его роль в некрологе Русского культурного центра Узбекистана.

Всю свою сознательную жизнь Сергей Иванович Зинин провёл на узбекской земле. Он родился 5 декабря 1935 г. в городе Чирчик Ташкентской области. Рано лишившись родителей, воспитывался у деда, Алексея Ефремовича Беркова. После службы в армии в 1957 г. поступил на филологический факультет Ташкентского университета, который окончил с отличием и был зачислен преподавателем кафедры русского языкознания. В 1970 г. защитил кандидатскую диссертацию по русскому языкознанию, получил звание доцента. Весомы заслуги С. И. Зинина как учёного и преподавателя. Многие годы он отдал преподаванию в Ташкентском госуниверситете, где воспитал сотни прекрасных специалистов, среди которых немало научных работников. Сергей Иванович читал лекции по русскому и общему языкознанию, возглавлял кафедру истории и диалектологии русского языка, межфакультетскую кафедру русского языка. Его перу принадлежит несколько учебных пособий по русскому языку для вузов и школ республики, опубликовано более ста научных статей по общему и русскому языкознанию, ономастике и библиографии. В числе лучших учёных Узбекистана он дважды выезжал за рубеж, где преподавал русский язык в Айншамском университете (Египет) и Университете Тенрико (Япония). С 1986 по 1990 гг. Зинин занимал должность заведующего отделом русского языка Института языка и литературы Академии наук Узбекистана. Являясь депутатом парламента Республики, он стал соавтором первого закона о государственном языке. Заботясь о распространении хорошей литературы, стал одним из основателей Общества книголюбов Узбекистана «Китобхон».

Особую роль в жизни С. И. Зинина сыграла есенинская тема. Ещё в студенческие годы он увлекся творчеством С. А. Есенина и на протяжении жизни собрал сотни изданий произведений русского поэта на русском и иностранных языках, монографий, журнальных и газетных публикаций. В свою библиотеку С. И. Зинин приобрёл 23 прижизненных издания произведений Есенина, а также поэтические сборники и журналы, в которых публиковались стихи поэта до 1926 г. Особую известность получила коллекция экслибрисов есенинской тематики, которая неоднократно демонстрировалась в Ташкенте на коллективных и персональных выставках, посвящённых поэту.

С. И. Зинин стал одним из инициаторов создания и учредителем музея Есенина в Ташкенте. Значительную часть своей Есенинианы, в том числе прижизненные издания и все экслибрисы, он безвозмездно передал в Музей Сергея Есенина в Ташкенте, где они явились важной частью стационарной экспозиции музея.

Долгие годы в Узбекистане исследовалась тема, связанная с поездкой Есенина в Ташкент и Самарканд в мае 1921 г., а также влияние есенинских поэтических традиций на творчество современных узбекских поэтов. В 1981 г. доктор филологических наук П. И. Тартаковский издал книгу «Свет вечерний шафранного края...» о поездке Есенина в Среднюю Азию, в которой доказал, что истоки знаменитых «Персидских мотивов» Есенина восходят к его первым впечатлениям о восточной культуре, с которой поэт непосредственно столкнулся во время своего путешествия в Туркестан. С. И. Зинин продолжил поиски новых материалов и в 2003 г. подготовил к печати монографию «Поездка Сергея Есенина в Туркестан» — на сегодняшний день наиболее полное исследование этой темы.

Результатом многолетних исследований С. И. Зинина стало составление им наиболее полной библиографии «Узбекистанская Есениниана», в которой указаны сотни малоизвестных публикаций о Есенине в республиканской и местной печати. В рукописном личном фонде С. И. Зинина было собрано более трёх тысяч поэтических произведений, посвящённых Есенину. В этом своеобразном «Поэтическом венке Есенину» значительную часть составили более ста стихотворений, написанных профессиональными и самодеятельными поэтами Узбекистана.

На протяжении многих лет вплоть до последних дней жизни Сергей Иванович работал над темой «Сергей Есенин и его окружение», в форме биобиблиографических словарных статей давая сведения обо всех лицах, которые прямо или опосредовано были связаны с жизнью и творчеством великого русского поэта вплоть до 1940 г.

С 1992 г. по инициативе и под непосредственным руководством С. И. Зинина на базе Музея Сергея Есенина в Ташкенте проводились научно-практические конференции «Есенинские чтения», издавались специальные выпуски «Мир Есенина». Девять выпусков «Мира Есенина» вышло в газетном варианте, а с 2000 г. он стал ежегодно издаваться как информационный бюллетень Русского культурного центра и ташкентского отделения Международного есенинского общества «Радуница» в формате брошюр. В выпусках «Мира Есенина» были опубликованы редкие материалы о Есенине и его окружении, статьи российских и узбекских исследователей и журналистов. К сожалению, тиражи информационных бюллетеней «Мир Есенина» были невелики, что ограничивало круг их читателей, и его было трудно распространять за пределами Узбекистана. Одним из первых есениноведов с помощью сына Ивана Сергей Иванович создал специальный сайт «Мир Есенина», где были размещены все выпуски бюллетеней «Мир Есенина», материалы из его библиотеки и коллекции, опубликованы авторские книги. «Это позволит расширить границы общения есенинолюбов, ожи-

вит их творческое и деловое сотрудничество, даст возможность им поделиться вновь найденными или имеющимися материалами о жизни и творчестве любимого русского поэта, каким, бесспорно, в наше время является Сергей Александрович Есенин», — справедливо полагал С. И. Зинин. И не ошибся: по статистическим данным на сегодняшний день сайт «Мир Есенина» — один из самых востребованных есенинских сайтов.

Трудно переоценить вклад С. И. Зинина в культуру Узбекистана. Везде, где бы ни трудился С. И. Зинин, его деятельность была направлена на сохранение в Узбекистане русского культурного наследия, русского языка как залога связи с Россией. Чего стоит, например, в самые сложные годы безвременья и растерянности, потери ориентиров и гонения на прежние духовные ценности после распада Советского Союза создание в независимом Узбекистане Русских культурных центров (РКЦ) и организация их работы. Сергею Ивановичу довелось создать практически с нуля и с 1994 по 2002 гг. возглавлять Русский культурный центр Узбекистана, быть его первым председателем. Он лично участвовал в создании филиалов РКЦ в областях Узбекистана — местах компактного проживания русскоязычного населения, где эти центры стали подчас единственной духовной опорой для русскоязычного населения, мостиком, соединявшим их с неожиданно оказавшейся Зарубежьем Россией. По инициативе Русского культурного центра, руководимого С. И. Зининым, в Узбекистане стали систематически проводиться Дни славянской письменности и культуры, рождественские и пасхальные праздники, фестивали классической и народной музыки, поэтические вечера и встречи с интересными людьми. В республике при поддержке РКЦ и личном участии Сергея Ивановича постоянно отмечались юбилейные даты выдающихся представителей русской истории, культуры, музыки, литературы и искусства — А. С. Пушкина, Есенина, А. Ширяевца, А. Ахматовой и др.

С. И. Зинин многое сделал для укрепления в Узбекистане позиций Русской православной церкви как оплота русской культуры, истории и духовности. Он плодотворно сотрудничал с Митрополитом Ташкентским и Среднеазиатским Владимиром. Незабываемый след в истории российско-узбекских отношений оставила тёплая встреча С. И. Зинина со Святейшим Патриархом Алексием II во время празднования 125-летия православной епархии в Средней Азии. 12 ноября 1996 г. Патриарх встречался с представителями Русского культурного центра Республики Узбекистан, который возглавлял С. И. Зинин. Приветствуя Его Святейшество, С. И. Зинин сказал: «Сбылась наша мечта — услышать напутствие из Ваших уст. В основе определения русского этноса православная цивилизация является краеугольным камнем. Русская культурная общественность должна найти наиболее удобные возможности для сотрудничества с Церковью»[2]. В благословение Русскому культурному центру Святейший Патриарх даровал Владимирскую икону Божией Матери, по его слову, «как видимый знак того, что нужно возвращаться к вере, к духовным ценностям, которыми жил русский народ в своей истории».

Где бы ни находился Сергей Иванович Зинин, он, пожалуй, как никто другой в наши дни, старался выполнить возложенную на него миссию объединения народов России и Узбекистана на почве общей истории и культуры. Многим тольяттинцам он запомнился во время своего приезда на презентацию книги Александра Ширяевца «Песни волжского соловья», организованную Домом учёных Тольяттинского госуниверситета в апреле 2008 г. Его глубочайшая эрудиция, скромность, настоящая интеллигентность, человеческое обаяние и достоинство вызывали к нему уважение любой аудитории – журналистов, людей науки или юных студентов.

Лично я была особенно рада тому, что в эти дни осуществилась заветная мечта Сергея Ивановича, много лет посвятившего изучению творчества Александра Ширяевца, побывать на родине волжского поэта в селе Ширяево, посетить его Дом-музей. Помню, каким неподдельным восторгом светились глаза Сергея Ивановича, увидевшего волжский простор и необыкновенную красоту села Ширяева. С особым вниманием он рассматривал материалы о ташкентской возлюбленной Александра Ширяевца Маргарите Костёловой, с которой С. И. Зинину довелось быть лично знакомым. Некоторое время спустя он написал: «Для меня поездка была незабываемой, а от презентации книги, которую я теперь подарю и в библиотеку Алишера Навои, нет слов для восхищения». Было очень приятно, что такая дальняя и непростая поездка доставила ему настоящую радость и, как выяснилось в дальнейшем, принесла и весомый практический результат. Вскоре Сергей Иванович сообщил, что начал работу над биографической книгой о Ширяевце, которой так не хватало для изучения и популяризации незаслуженно забытого поэта.

С. И. Зинин был блестящим знатоком жизни и творчества Ширяевца, особенно туркестанского периода. Итогом многолетней работы, изысканий в ташкентских и московских архивах стала его книга «Александр Ширяевец – поэт российский и туркестанский», которая, к огромному сожалению, была издана в Ташкенте уже после его кончины. Он планировал сделать сайт об Александре Ширяевце и продумывал его структуру и наполнение.

В последние годы жизни С. И. Зинин выпустил в Узбекистане и Москве серию книг о Есенине и его окружении: «Поездка Есенина в Туркестан», «Софья Толстая – жена С. Есенина», «Биография Т. С. Есениной», «Неизвестный Есенин: В плену у Бениславской», подготовил к изданию рукописи нескольких книг и статей.

Сергей Иванович, несмотря на внешнюю сдержанность, был удивительно светлым и доброжелательным человеком. Как немногие, он умел радоваться успехам своих коллег, всегда стремился откликнуться на выход их книг обстоятельными рецензиями, был искренне благодарен за присланные в его ташкентские бюллетени материалы. За все годы нашего общения я никогда не слышала от него слов осуждения или упрёка в чей бы то ни было адрес. Даже если кто-либо несправедливо поступал по отношению к нему, он не пускался в объяснения

и пререкания, внутренне переживая, всегда стремился найти объяснение этому поступку.

В 2011 г. С. И. Зинин переехал в Подмосковье, чтобы находиться рядом с сыном, т. к. годы и проблемы со здоровьем начали давать о себе знать. Так же, как Ширяевец, он мечтал о том, что в России он вольётся в круг единомышленников-есенинцев, будет работать в архивах и библиотеках над новыми исследованиями. Однако буквально сразу же у Сергея Ивановича обнаружилось неизлечимое заболевание. До самого конца он без малейших жалоб принимал тяжелейшее лечение, очень мужественно сражался с неизлечимым недугом, оставался настоящим мужчиной. Буквально до последних дней он продолжал работать и строил новые планы. Отрезанный болезнью от живого общения, Сергей Иванович всегда живо интересовался тем, что происходило в есениноведении, очень радовался присланным мною фотоотчётам об открытии памятника Ширяевцу, есенинской конференции, где он очень хотел, но не смог побывать... С. И. Зинин планировал обязательно поехать в Ташкент, чтобы осуществить там новый выпуск «Мира Есенина», который прекратил без него своё существование, искал пути для того, чтобы поддержать ташкентских есениноведов. Однако этой мечте не суждено было осуществиться.

На смерть Сергея Ивановича Зинина откликнулись все крупнейшие издания Узбекистана. В одном из некрологов, вышедших в Ташкенте, Сергей Иванович Зинин назван «аксакалом русской общины Узбекистана». Как известно, так у тюркских народов Средней Азии называется глава рода, старейшина, самый почтенный человек. Это очень точное определение по отношению к той роли, которую играл С. И. Зинин в жизни русской диаспоры Узбекистана. В некрологе агентства ЦентрАзия, размещённом среди самых важных событий, отмечается, что имя С. И. Зинина сегодня стоит в одном ряду с именами корифеев русской общины Узбекистана – Игоря Савицкого, Александра Волкова, Алексея Грекова, святителя Луки, Николая Остроумова, Николая Малицкого, Василия Вяткина, великого князя Николая Романова.

Эту объединяющую Россию и Узбекистан миссию он продолжает выполнять и после своей кончины. По завещанию, прах Сергея Ивановича был захоронен 3 мая 2013 г. в Ташкенте на старинном русском Боткинском кладбище рядом с отцом. Там же упокоились многие из тех, с кем был знаком и о ком писал он в своих статьях и книгах — дочь поэта Татьяна Сергеевна Есенина, невеста Ширяевца Маргарита Костёлова и многие другие русские люди, жизнь которых оказалась неразрывно связана с Узбекистаном...

Проводить Сергея Ивановича Зинина, теперь уже навсегда вернувшегося из России в тёплую ташкентскую землю, несмотря на отсутствие официальных объявлений, пришло очень много людей. Могила Сергея Ивановича буквально утонула в живых цветах. Пришедшие проститься вспоминали о С. И. Зинине как о человеке скромном, бессребренике, не искавшем лёгких путей. В сообщении

агентства ЦентрАзия говорилось: «Всю свою жизнь он отдал людям, служению долгу. Это был настоящий русский человек, которым могут гордиться Россия и Узбекистан. Уезжая, он обещал непременно вернуться. И слово своё сдержал»[3].

К этому трудно что-нибудь добавить... 14 мая 2013 г. — в день, совпавший с сороковым днём после кончины, в Национальной библиотеке Узбекистана им. А. Навои состоялся творческий вечер памяти Сергея Зинина. На нём состоялась презентация его последней книги «Александр Ширяевец — поэт российский и туркестанский», выхода которой он так ждал.

Трудно представить себе Международное есенинское общество «Радуница» без его многолетнего члена, крепкого «узбекско-русского крыла» в лице С. И. Зинина. Его – человека мудрого, надёжного и светлого — будет не хватать очень многим. Хорошо сказал о нём С. И. Субботин: «Не о каждом из ушедших можно сказать, что после ухода от них остаётся столько света, сколько оставил по себе Сергей Иванович».

Потеря эта не восполнима...

Теперь остаётся только память — в учениках, добрых делах и книгах, которые оставил Сергей Иванович.

Пусть она будет вечной!

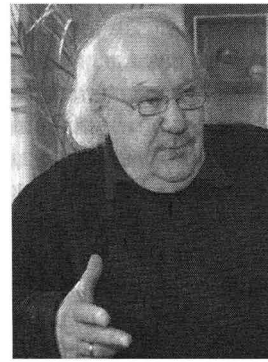
Елена Койнова

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] http://www.rusculture.uz/news/i587/

[2] 125-летие православной епархии в Средней Азии. Хроника юбилейных торжеств – http://kyrgyzstaninform.narod.ru/sait/1-4.htm

[3] http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1367946060



ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ПАРКАЕВ

1 января 2013-го года ушёл из жизни большой русский поэт Юрий Александрович Паркаев.

Он родился 12 февраля 1941 года в старейшем родовспомогательном учреждении Нижнего Новгорода на улице Варварке. Его мама – студентка мединститута – принесла новорождённого из роддома в общежитие медиков, которое находилось рядом с Мытным рынком, на улице Алексеевской. В этом старинном здании 150 лет назад останавливался Александр Сергеевич Пушкин, приезжавший не раз в Нижний Новгород. Видимо, заблудилась частичка души великого поэта в старинных коридорах, и осенила она малыша Юрочку.

Отец будущего поэта Юрия Паркаева, инженер-строитель, также уроженец нижегородской земли, прошёл всю войну, после которой оказался на дипломатической работе в Австрии, там прошли детские годы поэта.

Юность – в Ленинграде, где волею судьбы он стал членом интереснейшего литобъединения середины XX века. Глеб Горбовский, Иосиф Бродский, Александр Кушнер, Виктор Соснора, Николай Рубцов – вот неполный список членов этого литобъединения.

Сотни произведений искусства, а именно так следует называть каждое стихотворение, созданное мастером, вышли из-под пера Ю. А. Паркаева. Он стал лауреатом нескольких литературных премий, его роман «Никакая Родина другая» явился событием в литературной жизни. Песни на стихи Паркаева исполнялись Э. Хилем и Э. Пьехой, И. Кобзоном и В. Кикабидзе, В. Леонтьевым и

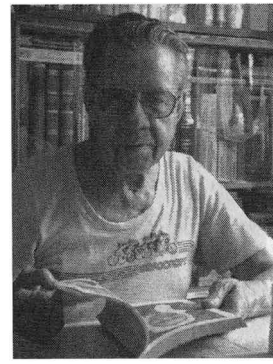
М. Шуфутинским и побеждали на телевизионных конкурсах «Песня года». Проникновенная «Нижегородская лирическая» композитора А. Морозова на стихи Паркаева стала неофициальным гимном города на Волге.

Юрий Александрович Паркаев много времени отдавал общественной работе: он являлся Президентом Есенинского культурного центра, в Институте мировой литературы активно участвовал в заседаниях Есенинской группы, готовившей семитомное академическое издание С. А. Есенина. Он был записным участником Фатьяновского праздника песни и Пушкинских дней в Большом Болдино. Его квартира в Москве, в Староконюшенном переулке, в течение многих лет служила своеобразным писательско-поэтическим центром, где они вместе с женой Валентиной Николаевной тепло принимали писателей, художников, артистов, деятелей культуры Москвы, да и со всей страны. Здесь можно было встретить и Сашу Харитонова, и Володю Мигулю, и Лёню Дербенёва, и Стаса Пожлакова.

Смерть супруги подкосила Юрия Александровича. Последний год своей жизни поэт тяжело болел. Я виделся с ним в конце декабря, подарил ему свою новую книгу о войне «Четыре с лишним года», он взял её в руки и гладил её корешок. Глаза его были чистыми, как у ребёнка – говорить он не мог, но всё слышал и понимал. Я чувствовал, что вижу его в последний раз.

Юра часто мечтал перебраться в Нижний. «В Нижний Новгород – это значит домой!» – говорил он. Светлая память Юрию Александровичу Паркаеву, нашему другу и земляку.

Олег Рябов, член Союза писателей России



ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ИЛЬИЧА СТАРИКОВА (1928–2011)

У Есенинской группы Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН был замечательный друг — Александр Ильич Стариков. На его визитке значилось: «Фотокорреспондент, член Есенинского литературного общества "Радуница", член общества свободных путешественников России». В последние годы А. И. Стариков стал также членом Пушкинского общества. Есенин и Пушкин — две огромных душевных привязанности А. И. Старикова, пронесённые им через всю жизнь.

Родом Александр Ильич был с Нижегородчины, из д. Ульянково (сейчас этот район называется Чкаловским — по г. Чкаловск, бывш. пос. Василёво), из большой дружной семьи, в которой являлся младшим сыном, особенно любимым матерью. Его отец работал на Волжском речном флоте, и Александр в детстве не раз переплывал могучую русскую реку. (Тут напрашивается известная литературно-биографическая параллель: Есенин на спор с друзьями 9 июля 1914 г., на второй день праздника Иконы Казанской Божьей Матери, переплыл Оку, запруженную в тот год плотиной у с. Кузьминское, и в результате появилось стихотворение «Сардановский с Сергеем Есениным...», 1914.)

А. И. Стариков тоже был поэтом: в последние годы жизни вышел из печати его литературный сборник «Хранятся памятью нетленной» (2007, одно из предполагаемых ранних названий — «Хранимы памятью нетленной»), вобравший в себя стихотворения, биографический очерк и, конечно же, фотографии. Александр Ильич сожалел об отсутствии мелованной бумаги для вклейки фотогра-

фий, но в целом радовался этой книге, вручал её с тёплыми дарственными надписями многочисленным друзьям и готовил новый стихотворный сборник.

Фотографирование Александр Ильич понимал как фотоискусство, как художественное отображение жизни, как фотоиллюстрирование стихотворных строк любимых поэтов. Путь к фотоискусству был логичным и, можно сказать, предопределённым: А. И. Стариков окончил техникум, являлся радиолюбителем и мастерил разные радиоприемники, а в душе ощущал себя художником и вообще ценителем изящных искусств. Вот потому он окончил профессиональные курсы фотомастерства и стал фотокорреспондентом целого ряда журналов.

С тяжёлой и громоздкой фотоаппаратурой, обязательно с несколькими полными комплектами плёночных фотоаппаратов в специальной сумке на ремне через плечо появлялся А. И. Стариков на каждом мероприятии, посвящённом Есенину. Он любил запечатлевать для истории участников международных симпозиумов и конференций, вечеров памяти, поэтических турниров и др. В любом конференц-зале Александр Ильич ставил фотоаппарат на штатив, втыкал провод от фотовспышки в ближайшую розетку и начинал делать портреты докладчиков, фотографировать собравшихся в зале и снимать любые другие важные моменты, ценя их весомую мимолётность.

Он объяснял необходимость сменных объективов и применения нескольких фотоаппаратов сразу: один предназначался для классической чёрно-белой плёнки, второй – для жизнерадостной цветной; имелись нюансы в портретной и групповой съёмке и т. д. Проявлял плёнку и печатал фотографии Александр Ильич дома, в крохотной тёмной комнатке – лично обустроенной творческой лаборатории (сооружённой из переоборудованного встроенного шкафа), вдыхая ядовитые пары химических реактивов и рискуя здоровьем. Он тратил все свои деньги на увлечение, переросшее в профессию; плёнку и фотобумагу покупал только профессиональную, чрезвычайно дорогую, с большим количеством коллоидного серебра, в специальном магазинчике на Садовом кольце. И в других профессиональных фотосалонах Александр Ильич был «своим человеком», постоянным клиентом, которого очень любили и всегда ждали.

А. И. Стариков применял полученные в техникуме знания для усовершенствования фототехники: будучи очкариком, он вставил корректирующую линзу в видоискатель фотоаппарата; сделал специальные обручи-насадки на объектив, чтобы сфотографировать «дружескую беседу» муравьёв и прочие микрообъекты; по всем правилам обустроил домашнюю фотолабораторию.

У А. И. Старикова была собственная печать, которую он ставил на обороте своих фотографий. На чёрном оттиске изображены весы-безмен (как у богини Фемиды) с двумя чашками, на одной лежит фотокамера, на другой – книги; вверху двойная надпись: «Стариков» и «фотожурналист».

А. И. Стариков предложил Российскому государственному архиву кинофотодокументов в подмосковном г. Красногорске уникальный фотоальбом с порт-

ретами членов Есенинской группы, их коллег и друзей, запечатлевший подготовку академического Полного собрания сочинений С. А. Есенина в 7 т. (9 кн.), проведение научных конференций и открытие памятника поэту на Тверском бульваре в Москве в 1990-е гг. С любовью и тонким эстетическим вкусом А. И. Стариков давно выбрал красивый фотоальбом, тщательно продумал его композицию: последовательность расположения фотографий с непременными подписями фотографа и автографами изображённых лиц. Этот фотоальбом имел свою историю, постоянно пополнялся новыми снимками. А. И. Стариков приносил его на многие научные мероприятия и просил учёных, скульпторов, поэтов, певцов, музыкантов поставить свои подписи под фотографиями. А самим запечатлённым лицам обязательно вручал кипу фотографий: аналоги помещённых в альбоме и многие другие снимки. Для этого Александр Ильич специально делал на отдельном листе маленькие кадрики-пробники – «контрольки», чтобы каждый участник «рабочей фотосессии» мог выбрать себе понравившиеся кадры и целенаправленно заказать их. А. И. Стариков создавал фотолетопись Есенинской группы ИМЛИ РАН.

И сейчас перед мысленным взором находится подвижная фигура Александра Ильича, маленького моложавого крепыша в очках, всегда улыбчивого и открытого людям. Он смеялся от души раскатистым смехом, увлекал собеседников необычайно интересными рассказами.

Ходил он всегда в строгом классическом костюме, непременно с галстуком. Говорят, галстуков имелось около 100 штук, и даже есть шутливая фотография, на которой А. И. Стариков изображён держащим в руках множество галстуков.

По просьбе Ю. Л. Прокушева (1920–2004), первого руководителя Есенинской группы, А. И. Стариков посещал государственные архивы и перефотографировал там портреты Сергея Есенина и его окружения, в какой-то степени реставрировал их. Многие из прекрасно выполненных фотокопий опубликованы в ПСС и Летописи жизни и творчества С. А. Есенина. А ещё Александр Ильич был знаком с сёстрами и племянницами Есенина, фотографировал их и заслужил их дружеское расположение. В книге «В семье родной» (М., 2001) Н. В. Есениной (Наседкиной, 1933–2006) помещены семейные фотографии, также отреставрированные А. И. Стариковым. В Международном Есенинском обществе «Радуница» А. И. Стариков состоял с самого начала, вступив в него в 1987 г.

Также он бережно хранил некоторые предметы, связанные с именем Есенина: например, юбилейную Есенинскую тарелку 1995 г., выполненную на фарфоровой фабрике в Вербилках и вручённую ему на Международном Есенинском симпозиуме, бутылку водки «Есенин», тульский пряник «Музей Есенина», булку «Есенинская» и др. Для фотографирования шоколадной медали с портретом Есенина Александр Ильич специально достал сложную осветительную аппаратуру, поскольку всегда серьёзно относился к любой фотосессии (даже к «фотосессии» продуктов питания), тем более что она предназначалась для книжной публикации!

Будучи патриотом, он равно гордился своими фотоснимками Евгения Евтушенко, выступавшего на поэтическом вечере в честь Есенина, изображениями танков и столичных баррикад защитников Белого Дома в 1993 г.

А. И. Стариков многократно ездил в с. Константиново Рязанской области — на малую родину Сергея Есенина, чтобы целыми сутками караулить подходящий момент, когда в неожиданном световом решении окажется храм Иконы Казанской Божьей Матери. Он с настойчивым упорством снимал этот храм, в котором крестили младенца Есенина, при самых разных погодных условиях: в заснеженную зиму с огромными сугробами и при падающем с небес кружащемся снеге; при бурном разливе реки Оки, когда с грохотом трескались и наскакивали одна на другую узорчатые льдины; летним вечером, когда чудесно пахнут луговые травы и угольчатыми метёлками устремляются вверх воспетые поэтом купыри; золотой осенью, когда «горит костёр рябины красной».

А. И. Стариков любил «контровой свет», когда на светлом фоне чётко вырисовывался тёмный силуэт, окружённый солнечными лучами. Иногда это была хрупкая и изящная фигурка девушки, изображённая обобщённо, выступающая из речных волн, особенно сияющих на восходе, вся в бликах от свечения солнца. Александр Ильич был страстным ценителем женской красоты и всего прекрасного в мире, сотрудничал с журналом «Советская женщина» (позже «Мир женщины»).

У А. И. Старикова есть фотография, на которой он изображён пьющим шампанское из туфельки некой дамы N, а сама она тут же рядом держит бокал. В лирике Александра Ильича действуют Афродита и наяды, продолжая линию античности и Возрождения в европейском и русском искусстве.

Есенинский мотив А. И. Стариков воплотил в портрете-пейзаже, изображающем прекрасную женщину, присевшую отдохнуть на ворох разноцветных осенних листьев, который как бы закружил её и вовлёк в свой чарующий медленный танец. В другой раз девушка в шали разливала чай из самовара. В третий раз появлялась амазонка с копьём в руках, выглядывающая из-за кактуса с древовидными побегами (может быть, это отдалённая аллюзия на есенинский образ скифов из статьи «Быт и искусство»?). Известно, что некий англичанин был восхищён этой фотографией — «Амазонка России», приобрел её и увёз в Англию, а две других копии хранятся в Страсбурге (Франция) и Москве.

А. И. Стариков страстно любил театр, но и там, в антракте или после спектакля, фотографировал ведущих актрис в красивых сценических костюмах на фоне узорной винтовой лестницы, в нарядном фойе с букетами цветов. Получались своеобразные «парадные портреты», как это было принято раньше в царских и дворянских семьях.

Крайне редко он делал «постановочные кадры»: такова его ворона и лисица по одноимённой басне И. А. Крылова, когда в роли лисы «снялась» удивительно похожая на неё рыжая собака, лающая на птицу, сидящую на суку дерева с до-

бычей в клюве. Наблюдательному А. И. Старикову удалось где-то подсмотреть эту замечательную сценку.

Он гордился ещё одной своей фотографией, на которой прапраправнук Пушкина держит на руках маленькую Наташу – дочку Александра Ильича, названную в честь жены и музы великого поэта – Н. Н. Гончаровой. Когда Григорий Пушкин скончался, А. И. Стариков сильно переживал, был на похоронах и намеревался подарить фотографии Пушкинскому музею. Он готовил фотоальбом потомков Пушкина.

А. И. Стариков ценил непрерывность культурной истории, хранимой поколениями людей. Так, он сфотографировал на мосту художника Романа Алексеевича Перова на 101-м году жизни – внука живописца-«передвижника» Василия Перова, подчёркивая тем самым постоянство традиций.

Вообще А. И. Стариков умел зорким взглядом фотохудожника вычленять значительные личности, которым суждено было внести существенный вклад в русскую культуру. К примеру, на похоронах А. А. Есениной (сестры поэта) он много снимал Ю. Л. Прокушева – будущего «патриарха есениноведения», многократно фотографировал его и позже. Конечно, цепким взором фоторепортера А. И. Стариков ухитрялся ухватить интересные творческие моменты в жизни многих есениноведов, связанные с докладами на конференциях и с обсуждением важных проблем на научных заседаниях. Он был дружен с С. П. Кошечкиным, А. Н. Захаровым, Н. Г. Юсовым и др. Н. И. Шубникова-Гусева пригласила Александра Ильича оформить подготовленную ею в издательстве «Школа-Пресс» к 100-летию Есенина книгу «Русская боль», в которую вошли произведения поэта, а также статьи и воспоминания о нём. Эта книга стала одной из самых любимых работ А. И. Старикова. В журнале «Современное есениноведение» (г. Рязань, с 2004 г.) также публиковались его фотографии.

А. И. Стариков был завсегдатаем музея Есенина в Москве (в Б. Строченовском переулке, 24, стр. 2), дружил с директором С. Н. Шетраковой, присутствовал на многих литературно-музыкальных вечерах и, конечно, без устали фотографировал артистов. Также он регулярно посещал Ваганьковское кладбище, делал там фотографии поэтов, декламирующих стихи у могилы Есенина в дни его памяти. Он радовался появлению памятников Есенину в Санкт-Петербурге и Туле, специально ездил в эти города, чтобы сфотографировать монументы.

Будучи фотокорреспондентом, А. И. Стариков путешествовал на Русский Север и фотографировал там замечательные бревенчатые храмы и другие деревянные строения, любуясь их сложной архитектурой. Он запечатлевал резные орнаментальные наличники, похожие на кружева карнизы и деревянные полотенца на сельских избах Центральной России, сопровождал их портретом мастера-резчика и увлекательным очерком о его искусном ремесле. Много лет подряд он отправлялся на озеро Светлояр под Переславлем-Залесским, чтобы в волшебную ночь на Ивана Купалу лицезреть таинство купания прекрасных деву-

шек в белых одеждах, в веночках из трав и цветов, с зажжёнными свечами в руках. Фотоочерки А. И. Старикова обязательно были посвящены русским народным промыслам и календарным ритуалам, их печатали многие журналы: «Архитектура и строительство Москвы», «Городское хозяйство страны», «Отечество», «Отчий дом», «Патриархия», «Россия молодая», «Русский дом», а также газеты «Биржевые ведомости», «Московские ведомости», «Экономика и жизнь».

А. И. Стариков был приглашён на озеро Байкал делать фоторепортаж о рыболовецком промысле, о добыче омуля. Он рассказывал, как, затаив дыхание и прячась в кустах, в течение многих часов зимой пытался выследить и сфотографировать разных зверей (рысь, бурундука) в прибайкальской тайге. Александр Ильич был очень увлекающимся человеком!

Ещё работая на заводе, он был в составе заводской делегации в Китае, охотно рассказывал об этом. Позднее с фотоаппаратом в руках объездил почти всю Россию. В Центральной России снимал пейзажи и виды сёл, затонувших в ходе гидростроительного обустройства водохранилищ на реках: от них возвышались из воды одни колокольни.

Последними художественными работами Александра Ильича стали иллюстрации, включённые в большой фотоальбом «Сорок сороков» (2003–2004) о православных храмах Москвы и в путеводитель «Золотое кольцо» (2005). А. И. Стариков, оставаясь «вольным художником», получил аккредитацию в Патриархии на создание храмовых фотопортретов. Он гордился возложенным на него важным духовным поручением – участвовать в создании фотогалереи древних церквей, расположенных в Центральной России и запечатлевших в камне архитектурные стили разных исторических эпох. А в его уютной маленькой квартирке, с висящими на стенах фотопортретами и пейзажами, на шкафах с книгами стояли небольшие иконы и в особо важные духовные моменты возжигалась Богу восковая свеча. Родившись на Покров, 14 октября 1928 г., А. И. Стариков по-особенному ощущал себя под защитой Богоматери.

Как истинный художник и творец прекрасного, А. И. Стариков любил цветы. В его доме цвели даже кактусы! А среди множества прекрасных комнатных растений весело щебетала диковинная птичка – японский воробей (хотя ощущение было такое, будто поёт любовные серенады сладкоголосый соловей). Для дочери Наташи он хотел завести забавного котёнка; в его доме раньше жила кошка, а потом исчезла.

А. И. Старикова привлекало всё неожиданное, неизведанное: однажды он шёл в ИМЛИ РАН и на Новом Арбате увидел необычайные озёрные растения, которые цвели огромными белоснежными и сиреневыми цветами! Он не мог пройти мимо и тут же приобрёл парочку этих плавучих растений, разместил их в большом тазу в своей квартире и радовался их красоте.

Александр Ильич всегда был окружён друзьями. Он дружил со всеми, с кем сводила его жизнь: с Надеждой Вольпин (матерью сына Есенина), со скульпто-

ром Н. А. Селивановым – автором скульптуры Есенина, с есениноведами и пушкинистами, с родственниками Сергея Есенина, Ивана Приблудного, Августы Миклашевской и с потомками Пушкина и Нащокина, со многими художниками и поэтами, актрисами и певицами. Композитор В. Б. Антоновский положил на музыку стихи А. И. Старикова, и певица Галина Васильева неоднократно исполняла эти песни.

А. И. Старикова обязательно приглашала А. Л. Спирова (сестра А.Л.Миклашевской), ежегодно отмечавшая дни рождения – свой и погибшей на фронте дочери Натальи Качуевской. К столу подавали праздничный пирог, а Александр Ильич переснимал старые фотографии и фотографировал хозяйку с гостями – также известными есениноведами и любителями творчества Есенина: с В. В. Устименко, В. Е. Кузнецовой и др. Был подготовлен целый альбом и подарен московской школе (к сожалению, он исчез).

Александр Ильич с удовольствием приглашал гостей на свой день рождения: он был хозяйственным мужчиной и готовил вкусные угощения, любил делать салаты и даже закручивал овощные и ягодные заготовки на зиму. Многие члены общества «Радуница» из других городов (Г. А. Агарков и др.), иногда с семьями, останавливались у него погостить в Москве.

А. И. Стариков был частым гостем в учреждениях имени Есенина: в школе № 641 на Волгоградском проспекте, 66, корп. 4; в районной библиотеке № 173 на ул. Кржижановского, 15, корп. 5, в Москве.

Московские библиотеки и районные выставочные центры (напр., выставочный зал в Гагаринском пер., на бывш. ул. Фурманова) регулярно проводили персональные фотовыставки А. И. Старикова (всего их было 8). Он старательно выбирал лучшие свои работы, заправлял в картонные паспарту и вставлял в металлические рамки под стекло, тематически группировал их. Например, последняя выставка называлась «Русь деревянная, или Сказание о дереве» и демонстрировала самые разные фотосюжеты (числом 200), в которых обязательно воспевалось дерево – в любой его форме, от древесного побега с резными листьями до узорчатого деревянного наличника.

А. И. Стариков заботился о привлечении зрителей на свои выставки, на презентации обязательно приглашал певиц и поэтов с сольными номерами и декламацией стихов, устраивал чаепитие и обмен мнениями. А в собственной квартире однажды организовал мини-выставку детских рисунков дочки Наташи.

Будучи чрезвычайно собранным, пунктуальным человеком и обладая систематизаторским даром, А. И. Стариков создавал тематические маленькие фотоальбомы, с радостью демонстрировал их всем своим гостям. Александр Ильич ценил фотоальбомы как вид искусства, этакий специфический материализованный способ сохранения высшей духовной памяти. Поэтому он намеревался посетить какую-то старушку-москвичку, полистать её фотоальбом с видами старой

Москвы, порасспросить её об изображённых лицах, улицах и зданиях столицы (к сожалению, не успел).

Первоначально в Москве А. И. Стариков с семьёй жил в коммунальной квартире на Кутузовском проспекте — в этом историческом районе. Возможно, отсюда его привычка ценить все достижения культуры — запечатлённые в каменных или деревянных постройках, в словесных и музыкальных произведениях и т. д.

Однако ещё раньше, в детские годы, маленький Александр зачитывался классикой, отдыхая на пеньке во время долгого пути домой по лесной дороге из школы, которая находилась в другом селе. Он мечтал, что когда-нибудь, став взрослым, будет писать стихи.

Существует семейное предание о том, что юнец Стариков в грозную пору Великой Отечественной войны приписал себе лишний год, чтобы устроиться на завод с 14 лет и тем самым помогать фронту. Он заслуженно гордился рабочей карточкой труженика тыла.

Неслучайно А. И. Стариков создал целую галерею земляков-нижегородцев: фотопортреты бородатых мужчин с обветренными лицами и натруженными руками; среди фотографий одна — самого Александра в юности, вместе с отцом. А. И. Стариков подружился с одной воинской частью — с ветеранами-фронтовиками, ежегодно с ними встречался в День Победы и, конечно, фотографировал и фотографировал их. Александр Ильич жил в Первомайском районе столицы, на 5-й Парковой улице, и подарил коллекцию фотографий фронтовиков ближайшему техникуму, с которым установились дружеские связи и где устраивались его фотовыставки разной тематики. Журнал «Гром-4» в 2005 г. опубликовал интервью «Это страшное слово "война"» о жизни и творчестве А. И. Старикова.

А. И. Стариков был страстным библиофилом, целенаправленно собирал книги Есенина и Пушкина и литературу о них, задумывался о создании строго выверенного и организованного по всем библиотечным правилам каталога домашней библиотеки. По большей части книги были с тёплыми дарственными надписями авторов, поэтому Александр Ильич ценил их как уникальные коллекционные экземпляры и даже вывесил шутливую надпись в фольклорном стиле: «Не шарь по полкам жадным взглядом — / Тут не даются книги на дом». Однако он любил, когда его гости брали с полки какую-нибудь книгу и тут же принимались за чтение. Получив серьёзное заболевание сердца, Александр Ильич не оставил мысли о каталогизации своей книжной коллекции и для этой благородной цели пригласил сначала знакомого филолога, а потом специалиста из районного Совета ветеранов.

В последние годы А. И. Стариков заботился о том, чтобы на его стезю фотохудожника встали новые мастера. Он курировал молодых фотографов, давал им ценные советы и даже дарил собственных любимцев — фотоаппараты. Фотоплёнку он ставил выше цифровой печати, к которой серьёзно так и не приобщился, хотя у него появились «цифровая мыльница» и флешка. Зато он лелеял меч-

ту — на гонорар приобрести ноутбук и сканер, чтобы отсканировать все фотографии, сделанные им за всю жизнь. Личную библиотеку и подлинники-негативы фотоколлекции (особенно главные её разделы — есенинские) он стремился передать какому-либо музейному собранию, вёл переговоры со многими музеями и остановился на родном г. Чкаловске. По дороге туда 4 ноября 2011 г. суждено было прерваться земному пути А. И. Старикова — неутомимого путешественника, но его дорогой образ пребудет в наших сердцах, как его фотохудожнические творения сохранятся в библиотечных и музейных собраниях.

И. И. Балясова, Е. А. Самоделова

ПАМЯТИ В. В. УСТИМЕНКО

Не стало Василия Васильевича Устименко... Доброго, умного, отзывчивого и преданного есенинскому делу человека. Последние годы он боролся со своей болезнью, но строил большие планы на будущее. Постоянный участник Международных есенинских конференций, в последние годы он занимался подготовкой материалов к Есенинской энциклопедии. Он был патриотом своего родного города и края и работал над темой «Ростовские страницы жизни и творчества С. А. Есенина». Писал статьи о Н. О. Грацианской, разыскал её редкие фотографии и редкие материалы о ней. Всей душой Василий Васильевич болел за дело своей жизни. Теперь дело, которому служил этот учёный, друг Есенинской группы ИМЛИ РАН и Государственного музея-заповедника С. А. Есенина, будет продолжать его верный друг Наталья Михайловна Устименко.

Было нестерпимо трудно пережить утрату, трудно найти слова, трудно писать. Получились скупые короткие факты биографии этого большого человека, которого мы будем всегда помнить.

Василий Васильевич Устименко родился 13.01.1939 г. в г. Ейске Краснодарского края в семье военнослужащего.

После окончания службы в рядах Вооружённых сил поступил на историко-филологический факультет Ростовского государственного университета (ныне Южный федеральный университет) по специальности филолог, преподаватель русского языка и литературы, который окончил в 1967 г. В следующем году по-

ступил в аспирантуру. С 1972 г. начал преподавательскую деятельность на кафедре отечественной литературы XX века. В 1986 г. защитил кандидатскую диссертацию в МГПИ имени В. И. Ленина (г. Москва) по теме: «Проблема творческого метода поэзии С. А. Есенина 1910–1918 гг.». В 1994 г. был избран на должность доцента кафедры родного университета. Вёл курсы лекций «История русской литературы первой половины XX века», «История русской литературы середины и конца XX века», «Литература и философия XX века», спецкурсы «Серебряный век русской поэзии», «Есенин и русская культура». В 2000–2001 уч. году читал лекции о жизни и творчестве С. А. Есенина в Институте переводчиков Университета Земли Саар (г. Саарбрюккен, ФРГ).

До конца своих дней В. В. Устименко вёл научно-исследовательскую работу по тематике научных исследований кафедры и изучению творчества С. А. Есенина. Регулярно публиковал учебно-методические работы и научно-исследовательские статьи в профильных изданиях о творчестве С. А. Есенина, М. А. Шолохова, А. И. Солженицына. До последних дней работал над монографией «С. Есенин. Восток — Запад — Россия».

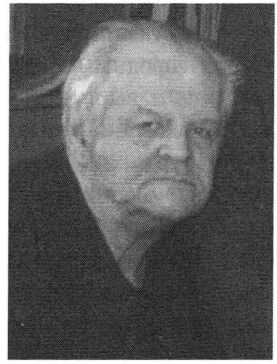
В. В. Устименко на протяжении всех лет преподавательской деятельности в университете руководил есенинской группой в г. Ростове-на-Дону, имеет много учеников и последователей.

Член Российского философского общества АН (г. Москва).

Член Международного есенинского общества «Радуница».

Скончался 20 февраля 2013 г.

Есенинская группа ИМЛИ РАН



ПРОЩАЛЬНОЕ СЛОВО О ВЛАДИМИРЕ ИВАНОВИЧЕ НИКОЛАЕВЕ

13 января 2013 г. в страну, «где тишь и благодать» и где ждёт его и встреча с Есениным, ушёл из жизни Владимир Иванович Николаев, изначальный и активный член Международного есенинского общества «Радуница», по профессии инженер, по призванию настоящий гуманитарий, страстный театрал, библиофил, коллекционер, музейщик, исследователь, писатель, северский наш друг.

Он стал создателем единственного в Сибири общественного музея Сергея Есенина, истоком которого явилась личная уникальная коллекция – ЕСЕНИНИАНА, или, как он сам её называл, ЕСЕНИАНА, в составе которой имеются оригинальные экспонаты – гербарии растений из мест, связанных с именем Есенина, а также его поэтических собратьев – Н. Клюева, С. Клычкова, А. Ганина. Кроме того, в ней есть уголок, посвящённый другу и учителю Есенина, томскому узнику Н. Клюеву. В ряду более чем 20 есенинских музеев и музейных собраний томская есениана занимает достойное место. Долгое время существовавшая как частный передвижной музей, который был хорошо известен в Томске, Северске и других местах Томской области, есенинская коллекция В. И. Николаева в 1995 г. обрела официальный статус, постоянное место и хорошо организованную и оборудованную на средства родного завода Николаева – Северского химкомбината – экспозицию в Северской центральной городской библиотеке. Здесь проводятся есенинские, а теперь и другие литературные мероприятия, в том числе школьные есенинские конференции, на одной из ко-

торых посчастливилось побывать и испытать отрадные чувства членам «Радуницы» из Москвы и Мурманска.

В. И. Николаев был постоянным и активным участником всех 16 Есенинских чтений, организованных обществом «Радуница» в разных городах страны, и до недавнего времени — Международных научных есенинских конференций, проводимых ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, Рязанским государственным университетом им. С. А. Есенина, Государственным музеем-заповедником С. А. Есенина в селе Константинове и Международным есенинским обществом «Радуница». Его очные и заочные доклады и выступления опубликованы в трудах конференций. Поиски материалов о Есенине, его окружении, о родных и близких в Российском государственном архиве Дальнего Востока, который в своё время находился в Томске, через личные контакты по «таявшим следам Есенина», в том числе с жившей в далёком Ташкенте дочерью поэта Татьяной Сергеевной Есениной, нашли результативное воплощение как в «народном», так и в научном есениноведении — в многочисленных публикациях в томских журналах и газетах, в журнале «Современное есениноведение», а также в фундаментальном издании «Летопись жизни и творчества С. А. Есенина». В. И. Николаев проявил себя и как талантливый литератор-мемуарист. Его книга «Вы помните, Вы всё, конечно, помните...», написанная с большой любовью к его собственному окружению и очень талантливо, встала в достойный ряд есенинской библиографии, в том числе в летопись общества «Радуница».

В своей семье, у общественности и официальных лиц Северска В. И. Николаев находил поддержку, в том числе материальную, и понимание. Все дальние поездки по есенинским делам Николаева, иногда в сопровождении супруги Людмилы Герасимовны, предпринимались на личные средства. Дочери Елена и Татьяна, внук Владимир никогда не отказывались быть курьерами при доставке посылок с книгами и журналами для музея, которые да настоящего времени приобретаются в основном также на личные средства. В то же время отрадно отметить, что мемуары Николаева изданы при финансовой поддержке города.

Заслуги В. И. Николаева в есениноведении отмечены почётными грамотами Международного есенинского общества «Радуница» в связи с его 20-летием и Администрации Рязанской области в связи со 115-ой годовщиной со дня рождения Есенина, приветственными письмами и подарками есенинской группы ИМЛИ и музея-заповедника Есенина. Но оценить их невозможно, он оставил о себе вечную память.

Владимир Иванович Николаев был общительным, дружелюбным, умным, интеллигентным и в высшей степени бескорыстным человеком. Он был прекрасным фотографом, его разнообразные разновременные снимки хранятся у многих людей. С ним дружили все. Его помнят и всегда будут помнить в Константинове, Спас-Клепиках, Московском государственном музее Есенина, Вязьме, Орле, Вытегре, где его хорошо знали, хотя побывать там удалось лишь по-

сланцам Северска и музеев Есенина и В. М. Шукшина, и во всех других есенинских музеях.

С печально памятного октября 1993 г. Владимир Иванович стал моим личным другом и единомышленником, мы вместе ездили в Константиново, Вязьму, в Москве ходили в театры с классическим репертуаром, бывали у Александры Леонидовны Спировой, посещали московскую есенинскую библиотеку, Ваганьковское кладбище. Мне посчастливилось побывать в Северске... Время и жизненные обстоятельства разводят постепенно старое поколение «Радуницы». Но я и В. Е. Кузнецова до последних дней оставались постоянными корреспондентами Северского музея, лично В. И. Николаева. Каждый праздник, включая дни рождения, мы обязательно перезванивались. Мой последний звонок в Северск был за несколько дней до его неожиданной для меня кончины. Его обрадованный и достаточно бодрый ответ по телефону внушал надежду, что наши контакты не прервутся... Они сохранятся через Северский Есенинский музей, Веру Солоненко, которая стала и, очень надеюсь, останется надолго его преемницей, через его книгу, воспоминания о нём обязательно в день рождения и в день памяти нашего общего любимого Сергея Есенина. По-прежнему в Северск по почте или с оказией будут идти посылки с новой достойной литературой о Есенине.

Н. М. Солобай

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акимова Анна Сергеевна – старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, кандидат филологических наук (г. Москва)

Алексеева Лариса Константиновна – заведующая сектором изобразительных фондов Государственного литературного музея, кандидат исторических наук (г. Москва)

Астахова Елена Николаевна – есениноведед, музейный работник, директор Государственного музея-заповедника С. А. Есенина (2006–2010 гг.) (с. Кузьминское)

Воронова Ольга Ефимовна – руководитель Научно-методического центра по изучению и пропаганде наследия С. А. Есенина Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина, член Союза писателей России, доктор филологических наук, профессор (г. Рязань)

Голубева Людмила Георгиевна – старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, кандидат филологических наук (г. Москва)

Доманский Валерий Анатольевич – профессор кафедры бизнес-технологий Института бизнес-коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна, член Союза российских писателей, доктор педагогических наук (г. Санкт-Петербург)

Евдокимова Валерия Юрьевна – старший научный сотрудник Государственного музея-заповедника С. А. Есенина, аспирант Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН (Константиново)

Ерёменко Наталья Алексеевна – ассистент кафедры русского языка национального исследовательского ядерного университета МИФИ (Московский инженерно-физический институт), аспирант Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН (г. Москва)

Зинин Сергей Иванович – кандидат филологических наук, член Международного есенинского общества «Радуница» (г. Ташкент, Узбекистан; г. Егорьевск Московской обл.)

Исаханлы Исахан Абдулла оглы – кандидат педагогических наук, Университет Хазар (г. Баку, Азербайджан)

Казарова Нина Акоповна – профессор Южного федерального университета, доктор исторических наук (г. Ростов-на-Дону)

Кирьянова Татьяна Юрьевна – старший научный сотрудник Государственного музея-заповедника С. А. Есенина (с. Константиново)

Койнова Елена Григорьевна – доцент кафедры русского языка и литературы Тольяттинского государственного университета (г. Тольятти)

Леонтьев Ярослав Викторович – доцент факультета государственного управления Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор исторических наук (г. Москва)

Машенкова Ирина Олеговна – научный сотрудник Литературно-художественного музея Сергея Денисова (г. Тамбов)

Михайлов Камен – старший научный сотрудник Института литературы Болгарской академии наук, доктор наук (г. София, Болгария)

Михаленко Наталья Владимировна – старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, кандидат филологических наук (г. Москва)

Никё Мишель – профессор университета Кана – Нижней Нормандии (г. Канн, Франция)

Николаев Дмитрий Дмитриевич – старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, доктор филологических наук (г. Москва)

Никольский Александр Александрович – профессор кафедры русского языка и методики его преподавания Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина, кандидат филологических наук (г. Рязань)

Ничипоров Илья Борисович – доцент филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор филологических наук (г. Москва)

Пяткин Сергей Николаевич – заместитель директора Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского по научной работе, доктор филологических наук, профессор (г. Арзамас)

Роговер Ефим Соломонович – профессор Института иностранных языков, доктор педагогических наук (г. Санкт-Петербург)

Рублёв Дмитрий Иванович – доцент Московского государственного университета природообустройства, доцент Академии государственной противопожарной службы МЧС России, кандидат исторических наук (г. Москва)

Савченко Татьяна Константиновна – заведующая кафедрой литературы Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина, доктор филологических наук, профессор (г. Москва)

Самоделова Елена Александровна – старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, доктор филологических наук (г. Москва)

Середа Владимир Петрович – главный хранитель Литературно-художественного музея Сергея Денисова, историк, краевед (г. Тамбов)

Серёгина Светлана Андреевна – старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, кандидат филологических наук (г. Москва)

Скороходов Максим Владимирович – старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, учёный секретарь Есенинской группы, кандидат филологических наук (г. Москва)

Солнцева Наталья Михайловна – профессор филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор филологических наук (г. Москва)

Солобай Нина Максимовна – научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН (г. Москва)

Соловьёва Мария Александровна – аспирант Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН (г. Москва)

Субботин Сергей Иванович – ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, кандидат филологических наук (г. Москва)

Сухов Валерий Алексеевич – доцент кафедры литературы и методики её преподавания Пензенского государственного университета, кандидат филологических наук, член Союза писателей России (г. Пенза)

Титова Вера Семёновна – старший научный сотрудник научно-фондового отдела Государственного музея-заповедника С. А. Есенина (с. Константиново)

Титова Ульяна Анатольевна – учёный секретарь Государственного музея-заповедника С. А. Есенина (с. Константиново), аспирант Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН (г. Москва)

Шипулина Галина Ивановна – доцент Бакинского славянского университета, кандидат филологических наук (г. Баку, Азербайджан)

Шубникова-Гусева Наталья Игоревна – главный научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, руководитель Есенинской группы, доктор филологических наук

Юдушкина Олеся Васильевна – научный сотрудник лаборатории литературы Института художественного образования Российской академии образования, кандидат филологических наук

ЕСЕНИНСКИЕ СБОРНИКИ: 1994–2012

Серия «Новое о Есенине»

1) О, Русь, взмахни крылами: Есенин. сб.: Новое о Есенине. Вып. I. М.: Наследие, 1994. 267, [2] с.;

2) Есенин академический: Актуальные проблемы науч. издания: Есенин. сб.: [Новое о Есенине]. Вып. II. М.: Наследие, 1995. 283, [2] с.;

3) Столетие Сергея Есенина: Междунар. симп. Новое о Есенине: Есенин. сб. Вып. III. М.: Наследие, 1997. 524, [2] с.;

4) Издания Есенина и о Есенине: Итоги, открытия, перспективы: Междунар. науч. конф., посвящ. 102-й годовщине со дня рождения поэта, 1–2 окт. 1997 г. Есенин. сб.: Новое о Есенине. Вып. IV. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2001. 307, [2] с.

5) Пушкин и Есенин: Междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина и 104-летию со дня рождения С. А. Есенина, 27–29 марта 1999 г. Есенин. сб. Новое о Есенине. Вып. V. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2001. 232 с.

* * *

6) Новое о Есенине. Исследования, открытия, находки: Ст. и мат-лы науч. конф., посвящ. 106-летию со дня рождения С. А. Есенина, 2 окт. 2001 г. Рязань; Константиново: [С.А.Феоктистов], 2002. 292 с.;

7) Сергей Есенин и русская школа: Кн. мат-лов Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 107-летию со дня рождения С. А. Есенина, 1–5 окт. 2002 г. Рязань: Пресса, 2003. (Светлой памяти Ю. Л. Прокушева). 480 с.;

8) Есенин и поэзия России XX–XXI веков: Традиции и новаторство: Мат-лы Междунар. науч. конф. М.; Рязань; Константиново: [РГПУ], 2004. 304 с.;

9) Наследие Есенина и русская национальная идея: Современный взгляд: Мат-лы Междунар. науч. конф. М.; Рязань; Константиново: [РГПУ], 2005. 571 с.;

10) Есенин на рубеже эпох: Итоги и перспективы: Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения С. А. Есенина. М.; Константиново; Рязань: Пресса. 2006. 496 с.;

11) Есенинская энциклопедия: Концепция. Проблемы. Перспективы: Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 111-летию со дня рождения С. А. Есенина. М.; Константиново; Рязань: Пресса, 2007. 496 с.;

12) Есенин и мировая культура: Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 112-летию со дня рождения С. А. Есенина. М.; Константиново; Рязань: Пресса, 2008. 488 с.

13) Поэтика и проблематика творчества С. А. Есенина в контексте Есенинской энциклопедии: Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 113-летию со дня рождения С. А. Есенина. М.; Константиново; Рязань: Лазурь. 2009. 496 с.;

14) Проблемы научной биографии С. А. Есенина: Сб. трудов по мат-лам Междунар. науч. конф., посвящ. 114-летию со дня рождения С. А. Есенина. М.; Константиново; Рязань: Пресса, 2010. 546 с.;

15) Сергей Есенин: Диалог с XXI веком: Сб. науч. трудов по мат-лам Междунар. науч. симп., посвящ. 115-й годовщине со дня рождения С. А. Есенина. М.; Константиново; Рязань: [б. и.], 2011. 536 с.;

16) Биография и творчество Сергея Есенина в энциклопедическом формате: Сб. науч. трудов по мат-лам Междунар. науч. конф., посвящ. 116-летию со дня рождения С. А. Есенина. М.; Рязань; Константиново: [б. и.], 2012. 502 с.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН

А. Л. *см.* Ланэ А. Р.

Абаза В. 120

Аванесов В. А. 183

Аввакум Петрович 35

Авербах Л. Л. 208, 210

Авраамий, инок 38

Авраменко И. К. 382

Агамалыоглу С. 408

Агарков Г. А. 482

Адонц Г. Г. 29

Адрианов В. П. 245

Азадовский К. М. 398, 400, 401, 403, 405, 406

Айзенштадт Д. С. 16

Айхенвальд Ю. И. 11, 134, 139

Акашев К. В. 167

Акимова А. С. 5, 382–387, 490

Аксаков К. С. 40, 52

Аладышкин И. В. 175

Алекперов В. Ю. 97

Александр (Милеант), еп. 273, 279

Александр I 11, 134, 138

Александр II 134

Александр III 132

Александр Невский 119, 246

Александров В. П. 464

Александров Д. 121

Александров Е. 144

Алексеев Г. В. 70, 74, 78, 79

Алексеев Н. Н. 193

Алексеева Л. К. 193

Алексеева-Месхиева В. В. или Н. В. 242

Алексей Михайлович, рус. царь 103

Алексий, митрополит 128

Алексий II, Святейший Патриарх 470

Аллин (Блюм) А. 223

Алымов С. Я. 70, 78

Амасийский Ф. 121

Аменицкий, врач 156

Амфитеатров А. В. 216, 217, 221

Ананьев М. 391

Ангарский (Клёстов) Н. С. 199

Андреев А., автор записи в альбом И. В. Репина 428

Андреев А. Н. 171, 172, 178

Андреев Л. Н. 388

Андреева И. (Бабёнышева И. П.) 381

Андреева М. Ф. 211, 220

Андрей Всеволодович, рус. князь 101

Андрияшев А. Ф. 121

Андроников И. Л. 66

Анибал Б. см. Масаинов Б. А.

Аникина О. Л. 11, 27, 46, 98, 110, 112

Анисов Л. М. 307

Анна Ивановна (Иоанновна), рос. императрица 137

Анненская А. Н. 121
Антокольский П. Г. 14, 367–368
Антоний Печерский, св. 247
Антонов А. С. 23, 172
Антоновский В. Б. 482
Анцыферов С. И. 141
Апушкин Я. В. 73, 79
Аракчеев А. А. 134
Арамова Л. Г. 462, 463
Арацкий И. С. 456
Арди Ю. (Мацеевский Ю. К.) 171, 178
Арефьев Н. И. 456
Арещенков С. А. 455
Арещенкова (Горбунова) П. М. 456
Арсеньев А. В. 121
Арсеньева Е. А. 58
Артизов А. Н. 236
Арустамова А. А. 397, 398, 405
Архангельская А. В. 121
Архаров И. И. 456
Архипов Г. М. 453
Архипова Л. А. 98, 279, 320, 331
Асеев М. В. 390
Асеев Н. Н. 24, 75, 79, 225
Асейкина М. 456
Аскольд, киевский князь 128
Аскоченский В. И. 52
Астахов М. Д. 454
Астахов Н. М. 454
Астахова Е. Н. 5, 452–459, 490
Афанасий Великий, св. 275–277, 306, 309
Афанасьев А. Н. 260, 294
Афанасьев Э. Л. 259
Афинский П. И. 130
Афонин Е. А. 428
Ахматова (Горенко) А. А. 374, 424, 470
Ахундов Р. 408
Ашукин Н. С. 156

Б., автор газ. «Советская степь» (Кызыл-Орда) 237
Б. К. *см.* Кисин Б. М.
Бабель И. Э. 150
Бабицына Н. Н. 47
Багиров М. Д. 92
Багрицкий (Дзюбин) Э. Г. 383
Баженов Н. А. 120
Бажов П. П. 337, 338
Базанов В. В. 155, 162
Базанов В. Г. 248, 260, 406
Баланский, физик, знакомый А. Л. Чижевского и А. С. Есенина-Вольпина 392, 393
Балканцев В. 227, 228
Бальзамова М. П.14, 326
Бальмонт К. Д. 75, 197, 244, 372
Балясова И. И. 5, 476–484
Баранов В. И. 211, 220
Баранов В. С. 460, 464
Барановская В. В. 193
Баранцева Н. Я. 455
Барбье О. 352
Баринов М. В. 93
Басс А. Я. 463
Батый 11, 129–131, 383
Бахметева А. Н. 121

Бахрах А. В. 29, 69, 77
Бахтин М. М. 48, 56
Баян Пламень, псевд. 164
Бебутов В. М. 14
Бевзюк В. М. 456, 457
Бевзюк С. И. 456, 457
Бедный Д. (Придворов Е. А.) 223, 422
Белицкий Г. 237
Беллярминов И. И. 120
Белокриницкий, лейтенант 454
Белоус В. Г. 175, 178
Белоусов В. Г. 147, 160–162
Белоусов И. А. 346–348, 352, 428
Белый А. (Бугаев Б. Н.) 13, 23, 34, 39, 127, 164, 214, 247, 262, 267, 294, 295, 299, 300, 308, 311, 373, 374, 380, 403
Беляев А. 391
Беляева (Савченко) Т. см. Савченко Т. К.
Бем А. Л. 224
Бениславская Г. А. 147–149, 151, 273
Бенкендорф А. Х. 29
Беранже П.-Ж. 352
Берггольц О. Ф. 382, 383, 387
Бердяев Н. А. 32, 38, 40, 44, 47, 311–315, 318, 319
Берелович А. 236
Берзинь А. А. 148, 155, 160, 162
Берия Л. П. 395
Беркман А. 166, 170
Берков А. Е. 468
Бессалько П. К. 198, 404, 406
Бессонов П. А. 244, 259
Бестужев-Рюмин К. Н. 121
Бетховен Л. ван 193
Бильбасов В. А. 137
Благой Д. Д. 15, 389, 460
Бласко Ибаньес В. 213
Блейхман И. С. 167, 182
Блинова Е. М. 342
Блок А. А. 23, 29, 35, 39, 197, 204, 209, 215, 217, 218, 221, 223, 267, 271, 272, 295, 308, 311, 358, 367, 371–373, 401, 403, 406, 422
Блюмкин Я. Г. (Я. С.-Г.) 190–192
Бобрин М. 428
Бобров С. П. 389
Богачёв Я. Т. 193
Богданов Я. М. 457
Богомильский Д. К. 147, 148, 150, 161
Бодлер Ш. 214
Болдовкин В. И. 410, 411, 413, 414
Болесцис Н. см. Дзевановский Н. В.
Болотников И. И. 101
Большаков Л. Н. 26
Большакова Н. М. 342
Бонч-Бруевич В. Д. 196
Борецкая М. (Марфа Посадница) 12, 48–53, 55, 129, 131
Борецкие, бояре 131
Борецкий И. А. 12
Борецкий М. 52
Борис, рус. князь, св. 246
Борис Годунов 101
Борисов Д. А. 178
Боровой А. А. 164, 171
Бороздин В. 193
Боэси Ла Э. де 49

Браун Я. В. (Броун И. В.) 71, 78
Брей А. 225
Бродский И. А. 474
Бродский Н. Л. 22
Брокгауз Ф. А. 101, 111, 337
Броневский В. 70
Брусков-Степанов С. С. 428
Брушвит А. М. 182, 183
Брюсов В. Я. 14, 164, 222, 244, 367, 373, 388, 422
Брянчанинов Н. В. 74, 77
Бубнов К. Г. 456
Бугаев Н. В. 300
Букшпан Я. М. 44, 47
Буланый, певец 185
Булгаков М. А. 220, 424
Булгаков С. Н. 311, 314, 318, 319
Бунин И. А. 216, 219, 221, 222, 244, 388
Бурлев И. И. 456
Бурлева В. В. 456
Бурлюк Д. Д. 388, 389
Бурмистров (Бурмистров-Поволжский) И. П. 428, 440, 441
Буслаев Ф. И. 245, 246, 254, 259, 260, 294, 310, 318
Бухарин Н. И. 219, 235
Бухов А. С. 201

В. А., автор журн. «Воля России» (Прага) 230
Вавилов В. В. 453
Вавилов С. И. 388
Вагнер Г. К. 111
Вадим Храбрый 48, 49, 55
Вайнберг И. И. 213, 220
Валентинов Н. (Вольский Н. В.) 175
Валуев П. А. 349
Валукин В. Д. 456, 457
Вандалковская М. Г. 143
Ванин А. А. 98
Вардин И. (Мгеладзе И. В.) 156
Варенцов В. Г. 244
Варламов А. В. 391
Варлыгин Д. П. 428, 440, 441
Варнава (Беляев), еп. 380, 381
Василий Шуйский 101
Васильев А. 106
Васильев П. Н. 219, 221
Васильева Г. 482
Васнецов В. М. 250, 251, 294, 310, 318
Васютинский А. М. 136
Вацуро В. Э. 378, 381
Вдовин В. А. 54, 56, 161, 220, 359
Веев Б. *см.* Глубоковский Б. А.
Вейл И. 71, 78
Венгерова З. А. 294
Веневитинов Д. В. 50
Вересаев (Смидович) В. В. 347, 380
Верещагин В. А. 121
Вержбицкий Н. К. 169
Верхарн Э. 402
Верхоустинский Б. А. 167–169, 176
Вершинин Л. С. 193
Веселовский А. Н. 245, 246, 340, 343
Веселовский Б. Б. 141
Ветлугин А. (Рындзюн В. И.) 69, 75, 76, 78–80

Ветров А. 456
Виллиам Г. Я. 428, 448
Вильгельм II 184, 191, 192, 442
Винников В. 235, 237
Владимир, внук В. И. Николаева 488
Владимир, митрополит Ташкентский и Среднеазиатский 470
Владимир, рус. князь, св. 119, 128
Владимир Андреевич (Храбрый), вел. князь 104
Владимир Иосифович, племянник Б. Донского 194
Владимирова А. К. 122
Владислав, польский королевич 102
Власова Л. 453
Водовозов В. И. 121
Водовозова Е. Н. 121
Вознесенский А. 260
Вознесенский А. А. 397
Волгин В. П. 136
Волин (Эйхенбаум) В. М. 166
Волков А. А. 78
Волков А. Н. 472
Волков А. П. 456, 457
Волков В. П. 456, 457
Волков Н. И. 428, 444, 445
Волкогонова О. Д. 175
Волконский Г. К. 102
Володарский В. (Гольдштейн М. М.) 184
Волошин (Кириенко-Волошин) М. А. 67, 244
Волынский М. В. 105, 107
Вольпин В. И. 16, 18, 20, 29
Вольпин Н. Д. 481
Вольский (Гройним) А. П. 72, 76, 78, 80
Воровский В. В. 200
Воронков В. В. 455
Воронова О. Е. 2, 3, 12, 28, 30–47, 57, 66, 250, 251, 260, 272, 290, 292, 307, 309, 330, 332, 490
Воронский А. К. 12, 19, 28, 29, 155, 212, 215, 216, 219, 221, 402, 406, 407, 410, 412, 414
Воронцов К. П. 2, 29, 79
Воронцова Г. Н. 27
Воротынский И. М. 102
Ворошилов К. Е. 422
Воскобойников Н. И. 96
Воскресенский В. Е. 347
Врангель П. Н. 172, 222
Врубель М. А. 310
Всеволод Юрьевич (Тарусский), рус. князь 101
Вульф Ю. В. 388
Вышеславцев Б. П. 11, 135
Вяткин В. Л. 472

Гавренев И. 100
Гавренев И. И. 100
Гаврилин Н. А. 456–457
Галаган Г. Я. 323, 331
Галушкин А. Ю. 359
Ганин А. А. 171, 356, 487
Гарнин В. П. 405
Гаршин В. П. 214
Гатцук А. А. 122
Гачев Г. Д. 83, 84
Гачева А. Г. 47, 318, 319

Гегель Г.-В.-Ф. 51
Гейне Г. 352
Гейрот А. Ф. 122
Генис В. Л. 176
Георгий Всеволодович, вел. князь 383
Герасимов Е. 106
Герасимов М. П. 14
Герасимова И. Ф. 47
Гербстман И. И. 239
Герман Э. Я. (псевд. Эмиль Кроткий) 74, 79
Гермоген, патриарх 128, 227
Герцен А. И. 44, 52, 53, 56
Гёте И.-В. 364
Гиляровский В. А. 152
Гитович А. И. 382
Гладков Ф. В. 219
Глазков Н. И. 390
Глеб, рус. князь, св. 246
Гликман Г. Д. 423
Глинка М. И. 30
Глубоковский Б. А. 4, 354–359
Гнедич Н. И. 27
Говорушкин В. С. 456, 457
Гоголь Н. В. 86, 87, 90, 126
Голик А. М. 464
Голицын А. М. 99–101, 103–110
Голицын В. В. 101, 102
Голованов В. Я. 178
Голованова Т. П. 57, 66
Головашин А. 388
Голосов А. И. 457
Голубева Л. Г. 4, 354–359, 490
Голубков С. А. 466
Гольдсмит М. И. 170
Гольцшмидт В. Р. 169
Гончаренко В. Г. 353
Гончаров И. А. 52
Гончарова Н. Н. 480
Гор Г. С. 382
Горбов Н. М. 33, 120
Горбовский Г. Я. 474
Горбунов В. Н. 453
Горбунов В. С. 453
Горбунов И. Н. 453
Горбунов Н. В.453
Горбунов С. В. 453
Горбунова М. 453
Горланов Г. Е. 66
Городецкий С. М. 72, 78, 164, 167, 176
Городской Я. З. 237
Горохов П. Г. 428, 443
Горшков В. В. 428, 449
Горький М. (Пешков А. М.) 69, 140, 196, 198, 211–221, 223, 368, 388, 422, 444, 451
Готье Ю. В. 137, 138
Гранат А. Н. 101, 110
Гранат И. Н. 101, 110
Грановский Т. Н. 40
Грацианская (Гербстман, Александрова) Н. О. 238–240, 242, 243, 485
Греков А. Д. 472
Гресь М. 186
Григорий Неокесарийский 274–276, 280
Гридюшко С. 181

Гришаев И. И. 455
Громов А. В. 464
Груздев И. А. 211, 212, 220
Грузинов И. В. 12–14, 28, 150, 152, 153, 204, 209, 278, 280, 355
Гуль Р. Б. 72, 78
Гумилёв Н. С. 215, 224, 244, 311, 424
Гурвич И. 56
Гуревич А. Я. 47
Гусев Ф. 260
Гусев-Оренбургский С. И. 170, 428, 439
Гучков А. И. 181
Гюго В. 352

Давыдов Н. В. 133, 143
Даль В. И. 18, 292, 337, 342, 352
Дальский (Неелов) М. В. 196
Данилевский Н. Я. 32, 40, 41, 43
Данилов В. П. 236
Дашкова Е. Р. 52
Де Лука И. 70
Девятайкин О. П. 455
Дега Э. 388
Дедов М. 122
Деев-Хомяковский Г. Д. 13, 28, 169, 428
Демосфен 197
Деникин А. И. 24, 173
Дербенёв Л. П. 475
Державин Г. Р. 344
Джан, автор газ. «Амурская правда» (Благовещенск) 237
Джахангиров Д. 96
Дзевановский Н. В. 224
Дзержинский Ф. Э. 233, 237
Дивуар Ф. 76
Димитрий, царевич 14
Дир, киевский князь 128
Дмитрий Донской, рус. князь, св. 104, 246
Дмитрий Солунский 249
Доброхотов А. 430
Добряков А. 120
Довбор-Мусницкий И. Р. 181
Долгов К. М. 318
Дольников, поэт-студиец (Ростов-на-Дону) 242
Доманский В. А. 4, 344–353, 398, 401, 406, 490
Донская А. П. 179
Донской А. Ф. 179
Донской Б. М. 3, 179–194
Донской М. Т. 179
Донской Ф. М. 179, 194
Дорогобужинов В. 122
Доронин И. И. 198
Достоевский Ф. М. 41, 44, 247, 314, 316, 319, 364
Дрожжин С. Д. 347, 349, 428, 440, 446
Дроздков В. А. 135, 144, 176
Друзин В. П. 382, 385, 387
Дубнов А. Ю. 47
Дубровин Н. Ф. 17, 18, 29
Дунаев М. М. 272
Дункан А. 59, 79, 204, 205, 208, 229, 361
Дынник-Соколова (Дынник) В. А. 212
Дядичев В. Н. 177

Е. А. Л. 258, 259, 261
Евгения Тимофеевна, крестьянка 179
Евдокимов И. В. 14
Евдокимова В. Ю. 4, 320–332, 490
Евпатий Коловрат16, 129, 130, 143
Евсиков Е. А. 454
Евтушенко Е. А. 479
Егоров Г., свящ. 280
Егоров Д. Н. 11, 135
Екатерина I 104
Екатерина II 49, 55, 61, 101, 129, 132, 137
Елагин А. 106
Елизавета Петровна, рос. императрица 103, 137
Елфимов Ф. 106
Емельянов И. 107
Емельянов-Коханский (Емельянов) А. Н. 222
Ерб Е. 70
Ерёменко Н. А. 5, 397–406, 490
Ерошин И. Е. 428
Есенин А. Н. 108, 277
Есенин И. И. 155
Есенин К. С. 154, 162
Есенина А. А. 149, 273, 292, 308, 351, 353, 433, 452, 459, 480
Есенина Е. А. 146, 147, 149–152, 155, 160
Есенина Н. В. 14, 160, 277, 280, 478
Есенина С. П. 29
Есенина Т. С. 472, 488
Есенина Т. Ф. 109, 151, 278
Есенин-Вольпин А. С. 391–393, 395, 396, 481
Есенины, род 108
Ефимов В. В. 209, 210
Ефрем Сирин 306
Ефрон И. А. 101, 111, 337

Жаворонков А. З. 56
Жак В. К. 243
Жандр Н. П. 52
Жбанкова Т. С. 419
Жданов А. А. 422
Желябужский Е. Д. 122
Житкова Л. Н. 451
Жуков Н. К. 428
Жуковский В. А. 34, 49
Журов П. А. 404

Забавин П. А. 455
Заврашин С. 428, 441, 442
Замотин И. И. 56
Замятин Е. И. 215, 220, 221
Занковская Л. В. 289, 292
Зарин А. Е. 167
Засулич В. И. 190
Захаров А. Н. 480
Звягинцева В. К. 4, 367–372
Згарицкий С. 160
Зданевич К. М. 423
Зеленин Д. К. 342
Зелинский К. Л. 292
Зембницкая З. В. 428
Земсков В. Ф. 460
Земцовский И. И. 260
Зенкевич М. А. 244, 368
Зенгбуш А., фон 120

Зеньковский С. А. 36, 46
Зименков А. П. 2
Зимина М. М. 453, 454
Зинин И. С. 469
Зинин С. И. 3, 5, 196–210, 467–473, 490
Зиновьев Г. Е. (Радомысльский О.-Г. А.) 182
Зиновьев М. 104
Золотова М. 454, 455
Зоров А. 237
Зосима, св. 50

И. Э. см. Эренбург И. Г.
Ибрагимова С. ханум 411
Иван III 11, 35, 48–53, 55, 119, 131
Иван IV (Грозный) 12–14, 49, 51, 129, 134, 136, 168
Иваницкий П. И. 164
Иванов, дьяк 102
Иванов В. В. 147, 150, 160, 211, 220
Иванов Вяч. И. 40, 244, 403
Иванов Г. В. 196, 204
Иванов Ф. Ф. 51
Иванов-Разумник (Иванов Р. В.) 23, 39, 127, 184, 191, 196, 197, 295
Ивашкевич Я. 74, 75, 79
Ивин-Кассиров И. С. 428
Ивнев Р. (Ковалёв М. А.) 73, 78, 79, 166, 176, 196–200, 203, 209, 244, 355, 447
Игонин Т. Я. 455
Иероним Стридонский 274, 276, 280
Иловайский Д. И. 120
Ильенко И. 111
Ильин В. Н. 27
Ильин Д. Г. 117
Ильин И. А. 27, 29
Инбер В. М. 14
Иоанн, отец *см.* Смирнов И. Я.
Иоанн Добронравов, священник 126, 128
Иоанн III *см.* Иван III
Иоанн Златоуст 308
Иоанн Кронштадтский 331
Иоанн (Кочуров), священник 179
Иов, патриарх 128
Иона, митрополит 128
Ионов (Бернштейн) И. И. 147
Ионова Е. Е. 463
Ионовы, семья 463
Иосиф Волоцкий, св. 247
Исаковский М. В. 218, 219
Исаханлы И. 5, 407–414, 490
Ишимова А. О. (И.) 122

К. Н. 122
Кавелин К. 51
Каверин В. А. 214
Кадлубовский А. П. 245
Казаков М. Ф. 103, 104
Казарнова Н. А. 4, 238–243, 490
Казимир, литовский князь 51
Казимир, польский король 102
Казин В. В. 147, 219, 242
Казнина О. А. 47, 221
Калинин М. И. 196
Калинкин Н. Н. 453
Калинина Н. А. 160
Каляев И. П. 190

Каменев М. 322, 331
Каменский В. В. 198, 225
Камков Б. Д. 182, 184, 186
Камский М. (Долганов М. В.) 93, 97
Канев С. Н. 177
Каннегисеры, семья 244
Каплун Б. Я. 92, 97
Каптерев П. Ф. 141
Караев А. 92, 408, 409, 413
Карамзин Н. М. 10–12, 34, 48–53, 56, 122
Каратыгин П. А. 427
Карелин В. А. 193
Карпов А. С. 272
Карягды-Кюрчайлы У. 413
Карягды-Кюрчайлы Ш. 411, 413, 414
Карягдыоглу Д. 5, 407–414
Касаткин И. М. 158, 212
Катаев В. П. 397
Каховская И. К. 179–181, 183–187, 189, 191, 192, 194
Каховский П. Г. 192
Кац Г. М. 243
Качалкина А. 454
Качуевская Н. А. 482
Качалов (Шверубович) В. И. 149
Кверденева Н. Е. 109
Кверденевы (Кверденовы, Каверденовы), род 104, 106, 108, 109
Кверденов (Кверденев) Н.
Керженцев (Лебедев) П. М. 211
Кизеветтер А. А. 11, 41, 132–136, 138, 139, 143, 144
Кикабидзе В. К. 474
Кинякин К. К. 455
Киреевский И. В. 10, 27, 40
Киреевский П. В. 342
Кирилл, св. 127, 132
Кириллов В. Т. 29
Киров (Костриков) С. М. 91, 92, 95, 196, 408
Кирпичников А. И. 90, 245
Кирсанов (Кортчик) С. И. 14
Кирьянова Т. Ю. 4, 273–280, 491
Киселёва Л. А. (Кисельова Л. О.) 48, 53, 55, 345, 352, 298
Кисин Б. М. 237
Клейнборт Л. М. (Н.) 328, 332, 429
Клешнин А. 109
Клешнин И. 109
Клибанов А. И. 46
Клубень С. (Евгенов С. В.) 176
Клычков С. А. 167, 200, 219, 259, 398, 399, 402, 404, 406, 487
Клюев Н. А. 39, 68, 71, 77, 196, 198, 199, 203, 219, 224, 294, 311, 344–346, 352, 358, 375, 380, 398, 399–406, 429, 487
Ключарёв В. П. 147
Ключарянц Д. А. 111
Ключевский В. О. 44, 134, 137
Книпович Е. Ф. 209
Княжнин Я. Б. 49, 53, 56
Князев В. В. 223
Кобзон И. Д. 474
Ковалевский М. М. 40
Коган П. С. 74, 79, 235, 237
Кожевникова Е. О. 463
Кожемякин В. И. 464

Кожинов В. В. 30, 45–47
Козлов В. П. 150, 152, 153
Козловский А. А. 28, 78, 79, 161, 279, 332, 450
Козьма Индикоплов 13, 461
Койнова Е. Г. 5, 460–473, 491
Кокухин Н. 292
Колесень, поэт-студиец (Ростов-на-Дону) 243
Колесников Л. 382
Колобов Г. Р. 18, 19, 239, 241
Колобушкин П. Н. 182
Коломийцев Д. А. 428
Колумб Х. 85
Кольцов А. В. 344–346, 380, 436
Комарович В. Л. 47
Кондаков Н. П. 310, 317, 318
Кондрашова М. С. 343
Кононов А. 337
Консе (Концевич) А. 164
Константин Великий, император, св. 127
Константинов А. 3, 81, 84–86, 88, 89
Корде Ш. 52
Корнев И. М. 428
Корниенко Н. В. 27
Корнилов Б. П. 5, 382–383, 385–387
Коробов И. К. 428, 445
Коростылёв В. В. 27
Корш Ф. А. 354
Корш Ф. Е. 348
Костёлова М. П. 471, 472
Костомаров Н. И. 52, 335, 342
Кострюков А. А. 454
Кофанов П. Е. 243
Кочеткова К. П. 48, 55
Кошелев В. А. 56
Кошечкин С. П. 29, 221, 413, 414, 462, 466, 480
Кошкаров-Заревой С. Н. 428, 440
Кравченко Т. А. 352
Красильников В. А. 24, 415
Краснощёков (Краснощёк) А. М. 22
Кривенький В. В. 175
Кривин П. 428
Кропоткин П. А. 170
Кротков С. 122
Крупская Н. К. 201, 209
Крути И. 237
Крылов И. А. 56, 479
Ксенофонтов И. К. 199
Кубанёв Н. А. 397, 405
Кубанин М. 236
Кубка Ф. 70, 78
Кузменко С. Е. 463
Кузмин М. А. 244
Кузнецов, куйбышевский поэт 463
Кузнецов А. А. 29
Кузнецов Н. А. 428
Кузнецова В. Е. 482, 489
Кузьминская Т. А. 161
Кузьмищева Н. М. 28, 29
Кукалев И. Ф. 457
Куприн А. И. 257, 388
Куприянов С. Г. 117
Кусиков А. Б. 73, 176
Кусиковы, бр. 199

Кускова Е. Д. 229
Кухарчук, неуст. лицо 188
Кушнер А. С. 474
Кушнер И. Н. 143
Кюрчайлы А. 411

Лавров А. В. 308
Лазаревский Б. А. 345, 352
Лазари де Н. К. 428
Лазовский И. И. 456
Лакеев С. И. 455
Ланэ А. Р. 74, 79
Лапин В. И. 123
Ласковая Ф. Г. 214
Лебедев В. М. 224
Лебедев Н. К. 73, 79
Левидов М. (Левит М. Ю.) 237
Левин В. М. 190, 360, 362, 363
Левин И. М. 4, 190, 194, 360–366
Левин Л. С. 197
Левина И. В. 360
Левины, бр. 363
Левицкий С. А. 319
Левоневский Д. А. 382
Лежнев А. (Горелик А. З.) 76, 79, 80
Лейбниц Г.-В. 300
Лейдерман Н. Л. 272
Ленин (Ульянов) В. И. 196, 201, 217
Леонтьев В. Я. 474
Леонтьев К. Н. 40, 41, 43
Леонтьев Я. В. 3, 170, 171, 177, 179–195, 491
Лепахин В. В. 292
Лермонтов М. Ю. 3, 49, 57–66, 215, 228, 325, 345, 346, 439–440, 442, 451
Летнев В. А. 74, 79
Либен П. Ф. 120
Ливен Е. 75, 76, 79, 80
Лившиц Е. И. 172
Липкин В. С. 156, 204
Лихарев Б. М. 382
Лихачёв Д. С. 303, 304, 309, 359
Лобода, поэт-студиец (Ростов-на-Дону) 242
Л-ов Т. 237
Локтева В. 456
Ломоносов М. В. 11, 48, 55
Лондон Д. 90, 212
Лопухин А. П. 274, 275, 277, 279, 309
Лордкипанидзе К. А. 148
Лордкипидзе, неустановленное лицо 147, 148, 160
Лосский Н. О. 316, 319
Лотман Ю. М. 22
Луговской В. А. 368
Лука, св. (в миру Войно-Ясенецкий В. Ф.) 472
Лукьянов М. 237
Луначарская-Розенель Н. А. 205, 210
Луначарский А. В. 3, 68, 77, 196–210, 22, 239
Лундберг Е. Г. 189, 191
Лурье В. И. 71, 78
Лутохин Д. А. 211
Львов-Рогачевский В. Л. 12, 28, 68, 77, 302, 309, 445, 451, 460

Людвиг, знакомый А. Л. Чижевского и А. С. Вольпина-Есенина 392, 393
Ляндау К. Ю. 244
Ляцкий Е. А. 244

Маари Г. 368, 372
Мазепа И. С. 9
Майков А. Н. 123
Макарий Великий 307
Максимов А. И. 455
Максимова Н. Г. 455
Малатеста Э. 183
Малашкин Н. Д. 120
Малевич О. М. 230
Малицкий Н. Г. 472
Малмстад Дж. 308
Мандельштам О. Э. 164, 424
Мани-Лейб (Брагинский М.-Л.) 90, 362
Мануйлов В. А. 12, 150, 161
Манфред А. З. 237
Мареш Э. 226
Мариенгоф А. Б. 68, 71, 73, 74, 77–79, 176, 192, 197–203, 209, 239–241, 355, 388, 389
Маркин П. 428
Марков А. В. 245
Маркова Е. И. 398
Маркон Е. И. 166
Маркс К. 174, 207, 404
Марфа Посадница см. Борецкая М.
Марченко (Муравьёва) А. М. 28
Масаинов Б. А. 73, 79
Матов Р. Ф. 109
Матрёна Ивановна, квартирная хозяйка Есенина 140, 145
Махно (Михненко) Н. И. 14, 164, 166, 172–175
Машенкова И. О. 4, 360–366, 491
Маяковский В. В. 10, 222–225, 267, 340, 345, 389, 390, 421, 422, 434, 449
Медведев О. В. 454
Медведева Р. К. 319
Мезецкие, род 101, 102
Мезецкий Б. И. 101
Мезецкий Д. И. 100–102
Мезецкий Н. М. 100, 102
Мезецкий Р. М. 100
Мей Л. А. 52, 347, 349
Мейерхольд В. Э. 14, 28, 75, 367, 372
Мекш Э. Б. 48, 55, 56, 334
Мельников-Печерский П. см. Печерский А.
Мельникова-Папоушкова Н. Ф. 70, 73, 78, 223
Менделевич Р. А. 444
Мень А., протоиерей 305, 309
Мережковский Д. С. 34, 35, 38, 164, 217, 244, 300, 322, 331
Мерилиз А. 134
Меркушкин И. Е. 455
Метерлинк М. 76
Мефодий. св. 127, 132
Мехлис Л. З. 219
Мешков Н. М. 428
Мигуля В. Г. 475
Миклашевская А. Л. 482

Микола см. Николай, архиеп. Мирликийский
Милеант, еп. см. Александр (Милеант), еп.
Миллер Д. 121
Милюков П. Н. 143, 349, 350
Миляев В. Е. 428, 429, 432, 440, 441, 444–446
Минералов Ю. И. 281, 291
Минский (Виленкин) Н. М. 164, 244
Мирбах В. фон 190
Мирный, куйбышевский поэт 463
Миролюбов В. С. 345
Миронов В. С. 456
Миронова М. М. 456
Миропольский С. И. 141
Митрофанова-Есенина С. П. *см.* Есенина С. П.
Митяев, инженер 456
Михаил (Романов), рус. царь 101, 102
Михайлов А. И. 352, 405
Михайлов К. 3, 81–90, 491
Михайловский В. 123
Михайловский Е. 111
Михалёва А. М. 456
Михаленко Н. В. 4, 310–319, 332, 491
Мишон А. М. 96
Мовлева Н. С. 292
Могилевский А. 193
Моисеев Г. В. 455
Молодихова А. А. 143
Молотобоец, автор газ. «Красный Дон» (Ростов-на-Дону) 243
Молотов (Скрябин) В. М. 193, 237, 422
Молчанов В. С. 423
Монтень М.-Э. де 49
Монтескьё Ш. 51
Монькин С. А. 457
Моравский Е. З. 170
Мордовцев Д. Л. 52
Морковин В. В. 224
Морозов А. С. 474
Морозов В. П. 102
Морозов И. И. 428, 430–432, 444
Морозова Ф. П. 38
Морохов Ф. А. 209, 210
Москвич (псевд.) 70, 74, 78, 79
Моткова А. И. 463
Мочульский В. Н. 245, 328, 332
Мстиславский (Масловский) С. Д. 186
Мунт (Валуева-Мунт) А. П. 121
Муравьёв М. П. 49
Мурашёв М. П. 13, 28
Мусатов В. В. 29, 272
Мустафина Е. А. 397, 405
Мышецкая А. К. 102
Мышецкая Н. Я. 101
Мышецкие, князья 100
Мышецкий Д. Е. 101–103
Мышецкий И. Д. 100–102
Мышецкий Я. Е. 100
Мюр Э. 134
Мюссе А. де 334, 341

Навои А. 471
Навроцкий А. А. 52
Надеждин В. Н. 455
Надсон С. Я. 374

Наполеон I Бонапарт 52, 138
Нарышкин К. А. 100, 101
Нарышкин С. К. 100, 101, 103
Нарышкины, князья 100
Наседкин В. Ф. 135, 144, 146–153, 155, 160–162, 410, 414
Наумов Е. И. 53, 56
Наумов О. В. 236
Нащокин П. В. 482
Недзельский Е. Л. 223, 224
Некрасов В. П. 397
Некрасов Н. А. 344, 352
Некрасова Е. А. 416, 418, 419
Немирович-Данченко Вас. И. 122
Наседкина Н. *см.* Есенина Н. В.
Натансон М. А. 182
Нестеров М. В. 310
Неусыпов Ф. М. 169
Нечаев Е. Е. 428, 445
Никандров Н. Н. 428, 432
Никё М. 3, 28, 46, 48–56, 164, 165, 172, 175, 176, 178, 398, 406, 491
Никитин И. С. 344, 436
Никитина Е. Ф. 372
Никифоров Н. А. 365, 395
Никифорова Т. Г. 146, 149, 157, 160
Никишин А. А. 93, 96
Николаев В. И. 5, 487–489
Николаев Д. Д. 4, 222–230, 491
Николаев О. Р. 46
Николаева Е. В. 332
Николаева Л. Г. 488
Николаева Т. В. 488
Николай I 192
Николай II 11, 132, 138, 140, 145
Николай, архиеп. Мирликийский, св. 128, 248, 256, 257, 265, 311, 324, 333
Никольский А. А. 5, 415–419, 491
Никон, патриарх 53, 128
Никульшин И. Е. 464
Нил Сорский, св. 247
Нина Петровна, знакомая А. Л. Чижевского и А. С. Вольпина-Есенина 393
Ничипоров И. Б. 4, 259, 262–272, 491
Ницше Ф. 32, 44, 83
Нобель, бр. 96
Новаковский В. И. 121, 123
Новиков А. 428
Новиков И. А. 428
Новиков-Прибой А. С. 428, 447, 448
Новомирский (Кирилловский) Я. И. 164, 171
Нордье Г. 388
Нури Аллахъяр ибн Мухаммед 96

Оболенский В. В. 72, 78
Ованесян Р. К. 370
Овчинников, певец 185
Овчинников Р. В. 26
Огарёв Н. П. 52
Одоевский А. И. 50
Ожегов М. И. 428
Ожегов С. И. 419
Озеров (Гольдберг) Л. А. 372
Оксёнов И. А. 386, 387
Олесницкий А. А. 276, 280

Олипий (Алимпий, Алипий), рус. иконописец 13
Ольга, рус. княгиня, св. 119, 128
Ольховый Б. С. 402
Орешин П. В. 67, 71, 186, 198, 199, 267, 355, 399, 404, 406, 429
Орлицкий Ю. Б. 284, 292
Орлов М.А. 342
Орлов П. А. 56
Орлов-Чесменский А. Г. 132
Орский С. Д. 241
Осадчий О. М. 464
Осинский Н. *см.* Оболенский В. В.
Осокин В. Т. 457
Осоргин (Ильин) М. А. 170, 177
Острогорский М. Я. 123
Остроумов Н. П. 472
Оська, садовник 106
Отрепьев Г. Б. 14

Павел I 137
Павлов И. 327, 328
Павлов Н. М. 121
Павлович Н. А. 72, 78
Павлович Б. А. 123
Павлюк А. М. 457
Панфилов А. Д. 98, 110, 142, 453, 459
Панфилов Г. А. 32, 259, 293, 315, 316, 321, 324, 326, 327, 452
Паперная Э. С. 391
Паркаев Ю. А. 5, 427, 474–475
Паркаева В. И. 475
Пастернак Б. Л. 201, 224, 368, 372, 388, 389
Перевезенцева, певица 357
Перегудов И. 237
Перов В. Г. 480
Перлатов Г. Н. 391
Перов Р. А. 480
Петина Л. И. 432, 451
Петлюра С. В. 172
Пётр I 11, 13–16, 24–26, 37, 53, 129, 131, 132, 137, 174, 247
Пётр II 144
Пётр III 42, 61, 63, 64, 271, 363
Пётр, митрополит 128
Пётр (Полянский), митрополит Крутицкий 226
Петров А. 430, 435
Петров В. Н. 455
Петров И. И. 123
Петров П. В. 457
Петров (Бич-Булат) А. А. 428, 430, 435, 438, 439, 448, 449
Петровский Ф. А. 149
Печерский А. (Мельников П. И.) 383, 387
Пешехонов А. В. 229
Пиевская И. М. 303, 309
Пильняк (Вогау) Б. А. 147, 148, 160, 220, 428, 432, 433
Пиримов К. (Г. Б. оглы) 409, 411
Питяков Н. М. 123
Плавильщиков П. А. 49
Планк М. 388
Платонов С. Ф. 137
Плещеев А. Н. 347, 349
Плохов-Ордынский П. Л. 428
Поберёзкина П. Е. 352

Повицкий Л. И. (О.) 171
Погодин М. П. 52
Подвысоцкий А. О. (И.) 338
Подгорный И. Д.457
Подъячев С. П. 428
Пожлаков С. И. 475
Поздняев К. И. 386, 387
Покровский Н. В. 310, 318
Полевой (Кампов) Б. Н. 397
Полевой П. Н. 123, 130, 143
Полежаев А. И.. 352
Поликанин А. Т. 194
Полонский Л. А. 407, 408, 410–414
Полярный О. (Дворяшин В. И.) 171, 178
Пономарёва Т. А. 399, 405
Попов А. 181, 194
Попов-Завражный Г. П. 428
Португальская Л. А. 460, 463
Поселянин Е. (Погожев Е. Н.) 121
Посошков И. Т. 139
Потебня А. А. 294
Потемкин-Таврический Г. А. 132
Потто В. А. 121
Правдухин В. П. 74, 79
Праскунин М. В. 428, 443
Преображенский Г. Н. 120
Приблудный И. (Овчаренко Я. П.) 148, 150, 482
Примочкина Н. Н. 221
Присекин А. 243
Пришвин М. М. 35
Прокудин-Горский С. М. 452
Прокушев Ю. Л. 161, 259, 308, 332, 406, 478, 480, 493
Протопопов В. С. 136
Проханов И. С. 245, 260
Проценко П. Г. 381
Пругавин А. С. 114, 141, 142
Пугачёв Е. И. 14, 17–19, 23, 24, 29, 42, 43, 55, 57, 59–66, 68, 70, 71, 110, 129, 132, 335, 336, 357, 363
Пуришкевич В. М. 349
Путята Б. Н. 193
Пуцыкович Ф. Ф. 123
Пушкарёв Н. Л. 349, 350–352
Пушкин А. С. 9–11, 13, 16–19, 22, 26–29, 32, 34, 49, 51, 52, 75, 90, 126, 140, 145, 166, 214, 215, 229, 325, 344, 346, 367, 368, 371, 436, 440, 441, 449, 470, 474, 476, 480, 482, 483
Пушкин Г. Г. 480
Пьеха Э. С. 474
Пясецкий И. 120
Пяткин С. Н. 5, 48, 55, 57, 66, 373–381, 491

Радимов П. А. 157, 219
Радищев А. Н. 49, 367
Раевский В. Ф. 49
Ражба С. Н. (псевд. С. Радугин) 74, 79
Разгуляев А. И. 277
Разин С. Т. 12, 36, 67, 96, 335, 336, 357, 461, 462
Расин Ж.-Б. 352
Раскольников Ф. 56
Раскольников (Ильин) Ф. Ф. 181–183, 194

Распутин Г. Е. 445
Рафальский С. М. 224
Рахманов Л. Н. 382
Редин В. 109
Редин В. В. 109
Редин И. 105, 108
Редин К. 108
Редин П. 109
Редин Т. 109
Редина А. 109
Редина Ф. Н. 108
Редины, род 108
Ремезов И. С. 123
Ремизов А. М. 255, 257, 259, 333
Ренэ Санс *см.* Шумлевич К. Я.
Репин И. В. 5, 170, 427–429, 431, 433, 435, 439–441, 445, 447, 450, 451
Репин И. Е. 461, 463, 465
Рерих Н. К. 310
Реттер, знакомый А. Л. Чижевского и А. С. Вольпина-Есенина 395
Рефало А. 175
Риббентроп И. фон 193
Ривкин Г. С. 183
Риттер К. 32
Ришпен Ж. 448
Робеспьер М. 49, 52
Рогов П. И. 123, 124
Роговер Е. С. 4, 367–372, 491
Родзянко М. В. 350
Родин А. Ф. 455
Родина Р. А. 455
Родченко А. М. 166
Рождественский В. А. 295, 308
Рождественский С. Е. 33, 120, 124, 129, 143
Рождественский Т. С. 244
Рождествин А. С. 322, 331
Розанов В. В. 40
Розанов И. Н. 13, 26, 28, 35
Розенблюм Е. А. 424
Ройзман М. Д. 16, 29, 203, 210
Роллан Р. 211, 218
Романов В. П.455
Романов И. И. 455
Романов И. Н. 101
Романов М. 124
Романов Н. М., вел. князь 471
Романов П. И. 455
Романов П. С. 219
Романовы, династия 119, 144
Романовский М. 237
Рошаль С. Г. 182, 183
Рубец-Мосальский Василий, рус. князь 101
Рубинштейн Т. 162
Рублёв А. 461
Рублёв Д. И. 3, 164–178, 491
Рубцов Н. М. 474
Руднев А. И. 454–455
Руднев В. А. 454
Руднев В. В. 454
Руднев С. А. 454
Руднева Н. А. 455
Рукавичникова И. И. 56
Рукавишников И. С. 197

Румянцев-Задунайский П. А. 132
Русский Г. 358
Руссо Ж.-Ж. 400
Рыбинцев Г. И. 226
Рылеев К. Ф. 49
Рюрик, рус. князь 48, 49
Рюриковичи 101
Рябов О. А. 5, 474–475

С. В., автор газ. «Рассвет» (Чикаго) 177
С. К., автор газ. «Степная правда» (Семипалатинск) 237
Савенко А. И. 350
Савенко Ф. Г. 124
Савин М. К. 428, 438, 439
Савицкий И. В. 472
Савицкий П. Н. 302
Савич О. Г. 72, 76, 78, 79
Савушкин А. И. 455
Савченко Т. К. 2, 4, 211–221, 460, 491
Садовской (Садовский) Б. А. 5, 373–381
Сазонов А. С. 117
Сакулин П. Н. 132, 139, 202
Сальников А. 124
Самарцев Г. М. 155
Самарянов В. А. 121
Самоделова Е. А. 4, 5, 15, 17, 27, 29, 333–343, 476–484, 491
Сапов В. В. 318
Сапожкова Н. С. 463
Сарбей В. Г. 352
Сардановская А. А. 326
Сардановский Н. А. 139, 140, 145, 325, 332, 452, 459
Сафронов А. В. 329, 330, 332
Сахаров А. М. 150–154
Саянов (Махнин) В. М. 382, 383
С-в *см.* Соловьёв Б. И.
Светлов (Шейнкман) М. А. 14
Свинухова Н. 453
Свирская (Гришевич) М. Л. 36, 46
Святогор А. (Агиенко А. Ф.) 164, 166, 176
Северянин И. (Лотарёв И. В.) 10, 27, 388
Седов С. А. 144
Селезнёв И. И. 456
Селезнёва М. 453
Селиванов Н. А. 482
Селиванов Ф. М. 249, 254, 259–261, 272
Сельвинский И. Л. 368
Семёнов С. Т. 428, 439
Семёнов Ю. И. 46, 47
Семёнова С. Г. 28, 39, 47, 248, 260, 272, 318, 319
Семёновский Д. Н. 134, 135, 144
Серафимович (Попов) А. С. 422
Сергий Радонежский, преп. 227, 316
Сергий (Рыбаков), протоиерей 113, 140
Серёгина С. А. 4, 142, 231–237, 272, 308, 492
Середа В. П. 5, 360, 365, 388–396, 491
Серков А. И. 170, 171
Сибинович М. 70
Сивачёв М. Г. 428
Сиверс А. А. 380
Сивяков В. Г. 464, 465

Сидоров А. А. 319
Сидоров В. И. 164
Синявский А. Д. 183
Синявский Д. Е. 183
Сиповский В. Д. 124, 143
Сиротин Б. З. 464
Скворцов В. М. 331
Скоропадский П. П. 187
Скороходов М. В. 2, 3, 12, 27, 28, 46–48, 55, 77, 113–145, 177, 292, 297, 305, 308, 309, 492
Славейков П. 82, 83, 90
Славинский Ю. М. 201
Слоним М. Л. 222, 223, 225
Смирнов В. А. 428
Смирнов И. Я. 117, 141, 244, 336
Смирнов К. А. 454
Смолянский Г. Б. 183–185
Соболев Ис. 76, 80
Созонов Е. С. 190
Соколов А. Т. 17
Соколов Б. С. 464, 465
Соколов С. Н. 453, 459
Сокольников М. П. 237
Солженицын А. И. 486
Солнцева Н. М. 4, 244–261, 398, 406, 492
Солобай Н. М. 3, 5, 98–112, 161, 487–489, 492
Соловьёв Б. И. 237
Соловьёв В. С. 32, 40, 294, 302, 311
Соловьёв С. М. 40, 44, 101, 102, 110, 111
Соловьёва М. А. 4, 293–309, 492
Сологуб Ф. (Тетерников Ф. К.) 201, 244
Солоненко В. Г. 489
Солоницын А. А. 464
Сорокин Б. А. 59, 66
Сорокин В. М. 124
Соснора В. А. 474
Софья, царевна 137
Сошенко И. М. 344
Сперанский М. М. 134, 138
Сперанский М. Н. 244
Сперанский Н. В. 135
Спиридонова М. А. 182–186, 190, 191
Спирова А. Л. 482
Срезневский И. И. 337
Сталин (Джугашвили) И. В. 208, 395, 422
Сталь Ж. (А.-Л.-Ж.) де 52
Стариков А. И. 5, 476–484
Старов И. Е. 103
Старцев И. И. 29
Стеллецкий Д. С. 53
Степанков И. И. 453
Степанов А. 106
Стефан (Яворский С. И.), митрополит 139
Степун (Степпун) Ф. А. 44, 47
Столбецова (Серова) З. Н. 456, 457
Столыпин Д. 58
Страхов Н. Н. 40
Струве А. Ф. 166
Стуканов А. В. 455
Стуканова А. 453
Ступишин Р. Д. 52
Субботин Н. И. 47

Субботин С. И. 2, 3, 28, 29, 146–163, 295, 320, 321, 327, 328, 331, 398, 406, 410, 473, 492
Суворов А. В. 132
Сумароков А. П. 51
Сумский В. В. 120
Суриков И. З. 344, 346, 347
Суров И. П. 456
Сурова А. 454
Сурова К. А. 456, 457
Суханов А. Ф. 457
Сухов В. А. 3, 57–66, 492
Сухотина-Толстая С. А. *см.* Толстая-Есенина С. А.
Сучков С. В. 177
Сысоева Е. А. 121
Сытин И. Д. 92, 347
Сычёв Н. А. 457

Таврул, татарский богатырь 130
Таиров (Корнблит) А. Я. 354
Талызин М. (Суганов М. А.) 44, 47
Тальян Ш. Н. 204
Тамарин Н. (Датешидзе Н. Ф.) 428
Тарасов Б. Н. 406
Тартаковский П. И. 469
Татищев В. Н. 101, 110, 111
Татищев Ю. В. 101, 103, 111
Телешов Н. Д. 429, 450
Терентьева Н. А. 191
Терёхина В. Н. 27
Терский П. 428
Тиме Е. И. 193
Тимофеев Б. А. 428, 444, 446, 447
Титов А. А. 108
Титов А. Ф. 151–153
Титов М. 109
Титов Н. И. 126, 142
Титов Т. 109
Титов Ф. 109
Титов Ф. А. 109, 250, 285
Титов Ф. И., протоиерей 131, 132, 143
Титов Х. 109
Титов Я. 109
Титова В. С. 5, 427–451, 492
Титова К. Д. 343
Титова У. А. 3, 67–80, 492
Титовы, род 98, 100, 108, 109
Тихомиров Б. Н. 46
Тихомиров Е. А. 124
Тихон, патриарх (в миру Беллавин В. А.) 226
Тихонов Н. С. 214, 219, 387
Тихонов П. 107
Тихонов (Серебров) А. Н. 211, 212, 214, 215, 218
Толстая-Есенина (Толстая) С. А. 3, 12, 28, 146–160, 162, 213, 242, 420
Толстой А. Н. 15, 76, 80, 388
Толстой Л. Н. 144, 164, 170, 171, 180, 247, 315, 316, 319–332, 364, 439, 451
Толычева Т. 124
Топорков А. К. 355
Топорков А. Л. 333
Топоров В. Н. 48
Торганов И. Е. 454
Травин П. А. (Дед-Травоед) 428, 448

Трифонов Н. А. 209, 210
Троцкий (Бронштейн) Л. Д. 14, 68, 77, 196, 209, 217, 219
Трубецкой Н. С. 216, 221
Трубецкой Е. Н. 310, 318
Трубецкой Ю. (Нольден-Меньшиков Ю. П.) 203
Трубилова Е. М. 2
Туманный Д. (Панов Н. Н.) 197
Тургенев И. С. 325
Туринцев А. А. 224
Тухачевский М. Н. 23
Тыркова-Вильямс А. В. 216
Тэйер Д.-Г. 121
Тютчев Ф. И. 41, 44
Тюханов А. Н. 170, 171, 177

Уитмен У. 365
Ус В. Р. 12, 35, 36, 336
Усачёв Ю. 428
Успенский Б. А. 37, 41, 47
Успенский М. И. 244
Устименко В. В. 5, 482, 485–486
Устименко Н. М. 485
Устинов Г. Ф. 71, 78, 171, 428, 444
Устинов И. Г. 428
Устинова Е. А. 346, 352
Ушаков А. И. 457
Ушаков В. А. 457
Ушаков Н. Н. 188, 194
Уэллс Г. 216, 217, 221

Фабрикова-Орская М. А. 241
Фадеев А. А. 422
Файнштейн Л. Ф. 169
Фармаковский В. И. 120
Фёдоров Н. Ф. 311, 313, 316, 318, 319
Федосеева Т. В. 48, 55
Федотов Г. П. 245, 247, 248, 251, 255, 259, 260
Федотов Д. 106, 107
Феодор Алексеевич, рус. царь 137
Феодосий Печерский, св. 247
Феоктистов Н. 194
Феофил, архиеп. Новгородский 131
Феррари Е. К. (Голубовская О. Ф.) 214
Фидлер Ф. Ф. 35
Филарет, митрополит 101
Филарет, патриарх 128
Филипп Хлипкий, автор газ. «Советская правда» (Челябинск) 237
Филипп (Колычев), митрополит 12–14, 128
Филоненко А. С. 259
Филофей, старец 39
Флешин С. И. 170
Флоренский П. А. 310, 318
Флоровский А. В. 134
Фокин П. Е. 160
Фомин С. Д. 460, 466
Фортунатов С. Ф. 11, 135, 136
Фотинский А. В. 224
Франк С. Л. 44, 47
Фридман Л. Б. 428, 433, 434, 449
Фрунзе М. В. 91, 409, 410
Фурманов Д. А. 422

Хабарова О. Б. 48, 55
Хаджийский И. 83
Харитонов А. 475
Харчевников В. И. 248, 260
Хвостов В. М. 11, 43, 47, 135
Хельквист Г. А. 96
Херасков М. М. 49
Хиль Э. А. 474
Хитров Е. М. 325
Хлебников В. В. 67, 77, 354
Хлысталов Э. А. 209, 210
Ходасевич В. М. 211
Ходасевич В. Ф. 373
Холопов С. А. 454
Хомич И. 237
Хомчук Н. И. 460
Хомяков А. С. 41, 49, 124
Хохряков П. 181
Христофорова (Христофорова-Садомова) Н. Ф. 352
Хрущов И. П. 124

Цандер Ф. А. 388
Цветаева М. И. 15, 92, 224, 247, 372, 424
Цепков А. И. 110
Цетлин М. О. 80
Цинговатов А. Я. 212
Циолковский К. Э. 388, 396
Цюрупа А. Д. 196

Чагин П. И. 91, 92, 95, 97, 410, 433
Чайковский П. И. 193
Чанцев А. В. 176
Чапаев В. И. 59
Чапыгин А. П. 211–213
Чепурнов Н. И. 29
Чепурных Е. П. 464
Червонкин И. Ф. 455
Черепанов Д. А. 186
Чёрный С. (Гликберг А. М.) 224
Чернышёв А. М. 428
Чернявский В. С. 38, 273, 279, 293, 295, 307, 308
Черняев Г. Л. 325
Чижевская Н. В. 390, 392, 395
Чижевский А. Л. 5, 388–396
Чирков, работник гидроузла 453
Чичерин Б. Н. 51
Чока, автор газ. «Звезда» (Екатеринослав) 237
Чубинский Е. А. 342
Чувилина М. 456
Чугунов С. В. 111
Чуковская Е. Ц. 221
Чуковский К. И. (Корнейчуков Н. В.) 214–217, 221, 372
Чурилин Т. В. 164

Шабаев С. И. 463
Шабунин А. В. 450
Шалфеев И. И. 124
Шамов П. 242
Шамурин Е. И. 71, 73, 78, 79
Шведова Н. Ю. 419
Швейцер В. З. (псевд. Пессимист) 92, 97
Шевелкин И. В. 124

Шевченко Т. Г. 4, 344–353
Шекспир У. 75, 76, 364
Шелли П.-Б. 214
Шемякин В. 121
Шенгели Г. А. 71, 78
Шенталинский В. А. 175
Шереметев С. Д. 380
Шереметева О. Г. 374, 380
Шершеневич В. Г. 71, 73, 78, 79, 164, 165, 176, 190, 193, 195, 197–202, 209, 222, 355, 388, 389
Шестакович А. 428
Шёстрём В. 154
Шетракова С. Н. 480
Шилейко В. К. 244
Шиллер Ф. 334, 341–342, 403
Шипулина Г. И. 3, 91–97, 409, 412, 414, 492
Ширяев Б. Н. 356, 358, 359
Ширяевец (Абрамов) А. В. 18, 67, 167, 398–400, 402–404, 429, 460–464, 466, 467, 470–473
Шкапская М. М. 147, 148, 160
Шкулёв Ф. С. 428, 430–432, 435, 441, 442, 445
Шлейман П. 237
Шмелёв И. А. 225
Шмеман А. 309
Шмерельсон Г. Б. 293
Шнейдер И. И. 208, 210
Шолохов М. А. 486
Шопенгауэр А. 83
Шпаковская М. А. 143
Шпенглер О. 32, 43–45, 47
Шпет Г. Г. 202
Штейнберг И. З. 186
Штейнер Р. 294, 295–298, 300, 302, 308
Шубин А. В. 178
Шубникова-Гусева Н. И. 2, 3, 9–29, 47, 57, 65–67, 77–80, 161, 162, 209, 230, 300, 308, 332, 334, 335, 343, 346, 352, 406, 417, 419, 480, 492
Шуйская А. 120
Шумихин С. В. 373, 374, 378–381
Шумлевич К. Я. 73, 79
Шуф А. К. 120
Шуфутинский М. З. 475
Шухов В. Г. 96
Шушинский Ф. 408–410, 412, 414

Щапов А. П. 36, 38, 47, 336, 338, 342
Щуренков В. А. 428, 440, 441, 445

Эгон Иванович, знакомый А. Л. Чижевского и А. С. Есенина-Вольпина 393
Эйгес Е. Р. 16, 29
Эйхгорн Г. фон 186, 187, 189–191, 193
Элленс Ф. (Эрменгем Ф. ван) 70, 72, 76, 78, 80, 214
Эльцбахер П. 175
Эрберг (Сюннерберг) К. А. 164
Эрдман Н. Р. 149, 176
Эрдман Р. (Моравский Е. З.) 177
Эренбург И. Г. 20, 29, 71, 72, 78
Эрлих В. И. 339
Эрьзя (Нефедов С. Т.) 403
Эфрон А. С. 92, 97

Юзовский Ю. (И. И.) 237
Юкало А. П. 342
Юдушкина О. В. 4, 281–292, 492
Юлиан Отступник (Флавий Клавдий Юлиан) 127
Юнгер В. А. 376
Юон К. Ф. 314, 319
Юрцев И. М. 428, 445
Юсиф кызы З. 409–412, 414
Юсов Н. Г. 172, 178, 480
Ютанов В. П. 428, 439
Юшин П. Ф. 53, 56
Юшкин Ю. Б. 358, 352
Юшков П. 100, 101

Якубов М. А. 93
Якулов Г. Б. 205, 355
Якушкин П. И. 336, 340, 342
Янина Петровна, знакомая А. Л. Чижевского и А. С. Есенина-Вольпина 392
Яранцев В. Н. 299, 308
Яр-Кравченко А. Н. 422
Ярмолинский А. (А. С.) 72
Ярослав, вел. князь 50, 119
Ярославский А. Б. 164, 166
Ярчук Е. З. 181–183
Ясинский И. И. 167
Яхонтов А. Н. 124
Ященко В. Г. 178

Brian Chaninov N. *см.* Брянчанинов Н. В.
Gail Lenhoff 55
Hellens Franz *см.* Элленс Ф.
Janet Martin 55
Kubka F. *см.* Кубка Ф.
Weil J. *см.* Вейл И.

Научное издание

Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН И РУССКАЯ ИСТОРИЯ
СБОРНИК ТРУДОВ

Компьютерная верстка *А. З. Бернштейн*

Подписано в печать 10.09.2013 г.

Формат 60×90/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Petersburg. Печать офсетная.
Печ. л. 32,5. Тираж 300 экз.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук
121069, Москва, ул. Поварская, дом 25-а.
тел.: (495) 690-05-61

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6
Заказ № 3893

ISBN 978-5-9208-0434-1

350=00